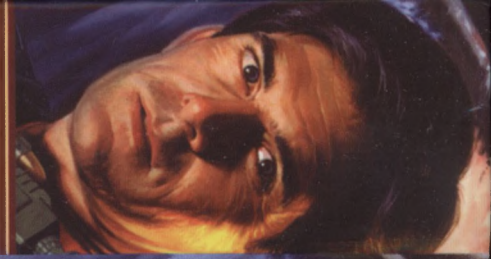
ТЕНЕВАЯ ЛИНИЯ
ЛОВЦЫ ЗВЕЗД
ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ

ГЛЕН КУК

ТЕНЕВАЯ ЛИНИЯ
ЛОВЦЫ ЗВЕЗД
ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

ГЛЕН КУК

ЗОЛОТАЯ
БИБЛИОТЕКА
ФАНТАСТИКИ

GLEN

COOK

SHADOWLINE

STARFISHERS

STARS' END

ГЛЕН

КУК

ТЕНЕВАЯ ЛИНИЯ

ЛОВЦЫ ЗВЕЗД

ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва
2002

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44
К88

Серия основана в 1999 году

Glen Cook
SHADOWLINE
STARFISHERS
STARS' END
1982

Серийное оформление А. Кудрявцева

Перевод с английского
О. Черепанова под редакцией М. Левина («Теневая Линия»),
М. Левина («Ловцы звезд»), В. Кравченко под редакцией М. Левина
(«Звездный Рубеж»)

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Baror International, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 16.06.02 г. Формат 84×108$^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 25,5. Тираж 10000 экз. Заказ № 973.

Кук Г.
К88 Теневая Линия. Ловцы звезд. Звездный Рубеж: Романы: Пер. с англ. / Г. Кук. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 813, [3] с. — (Золотая библиотека фантастики).

ISBN 5-17-014691-4

Глен Кук — не только один из тех редкостных писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Перед вами — история о кровной мести, в огне которой сгорают планеты, о вечном противостоянии армий величайших кондотьеров космоса — Гнея Юлия Шторма и Ричарда Хоксблада, — и о войне за баснословные сокровища недр Черного Мира. История о ловцах звезд, пасущих в дальних закоулках вселенной стада разумных Звездных рыб, и о страшном отмщении страшного преступления. История о Планете Смерти, превращенной в самую неприступную твердыню галактики, — и безжалостные битвы на Звездном Рубеже.

Перед вами — захватывающая трилогия Глена Кука «Теневая Линия», космическая сага, от которой невозможно оторваться.

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7США)-44

© Glen Cook, 1982
© Перевод. М.Б. Левин, 1999
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ТЕНЕВАЯ ЛИНИЯ

Рихарду Вагнеру посвящаю

Книга первая
ВЕРЕВКА

Кто свивает веревку, привязанную к перекладине?

ГЛАВА ПЕРВАЯ:
3052 год н.э.

Кто я? Что я?

Я — побочный сын Теневой Линии. Эта раскаленная солнцем каменная гряда с зубчатыми краями — мой третий родитель.

Ты никогда не поймешь ни меня, ни Теневой Линии, не зная моего отца. А чтобы узнать Гнея Юлия Шторма, нужно узнать нашу семью с ее запутанными отношениями и долгой историей. Чтобы знать нашу семью...

И нет конца этой цепи. Это словно круги, расходящиеся на воде. Необозримой рекой течет рассказ, ведущий к Теневой Линии и ко мне. Из незаметных с виду событий-притоков слагается ее поток.

Если сузить до предела диафрагму объектива, в ней останутся те, кто сделал меня таким, как я есть. Этот рассказ — о них. И еще — о людях, которые, наложив на них свой отпечаток, предопределили, каким я стану.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ВТОРАЯ:
3031 год н.э.

Где-то в недрах Железной Крепости, в поблескивающем металлом кабинете, откинулся в огромное мягкое кресло Гней Шторм. Он сидел, уронив голову на грудь, прикрыв единственный зрячий глаз. На усталое лицо упали длинные седые волосы.

Билось и металось в нескончаемом танце пламя камина, причудливое действо разыгрывали свет и тьма на бесценных

коврах ручной работы с древнего Востока Старой Земли. Среди закопченных балок, подпирающих каменный потолок, играли слагающиеся в расплывчатые образы дрожащие тени.

Кабинет Шторма был крепостью в крепости, цитаделью ее души, бастионом ее сердца. Вдоль стен тянулись стеллажи с редкими изданиями. Череда столов была завалена книгами его коллекции и бумагами его подчиненных. Иногда заходил безмолвный клерк, клал папку с докладом напротив чьего-нибудь места и тут же исчезал.

Два волкодава, мутанты размером с шотландского пони, рыскали по комнате, принюхиваясь к теням, и один из них утробно ворчал. Никогда не кончалась охота на врага.

И никогда не приносила успеха. Враги Шторма не рисковали проникать в его дом на астероиде.

В кабинет влетело что-то черное размером с сокола и грузно плюхнулось возле Шторма, разметав по столу листы бумаги и само испугавшись их шелеста. Тело, похожее на игрушечного птеродактиля, обволокла темная пелена.

Это был вороноящер, ночная летучая ящерица из болот Сломанных Крыльев. Темная пелена была психически генерируемой защитной окраской.

Вороноящер склонил голову, глядя красным, способным видеть во тьме глазом на второго вороноящера, сидевшего в расселине скалы за спиной у Шторма. Другим глазом он смотрел на хозяина.

Шторм не шевельнулся.

Вороноящер выжидал.

Самому себе Гней Юлий Шторм виделся человеком на склоне лет, конец которого уже не за горами. Было ему почти две сотни лет. Последние достижения медицины и технологии омоложения давали ему держаться на уровне сорока пяти биологических лет, но ни врачи, ни приборы не могли омолодить дух.

Палец Шторма остановился на строчке древней священной книги. Потом он задумался, книга упала и закрылась. «Время рождаться и время умирать...»

В комнату бесшумно скользнул молодой парень в черной флотской форме, невысокий и худой, и застыл по стойке «смирно». Хоть он и бывал в этом кабинете тысячу раз, но всегда восточная невозмутимость сменялась на его лице выражением благоговения.

«Такая роскошь, столько сокровищ! — подумал Маус. — Но что они, как не Смерть, таящаяся за маской кованого золота?»

И тут же о своем отце: «До чего же он устало выглядит. Почему они не оставят его в покое?»

Не могут. Пока жив Ричард Хоксблад — не смеют. А потому когда-нибудь Гней Шторм отправится на свое последнее поле битвы и найдет там смерть без воскрешения, как написано на роду каждому кондотьеру.

Шторм поднял глаза. Лицо его было усталым, но по-прежнему выдавалась волевая челюсть, признак силы. Струя вентилятора шевелила седые пряди.

Маус тихо вышел, поддавшись нахлынувшей на секунду глубокой грусти. Он чуть ли не обожествлял отца, и ему было больно видеть, как тот страдает, загнанный в западню. Маус вышел и отправился искать полковника Вальтерса.

Гней открыл единственный зрячий глаз и глянул в сердце своего королевства без государства. Увидел он не золотую маску смерти, а зеркало, отражавшее Шторма, которого не знал никто.

Не только книги хранил его кабинет. Одну из стен занимала коллекция оружия, в которой шумерская бронза соседствовала с многоцелевыми пехотными доспехами новейшего образца из закаленной стеклостали. В освещенных ящичках красовались редчайшие образцы фарфора, серебра и резного хрусталя. В других хранился старинный веджвуд*. В третьих — клад старинных монет в обитых бархатом шкатулках.

Приливы и отливы истории увлекали его за собой. Ему нравилось собирать обломки, выброшенные на берег волной времени.

Но скрыться во вчерашнем дне он не мог. Время просачивалось между пальцами, словно вода.

Вентиляция разрегулировалась, и бумаги на столе шелестели под струей воздуха. Знамена под потолком шевелились от легких прикосновений призраков. Среди них были старые. Одно некогда сопровождало Черного Принца в Наваретт. Другое рухнуло в самый разгар битвы при Пуатье. Однако большинство являло собой вехи биографии самого Шторма.

Они висели в ряд, шесть одинаковых полотнищ титановой ткани. Над ними на темном поле щита, усыпанном алы-

* фарфоровые изделия английской фабрики Веджвуд. — *Примеч. пер.*

ми каплями, пикировал наискось слева направо ястреб. Рядом с гербом Плантагенета все эти экспонаты выглядели скучными и маловыразительными, но это была память о днях славы Железного Легиона.

Эти трофеи Шторм захватил в битве у своего Генриха Транстамаре, Ричарда Хоксблада. И от каждой победы ему было не больше радости, чем Эдварду — от победы над Педро Жестоким.

Ричард Хоксблад был признанным мастером искусства кондотьера. Пять знамен Легиона угодили в его коллекцию. Трижды схватка завершалась вничью.

Шторм и Хоксблад считались лучшими капитанами — королями наемников, принцами частных войн, которых журналисты называли «Бароны-разбойники тридцать первого столетия». На протяжении вот уже десяти лет они дрались исключительно друг с другом.

Лишь Шторм и его талантливые соратники могли разбить Хоксблада. Только такой гений, как Хоксблад, способен был выстоять против Железного Легиона.

Именно мысли о Хоксбладе вызвали уныние Шторма. Разведка сообщила: Ричард опять замышляет наняться к Черному Миру.

— Да пусть себе поживятся, — буркнул он. — А я устал.

Но ему снова придется драться. Если не в этот раз, так в следующий. Ричард не оставит свою затею. Его будущая жертва знает: единственный шанс на спасение — это Железный Легион. Ричард — крепкий боец, проложивший себе путь на вершину среди не менее крепких соперников. Для него пустить в ход наемников или подослать убийц — самое обычное дело. Сейчас он размышляет, как бы половчее выкрутить руки Шторму. И обязательно что-то придумает — тогда уж пощады не жди.

Это уже бывало не раз.

Шторм чуял, что это начинается снова.

В прошлом месяце одно частное дело привело его в Корпоративную Зону, на Старую Землю. Там он без конца ходил на светские приемы, возобновляя старые связи. На одном из таких приемов на него вышла парочка типов — на вид средней руки бизнесмены, — забросавшая его какими-то надуманными гипотезами.

Людям Черного Мира явно не хватало светского лоска. Этих начинающих макиавеллистов было видно насквозь — ничем не примечательные, только крутые с виду. Но вот хозяин их... Конечно же, они работали на Горнодобывающую и металлургическую корпорацию Блейка, что расположена в Эджворд-Сити, одном из городов Черного Мира, о чем они не преминули любезно сообщить Шторму.

Гней Юлий Шторм был могущественным человеком. Его частная армия была гораздо лучше обучена, вооружена и крепче духом, чем прославленная космическая пехота Конфедерации. И Железный Легион не был простой шайкой флибустьеров. Он был многоотраслевой компанией, держателем акций множества корпораций. Не желая перебиваться случайными трофеями, его люди обеспечивали себе безбедную жизнь при помощи долгосрочных инвестиций.

Железная Крепость простирала щупальца в тысячах направлений, хотя и не была доминирующей силой в финансовом мире. Ее интересы мог направлять каждый, кто имел на то деньги и желание.

Она была рычагом, которым прокладывали себе путь гиганты.

В прошлом они выжали все возможное из их ссоры с Ричардом Хоксбладом, разжигая в нем тщеславие и ненависть. Но Гней перерос свою восприимчивость к подобному эмоциональному вымогательству.

— В этот раз все будет не так, — прошептал Гней.

Тщетно размышлял он, как переиграть неведомого ему противника, намерения которого до сих пор оставались неясны.

Гней не смотрел на летучую ящерицу. А она, уже привыкшая к этим долгим размышлениям, терпеливо ждала.

Шторм достал из футляра старинный кларнет, осмотрел мундштук, смочил его и заиграл мелодию, которую навряд ли узнали бы хоть пятеро из живущих в этот век.

Партитура попалась ему в лавке старьевщика, во время визита на Старую Землю. Его привлекло название: «Чужак на берегу» — попало под настроение. Он и был чужаком на берегу Времени, выброшенным за полтора тысячелетия за пределы собственной эпохи. Ему бы жить в век Ноллиса и Хоквуда.

От грустной, тоскующей мелодии одиночества на душе стало легче. С семьей, с друзьями, в толпе — Гней всегда ощущал

отторжение от мира людей. Лишь замкнутость кабинета давала ему уют. Только здесь, в окружении предметов, из которых он строил крепость для собственной души.

Но без людей было не обойтись. Они нужны были здесь, в Крепости, постоянно под рукой. Иначе он чувствовал себя еще более одиноким.

С кларнетом он не расставался никогда. Это был его фетиш, амулет, наделенный волшебной силой. Шторм дорожил инструментом больше, чем любым из своих людей. Вместе с другим талисманом, тоже постоянно ему сопутствующим — старинным пистолетом, — кларнет не давал его душе погрузиться в беспросветную ночь.

Печальный юноша-старец. Устремленный к древнему, редкому, забытому. Обреченный чьим-то проклятием на могущество, в котором больше не нуждался. Вот что являл собой при первом, беглом взгляде на него Гней Юлий Шторм.

Могущество его стало чем-то вроде мифического плаща, который невозможно сбросить. Чем больше старался он сорвать его, тем крепче оно держалось и становилось тяжелее. И было лишь два способа сбросить его навек.

Каждый из них требовал смерти. Один — его собственной. Другой — смерти Ричарда Хоксблада.

Когда-то смерть Хоксблада была целью жизни Гнея. Целое столетие прошло в бесплодных усилиях. А теперь это уже не было целью.

Небеса Шторма, если он вообще когда-нибудь до них доберется, станут тихим пристанищем для ученого чудака, снабженным лазом для понимающих антикваров-любителей.

Вороноящер внезапно расправил крылья.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ:
3052 год н.э.

Можно ли понять человека, не зная его врагов? Дано ли нам познать инь, не зная янь? Мой отец сказал бы: «Нет. Если ты хочешь увидеть новые горизонты Правды, пойди спроси человека, который хочет тебя убить».

Человек живет. Когда он молод, у него друзей не сосчитать. Он стареет. Круг сужается. Обращается внутрь, стано-

вясь теснее. Мы проводим средние и преклонные годы, делая одно и то же в том же кругу старых друзей. Редко когда появляются среди них новые лица.

Но врагов наживать мы не перестаем никогда.

Они словно вырастают из драконовых зубов, которые мы щедро разбрасываем, ступая по тропе жизни. Они возникают повсюду, помимо нашей воли, нежданно, иногда незримые и неведомые. Порою мы наживаем их — или получаем в наследство, — просто оставаясь самими собой.

Отец мой дожил до глубокой старости. Он был сыном своего отца и врагов имел легион. И никогда не знал, сколько их и кто они.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:
2844 год н.э.

Дом был большой, высокий и теплый, как оранжерея, невыносимо влажный и зловонный. Поляризованную крышу из стеклостали расположили так, чтобы она пропускала как можно больше солнца. Кондиционеры не работали. Ночные ведра еще не убрали из стойл.

Норбон в'Диф облокотился на отполированные медные перила смотровой площадки, акр за акром оглядывая простирающееся внизу хозяйство.

Раздвижные перегородки разделяли пол на сотни крохотных кабинок, примыкающих друг к другу задними стенками, а лицевой стороной обращенных к узким проходам. В каждой кабинке находилась привлекательная самка. Их было столько, что воздух непрестанно шевелился от их дыхания и едва уловимых движений.

Диф чувствовал легкий испуг, но одновременно и любопытство. Он и не представлял, что племенной завод настолько огромен.

Отец легонько тронул его за плечо, желая, чтобы он принял участие в разговоре с зоотехником. Норбон-старший в любом разговоре половину слов заменял жестами.

— Да что значит «отказываются»? Рафу, это же просто животные.

Диф рассуждал примерно так же, как его отец. Глава клана Норбонов не мог ошибаться. Следовательно, ошибся Рафу. Случки и кормление — вот единственные вещи, которые интересуют животных.

— Вы не совсем меня поняли, сэр. — Голос старика Рафу выдавал волнение. Видимо, он уже отчаялся доказать Норбону, что дело дрянь. — Не то чтобы они наотрез отказались. Просто у них пропал всякий интерес. Все дело в хряках. Если бы только свинки не захотели пороситься, хряки все равно покрывали бы их, нравится им это или нет.

Диф перевел взгляд на Рафу. Старик всегда его восхищал. Вот бы ему такого отца! Рафу был старым авантюристом, каким мечтает стать каждый мальчуган.

Обязанности, возложенные на Главу Семейства, почти не оставляли времени на общение с детьми. Отец Дифа — замкнутый, вечно куда-то спешащий человек, редко уделял своему сыну внимание, которого тот жаждал.

Зато старый пройдоха Рафу так и сыпал рассказами о волнующем прошлом, с гордостью демонстрируя шрамы, приобретенные в человеческих мирах. Уж он-то всегда выкраивал время поделиться своими историями с мальчиком. Диф твердо решил превзойти Рафу в своих похождениях, прежде чем отец вверит ему семейные дела. Его рейдеры дочиста ограбят Терру, Токе и Улант. Он вернется из дальних странствий с несметными сокровищами, собственными пиратскими историями и почетными шрамами.

Но мечты оставались мечтами. В семь лет он уже уяснил, что прямые наследники никогда не рискуют собой на поле брани. Приключения — это для младших сыновей, старающихся сколотить собственное состояние, для дочерей, не способных подыскать себе выгодную партию, или для людей вроде Рафу, не имеющих ничего за душой. Ему же уготована совсем другая судьба — он пойдет по отцовским стопам и станет торговым принцем, знающим лишь понаслышке о других, более жестоких и диких способах наживы. Единственная опасность, подстерегающая его в жизни, — внутрисемейные интриги, борьба за рынки, богатство и власть.

— А наркотики ты не пробовал? — Отцовский вопрос тут же вывел Дифа из задумчивости. Ведь предполагается, что он осваивает семейное ремесло. Узнай отец, о чем он сейчас мечтает, — ему бы мало не показалось.

— Еще бы. Племенных свиней всегда накачивают наркотиками. Это повышает чувственность и парализует интеллект.

Рафу с трудом скрывал раздражение. Мало того что его босс годами не наведывался на станцию Префектлас. Оказывается, он вообще ничего не смыслит в практической стороне разведения рабов. Впрочем, когда волею судеб его занесло сюда в самый пик кризиса, он очень быстро понял, что большинство из работающих на станции сотрудников не знают своего дела.

— Мы экспериментировали с афродизиаком. Но не добились заметных результатов. Вот когда нескольких хряков отправили на бойню за то, что они отлынивали от дела, это их слегка расшевелило. Но, понаблюдав за производителями вблизи, мы обнаружили, что хряки прекращают акт еще до эякуляции. Сэр, вы ищете ответ не там, где надо. Разведайте обстановку за пределами станции. Животные никогда не осмелятся взбрыкивать, если их не подстрекают извне.

— Дикие, что ли? — спросил Норбон, пожимая плечами, как бы отвергая самую мысль. — А как насчет искусственного оплодотворения? Нельзя ведь выбиваться из графика. Мы связаны условиями контракта.

Так вот почему Норбон так засуетился. Из-за разразившегося кризиса кривая прибыли вот-вот поползет вниз.

Диф снова повернулся к стойлам. До чего все-таки забавно. Животные видом своим сильно смахивают на сангарийцев. Вот только очень уж они грязные и вонючие.

Рафу рассказывал, что некоторые дикие особи не чета этим. Они следят за собой не хуже сангарийцев. А те, кого держат в родовом поместье, настолько чистоплотные и работящие, что их вообще не отличить.

Диф заметил свинью, похожую на кузину Марио. А что будет, если сангарийская женщина спутается с животным? Кто сможет ее разоблачить? Чужаки вроде токе или улантидов сразу бросаются в глаза, но эти люди вполне могут сойти за сангарийцев.

— Да, конечно. Но у нас нет средств для выполнения его в промышленном масштабе. Раньше не было необходимости. Все оборудование заказывалось до того, как это началось.

— Надо было предусмотреть заранее. — В голосе отца уже прорывалось раздражение. Каждый раз, узнав, что дела его

корпорации пошатнулись, он приходил в бешенство. — Осирианские заказы — это целое состояние, и времени на процесс в лабораториях быстрого выращивания — в обрез. У меня нет времени, чтобы выполнять их в опытных лабораториях. Рафу, срывать заказ полномасштабной поставки я не могу. И не буду.

Диф приветливо улыбнулся хрюшке с тусклыми глазками, которая с любопытством за ним наблюдала, и, улучив момент, сделал неприличный жест, усвоенный им еще со школы.

— Ай!

Приведя сына в чувство, Норбон снова как ни в чем не бывало повернулся к Рафу. На сына его внушение не очень-то подействовало. Но что поделаешь, если отец так болезненно к этому относится? Для него совокупление с племенными особями — страшное извращение. Хотя кто сейчас этим не грешит? Взять хотя бы сексонскую семью — они держат целый гарем из экзотических самок.

— В первой партии должно быть тридцать штук, — произнес Рафу задумчиво. — Пожалуй, с таким количеством мы управимся. Правда, поголовье при этом сократится.

— Да и черт с ним.

— Терпеть не могу, когда приходится увечить лучших маток, сэр. Но иначе у нас просто ничего не выйдет. Придется все время держать ухо востро, а не то они начнут делать выкидыши.

— Неужели настолько все скверно? — Боль и изумление промелькнули на обычно бесстрастном лице Норбона. — Ну что же, тогда даю тебе карт-бланш. Поступай так, как считаешь нужным. Ради этих контрактов стоит рискнуть. Потом ведь от клиентов отбоя не будет. Осирианский рынок огромен. К тому же он свежий, почти нетронутый. Тамошние принцы — сущие деспоты, сибариты, купающиеся в роскоши. Этот человеческий мир, завоеванный во время Первой Экспансии, одичал самым натуральным образом. Они социально и технологически скатились к феодальному уровню.

Рафу кивнул. Подобно большинству сангарийцев с боевым опытом, он неплохо разбирался в человеческой истории и культуре.

Норбон-старший теперь пристально разглядывал стойла — основу семейного благосостояния.

— Осирис — это настоящий Хулар для Норбонов. Помоги мне разработать его, как подобает Большому Клану.

«Хулар. Он давно уже стал легендой», — подумал Диф. Кто не слышал об этом золотом дне? Мире настолько огромном, диком и богатом, что на его разработку потребовались усилия пяти Семейств. После чего Семейства эти выбились в число первых в Сангарии.

Диф не знал, хочет ли он Эльдорадо для Норбонов. Слишком уж много придется тогда вкалывать, стань он Главой. Да еще якшаться с этими снобами Криминсами, Сексонами и Мейсонами. Если он только не забудет про свои мечты и не превратит Норбонов в богатейших из богатейших. А став Главой Первого Семейства, он заживет по своей воле, не ломая голову, как ужиться с сородичами.

— Даю голову на отсечение, беда эта пришла откуда-то со стороны, — проговорил Рафу. — Сэр, что-то надвигается. Даже новичков в Карантине и то не миновала эта зараза. Вот уже неделю нет отбоя от их жалоб. Управляющий станцией говорит — все просто с цепи сорвались. Сельскохозяйственные рабочие недавно поймали группу хряков, когда те пытались поджечь ситлачные поля.

— Знамения и приметы, Рафу? Ты суеверен? Это их хлебом не корми, дай только поговорить о чудесах. А тебе-то это зачем?

— Нет, я все проверил. Сделал подробный химический анализ. И догадки мои подтвердились. Говорю вам, творится что-то неладное, и они это почуяли. Я уже видал такое, вспомните. На Медном Острове.

Диф снова заинтересовался. Рафу пришел к Норбону от Датегона, владельца станции на Медном Острове. Дифу никто не говорил, почему он это сделал.

— А что там произошло, Рафу? — спросил мальчик.

Зоотехник вопросительно взглянул на своего босса. Норбон нахмурился, но кивнул.

— Рабы стали поднимать головы, Диф. Режим безопасности там был ни к черту. Племенные животные снюхались с дикими. И очень скоро взбунтовались. Кое-кто из нас видел, чем это чревато, и хотел предупредить управляющего, но он и в ус не дул. А теперь те из нас, кто уцелел, работают на твоего отца. Датегон уже никогда не оправился.

— Да-а...

— Так ты что же, считаешь — здесь тоже такое может быть? — настаивал отец Дифа.

— Совсем не обязательно. Здесь безопасность поставлена как следует. Наш управляющий станции все-таки служил в людских секторах космоса. И он знает, на что способны животные, если действуют заодно. Я просто объяснил, на что все это похоже, чтобы вы приняли меры. Убытки лучше предотвращать, чем компенсировать.

Суждения Рафу были полны той противоречивости, что свойственны сангарийцу, служившему в людском космосе. Отдельных индивидуумов и малые группы он называл животными. Особей, объединенных в более крупные общественные организмы, возводил в ранг рабов. Человечество за пределами сангарийского доминиона он называл просто людьми, ставя лишь чуть ниже сангарийцев. Такая классификация отражала общее отношение его вида к эксплуатируемой расе.

— Если не пресечь брожение в зародыше, потом придется забить наших лучших особей, чтобы его остановить.

— Рафу, а что потом стало с животными на Медном Острове? — спросил Диф.

— Главы Префектласа проголосовали тогда за истребление.

— Ах так... — Диф попытался не думать о погибших животных. И все-таки не смог подавить в себе жалость. Он был еще молод и не закален. Уж очень они похожи на настоящих...

— Я подумаю над твоими словами, Рафу. — Норбон снова тронул Дифа за плечо. — Главы департамента соберутся завтра утром. Там мы выработаем общий курс. Пойдем, Диф.

Они осмотрели посевы ситлака в огромном, герметически закупоренном парнике и увидели, что уже появились первые всходы. Скоро зараженный вирусами белок зерна очистят и пустят на производство звездной пыли, самого притягательного и смертоносного наркотика из всех, что когда-либо угрожали человечеству.

Пристрастившиеся к звездной пыли долго не живут. Но пока они живы, сангарийским поставщикам гарантирован стабильный доход.

Ситлак лежал в основе благосостояния многих мелких Семей. Он поддерживал экономику целой расы. И был объяснением веры в животную сущность человечества. Истинно разумное существо не пойдет добровольно на такое разрушающее, медленное и мучительное самоубийство.

Скучающий Диф ерзал на месте, еле слушая замечания отца. Его не манила безопасная жизнь, предлагаемая разумной сельскохозяйственной программой. До взрослых потребностей он еще не дорос. Влекла его романтика риска той жизни, что вел когда-то Рафу, а не растительная жизнь растениевода.

Ведь Рафу был ненамного старше его, когда служил помощником стрелка в сфере Уланта.

Пиратство, набеги были единственным способом для неимущего сангарийца набрать необходимые для основания Семейства средства. Пиратством добывали наличность Семейства в случае финансовых затруднений. Из пиратов вышли почти все герои и исторические деятели сангарийцев.

Консервативный Норбон рейдеров не держал. Его транспорты несли только легкое вооружение, чтобы у капитанов не было соблазна ввязаться в пиратские авантюры.

Норбоны были «устоявшейся» Семьей, занятой в солидном бизнесе разведения рабов для удовольствий и звездной пыли. И не важно, что в основе их богатства были пиратские деньги. Чем старше деньги, тем они консервативнее и респектабельнее.

Диф был твердо намерен оснастить несколько пиратских кораблей, когда станет Главой. Все говорили, что сферы человечества и Уланта скоро столкнутся. Это могло означать войну. Чуждые друг другу расы хватаются за оружие всякий раз, когда на карту поставлено жизненное пространство и ресурсы. Такие периоды взаимных притязаний и перекраивания границ для пиратов — просто дар Божий.

Норбон в'Диф, Гроза Космических Караванов, очнулся от отцовского похлопывания по плечу.

— Проснись, мальчик! Пора возвращаться в Большой Дом. Твоя мама хочет, чтобы мы подготовились.

Диф нехотя взялся за отцовскую руку и позволил увести себя из-под купола. Не хотелось ему идти. Даже скучные ситлачные посевы в сто раз лучше светских раутов.

Именно такой раут и устраивала в тот вечер мать. Все, кто хоть что-то собой представляет среди Семей Префектласа, пожалуют сегодня к ним, в том числе и несколько прямых наследников — эти непременно начинают грызню, когда старших нет поблизости. А значит, Дифу опять придется получать по морде, отстаивая честь Семьи.

Он понимал — мать обязана заниматься подобными вещами. Таким образом сглаживаются трения между Семейства-

ми. И все-таки непонятно — почему ему нельзя остаться в своем обычном костюме и листать книги о легендарных пиратах и торговцах? Или даже просто заняться уроками?

Уж он-то никогда не женится на любительнице приемов. Ведь это тоска смертная! Взрослые, налакавшись как следует, слоняются повсюду с задиристым видом, а не то вдруг кто-нибудь сгребет тебя в охапку и, дыша в нос винными парами, примется лопотать о том, какой ты славный мальчуган.

И пить он тоже никогда не станет. Капитану пиратов нужна ясная голова.

ГЛАВА ПЯТАЯ:
3052 год н.э.

Отец мой как-то сказал, что люди похожи на бильярдные шары или молекулы газа. Они беспорядочно сталкиваются, сообщая друг другу совершенно неожиданные траектории. За вторым отскоком следует третий, и так до бесконечности. У людей обычно невозможно выяснить, кто дал первый импульс, потому что люди в своих взаимоотношениях пытаются игнорировать законы термодинамики. Однако в случае с Теневой Линией все прослеживается до первоисточника, которым был человек по имени Фрог.

Отец мой уподоблял Фрога шару, разбившему пирамиду. Люди-шары вначале стояли на столе неподвижно. Врезавшись в них, Фрог заставил их метаться от борта к борту.

Отец мой никогда не встречался с Фрогом. Сомнительно также, что Фрогу доводилось слышать о моем отце. Бывает и так.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ШЕСТАЯ:
3007 год н.э.

Черный Мир (выдержка из последнего издания справочника Моргана «Звезды, планеты, астрономические ориентиры и космические феномены», 3007 год издания): Единственная планета белого карлика А 257-23. Космическое тело с однородной поверхностью. Примечательна как единственная

подобного рода планета, освоенная человечеством. Немногочисленное население обитает в семи купольных городах, каждый из которых является корпоративным государством. С точки зрения экономики представляет собой важный транспортный узел и богатый источник энергетических металлов. Основная отрасль промышленности — горнодобывающая. Основная статья экспорта — редкие элементы. Население — по большей части негроиды, потомки участников Первой Экспансии. Название отражает тот факт, что вся жизнь планеты сосредоточена на ее Темной Стороне. Для туристов наибольший интерес представляют Горы Грома на западном терминаторе, где слабые возмущения медленного вращения планеты приводят к необычайной тектонической активности за счет теплового расширения и сжатия.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ:
3020 год н.э.

Вряд ли кто-то восхищенно ахнет, найдя в справочнике Черный Мир. Скорее хмыкнет, удивившись, зачем вообще там человеку жить.

Да, мир не сахар. Даже туземцы иногда удивляются, зачем они там живут.

Во всяком случае, так думал Фрог, когда, проклиная небеса и преисподнюю, врубил у краулера реверс.

— Чертовская тепловая эрозия в этом траханном Уайтлэндсунде, — буркнул он, свободной рукой сделав жест, имитирующий положение вехи — обелиска, который Фрог называл Большим Хреном.

Он позволил себе распуститься — замечтался на знакомой дороге. Неверно взял направление на Большой Хрен и заехал туда, где картографической разведки не было с тех самых пор, как солнце наставило на перевал свой раскаленный перст.

По счастью, Фрог ехал не спеша, а потому сразу среагировал на скользящий хруст под ведущим траком правой гусеницы и ударил по тормозам. Слегка качнул машину взад-вперед, и краулер удалось вытащить.

Фрог вздохнул с облегчением.

Настоящей опасности по эту сторону Края Мира, в общем, не было. В темноте другие вездеходы не смогли бы до него добраться.

И все-таки Фрога прошиб пот. Если авария случится, то не важно где. Денег так мало, что права на ошибку нет. Один неверный шаг — и он все равно что покойник.

Для случившегося не было оправдания, что на Солнечной Стороне, что на Темной. Фрог разозлился.

— Так тебе до старости не дожить, идиот! — злобно прохрипел он собственному отражению на видеоэкране.

Но Фрог был старым. Насколько — никто не знал точно, а сам он не говорил, но люди в Эджворде слыхали, как он травил байки о приключениях своего отца в Гвардии Дьявола, а Гвардию, как известно, распустили еще столетие назад, сразу после Улантской Войны. Здравомыслящие люди давали ему семьдесят с хвостиком. Фрог был городской достопримечательностью — никто не помнил города без него.

Он был последним из той породы, что стала вымирать, когда послевоенный подъем торговли породил огромный спрос на металлы Черного Мира. Требование эффективности разработок неизбежно вело к возникновению крупных добывающих корпораций. И в конце концов в Эджворд-Сити остался единственный независимый мелкий предприниматель — Фрог.

В прежние времена, когда Блейки только набирали силу, Эджворд таил для него гораздо больше опасностей, чем Солнечная Сторона. Единая Горнодобывающая корпорация Блейка складывалась не просто. Теперь же он стал для них настолько мелким конкурентом, что его просто игнорировали. Блейк даже помогал ему сводить концы с концами — как дорожащие своим историческим наследием общества сохраняют дома старинной постройки. Фрог стал осколком старой жизни, выставляемой напоказ заезжим туристам.

Его это нисколько не задевало. Он жил себе как прежде, ругая почем зря весь свет в целом и Блейка в частности, и продолжал делать то, что умел.

Он был лучший краулерщик на всей Теневой Линии, и остальные, черт побери, отлично это знали.

Но в век корпораций быть старателем-одиночкой и трудно, и опасно. Блейк давно уже прибрал к рукам все легкодоступные месторождения и бассейны на Солнечной Стороне. И

теперь за новой партией груза Фрогу приходилось проделывать нелегкий путь к Теневой Линии, что занимало дня три, а то и больше. А затем — короткие разведочные вылазки на Солнечную Сторону — пока не отыщется что-то стоящее. Тогда он заполнял бункеры, поворачивал и пробивался домой. Обычно привезенного хватало лишь на плату за техобслуживание, на пиво да на подготовку следующей экспедиции.

Спроси кто-нибудь Фрога, зачем ему все это нужно, он и сам не смог бы ответить. Просто плыл по течению жизни, в которой ночи размеренно сменяли дни и не менялся заведенный распорядок.

Фрог сбавил скорость и обогнул погруженный в тень очаг тепловой эрозии, проехал несколько километров по прямой, а затем свернул в боковой каньон, где скапливались и замерзали газы с Солнечной Стороны, выпадая снежными хлопьями. Там он встретил уходящий на промысел караван Блейка. Водители мигнули ему в знак приветствия, Фрог просигналил в ответ и беззлобно пробормотал себе под нос: «Сукины сыны!»

Это были такие же работяги-краулерщики, как он сам. Политику делают не они.

Теперь ему предстояло вручную нагрузить снег и ионизировать его в теплообменной системе. Фрог экономил буквально на всем. Какое ему дело, что на вездеходах Корпорации применяют автоматические погрузчики? Вольному воля. Лучше уж пустить эти деньги на выпивку. А грузчики съедят всю его жалкую прибыль.

Закончив махать лопатой, Фрог решил заглушить двигатель и поспать. Не так он уже молод, как был когда-то. За один переход пройти Горы Грома и совершить бросок к Теневой Линии уже не выйдет.

В Черном Мире день определялся условно, каждым для себя. У Фрога он начинался быстро. Он редко терял время, удовлетворяя запросы тела. Потому что предпочитал удовлетворять запросы души, хотя и не называл их так. Он просто знал, когда он доволен, а когда нет. Выполнение работы приводило к первому. Необходимость тратить время на сон и еду — ко второму. Как и необходимость иметь дело с людьми.

Фрог родился мизантропом. Нравились ему лишь немногие из тех, кого он знал. Остальные были себялюбивы, грубы

и надоедливы. Что он и сам, быть может, отлит по той же модели, Фрог вполне допускал. И в чужую жизнь не лез.

По правде говоря — хотя он признавался себе в этом лишь в бессонные темные часы, — он боялся людей. Он просто не знал, как с ними обходиться.

Женщины его пугали. Их он совсем не понимал. Но не важно. Он слишком стар, чтобы меняться, и чаще доволен собой, чем недоволен. Оставаться в ладу со вселенной, какой бы странной она ни была, — вполне приличный результат.

Вездеход его был мал и будто из музея — две сотни грубо скрепленных метров железа. Все механические лапы, блоки датчиков, антенна и сетка излучателя поля имели зеркальную полировку. Но на ней были глубокие царапины. Из-за них машина имела вид фантастической сороконожки с непонятными отростками. Машина делилась на секции, каждая со своим блоком двигателей. Энергоснабжение и управление осуществлялись из рубки, где сидел Фрог. Все секции, кроме рубки, были рабами для добычи и транспортировки и при необходимости демонтировались.

Однажды Фрогу пришлось бросить раба. Компьютер машины засбоил, и гусеницы хвостового раба не попадали в след передним. Фрог тогда выл и ругался на чем свет стоит, как человек, потерявший ребенка-первенца.

Теперь брошенная секция, превратившаяся в кучу шлака, стояла вехой на подступах к Теневой Линии. Блейк относился к ней уважительно, как к неофициальной меже, разделяющей территории его и Фрога. Фрог же останавливался посмотреть на нее во время каждой ходки.

На Солнечной Стороне выброшенные рабы долго не живут. Этот старый дьявол солнце мигом превращает их в золу. И Фрог каждый раз глядел на погибшего раба, чтобы не забыть, к чему приводит беспечность.

Краулер был рассчитан на продолжительную работу при температуре свыше 2000 градусов Кельвина. Система охлаждения была самым хитроумным инженерным устройством за всю историю человечества. Внутренности машины прикрывала толстая гибкая шкура из пористых молибденово-керамических пластин, смонтированных на рамах радиатора из молибденового сплава, как соты на рамке улья. По шкуре циркулировал под давлением охлаждающий состав.

Когда краулер попадал в дневной свет, первый удар принимали на себя магнитные экраны над зеркальной поверхностью шкуры. Под ними циркулировал ионизированный газ. Сортировщик молекул тонкими струйками гнал в сторону кормы частицы с самой высокой энергией. Солнечный ветер сдувал их на Темную Сторону, где они замерзнут, чтобы затем, когда-нибудь, снова попасть в охладительную систему краулера на Солнечной Стороне.

Если через тщательно подобранные фильтры взглянуть на вездеход с освещенной солнцем стороны, он был похож на длинную, приземистую, светящуюся комету. Собственные очертания машины скрывала оболочка разреженного газа.

Магнитные экраны не только держали ионную оболочку, но и нейтрализовали сгустки заряженных частиц, вылетающие из готового вспыхнуть новой звездой солнца Черного Мира.

И при всей этой технике в краулере было жарко, как в печи. Водителям приходилось натягивать на себя костюм с жизнеобеспечивающими системами, громоздкий и нескладный, как древние космические скафандры.

Теплообменные системы краулера — энергоемкие, мощные и эффективные — от прямых солнечных лучей спасали очень недолго. Солнце Черного Мира было слишком близким и слишком горячим.

Фрог прогрел коммуникационный лазер. Только высокоэнергетические лучи могли пробиться сквозь статические разряды, создаваемые солнцем. Он щелкнул выключателем, подавая ток к экранам и теплоотводникам. Его старый и верный спутник заворчал что-то нечленораздельное и вздрогнул всем корпусом, стряхивая с себя сон. От этой вибрации и умиротворенного гудения Фрогу сразу полегчало — словно чем-то домашним повеяло.

Внутри вездехода он был живым, настоящим, не меньше человеком, чем любой другой житель Черного Мира. И даже больше. У него было больше побед над Солнечной Стороной, чем у любых других пяти, вместе взятых.

Фрог ткнул пальцем в панель коммуникатора. Выпущенный из вездехода луч тронул гребень Теневой Линии и уперся в автоматический ретранслятор.

— Говорит Фрог. Готов к переходу. Ну-ка вы, уроды пластиковые, давайте мне затененный проход!

Сигналы заплясали вдоль лучей лазера. Где-то далеко машины проверили кредит Фрога и перевели деньги с его счета на счет Блейка. На экране замигала зеленая надпись «О'кей».

— А хрен ли мне быть не о'кей, — буркнул Фрог. — Меня так просто не добить.

Этот мужик платить Блейку за загрузку ионизированных зарядов не станет, пока мышцы еще работают. Но за безопасность на Солнечной Стороне платил и будет платить столько, сколько это стоило.

В старые времена приходилось покрывать расстояние от Края Мира до Теневой Линии под солнцем. Фрог проделал это тысячу раз, пока Блейк не придумал наконец, как обмануть дьявольское светило. И Фрог не стеснялся пользоваться его изобретением. Он был прижимист, независим, но не твердолоб.

Краулер, глухо ворча, застыл на месте, и Фрог стал осматривать выжженную солнцем равнину. Медленно темнело, очень медленно. Фрог подпитал энергией гусеницы и системы охлаждения и тронулся в тень пыльного облака, подброшенного на километр вверх соплами дальней станции Блейка у подножия Теневой Линии. Компьютер его поддерживал связь с находящимся там навигатором корпорации, изучая информацию, переданную другими машинами, проходившими тут после Фрога, и анализируя данные собственных приборов.

Переход — как нечего делать. Дорога, укатанная сотнями гусениц, затвердевшая и гладкая, была открытой и безопасной.

Маленькие глазки Фрога впились в экраны. Он считывал показания молниеносно, словно сам являлся частью компьютера.

Несколько экранов давали внешний обзор в направлении, противоположном низко нависшему солнцу, со светом которого еле справлялись фильтры. На остальных схематически изображались данные от лазерного радара и акустических сенсоров, установленных в секциях вездехода. Расположенный прямо перед Фрогом большой круглый экран давал цветную панораму с самой высокой точки его машины, захватывая участок местности радиусом в километр. Изгибы рельефа очерчивались синим цветом. Очаги тепла — разными оттенками красного. Залежи металла — зеленым. Но в этом районе месторождения иссякли, и зеленого почти не попадалось.

Приборы сообщали состояние здоровья рабов-секций, состояние реактора и уровень газа в нем и все время следили за системами жизнеобеспечения.

Машина Фрога, устаревшая и относительно простая, была все же неимоверно сложной. Краулеры Корпорации водили экипажи из двух-трех человек, а в длительные рейсы брали еще и запасных водителей. Но не родился еще на свет человек, с которым Фрог ужился бы в наглухо задраенной кабине вездехода.

Только убедившись, что переход пройдет нормально, Фрог позволил себе поворчать.

— Надо было пристроится к каравану, — буркнул он. — Заплатил бы только свою долю. Да разве у кого хватит терпения ждать, пока Блейк отправит на дело своих сопляков?

Его суставчатый левиафан глухо заворчал, как зарождающееся землетрясение. Фрог прибавил скорости, выжимая из машины все, на что она способна, — двенадцать километров в час. Высунулись щупы акустических датчиков, ловя отраженное почвой эхо клацающих траков, и по этому эху компьютер определял состояние дороги. Переход к Теневой Линии — это не меньше трех часов, а в отсутствие атмосферы, где затеняющая пыль тут же оседает вниз, секунда тени стоит денег. И Фрог времени не терял.

Еще один переход без происшествий. Добравшись до края Теневой Линии, он тут же дал сообщение Блейку, чтобы тень отключили, а потом заглушил мотор и устроил себе небольшой отдых.

— Ну что, опять пронесло, старый ты сукин сын, — пробормотал он самому себе, откинувшись в кресле и закрыв глаза.

Теперь ему предстояло как следует обмозговать предстоящий бросок.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ:
3031 год н.э.

Шторм убрал кларнет в футляр. Потом обернулся к диковинной твари, усевшейся на письменный стол, и медленно наклонился вперед, пока не коснулся лбом ее лба.

Он был осторожен. Вороняющер может ластиться, как щенок, и вдруг превратиться в пучок когтистой злобы. Перепады настроения были у них мгновенными.

На Шторма его «птички» еще ни разу не нападали. Так же, как его ни разу не предавали соратники — хотя их преданность подвергалась тяжелым испытаниям.

Шторм когда-то тщательно сопоставил пользу от вороноящеров с их непредсказуемостью и решил рискнуть.

Вороноящер фотографически запоминал обстановку, эта память сохранялась в течение часа и была доступна телепатическому чтению. Способность к запоминанию и телепатии развилась у этих животных от жизни в тени.

Вороноящеры постоянно рыскали по Крепости, а люди Шторма, не догадываясь об их способностях, от них не скрывались. В результате эти твари информировали Шторма гораздо лучше, чем любая система «жучков».

Он завел их во время встречи с Ричардом Хоксбладом на Сломанных Крыльях. С тех пор люди Шторма относились к его всеведению чуть ли не с суеверным ужасом. Он же всячески подогревал эти настроения. Легион был продолжением его самого, его волей в действии. Шторм хотел, чтобы легион вел себя как часть его.

И все равно некоторые из его людей не могли удержаться от поступков, делающих присутствие ящериц необходимым.

Он никогда не боялся прямого предательства. Соратники были обязаны Шторму своими жизнями. Их абсолютная преданность доходила до фанатизма. Но они имели привычку действовать по собственной инициативе ему во благо.

За два столетия он уже смирился с извращенностью человеческой природы. Каждый человек мыслил себя последней инстанцией в деле управления вселенной. Таковы неизбежные последствия антропоидной эволюции.

Шторм всегда терпеливо их поправлял. Он не был вспыльчивым. Легкий намек на недовольство, как он обнаружил, бывал гораздо действеннее, чем самый гневный разнос.

Шторм подключился к мозгу вороноящера, и ему в память хлынули образы и разговоры. В этом вихре он выбрал отдельные интересные для него фрагменты.

— Ах ты черт! Они опять за свое!

Он это подозревал. Знакомые признаки. Сыновья его, Бенджамен, Гомер и Люцифер, вечно устраивали какую-то закулисную возню, стараясь уберечь старика от его собственной глупости. И когда они только поумнеют? Ну почему они не

такие, как Терстон, его старший? Этот звезд с неба не хватает, но зато делает, что отец говорит.

А лучше были бы они такими, как Масато, его младший. Маус — не просто талантлив, он еще и все понимает. Может быть, лучший в семье.

Сегодня мальчики пытаются совладать с его самой большой — как им видится — слабостью. В самые горькие минуты жизни он даже бывал готов уступить им. Жизнь его стала бы безопаснее, спокойнее и богаче, относись он более прагматично к Майклу Ди.

— Ах, Майкл, Майкл. Враги больше годятся мне в братья, чем ты.

Шторм выдвинул ящик стола и нажал кнопку. Сигнал вызова облетел Железную Крепость. Ожидая ответа от Кассия, он вернулся к кларнету и «Чужаку».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:
3031 год н.э.

— Полковник у себя? — спросил Маус у ординарца, заходя в кабинет Вальтерса.

— Да, сэр. Вам необходимо его видеть?

— Если он не очень занят.

— Масато Шторм хочет вас видеть, полковник, — сказал ординарец по селектору. А потом обратился к Маусу: — Входите, сэр.

Маус прошел в спартански обставленную комнату, служившую Тадеушу Иммануилу Вальтерсу и официальным кабинетом, и местом отдыха. Она выглядела настолько же пустой, насколько кабинет его отца — захламленным.

Полковник стоял на коленях возле стола и наблюдал за маленьким пластиковым самосвалом, движущимся по пластиковым рельсам. Выгрузившись, игрушечный самосвал возвращался в исходное положение, путем нескольких сложных операций накладывал себе в кузов кусочки мрамора и снова отправлялся в путь. Полковник же с помощью крошечной отвертки пытался отрегулировать его подъемный кран. Два куска мрамора застряли при выгрузке.

— Маус?

— Собственной персоной.

— Когда ты вернулся?

— Вчера, совсем поздно.

— С отцом уже повидался? — Вальтерс поддел подъемник кончиком отвертки. Не помогло.

— Я только что оттуда. Кажется, он не в духе. Я не стал ему докучать.

— Ты прав. Надвигается что-то скверное, и он это чувствует.

— А что именно?

— Пока точно не знаю. Черт бы их побрал! Надо же было так сделать эту штуку, что ее даже отремонтировать невозможно!

Полковник с досадой отшвырнул отвертку и поднялся с колен.

Вальтерс был старше Гнея Шторма на несколько десятков лет. Тощий, смуглый человек с бесстрастным лицом, орлиным носом и узким разрезом глаз. При рождении его нарекли Тадеуш Иммануил Вальтерс, но друзья называли полковника Кассий. Он получил это прозвище еще в академии, за «тощий и голодный вид».

Встреча с этим человеком всегда будоражила. Наверное, виною тому был его пронзительный, змеиный взгляд. Маус знал его всю свою жизнь, но до сих пор чувствовал себя при нем неуютно. Очень странный человек. Смерть — его профессия. Каких только смертей он не повидал. А теперь вот развлекается починкой старых игрушек.

У Кассия была только одна рука — левая. Другую он потерял много лет назад по милости Феарчайлда Ди, сына Майкла Ди. Тогда они с Кассием проводили операцию в одном из миров, ничем не примечательном. Подобно Шторму, он отказался устранять свои увечья хирургическим путем. Полковник утверждал, что они напоминают ему об осторожности.

Кассий служил в Легионе с момента его формирования — еще до рождения Гнея — в мире под названием Префектлас.

— Зачем вы вызвали меня домой? — спросил Маус. — Ваше сообщение напугало меня до смерти. Я лечу сюда и вижу, что все почти в норме.

— Норма — это иллюзия. Особенно здесь. Особенно сейчас.

Маус лишь пожал плечами. Кассий говорил без всяких интонаций. Улантская пуля лишила его собственной гортани во время сражения на Сьерре. А протез мог разговаривать только таким гнусавым, заупокойным голосом, словно примитивный компьютер.

— Мы чувствуем, как кто-то собирает силы.. Если доживешь до наших лет, тоже научишься такое чуять.

Кассий что-то подкрутил в игрушке, потом повернулся к Маусу и выбросил вперед руку. Удар мог быть смертельным. Маус скользнул в сторону и пригнулся, готовый дать отпор.

Улыбка на тонких, бледных губах полковника казалась совершенно не к месту.

— Молодец!

— Я ведь тренируюсь, — улыбнулся в ответ Маус. — И собираюсь податься в разведку. Что вы на это скажете?

— Пожалуй, сгодишься. Ты ведь сын своего отца. Жаль, что мы разминулись с тобой в последний раз, когда я был на Луне-Командной. Мне хотелось представить тебя кое-кому.

— Я тогда был в Крабовидной туманности. Была гонка солнечных яхт, и мы с напарником обошли всех, даже команду звездоловов. А уж они-то знают звездные ветры, как рыбы — свою реку. До того они выигрывали четыре регаты подряд.

Маусу было чем гордиться. «Звездных рыбаков» никто еще не мог победить в их собственной игре.

— Слышал об этом. Мои поздравления.

Кассий был главным тактиком Легиона, а также заместителем командира и его самым доверенным лицом. Некоторые считали, что он разбирается в военном искусстве больше, чем кто-либо из живущих на этом свете, в том числе Гней Шторм и Ричард Хоксблад. Колледжи Луны-Командной нанимали его время от времени для чтения лекций. Худшими кампаниями Шторма были те, где Кассий не мог ему помочь. Зато Хоксблад лишь однажды сумел сладить с их объединенными усилиями.

Зажужжал зуммер. Кассий глянул на мигающую лампочку.

— Это твой отец. Пойдем.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ:
3020 год н.э.

Теневая Линия была самой известной природной особенностью Черного Мира. Тектоническая складка коры Солнечной Стороны длиной в четыре тысячи километров, обращенная к солнцу сторона которой возвышалась в среднем на двести метров. Хребет шел на северо-запад. По широкой полосе его тени горняки из Эджворда добирались до богатств Солнечной Стороны. Таким образом, сфера их деятельности расширялась, давая им преимущество над конкурентами.

Никто никогда даже не пытался добраться до конца Теневой Линии. Не было необходимости. Достаточно было пройти первые несколько сотен километров тени, чтобы наткнуться на богатейшие залежи ископаемых. И шахтеры благоразумно избегали риска, не сулящего иной награды, кроме чувства профессиональной гордости.

Обитатели Черного Мира никогда не выбивались из накатанной колеи, если в этом не возникало жизненной необходимости.

Но на этот раз старый рахитик по имени Фрог вознамерился дойти до конца Теневой Линии.

Об этом подумывал каждый старатель — ведь даже мысль о самоубийстве приходит невзначай в голову каждому. И Фрог в этом смысле не составлял исключения. Пройти Теневую Линию — верный способ войти в историю. Не так уж много первопроходцев упоминается в связи с Черным Миром.

Фрог обдумывал эту идею давно. Вначале он сам подхихикивал над такой дурацкой мыслью. Только полный дурак решится на такое, а старый Фрог не дурак.

Но в последнее время он все четче понимал: он стар, и он смертен. Все чаще свербило, что он нигде не нацарапал своего имени для будущего. Умрет он — и никто не заметит. Двоетрое только будут оплакивать.

Фрог знал только одну жизнь — старателя-краулерщика. Для краулерщика путь к бессмертию только один. Через всю Теневую Линию.

Но он все никак не решался. Не мог решиться окончательно. Сидящий в нем опытный и трезвый старатель вел отчаянные арьергардные бои.

Сам Торквемада не вырвал бы у него этого признания, но Фрог хотел произвести впечатление на кого-то.

Человечество в целом было для Фрога пустым звуком. Он был неизменной мишенью для насмешек, злобных выходок и хуже того — безразличия — всю свою жизнь. Плевать ему было на людей. Только на одного человека не плевать.

У него была приемная дочь по имени Мойра. Белая девочка, найденная им в захолустном космопорте Эджворда. Ее бросили преследуемые флотом сангарийские работорговцы, в спешке выбрасывая за борт улики. Ей тогда едва минуло шесть лет, она голодала и не знала иного окружения, кроме рабов и работорговцев. Никому не было до нее дела. Не было до тех пор, пока не заметил ее упрямый карлик, озлобленный на мир и людей, потеха всего города.

Мойра была не первой. Фрог не мог не помогать бездомным.

Он отогнал от нее извращенца-наркоторговца и привел, напуганную, как только что отнятый у кошки котенок, в свою квартирку-берлогу за водопроводной станцией Эджворда.

Ребенок усложнил его жизнь неимоверно, но зато он вложил в девочку свое невысказанное «я». Теперь, когда им владела мысль о неизбежности смерти, Фрогу хотелось остаться в ее памяти человеком, давшим миру нечто большее, чем мегалитры пота и упрямую гордость, которой хватило бы на пять таких недомерков.

Фрог проснулся, все еще не уверенный в своих дальнейших действиях. Самые глубинные замеры, сделанные в прошлый раз вдоль маршрута, касались лишь первой тысячи километров Теневой Линии.

Эта первая четверть пути будет самой легкой. Компьютер поведет машину по вехам, а Фрог сможет заняться другой работой или бездельничать четыре скучных дня, которые займет путь до последнего ответчика. Там придется перейти на ручное управление и прокладывать новый путь, расставляя ориентиры для обратной дороги. На сон придется останавливаться. Или же спать, возвращаясь по своим следам, чтобы попробовать пройти другим маршрутом. Эти три тысячи километров могут потребовать целой вечности.

Они потребовали тридцати одного дня и нескольких часов. За это время Фрог совершил все грехи, которые только

может совершить водитель, кроме собственной гибели. Смерть таилась в тени, тихо посмеиваясь, играя, как кошка с мышью, и заставляя его гадать, когда же сверкнет из темноты крюк и выдернет его из жизни.

Фрог знал, что обратного пути ему не пройти.

Ни один краулер, даже из новейших вездеходов Блейка, не рассчитан на столько дней под солнцем. А уж его музейный экспонат точно не выдержит еще четыре тысячи километров каторги.

Даже если повезет и механика выдержит, кислорода все равно не хватит. Системы регенерации не работают как надо.

Когда уровень горючего в баках упал до половины, Фрог остановил машину и напряженно задумался. А потом двинулся дальше, рискнув жизнью с тем расчетом, что, если заберется достаточно далеко, его спасут и подтвердят результат.

Фрог умел играть в покер. Большие ставки он делал не моргнув глазом.

Сейчас он праздновал успех, нарушив самое непреложное свое правило. Он сбросил теплозащитный костюм.

Человек без костюма не имеет шансов на выживание даже при малейшей неисправности краулера. Но Фрогу казалось, что он полжизни томился в этом дурацком костюме, задыхаясь от запаха собственного пота. Надо было или вылезти, или завопить.

Он окунулся в опасную и сладостную свободу. И на радостях даже позволил себе умыться драгоценной водой и сполоснуть изнутри костюм. А потом принялся за ящик пива, который какой-то дурак, засевший внутри него, уговорил поставить в шкаф с инструментами.

Ополовинив пиво, Фрог связался с Блейком и хриплым голосом доложил о победе, а ребятам на теневой станции дал прослушать хор своих лучших драг и грохотов. Они мало что могли сказать в ответ. Фрог заснул, не допив ящик до конца.

Прозрение наступило, едва он продрал глаза.

— Ты что же творишь, болван старый! Дурости у тебя на девятерых хватит, черт бы тебя побрал. — Он не мешкая влез обратно в костюм. — Ах, Фрог, Фрог, и после этого еще нужно доказывать, что ты чокнулся? Теперь это и так все знают.

Он устроился поудобнее в кресле. Пора начинать ежедневную перебранку с диспетчером передового поста Блейка через все маркеры-трансляторы.

— Этот парень сегодня точно в лужу сел, Фрог. Ты его выставил лжецом, сукиного сына.

Кто-нибудь еще слушает? Хотя бы один человек в Эджорде? Наверное. Весь город уже должен знать. Старик наконец доказал, что он именно такой псих, как все и думали.

Теперь они прилипнут к телевизорам, особенно когда он будет пробиваться назад, а телеметрия будет показывать, как у него кончается кислород. Какие ставки будут за него? И насколько больше — против?

— Ага, — пробормотал он. — Уж смотреть-то они смотрят.

От этой мысли он почувствовал себя выше, красивее, богаче, мужественнее. В одночасье он превратился из городского сумасшедшего в героя дня.

— Вот только Мойра... — Он тут же сник. — Бедная девочка... Для нее сейчас ад кромешный начнется...

Фрог не сразу включил переговорное устройство. Вместо того он принялся изучать изображения на дисплеях — накануне ему было как-то не до них. И ощутил себя опутанным густой паутиной фантазий, постепенно становящихся явью.

Вдоль всей Теневой Линии не было видно ничего, кроме эбонитовых скал слева и пылающей Солнечной Стороны справа. Каждый километр ничем не отличался от предыдущего и следующего. Он не нашел там Эльдорадо, в которое так верили в старые добрые времена, когда все подались в старатели и наперегонки искали залежи побогаче. После первой тысячи километров по целине он перестал искать материнскую жилу.

Даже здесь на первый взгляд все казалось таким же, и только линия хребта, уходя вдаль, терялась где-то среди этих мертвых равнин, тянущихся от оконечности Теневой Линии. Но одно обстоятельство сразу привлекло его внимание: желизны на дисплее становилось все больше, она сгущалась, когда механический глаз оглядывал простирающееся впереди пространство. А чуть дальше, уже почти за пределами видимости, желтый цвет сменялся ядовито-оранжевым.

Желтое. Радиоактивность. А оранжевый означал — радиация там такая, что в очаге ее выделялось тепло. Фрог перевел взгляд на большой экран. Он уже находился на краю того огромного пятна и через днище машины получал дозу радиации.

Фрог забарабанил по клавиатуре терминала, запрашивая ответы.

Дурацкий ящик уже не один час переваривал информацию. И теперь с готовностью выдал ему гипотезы.

— Что за черт? — Фрогу ответ явно не понравился. — Нука, попробуй еще раз.

Машина отказалась. Она знала, что права.

Компьютер утверждал, что здесь падала толщина планетарной мантии. К поверхности выходило щупальце магмы, и конвекционные потоки, идущие из недр планеты, выносили в карман теплые радиоактивные элементы. На протяжении веков здесь формировалась сказочно богатая жила.

Фрог отмахивался от этой мысли и все-таки верил. Хотел верить. Должен был верить. Перед ним то, что он искал всю жизнь. Теперь он богат...

Но эйфория проходила, и он осознавал реальное положение вещей. Перед ним шесть километров мантии, радиоактивная зона, которую еще нужно пройти. Нужно победить солнце, потому что жила залегала у оконечности Теневой Линии... Для шахтной разработки потребуются ядерные взрыватели, уйма оборудования, целые легионы теневых генераторов, словом, материально-техническое обеспечение в армейском масштабе. Придется собрать и обучить целые дивизии, создать совершенно новые технологии извлечения расплавленной магмы из грунта...

Его надежды улетучивались, словно дым по бесконечным коридорам вечности. Он ведь всего лишь Фрог — маленький смешной человечек. Даже у Блейка не хватит ресурсов на такую работу. Придется на протяжении десятилетий вкладывать средства без всякой отдачи — просто в разработку необходимых технологий.

— Будь оно все проклято, — прохрипел он. А потом рассмеялся. — Ну что же, Фрог, одну минуту ты был богат. И тебе это чертовски понравилось!

А потом ему пришла мысль, что все-таки не помешает застолбить этот участок. Вдруг потом кто-нибудь пожелает приобрести у него лицензию на разработку?

Нет. Не выйдет. Единственный реальный покупатель — компания Блейка. А он не собирается делать этих людей еще богаче. И потому будет держать язык за зубами.

И все-таки тут было о чем подумать. Как следует подумать.

Раздосадованный, он велел компьютеру заблокировать всю информацию о жиле.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ:
3031 год н.э.

Кассий вошел в кабинет, а вслед за ним — Маус.

— Вызывали?

Шторм убрал кларнет, поправил повязку на глазу и кивнул.

— У сыновей снова руки чешутся меня защитить, Кассий.

— М-да... — Кассий занимал в их семействе особое положение. Он был не только заместителем командующего, но одновременно и тестем Шторма, и его зятем. Шторм был женат на его дочери Фриде. А Кассий женился вторым браком на старшей дочери Шторма от женщины, давно уже умершей. Штормов связывали с их капитанами запутанные, почти кровосмесительные отношения.

— К нам приближается яхта, — сказал Шторм, — за которой гонится крейсер. На обоих кораблях опознавательные знаки Ричарда. Наши ребята уже привели в действие минные поля.

И без того холодное лицо Кассия стало теперь ледяным. Он переглянулся со Штормом, нахмурился и, приподнявшись на носках, сказал:

— Опять Майкл Ди.

— А мои ребята твердо решили не подпускать его ко мне.

Кассий не высказал мнения по поводу разумности этих усилий. Только спросил:

— Он возвращается? После похищения Поллианны? У него больше наглости, чем я думал.

Шторм усмехнулся, но тут же снова посерьезнел под тяжелым взглядом Кассия.

— Пожалуй, ты прав, смешного здесь мало.

Поллианна Эйт была женой его сына Люцифера. Их совместная жизнь длилась недолго. Брак оказался катастрофой. Совсем не такая девушка нужна была Люциферу.

Люцифер был одним из любимейших детей Шторма, несмотря на все усилия осложнить жизнь своему отцу. Его талант лежал в области поэзии и музыки. Но ему не хватило здравого смысла, чтобы предаваться этим искусствам. Он хотел быть солдатом.

Шторм не хотел, чтобы дети шли по его стопам. Военная профессия была тупиком, историко-социальной аномалией, постепенно изживающей себя. Шторм не видел будущего для своей профессии. Но воспрепятствовать сыновьям в их стремлении остаться с Легионом тоже не мог.

Несколько из них заняли в Легионе ключевые позиции.

Среди людей, стоявших у его истоков, выжила лишь небольшая горстка. Угрюмый Кассий. Похожие на призраков братья Вульф и Гельмут Дарксорды. Несколько сержантов. Отец его, Борис, братья отца и его самого — Вильям, Говард, Вердж и многие другие — все нашли смерть без воскрешения.

Семья старилась и дряхлела. А враг в ночи набирался сил... Шторм мучительно застонал. Хватит. А то он станет игрушкой своей одержимости страхом судьбы.

— Он возвращает ее обратно, Кассий.

Шторм сдержанно улыбнулся.

Поллианна была авантюристкой. Она вышла замуж за Люцифера, чтобы приблизиться к людям, подобным Шторму, а не от увлечения поэтом. Для Майкла не составляло особого труда манипулировать ею, играя на неудовлетворенной жажде деятельности.

— Видишь ли, все подсчитав, он понял, что боится меня больше, чем сам полагал. Я нагнал его на Большой Сахарной Горе три недели назад. Между нами состоялся долгий разговор с глазу на глаз. Думаю, нож сыграл свою роль. Он боится потерять лицо. И все еще беспокоится за Феарчайлда.

Маус изо всех сил старался не привлекать к себе внимание. Отец несколько раз скользил по нему взглядом, и каждый раз тень пробегала по его лицу. Ясно было, что взрыв неминуем.

— Ты? Пытал? Ди? — с трудом выговорил Кассий. — А ты уверен, что он не затеял все это, чтобы набить себе цену?

Шторм улыбнулся. Маусу его улыбка не нравилась — в ней сквозило что-то жестокое. Он тут же вспоминал, что в характере отца есть черты, которые с трудом можно назвать человеческими.

— Вот уже больше столетия, как мы вместе, Кассий. А ты до сих пор меня не понимаешь. Конечно, Майкл готовит какой-то подвох. Это заложено в его природе. Так почему ты считаешь, что пытать кого-то противоречит моей сущности? Я обещал Майклу защитить его. А значит — и он прекрасно это понимает, — сам я не стану его убивать. И не позволю, чтобы его убили, воспользовавшись тем, что я про него знаю.

— Но...

— Когда он перейдет мне дорогу, у меня по-прежнему останется выбор. Я доказал ему это на Горе.

Маус содрогнулся, заметив, как на губах Кассия заиграла зловещая, понимающая улыбка. Кассий никогда не мог постичь, что связывало этих братьев-полукровок. Ему нравилось, что Шторм нашел для себя эту хитроумную лазейку.

Кассий радовался всякий раз, когда горевал Ди. У полковника был к нему свой счет. Феарчайлд все еще не заплатил ему за руку.

«А они ведь по-настоящему жестоки, — подумал Маус, немного удивленный. — Моя семья. Я даже не представлял себе...»

Слишком долго он отсутствовал. И забыл их темные стороны.

— К делу, — сказал Кассий. — Если Поллианна в руках Майкла и за ними гонится Ричард, будет пальба. Значит, нам пора отправиться на передовую.

— Именно это я и хотел предложить, — сказал Шторм, поднимаясь. — Пока сыновья не избавили меня от этой напасти по имени Майкл Ди. — Он рассмеялся и добавил, перефразируя Люцифера, позаимствовавшего строчку из «Генриха Второго», где тот говорит о Бекете: — «И бедной Поллианны с ним в придачу».

«Бедный Люцифер, — подумал Маус. — Только он и проиграет, если сумеет воспрепятствовать высадке Майкла».

Шторм свистнул псам:

— Гери! Фреки! Ко мне!

Собаки, до того шнырявшие по комнате, бросились к нему с подобострастным видом. Им позволялось свободно разгуливать по всей Крепости, но они делали это только в сопровождении хозяина.

Шторм накинул излюбленный серый плащ и, посадив на руку вороноящера, вышел за дверь. За ним, сдерживая шаг,

направился Кассий. Маус поспешил за ними. Собаки трусили чуть впереди в поисках несуществующей опасности.

— Маус! — рявкнул вдруг Шторм и остановился. — А ты какого черта здесь делаешь?

— Я посылал за ним, — ответил Кассий холодным металлическим голосом. Маус поежился. Слишком уж безжизненным и лишенным эмоций показался ему тон полковника. — Я связался с друзьями с Луны-Командной. И они все устроили. Положение таково, что...

— Положение таково, Кассий, что он мне здесь совершенно не нужен. У него есть возможность пойти собственной дорогой. Ради Бога, пусть он ею воспользуется. Слишком многие из моих детей уже угодили в эту ловушку.

Когда Шторм пошел дальше, Кассий обернулся и сказал:

— Подожди меня в кабинете, Маус. А я пройдусь вместе с ним.

— Есть, сэр!

Маус постепенно проникался чувствами отца. Дух обреченности витал над Крепостью. Назревали какие-то крупные события. И отец не хотел, чтобы он ввязывался во все это. Кассий же считал это его долгом. Маусу стало не по себе. Столкновение воль этих двоих и представить себе страшно, а его присутствие торопит этот момент.

Какая опасность может угрожать Крепости? Первый оборонительный эшелон продуман так, что только Флоту Конфедерации под силу его сокрушить. Но отец и Кассий всегда ладили с далеким правительством.

Оставшись один в кабинете полковника, Маус мрачно задумался. И вдруг понял, что подражает собственному отцу. Но остановиться не мог.

Неужели это Майкл Ди?

Предчувствие беды стало почти осязаемым.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:
2844 год н.э.

Диф стоял подле своей матери, разодетый в пух и прах, на голове его покоилась дурацкая фетровая шляпа наследника Семейства. Он приветствовал гостей. Мужчины пожимали ему руку, женщины чинно приседали в реверансе. Паф, двенадцатилетний наследник Дарвонов, метнул в него взгляд, обе-

щавший разборку впоследствии. В ответ Диф напугал до смерти хилого и болезненного наследника Сексонов. Мальчишка разрыдался. Его родители не знали, куда деться от стыда.

Сексоны были единственным из Первых Семейств, сохранивших присутствие на Префектласе. И им стоило немалых трудов поддерживать свой имидж.

Диф тут же осознал свою ошибку, когда отец удостоил его еще более многообещающим взглядом, чем Дарвон в'Паф.

Он не раскаивался. Семь бед — один ответ. Сексонскому отпрыску этот визит надолго запомнится.

Прием шел по заведенному порядку. Взрослые тут же принялись за выпивку. К ужину они так нагрузятся, что вряд ли смогут оценить изысканную кухню его матери.

Детей собрали в отдельном крыле особняка, чтобы не путались под ногами и при этом находились под неусыпным надзором. Но, как всегда, бдительность гувернанток быстро ослабла, и дети принялись ревностно устанавливать кулачное право. Диф был самым младшим, и его никто не боялся, кроме сексонского наследника.

Когда этот мальчик возглавит Семью, это будет началом заката Сексонов.

Дарвонский мальчик питал к Дифу особую ненависть. Паф выделялся своей силой, но ума был невеликого. Он загонял свою жертву в угол со злобным упорством.

Диф не показывал виду, но перетрусил порядком. У Пафа ведь не хватит мозгов вовремя остановиться. Он может такую свалку устроить, что взрослым придется прибегнуть к официальным протестам. А отношения между Дарвонами и Норбонами и без того натянутые. Одна случайная стычка может вылиться в кровную месть.

Приглашение на ужин, как Бог из машины, спасло ситуацию.

Зачем только мать его приглашает тех, кто имеет зуб на их Семью? И почему обиды социального плана забываются медленнее, чем поражения в бизнесе?

Он твердо решил стать богатейшим сангарийцем всех времен. Богатство диктует собственные правила. Он вывернет все наизнанку, заставив Семейства руководствоваться здравым смыслом.

Застолье казалось Дифу невыносимо формальным и ритуальным.

Дело оборачивалось мрачно. Алкоголь сделал свое дело, но не вызвал подъем настроения и дружелюбия, а выплеснул наружу зависть и раздражение Семейств, вытесненных Норбонами с осирианского рынка.

Диф вымученно улыбался, стараясь не замечать окружающих его постных физиономий. Ужин протекал при гробовом молчании. На лицах крепло выражение враждебности.

Когда подали десерт, Дарвон-старший бросил вполголоса что-то оскорбительное в адрес Норбонов. Потом повторил то же самое погромче. Дифу стало страшно.

Все знали, что этот человек — горький пьяница, да и в трезвом виде не особо воздержан на язык. Он может повести себя так, что Норбону не останется иного выхода, кроме дуэли.

Дарвон был ненамного умнее своего сына. Его так и подмывало зацепить человека, добившегося в жизни большего, чем он сам. И конечно же, глупая напыщенность его наследника неминуемо вовлечет его в вендетту. Тогда семья Норбонов налетит на него, как лев на котенка, и проглотит целиком.

Но дурак есть дурак — он всегда мелет всякий вздор, не задумываясь о последствиях. И Дарвон продолжал наседать. Его соседи по столу потихоньку отодвинулись, стараясь отмежеваться от его замечаний. Разделяя его ненависть, они вовсе не хотели разделять его глупость. И сидели теперь с мрачной безучастностью, словно грифы, парящие в воздухе в ожидании мертвечины.

Сангарийцы всегда находили удовольствие в чужих распрях.

За секунду до того, как вызов стал неминуем, вмешалась судьба.

В зал неожиданно ворвался Рафу с налитыми кровью глазами, потный, с перекошенным от страха лицом.

Он без всяких церемоний прервал хозяина на полуслове.

— Началось, сэр! — выпалил он, дыша Норбону в лицо. — Полевые рабочие объединились с племенным скотом и напали на надсмотрщиков. У некоторых есть оружие — раздобыли у дикарей. Сейчас мы пытаемся их усмирить, но возможна атака из леса.

Гости взволнованно загудели. Главы Семейств и управляющие наперебой просили разрешения связаться со станциями. Трудно было выбрать более подходящий момент для вос-

стания. Все, чье слово в Префектласе решало, находились далеко от своих мест.

Гости, сбивчиво извиняясь, один за другим вставали из-за стола. Ропот неуверенности перешел в испуганный гул.

Панику усилил офицер вооруженных сил Норбонов. Он влетел галопом, перекрикивая шум:

— Сэр! Внимание всем! Сигнал с «Норбонского Копья»!

«Копье» было персональной яхтой Главы и флагманом флота Семьи.

— Неизвестные космолеты численностью до флотилии только что вышли из гиперпространства внутри лунной орбиты!

Во внезапно наступившей тишине кто-то чихнул. Сотня бледных лиц повернулась к офицеру.

— На вызовы не отвечают. Судя по типу, корабли принадлежат флоту людей. Сигнал с «Копья» внезапно прервался. Восстановить связь с кораблем не удалось. В районе его местонахождения мониторы показали резкий скачок гамма-радиации. Компьютер утверждает, что корабль получил пробоину в секторе двигателей, и произошел взрыв генераторов.

Тишина взорвалась. Все наперегонки устремились к выходу, думая теперь лишь об одном — как бы поскорее добраться до собственной станции. Постоянный кошмар сангарийцев стал явью. Люди отыскали своих мучителей.

Словно сам дьявол парил теперь по огромному залу, нагоняя ужас на всех, заставляя завороженно следить за своим безумным полетом. Женщины выли от страха. Мужчины с руганью пробивались к выходу, расталкивая всех локтями.

Налеты на станции случались и раньше. Люди не знали пощады. Их удовлетворяло лишь одно — полное уничтожение.

Конечно, Префектлас представлял собой целый мир, а мир нельзя взять наскоком и оккупировать, словно крохотный островок в океане. Без подавляющего численного превосходства в кораблях и живой силе — никак. Префектлас, хотя население его и жило разрозненно, обладал разветвленной сетью оборонительных сооружений. Сангарийцы бдительно стерегли свои богатства. В нормальных условиях одной флотилии под силу было бы лишь организовать блокаду.

Однако сейчас обстановка была далека от нормальной. Люди, принимающие решения, сосредоточились в одном ме-

сте, вдалеке от сил, которыми они командовали. Никто так и не смог побороть гордость и упрямство Семейств и создать централизованную командную структуру. В отсутствие командиров вооруженные силы Семей лодырничали вдалеке от своих постов. А если восстание рабов было всеобщим, у них и без того дел хоть отбавляй. Действуя стремительно, люди успеют высадиться прежде, чем персонал станций займет посты и запустит ракеты-перехватчики.

Даже Диф это понимал. Еще он видел то, чего не видели большинство взрослых. Мятеж и атака извне были скоординированы и приурочены к самой кульминации этой вечеринки.

Кто-то из жителей Префектласа работал на людей.

Командиру их оставалось только захватить норбонскую станцию, и тогда он получал контроль над всей планетой. Устранив лидеров и накрыв их корабли внутри защитного зонтика, он сможет прибрать к рукам все поместья по одному. И завоевать целый мир ничтожными силами.

Вся эта история отдавала пиратской дерзостью. Само собой, подкрепленной чьим-то предательством.

И вот сейчас какой-то командир, чуть поумнее остальных животных, посмеивался втихомолку, сколачивая себе состояние.

Уже много лет назад, встретившись с сангарийцами и узнав, что их считают животными, люди приняли целый свод законов, поощряющих варварское отношение к сангарийцам. Тех, кто завоюет хоть один из их миров, осыплет золотой дождь. Даже самый низший чин на корабле сможет выйти в отставку и жить на проценты. А если это мир с развитой цивилизацией, то награда за него не поддавалась оценке.

Бой будет беспощадным. Ненависть людей подогревается их жадностью.

Норбон-старший соображал так же быстро, как и его сын. Он видел, что поражение и гибель неизбежны. А потому сказал жене:

— Уведи мальчика и одень его в рабские лохмотья. Рафу, ты пойдешь с ней. Пусть он затеряется в учебной зоне. Они там друг друга не знают. Так что он сможет пройти.

Мать Дифа и старый зоотехник все поняли. Глава Семейства хватался сейчас за последний шанс спасти продолжателя рода.

— Диф, — обратился к нему отец, опускаясь на колени. — Ты ведь понимаешь, что происходит?

Диф кивнул. Заговорить он не решился. Рассмотрев и обдумав все возможные исходы, он испугался. И не хотел выдавать своего страха.

— Ты ведь знаешь, что нужно делать? Спрячься вместе с животными. Тебе это не так сложно. Ты мальчик смышленый. А они этого не ждут. В свалку не лезь. Когда представится возможность, вернись на родину. Объяви восстановление Семьи и вендетту тем, кто нас предал. За меня и мать. И за всех наших, которые здесь погибнут. Понял меня? Сделаешь?

И снова Диф лишь кивнул в ответ. Взгляд его заметался по залу. Кто предатель? И сколько здесь доживут до рассвета?

— Ну, кажется, все. — Отец крепко, до боли стиснул его в объятиях. Прежде он никогда этого не делал. Старый Норбон не любил демонстрировать свои чувства. — Хотя постой-ка.

Норбон достал складной ножик. Вытащив лезвие, он царапнул Дифу кожу на левом запястье, и выступила цепочка капелек крови. Смочив перо, отец написал на его руке длинную серию цифр.

— Вот где ты найдешь свой Хулар, Диф. На Осирисе. Эти числа есть только у меня в голове и у тебя на запястье. Будь осторожен. Чтобы вернуться, тебе понадобится богатство.

Диф вымученно улыбнулся. Какой же все-таки умница его отец — кому еще придет в голову замаскировать самый ценный секрет под номерной знак полевого рабочего?

Норбон снова его обнял.

— Теперь иди. И спеши. Высадка у них не займет много времени.

Впереди послышался отрывистый вой. Диф улыбнулся. Кто-то привел в действие оборонные сооружения станции и теперь запускает ракеты.

Его радость исчезла, когда послышались ответные взрывы. Он торопливо двинулся вслед за матерью и Рафу. В окна хлынуло белое сияние — атмосфера над станцией раскалилась. Гости завопили еще отчаяннее.

Противник начал артподготовку. Защитники станции пытались сбивать его ракеты.

В стойлах рабов царил невообразимый хаос. Диф различил крики и шум борьбы задолго до того, как они с Рафу добрались до смотровой площадки.

На помощь надсмотрщикам пришла охрана дома, и все-таки животных так и не удалось усмирить. Пол купола усеяли мертвые тела. Большинство — полевые рабочие, но и от числа трупов в синей норбонской униформе становилось плохо. Военные и надсмотрщики были скованы в своих действиях — им приходилось беречь ценное имущество.

— Что-то не видно диких животных, Рафу.

— Да, любопытно. Зачем было давать оружие, а самим не воевать?

— Вели им не жалеть скот. Если сюда прорвутся корабли людей, это уже будет не важно.

— Да, конечно.

Осмотревшись минуту, Рафу сказал:

— Пора тебе уходить. — Он обнял мальчика так же крепко, как незадолго перед этим его отец. — Будь осторожен, Диф. Сначала думай, потом делай. Рассчитывай последствия. Не забывай, что ты теперь — Семья.

Рафу провел по глазам тыльной стороной ладони.

— И вот еще: я всегда радовался, когда ты приходил сюда, молодой хозяин. Не забывай старого Рафу. И когда вернешься в Метрополию, убей одного гада и за меня.

В подозрительно влажных глазах Рафу Диф прочитал предчувствие скорой смерти. Старый авантюрист не надеялся пережить эту ночь.

— Я сделаю это, Рафу. Обещаю.

Диф стиснул жесткую руку. Рафу до сих пор остался бойцом. Он не побежит. Он умрет, но животным не лишить его ни храбрости, ни чувства превосходства.

Диф хотел было спросить, почему это он должен бежать, если все остальные собираются стоять насмерть. Рафу оборвал его на полуслове.

— Слушай меня внимательно, Диф. Ты пройдешь вниз по ступенькам до самого конца. Там ты увидишь две двери и войдешь в ту, что справа. Она ведет в коридор, который тянется вдоль учебной зоны. Там сейчас никого нет. Ты пройдешь весь коридор и снова упрешься в две двери. Тебе нужна та, на которой написано «Выход». Через нее ты попадешь на

огород. Там иди вдоль ситлачной теплицы. Через час доберешься до леса. Иди дальше и упрешься в поселок животных. Оставайся у них до тех пор, пока у тебя не появится возможность покинуть планету. И, ради всего святого, старайся ничем от них не отличаться и сойти за равного. Иначе тебе конец. Не доверяй никому из них и не сближайся ни с кем. Понял меня?

Диф кивнул. Он знал, что нужно делать. Но не хотел уходить.

— Давай! Катись! — повторил Рафу, подталкивая его к лестнице. — И будь осторожен.

Диф медленно направился к ступенькам. Он несколько раз оглядывался, пока шел. Рафу в последний раз помахал ему рукой и отвернулся, пряча слезы.

— Он умрет, как надо, — прошептал про себя Диф.

Он добрался до аварийного выхода и осторожно выглянул наружу. На полях было не так темно, как он ожидал. Кто-то включил освещение в ситлачном парнике. К тому же горели бараки рабов. То ли сами животные их подожгли, то ли пожар вспыхнул после бомбардировки.

Маленькие, недолговечные солнца то и дело вспыхивали между звезд. С дальней оконечности станции доносились раскаты грома. Противник уничтожал пусковые шахты. Вой взлетающих в небо ракет сменился взрывами.

Люди приближались. Диф посмотрел вверх, в сторону созвездия, которое Рафу окрестил Кратом — по названию хищной птицы, водящейся в Метрополии. Где-то там находилась звезда — прародительница людей.

Но различить созвездие не смог. Над головой у него вспыхнуло множество новых звезд, и они разгорались все ярче.

Люди вышли на последний бросок. Нужно спешить, пока еще можно выбраться из зоны, зажатой в клещи их штурмовиками.

Диф бросился к ситлачной теплице. Когда он к ней подходил, новые звезды уже разрослись до небольших солнц. Ракеты вылетали из них рой за роем. Сквозь разрывы бомб над станцией прорывался рокот двигателей.

Корабли были уже на высоте нескольких тысяч футов и прорывались к поверхности. Но и спасение было совсем близко. Если ему вообще удастся спастись.

Целый выводок ракет метнулся к ярко освещенному куполу теплицы. Диф снова побежал, устремляясь прямо в темноту. Сзади раздалась россыпь взрывов. Взрывная волна подбросила Дифа вверх и закрутила в воздушном вихре. Огни купола погасли. Диф поднимался, падал, снова поднимался и ковылял дальше. Нос его кровоточил, уши заложило.

Он шел наобум, не видя дороги. Частые вспышки взрывов мешали ему привыкнуть к темноте.

Десантные корабли уже приземлились.

Один из них сел так близко от Дифа, что его обдало волной горячего воздуха. А он все шел к лесу, не замечая рытвин и ухабов, пока не оказался в безопасности. Там он остановился и стал смотреть, как люди выпрыгивают из корабля и устанавливают связь с соседями справа и слева. Горящая станция озаряла их фигуры зловещим светом.

Диф узнал это подразделение. Силы быстрого реагирования — сливки космической пехоты Конфедерации, лучшие и беспощаднейшие солдаты людей. Из их кольца никому не вырваться.

Он всхлипнул, подумав о родителях и Рафу. А потом утер слезы кулаком и направился в глубь леса, не думая о том, что его может обнаружить радар, настроенный на живую силу. Каждые сто шагов он останавливался и оглядывался назад.

В небе уже занималась заря, когда он дошел до первых деревьев. Они росли в одну линию, словно палисадник, — так их высадили создатели станции. Диф как будто укрылся от рока за надежным бастионом.

Когда слух вернулся к нему, он уловил чьи-то осторожные движения. Оказывается, он бежал не в одиночку. Диф сторонился всех, кого встречал на своем пути. Он был слишком потрясен, к тому же плохо владел языком рабов, и на вопросы животных ответить было бы трудно. Дикие особи изъяснялись на другом наречии. С ними Диф надеялся договориться проще. Если их найдет.

Один из них нашел его сам.

Диф уже углубился в лес на четверть мили, когда на него выпрыгнул оборванный вонючий старик с изуродованной ногой. Он напал столь неожиданно, что у Дифа шансов не было. Попытка сопротивления была пресечена ударом кулака в лицо.

От удара Диф прикусил язык в середине сангарийского проклятия и спросил, теперь уже на языке животных:

— Что вы делаете?

Старик снова его ударил. Диф успел только простонать — больше ни на что он не был способен, — как старик набросил ему на голову мешок, натянул его до самых лодыжек и туго завязал. Секундой позже Диф висел в жалком положении головой вниз на костлявом плече.

Так Диф стал трофеем.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ:
3052 год н.э.

У моего отца была весьма необычная философия — запутанная, пессимистическая и фаталистическая. О содержании ее можно судить по тому, что он каждый день перечитывал Экклезиаста.

Он верил, что наше существование — подстроенная игра. Добро тщетно борется со Злом. Время от времени оно выигрывает тактические бои местного значения, но лишь потому, что Зло, уверенное в конечной победе, с ним играет. Зло не знает ограничений. В конце, когда подсчитают очки, Зло окажется в большом выигрыше. Все, что в силах человека, — смело смотреть правде в глаза, биться, зная, что обречен на разгром, и оттягивать час поражения до последней капли крови.

Его понимание Добра и Зла отличалось от общепринятого. Он считал, что все зависит от точки зрения. «Я» всегда на стороне ангелов. «Они» — всегда злодеи. Исламо-иудео-христианское абсолютное понятие Зла он считал неудачной и неразумной шуткой.

Энтропия — вот приблизительный словесный эквивалент для того, что Гней Юлий Шторм называл злом. Энтропия антропоморфного свойства, со злорадной жадностью пожирающая любовь и дух созидательства, которые, как я думаю, он считал главными составляющими Добра.

Довольно необычные взгляды, но прежде чем пройти за ним по тому лабиринту, что зовется Теневой Линией, тебе придется понять, что он это видел так.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ:
3031 год н.э.

Шторм, Кассий и собаки сгрудились в кабине лифта. Он рванулся вниз, в самое сердце планетоида, к Центру Тактической Информации и Транспортной Службы.

Бенджамен, Гомер и Люцифер пришли в полное смятение, когда их отец вошел в Центр. Шторм мрачно вглядывался в их лица, озаряемые вспышками на дисплее тактического компьютера и карте звездного неба. Все молчали.

Сыновья Шторма стояли потупившись, словно дети, пойманные с запретными спичками в руках. Шторм повернулся вполоборота к Кассию, глядя на вахтенного офицера. Кассий наклонил голову. Вахтенному офицеру предстояло объяснить, почему он не доложил об обнаруженных кораблях. И вспомнить, чем он обязан Гнею Шторму. Разнос ему предстоял ураганный.

Для Кассия подобный проступок был непостижим. Он бы никогда не позволил своей ненависти к семейству Ди влиять на выполнение своего долга. Ди были презренной шайкой лицемерных жуликов, рвачей, информационных дельцов. Бесполезной тратой жизненной энергии. Но... Кассий подавлял свои чувства, потому что верил в безошибочность суждений Шторма. А этот вахтенный офицер служил в Легионе не так долго, чтобы приобрести эту веру.

Случись Шторму когда-нибудь ошибиться, явно и жестоко... Кассий не знал, как бы он поступил. Он так долго прослужил вместе со Штормом, что — не исключено — упрямо следовал бы уставу.

Шторм снова оглядел сыновей и удостоил Люцифера одной из своих столь редких улыбок. Этот дурак пытался убить собственную жену.

Шторм подумал о Поллианне и передернулся.

На этот раз придется их простить. Он сам виноват в этом карманном мятеже. Надо было рассказать про женщину.

Тогдашние свои действия он теперь не слишком высоко оценивал. Просто поступил, как обычно, не ставя никого в известность, что делает и почему. Последнее время он стал часто ошибаться. Наверное, стареет. В его ремесле выживают те, кто не оставляет места для ошибки.

Он встретился взглядом с Люцифером, и сын его отшатнулся, будто его толкнули.

Люцифер был всего на шесть лет старше Мауса. Высокий, хорошо сложенный, по складу ума он пошел в мать.

Леди Пруденс Гэльская славилась среди небесных сейнеров как поэтесса и музыкантша в ту пору, когда ее народ, загадочные ловцы звезд, еще не скрылся окончательно в межзвездных глубинах. Она явилась в Крепость в качестве эмиссара, жалуясь на Префектлас и умоляя спасти ее малозаселенный, далекий мир от сангарийской тирании.

Шторма тронуло ее беззащитное доверие. Никто не знал, как найти неуловимых сейнеров. Она выдала ему эту тайну в наивной надежде, что это побудит его прийти на помощь. Она метнула кости, поставив все на один бросок.

И выиграла.

Шторму не пришлось потом раскаиваться.

Пруди ему запомнилась лучше всех остальных женщин. Наедине с ним — горячий, ненасытный комочек плоти. На людях — женщина холодная, знающая свое дело, порою властная, а еще — дерзновенная. Ошеломляюще дерзновенная. Никогда прежде и никогда после нее никому не удавалось втянуть Железный Легион в битву наугад.

Он очистил ее мир от сангарийцев. Она подарила ему сына. А потом пути их разошлись.

У Шторма было без счета женщин, родивших ему десятки детей. Родители его тоже не знали понятия «верность». Трое его братьев родились от разных матерей. Майкл Ди — от другого и притом неизвестного отца.

У Фриды Шторм тоже случались измены. К похождениям Гнея она относилась спокойно.

А потому Люцифер родился художником. И хорошим. Его стихи были на уровне таких гигантов, как Моро и Чижевски. Визуалист Бороба Тринг создал калейдоскопическое шоу на основе Люциферова эпоса «Зольдатен», воспевающего Легион, а в качестве музыкального сопровождения воспользовался симфонией Люцифера в вагнеровском духе.

Однако Люцифер считал для себя поэзию и музыку не больше, чем хобби.

Он твердо решил стать солдатом. Тщетная надежда. Для этого ему не хватало инстинктов убийцы.

Солдат удачи обязан действовать без тени угрызений совести. Ему противостоят профессионалы, действующие быстро и беспощадно. Они не оставляют противнику времени на рефлексии и сожаления по поводу варварской сущности войны.

Шторм прощал Люциферу его недостатки охотнее, чем сыновьям, не обладающим талантами. На этого мальчика он надеялся. Быть может, когда-нибудь Люцифер одумается и найдет свой путь.

Бенджамен и Гомер были близнецами. Единственные дети Шторма от Фриды, они теоретически и по собственной своей оценке были его любимцами. И бунтовщиками. Мать же всегда защищала их, как злющая старая кошка — своих котят.

«Может быть, моя вина, что они бунтуют, — подумал Шторм. — Они уже десятки лет как мужчины, а я с ними как с мальчишками. У них же у самих внуки, черт побери!»

От такой долгой жизни у человека смещается временная перспектива.

Близнецы были разными, как день и ночь. Шторм временами сомневался, что оба — его сыновья.

Бенджамена — светловолосого Аполлона — легионеры помоложе, считающие его отца исторической реликвией, просто обожали. Но в трудных ситуациях обратятся ли они к Бенджамену? Нет. Бенджамен Шторм мог и не выдержать давления.

Его мать и друзья видели в нем кронпринца Легиона. Отец так не считал. Если Железный Легион переживет Гнея Шторма, то из всех детей Шторма лишь любимец Кассия обладает тем, что нужно, чтобы править наемниками и бросать их в битву.

Бенджамен умел завоевывать сторонников одним словом, одним жестом. Он обладал этим редкостным даром — внушить любому, что тот — единственное человеческое существо во всей вселенной, до которого Бенджамену есть дело. Но способен ли он привить людям веру?

Не исключено, что Бенджамен однажды возглавит Легион, если отец его сам не назначит себе преемника. Но только до первого дела. У Шторма не вызывало сомнений, что сын его, будучи сильной личностью, возьмет верх над другими претендентами. Но он с трудом представлял себе успехи Бенджамена на полях сражений.

Бенджамен мог повести за собой людей, как гаммельнский крысолов, но доведись ему столкнуться с такими противниками, как Хоксблад и ван Бреда Колффс, они пропустят его харизму через мясорубку и намажут себе на бутерброд.

Гомер был антиподом Бенджамена. Слепец от рождения, погруженный во мрак умственно и физически, неловкий, уродливый, он вызывал отвращение у всех, кроме своего близнеца. Бенджамен был его единственным другом. Гомер ходил за братом повсюду, будто лишь Бенджамен мог рассеять мрак в его душе.

Как бы в компенсацию за свою жестокость природа наделила Гомера слабыми психическими способностями, но и те не приносили ему пользы. Он был желчен, и не без причины. Не уступая в остроте ума остальным членам семейства, он томился в теле, которое было лишь чуть лучше трупа.

Люди Шторма считали близнецов самой наглядной иллюстрацией двойственности их отца. Бенджамен унаследовал от него внешность и обаяние, Гомер — ярость, боль и мрак души.

Бенджамен встретился с отцом взглядом, и на лице его заиграла торжествующая улыбка. В незрячих глазах Гомера не было раскаяния. Он ничего не боялся. Нельзя было наказать его суровее, чем это сделала сама жизнь.

Он ожидал для себя только зла. И заранее с ним смирился.

У Шторма болела душа за него. Он знал ту тьму, что управляла Гомером, — знал давно и близко.

По меньшей мере раз в день обращался Шторм ко всеми забытой книге, задумчиво перечитывая послание такого же Шторма, что умер четыре тысячелетия назад.

«Суета сует, сказал Экклезиаст, суета сует — все суета!

Что пользы человеку от всех трудов его, которыми трудится он под солнцем?»

Гней Шторм не меньше Гомера видел, как реки текут в моря, и знал, что моря не переполняются. Наоборот, они век от века мельчают и когда-нибудь исчезнут совсем. И что пользы человеку от всех трудов его, если все деяния его — томление духа? Этот Враг несокрушим. Его силы неограниченны и вечны, и Шторм знал, что в этой долгой борьбе обречен на поражение за поражением.

Но в отличие от Иерусалимского Проповедника Шторм не желал сдаваться. Вопреки всему, возможна победа в битве духа. Сохранив мужество, он сумеет оставить свою отметину на жестоком лике поражения. Сдаться — или пойти навстречу судьбе с улыбкой на устах. Это единственный реальный выбор, который ему — как и любому другому — предоставила жизнь.

— К нам приближается корабль, — заговорил он наконец и стряхнул с руки вороноящера. Птица метнулась в тень. Никто не обратил внимания.

Спорить никто не стал. Истина явно выступила на звездных глобусах дисплеев.

— Это корабль Майкла Ди, как я полагаю. Установите с ним связь. Дайте ему проход через минные поля.

Солдаты ринулись выполнять команду раньше, чем успели рявкнуть «Есть, сэр!». Каждый старался показать усердие. Похоже, наказание откладывалось до конца вахты.

— Служба движения, свяжитесь и вы с этим крейсером. Я хочу поговорить с капитаном. Привести все защитные системы в состояние готовности.

— Контакт с Ди, прямой визуальный канал, — доложил сотрудник службы движения.

— Благодарю.

Гней уселся возле аппарата. Кассий встал у него за спиной. Через несколько секунд на экране высветилась лисья физиономия Майкла Ди. Гримаса беспокойства моментально сменилась ослепительной улыбкой.

— Гней, до чего ж я рад тебя видеть! Я уже думал было, что ты не ответишь на мой сигнал.

— Я должен был обдумать и это. — Ди уже не улыбался. Теперь его лицо было простодушно честным, словно у проповедника. И лишь в приподнятых уголках глаз притаилась хитрость. — Я даже сейчас могу передумать. Ты привез мой груз?

Теперь Ди предстал в своем собственном обличье. Без грима. Без маски. Темные глаза, узкое лицо, нос в крапинках и острые, выступающие зубы придавали ему отчетливое сходство с лисой.

«Вот он — подлинный Майкл», — подумал Шторм.

Ди был многолик. Обладая почти сверхъестественным даром менять обличья, он редко отказывался от маскарада. Имея

время на изучение, он мог усвоить особенности речи и поведения практически любого человека. Ди находил этот талант весьма полезным в своем ремесле. Он был репортером-ландскнехтом.

– Конечно, я ведь обещал, да? — произнес Ди с глумливой улыбкой, уверенный, что брат не бросит его на съедение волкам Хоксблада.

– Покажи мне ее, Майкл.

Майкл резко отодвинулся от камеры, и на экране показалось смазливое личико Поллианны Эйт. По центру управления пробежал легкий вздох.

– Ладно. Даю проход. Конец связи. — Шторм подтолкнул локтем офицера связи. Тот понял намек и блокировал канал прежде, чем Ди вернулся к аппарату.

За его спиной шумно заерзал Люцифер. Шторм повернулся к нему и, предупреждая любые замечания, произнес:

– Люцифер, подготовь входные шлюзы. Не позволяй Майклу бродить где попало. Сними его с корабля и обыщи корабль.

Ди славился своим коварством. Еще в детстве он научился разжигать раздоры с выгодой для себя. Кровная вражда между Ричардом Хоксбладом и его братом была его шедевром.

Ди просто ничего не мог с собой поделать. Его непреодолимо тянуло лгать и влезать в чужие дела. Когда-нибудь эта страсть его погубит.

Наверняка Майкл явился сюда не только ради того, чтобы доставить Поллианну домой. Не такой он человек, чтобы хоть что-то делать без задней мысли. У него всегда была пара карт в рукаве.

Шторм считал, что разгадал намерения Ди. Хоксблад выдал его, проявив интерес к Черному Миру.

Майкл попытается втравить в это дело Легион. Меркурианские войны оказались потрясающим материалом для развлекательных передач голосети. На этих репортажах Майкл разбогател. Некоторые из этих войн он сам инспирировал, чтобы было что показывать.

Однако просто знать намерения Майкла — этого мало. Слишком он хитроумный. Его работу можно и не заметить.

Сотрудник диспетчерской службы уже связался с кораблем, преследующим Ди.

— Кассий, кто он такой?

— Лоренс Абусси. Один из лучших капитанов Ричарда. Должно быть, Ричард заставил его действовать вслепую. Он удивился, когда увидел меня.

— Характерно для Ричарда.

Хоксблад был помешан на секретности.

Шторм включил звук.

— Капитан Абусси, вы вторглись в чужое пространство.

— Мы заметили ваши предупредительные сигналы, полковник, — ответил командир корабля. — Но мой приказ ясен: захватить яхту.

— По крайней мере он вежлив, — шепнул Шторм.

— И напуган.

Легион каленым железом выжигал неуважение к себе со стороны Хоксблада и его людей. Те тоже в долгу не оставались.

— Я знаю этот корабль, капитан. На его борту находится моя невестка. И мне придется взять ее под свою защиту. Почему бы вам не уладить вашу ссору с капитаном яхты потом, когда он покинет наше пространство? Если корабль угнали, то я пропущу сюда небольшой экипаж, который вернет его обратно.

Абусси побледнел. Оборонные сооружения Шторма были превосходны.

— У меня совершенно ясный приказ, полковник Шторм. Я должен вернуть судно и всех, кто находится на борту.

— Становится горячее, — буркнул Кассий.

— Я знаю вашего работодателя, капитан, — кивнул Шторм. — Он поборник строгой дисциплины, но если вы объясните ему, по какой причине упустили яхту, он сделает для вас исключение. — Шторм снова убрал звук. — Я пытаюсь найти для него выход, Кассий.

— Он знает.

На этот раз командир корабля ответил не сразу. В конце концов он включил звук и сказал, глядя в сторону:

— Очень сожалею, полковник Шторм. У меня нет выбора.

— Проклятие, — прошептал Кассий.

— Мне тоже очень жаль. Прощайте, капитан. — Шторм прервал связь. — Служба управления огнем, ввести в действие

средства пассивной обороны. Не накрывайте крейсер огнем, пока не увидите, что он нагоняет Ди.

Он поднялся и направился к лифту. Собаки вскочили.

— Отец, — окликнул его Бенджамен. — Подожди. Они перешли в нормальное пространство. — Шторм обернулся. — Абусси набрал скорость и сейчас приближается к яхте. За девять тысяч километров от нас он ее нагонит.

— Компьютер? — спросил Шторм в эфир.

— Включен, — ответил голос Кассия.

— Компьютер, ведется слежение за оперативной обстановкой?

— Подтверждаю.

— Прошу анализ.

Машина подтвердила оценки Бенджамена. И добавила:

— Меньшая цель движется к шлюзам по траектории торможения. Диспетчерская служба контролирует посадку. Большая цель наращивает скорость. Намерения с вероятностью девять-ноль, рост: переход в гипер после захвата меньшей цели сферой ее влияния.

— Пустить ракеты! — приказал Шторм. — Этот Абусси умен как дьявол.

— Он цепляется за единственный шанс.

Накрыв Ди своим более мощным полем, Абусси мог нейтрализовать двигатель яхты и вытащить ее за пределы действия ракет Шторма. А затем снова выйти из гиперпространства и спокойно разделаться с Майклом.

Это была тактика старая, как сами звездные войны, хотя и довольно опасная. Если хоть один двигатель выйдет из синхронизации, оба корабля погибнут.

— Этот человек раньше служил у Мак-Гроу, — предположил Кассий. — Только у пирата хватит духу на такую попытку.

— Орудиям на форпостах — готовность! — приказал Шторм. — Начинаем операцию. Ты прав, Кассий, — храбрости ему не занимать. Жаль только, что он не нашел ей лучшего применения.

— Есть люди, которые боятся Ричарда Хоксблада больше, чем Гнея Шторма, — заметил Кассий. — А потом, он может знать что-то, чего ты не знаешь. Ты еще не проанализировал его шансы. А он просчитал их, пока говорил с тобой.

— Ты прав. Компьютер! Просчитать вероятность успеха операции, которую предположительно планирует большая цель, отныне обозначаемая как Противник, Угроза-один.

Ответ компьютера последовал незамедлительно:

— При полном контроле диспетчерской службы над дружественным объектом вероятность шестьдесят пять сотых, рост. Без такого контроля — сорок семь сотых, рост. Анализ случайных минных полей не завершен.

— Класс, — заметил Кассий. — При таких шансах и я бы рискнул.

— И победил бы. Он берет наскоком. Диспетчер, снимите Ди с контроля! Кассий, возьми на себя управление артиллерийским огнем!

Сам Шторм уселся за командный пульт, взяв на себя управление минами и ракетами, защищающими подступы к планетоиду.

— Компьютер! Шансы Противника при новых операторах у пультов!

Машина была криокиборгом. При расчете шансов она умела учитывать квалификацию известных ей операторов.

— При свободе дружественного объекта от контроля диспетчера вероятность — тридцать одна сотая, рост.

Шторм был польщен. Едва они с Кассием вошли в игру, и шансы изменились.

Вот только неизменный рост Шторму не нравился. Компьютер предсказывал изменения вероятности в пользу Абусси.

Шторм снял показания с приборов на пульте. Ни одна из активных мин или самонаводящихся ракет не пройдет достаточно близко от Абусси, чтобы сдетонировать. Оружие вдоль траектории подхода не задействовали, чтобы не зацепить Майкла.

Несколько ближайших к крейсеру мин Шторм подорвал. Вдруг удастся слегка встряхнуть Абусси.

Он догадывался: компьютер предсказывал рост потому, что Абусси действовал искуснее, чем среднестатистический командир корабля, моделируемый компьютером. Ричард никогда не вербовал средних. Ни один глава кондотьеров их не вербовал.

Шторм нажал еще пять кнопок. Это не помогло. Абусси постепенно заползал в безопасную тень Майкла. Оставался

лишь один верный способ остановить его — активизировать оружие на траектории подхода.

— Угроза-один, вероятность успеха — сорок две сотых, рост, — объявил компьютер и почти тут же повысил оценку до сорока трех, потом до сорока пяти. Шторм тихо и длинно выругался.

— Ну что, пора ему прыгать? — спросил он.

— Оптимальный вариант — через двадцать три секунды, — ответил компьютер и тут же добавил: — В районе дислокации дальней станции номер двенадцать по объекту выпущен луч. Магнитные аномалии отражают временное снижение эффективности двигателей Угрозы-один. Вероятность успеха для Противника тридцать одна сотая, плато.

— Отличная стрельба, Кассий, — улыбнулся Шторм.

Кассий был слишком занят, чтобы реагировать на комплименты. Склонившись над пультом, он с самозабвенностью пианиста-виртуоза оплетал Абусси паутиной разрушительных лучей.

Шторм отключил и заблокировал свой пульт. Ему так и не удалось зацепить крейсер.

Откинувшись в кресле, он принялся наблюдать за Кассием, отгоняя от себя видение Поллианны, испепеляемой лазерной установкой Абусси. Пока посланец Хоксблада стрелял только в целях самообороны, но у него мог быть приказ убить тех, кого не удастся захватить живьем.

Их шансы против Абусси снизились. Шторм беспокойно заерзал. Он не очень-то доверял компьютерным анализам. Сам он когда-то одержал победу при шансах пять к одному в пользу противника. Даже лучшие машины-киборги со встроенным мозгом не в состоянии учесть всех человеческих факторов, влияющих на исход боя.

— Лучевой удар, — доложил компьютер. — Аномалии в работе двигателя. Угроза-один, ускорение прекратилось. Вероятность повреждения генератора — семьдесят сотых, рост.

— Время до встречи целей? — спросил Шторм. До сих пор Абусси удавалось сокращать это время, опережая прогноз компьютера.

— Одиннадцать секунд.

Шторм улыбнулся. Абусси карабкался по склону, который становился все круче. Еще один точный выстрел Кассия — и все будет кончено.

И снова Шторм отдал должное своему начальнику штаба. Он не просто бил на поражение, но хирургически точными ударами лишал крейсер возможности вытащить яхту в нейтральное пространство. И это в момент, когда одной ракетой мог уничтожить самого ненавистного врага.

Шторм схватил микрофон и вызвал на связь персонал шлюзов.

— Снарядите спасательную лодку. Пусть стоит в полной готовности и ждет инструкций. Люцифер уже у вас? — Он прервал связь, не дожидаясь ответа, — у компьютера опять прорезался голос.

— Лучевой удар по крейсеру. Серьезные аномалии двигателей. Вероятность повреждения генератора — девяносто сотых, рост. Вероятность успеха Противника — тринадцать сотых, убывание.

— Дайте связь с крейсером, — приказал Шторм вахтенному.

— Угроза-один совершает маневр ухода, — продолжал компьютер. — Вероятность намерений Противника выйти из боя — девяносто пять сотых, рост.

Абусси признал свое поражение.

Установление связи заняло, казалось, больше времени, чем сама операция. Абусси сейчас было не до болтовни — он старался спасти свою шкуру.

Когда на экране наконец появилось бледное лицо командира корабля, Шторм спросил:

— Сами наладите генераторы, капитан? Есть пострадавшие, которым нужна помощь? У меня спасательный катер наготове.

Абусси ответил, судорожно глотая воздух:

— Справимся сами, полковник. Раненых у нас нет.

— Вас понял. — Шторм вышел из эфира. — Прекратить огонь.

В приказе этом не было необходимости. Кассий уже отключил орудийный пульт.

Правду ли сказал Абусси? Такой человек скорее обречет своих подручных на смерть без воскрешения, чем отдаст их в руки противника, способного использовать их против его босса.

Шторм снова вызвал на связь входные шлюзы.

— Отмените готовность на катере. Он не понадобится.

И Кассию:

— Пойдем-ка встретим Майкла. Интересно будет его послушать. Может быть, он даже правду скажет.

— Хорошая работа, джентльмены, — сказал Кассий вахтенным. — Перед сдачей вахты — полную проверку всех систем. И дайте знать в арсенал — где нужно поставить новые мины и ракеты.

Его острый взгляд пробежал по лицам, и никто не осмелился встретить этот взгляд.

Шторм вглядывался в тень. Вороноящер затаился. Он был встревожен.

— На этот раз мы чисто сработали, — сказал он Кассию, пока они в сопровождении собак шли к лифту. — Вот такой бой — по мне. Даже раненых нет.

— Хорошо бы все бои были как в шахматах.

Едва они ушли, как в сумраке дальнего угла центрального поста шевельнулась тень. Вороноящер Шторма не сводил горящих глаз с Гомера и Бенджамена. А тем временем Гомер забрался в еще не остывшее кресло перед пультом управления минами и ракетами и принялся ощупывать кнопки и переключатели своими чуткими пальцами. Прислушиваясь к спорадически возникающим пси-образам, он привел в действие пульт, помедлил и щелкнул кнопкой огня.

Огромные огненные клинья раскололи ночное небо на расстоянии двух световых секунд от Крепости. Густой рой ракет-искателей, способных переходить в гиперпространство, нащупывал крейсер капитана Абусси.

Тот не успел далеко уйти.

На корабле взвыли сирены. Загремели автоматические системы ответного огня.

Созвездия скрылись за огненной завесой. Инженеры Абусси ухватились за единственный шанс. Они форсировали поврежденные генераторы. Крейсер ввинтился в гиперпространство, теряя на ходу отдельные куски. Ракеты, потеряв его местонахождение, принялись обыскивать квадранты со стороной в половину светового года.

Пси-рецептор Гомера, слабый и ненадежный, уловил вдали короткий вскрик. Слепец откинулся в кресле и улыбнулся застывшему в ужасе Бенджамену:

— Сделано!

— Ах, Гомер... — Бенджамен не знал, что сказать. Он избегал смотреть в сторону вахтенных.

Лица офицеров вытянулись и посерели. За то, что они не успели остановить Гомера, Шторм им печень вырежет.

Вороноящер содрогнулся всем телом, уловив психический вскрик и омерзение вахтенных. Он завернулся в крылья и собственную тень, закрыл глаза и стал ждать возвращения хозяина.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ:
3020 год н.э.

Операция по спасению Фрога обрела драматический накал. Экипажи Блейка сумели добраться до него, лишь когда он заглушил двигатель и держался на внутривенных вливаниях и наркотиках, спасаясь в глубоком сне от депрессии и боли лучевой болезни. Цистерны с кислородом уже опустели.

Спасателям пришлось прорыть туннель под его краулер, чтобы добраться до люка на днище. Оказалось, что люк облеплен какой-то чешуйчатой коростой. Тогда раскаленным буром проткнули обшивку краулера и дошли до главной кислородной цистерны. Двое водителей соскребли коросту с люка. Остальные распылили на стены туннеля быстросхватывающуюся эпоксидную смолу. Потом в туннель сунули ствол компрессора и закачали дыхательную смесь.

Работать пришлось в каторжном темпе. Предчувствуя скорый конец, обезумевший от боли Фрог снова сбросил теплозащитный костюм. Эта глупость едва не стоила ему жизни.

Спасательные работы компания Блейка оплатила из своего фонда рекламы. На место происшествия слетелись репортеры голосетей, жужжа камерами. Руководство компании усмотрело в случившемся возможность дешевой рекламы. Название «Горнодобывающая и металлургическая корпорация Блейка» теперь прогремело по всей Конфедерации.

Старый Фрог получил гораздо больше, чем рассчитывал. Он потряс не только маленькую девочку и жителей родного городка. В течение целой недели он стал героем всех выпусков новостей. Его приключения шли из Эджворда в прямом эфире. Съемочные группы смело перли в Теневую Линию, чтобы отснять спасательные работы для последующей передачи.

Знай об этом Фрог, он бы усмехнулся, плюнул и выругался. Это была не та слава, которой он искал.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ:
3031 год н.э.

На приеме, устроенном по случаю возвращения Поллианны, Маус не лез в середину. Его влекла атмосфера веселья, но противно было видеть Бенджамена и Гомера и вспоминать, что они пытались сделать. Жизнь в Академии — это серые дни дисциплины и полного отсутствия веселья. Сейчас Мауса тянуло петь и танцевать. Молодежь успевала и то, и другое, при этом закладывая фундамент завтрашнего похмелья.

Старшие хмуро толпились по краям залов, как грозовые тучи, рокочущие на сером горизонте. На лицах их читалась напряженность, граничащая со страхом. «Стоят, как сторожевые идолы в храме бронзового века, — подумал Маус. — Или безгласные вороны смерти».

Он тут же высмеял себя за дурные предчувствия. Похоже, отцовский пессимизм становится заразителен.

Шторм, Кассий и остальные старшие только что возвратились с совещания руководящего состава. Мауса туда не пустили. Он догадывался, что на первом месте стоял вопрос о близнецах. Инстелная связь стонала от нагрузки. Очевидно, они консультировались с Хоксбладом. Маус понятия не имел, что в результате решили. Кассий едва успел шепнуть ему, что крейсер спасся. Еле-еле.

На этой же встрече вице-президент по поставкам Горнодобывающей и металлургической корпорации Блейка из Эджворда в Черном Мире представил на рассмотрение некий контракт.

Маус догадывался, что дело серьезно. Участники совещания пребывали в мрачных раздумьях. В них ощущались злость

и горечь. Ричард не захотел проявить понимание. И теперь человек Блейка пытается выкрутить им руки.

В зале то и дело слышался скрипучий смех Ди. Добрый старый дядюшка Майкл был душой вечеринки.

Его шумное и назойливое присутствие раздражало всех. Среди суровых, аскетично одетых солдат этот разряженный павлин с хриплым голосом попугая был инородным телом. Он взял на себя неблагодарную роль клоуна, безуспешно пытающегося развеселить подчиненных своего брата. Язвительные, угрюмые, иногда подозрительные, иногда ненавидящие взгляды Шторма, Кассия, Вульфа и Гельмута Дарксордов нисколько его не смущали. А сыновей Шторма он просто не замечал, лишь изредка удостоивая недоуменным взглядом Люцифера и Мауса.

Люцифер выглядел еще угрюмее, чем отец. Его напряженные движения выдавали с трудом сдерживаемый гнев. Он смотрел на Майкла беспощадным взглядом. Время от времени он угрюмо ворчал, словно грозящая взрывом бомба с непредсказуемым механизмом. Похоже, радость от возвращения жены выбила его из колеи.

Присутствие Мауса для всех смотрелось загадочной аномалией. Его это всеобщее замешательство забавляло. Все знали, что он должен быть в Академии. Все знали, что даже старшекурсник, даже имеющий такого известного и уважаемого отца, как Гней Шторм, отпуска не получит, если только не задействовать рычаги на уровне стратосферы. Майкл снова и снова возвращался к нему беспокойным взглядом.

За клоунской маской, которую нацепил на себя Ди, прятался внимательный наблюдатель. Его острые глаза так и бегали по залу. А Маус, в свою очередь, неусыпно следил за ним.

Майкл нервничал.

И Маус это чувствовал. Улавливал он и сотни других эмоциональных волн. И потому ощущал всеобщее давящее ожидание неотвратимой судьбы, тяжелой как само время.

Ненависть к Майклу Ди. Недоверие к вице-президенту Блейка. Беспокойство по поводу Ричарда. Бенджамен, почти одержимый страхом перед тем, как оценит отец его роль в атаке на крейсер. Люцифер на грани психоза, запутавшийся в собственных чувствах к жене, отцу, Ди, Хоксбладу, Бенджа-

мену, терзаемый бесконечными подозрениями, ревностью, отвращением к самому себе. Гомер... Ну, Гомер есть Гомер.

Маус подумал, не ошибается ли отец, оставляя Бенджамена в неизвестности. Он ведь не настолько уравновешен, насколько хочет выглядеть. Его постоянно мучили ночные кошмары. А теперь, кажется, тот же сон преследует его наяву.

Бенджамену снилась собственная смерть. Годами он со смехом гнал от себя этот сон. Но нападение на корабль Хокс-блада заставило его поверить в предчувствия. Теперь он испугался по-настоящему.

Маус снова взглянул на брата. Он никогда не обманывался насчет Бенджамена. Бен — всего лишь броский фасад. Он достоин только жалости.

Братьям Дарксорд тоже передалось всеобщее сумасшествие. Они готовы были кинуться на любого. Подобно Шторму, они считали сражение на Сломанных Крыльях своей последней кампанией и собирались провести остаток жизни в качестве респектабельных фермеров в пасторальном мире, далеком от тягот и забот в Железном Легионе. Их срок службы в Крепости давно кончился, но связи, уходящие в глубину двух столетий, не так-то легко оказалось разорвать.

Маус посмотрел на отца.

До этого Шторм почти час просидел недвижимо, погруженный в раздумья. А теперь он встряхнул головой, как большая собака, вылезающая из воды. Он искоса метнул недобрый взгляд на представителя Горнодобывающей корпорации. Маус вдоль стены подобрался за спиной отца поближе, чтобы лучше слышать.

— На этом можно выиграть немного времени. Гельмут! Вульф! Кассий!

Маус заметил, что Майкл Ди наклонился в их сторону и навострил уши.

— Убейте посланника из Черного Мира, — сказал Шторм. — Аккуратно. Труп подбросить Хельге Ди. Так, чтобы она не знала источника.

Приговоренный был слишком ошеломлен, чтобы протестовать.

— Ты говорил, Кассий, что Мир Хельги упоминается в бумагах, которые нашел Ричард. Так?

— Да.

— И в бумагах на корабле Майкла. — Шторм пронзительно посмотрел на Майкла Ди, и на виске у того выступила капелька пота, а лицо слегка побледнело.

Майкл Ди был той финансовой силой, что стояла за его дочерью Хельгой. Именно он управлял холодным религиозным княжеством Фестунг Тодесангст*, расположенным в Мире Хельги. Им с дочерью принадлежала собственность, размеры которой способны смутить кого угодно.

Маус уставился на спину отца. Нет, даже он не способен так хладнокровно приказать убить человека!

— И корабль Майкла тоже взорвите, — распорядился Шторм. — Изобразите все так, будто Абусси подошел слишком близко и задел их силовые поля. Пусть Бенджамен и Люцифер этим займутся. Пора им платить долги.

Братья Дарксорды схватили посланца Черного Мира под руки и с невозмутимыми лицами потащили навстречу смерти. Со стороны могло показаться, что два пожилых джентльмена ведут своего приятеля проветриться.

У Мауса свело живот от напряжения.

А Шторм в это время повернулся спиной к Ди и шепотом произнес:

— Кассий, посади его под арест на одной из орбитальных станций. Официально его здесь не было. Передай приказ дальше.

— Так мы выиграем от силы месяц, — предупредил Кассий. — Ричард взбесится. А компания Блейка никогда не бросает своих людей в беде.

Маус облегченно вздохнул. Оказывается, не такой уж монстр его отец.

— Они мыслят реально. Мы им дьявольски нужны. Так вступим в игру и заставим их повысить ставку. Я потребую место в Совете Директоров и процент с того дела, что они затевают на Теневой Линии.

— Ты хочешь заломить такую цену, чтобы нас вышибли с рынка?

— Не думаю, что мне это под силу. Не своди глаз с близнецов. Хватит с нас их выходок.

— Угу... — пробормотал Кассий и направился вслед за Дарксордами и их жертвой.

---

* Крепость Страха Смерти *(нем.)*.

Мгновение спустя ушел и сам Шторм, оставив своего сына Терстона, собак и вороноящеров присматривать за Майклом Ди.

Глаза его сузились от гнева, когда он проходил мимо Мауса. Он даже чуть помедлил, словно раздумывая — не объяснить ли ему несколькими точными словами, что такое сыновнее послушание. Но передумал и пошел дальше. Отказ Майкла вернуться в Академию — сущий пустяк по сравнению с остальными его проблемами.

Маус вздохнул. Потребуется время, чтобы отец созрел для этой идеи. Чтобы Кассий смог Мауса отстоять.

Он нахмурившись глядел, как уходит отец. Что дальше? За минуту до этого в коридор прошмыгнула Поллианна. Интересно, зачем это отец за ней пошел?

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ:
2844 год н.э.

Старика звали Джексон, но Диф должен был называть его хозяином. Он считался изгоем даже среди потомков беглых и списанных рабов. Жил он в зловонной пещере в трех милях от поселения животных. Овладев несколькими несложными трюками и зачаточными знаниями по медицине, он сделал карьеру знахаря. Приступы безумия в сочетании с разными фокусами держали в благоговейном страхе его жертв-клиентов — таких же убогих, дегенеративных существ, как он сам.

Не прошло и недели, как Диф понял: Джексон — чистой воды обманщик, одинокий старик, обозлившийся на весь мир, который, как он верил, только и желал ему зла. Его знахарство было лишь попыткой вернуться к людям. Это была жалкая, слабая, напыщенная тварь, совершенно безумная и в своем безумии беспощадная. Дня не проходило, чтобы он не истязал Дифа за какие-то вымышленные обиды.

В глубине пещеры старик варил из злаковых зерен свое зловонное пиво. Он уже припас не одну сотню галлонов, примерно столько же находилось в процессе изготовления. В обязанности Дифа входило следить, чтобы кружка старика всегда была полна. В результате Джексон постоянно находился в состоянии подпития. Однако это нисколько не смягчало его

необузданный нрав. Но что казалось Дифу особенно отвратительным, так это полное пренебрежение Джексона к гигиене.

Первые дни он с трудом сдерживал рвоту. Опорожняя мочевой пузырь, старик удосуживался лишь подняться на ноги и направить струю в сторону. Он никогда не мылся. В пещере воняло гораздо хуже, чем в логове любого зверя.

Дифа он держал на десятифутовой веревке, петля у него на шее затягивалась туже, стоило только дернуть. Очень скоро мальчик обнаружил, что старик душит его совершенно независимо от его поведения. Он дергал за веревку просто ради потехи.

Ничто не забавляло его больше, чем конвульсии задыхающегося мальчика.

Усвоив, что никакой причинно-следственной связи в данном случае не существует, Диф не старался больше ублажать Джексона. Он просто выполнял все, что приходилось, а свободное время проводил в угрюмых раздумьях или в попытках что-нибудь стянуть у старика на скорую руку.

Джексон вообще его не кормил. А если заставал мальчика за кражей из своей скудной кладовой, то приходил в неописуемую ярость. Почти каждая еда оборачивалась для Дифа удушением или побоями.

Он научился выдерживать жестокую школу. И начал понимать смысл наставлений отца и Рафу, призывавших его быть дальновидным и сначала думать, потом действовать.

Самым болезненным, унизительным и действенным оказался первый урок. Им стала неудавшаяся попытка побега, вызванная чисто животным стремлением покончить с муками.

На третью ночь своего плена, когда он уже оправился от психологической травмы разрушения станции, но еще не свыкся с жестоким обращением, Диф долго лежал, не сомкнув глаз, на куче заплесневелых листьев, ставшей теперь его постелью. А Джексон, сидя в грубом самодельном кресле, все пил и пил, пока не погрузился наконец в хмельное забытье.

Диф терпеливо выжидал, заставляя себя лежать неподвижно, хотя сердце подпрыгивало в груди от нетерпения. Минуты маршировали мимо него стройными полками, складываясь в часы. Последние крохотные язычки пламени угасали в очаге, оставляя после себя тлеющие угольки.

Он поднялся, быстро и тихо, и попытался развязать узел на шее. Руки не слушались. Он так и не смог развязать ни одной петли на удавке. Тогда он осторожно пополз к креслу старика. Другой конец веревки был привязан к его ножке.

Этот нехитрый узел, каким обычно связывают белье, отнял у него несколько минут. Близкое присутствие Джексона вызывало у него оцепенение. Пальцы превратились в трясущиеся неловкие отростки.

Диф напоминал себе, что Рафу в его годы уже ходил в рейды, что сам он — сын-первенец Главы, прямой наследник одного из старейших и достойнейших Семейств. И следовательно, должен превосходить мужеством обычных неимущих сангарийцев вроде тех, что нанимаются к ним в поместье. Он твердил это снова и снова, как заклинание.

В Метрополии его учили конкретизировать страх, превращать его в объект для противоборства. В данном случае выбор был очевиден. Старик для него — средоточие зла,. постоянный источник опасности...

Узел поддался. Диф бросился к лазу из пещеры, веревка волочилась за ним...

Петля на шее затянулась рывком. Дыхание прервалось, Дифа бросило на колени. Он судорожно схватился за горло.

Здоровой ногой придавив к земле веревку, Джексон бешено заливался надтреснутым смехом. А потом схватил посох и принялся что есть мочи избивать Дифа, останавливаясь лишь для того, чтобы дернуть за удавку, когда мальчику удавалось чуть ослабить петлю и глотнуть воздуха.

В конце концов силы старика иссякли, да и само развлечение ему наскучило. Тогда он связал Дифу кисти рук, а затем пропустил веревку через дыру в потолке пещеры и вздернул мальчика на дыбу.

Два дня он болтался под каменным сводом, словно боксерская груша. Джексон подверг его всем мучениям, которые только способен был изобрести его замутненный разум, даже опробовал на нем грязные гомосексуальные штучки — тот суррогат любви, которым пользуются педерасты. И все это бесконечное время то и дело хныкал:

— Значит, хотел бросить бедного старого Джексона? Заруби себе на носу, сангарийское отродье: тебе ни в жизнь не облапошить настоящего человека.

Диф пришел в ужас. Как старик узнал?

Позже он понял, что Джексон — выбракованный раб и в ту ночь смог понять слова Дифа, сказанные в испуге и отчаянии.

Сквозь пелену боли и безнадежности он осознал: чтобы выжить, ему придется пасть еще ниже. Он станет пресмыкаться перед стариком, лишь бы тот не выдал его в деревне.

Конечно, если Джексон и проявлял иногда доброту, он делал это ради выгоды или по недосмотру. Но как бы то ни было, старик ни разу не обмолвился о происхождении Дифа.

Даже болтаясь в подвешенном состоянии, изнывая от боли и отчаяния, Диф не забывал о поучениях старших. Именно сейчас он понял, как важно для человека сохранять терпение.

Старик так и не сломил его. Возможно, Диф не поддался, потому что сама идея эта казалась ему абсолютно чуждой. Он просто не знал, что это такое — сдаться.

В Метрополии была поговорка: «Он — сангариец». Это означало: он — настоящий мужчина, и даже больше. Это значило тонны каменной решимости и абсолютную несгибаемость.

Диф был сангарийцем.

Наконец старик устал. Он снял Дифа с дыбы и, схватив за волосы, швырнул на кучу листьев. А потом, еще раз вытянув напоследок посохом, связал руки за спиной, пропустил другой конец веревки через отверстие в камне и закрепил на достаточной высоте, так чтобы Диф до нее не дотянулся. И снова взгромоздился в кресло, усмехаясь в свалявшуюся бороду.

Диф не спал ночами, лелея свою ненависть и оскорбленное самолюбие. Он взращивал в себе терпение и решимость.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ:
3031 год н.э.

— Гней! — выдохнула Поллианна. — Ты меня избегаешь.

— Вовсе нет. Просто у меня работы было много.

Каждый изгиб тела этой женщины, каждый сантиметр ее нежной, гладкой кожи кричал о неутоленной похоти. Такой ненасытный взгляд бывает лишь у молодых влюбленных женщин и проституток высшего разряда. Глаза ее, как глаза улич-

ных шлюх, становились пустыми, холодными, змеиными, как только она сходила со сцены. Сейчас она позировала, выставив вперед одно бедро, как манекенщица. И дышала коротко и часто.

Шторм сегодня не стал играть в эти игры.

— Я хочу слышать все о твоих странствиях, юная леди.

Он открыл дверь ее комнаты. Она, входя внутрь, попыталась задеть его грудью как бы случайно. Но от Шторма повеяло таким холодом, что легкая тень беспокойства промелькнула на ее слишком красивом лице.

Едва затворилась дверь, как она прильнула к Шторму всем телом.

— Я соскучилась по тебе, — шептала Поллианна, прижимаясь к нему лобком. — Я скучала по всем. И по Крепости. Но по тебе особенно, Гней. Ни с кем мне не было так хорошо.

— Сядь! — приказал он. От его резкого голоса Поллианна отпрянула, встревоженная уже всерьез. — Давай послушаем твой рассказ.

Мало было мужчин, которых Поллианна не могла увлечь постелью и сделать своей игрушкой. Хоксблад. Кассий, при виде которого у нее стыла кровь. Дарксорды. Майкл Ди — этот ей особенно дорого обошелся. Но Шторм... Он всегда казался таким податливым. Так, значит, это он использовал ее, а вовсе не наоборот. Самолюбие ее и так было в синяках и ссадинах после путешествия с Ди. К новому удару оно не было готово.

Шторм явно был угрюм.

Все эти старики, утратившие под воздействием времени и опыта юношескую чистоту и душевную ранимость, стали для нее совершенно неуязвимыми. Она инстинктивно угадывала царившие внутри них беспроглядный мрак и всепоглощающее зло. И оно вызывало отклик в темном начале ее души. Их черное пламя вырывалось наружу и манило ее к себе, словно зажженная свеча — мотылька. Она их боялась.

— Гней, я ведь никому не желала зла! Честно! Я только хотела встретиться с Ричардом Хоксбладом.

— Ты ведь не в детском саду, Поллианна. В обществе, в котором мы живем, нет места старомодной учтивости. Мы играем по жестким правилам. У нас и без тебя полно непри-

ятностей. Твои действия неотделимы от наших. Ты — член семьи. И Ричард не собирается списывать наши грехи на твою глупость. Ты виновна в смерти людей, которых не воскресить. Смерть порождает смерть. Одному Богу известно, сколько людей погибнет теперь по твоей милости.

Он знал, что и его вина здесь есть. Ему надо было ее просто списать. Не следовало выслеживать Майкла и лететь за ним на Большую Сахарную Гору. Но такая логика с тем же успехом позволит обвинить и Майкла, и Ричарда, и Люцифера. Нет, главная ответственность лежит на Поллианне. Первой приняла решение она.

— Расскажи мне все, Поллианна. Ничего не добавляя и ни о чем не умалчивая. Не пытайся себя обелить. Мне нужны точные факты. Я хочу, чтобы ты пересказала все слово в слово, передавая тон, выражение лиц, все, что ты слышала. Особенно разговоры Ричарда с Майклом или кого-то из них с другими людьми. На любые темы. Есть призрачный шанс, что мы еще сможем выбраться из этой переделки или по крайней мере смягчить удар.

— На это уйдет не один час.

Поллианна решила заплакать. Шторм не обратил внимания. Взаимодействуя с реальным миром, Поллианна прибегала к испытанному набору поз и ролей. Настоящая мисс Эйт пряталась за кулисами, направляя действие, нажимая на кнопки, дающие подходящую к случаю реакцию.

«Я выиграла время, — подумала Поллианна. Перепуганное лицо пришельца из Черного Мира всплыло у нее в памяти. Бедняга ни на секунду не сомневался относительно своей участи. — Нужно выиграть еще немного».

Она уняла слезы так же быстро, как вызвала их. И заговорила приглушенным, тихим голосом, лишенным эмоций. Поллианна повела рассказ с самого начала, не утаивая горькой правды ни о чем, кроме собственных мотивов.

Она соблазнила Ди и уговорила его взять ее с собой на Старую Землю. Теперь-то она понимает, что он согласился по собственным соображениям. На старой родине пришлось несладко. Ее больше всего тяготила бедность, царившая на этой полностью выпотрошенной и перенаселенной планете. А Майкла — полное безразличие руководства голосетей к его репортажам о боевых действиях на Сломанных Крыльях.

— Со Старой Земли мы отправились в Черный Мир. Все то время, что мы там находились, он держал меня взаперти на своем корабле. Я кое-что знаю, потому что он часто разговаривал во сне. Наяву он слова не сказал. Я чувствовала — он взволнован, даже напуган. Что-то у него там не ладилось. Постепенно у Майкла развилась легкая форма паранойи — ему все казалось, что за ним кто-то гонится, хотя уверен он не был. Из Черного Мира мы улетели на встречу с Ричардом Хоксбладом. Лично он — не такая уж большая шишка, ведь так?

Большую часть времени ее держали в отдалении от Ди и Хоксблада. Поллианна знала, что разговор идет о Черном Мире. Она выудила свои скупые сведения у разных мелких сошек из окружения Ричарда.

А потом Майкл исчез. Никто не знал, куда он подевался. Одни поговаривали о Трегоргарте, другие — о Большой Сахарной Горе.

— Он был на Горе, Полли. Продолжай. Пока что ты хорошо говоришь.

— Мне пришлось слоняться без дела и ждать. Тоска смертная. Хоксблад почти не показывался на глаза. Он сидел над каким-то проектом по Черному Миру. Мне раньше и в голову не приходило, насколько у вас тяжелая работа. Это ведь не то что на ринге боксировать, да?

Шторм едва заметно улыбнулся. Ну что же, по крайней мере Поллианна подтвердила данные его разведки относительно Ричарда. Значит, Хоксблад точно нацелился на Черный Мир.

— Майкл вернулся лишь спустя два месяца. То есть пару недель назад. Он был по-настоящему счастлив. Не то что раньше, когда от его видеозаписей все отказывались, — в то время он был просто невыносим, особенно когда у него началась мания преследования. Мне Майкл сказал лишь, что встретился с одним человеком и теперь все образуется. Он даже перестал разговаривать во сне.

«Кого он имел в виду? — подумал Шторм. — Явно не меня. А кто еще побывал на Большой Сахарной Горе? И зачем понесло туда Майкла?»

— После возвращения он пробыл там с неделю, а потом схватил меня и эту яхту и двинул сюда. Раз в два дня он вып-

роваживал меня из командирской рубки. А когда впускал обратно, я каждый раз обнаруживала, что инстел еще теплый. Уже не знаю, с кем он разговаривал. Потом мы попали сюда. Остальное ты знаешь.

Остальное он знал.

Шторм проверил время. Рассказ ее занял около часа. Правда, у него еще осталось несколько вопросов. Но вряд ли Полли сможет на них ответить.

Поллианна, подумал он, сплошная загадка. Она вся — поверхность без глубины. Даже когда спишь с незнакомой женщиной, она и то приобретает форму, сложенную из каких-то мозаичных обрывков постельного разговора. Любая женщина — но не милашка Поллианна. Она всегда остается сугубо одномерной. Ее неизменными атрибутами остаются лишь красота и влагалище и внимание к тому и к другому. Рассказывая, она успела восстановить грим.

Просто андроид, построенный для демонстрации красоты и для постели! Можно проникнуть в ее тело, но нельзя узнать, что кроется за ее фасадом.

Даже Люцифера она сбивала с толку. Кажется, смысл ее жизни лишь в том, чтобы ценили ее красоту, как классическую картину или поэму. Весьма любопытный феномен.

Раньше он о ней не думал. Она была для него не более чем картиной. Ею или любуются, или просто ее не замечают. Но теперь настало время пошарить в окружавшей ее дурацкой тени.

Нужно было бы заставить ее открыться, нарушив обычный порядок вещей, но он не знал чем.

Разговор с Поллианной кое-что прояснил. В Черном Мире дело было серьезнее, чем он думал. Перспектива торговой войны за радиоактивные запасы, стоившие триллионы, не особенно волновала Майкла. Судя по словам Поллианны, он вряд ли собирался снимать репортажи с войны. Ему все это было важно по каким-то иным причинам.

Значит, Большая Игра.

Так Ди окрестил кровную вражду между Хоксбладом и Штормом, которую он сам и создал. Он не знал, что Шторму об этом известно. Конечная цель этой Игры — взаимное уничтожение. Игра эта ведется с самого возникновения обоих отрядов.

Шторм до сих пор не мог взять в толк почему.

Он выпытывал у Поллианны:

— С кем Майкл виделся на Большой Сахарной Горе? Зачем?

Ответ должен был быть важным.

У Поллианны ответа не было.

— А, черт! Черт!

Шторм позволил поцеловать себя, потом осторожно высвободился из ее объятий и тут же ушел. Вернувшись в кабинет, он послал вызов Кассию и обратился к Экклезиасту. Но утешения в нем не нашел. Мысли в голове беспорядочно роились, мешая следить за фразой. Гней взялся за кларнет.

Настали дни душевных испытаний.

Незаметно вошедший Кассий молча слушал, а потом сказал:

— Никогда еще ты не играл так печально, Гней.

Вздрогнув от неожиданности, Шторм пояснил:

— Это погребальная песня. Думаю, мы уже дошли до конца. Я допросил Поллианну. Она отличный наблюдатель. Никогда бы не догадался по ее пустоголовому поведению.

— Я сам иногда удивлялся.

— Ты тоже? Значит, я ничего не придумываю. Такая пустота в голове достигается только путем неустанного самосовершенствования.

— Возможно. А потом, поглощенность сексуальными контактами вырабатывает маску, которую мужчины, будучи эгоистами, в большинстве своем не хотят срывать. Ты меня вызывал?

Шторм отметил про себя — надо бы расспросить Фриду и свою дочь, что женщины думают о мисс Эйт.

— Мы с тобой стареем. Дни наши идут к закату. Жизнь проскальзывает мимо нас. Словно мы угодили в обратный временной поток...

Кассий удивленно приподнял бровь. Шторм не привык обнажать свои чувства.

— Наш Легион на краю заката. Может быть, как и все отряды. Думаю, мы станем одновременно причиной и следствием нашего разрушения, и выхода я не вижу.

— Пока существуют корпорации и богачи, которые нуждаются в нас и не боятся правительства, мы без работы не останемся.

— Время уже наступает нам на пятки. Конфедерация накачивает мускулы. Это исторический процесс. Неизбежный. Демократические режимы, регулирующая роль правительства — все это надвигается быстрее, чем отодвигаются границы. Очень скоро нас нагонят.

— Ты слишком пессимистичен.

— Вспомни историю, Кассий. Гадючники вроде Старой Земли своими голосами забьют любой разумный подход. Это старая история. Восходит еще к Риму. Зачем самому работать, если достаточно проголосовать за того парня, который ограбит других ради твоего блага?

Полковника поразила горечь в голосе Шторма. Тот сам не осознавал, насколько сильны его чувства.

Потом Шторм рассказал Кассию то, что узнал от Поллианны.

— И что ты предлагаешь?

— Во-первых, надежно изолировать Ди в крепости. Если мы свяжем ему руки, все пойдет медленнее. Пусть этим займется Терстон. У него не хватит воображения, чтобы поддаться на уговоры Майкла. Ты отправишься на Гору. Мауса возьми с собой. Ты не хочешь возвращать его в Академию, и ты мне говорил, что он мечтает о разведывательной работе. Вот пусть и выяснит с тобой на пару — с кем Майкл там встречался. И с Сета-Беспредельного глаз не спускай.

— А ты мягкосердечнее, чем пытаешься выглядеть, друг мой.

Шторм пожал плечами.

— Если он начнет мешать, отправь его домой. А Вульфу и Гельмуту передай: пусть собираются на Черный Мир.

— Зачем?

— Похоже, что нам все равно придется туда лезть, хотим мы или не хотим. Надо быть готовыми. Да, и пусть сержанты, из тех что постарше, найдут работу Бенджамену и Гомеру. Чтобы от них не было хлопот. А Люцифер пусть поднимет архивы и проследит весь жизненный путь своей пустоголовой жены. Начиная с даты и места рождения. Ясно?

— Ясно. Насколько я понимаю, сам ты тоже здесь не останешься?

— Нет. Ты встретишься со мной на обратном пути с Горы. — Он осмотрелся по сторонам, будто рассчитывая увидеть прита-

ившегося в тени Майкла. — А где мы держим Феарчайлда? У меня к нему есть вопрос.

— Куда ты собрался?

— В Фестунг Тодесангст, — тихо ответил Шторм. — Это единственный след в бумагах Майкла. Поллианна упоминала об этом. И Ричард тоже.

Кассий удивленно приподнял бровь — у него это было самым заметным проявлением чувств.

— В логово льва. Повидаться с Валери? А может быть, с самой Хельгой?

— С Валери. Майкл наверняка собирается использовать ее способности на полную катушку. А уж Хельга обеспечит, чтобы Валери взялась за дело. Валери может знать, что происходит.

— Я не стал бы предполагать... Хотя, с другой стороны... Гней, но ведь это слишком опасно, черт возьми. Если ты попадешь в лапы к ней...

— Опасность я осознаю. Но у меня есть одно преимущество — она меня не ждет. Есть одна посадочная площадка возле заброшенного шлюза, за которой не ведется слежение. К тому же я знаю ее коды. Когда их укрепления только начинали строить, я потратил целое состояние, чтобы обеспечить себе эту лазейку.

— Гней, я не думаю...

— Ты все равно меня не отговоришь, Кассий. Это необходимо. Так что давай не терять времени — отправимся в путь в один и тот же день и вернемся прежде, чем нас хватятся. Мы не можем вечно контролировать Майкла, даже если прикуем его к стене.

— Я отправляюсь.

И вновь Шторм уединился среди любимых вещей. Он расхаживал по кабинету, любовно прикасаясь то к одной из них, то к другой, что-то припоминая, пытаясь вызвать в себе давние чувства, наполовину стертые временем. В эмоциональном плане они с Кассием были не вполне нормальны. Слишком много суровых решений, слишком много жестоких потерь превратили их в людей заскорузлых и равнодушных.

Лишь судьба младших беспокоила его. Особенно Мауса. Пойдут ли они по тому же самому пути обреченных? Он надеялся, что нет.

Сегодня он обходил кабинет не так, как обычно. Ясно осознавая опасности, поджидавшие его в Мире Хельги, Шторм вовсе не был уверен, что выберется оттуда.

— Ну что же, придется рискнуть, — проворчал он. — Нельзя не попытаться. Ключ к разгадке спрятан где-то там. Если он вообще есть.

Побыв несколько минут с женой, он достал снаряжение, что держал наготове с тех пор, как построили Фестунг Тодесангст. И отбыл, ни с кем не попрощавшись.

Кассий и так знал, что делать, если он не вернется.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ:
3020 год н.э.

Фрог очнулся в госпитале Корпорации. Над ним склонилось три лица. Одно принадлежало врачу Блейка, с которым он когда-то имел дело. Для холуя Корпорации Смит был вовсе не так уж плох. Второе лицо было маленькое, светлокожее, с лисьими чертами и жадным взором. Незнакомое. Третье — лицо Мойры. Милой крошки Мойры. Он попытался улыбнуться.

При этом он вяло, но с некоторым удивлением отметил, что в палате нет ни одного чиновника.

Фрог попытался заговорить, но язык не слушался. Он сделал вторую попытку и смог прохрипеть:

— Катился бы ты к чертям собачьим, Смит. Пятьдесят лет я без тебя обходился. И сейчас Блейк меня на липовые больничные счета не расколет.

— Компания платит, Фрог.

— Поцелуй меня в задницу — Компания платит! Блейк использованного гондона никому даром не даст.

Фрог перевел взгляд на Мойру, своего белокурого ангела. Она старалась скрыть волнение. Фрог, приняв ее озабоченность за смущение, слабо улыбнулся.

— Ладно, потом поговорим, — сказал он.

И взглянул на Лисью Морду. Тот присел на низкий столик, одной ногой упираясь в пол.

— А ты кто такой будешь?

— Я — Август Плейнфилд из «Стимпсон-Храбоски ньюс». Штатный репортер. Буду статью о вас писать.

— Ах вот как...

Чем-то пакостным веяло от этого газетного коршуна. Или стервятника, точнее. Эта порода всегда слетается туда, где человечьи трупы.

Он снова посмотрел на Мойру. Та выглядела взволнованной, испуганной и усталой. Просто от беспокойства? Или ее довели журналисты?

Фрог, хоть и не очень часто, но смотрел головизор и знал, с какой целеустремленной бесчеловечностью журналисты добывают материал.

Он с самого начала знал, что эти ребята поднимут шум вокруг его отчаянного пробега, но не предвидел, что они будут гоняться за Мойрой. Сам-то он заранее придумал, как будет их посылать. Но Мойра... Она ведь еще ребенок. С таким натиском ей не справиться.

Разве спокойствие ребенка значит что-нибудь для такого стервятника, как Плейнфилд? Этим типам все и вся представляется съемочным материалом, который они скармливают своим плотоядным зрителям.

— Мойра, выйди на минутку. Я этому типу пару слов скажу.

От боли Фрог плохо соображал. Он заметил, что Смит, выходя в соседнюю комнату проверить свои медицинские мониторы, был не в своей тарелке. Вообще-то док мужик нормальный, только слишком серьезно все воспринимает.

Ладно, пусть себе поволнуется.

Мойра соскользнула с кресла и молча ушла. Во всем подражая Фрогу, она сохраняла необычайную сдержанность на людях. Это своеобразное выражение привязанности несколько озадачивало Фрога. Подобно многим людям, не дающим волю собственным чувствам, Фрог жаждал проявлений этих же чувств у других — это давало ему повод чуть приоткрыться самому. Хотя, делая это, он каждый раз боялся обнаружить свою ахиллесову пяту.

Оставшись с глазу на глаз с репортером, Фрог сказал ему некоторые из заранее приготовленных слов. Потом добавил экспромтом еще несколько, более красноречивых и с угрозами. Плейнфилд выслушал все это с невозмутимостью скалы, по которой хлещет очередной шторм.

— Что вы там нашли? — спросил он, когда Фрог затих.

— Что нашел? Да ни хрена. Все та же Теневая Линия. И Солнечная Сторона все та же. А если бы и нашел, щелкоперу вроде тебя не стал бы рассказывать!

— Казалось бы. Вы много наговорили, пока были без сознания. О желтом и оранжевом. Доктор Смит говорит — вы галлюцинировали. Я так не думаю. От галлюцинаций не бывает лучевой болезни. А желтым еще с незапамятных времен помечают радиацию.

Лицо Фрога прорезали глубокие морщины, сделав его похожим на сушеную сливу с черными глазами.

— Я плохо помню. От кислородного голодания мозги сдали. Ты бы лучше посмотрел мой путевой журнал.

Фрог ухмыльнулся про себя. Плейнфилду близко не подойти к вездеходу, пока люди Блейка не изучат его по винтикам. А это может растянуться на годы.

— Уже смотрел. Нет там ничего. Настолько ничего нет, что даже забавно стало. И вот интересно: зачем человеку приказывать компьютеру забыть все, связанное с местом, где он принял половину смертельной дозы радиации? Интересно, зачем человеку официально регистрировать на себя участок в самом конце Теневой Линии, когда он ждет смерти? Тем более человеку, который раньше вообще ни одного участка не застолбил. И еще интересно: почему он пересмотрел свое завещание, как только заявка была утверждена?

— Просто захотелось, чтобы меня там похоронили, — с ходу сочинил Фрог. — Кто-то когда-то обязательно повторит мой пробег. Так пусть закопает мой прах на единственной за всю мою жизнь заявке.

— У вас дикция и построение фразы улучшаются на ходу. — Плейнфилд ухмыльнулся, теперь уже не по-лисьи, а скорее по-волчьи. — Ваши слова могли бы быть правдой. Например, для людей из Корпорации, которые думают, что знают этого «сумасшедшего карлика». Или они могли бы решить, что вы состряпали план, как заставить их выбросить деньги на ветер и тем одержать какой-то дурацкий реванш. У меня нет этих предвзятых мнений. Вас я не знаю, но знаю людей. И я думаю, что вы там что-то нашли.

— Всего лишь место для своей могилы, — нервозно повторил Фрог. Он не думал, что интервью может оказаться допросом.

Плейнфилд оскалился еще шире.

— Вы можете туда попасть раньше, чем хотели. Когда мечты об Эльдорадо становятся явью, они иногда пожирают самого мечтателя.

— Ты какой-то странный репортер. Кто ты такой вообще?

— Можете называть меня исполнителем грез. Я воплощаю сны в жизнь. В основном собственные, но иногда и чужие. Эти, правда, иногда оборачиваются кошмарами.

Теперь Фрог испугался не на шутку. Он уже озирался по сторонам в поисках оружия.

Кажется, он здорово влип. Поднимать шум бесполезно, а напасть первому, как он привык поступать, физическое состояние не даст.

Отчаяние породило злость. Всегда его тело предавало дух! Всегда он был слишком низкорослым, слишком щуплым, слишком слабым. Почему его допрашивают не люди Блейка?

— Так зачем вы это сделали? Я имею в виду ваш маршрут. Свершившемуся факту можно найти много объяснений, но я прежде всего хочу знать, что заставляет человека пытаться сделать невозможное? Я изучил все, что известно о Солнечной Стороне и Теневой Линии. Вы никак не могли знать, что там что-нибудь найдете.

Что заставляет человека броситься в авантюру без причины и резона? Фрогу за время пути пришлось много передумать. И ни разу, пусть даже отдаленно, не смог он понять, что им движет. В большинстве случаев он отвечал себе, что делает это ради Мойры, но временами подозревал, что делает это ради самого Фрога, что он лечит свое израненное самолюбие, показывая всему человечеству, как неверно было считать его просто шутом. Но при таком толковании не принималось в расчет одно обстоятельство: неудача лишь подтвердила бы, что он просто дурак.

Так почему? Хотел утереть нос Блейку? Или было у него подспудное сумасшедшее убеждение, что он что-то найдет? Нет. Ни одной из этих причин не было достаточно.

Столько времени наедине с собой, и все же Фрог не смог себя понять.

Человек, который прячется от самого себя, прячется надежнее всех.

— Что вы нашли?

Фрог присмотрелся к Плейнфилду повнимательнее. И понял, что его первое впечатление оказалось ошибочным. Нет, перед

ним не стервятник, не лис и не волк. Это змея. Хладнокровная, бесчувственная, смертельная. Хищник, не ведающий жалости. Никому не подвластный. Охота за сенсациями — лишь прикрытие. Он — кинжал в своей собственной руке.

Плейнфилд подошел ближе. В ладони его появился шприц. Фрог слабо отбивался, но игла уже вонзилась ему в руку.

Нет, подумал Фрог. Это хуже змеи. Это человек.

— Что ты нашел?

Фрог знал, что на этот раз ему не выстоять. Этот человек, эта тварь, называющая себя Август Плейнфилд и выдающая себя за репортера, лишит его победы, а потом убьет. Даже Бог на небе не поможет ему удержаться от болтовни, когда подействует наркотик, а потом — чего будет стоить его жизнь?

И Фрог заговорил. И говорил. И говорил. А потом, как он и знал, что будет, умер. Но перед смертью, когда еще мог чувствовать и понимать, он увидел в темном дверном проеме другого человека.

Смит ворвался в палату, встревоженный показаниями мониторов. За доктором, как на коротком поводке, вбежала Мойра. Смит бросился на Плейнфилда, приоткрыв рот, еще только собираясь крикнуть.

Маленький бесшумный пистолет разнес ему сердце прежде, чем какой-либо звук успел сорваться с его уст. Мойра отпрянула назад, словно марионетка, выдернутая со сцены кукловодом. Плейнфилд выругался, но не погнался за ней.

Жалость к себе самому и к Смиту захлестнула Фрога.

В Черном Мире, как и в большинстве миров, мертвых не воскрешали. Даже Блейки после смерти оставались мертвыми. Воскрешение было слишком дорогим, слишком трудным и неоднозначным по своим социальным последствиям. Да и к чему оно? Людей наплодилось столько, что отдельная жизнь давно обесценилась.

Прикончив Фрога, Плейнфилд бесследно исчез. Оба убийства остались нераскрытыми. Полицейские Корпорации искали репортера, но так и не напали на след.

За ним числилось многое. Его разыскивали за воровство, за порчу муниципальной и корпоративной собственности, за подкуп сотрудников муниципалитета и Корпорации. Но главное — за убийство Фрога и Смита.

У Блейков была долгая, очень долгая память.

В редакции «Стимпсон-Храбоски ньюс» им сказали, что в первый раз слышат фамилию Плейнфилд. Но почему тогда, настаивали полицейские, он прибыл в Черный Мир на корабле, зафрахтованном «Стимпсон-Храбоски»? Как неизвестный человек выбился в штатные сотрудники?

«Стимпсон-Храбоски» ответила молчанием почти презрительным.

Отказ от дачи показаний — тоже своего рода информация. Очевидно, за пределами Черного Мира Плейнфилд обладал немалым весом.

В пылу преследования о мотивах убийцы как-то забыли. Лишь горстка людей знала о заявке и завещании Фрога, и эти люди получили взятки от Плейнфилда. Их судили, они дали показания, которых никто не слушал. Их отправили в изгнание, то есть, одев в скафандры, выбросили за городские шлюзы, предоставив собственной судьбе.

Блейк еще раз напомнил: он всегда платит долги, даже если на это уходят десятилетия.

По завещанию Фрог оставил Мойре больше, чем кто-либо мог себе представить. Солидное состояние обеспечило ей достойное место среди жителей Эджворда.

И жизнь пошла своим чередом.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ:
3052 год н.э.

Нас не назовешь сплоченной и любящей семьей, но в отдельные моменты мы объединяемся. Как правило, это выглядит несколько странно.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ:
3031 год н.э.

Безликий Человек улыбнулся и протянул руки к Бенджамену. Он был без одежды, безволосый и бесполый. Бенджамен съежился от страха и жалобно всхлипнул. Безликий Человек медленно и уверенно приближался к нему.

Бенджамен повернулся и побежал прочь с истошным воем, с трудом отрывая ступни от клейкого тротуара. Он напрягался из последних сил, но ноги едва двигались — словно два поршня, мерно закачивающих воздух.

Улицы и стены города были одинаковы и ослепительно белы. В зданиях — ни одного окна. Двери почти неразличимы. Он бегал между домами, колотил в двери и кричал: «Помогите!»

Никто не отозвался.

Он оглянулся назад. Безликий Человек шел за ним по пятам все с той же улыбкой, той же уверенной поступью, выставив вперед руку и не ускоряя шага.

Бенджамен побежал дальше.

Теперь, заслышав стук, люди выглядывали в «глазки». Выглядывали и смеялись. Он метался от двери к двери. Смех сливался в хор.

Слезы бежали по щекам. Тело покрылось потом. Мышцы сводило от перенапряжения.

Он снова оглянулся. Безликий Человек находился на том же расстоянии, шел той же поступью, выставив вперед руку.

Бенджамен побежал по прямой, стараясь оторваться от своего преследователя. А они смеялись, наблюдая за ним с крыш домов. «Бенджамен! Бенджамен! — несся крик азарта. — Беги, крошка Бенджамен, беги!»

Задыхаясь, он бросился за угол и оказался в тупике. Застонал от страха, забился об стены, и тут... Безликий Человек надвигался, протягивая руки.

Он бросился на стены. Отчаянно искал опору для ног, способ взобраться по этой белой глади.

— Нет! Не надо!

На его плечо легла рука. Ладонь и пальцы были ледяными. Пальцы стали сжимать его тело. Мышцы вспыхнули огненной болью.

Он вывернулся и бросился на Безликого Человека, вцепился ему в горло пониже застывшей улыбки.

Невидимая рука наотмашь хлестала его по лицу, но он не ослабил хватки. Маленький кулачок несколько раз ткнул его в нос и в щеку.

И вдруг сквозь страх пробилась настоящая боль. Бенджамен дернулся всем телом, как эпилептик в первые секунды припадка.

Веки его раскрылись. Он смотрел в искаженное ужасом лицо Поллианны. Руки его были у нее на горле. Разбросанная постель, пропитанная потом. Лицо Поллианны усеяли царапины, на горле выступили пунцовые пятна — будущие синяки. Она продолжала колотить его слабыми ручками.

— О Господи... — пробормотал Бенджамен, отдернув руки. — Господи Иисусе!

Он соскользнул с кровати, склонился над Поллианной. Его била дрожь. Влажное от испарины тело озябло. Бенджамен набросил халат. Не помогло.

— Полли, милая, прости меня. С тобой все в порядке? А мне такой кошмар снился... хуже всех прежних. В этот раз он меня догнал. Прости меня. Это я ведь с ним дрался. Принести тебе что-нибудь? — Он говорил и не мог остановиться.

Сердце стучало в груди молотом. Страх не проходил. Бенджамен почти ждал, что Безликий Человек вот-вот войдет в спальню.

Поллианна кивнула.

— Воды, — попросила она хрипло.

Он вышел в ванную, отыскал стакан, попытался налить. Он ронял стакан два раза, прежде чем отнес его Поллианне, полный лишь наполовину.

Поллианна сидела на кровати, съежившись, одной рукой потирая горло, и испуганно на него смотрела.

— Тебе нужна помощь, — прошептала она. — Нет! Не подходи!

— Это был сон... Представляешь — я бегу по улице, зову на помощь, а надо мной все потешаются. А он все идет и идет... А потом как схватит меня... Полли, я не знаю, к чему мне все это приснилось. Мне страшно. Милая, пожалуйста, не бойся меня. Я ведь не хотел тебе плохого. Мне казалось, что я с ним дерусь.

Поллианна пришла в себя, но отодвигалась каждый раз, когда Бенджамен пытался придвинуться к ней, чтобы как-то успокоиться вблизи ее тепла.

— Полли, прошу тебя...

Внезапно дверь в спальню распахнулась.

Железная Крепость уже погрузилась в ночь. Лампы в коридоре горели вполнакала. На пороге стоял черный силуэт с

широко расставленными ногами и руками, скрещенными на груди. Он него исходили волны гнева.

— Ах ты шлюха! — взвизгнул Люцифер на октаву выше своего обычного голоса. — Грязная шлюха! Ну что, уже легла под моего братца?

Он бросился в комнату. В свете ночника мелькнуло его лицо — лицо убийцы. Он схватил Поллианну за руку, вздернул на ноги и ударил кулаком в живот. Она сложилась пополам, и он ударил в подбородок. Со всего размаху. Бенджамен услышал хруст и ахнул — Люцифер сломал ей челюсть!

Оказалось, что Люцифер сломал себе руку. Вскрикнув от боли и изумления, он растерянно уставился на свой кулак.

Бенджамен схватил брата за плечи, отбросил от Поллианны. Люцифер, упираясь, споткнулся о стул и рухнул на пол. Ругаясь, встал.

— Ах ты гад! С мой женой? Я убью тебя!

Он бросился на Бенджамена. В здоровой руке у него был нож.

Кто-то мельком заглянул в дверь и тут же убежал прочь.

Растерянный и напуганный, Бенджамен едва успел пригнуться. Он заблокировал удар ножа, ударил Люцифера и попытался схватить его за запястье. Люцифер пригнулся и отступил, пританцовывая.

Обоих тренировали в отцовских школах. Оба выросли профессиональными убийцами. Для стороннего наблюдателя их бой был бы захватывающим зрелищем.

Люцифер сделал обманный выпад, потом еще один, потом вдруг ударил. Бенджамен увернулся, но недостаточно проворно — этого удара он не ожидал. По его бедру побежала струйка крови.

— Я тебе устрою, — прохрипел Люцифер, кивком показывая брату на его пах. — Ни с чьей женой больше спать не будешь. Даже со своей, красавчик, сволочь!

Он кружил вокруг брата, а Бенджамен ждал, обливаясь потом, его нападения.

Неожиданно он поддал ногой подушку, метя брату в лицо. Люцифер увернулся и бросился вперед.

Удар ледяной воды бросил его через всю комнату. Бенджамен обернулся. Удар струи был как сотня кулаков. Его прижало к стене.

— Хватит, черт бы вас побрал! — взревел он.

Струя прекратилась.

В дверях стояли два легионера с пожарным шлангом. Мимо них с искаженным от гнева лицом протиснулась Фрида Шторм. Сейчас она выглядела не менее грозно, чем ее отец Кассий.

— Бенджамен, сейчас же оденься. И ты, женщина, — тоже. Люцифер, поднимайся. Живо! — Она с остервенением, совсем не по-женски, пнула его ногой.

Фрида не спросила, в чем дело. Это было очевидно.

— Что с тобой творится, черт возьми? — накинулась она на Бенджамена. — Тебе жить надоело? Сначала дурацкая история с крейсером Ричарда, а теперь еще и это.

— Мама, я...

— Ну да, я знаю, это сделал Гомер. А кто у нас отвечает за Гомера? Кто не уследил за ним? Генрих, проводи Люцифера в госпиталь. У него рука не в порядке.

Она подошла к Поллианне. Девушка одевалась в такой спешке, что даже крючки застегнула наперекосяк. Фрида взяла ее за подбородок, повернула голову в одну сторону, потом в другую. Поллианна стыдливо отводила взгляд.

— А что у тебя с горлом?

— Это я сделал.

— Что ты сказал?

— Это моя работа, мама. Мне тут приснилось... он меня поймал, и я с ним дрался.

Что-то дрогнуло в лице Фриды. Не то чтобы оно смягчилось, нет, скорее по нему проскользнула тень испуга.

— Надо поговорить с мадам Андор. Истолковать заново. Она и раньше чего-то такого боялась.

— Мама...

— Бенджамен, у тебя осталась хоть капля достоинства? Ты хоть что-нибудь соображаешь? Это жена твоего брата. Это дом твоего брата. Заткнись! Я знаю, она давно превратилась в общественную собственность. Я знаю, что она дает каждому, кто попросит. Но неужели у тебя не хватает мозгов не просить? Неужели ты не знал: сегодня вечером муж захочет с ней повидаться? Ведь завтра он покинет Крепость.

— Покинет Крепость? Но я не знал...

— Мой отец отсылает его с каким-то заданием. И если бы тебя волновало что-то, помимо собственной драгоценной пер-

соны... — Она обернулась к Поллианне. — Прибери здесь как следует. Я пришлю кого-нибудь тебе помочь. И имей в виду: это все я доложу мужу, и он будет принимать решение. Бенджамен! — Она схватила его за руку. — Пойдем отсюда.

Оказавшись в цитадели собственных комнат, Фрида прижала сына к себе и прошептала обессиленно:

— Бен, мальчик мой дорогой, ну зачем тебе все это? Я ведь не смогу вечно тебя вытаскивать из неприятностей. У отца может лопнуть терпение, когда он все узнает.

— Мама...

— А он узнает. Уже завтра новость облетит всю Крепость, можешь не сомневаться. Бен, держись от нее подальше. Она как течная кошка. Ей на все плевать.

— Мама...

— Сядь. Вот сюда. Вот так. Я хочу, чтобы ты обо всем подумал, Бен. Как следует подумал. О себе самом. Об этой женщине. О Люцифере. Обо всем, что здесь происходит. О проблемах, что стоят перед твоим отцом и дедом. Но в первую очередь о Майкле Ди. Майкл здесь, Бен. Ты не интересовался почему? На то есть причина. Он ничего не делает без задней мысли. А твой отец и дед допустили большую ошибку: отбыли, оставив его здесь.

— Мама...

— Сиди и молчи. Только думай. А я налью тебе выпить.

Фрида налила, и пока он пил, позвонила в несколько мест. Вначале — мадам Андор, оккультистке, выписанной ею с Новой Земли. После этого разговора, довольно долгого, Фрида заметно побледнела.

Вторым звонком она подняла на ноги начальника арсенала. Фрида приказала ему подобрать для Бенджамена один из легких бронированных «исподних» костюмов, из той партии, что «Межзвездные Технологии» пытались продать ее мужу. Эти костюмы носили под обычной одеждой.

— Мне плевать, что мы их еще не купили, капитан. Я заплачу сама, если Легион откажется. И подгоните все как следует. Утром он явится к вам на примерку, — сказала она непреклонным тоном.

Фрида подошла к сыну, села напротив него и долго, пристально его рассматривала. В конце концов он поднял глаза и спросил:

— Ты звонила мадам Андор?

Фрида кивнула.

— Насчет моего сна? Что она сказала? — Фрида молчала. — Сон не к добру?

— Вот что, Бен: завтра ты первым делом спустишься в арсенал. Капитан Фергюс выдаст тебе костюм, из тех, что прислали «МТ».

— Мама...

— Сделай это, Бенджамен.

— Но, мама...

— Я сказала, Бенджамен.

Он тяжело вздохнул.

Вдруг его охватил страх. Первый раз страх охватил его не во сне. Он невольно оглянулся — посмотреть, насколько уже близко Безликий Человек.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ: **май 2844 года н.э.**

Сангарийское умение носить в себе ненависть так, как несут в ночи пылающий факел, помогло ему перенести суровые месяцы плена. Иногда Джексон был близок к тому, чтобы его сломить, и даже думал, что сломил, но каждый раз мальчик лишь принимал покорный вид, словно защитную окраску, а в душе вскармливал ненависть, закаляя свое терпение, размышляя и строя планы.

Спустя неделю после неудавшегося побега Джексон взял его с собой в деревню. Этот визит потряс мальчика еще больше, чем то, что старик знает о его расовой принадлежности.

Сама деревня вполне оправдала его ожидания. Она состояла из дюжины грязных, убогих хижин. Жители вели полукочевой образ жизни, занимаясь охотой и собирательством. Их насчитывалась примерно сотня, включая множество детей и горстку стариков.

Вождю было около тридцати префектласских лет. По цивилизованным меркам он едва достиг совершеннолетия. Здесь же этот человек был одним из старейших. Жизнь в лесу коротка и сурова.

Примерно тридцати рабочим и племенным особям из хозяйства Норбонов удалось добраться до деревни. Дифа поразили условия их содержания.

Дикие животные тут же обратили своих двоюродных братьев в рабство куда более жестокое, чем у Норбонов. Жители деревни до сих пор потешались над их глупой доверчивостью.

В поисках новых пациентов Джексон ходил по домам и таскал за собой мальчика.

Всюду Диф видел одно и то же: норбонских животных подвергали самым жестоким истязаниям. Он видел девочку, не старше его, брошенную в яму за отказ удовлетворить домогательства вождя. Он видел стонущего и харкающего кровью рабочего, распятого на грубо сколоченном кресте — он пытался дать сдачи. На площади валялся разлагающийся труп, скрытый слоем мух. Этого человека зажарили живьем.

Дифа весь день выворачивало наизнанку. За что эти звери так мучают своих собратьев? Он не видел никаких причин.

Не оттого ли старшие в его семье столь презрительно относились к людям?

Пожалуй, сорвав его побег, Джексон оказал ему невольную услугу. Он мог влипнуть в куда худшее.

В доме Джексон вонючими припарками лечил опухоль на шее вождя. Диф остался снаружи и сел на корточки в пыли неподалеку от ямы, где сидела девочка. Она затаилась в тени, спрятав лицо в волосах, некогда светлых, а теперь облепленных сгустками запекшейся крови. Плечи ее покрылись струпьями. Вокруг тучами роились насекомые. Судя по всему, она была из породы рабынь для удовольствия нордического типа — дешевый продукт массового потребления.

Спрос на нордических особей держался стойко. И Семейство Норбонов успевало их выращивать, удовлетворяя рынок. У Семьи был хороший племенной материал.

Семья Норбонов вывела несколько превосходных линий. «Кофейная мулатка номер три» брала премии на всех выставках.

Диф пожал плечами. Это была другая жизнь, она осталась за миллион световых лет отсюда и на тысячу лет в прошлом. Где-то далеко отсюда остался другой Диф, с ранних лет умевший гордиться успехами Семьи.

— Эй, ты... — позвал он.

Девочка не ответила. Диф продолжал сидеть на корточках, и солнце, проплывая по небу, соединило их тени в одну. Он почувствовал, как в девочке просыпается любопытство.

Она перевела взгляд кверху и заметила веревку у Дифа на шее. Тень страха и надежды пробежала по ее избитому лицу.

Дифу девочка показалась незнакомой. Но она его явно знала. Мальчик улыбнулся ей ободряюще.

В Дифе шевельнулось сострадание, немного неуклюжее, искусственное, скорее привитое в школе, а не замешенное на живых чувствах. Ему всегда внушали: нужно беречь семейное добро. Жестокое обращение с рабами, нанесение им увечий считались тяжким грехом. Метрополия — довольно бедная ресурсами, суровая планета. Ее материальные ценности, в том числе и живые организмы, следовало беречь.

При необходимости Диф приказал бы убить тысячу рабов без малейших угрызений совести. Но никогда не позволил бы себе убить или покалечить хоть одного просто так, из злобы. И не простил бы этого другим.

В таком духе воспитывали будущего Главу.

Теперь он стал старшим Норбоном на Префектласе. И отвечал за сохранность норбонской собственности.

— Потерпи, девочка, — прошептал он. — Продержись еще немного. Будет и на нашей улице праздник.

Сказав это, он почувствовал всю глупость ситуации. Кому нужны его пустые обещания? Ведь он не может ни защитить, ни покарать. А его отец или Рафу — что они сделали бы на его месте?

То же самое. Терпели бы все, лишь бы выжить.

Его размышления прервало одно из животных. Оглашая деревню диким воем, оно показывало в ту сторону, откуда только что примчалось. Площадь мигом заполнилась его сородичами. Они хватали все самое ценное, в первую очередь новых рабов, и тащили в укромные места. У мужчин в руках появились луки и копья.

Джексон ухватился за веревку и побежал, ругаясь вполголоса и волоча за собой Дифа.

На другом конце деревни показались два бронетранспортера космической пехоты. Над площадью завис самолет. Послышались крики и взрывы. Старик припустил быстрее, и шум остался позади.

«Уж не меня ли ищут? — подумал Диф. — Знают, что я спасся?» Он надеялся, что нет. Иначе бы они охотились за ним, пока не нашли бы. Люди никогда не останавливаются на полпути.

Добравшись до пещеры, Джексон избил мальчика с такой жестокостью, словно налет был его виной.

Диф вытерпел.

Месяц за месяцем проходили в мучениях, медленно, словно раненый левиафан.

Вот уже три четверти префектласского года Диф был рабом Джексона. Каждую неделю они наведывались в деревню. После рейда животные стали держаться ближе к дому — они боялись стать добычей более сильных племен.

Рабыня Эмили была единственной из норбонских животных, кого не увели с собой пехотинцы. Диф навещал ее при первой же возможности. И каждый раз обещал спасти.

К ненависти добавился долг. И вместе они давали Дифу силы держаться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ:
3031 год н.э.

В 3031 году далеко не все умершие оставались таковыми навсегда.

В результате бурного развития промышленности по изготовлению криокиборгов повысился спрос на человеческий мозг. Всего несколько килограммов нервной ткани человека, очищенной от личностных признаков и пересаженной в компьютеры и блоки памяти, заменяли многотонные специализированные системы управления и принятия решений.

Но в те времена еще не было средств от деградации нервных тканей. И иногда системы криокиборгов вдруг начинали разваливаться.

Продолжительность жизни нервной ткани стала препятствием для людей, подобных Гнею Шторму, имеющих власть, богатство и доступ к самым совершенным технологиям омоложения и оживления организма.

Число мозгов, которые можно было встроить в криокиборги, всегда было меньше спроса. Дефицит восполнялся по-раз-

ному. Старая Земля продавала мозг преступников за твердую межпланетную валюту. Часть товара поступала по подпольным каналам. А основное количество — с разбитых кораблей.

Десятки предпринимателей рыскали, словно шакалы, в зонах катастроф и вооруженных конфликтов, подбирая трупы для перепродажи органов. Воинские части Конфедерации зачастую бросали погибших нижних чинов на поле боя. Солдаты относились к судьбе собственных тел с полным безразличием. Большинство из этих отчаявшихся людей шли на смертельный риск в надежде обеспечить себе безбедную старость и навсегда покинуть трущобы, где родились.

Агенты Гнея Шторма тоже осматривали места недавних сражений, выбирая находящихся в хорошем состоянии мертвецов. Трупы замораживали, затем оживляли и предлагали им вступить в Легион.

Большинство соглашались на это с ребяческим восторгом. Для них угодить из зловонных трущоб в привилегированный, покрывший себя неувядаемой славой Железный Легион, да еще вырвавшись, по милости Шторма, из лап Костлявой, было все равно что вознестись в рай. Вот почему головидение называло их Легионом Мертвых.

Хельга Ди использовала в своем деле сотни мертвых голов. Лишь члены семейства Ди знали предельные возможности «хранилища данных» Мира Хельги. Публично же Хельга признавала за собой лишь то, что она приобрела официально.

Шторм не сомневался — реальные ее возможности вдвое больше.

Мир Хельги был мертвой планетой. Лишь однажды на ее поверхности завелись люди: когда возводили и осваивали гигантское сооружение под названием Фестунг Тодесангст. Здесь, в недрах огромной скалы, стиснутой в ледяных объятиях энтропии, находилось сердце огромной Корпорации. Никто не входил туда, кроме членов семьи, мертвецов и людей, которых Ди обрекли на исчезновение. Никто не выходил оттуда, кроме самих Ди.

О системе обороны Фестунг Тодесангст ходили легенды. Они были странными и неестественными, как сама Хельга.

Люди, вступающие в этот мир, пропадали навсегда, словно прошлогодние мухи. Гней Шторм намеревался проникнуть в этот ад под ледяной корой.

Он не рассчитывал на радушный прием у Хельги. Ненависть к Шторму была у нее в крови, в подсознании. Дети Майкла ненавидели Шторма ничуть не меньше. Каждый из них постоянно напоминал о своем существовании, вынуждая принимать контрмеры. Главная вина Шторма заключалась в том, что каждый раз он одерживал верх.

Отпрыски Ди были еще хуже своего отца.

Та заварушка, что устроил Феарчайлд, стоила Кассию руки. Теперь Шторм и Кассий держали его в заточении, а где именно — не знал никто, кроме них. Он стал заложником, призванным умерить пыл остальных. Но, к сожалению, Ди были людьми страстными и иррациональными и в горячке борьбы не помнили ничего.

В свое время Хельга, мстя за Феарчайлда, захватила дочь Шторма, Валери, и сделала ее частью Фестунг Тодесангст.

В ответ Шторм захватил Хельгу и отправил ее в собственную крепость настолько изувеченной, что она выжила лишь благодаря сращиванию с одной из своих машин. Навеки обреченная на полумеханическую жизнь, она теперь лелеяла планы мщения, ожидая подходящего случая отплатить Шторму за его жестокость.

И Сет-Беспредельный тоже часто наносил удары. Он был везде и в то же время нигде, он мог открыто появиться даже на Луне-Командной и исчезнуть раньше, чем самые быстрые охотники могли бы к нему подобраться. Большинство из его вылазок были для Штормов обидными щелчками по носу. Подобно отцу, он был скользок и увертлив и всегда имел несколько запасных планов. Как и Майкл, он никогда не действовал прямолинейно. «Было бы недурно, — подумал Шторм, — чтобы Кассий на Горе застал Сета-Беспредельного врасплох».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:
2854—3031 годы н.э.

Радостные моменты были для Майкла Ди крохотными островками в безбрежном враждебном океане. Жизнь его протекала стремительно и напряженно. У Майкла было столько дел, что, когда он находил время оглянуться вокруг, ему казалось — он очутился в совершенно незнакомой вселенной. В

год Теневой Линии он был полностью поглощен своими планами.

В семье он всегда держался немного особняком. Самые ранние его воспоминания были о драках с Гнеем — из-за того, что он был другим.

В конце концов Гней принял его таким, каким он был. Гораздо труднее оказалось для Майкла принять самого себя.

В глубине души Майкл Ди сильно недолюбливал Майкла Ди. Что-то было не так у этого человека.

Что он не такой, как другие, Майкл понял из отношения к нему его собственной матери. Слишком она за него боялась, слишком его оберегала.

Борис Шторм, которого Майкл считал своим отцом, появлялся редко. Всецело поглощенный своей работой, он почти не находил времени побыть с семьей. У Майкла не было с ним контакта.

А Эмили Шторм дрожала над своим первенцем, без устали одергивая и защищая, защищая и одергивая, пока он вконец не уверился: в нем сидит зло, пугающее его мать до одури.

Но что представляет собой это заключенное в нем темное начало? Майкл часами мучительно копался в себе, но так ни в чем и не разобрался.

Другие дети тоже это чувствовали. Они сторонились Майкла. Он стал изучать людей, старясь разглядеть в них собственное отражение. Постепенно он научился манипулировать окружающими, но главный секрет все время от него ускользал.

Лишь Гней принимал его. Бедняга Гней — этот упрямец готов был снести любые побои, лишь бы не признавать, что брат его — со странностями.

Хилое здоровье еще больше отравляло его детские годы. Борис извел на докторов целое состояние. Но те, не найдя никаких серьезных болезней, ссылались на дурную наследственность.

Он рос слабым, бледным и болезненным. За него всегда дрался брат. Он был так силен и так упорен в бою, что другие дети его боялись и, не желая нарываться на драку, стали просто избегать Майкла.

А Майкл, чтобы завладеть их вниманием, принялся сочинять разные небылицы. И удивительное дело — ему верили!

Так он обнаружил неожиданный талант. Осознав в себе силы перекраивать правду на собственный лад, Майкл начал этим пользоваться.

Постепенно он научился взвешивать каждое свое слово, каждый жест, просчитывая заранее их воздействие на аудиторию. И достиг в своем развитии той точки, когда прямота становится невозможна, когда даже к простейшей цели идут извилистыми путями.

Он так и не смог выбраться из изобретенной им самим ловушки.

То ли на счастье, то ли на погибель, природа наделила его блестящим умом и феноменальной памятью. И он пользовался этими инструментами, опутывая всех тугой и прочной паутиной лжи. Он стал непревзойденным мастером интриг, обмана и лжи. Он жил в центре урагана фальши и раздоров.

В те дни в Академию принимали лишь с четырнадцати стандартных лет. Когда Гней приблизился к этому возрасту, Борис Шторм стал добиваться, чтобы к его сыну и пасынку отнеслись при приеме по-особому.

Борис происходил из старой военной семьи. Предки его служили еще в Палисарианском Директорате, одном из государств — учредителей Конфедерации. Сам он давно оставил службу, но для своих потомков не представлял цели более высокой, чем стать военными. И готовил обоих к службе с самого раннего детства. Образование они получили в частной школе с военным уклоном. Эту школу их отец основал для детей офицеров Префектласской Корпорации.

Именно там Майкл и Гней впервые столкнулись с Ричардом Хоксбладом. В то время его звали Ричард Ворацек. Имя Хоксблад он взял, когда стал кондотьером.

Ричард был сыном бизнес-консультанта, которого Борис ввел в состав руководства, надеясь повысить доходность предприятия. Семья его не имела военных традиций. Ричард стал белой вороной среди ребятишек, которые считали всех штатских представителями низших форм жизни. Ричард тогда был еще более тщедушным и болезненным, чем Майкл. И потому стал его излюбленной жертвой.

Ричард выдерживал тучи ядовитых стрел со спокойным достоинством, никогда не поддаваясь на провокацию. Невозмутимость его приводила одноклассников в бешенство. Он

же отвечал тем, что стал лучшим абсолютно во всем. Лишь Гнею удавалось время от времени вознестись в те заоблачные выси, в которых парил Ворацек.

Блестящие оценки лишь добавили ему проблем в общении с товарищами. Гнея, самого близкого его приятеля, тоже выводило из себя то, что Ричард не дает сдачи.

— Когда-нибудь я сровняю счет, — пообещал однажды Ворацек.

Так оно и вышло.

Настало время, и начались конкурсные экзамены в Академию. Юноши, словно выпущенные меткой рукой дротики, устремились туда, куда нацеливали их родители всю жизнь. Туда, где был шанс стать полноправными членами военной элиты.

Шесть дней продолжались изнурительные тесты. Одни выявляли уровень физической и психологической подготовки претендентов. Другие — общую эрудицию и способность принимать решения. Все знали: здесь с Ричардом никому не тягаться. И вдруг, ко всеобщему удивлению, оказалось, что Майкл идет почти вровень с ним.

И вот, на последнем экзамене, сдав свою работу, Ричард спокойно заявил, что нарочно давал неправильные ответы. Почему? Да потому, что кое-кто списал у него часть ответов. Есть ли возможность протестировать его заново, изолировав от остальных?

Компьютерный анализ выявил подозрительное сходство ответов Ворацека и Майкла Ди. Ричарда допустили к переэкзаменовке. И он получил самый высокий балл за всю историю Академии.

Майкл, хотевший добиться всего без труда, просчитался. Мечты его рухнули, словно замки, возведенные на песке.

Он понимал, что сам во всем виноват. И все-таки его извращенный ум возлагал часть вины и на Ричарда. А при взгляде под соответствующим углом виноватым вообще становился Ворацек.

Случай этот стал в жизни Майкла Ди переломным. С тех пор он начал обманывать сам себя. Последний оплот реальности рухнул, и его понесло по течению. Теперь он жил в своем обособленном мирке, связанный со всей остальной

вселенной узами лжи и ненависти. Майкл заковал себя в цепи столь незаметные, что сам порой не мог их обнаружить.

Отброшенный назад, он пошел по другому пути, вступив на то поприще, где ценность человека определялась его способностью преображать реальность. Он стал журналистом.

Голосети, ставшие для сильных мира сего главным средством воздействия на умы, еще за много лет до этого оставили всякие попытки передавать объективную информацию. Когда Майкл занялся этим ремеслом, драматический поворот событий был необходимой приманкой для зрителей. Чем обильнее лилась в репортаже кровь, тем охотнее его смотрели.

Майкл хотел работать независимо. Многие годы он провел в упорной борьбе. А потом разразилась Улантская война.

Он проявил редкостный дар оказываться в нужном месте в нужный момент. Он интереснее всех освещал события. Коллеги его снимали катастрофу за катастрофой, следя за молниеносным наступлением улантидов во внутренних мирах. Майкл же выискивал светлые моменты, восхищаясь крошечными победами и конкретными примерами героизма. И в результате проложил себе путь наверх.

Пока Борис, Гней, Кассий и Ричард рисковали своими жизнями в казавшихся безнадежными попытках преградить путь Уланту, Майкл с увлечением снимал их на пленку. В результате улантской оккупации Префектласа семейство Штормов почти разорилось. Он же, наоборот, набил себе карманы. Теперь Майкл сам диктовал цену за материал. В годы войны среди всеобщей неразберихи он виртуозно уклонялся от налогообложения и с умом вкладывал деньги, приобретая акции инстелной связи еще тогда, когда связь на сверхсветовых скоростях казалась несбыточной мечтой. Он получил доступ в межзвездный банк данных, от которого позднее отпочковалась Фестунг Тодесангст.

Все, к чему бы он ни прикасался, обращалось в золото.

Ричарда он так и не простил. Нажив огромные богатства, он тем не менее остался выскочкой, не допускаемым в высшее общество. Без диплома Академии он был человеком второго сорта. В то время подлинными аристократами считали лишь офицеров.

Война закончилась. Но вызванный ею хаос длился. Адмирал флота Мак-Гроу продолжал каперство. Сангарийские пираты грабили всех подряд на космических дорогах. Значит, всегда было на кого свалить вину. И Майкл занялся пиратством.

Он был осторожен. Вряд ли его кто-нибудь мог заподозрить. Имея свежую информацию от своего инстела и от банка данных, он смог из пары разбитых эсминцев сделать еще одно состояние.

Разбойничьи авантюры завели его в очередную ловушку.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ:
3031 год н.э.

Орбита Мира Хельги была сильно удалена от центральной звезды. На поверхности планеты завывали метановые ветры, холодные, как сердце ее хозяйки, такие же безграничные в своей свирепости. Шторм искал, где выходит на поверхность тепло. Крепость Фестунг Тодесангст лежала глубоко под корой, вбирая в себя остатки тепла из ядра планеты.

Передав в эфир украденные опознавательные коды, Шторм перешел на низкую полярную орбиту. Сделав три витка, он обнаружил наконец тепловую аномалию. Затем определил свое точное местонахождение и вошел в метановый слой.

Автоматические наблюдатели сверху и снизу не обратили на него внимания. Ни одна ракета не взлетела ему навстречу.

Значит, коды правильные.

Шторм криво улыбнулся: выбираться будет потруднее.

Он с сожалением подумал о только что использованном преимуществе, которого больше уже не будет. Такие преимущества Шторм накапливал с жадностью скряги. Теперь, после его визита, Хельга законопатит дыры в своей оборонительной системе.

Он посадил корабль. Заранее надев скафандр для внешних работ, он выпрыгнул в ревущий метановый ветер. На мгновение его охватил нестерпимый холод — от задержки нагревателей скафандра.

— Хреново определился, — буркнул Шторм себе под нос. Дверь, к которой он целился, была примерно за километр от

места посадки. И не факт, что он сможет пройти этот путь и холод ветра его не прикончит.

Но плакать было поздно. Лететь на корабле значило чересчур искушать судьбу. Выбор между виселицей и плахой.

Шторм пошел пешком.

Шлюз этот соорудили во время монтажа как порт доступа для рабочих, а потом не заварили. Там, внутри, должна стоять одна из сторожевых тварей Хельги, но уже полстолетия ее бдительность ничем не испытывается. Шторм рассчитывал застать ее врасплох.

Он шел, стараясь не обращать внимание ни на бурю, ни на жгучий холод. Через каждые сто шагов Шторм проверял защитную перчатку на левом рукаве скафандра. Он не был уверен, что она выдержит такой мороз.

Его одиссее не было видно конца. Ветер и кислородный снег злорадно выли, готовя ему катастрофу. Но буря стала слабеть. Шторм глянул вверх и увидел, что находится под козырьком корпуса шлюза.

Внешний люк был чуть приоткрыт. Шторм протиснулся в зазор и запустил механизм.

А вдруг из-за этого беспечно открытого люка обледенел механизм шлюза? Створка дрогнула и протестующе заскрипела. Потом пронзительно взвизгнул освобождающийся от льда механизм, и створка со стуком захлопнулась. Тут же скафандр Шторма и стекло его шлема покрылись инеем — в камеру стал поступать пригодный для дыхания воздух.

Стряхнув изморозь со стекла, Шторм оказался лицом к лицу с одним из самых гротескных продуктов генной инженерии.

Путь к Хельге преграждала амазонка, тощая, как скелет, с полупрозрачной кожей, безволосая и не дышащая. Лишь пупок и девственная щель между тонкими, как ходули, бедрами указывали на ее человеческое происхождение и пол. Да еще замешательство при неожиданном появлении Шторма из люка.

Было несколько секунд, когда Шторм оказался совершенно беззащитным из-за заиндевевшего смотрового стекла, но она упустила эти секунды. Опомнившись, амазонка включила инфразвуковые генераторы, вызывающие у приближающегося к ней нарастающий ужас.

Ничего человеческого не было в этом мертвенно-бледном лице. Ни единый мускул не дрогнул под этой тонкой кожей. Шторм сопротивлялся гипнотической атаке инфразвука, заставляя страх работать на себя.

«Она мертвая», — сказал он себе.

На короткий миг в нем шевельнулось сочувствие, хоть он и знал, насколько оно неуместно. Противница его была менее живой, чем сто раз воскрешенный солдат.

Шторм приближался к стражнице, выставив вперед левую руку.

Она казалась хрупкой и беспомощной. Но это впечатление было ложным. Ни один живой человек не справился бы с ней без специального снаряжения. Ни боль, ни раны, ни пределы человеческой силы для нее ничего не значили. Эта порода была выведена для одной-единственной цели: нападать до победы или смерти.

Перчатка Шторма слегка коснулась ее руки. Ударил разряд. Шок должен был внести путаницу в ее нервные импульсы и сделать ее послушной.

Средство оказалось не настолько действенным, как он ожидал. Ярости у амазонки поубавилось, но послушной она не стала. Шторм перехватил на себя управление, сорвал с нее инфразвуковые генераторы и потащил ее за собой вниз по ступенькам. Каждые десять минут он пропускал через нее разряд, тратя все больше энергии батарей.

Шторм нервничал. Он терял самое эффективное оружие. Если батареи сядут слишком рано, пленницу придется убить. А ему, чтобы преодолеть следующее препятствие, нужна живая приманка.

Коридор этот, как и все коридоры, тянущиеся от поверхности, выводил в темный, огромный, как стадион, зал с естественными каменными сводами. Пол был выглажен и засыпан полуметровым слоем песка.

Шторм нагнулся в конце туннеля и подумал, что здесь и находится настоящий вход в Фестунг Тодесангст. Вот здесь и есть истинная охрана. Тут его самое лучшее оружие просто бесполезно — здешний страж по размерам не уступал своей будке.

У Хельги Ди было специфическое чувство юмора и странная точка зрения на вселенную. Ее привратник был пресмы-

кающимся размером с тираннозавра, пришельцем из мира столь огромного, что здесь он двигался с ловкостью и проворством котенка. Лишь Хельга, растившая это чудовище с тех пор, как оно вылупилось из яйца, и любовно называвшая его «мой щеночек», могла с ним управиться. «Потому что, — говорила она, — он меня любит». Шторм считал, что она вживила в него управляющие электроды.

Питалась эта тварь мясом мозговых доноров и врагов Хельги.

Как средство защиты эта тварь была примитивна, груба и неодолима. И служила точным отражением одной из граней характера Хельги Ди. Использование такого примитива для страховки современнейшей системы обороны — таково было ее представление о шутке.

От рева твари Шторм покачнулся. Уши заболели. Что-то огромное, бесформенное заколыхалось в сумраке пещеры.

Но он пришел сюда не в зоопарк с диковинными зверюшками. Этот предмет — не зрелище, а препятствие. И его нужно сдвинуть с пути или устранить. Шторм достал из монтажного пояса килограммовый сверток и прилепил его на спину пленнице. А потом посветил в глубь пещеры, чтобы привлечь внимание зверя, и швырнул туда амазонку.

Из темноты выскочила огромная чешуйчатая голова, и женщина-скелет тут же исчезла в клыкастой пасти. Желтый глаз величиной с арбуз уставился на Шторма.

Голова взметнулась вверх. Из темноты послышался звук движения огромного тела, неясное шебуршание и хруст ломающихся костей.

Шторма передернуло. Женщина встретила смерть без единого звука.

У Шторма мелькнула мысль: надо было убить Хельгу, когда была возможность.

Он выжидал. Чавканье затихло. Да, Хельга наверняка выбрала чудовище, которое пережевывает пищу.

Зверь взревел. Шторм выжидал. И вскоре зверь захрапел, как действующий вулкан. Шторм подождал еще немного, досадуя на задержку.

Казалось, он провел здесь уж полжизни, а сделать так ничего и не успел. Впереди — крепость.

Шторм рассчитывал, что наркотик подействует сразу, но от долгого хранения он, видимо, выдохся. А примешанный

яд был медленным. Чтобы действовать наверняка, приходилось ждать.

Шторм рассчитал дозу так, чтобы, пока он находится внизу, монстр только заснул, а смерть наступила, когда он выберется на поверхность. Вполне возможно, что Хельга следит по мониторам за состоянием своего любимца.

Он прошел три четверти расстояния, отделяющего его от монстра, когда тот, отбросив притворство, стал надвигаться на него, громадный, как древний дредноут из мяса и костей.

Движения его утратили прежнюю легкость. Наркотик все-таки подействовал. Шторм не потерял голову, хотя и чувствовал, как страх стискивает его стальными когтями. Он принял вызов.

Этот бой он репетировал годами. И сейчас действовал автоматически.

Шторм завел руку за спину и стал сближаться со своим противником. Перчатку он поставил так, чтобы ее закоротило в одном мощном выбросе энергии. Огромная голова с саблевидными зубами пошла вниз. Для зверя это движение было медленным, но в субъективном восприятии Шторма — неимоверно быстрым.

Он вильнул в сторону, перчатка мелькнула в воздухе, как когтистая лапа орла. На секунду пальцы Шторма коснулись внутренней поверхности влажных гигантских ноздрей. Перчатка взорвалась. Воздух наполнился едким запахом паленого мяса. Чудище вскрикнуло и, отпрянув назад, со всего размаху плюхнулось на пол, раздирая тупоносую морду когтями.

Шторм пополз дальше. Потом, еще под действием выброшенного в кровь в минуту опасности адреналина, он вскочил с поразительным для человека его лет проворством. И тут же пригнул голову, готовый увернуться от следующего выпада и рассчитывая в этой игре в кошки-мышки добраться до выхода.

Но тварь была слишком занята собой. Она яростно сопела, словно собака, ужаленная пчелой, и терла лапами нос, еще больше раздирая когтями собственную плоть. Увидев, что она уткнулась мордой в песок, Шторм истерически захохотал. И рванулся ко входу.

Неприступные ворота были взломаны. Он проник в Фестунг Тодесангст.

Шторму пришлось остановиться, чтобы овладеть собой, справиться со своими чувствами. Больше всего на свете ему хотелось, чтобы можно было все бросить и вернуться в безопасную тишь кабинета.

Сдаться или нет — безразлично. Он все равно не может победить. Во всяком случае — надолго. Зачем тогда сражаться? Не лучше украсть несколько мгновений покоя, пока не наступило неизбежное?

Но было в нем что-то, не дающее сдаться. И Шторм продолжил спуск, углубляясь в недра Фестунг Тодесангст.

Глубины Мира Хельги были стерильны и безжизненны. Нескончаемые коридоры с безликими металлическими полами и стенами, залитые бело-голубым сиянием. Единственным запахом был слабый аромат озона, единственным звуком — едва уловимый гул. Казалось, он идет по бездействующей, но хорошо сохранившейся больнице.

Жизнь крепости Фестунг Тодесангст была скрыта за этими безликими стенами. Мозги тысяч и тысяч людей. Кубические километры микрочипов и магнитных ячеек, перекачивающих миллиарды мегабитов информации. Мир Хельги стал хранилищем данных о всей человеческой вселенной.

Какие неожиданные тайны здесь хранятся? Какую власть дадут они тому, кто приберет к рукам Хельгу Ди или лишит ее этого достояния?

Неизмеримую. Но ни у кого, даже у Конфедерации, недостаточно сил, чтобы ограбить империю Хельги. Отец ее не раз предупреждал: она скорее вызовет Готтердаммерунг, чем сдаст свои позиции. Любому завоевателю придется тайком деактивировать десятки смертоносных термоядерных зарядов и капсул с ядами, готовых убить мозговую ткань в цистернах. Ему придется деактивировать и Хельгу, к которой сходятся все нити управления.

Для всех Ди эта черта была главной. Что мое — то мое навеки. Торговаться можно только о твоем. Вряд ли кому по силам ограбить это семейство, особенно какому-нибудь скупому правительству.

Шторм собрался обокрасть женщину из рода Ди. Самую холодную, самую злобную, самую завистливую из Ди. И это он намеревался сделать с помощью того, что было украдено у

него. Самый ценный трофей королевы мертвых будет ее самым уязвимым местом.

Он собирался причинить ей боль и собирался сделать это с радостью.

За много километров от поверхности, в тех глубинах, где скафандру пришлось переключиться с подогрева на охлаждение, он нашел тот терминал.

Терминал, с которого подавались команды небольшой полуавтономной системе, созданной для единственной и жестокой цели — отомстить Гнею Юлию Шторму. Здесь хранилось все, что было известно о Шторме и Железном Легионе. Шторм подозревал, что даже ему не все из этого известно. Сюда приходили любые намеки на информацию, самые далекие отголоски слухов, хоть как-то с ним связанных.

Сюда обращался Майкл Ди, когда разрабатывал очередной план.

Когда-то Хельга была безудержной распутницей и металась от страсти к страсти, выбирая самые странные объекты с отчаянием обреченной. Заточение в бесконечной скуке Фестунг Тодесангст было самой страшной для нее казнью, которую она только могла бы придумать. Но каждая минута работы самой глубокой системы этой крепости давала ей возможность сквитаться, терзая душу Шторма.

Ядром этой системы, ее мозговым центром была дочь Шторма, Валери. Ее встроили в киборга, не лишив при этом индивидуальности. Каждую секунду субъективного, неимоверно растянутого времени, в котором она существовала, Валери осознавала, кто она такая и что с ней случилось.

За это Хельга Ди поплатится жизнью. Когда придет время. Когда момент созреет.

Всякому овощу свое время.

Он долго не сводил глаз с терминала, стараясь забыть на время о том, что душа машины — это его дочь, которую он любил слишком сильно.

Возраст, говорил Шторм, когда об этом заходила речь, не прибавляет мудрости — только опыта, из которого мудрый может извлечь уроки. И даже у мудрейшего есть слепые зоны, в которых он ведет себя по-дурацки и столь непреклонен в своей глупости, что превращает ее в самодельную удавку для себя же.

У Шторма такими зонами были Ричард Хоксблад и Майкл Ди. Он был готов приписать Ричарду любое зло, а брату был готов излишне верить и многое прощать.

Когда-то, очень давно, Валери совершила то же самое, что недавно — Поллианна. Она тайно покинула Железную Крепость. Шторм до сих пор не был уверен, но подозревал в этом происки Майкла Ди. Он не знал также, что побудило Валери к бегству, хотя незадолго до этого она часто говорила о примирении с Ричардом.

Воспоминания о Валери наложили отпечаток на его действия в случае с Поллианной. Он очертя голову помчался ее спасать — возможно, не слишком мудро.

Валери полюбила Хоксблада.

Слухи об их романе просочились в Крепость. Шторм пришел в ярость. Он обвинил Ричарда во всех преступлениях, в которых только способен обвинить отец любовника дочери. Майкл организовал их встречу. А Шторм, как самый последний дурак, отрекся от Валери, когда она отказалась вернуться домой.

Он пожалел об этом в ту же минуту, но упрямство помешало ему отказаться от сказанных слов. И еще сильнее пожалел, когда Хельга, обманув собственного отца, похитила Валери и заточила в Фестунг Тодесангст.

Бедняжка Валери. Она попала в церебрально-механическое рабство, думая, что отец ее бросил, что он ее хладнокровно разыграл, как карту в игре.

С тех пор Шторм никогда не забывал про Хельгу. Месть, которую он сейчас планировал, была только задатком полной расплаты за его поруганную любовь к дочери.

Они были суровыми, безжалостными и архаичными, все эти Штормы, Ди, Хоксблады и те, кто им служил.

«Хватит!» — приказал себе Шторм. Он и так слишком часто распинает себя на этом кресте. Дрожащей рукой он переключил переговорное устройство на прямой речевой контакт.

— Валери?

Он почувствовал, как взбудоражилось нутро системы, ответившее ему электронным потрескиванием. А потом пришел сигнал, который его прибор преобразовал в вопрос:

— Кто это?

В голосе были обертоны удивления.

Шторм был готов дать лишь один ответ, тот единственный, который не должен был вызвать взрыв злобы.

— Ричард Хоксблад.

— Ричард? Что ты здесь делаешь?

Он почувствовал ее неуверенность, надежду, страх. И покачнулся от удара, подавляя в себе тошноту. Какой-то гнусный червь грыз его внутренности, прорываясь наружу.

Если у них с Ричардом и возможно согласие, то лишь в одном — Хельга должна за это заплатить.

Ричард любил Валери. Эта любовь стала еще одной непреодолимой пропастью между ним и Штормом.

— Я пришел повидаться с тобой. Освободить тебя. И узнать, что Хельга замышляет против меня и твоего отца.

Наступило долгое, тягостное молчание. Шторм уже испугался, что потерял ее окончательно.

— Кто говорит со мной? — раздался ее голос. — Я спала здесь так долго, так спокойно.

Он тут же уловил фальшь в ее словах. Никакого спокойствия для Валери Шторм здесь быть не может. Уж об этом Хельга позаботилась.

— Ричард Хоксблад, — снова ответил Шторм, жалея, что никогда не слышал их интимных разговоров, ласковых прозвищ, которыми они называют друг друга ночью, всех этих милых пустяков, имеющих значение лишь для двоих влюбленных. — Валери, что это за новый комплекс, который я видел по дороге сюда?

Между логовом монстра и камерой Валери он мало что видел, кроме стерильной тишины, но на последних уровнях ему пришлось тихо, как котенку, проскользнуть через зону строительства.

Шторм опасался, что рабочие-зомби заметили его. Очищенные от личностных признаков, они мало чем отличались от роботов. Но кто знает — вдруг этих роботов запрограммировали на фиксацию всех аномалий.

— Это склепы-морозильники для сыновей моего отца. С их смерти моя повелительница начнет свое мщение.

Шторм подавил гневную реакцию.

— Как? И почему?

— Хельга и ее отец решили, что мой отец будет воевать в Черном Мире. А потому хотят взять в плен нескольких моих братьев и держать их здесь, пока бой не закончится.

— Хельга никогда их не отпустит.

— Нет. Но ее отец этого не знает.

— Как это будет сделано?

— Их захватит Майкл Ди.

Шторм вспомнил о мучивших Бенджамена кошмарах. Неужели это истинные предчувствия? Неужели оба близнеца наделены даром пси-контактов, и Безликий Человек — это Майкл Ди?

— А как они убьют Бенджамена? — невольно сорвалось у него с языка. И он тут же скривился, будто надавил на больной зуб. Хоксблад не мог знать о подобных планах. И вычислить их не мог бы.

— Кто ты? Ты говоришь не так, как Ричард. В твоих словах столько холода... Он не мог бы... Шторм. Мой отец. Это ты. Только он мог подозревать...

Она была слишком ошеломлена, чтобы поднять тревогу, а может быть — не захотела. Может быть, она отчасти его простила.

— Прости меня, Валери. Я поступил как дурак.

Слова застревали в горле. Шторм не привык признавать ошибки.

Теперь он должен был действовать быстро. Наверняка Хельга позаботилась, чтобы у Валери не было от нее секретов.

— Рыжик... прости. — Он должен был это сделать. Узнав о том, что Валери в плену, они с Ричардом согласились, что это необходимо.

Был только один способ освободить Валери Шторм. И никакого другого.

Его плоть от плоти, кровь от крови... Перед глазами все расплывалось. Они были влажны.

Дрожащей рукой он потянулся к большому красному рубильнику в центре терминала. Червь, копошившийся внутри него, превратился в злобного дракона с когтистыми лапами.

А он-то думал, что слишком состарился и загрубел, что такой боли ему уже никогда не испытать.

Всего лишь на какой-то миг он заколебался. А потом снял ручку с предохранителя и резко дернул на себя.

И тут же шлем его наполнился стоном — словно кто-то умирал от удушья. Рука дернулась к переговорному устройству, он заставил ее остановиться. Он должен слушать и запоминать. Потому что этого страшного момента никогда бы не было, не будь он таким идиотом.

Человек должен до конца распробовать горечь собственной глупости, как и сладость собственной мудрости, поскольку мудрость рождается из хорошо запомненной глупости.

Валери умирала.

— Какой покой... — еле слышно пролепетала она. — Папа, скажи Ричарду... Пожалуйста, скажи Ричарду, что я... что я...

— Скажу, Валери. Рыжик. Обещаю тебе.

— Папа... сыграй мне что-нибудь... как раньше.

Одна слеза скатилась у него по щеке — он вспомнил мелодию, которой убаюкивал ее в детстве. Шторм снял рюкзак, моля Бога лишь об одном — чтобы инструмент его остался целым после стужи и схватки с часовым Хельги. Он смочил слюной мундштук, потом закрыл глаза и заиграл. Кларнет чуть сипел, но послушно вытягивал мелодию ее детства.

— Вот эту, Рыжик?

Безмолвие. Жуткое, кричащее безмолвие смерти.

Он дал волю ярости, заглушающей другое, более глубокое и пронзительное чувство. На одну бесконечную минуту скорбь захлестнула его без остатка. И мелодия оборвалась, уступив место надрывному вою.

Валери была не первой из тех, в чьих жилах текла его кровь и кого он убил. И, быть может, не последней. Но привычность не унимала боль. И плакать бессонными ночами ему придется всегда.

Такого Шторма, Шторма слез, скорби и ярости, не видел никто и никогда, кроме Фриды. Это она обнимала Шторма в моменты, когда он сотрясался от рыданий.

Он взял себя в руки. Есть еще работа. Кое-что он узнал, но нужно торопиться.

Безжизненное лицо Хельги маячило перед ним, пока он выбирался из недр Фестунг Тодесангст. И он шел прямо на него с целеустремленностью убийцы-фанатика.

Раньше он думал, что ненавидит Ричарда Хоксблада. Однако ненависть эта была мимолетной ребяческой обидой по сравнению с тем, что он испытывал сейчас. Эти чувства ста-

нут факелом, до конца дней освещающим ему дорогу в кромешной тьме.

Он не спрашивал себя, что привело его в Мир Хельги. Но в том, что он узнал, неявно содержался ответ.

Игра, затеянная Майклом, подходит к концу. Ди шел ва-банк, ставя на карту все, что имеет, чтобы получить то, что хочет. Легион и Хоксблада толкали в Черный Мир, как бойцовых петухов в яму, — на бой и на смерть без воскрешения.

Чем бы ни был одержим Майкл, его мечта вот-вот станет явью. Скоро он получит свое Эльдорадо. Будет война, и война, замешенная на чувствах. Взаимная ненависть постоянно кем-то подпитывается, и Армагеддон неотвратим.

Сумерки Легиона уже близко. Это может означать конец для всех армий наемников.

И Шторм дал обет. Пусть будет война с Ричардом, пусть они оба погибнут. Но они уйдут во тьму, унося с собой победу, которая осветит им путь в Преисподнюю.

Ди спустятся туда вместе с ними. Все до последнего.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ:
2845 год н.э.

Последний снег таял в лесных зарослях, когда Диф решился на повторный побег. Он готовился к нему месяцами. Вначале мальчик положил все силы на то, чтобы убедить Джексона: он окончательно смирился со своей участью. Он старательно делал все, что ему говорили, и ублажал старика даже больше, чем тот требовал. Он не пытался сбежать даже в самых подходящих для этого ситуациях. Он не восставал против жестокого обращения и сексуальных домогательств. Он сносил все молча и терпеливо ждал.

Надев на себя личину заботливости, Диф кропотливо подготавливал свою месть. Осенью он устлал пол пещеры листьями. Когда настали холода и огонь в очаге горел постоянно, он собирал хворост и складывал его в кучи. Запасаясь дровами, он попутно подбирал небольшие камешки с острыми краями и рассовывал их по укромным местам.

В заранее выбранную им ночь Диф начал перетирать веревку острым камнем, изо всех сил стараясь не зашуршать

листьями. На это ушло несколько часов. Закончив, он сбежал не сразу.

Зажимая концы перетертой веревки, так чтобы она по-прежнему обвивала шею, Диф поднялся и подбросил веток в огонь. Старик проснулся, как всегда, когда Диф шевелился, и стал ругаться. Диф покорно склонил голову и продолжал работать. Джексон снова захрапел.

Пламя взметалось все выше и выше. Вскоре оно загудело, всколыхнув воздух в пещере.

Возле костра Диф заранее спрятал вещи, которые собирался взять с собой: одеяло из шкур, стальное огниво, сверток с сушеными фруктами. Сейчас он выбросил их наружу.

Джексон проснулся, подозрительный и раздраженный. Он дернул за веревку. Она ударила его по лицу. Старик тупо уставился на обтрепанный конец.

Диф схватил рогатину и передвинул костер к сухим, рассыпающимся листьям. Потом отпрыгнул и опрокинул здоровенную кучу хвороста, тщательно сложенную для такого случая. Ветки полетели в огонь. В ту же секунду пламя охватило их, взметнулось вверх и громко загудело.

Диф опрокинул остальные кучи.

Испуганный и разозленный старик соскочил с кресла и хотел было броситься к выходу, пока огненная завеса не стала непроницаемой.

Диф сбил его наземь брошенным камнем.

Его руку двигала сила ненависти. Камень ударил Джексону в грудь с такой силой, что послышался хруст ребер.

Джексон поднялся и снова бросился к нему. Но ловушка уже захлопнулась — ему пришлось отступить.

Диф с наслаждением наблюдал, как Джексон вопит и приплясывает в огне. В конце концов, обезумев от боли, старик снова ринулся через завесу огня и, выскочив с другой стороны, пополз, извиваясь всем телом, к своему мучителю.

Отступая каждый раз, когда Джексон подползал ближе, Диф собрал вещи, но не уходил, пока Джексон не умер.

Впоследствии, вспоминая об этом эпизоде, он не испытывал никаких чувств. Это была даже не казнь — просто избавление от мерзости.

А потом он направился в деревню.

В пещере Дифу словно отсекли часть души, оставив на ней глубокий рубец. Он потерял способность испытывать подлинные чувства, присущие простым смертным, и превратился в ужасного монстра, прагматичного, начисто лишенного совести и сострадания. Отныне он будет лишь по необходимости симулировать эти свойства характера, словно принимая защитную окраску, уверенный, что точно так же поступают и остальные. Только собственные прихоти, фантазии и ненависть будут иметь для него значение. А окружающих он будет рассматривать лишь как объекты для своих манипуляций.

Диф решил действовать именно в эту ночь, потому что вождь приговорил Эмили к заточению в яме еще на одну неделю, дав возможность вызволить девочку, не забираясь к нему в дом.

Вход в деревню сторожил часовой — жители опасались ночных набегов соседних племен. Диф застал часового спящим, осторожно прополз мимо и направился к хижине вождя, выбирая самую непроглядную тень.

Яму, где сидела Эмили, прикрывала крышка из шкур, натянутых на деревянную раму. Диф убрал камни, придавливающие крышку, и сдвинул ее в сторону, а потом лег на живот и прошептал:

— Эмили! Пора! — В яме была непроглядная темень, но по испуганному дыханию, доносившемуся из глубины, Диф понял — девочка не спит.

Рядом храпело какое-то животное из тех, что жители деревни обратили в своих рабов. Оно чуяло Дифа, но шума поднимать не стало. Похоже, оно не собирается выдавать мальчика.

— Эмили! Пойдем! Это я — Диф.

Из ямы опять никто не отозвался.

— Пойдем! — Время уходило, и тратить его на испуганную рабыню было некогда. Диф свесился вниз и попробовал на ощупь ухватить ее за волосы. Но яма была слишком глубока.

— Пойдем, девочка. Давай мне руку. Надо нам поторапливаться.

И тут она всхлипнула.

Диф знал, что девчонка немало выстрадала, но вряд ли больше, чем он. Что же с ней такое? Неужели этих животных так легко сломить?

— Руку! — рявкнул он шепотом, снова нагибаясь. И почувствовал, что девочка ухватилась за него. Он уперся и потянул. Извиваясь и хныча, голая девчонка вылезла из ямы.

«Ну и что дальше?» — спросил он себя. Без одежды она ни холода не выдержит, ни по лесу бежать не сможет — ее кусты раздерут.

— Добудь себе что-нибудь из одежды, — приказал он, показывая на хижину вождя.

Она замотала головой.

— Живее! — прохрипел Диф.

И снова качание головой.

— Да иди же, черт бы тебя побрал! — Диф больно ущипнул ее за голую ягодицу. Девочка тихо пискнула и скрылась в доме.

Диф пригнулся возле хижины, закусив губу, ловя за дальними холмами признаки надвигающегося рассвета.

Они таки подняли шум. Не услышал ли кто-нибудь?

В урчании животного уже слышалось любопытство. Не будь оно заперто в клетке, давно бы уже отправилось посмотреть. В лесу то и дело фыркали, стрекотали, ухали какие-то ночные твари.

А с ними как быть? Он не слышал, чтобы в местных лесах водились крупные хищники. Однако это не значит, что их там нет. Он знал о Префектласе только то, что видел собственными глазами. А Джексон немногое дал ему повидать.

Наконец девочка вернулась, завернутая в меха.

— Это одежда Юлоа, — прошептала она. Девочка обворовала сына вождя.

Диф хмыкнул едва слышно, стараясь скрыть свою тревогу.

— Пора нам отправляться. До рассвета совсем чуть-чуть осталось.

— А куда мы пойдем?

Диф и сам не знал. Его планы не простирались дальше того, чтобы вытащить девчонку из ямы. Его знаний об этом мире было недостаточно.

— Вернемся на станцию, — ответил он ей. И пошел, прежде чем она успела что-либо возразить. Идти куда-нибудь, лишь бы выбраться отсюда. Помедлив какое-то мгновение, девочка двинулась следом.

Часовой пересел на другое место, но уже опять спал. Они осторожно прокрались мимо.

Пройдя с сотню ярдов, Диф остановился. Он не знал дороги. Направление — да, но не дорогу.

Гордость не позволяла ему сознаться в своем неведении перед животным. Он пошел дальше, пока Эмили не успела ни о чем спросить.

Часом позже, когда они продирались сквозь густые заросли вверх по крутому склону, она спросила:

— Почему бы нам не пойти по тропе — вон по той? — И добавила, задыхаясь: — А то потеряем время. За нами ведь скоро пустятся в погоню.

Диф нахмурился. Похоже, эта девчонка замучит своей трескотней.

Хотя что здесь такого — она ведь может высказать свои соображения? Тем более что ничего при этом не навязывает.

— Ладно, может быть, ты и права.

Они двинулись в направлении, выбранном девочкой. И наткнулись на узкую тропинку. Теперь все пошло легче. Лесная опушка показалась, когда рассвет уже принялся энергичными мазками перекрашивать темно-синие облака в малиновый и золотой цвет.

— Здесь мы отдохнем, — сказал Диф, привалившись спиной к подножию огромного дерева. Два гигантских корня стали на несколько минут подлокотниками его трона.

Впереди простиралась равнина, расчищенная Норбонами во время первой экспедиции на Префектлас. Теперь она стала безжизненной, если не считать навозных жуков да утренних птиц, скачущих за насекомыми. На месте норбонского комплекса лежала груда развалин. Даже их дом — настоящую крепость — и то сровняли с землей. Трава и мох зеленели на обугленных руинах.

От других построек осталось и того меньше. Космические пехотинцы поработали на славу.

А потом ушли, даже не оставив поста. Черные проплешины, выжженные их штурмовыми кораблями, уже едва проглядывали под молодой порослью.

Он смотрел и размышлял. Что он здесь забыл? Позади не было ничего, кроме мучений и смерти. Нужно идти дальше.

Куда? Любые животные из тех, что обитают поблизости, станут обращаться с ними ничуть не лучше, чем те, от которых они ушли. А что, если они забредут в район, где орудуют люди Конфедерации? Девчонка тут же его выдаст.

Но завтра — это завтра. Сейчас — сегодня. Проблемы надо решать, когда они возникают. Сейчас надо идти.

— Диф, не стоит здесь задерживаться. Наверняка нас уже хватились.

Диф встал и пошел к развалинам. Кто знает — вдруг там найдется что-нибудь полезное?

Солнечный диск уже показался одним краем, осветив горизонт. Они шли по узкой тропинке между десятков скелетов и беспорядочно разбросанных костей — здесь уже поживились мародеры. На костях болтались обрывки сангарийской одежды. На одном из маленьких скелетов с размозженным черепом Диф увидел нарядные светлые панталоны, в которых выводили в свет Дарвона в'Пафа.

Диф постоял возле останков своего заклятого врага. Не так должен умирать наследник Семейства.

Он искал место, где была кухня, — здесь он в первую очередь рассчитывал найти что-нибудь полезное.

Около часа он рылся в обломках. Без толку. Руины обобрали так же чисто, как и кости сангарийцев. Эмили сказала, что жители окрестных деревень хлынули сюда, едва ушли пехотинцы.

Диф вернулся с покореженной алюминиевой чашкой и кухонным ножом без ручки. И то, и другое он отдал Эмили. А себе оставил остроконечный осколок стеклостали длиной около фута. Такой можно насадить на древко или приделать к нему рукоятку.

Сходил и к месту бывшего арсенала, в надежде, что там завалялось хоть какое-нибудь оружие. Но налетчики побывали и там и все разграбили. Ему досталась лишь бутыль с охлаждающей эмульсией для лазерного орудия, которую он решил приспособить под флягу.

В тот момент, когда он выливал жидкость из бутыли, девочка вскрикнула и, запрокинув голову к небу, замахала руками, прислушиваясь к слабому стрекотанию.

Вертолет Конфедерации летел к югу. Диф упал возле валуна и потянул за собой Эмили. Она визжала и брыкалась.

Патруль растаял в глубине неба. Диф помог Эмили подняться с земли.

— Зачем ты это сделал? — накинулась на него Эмили. — Они бы нам помогли! То есть... меня бы могли с собой забрать.

— Ты — Норбон, — ответил Диф.

Он отвернулся. Задумчиво поковырял ногой щебень, что-то припоминая.

Он провел на Префектласе около недели до прилета рейдеров. Не такой уж долгий срок, но достаточный, чтобы полюбить всей душой станцию и людей, работавших на ней. В первый раз он вырвался за пределы Метрополии, и потому от всего здесь отдавало романтикой. Особенно от старика Рафу.

Что теперь стало с зоотехником? Он был настоящий мужчина. Наверняка утащил за собой в могилу достаточно животных.

— Нам пора, Эмили. Нужно уйти с равнины, пока следы не выведут их сюда. — Он направился в ту сторону, куда только что улетел вертолет. Им оставалось лишь одно — все время продвигаться на юг.

Сейчас он не готов к борьбе с завоевателями Префектласа, но, когда будет готов, он должен быть возле их главной базы. Диф догадывался, что их штаб-квартирой стало имение Сексонов. Оно — самое обширное на этой планете, самое удобное для обороны, с лучшими системами связи. Идеальный плацдарм для оккупантов-людей. Совсем поблизости расположен главный космопорт планеты с доками, пригодными для обслуживания самых тяжелых лихтеров.

Вот его конечная цель. Только попав туда, он сможет покинуть планету.

Оставалась лишь маленькая проблема. До имения Сексонов было больше тысячи миль.

Путь этот занял у подростков три года. Их странствия перемежались с периодами рабства такого же беспросветного, как и в первый раз. Перенесенные тяготы соединили их прочнейшими межэтническими узами, срастили в единый организм, отчаянно борющийся за выживание.

У Эмили пропало всякое желание покинуть его или выдать своим.

Они прибыли на место, и потянулись тягостные годы. Они попрошайничали. Перебивались случайными заработками. Их

насильно запихивали в школы и приюты. В конце концов Эмили устроилась уборщицей в офис Префектласской Корпорации. И они выжили. А Диф почти забыл прощальное напутствие отца.

А когда им было шестнадцать, произошло нечто невероятное — Эмили забеременела.

Мир Дифа соскочил с привычной оси. Диф пробудился от летаргии и стал думать о том, о чем раньше не приходилось. Ему не под силу вырастить ребенка. Но он — сангариец. И у него есть обязанности по отношению к этому малышу, хочет он того или нет.

В это время работа Эмили свела ее с президентом Корпорации. Тот увлекся девочкой и стал добиваться ее благосклонности мелкими подношениями.

После долгих, мучительных размышлений Диф решил самоустраниться. Да, за Эмили ухаживал человек, руководивший нападением на его Семью. Именно по его приказу пехотинцы сеяли смерть на норбонской станции. Этот человек — его самый заклятый враг. Но этот же человек — единственная надежда для его будущего ребенка.

Сангарийцы всегда гордились своим прагматизмом.

— Ступай к нему, — сказал Диф Эмили. — Пусть он станет твоим мужчиной. Не спорь. У него есть то, что тебе нужно. Вчерашний день уже позади. А завтра мы оба начнем новую жизнь.

Она сопротивлялась. Она дралась с ним. Она плакала.

Диф вытолкал ее из лачуги и удерживал дверь до тех пор, пока она не ушла прочь. А потом привалился спиной к косяку и зарыдал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ:
3031 год н.э.

Братья Дарксорды походили на штатных архивариусов. С лица их не сходило выражение оскорбленной невинности — словно столкновение с реальным миром неизменно заканчивалось для обоих увесистой оплеухой. Эти кудесники, правившие в банке информации, выглядели легкой добычей для ужасных монстров, рыскающих в человеческих джунглях.

Оба — худосочные, низенькие, с вытянутыми лицами и водянистыми глазами. Бледные, с волосами столь редкими, что их в пору заносить в Красную книгу. Гельмут предпочитал носить пенсне. Вульф, более решительный, исправил зрение хирургическим путем.

Два суетливых человечка, которые просто не способны оставаться в неподвижности. Первое, что бросалось в глаза стороннему наблюдателю, — это их пристрастие к трагическому заламыванию рук: любой, даже самой мелкой неприятности коротышки ожидали с трепетом старой девы, приговоренной к участию в разнузданной оргии.

Они так долго играли на публику, что сами вжились в образ.

На самом же деле они состояли из стали и льда в такой же степени, как Кассий или Шторм. Прикажи им тогда Шторм, и они не задумываясь, без всяких угрызений совести прикончили бы эмиссара горнодобывающей компании. Ослушание было для них незнакомым понятием.

Это были старые, слаженно действующие, неотвязные убийцы.

Их жизни, их чувства, их пристрастия вот уже на протяжении двухсот лет имели один центр притяжения. Они неотступно шли за Борисом Штормом еще будучи мальчишками, в старом Палисарианском Директорате. Вместе с ним учились в военной школе и вступили во флот Конфедерации, вместе с ним основали Префектласскую Корпорацию. Когда Улант начал войну, вместе с ним вернулись на службу, а затем помогали формировать Железный Легион. После смерти Бориса оба стали верой и правдой служить его сыну.

Они родились на Старой Земле и хотя еще в юности ее покинули, но планета-мать дала им достаточно суровых уроков в худших трущобах Европы.

Лишь две вещи имели значение в этом мире. Примкнуть к банде, у которой самые большие пушки. И служить ей с абсолютной преданностью до тех пор, пока она отвечает тебе взаимностью.

Два столетия чуть подправили эту истину. Теперь им уже не уйти из Легиона, найдись даже у кого-то пушки побольше. Время от времени кто-то из них вспоминал, что, судя по некоторым признакам, пора выходить из игры. Но

ни один, ни другой ничего для этого не предпринимали. Братья продолжали служить Шторму с непреклонностью законов природы.

Шторм оставил их командовать в Крепости. Как утверждал Вульф, сам факт его отсутствия создал столько проблем, что под их бременем и святому недолго спутаться с дьяволом.

Дарксорды были весьма занятными существами еще в одном смысле. Они были из редкой породы истинно верующих в эпоху неверных. Только они сами понимали, как их действия совмещаются с христианскими заповедями.

Майкл Ди был оживлен как кипящая ртуть. Поллианна, вынужденная в присутствии Люцифера соблюдать хоть какую-то осторожность, теперь, кажется, задалась целью дать работу всем действующим мужским членам в Крепости. Имя ее стало излюбленным предметом грубых шуток.

Не прошло и двух дней после отбытия Люцифера, как она снова затащила к себе в постель Бенджамена, да еще с такой беспечностью, что об этом узнала вся Крепость. И теперь Фрида напоминала вулкан перед извержением.

Традиционные нормы морали мало что значили для обитателей Железной Крепости, но здесь старались избегать ненужных трений между собой.

Поллианну же, казалось, это нисколько не волнует. Она пошла вразнос чуть ли не сознательно.

Заключались пари. Взбесится ли Люцифер после возвращения настолько, чтобы повторить недавнее кровопролитие? А может быть, жена Бенджамена решит, что с нее довольно, и отрежет ему яйца? Такая взрывоопасная обстановка как нельзя лучше подходила для планов Майкла Ди.

Приготовления к экспедиции в Черный Мир затянулись. У Легиона не было снаряжения для боевых действий в безвоздушной среде. Для действий в отравленной атмосфере — было, но не для безатмосферных планет.

Оставалось утешаться тем, что Ричард Хоксблад наверняка бьется над той же проблемой.

Увлечение Фриды оккультизмом к этому времени уже приняло форму легкого помешательства. Она проводила долгие часы, запершись с мадам Андор, окончательно уверовав в вещий характер ночных кошмаров Бенджамена. В своих попытках уберечь сына от беды Фрида стала просто невыносима.

Она то и дело ощупывала Бенджамена, чтобы убедиться: защитный костюм на нем.

Шашни с Поллианной были для него единственным убежищем и единственной защитой от невыносимой материнской опеки.

В войсках началось брожение, которое можно было объяснить лишь одной причиной — присутствием Майкла Ди. Разного рода слухи буквально наводнили казармы. То и дело вспыхивали потасовки, доходило и до поножовщины. Вражда между различными ротами и батальонами уже не имела ничего общего со здоровым духом соперничества.

Вот уже десять дней, как Шторм оставил Крепость, и его уравновешивающего воздействия явно не хватало.

Отчаявшиеся Вульф и Гельмут предписали всем, кто свободен от вахты, являться в спортивный зал для изнурительных тренировок. Измученные бесконечной муштрой легионеры уже не выказывали в стычках прежнего пыла.

Вульф не отставал от Гельмута ни на шаг. Зайдя в спортивный зал, он пробурчал:

— Достаточно этому паразиту просто побыть здесь, чтобы все изгадить. — Он показал на Майкла Ди. — Ты только посмотри на него. Расселся, будто Соломон на троне.

Гельмут кивнул, соглашаясь.

— А интересно, поднимет кто-нибудь шум, если выкинуть его через шлюз?

— Не раньше, чем полковник вернется домой. Ух ты, погляди-ка! И Поллианна здесь. Не пособишь мне с ней?

Поллианна застыла у входа в зал, оглядывая людей, обступивших Ди. А потом ее похотливые глаза остановились на Майкле и внезапно загорелись ненавистью.

Рядом с Бенджаменом стояли Гомер и Фрида. Увидев Поллианну, Фрида сделала ей знак подойти. Бенджамен руководил тренировкой. Солдаты выполняли упражнения без энтузиазма.

Майкл молча смотрел, не чувствуя обжигающего взгляда Поллианны. С лица его не сходила задумчивая улыбка.

— Ты сам с ней разберись, — процедил сквозь зубы Гельмут. — А с меня довольно будет Бенджамена и Ди. — В голосе его сквозило такое отвращение, словно Вульф предложил поплескаться в сточной канаве.

При приближении Вульфа Поллианна, к его удовольствию, густо залилась краской. Видимо, она заметила на его лице признаки надвигающейся бури.

Кассий, с его механическим голосом и полным отсутствием эмоций, был единственным человеком, которого боялась Поллианна. Тех, кто побывал у нее в постели, она бояться переставала.

Поллианна уже не раз делала авансы обоим Дарксордам. Но ни тот, ни другой не клюнули. И потому их Поллианна тоже иногда побаивалась. Сейчас Вульф старался выглядеть угрюмым, как пилот-камикадзе. На то, что он собирался сделать, требовалась определенная решимость. Распущенность Поллианны озадачивала и пугала его.

— Пойдем-ка прогуляемся! — резко сказал он, схватив Поллианну за руку. Она вздрогнула. Оказалось, что Вульф гораздо сильнее, чем кажется на вид, и хочет, чтобы она это поняла. — Заруби себе на носу, — процедил он сквозь зубы, подталкивая ее вперед по коридору. — Играть в игры Майкла Ди здесь можно только Майклу Ди. И ему все сойдет с рук — у него есть индульгенция от самого Шторма. А у тебя нет ничего. Ты — всего-навсего одна из невесток.

Слова Поллианны застряли у нее в горле. Его гнев обрушился на нее, как захлестнувший волнорезы вал, и смыл все, что она хотела сказать.

— Я мог бы посадить тебя под арест. Я так и сделаю, если ты не станешь вести себя, как монашенка. Держись подальше от Бенджамена. И Гомера. Я видел, как ты к нему клеишься. Если захочешь снять штаны, сделай это лучше для Люцифера. Ясно тебе? А если вздумаешь поиграть, обзаведись лучше колодой карт. Потому что эту игру мы хорошо знаем — еще с тех времен, когда твоя бабушка наложила в свой первый подгузник.

Они уже подходили к каюте Поллианны. Вульф протолкнул ее внутрь.

— Так вот, девушка: еще один номер, и не выйдешь отсюда до возвращения полковника. Это я тебе обещаю.

У Поллианны чуть отлегло от сердца. И Вульф это сразу же почувствовал.

— Тебе кажется, что ты его знаешь? Да? Ошибаешься. Для него Легион всегда на первом месте. Человек, которому при-

ходилось убивать собственных детей, не задумается отправить в Мир Хельги любительницу, решившую поиграть в игры Ди. И в таком же виде, в каком отправил эту собирательницу железок.

Он настолько непоколебимо верил в своего командира, что заразил своей верой и Поллианну. Вульф оставил ее, надеясь, что ее хорошо проберет страхом и она ужаснется, что связалась с такими страшными людьми.

Гельмут подошел к небольшой группе, наблюдавшей за тренировкой. Он был лишь чуть менее отталкивающим, чем его брат. Улыбка на лице Ди стала неуверенной. Теплая аура обаяния Бенджамена рассеялась. Гомер повернул к нему свои незрячие глаза, мрачные и бездонные, как глаза смерти. Во взгляде Фриды промелькнула настороженность.

Фрида была костлявая пышноволосая блондинка, похожая на своего отца, но без его уверенности в себе. Ее встревожила решимость, проглядывавшая в походке Гельмута. Гнея Шторма она понимала и умела с ним справляться. Отцом тоже могла манипулировать. Но Даркордов ей так и не удалось прибрать к рукам.

А братья любили производить такое впечатление. Гельмут плюхнулся в пустое кресло с видом, явно не предвещавшим ничего хорошего, и медленно обвел взглядом зал.

— Капитан Цейслак! Руководите занятиями. Бенджамен, я нашел для тебя дело. Будешь проводить тренировки в вакууме. Начнешь завтра, после утренней поверки. Свяжись с Вонгом — он даст тебе программу тренировок.

Они друг друга поняли. Бенджамена решили убрать от греха подальше. На проведение тренировок в вакууме потребуется не одна неделя.

У человека, когда он остается один на один со своими мыслями в космическом скафандре, достаточно времени на раздумья. Именно этим руководствовался сейчас Гельмут.

— Но ведь он может... — начала было Фрида.

— Пораниться? — перебил ее Гельмут. — Чушь. Снаружи для него сейчас безопаснее. Он ведь не самоубийца, правда? — Гельмут бросил взгляд на Майкла Ди и скривил губы в ядовитой усмешке.

Бенджамен покраснел.

— А как же несчастные случаи?! — У Фриды уже начиналась истерика.

— Успокойся, мама, — сказал Гомер язвительно. — У тебя ведь останется еще один предмет обожания — это я.

Фриду передернуло. Стараясь скрыть свои чувства, она улыбнулась — якобы виновато.

Мертвые глаза Гомера смотрели вниз. Он все прекрасно понимал — даже мать выражает ему любовь лишь по принуждению.

— Несчастные случаи? Ну конечно, без них не обходится, — процедил Гельмут и снова посмотрел с улыбкой на Ди. — Я в свое время размышлял на эту тему и пришел к выводу: несчастные случаи похожи на мутации. Один из очень многих бывает благоприятным. Мы с Вульфом как раз только что говорили о таких возможностях.

Теперь от улыбки Ди не осталось и следа. До него дошло. Он увидел следы, оставленные на лице Гельмута мучительными сомнениями. И с вдруг проснувшейся наблюдательностью Ди понял: Гельмут принял решение. Его слова пусть и не прямо, но утверждали, что впредь он не намерен отождествлять интересы Гнея Юлия Шторма с интересами Легиона. Намек, что они с братом готовы убрать Ди, означал революцию в умах, которая грозила распространиться на всю организацию. Когда даже комнатные собачки вдруг встают на дыбы и ощериваются...

А Гельмут сидел рядом и улыбался, словно читая мысли Майкла.

Фрида все продолжала причитать, и в конце концов Гельмут взорвался.

— Вам не по душе мои приказы, мадам? Жалуйтесь полковнику, когда он вернется. А пока что прошу помолчать.

Так сурово он еще не выговаривал ни одной женщине. Фрида заткнулась. Шторм всегда вставал на сторону того, кого наделил властью проконсула.

Высказав все, что хотел, Гельмут отправился будить Терстона Шторма. Терстон — вот его верный помощник. Вначале ему поручили единственную задачу: стеречь Майкла. Но по мере того как напряжение нарастало, Дарксордам пришлось переложить на него часть своей нелегкой ноши. Теперь все

трое несли дежурство по шестнадцать часов. Пока один из них спал, двое других отбивали наступление хаоса.

— Он сегодня на редкость дружелюбен, а? — заметил Майкл, когда Гельмут удалился. — Такой на свадьбе уныние наведет. Отправит жениха на работу раньше, чем пир начнется.

В словах его таился тонко рассчитанный намек, но Бенджамен, не заметив этого, тут же попался в ловушку.

— Пир, говоришь? А что, неплохая мысль, Майкл. Пора нам всем немного встряхнуться. Устрою-ка я отвальную.

Майкл кивнул, улыбаясь.

Стараниями Бенджамена атмосфера на вечеринке постепенно становилась все более веселой и непринужденной. Несколько глотков спиртного помогали молодежи забыть о гнетущем чувстве, так внезапно и совершенно необъяснимо овладевшем всеми в последнее время. Все чаще в зале раздавались чьи-то неуверенные смешки.

Мать Бенджамена держалась в тени, угрюмая, словно старый ворон. Она с самого начала встретила идею в штыки — что-то ей не нравилось. Но Бенджамен остался непреклонен. Даже мадам Андор не удалось его переубедить. Материнская опека порядком ему опротивела. И Бенджамен решил: довольно с него непрошеных спасителей.

Порой в своем упрямстве он нисколько не уступал отцу.

Теперь Фрида просто места себе не находила. Где же ее муж и отец? В Крепости черт знает что творится, а они там гоняются за какими-то женщинами или еще что-то в этом роде.

Ди разглядывал гостей с презрительной, насмешливой улыбкой.

Терстон Шторм занял наблюдательный пост возле двери. Этот мрачный, рыжеволосый детина казался совершеннейшим простачком, не способным даже на самые примитивные хитрости. Однако внешность его была обманчивой. Это был опасный человек.

Терстона не включили в список приглашенных, поскольку считали его слишком шумным и необузданным. Он хоть и обиделся, но не допускал даже мысли, что можно забыть о своих обязанностях и присоединиться к гостям. Сейчас он

стоял на пороге, скрестив руки на груди, ни на минуту не отрывая взгляда от Майкла Ди, сжимая игольчатый пистолет, казавшийся игрушкой в его огромной ладони.

Терстон оставался загадкой для всех. Он казался совершенно бессодержательным существом, одной лишь видимостью человека. И это так же настораживало, как и пустота Поллианны Эйт. К тому же его видимые оболочки сменялись, противореча одна другой. Изредка он казался отражением своего отца, но большую часть времени он выглядел тем, за кого его и считали: здоровенным, туповатым, довольным собой и жизнью парнем, который всегда пьет, как в последний раз, есть за четверых, любит прихвастнуть, поспорить и во всем идет напролом. Словом, обычная гора мускулов, лишенная мозгов.

Вульф не пришел на вечеринку, сославшись на занятость. Обиженная Поллианна отсиживалась в своей каюте. Гельмут спал. Все остальные явились.

Бенджамен великолепно смотрелся в форме собственного покроя. Правда, отец вряд ли бы его одобрил — для легионера такой мундир выглядел слишком щегольским. Бенджамен и сам уже не рад был, что устроил этот маскарад. Лишь защитный костюм, выпиравший из-под мундира, немного убавлял ему помпезности.

Это были лучшие доспехи из всех существующих. Лучевое оружие лишь подпитывало его щиты. Все, летящее на высокой скорости, рассыпалось, попав в силовые поля. Эти же поля блокировали и отбрасывали назад любой металлический клинок. А если становилось совсем жарко, он мог наглухо застегнуться и жить долгое время на собственном воздухе, воде и питательном растворе. Никто не мог к нему прикоснуться. Мать то хвасталась перед всеми, что теперь Бенджамен совершенно неуязвим, то вдруг пугалась мысли, что он и в костюме найдет свою погибель.

А Бенджамен придумал новую игру. Он заставлял друзей по очереди стрелять в него, рубить и колоть ножами. Они изодрали в клочья его форму, но не оставили на нем даже царапины, рассмешив его до слез.

Бенджамену просто хотелось пощекотать нервы матери.

Гомер, как всегда отторгнутый обществом из-за своей слепоты и уродства, сидел в полном одиночестве и размыш-

лял. Что ему за дело до этой вечеринки, до этого звонкого женского смеха — красавицы всегда льнули к легионерам. Наверное, это опять над ним насмехаются. Все женщины над ним потешались. Даже эта чокнутая Поллианна. Наверняка она и соблазняла его с единственной целью — еще раз над ним посмеяться. А Фрида — эта сучка, назвавшаяся его матерью... Она ведь только об одном и мечтает — спихнуть своего сына куда-нибудь подальше, чтобы не краснеть за него. Конечно, она строит из себя любящую мать, но его ведь не проведешь — во время озарений он все отчетливо различает.

Никто не хочет его понять. Никому нет до него дела, кроме Бена, его отца да еще этого чудака Мауса, самого молодого из братьев. А отца он никогда не простит за то, что по его милости появился на свет. Наверняка с его властью и деньгами он мог бы что-то сделать. Хотя бы дать ему зрение. Исправить хирургическим путем его физические недостатки...

Он знал, что отец предпринимал такие попытки. Но человек в приступе отчаяния редко внимает разумным доводам.

Иногда Гомер, дойдя до полного исступления, начинал ненавидеть Гнея Юлия Шторма.

— А ты что приуныл, Гомер? — раздался вдруг рядом чей-то голос, заставив его вздрогнуть. В голосе этом слышалось больше сочувствия, чем ему приходилось слышать. А уж он-то умел извлекать преимущества из людского участия.

Странно — он даже не почувствовал, как говорящий к нему приблизился. Глаза его мертвы, но зато другие органы чувств обострены до предела. Неужели к нему подкрался призрак?

— Кто это? — Он не узнал голоса.

— Майкл.

Ну конечно. Он должен был догадаться по этой вкрадчивой манере, этой привычке говорить разными голосами.

— Что тебе нужно?

— Ничего, просто хотел тебя подбодрить. А то в Крепости как-то совсем тоскливо стало.

Гомер кивнул. Конечно, он не поверил ни единому слову. Ведь перед ним Ди — Князь Лжецов, который просто не способен говорить без околичностей. Ну что же, может быть, он и вправду решил его подбодрить, вопрос только — ради чего.

Подозрения Гомера были вполне обоснованны. Вот только глаза его подвели — он не разглядел той зловещей решимости, которая всего на мгновение промелькнула на лице Майкла. И не разгадал, что у Майкла на уме.

В конце концов Ди нашел-таки ахиллесову пяту Бенджамена. Он добыл эту информацию у самого рьяного его защитника — у матери, просто прислушиваясь к ее хвастливой и одновременно встревоженной болтовне.

— А ты не хочешь сыграть, Гомер? Бенджамен там со всеми дерется на дуэли. Может быть, он и с тобой сразится.

— Дуэль со слепцом? Да ты полный дурак, Ди.

— Брось ты, я тебе помогу. Идем. Бенджамен! Гомер тоже хочет попробовать.

Ди украдкой посмотрел через плечо, и капелька пота выступила у него на виске. Он по-прежнему на мушке у Терстона.

— А почему бы и нет, черт побери! — воскликнул Бенджамен. — Давай, Гомер. Чем черт не шутит — вдруг у тебя получится, не в пример этим клоунам?

Согласно неписаному закону, здоровый предоставил калеке право ударить первым.

Ди что-то доверительно зашептал на ухо Гомеру, заставив его встать, потом вложил ему в руку нож и поставил его напротив брата-близнеца. Публика заулыбалась в предвкушении потехи. Чувствуя, что над ним глумятся, Гомер распалялся все больше.

— Считаю до трех, — произнес Майкл, отступая назад, стараясь укрыться от Терстона за чьей-нибудь спиной. — Раз...

Бенджамен, чтобы позабавить зрителей, сам подставил грудь под нож Гомера. Он знал — в таком костюме его не достать никаким оружием.

— Два...

Прислушиваясь к дыханию Бенджамена, Гомер резко выбросил руку вперед. Ему хотелось ткнуть Бена как следует, чтобы тот сел на задницу.

Жуткая тишина установилась в зале, когда отравленный кончик деревянного лезвия прошел сквозь доспехи, о которые разбивался прочнейший металл. Все застыли в неподвижности, словно в остановленном кадре старого кино. А потом Бенджамен и Гомер закричали в один голос. Их пси-

поля столкнулись. Ярость и боль вырвались наружу и заполнили собой всю Крепость. Бенджамен скрючился и медленно осел на пол. Гомер, потеряв сознание, рухнул на Бенджамена. Его разум не выдержал давления пси-поля, усиленного в два раза за счет брата-близнеца. Женщины истерично завизжали. Мужчины заорали.

А Майкл, воспользовавшись тем, что даже Терстон на какое-то мгновение растерялся, выскользнул из зала так же тихо, как он до этого подошел к слепому брату.

В зале начался хаос.

Подоспевший Вульф увидел, как Терстон в ярости расшвыривает в разные стороны молодых офицеров, пытающихся отомстить Гомеру за Бенджамена. При этом он орал, чтобы кто-нибудь, Господа Бога ради, отправил близнецов в госпиталь.

В конце концов кому-то из нападавших удалось прошмыгнуть мимо него и прикончить Гомера, уже пришедшего в сознание, тем самым злополучным ножом. Терстон тут же развернулся и размозжил ему голову.

Гомер встретил смерть с улыбкой. Эта мрачная леди была единственной женщиной, способной его полюбить.

Сама драма оставила Вульфа безучастным. До госпиталя несколько минут, и смерть без воскрешения не грозила никому. Он смотрел, не исчез ли с места происшествия кто-нибудь, чье отсутствие сразу бросилось бы в глаза.

Чуть позже в зал ворвался Гельмут в нижнем белье. В каждой руке он держал по пистолету.

— Что случилось?

— Найдите Ди! — приказал Вульф. — Убейте его! Разрежьте на куски и выбросьте их через разные шлюзы. На этот раз полковник нас не остановит.

Гельмут посмотрел на мертвые тела. Ему все стало ясно.

Они разделились на поисковые группы и попытались напасть на след. Легионеры рыскали по Крепости, словно волкодавы, которые не угомонятся, пока не вымажут пасти кровью своей жертвы.

Вульф был слишком взбешен и не заметил главной пропажи. Фриды не было. Ей бы полагалось быть здесь и биться в истерике возле тела своего сына, мешая остальным сделать хоть что-нибудь разумное.

Через несколько минут вся Крепость была на ногах. У людей была единственная цель: найти Майкла Ди. И все-таки, несмотря на ограниченное пространство планетоида, ему каким-то непостижимым образом удалось уйти от погони.

Немного успокоившись, братья Дарксорды отправились в оперативный штаб, чтобы оттуда руководить поисками.

Они прибыли в тот момент, когда офицер связи заканчивал распечатывать послание от разъяренного Шторма. Прочтя его, Вульф понурил голову.

— А ведь дело было минут на двадцать.

— Передайте, что слишком поздно. Что мы опоздали на двадцать минут. И подпишите рапорт моим именем, — приказал Гельмут.

— Мне нужен Ди, — прорычал Вульф.

— Спустим на него псов?

— Да.

Через несколько минут сирианские волкодавы Шторма уже рыскали по Крепости. След, на который собаки напали на уровне жилых помещений, привел их к шлюзам. Своими вопросами Вульф поставил вахтенных в тупик. Они не видели никого, кроме жены полковника, которая с двумя санитарами грузила на борт катера пару медицинских колясок...

— Тьфу ты, черт... — не сдержался Вульф. — Так ты думаешь...

Гельмут кивнул и схватился за рацию.

Очень скоро самые худшие опасения подтвердились. Как только Гомер нанес свой смертоносный удар, Ди схватил Фриду и поволок в ее каюту. Там он раздел ее, связал, заткнул рот кляпом и забрал ее одежду. Оттуда он отправился в медицинскую часть и, разыгрывая из себя Фриду с ее истеричной заботой о Бенджамене, убедил дежурных санитаров, что мертвецов необходимо перевести в госпиталь с планетарным обеспечением. Ди настолько удалась роль, что незадачливые санитары помогали ему грузить на корабль гробы-морозильники.

Даже те, кто знал Дарксордов не один десяток лет, оторопели от их гнева.

— Майкл не мог уйти далеко, — заметил Гельмут, когда немного совладал с собой. — Затевая все это, он ведь не знал, куда отправился полковник. Давай-ка свяжемся с центральным постом — послушаем, что они скажут. А вдруг его еще можно зацепить?

Опираясь на возможности центрального поста, они начали контригру.

— Он удаляется по прямой, — сказал Вульф, показывая на изображение корабля Ди, скользящее по экрану радара. — И набирает скорость — готовится перейти в гипер. — Дарксорд взял указку и обвел с полдюжины других точек — это были корабли, преследующие Ди. — Быстро они припустились.

— Я отправил туда всех, кто находился на маневрах, как только прояснил ситуацию у офицера связи, сэр, — доложил старший вахты.

Это был тот самый офицер, который разочаровал Кассия и Шторма во время инцидента с Абусси и Ди.

— Очень хорошо, — одобрил Гельмут. — Вот теперь вы на высоте.

— Я также поднял все корабли из доков, сэр. Я полагал...

— Правильно полагали, — перебил его Вульф. — Все, что может летать.

Ложные следы стали веером расходиться от корабля Ди. Вульф повернулся к другому экрану.

— Тактический компьютер контролирует ситуацию?

— Так точно, сэр. Вводите все, что потребуется.

— Наша общая стратегия?

— Создаем за ним непроницаемый плоский щит. А самые быстроходные корабли располагаем по его краям, готовя мешок.

— Отлично. Гельмут, похоже, что мы его достанем. Но на это уйдет время.

— Мы собираемся вывести из боя командный корабль. Отсюда мы не сможем долго его направлять.

— Я веду «Роберта Ноллиса», сэр, — доложил вахтенный офицер. — Даю им информацию напрямую. У них запараллелена та же программа. Вы можете взять управление на себя.

— Ну что же, начало неплохое.

— Думаю, мы его накроем, — сказал Гельмут, не отрываясь от объемного дисплея. — Если только он не сядет где-нибудь совсем близко. Катер его еле ползет.

— Какая ближайшая посадочная планета на этом направлении? — спросил Вульф. Если Ди посадит корабль прежде, чем ловушка захлопнется, найти его станет невозможно. Прежде чем его выследят, Ди успеет пристроить свой груз и осесть где-нибудь под видом местного жителя.

— Мир Хельги, сэр.

— Ах вот оно что... — Вульф не смог скрыть улыбки. Ну что же, на этот случай у них с полковником припрятано по тузу в каждом рукаве.

— Связь и управление — вот в чем проблема. Расстояние-то огромное, — задумчиво сказал Гельмут.

— И что?

— Пора нам напомнить кое-кому о старых долгах. Посмотрите, смогут ли звездоловы ретранслировать наши сигналы. Они любят Майкла не больше нас.

Вульф вернулся к инстелу.

— Передайте вызов в тридцать седьмом диапазоне: Гейлам от Шторма.

— Если они там, то должны отозваться, — сказал Гельмут.

— Может быть. — Вульф пожал плечами. — Люди бывают на редкость неблагодарны. Как только получите ответ, дайте нам знать, — сказал он радисту.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ:
3052 год н.э.

Я уже говорил — у моего отца были враги, о которых он даже и не подозревал. И друзья тоже. Он был суровым человеком, но с обостренным чувством справедливости. Чувство это не так часто побуждало его к действиям, как могло бы, но, когда это случалось, он обретал друзей, преданных навеки. Такими друзьями были небесные сейнеры — звездоловы, которых он спас от порабощения на планете Гейлов.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ:
2973 год н.э.

Шанс оставался один из квадриллиона. «Глоуворм» и сопровождающие его рейдеры прыгнули в залив и затаились, пытаясь ускользнуть от кораблей флота. Одного из их шайки уже подбили. Погоня длилась долго, и капитаны почти отчаялись выбраться из этой переделки. Когда приборы «Глоувор-

ма» уловили приближение кораблей, командир группы едва не запаниковал.

И все-таки в нем теплилась слабая надежда. Корабли с отключенными двигателями не так-то просто обнаружить, пока не подойдешь совсем близко. Он решил посмотреть, как будет действовать флот.

— Это не они, сэр, — доложил минуту спустя оператор обнаружения. — Объекты слишком крупные. Мы засекли их с дальнего расстояния, да и движутся они медленно.

Командир присмотрелся к изображениям. Ничего подобного он раньше не видел.

— Боже правый... — пробормотал он, — такими огромными могут быть только...

Только траулеры звездоловов.

О флоте тут же забыли.

— Не выпускайте их из виду. Проследите за курсом. И чтоб никто ничего не делал, что может нас им выдать. Ясно?

Последовав собственному совету, он стал передавать сообщения другим кораблям лишь через курьеров, одетых в специальные скафандры, пока траулеры не вышли за пределы обнаружения.

Восемь огромных кораблей, выстроившихся в шеренгу, проплыли мимо на минимальных скоростях... У командира возникло сильное искушение расплеваться со своим боссом прямо тут же на месте. Человек, сделавший такую находку, может сам назначить за нее цену.

Звездоловы контролировали производство элемента, без которого не могут работать системы инстелной связи. Другого источника не было, и этот был невероятно скуден. Тот, кто завладеет флотом траулеров, получит сказочное богатство и власть.

Но в конце концов страх побудил командира держаться за хозяина.

Майкл выбрал самый очевидный план. Он собрал корабли и двинулся следом за траулерами. Эту операцию он держал в строжайшем секрете. Для него это был верный способ не только нажиться, но и стать хозяином собственной судьбы.

Майкл собирался рискнуть, полагаясь на фактор внезапности. Для лобовой атаки на восемь траулеров его сил было мало. Он рискнул и проиграл. Рейдеры он потерял и еле ус-

кользнул живым. В ярости от неудачи он оставил за собой три подбитых траулера и нацию, которая будет рада насолить ему при любой возможности.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ:
2878—3031 годы н.э.

Этот мир носил имя Бронуэн. Лежал он в стороне от главных путей. Известен был тем, что стал первым из людских миров, оккупированных Улантом. Впоследствии он одним из последних воссоединился с Конфедерацией, а перед этим стал на какое-то время пристанищем для разношерстной пиратской братии — как гавани североафриканского побережья в восемнадцатом столетии. Здесь сангарийцы, люди Мак-Гроу и флибустьеры всех мастей отдыхали после долгих перелетов и пускали с молотка свою добычу. Торговые бароны придирчиво осматривали товар, отбирая тот, что окупал расходы на межзвездную транспортировку. Владельцы транспортных судов искали клиента, что поплотнее забьет их трюмы. Живущие особняком звездоловы спускались из своих течений в ночи для редких переговоров с мирами людей. Ежедневно миллионы монет меняли здесь хозяина. Государство не вмешивалось в дела вольницы. Это были грубые и крутые времена, но правители Бронуэна внакладе не остались — ведь деньги липнут к деньгам.

Майклу Ди не стоило показываться в этом мире — иначе его имя связали бы с именами негодяев, которых он нанимал. Но успехи вскружили ему голову. Майкл уверовал, что удача никогда его не покинет.

Этот сангариец пришел на его флагман, старый «Глоуворм», — корабль, который он выкупил через подставных лиц в послевоенные годы, когда сотни устаревших кораблей выбросили на рынок. Держался он просто и уверенно. Майклу он показался смутно знакомым. Где и когда он мог видеть этого человека? Наверное, во время войны, на какой-нибудь пресс-конференции. А может быть, когда-то в детстве.

Ди не любил загадок. И не любил, когда не мог что-то отчетливо вспомнить. Ведь память служила ему главным ору-

жием. Но этот человек, кажется, никогда не играл в его жизни серьезной роли...

В самом начале сангариец назвался покупателем. Майкл смотрел, как он проходит через защитные экраны, и думал. Человек этот не похож на покупателя. Слишком тучный, слишком уверенный в себе, с тем неуловимым налетом, что отличает имеющих власть людей. А ведь скупка краденого — это занятие для мелких сошек последнего разряда.

Ди выключил экран слежения и стал ждать.

Посетитель зашел в салон, протянул руку и представился:

— Норбон в'Диф. Глава Норбонов.

Подпольные связи Майкла не простирались в сангарийскую сферу космоса. Непосредственный контакт с представителями этой расы бывал у него лишь от случая к случаю. Они были проницательны, осторожны и в бизнесе — тщательно честны. В своих усилиях уберечь от чужаков тайны Метрополии, Семейства и Главы они доходили буквально до паранойи.

Это — Глава! А название его Семейства в последнее время постоянно всплывает, куда ни сунься. Всюду, где действуют сангарийцы, прорезается имя Норбонов.

— Честь для меня. — Он пожал протянутую руку. — Чем могу быть полезен?

Майкл умел скрывать свои мысли. И сейчас он ничем не выдал ни ошеломления, ни любопытства. По его реакции могло показаться, что он действительно принял Норбона за очередного бизнесмена.

Но этот человек чертовски молод для Главы, мелькнула мысль у Майкла. Правда, в эпоху бесконечных омоложений и воскрешений это еще ни о чем не говорит. Тем более что на лбу и в уголках глаз кожа у незнакомца собиралась в складки. Так что если этот человек и молод телом, то мысли у него наверняка вполне зрелые.

— Как поживает ваша матушка? — спросил Норбон, не сводя с него глаз.

Вопрос застал Майкла врасплох — вот уж чего он никак не ожидал.

— Думаю, что неплохо. Я уже давно не поддерживаю связей с семьей.

— Да, война многое разрушила, не правда ли? Но кому-то и принесла немалый барыш.

Тень тревоги пробежала по лисьему лицу Майкла. Он почувствовал, что начинается поединок нервов.

— А как прочие ваши родственники?

— Тоже хорошо. Нас, Штормов, не так-то просто убить.

— Я это давно заметил.

Майкл придавил носком ботинка кнопку сигнализации. В следующее мгновение надежный человек, находящийся за непроницаемой с виду переборкой, навел на незваного гостя игольчатый пистолет и стал следить за каждым его движением.

— А особенно нелегко убить меня, сэр. Знаете, какой-то странный разговор. Давайте мы наконец перейдем к делу.

Майкл сам себе удивлялся. С каких это пор он стремится к прямоте? Выходит, сангариец задел его за живое.

— И вы, и мы занимаемся Семейным Делом. С большой буквы «С». Ваша Семья и моя. Между Норбонами и Шторма-ми остались кое-какие нерешенные вопросы. Не сомневаюсь, что вы слышали об этой истории. И вот я пришел сюда узнать, какова ваша позиция.

— Простите, не понял? — Собеседник окончательно поставил Ди в тупик. Недоумение теперь отчетливо читалось на его лице.

— Кажется, мне придется вернуться к самому началу. Итак — 2844 год. По наводке, полученной от сангарийских предателей, командор Борис Шторм и полковник космической пехоты Тадеуш Иммануил Вальтерс вторглись на Префектлас. Они разрушили семейную станцию и перебили всех сангарийцев, которых там застали. Среди погибших — мои отец, мать и сотни клиентов семьи Норбонов. Спаслась лишь горстка, в том числе и Норбон в'Диф.

Майкл недоуменно пожал плечами, словно спрашивал: «Ну и что из этого?», а вслух произнес:

— Когда занимаешься бизнесом, случается всякое.

— Согласен. Таково отношение людей к риску и награде. Не слишком отличается от нашего, но в этот раз это был не налет, а бойня. И тогда это перестало быть бизнесом, а стало вендеттой. Я выжил. Моя обязанность — взыскать долг крови.

Постепенно Майкл начал понимать, куда клонит собеседник. И успокоился.

— На вас наведен игольчатый пистолет, — сказал он.

— А я в этом и не сомневался, — улыбнулся гость. — Ведь вы — человек предусмотрительный.

— Так, значит, вы не собираетесь меня убивать?

— У меня и в мыслях такого не было. Я здесь для того, чтобы перетащить вас на свою сторону.

У Майкла отвисла челюсть.

Норбон расхохотался.

— Я в первый раз вижу такое в буквальном смысле.

— Что именно?

Норбон махнул рукой, как бы говоря: «Не важно».

— Вы сидите между двух стульев, Майкл. А я хочу, чтобы вы передвинулись ко мне.

— Вы ставите меня в сложное положение. Я никогда не питал особой привязанности к своему семейству. Это общеизвестно. Но, с другой стороны, у меня нет никаких причин желать его гибели. Тем более что иногда контакты с ним бывают полезны.

— Да, я вас понимаю. Возможно, я слишком туманно выражаюсь. Просто я полагал, что вы все знаете. Давайте-ка вернемся к вашей матери. Люди говорят, что она рождена в рабстве. Это вам известно?

— Да. Ну и что?

— Она родилась и получила образование на норбонской станции в Префектласе. Была единственной уцелевшей самкой. Десять лет мы с ней сражались против варваров, конфедератов, приспешников Корпорации, болезней и просто невезения. И пробились. Наши отношения стали настолько глубоки, насколько только могут быть между мужчиной и женщиной. Мы даже зачали ребенка.

Майклу показалось, что перед ним вырисовываются очертания какого-то косматого монстра. Так вот оно в чем дело... Ну что же, это ответ на многие мучившие его загадки.

И этот ответ даже слишком прост.

— И вы хотите, чтобы я поверил в эту чушь?

— Такое уже случалось прежде. Генетики доказали, что люди и сангарийцы отпочковались от одной и той же ветви когда-то в доисторические времена. Обе расы с негодованием

это отвергают, но факт есть факт. До нас были другие расы, Майкл. И кто знает, какие они проводили эксперименты и зачем, прежде чем сошли с исторической сцены?

— А кому это интересно?

Диф пропустил его замечание мимо ушей.

— Если посмотреть на Метрополию повнимательнее, то вырисовывается один любопытный факт. Она идеально подходит для жизни людей. Очень похожа на Старую Землю до Индустриальной Революции. Мы, сангарийцы, заполняем там экологическую нишу, предназначенную для людей. Но — и это самое любопытное «но» — до сих пор нет ни одной археологической или антропологической находки, подтверждающей наше присутствие здесь до того времени, как на Старой Земле появился кроманьонец. Эволюционная цепочка не прослеживается. Одно не вяжется с другим. Никаких приматов не обнаружено. А ведь мы иногда скрещиваемся с людьми. Так какой из всего этого напрашивается вывод?

Вывод этот казался совершенно неуместным в эмоциональном плане. А Майкл в данном случае руководствовался именно чувствами, а не здравым смыслом.

Он вырос с твердым убеждением, что сангарийцы — расовые враги. Их следует уничтожать — за исключением тех отдельных случаев, когда непродолжительные контакты сулят прибыль или какие-нибудь преимущества.

«Не могу же я враждовать с самим собой», — подумал Майкл.

— Пока что у меня все, — сказал гость. — Подумайте об этом. Разжуйте как следует — такой кусок сразу не проглотишь. И не забывайте: сколько вы мне поможете, столько и я вам помогу. И еще. Как бы вы к этому ни отнеслись, фактически вы — мой наследник. Вы мой единственный ребенок.

Потерявший дар речи Майкл нажал на кнопку. Дверь каюты открылась, и сангариец ушел.

После этого они не виделись много лет. Прошло достаточно времени, чтобы забыть о Норбоне. Но Майкл так и не смог этого сделать. Характер брал свое. Он уже строил хитроумные планы, прикидывал, как лучше использовать сангарийца.

При этом Майкл до самого последнего момента не подозревал, что используют его самого. Норбон в'Диф оказался

мягким, вкрадчивым пауком. Он плел сеть интриг вокруг своего сына с такой осторожностью, что Майкл, уже сидя в этом невидимом коконе, долго не осознавал своей обреченности. Лишь когда случилась история с Теневой Линией, с его глаз чуть спала паутина. И он зарыдал. К тому моменту он мог лишь следовать инструкциям, тщетно стараясь забыть о том, кто дергает за ниточки.

Самые тщательно разработанные его планы обернулись против него.

Фрог смеется в своей могиле. Майкл поставил на карту все, чтобы убить карлика, сохранить его секрет и впоследствии самому им воспользоваться. Богатства, найденные у оконечности Теневой Линии, должны были вызволить его из-под гнета. Они купили бы ему безбедную жизнь под чужим именем, избавив от опеки сангарийца и его Семейства.

Но Норбон узнал об этом. Бог весть как. И дал приказы, готовящие уничтожение семейства Штормов.

Ди задергался. Он извивался и пытался уползти. Но Норбон сжимал его все крепче, то устраивая соответствующие браки для детей Майкла, то пуская в ход экономические рычаги. Майкл так и не смог вывернуться. Возможно, окончательное поражение наступило, когда Диф заставил его отказаться от имени Шторм и назваться обрывком его имени — Ди.

Майкл пытался найти способ. Он думал даже обратиться за помощью к брату. Но отказался от этой мысли. Он знал, как ответит брат. Если вообще поверит. Гней скажет, чтобы он встал на ноги и действовал, как положено мужчине. Он просто не поймет.

А продолжая игру, он сможет расквитаться с Ричардом. Этим проклятым Ричардом. Вот тогда, в кратком приступе злобы, все это и началось.

Вначале Майкл плел паутину, а потом сам в ней запутался и угодил в лапы к еще более крупному и отвратительному пауку. В год Теневой Линии он уже не мог выйти из этой кошмарной скачки к пропасти. Он лишь надеялся, что не слишком сильно разобьется в конце.

И не верил этой надежде. Он был так же уверен в своей обреченности, как Шторм — в своей.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ:
3031 год н.э.

Магазин игрушек был первоклассный. Здесь даже подавали кофе и чай в крошечных чашечках и с забавным фигурным печеньем. Кассию здесь было хорошо.

— Не слишком захватывающе? — спросил он.

— Так себе, — пробормотал Маус, с трудом разлепляя веки. На Большой Сахарной Горе они были уже четыре дня, и Кассий немного дал ему шансов поспать. — Только и делаем, что слоняемся повсюду и задаем все те же старые вопросы.

— Такова разведывательная работа, Маус. Ты стучишься во все двери подряд и задаешь все те же старые вопросы, пока не добьешься правильных ответов. Или сидишь в штаб-квартире и скармливаешь компьютеру все те же старые ответы до тех пор, пока он не сформулирует правильный вопрос. — Кассий снова завел пружину в музыкальной шкатулке с незнакомой им мелодией. Крошечная фарфоровая мышка завертелась в танце. — Ну разве не прелесть?

— Вряд ли она стоила таких хлопот.

— Мистер Руссель, я беру шкатулку. Вы отправите ее на мое имя?

Кое-какие следы они отыскали. Кассий располагал на Горе обширными связями, тянущимися до самого верха, причем по обе стороны закона. Так что вопросы задавал не он один.

Майкл не очень-то старался скрыть свое присутствие. Они отыскали с дюжину людей, которые видели его то тут, то там, обычно с Гнеем Штормом. Некоторые встречали его с парочкой каких-то незнакомцев довольно сурового вида.

Когда улетел Шторм, Ди перестал показываться на людях, хотя сам он задержался здесь еще на несколько дней.

— Данные весьма ценные. Теперь кое-что уже вырисовывается.

— Что именно? — Маус подал знак продавцу-официанту. — Будьте любезны — еще чашечку кофе.

— Пока не берусь сказать наверняка — контуры слишком расплывчатые. Но мы недаром потратили такую уйму денег — теперь у нас повсюду есть глаза и уши. Очень скоро что-нибудь да всплывет.

— Кстати о глазах: твой друг, капитан, сейчас подсматривает за нами через дверь. И вид у него не очень-то веселый.

Кассий чуть нахмурился. Повернувшись, он посмотрел на дверь соседнего магазина, торгующего хрусталем, и заметил там полицейского. Их взгляды встретились. Офицер глубоко вздохнул, пожал плечами и направился к ним. Лицо у него было злое и в то же время смущенное.

— Ты бы раньше к нам подошел, — сказал Кассий. — Так было бы проще. Что там стряслось, Карл? И зачем это вдруг понадобилось за нами следить? — Кассий опустился на корточки и вставил выпуклый пластиковый диск в чрево карикатурного локомотива. Машинка стала описывать круги по комнате, насвистывая старую детскую мелодию. — Одна беда с этими игрушками — если хочешь, чтобы они еще и ездили, приходится специально заказывать со Старой Земли батарейки старого образца. Руссель! Вы уверены, что это не подделка? У вас есть сертификат?

Продавец-официант принес кофе для Мауса и для полицейского. Повертев чашку в руках, офицер сказал:

— А может быть, я слежу за вами ради вашей же защиты. Чем ты тут занимаешься, Кассий? Ты просил меня сделать одолжение — ладно, тем более я был у тебя в долгу. А ты меня поставил под перекрестный огонь.

— У нас кое-что случилось.

— Кое-что случилось, говоришь? Ты чертовски прав. Ты такую кашу заварил, что мне и не снилось.

— И все-таки: что стряслось, Карл?

— Этим утром мы подобрали пять трупов, друг мой. Пять. Вот что стряслось. И мне это не нравится. Гора — спокойное место. Люди отправляются сюда, чтобы забыть обо всем. Они снимают особнячки на окраине, уверенные, что до ближайшего соседа — пятьдесят кэмэ. А раз в месяц облетают почти половину планеты — чтобы зайти в бакалейную лавку или посидеть за кружкой пива со старым приятелем. Но вовсе не ради того, чтобы полюбоваться на мафиозные разборки. Тогда бы они сидели дома.

— Карл, ты можешь все рассказать по порядку?

Маус энергично встряхнул головой, стряхивая сон.

— На улицах говорят, что ты попросил Клементина кое-что разузнать. А кому-то это не понравилось. Очень не по-

нравилось. В результате четырех его парней завалили. Про пятого никто ничего не знает — какой-то тип с другой планеты. Документов нет. За ухом дырка от пули — автограф Клементина.

— Любопытно, — сказал Кассий.

— Да уж любопытнее не придумаешь, мать вашу. У нас здесь неписаный уговор, приятель. Мы не трогаем Клементина. А он ведет себя прилично и не распугивает туристов. Мы вылавливаем достаточно шлюх и картежников, чтобы успокоить праведников, а судьи отпускают их после чистосердечного раскаяния. Ведь именно эта шушера и приманивает сюда туристов. Клементин платит за них штрафы — и все довольны. При этом он не ввязывается в торговлю звездной пылью, «стеклом» и тому подобной отравой, а мы не цепляемся к нему.

— Вполне цивилизованные отношения, — согласился Кассий, поигрывая игрушечной лопаткой для паровозной топки. — Как ты считаешь, Маус?

Маус пожал плечами.

— Кассий, — сказал офицер, — вот уже четыре года, как мы не знали никаких разборок, никакой конкуренции между группировками. Клементин обеспечил своим людям вполне сносное житье. И вот теперь ко мне заявляется старый приятель, просит об одолжении, а в результате по всему городу валяются трупы.

— Прости, Карл. Я, честное слово, не ожидал такого. Я сам ничего не понимаю. Ты уверен, что это из-за меня?

— Так считает моя агентура. Некоторым гостям из других миров, довольно могущественным, не очень-то понравились всякие там расспросы. Вот они и дали Клементину это понять.

— Кто именно?

— Мы не знаем. Скорее всего какие-то важные шишки из Большого Картеля. Наверное, они решили устроить встречу на нейтральной территории. Ни у кого из местных духу не хватит переть на Клементина. А он сам никого не трогает.

— Да-а... Я понимаю, куда ты клонишь. Руссель, сколько с меня за лопатку?

— Знаешь, приятель, мне что-то не по себе, — сказал полицейский. — Клементин парень мирный. Но если его дове-

сти, он может не выдержать. И будет драка. А если это Большой Картель... Я так скажу: у нас тут порядок, и мне это нравится. Все тихо, все довольны. А если они ввяжутся...

Раздалось негромкое стрекотание. Офицер достал из кармана радиотелефон.

— Геллер слушает.

Он прижал аппарат к уху, и через несколько секунд лицо его посерело.

Убрав телефон, он пристально посмотрел на Кассия и сказал:

— Еще трое. Двое — из их команды, один — человек Клементина. Значит, это Большой Картель. Один из чужаков похож на сангарийца.

Кассий нахмурился. У Мауса сон как рукой сняло.

— Сангариец? — озадаченно переспросил он. — Кассий, кажется, мы во что-то вляпались.

— Очень похоже на то. Карл, я сам не возьму в толк, что значит вся эта чертовщина. Мы искали одно, а напоролись на совсем другое. Надо мне поговорить с Клементином, попробовать его успокоить.

— Сделай это. И держи меня в курсе. Не нравится мне все это. Эти типы здесь совсем ни к чему. — Геллер залпом допил кофе и направился к двери. — И поосторожнее, друг. Не хотелось бы собирать тебя по частям.

— Ну, что скажешь? — спросил Маус, глядя на удаляющегося полицейского. Скука и сонливость прошли — их сменило нарастающее чувство тревоги.

— Думаю, нам лучше вернуться в отель и там залечь. Похоже, дела наши дрянь.

— Ключи от двенадцатого номера, пожалуйста, — сказал Кассий, остановившись возле портье. — Сообщения для нас не поступали?

Облокотившись о конторку, Маус с надеждой посмотрел на клерка. Вдруг отец что-нибудь прислал?

Нет, ничего, кроме короткой радиограммы из Железной Крепости. Кассий прочел ее вслух.

И в этот момент Маус заметил, как с улицы в вестибюль вошел худощавый старик с каким-то странным взглядом.

— Кассий! Ложись!

С этими словами он бросился под ближайшее кресло, на лету доставая крошечный контрабандный пистолет. Кассий откатился в другую сторону.

Старик с совершенно невозмутимым видом открыл огонь.

Хозяин отеля вскрикнул и упал, извиваясь, на плюшевый палас. Молния ударила в защитный костюм Мауса, и в воздухе заструился дымок.

Кассий попал в нападавшего со второго выстрела. Но старик не упал. Сохраняя на лице чуть удивленное выражение, он поливал вестибюль огнем из лучевого пистолета военного образца. Кричали люди. Горела мебель. Выла сирена. Рассеянные лучи, отражаясь от зеркальных стен, не давали ничего разглядеть.

Маус, кашляя от дыма, выстрелил и лучом опалил убийце волосы. Но тот, казалось, даже не заметил этого.

Потом Кассий попал в него еще раз. Старик повернулся и выскочил на улицу, словно ни в чем не бывало.

— Маус! — крикнул Кассий. — Вызови Геллера. Я иду за ним!

Маус позвонил в полицию и через несколько секунд тоже выскочил из отеля.

Старик лежал на тротуаре, скрючившись, словно эмбрион, прижав пистолет к груди. Кассий стоял возле него с озадаченным видом.

Геллер примчался на место происшествия еще раньше, чем собралась толпа.

— Что тут у вас за чертовщина? — раздраженно спросил полицейский.

— Этот человек пытался нас убить, — пробормотал Маус. — Просто вошел в отель и открыл пальбу.

Кассий опустился на колени возле старика и теперь рассматривал его глаза.

— Карл, посмотри-ка. Думаю, это один из них.

— Ого! Да это же Кассий, кондотьер, — сказал кто-то в толпе.

— Ерунда, — отрезал его приятель.

Но слух уже подхватили.

— Проследите, чтобы здесь все привели в порядок, пока не нагрянули репортеры, — бросил Геллер полицейскому в

униформе. — Тело доставьте в морг. Кассий, мне придется забрать вас обоих — дальше так продолжаться не может.

Через десять минут они сидели в полицейском участке. Снаружи уже толпились репортеры — имя Кассия произвело должный эффект.

— Посидите-ка тихо, пока мы не распутаем это дело, — сказал Геллер, когда Кассий напомнил о своем намерении встретиться с Клементином. — Если понадобится, вызовем его сюда для беседы.

В то утро перестрелка стала главной новостью. Журналисты пытались выявить взаимосвязь между различными убийствами. Активно прорабатывалась версия с Легионом, поскольку раньше ничего подобного на Горе не случалось. Маус слушал репортажи вполуха, наблюдая за действиями Кассия.

Вальтерс пустил в ход все доступные средства. Воспользовался всеми связями. Но воскресить стрелка не удалось — тот оказался слишком старым. Тогда Кассий переключился на инстелные сети, потратив на это целое состояние.

— Карл, ты готов к тому, что этот материал просочится наружу? Я уже связался со своим человеком на Луне-Командной.

Это произвело на Геллера впечатление, хотя и против его воли.

— Нажми на красную кнопку. А потом я выпущу направленный пучок.

— Уже нажал. Если за стариком что-то числится, у Бэкхарта это есть. Он как раз заведует сангарийским отделом. Классный работник. Был моим студентом, много лет назад.

— Слышал про такого, — сказал Геллер.

В последние несколько часов у него голова кругом шла. Он чувствовал, что увязает все глубже. Кассий раздул местное происшествие в инцидент вселенских масштабов. Конечно, офицеру такой поворот событий не нравился, но как остановить все это, он понятия не имел.

Маус наблюдал за ним с вялым интересом, пока не заснул.

Когда Кассий разбудил Мауса, солнце уже было высоко.

— Давай, Маус. Мы отправляемся домой.

— Куда?

— Домой.

— Но...

— Мы раздобыли то, зачем прилетели сюда. Корабль поведешь ты. Мне нужно поспать.

Геллер сопровождал их в порт, который полиция закрыла до окончания кризиса. Теперь любой корабль мог подняться в воздух лишь по особому разрешению.

— Кассий! — окликнул Геллер полковника, когда тот уже поднимался по трапу. — Сделай мне одолжение: не спеши возвращаться.

Кассий ухмыльнулся, и в лице этого немолодого, утомленного жизнью человека промелькнуло что-то мальчишеское.

— Карл, если ты вынуждаешь меня извиниться еще раз, меня может просто стошнить. Теперь я тебе должен услугу. И не маленькую. Договорились?

— Ладно, в конце концов, не ты ведь их сюда притащил. Только отчаливай побыстрее — пока я не вспомнил тебе ношение оружия без разрешения.

Маус обернулся на Кассия, устраивающегося в противоперегрузочном кресле.

— Дай курс к Миру Хельги, — сказал полковник.

Маус начал программировать.

— Почему именно туда? — Этот приказ окончательно сбил Мауса с толку. — Кассий, что все-таки случилось вчера вечером?

Вместо ответа Кассий захрапел.

Он проспал девять часов. Нетерпение Мауса все нарастало. Кассий обычно спал не больше пяти часов и то никак не мог смириться с такой пустой тратой отведенного ему срока жизни.

Выведя корабль в открытый космос, Маус рассчитал орбиту к Миру Хельги и поставил корабль в режим набора силового поля для перехода в гипер.

— Не сбрасывай ускорение, — сказал Кассий, тем самым заявив о своем пробуждении. — В таком режиме ты недоберешь около тысячи километров в секунду в момент выхода из гипера, а там нам может понадобиться лететь быстро.

— Так, может, ты все-таки расскажешь, что там стряслось, пока я спал?

— Установили личность стрелка. С помощью моего друга Бэкхарта. Вряд ли кто-то еще мог бы для нас это сделать. Так вот, считалось, что старик помер еще двести лет назад.

— Что?

— У Бэкхарта стоит компьютер, который помнит все. Получив параметры старика, он стал копать глубоко — вплоть до тех архивов, что мы захватили на Префектласе. И отыскал там старика. Зовут его Рафу. Он работал на Семейство Норбонов. На той станции мы их и взяли всех, тепленькими.

Маус постарался отнестись к услышанному внимательнее, чем оно того заслуживало на первый взгляд. Если Кассий так подробно на этом останавливается, значит, находка действительно важная.

— И что все это значит?

— Вот на этот вопрос Бэкхарт так и не ответил. Он продолжает рассчитывать возможные варианты. Пока, чисто теоретически, существует следующая вероятность: Рафу — не единственный, кто уцелел на станции. В живых остался также наследник, что-то вроде кронпринца. Им удалось убежать с Префектласа и позже заявить о своих внутрисемейных прерогативах. Это крайне загадочные люди. Сородичи знают о них не больше, чем мы, но при этом боятся и уважают. Перед нами что-то вроде сангарийской знати. Они превратили норбонское Семейство в одно из самых влиятельных. Их экономическая база — Мир Первой Экспансии, только благодаря им и прославившийся.

— Но к нам-то это какое имеет отношение? Старик ведь охотился за нами не из-за цвета глаз. Он хотел убить лично нас.

— Сугубо лично. Но увидеть, что здесь личного, можно только сангарийскими глазами.

— Не понимаю.

— Они считают — с момента, когда мы с твоим дедушкой высадились на Префектласе, начались личные счеты. Никто не скажет в точности, по каким принципам они разграничивают бизнес, войну со всеми ее превратностями и личную вражду. Перед нами самобытная культура с суровыми и сложнопостижимыми традициями. Похоже, Норбоны решили, что рейд на Префектлас вышел за рамки обычной войны.

— Ты хочешь сказать, что мы стали объектом кровной мести?

— Именно так. Это единственное разумное объяснение. А то, что мы спалили этого Рафу, только распалит их ненависть. И не спрашивай меня почему. Они ведь тоже не задают по-

добных вопросов. Им никогда не понять, что заставляет нас их уничтожать.

— Я совершенно запутался, Кассий. Какая тут связь с Майклом Ди? И есть ли она? Должна быть, чтобы заставить старика сюда прилететь?

— Возможно, такая связь существует. Но прежде чем сказать что-то определенное, мне нужно как следует пораскинуть мозгами. Смотри-ка — на твоей рации красно-желтый сигнал. Узнай, кто это захотел с нами пообщаться.

Послушав несколько секунд, Маус сказал:

— Кассий, это звездоловы ретранслируют послание от Вульфа и Гельмута.

— Тогда заткнись и слушай.

Через пятнадцать минут они знали самое худшее.

— Нарасти силовое поле до красной линии, — приказал Кассий. — И прибавь обычной скорости. Я хочу, чтобы мы свалились им как снег на голову, когда перейдем в нормальное пространство.

Спокойно и деловито изучал он схемы, выданные компьютером на главный навигационный экран. Кассий ввел в электронный мозг все данные, которыми его снабдили Дарксорды, и теперь выбирал гипердугу к Миру Хельги.

— Но...

— Он выдержит. И больше выдержит, если надо будет. Загляни-ка в каталог. Мне нужны данные на корабль, который угнал Ди.

Маус ввел параметры.

— Ох и хитрец же он, этот дядя Майкл. Смылся на одном из самых тихоходных кораблей. Но все-таки не на самом. Есть еще парочка учебных лодок, которые он сможет перегнать.

— Значит, у хороших парней есть шанс. И скоро мы им воспользуемся. Возьмем его за час до того, как он нырнет под ракетный зонтик Хельги. Или еще раньше, если он начнет маневрировать, чтобы проскочить мимо твоего отца. Проверька орудийные системы.

Маус заерзал.

— В чем дело?

— Ты думаешь, начнется стрельба?

Кассий хищно осклабился.

— Ты чертовски прав, мальчик. Стрельбы будет квантум сатис. Ты первый раз в бою, верно? Просто сиди и делай, что я говорю. Все будет как надо.

Маус не испытывал страха. Лишь ожидание его тяготило. Час проходил за часом, не принося никаких перемен...

— Ну, вот и начинается, — сказал наконец Кассий. — Я видел на экране твоего отца. И твоего идиота-дядю, он так скачет, будто забрел босиком в крапиву. Так что тебе будет в кого пальнуть.

Теперь часы проносились как минуты. Кассий шел на сближение.

— Ах ты черт! — внезапно воскликнул он. — Гней, за каким дьяволом тебе понадобилось это делать?

— Что? — переспросил Маус, отстегнув ремни и перегнувшись к Кассию. — Что он сделал?

— Сядь, кретин! Сейчас нам туго придется.

Пришлось туже, чем Маус мог себе представить.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ:
3052 год н.э.

Отец мой не был религиозным человеком. Тем не менее он непоколебимо верил в предопределение. До самого конца он считал, что бьется с непобедимыми силами Судьбы. Те, кто был с ним, могли чувствовать, что он не рассчитывает на победу, но никогда не впадали в отчаяние. Они знали — Гней Шторм не сдастся.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ:
3031 год н.э.

Сейнер ворвался в эфир, как только Шторм вышел из атмосферного слоя Мира Хельги.

— Его здесь уже нет?

Кошмарное напряжение постепенно сошло на нет. Гней почувствовал себя эмоционально истощенным, выжатым

до предела. Правой рукой он дотянулся до рации и отключил ее.

Однако это состояние продолжалось недолго. Теперь гнев и раскаяние захлестнули его, подмяв, словно лавина. Чувство это было столь мощным, что какая-то крошечная, перепуганная частичка его отпрянула и с изумлением наблюдала за происходящим со стороны.

Здесь, в укромной каюте, отгороженный от людских глаз, он мог, ничего не опасаясь, открыть створки и выплеснуть наружу свои чувства. Так он и поступил, дав выход накопившемуся отчаянию — не только из-за провалившейся попытки спасти Бенджамена и Гомера, но из-за всего, что случилось с тех пор, как он впервые услышал о Черном Мире и Теневой Линии. Он рыдал, сыпал проклятиями, вопрошал богов — есть ли справедливость во вселенной, где человек не хозяин собственной судьбы.

И конечно же, ни вселенная, ни боги не ответили ему.

Можно ли помыслить о справедливости, вращаясь в этом безумном водовороте? Ее никогда не было и не будет. Каждый человек вершит собственную справедливость, если вообще в ней нуждается.

Шторм знал об этом. Но порой даже самые уравновешенные умы срываются, отказываясь мириться с реальностью. И тогда им кажется, что вселенские боги должны вмешаться.

— Я добуду для себя хоть сколько-нибудь справедливости! — поклялся Шторм. И тут же отметил, что в последнее время уже принес немало клятв. Проживет ли он достаточно долго, чтобы выполнить хоть одну из них?

Рыдания его стихли. Слезы высохли. Голос уже не звучал так сдавленно. Он снова подключился к инстелу.

— Звездоловы, вы меня слышите? Почему вы влезли в это дело?

Обычно этот народ предоставлял чужакам самим расхлебывать собственные беды.

— Из-за леди Пруденс Гэльской, полковник, — раздалось в эфире после долгой паузы. — И по некоторым другим причинам, связанным с человеком, за которым вы гонитесь. Это не подлежит обсуждению. Вы хотите ретранслировать депешу?

— Да, в Железную Крепость.

— Говорите, когда будете готовы, полковник.

— Вульф, слышишь меня?

— Да, полковник, — послышалось через некоторое время.

— Соединись с Кассием.

— Он закончил операцию и сейчас движется заданным курсом. Я нацелил его на преследование.

— Очень хорошо. Еще какие-нибудь новости?

— Ди направляется в Мир Хельги. Сейнеры дали нам его предположительный курс. Он попадет прямо вам в пасть. Я держу его плоскостью и мешком, загоняя к вам. Кассий готов к перехвату в момент, когда Ди обнаружит вас и отклонится от курса. Ловушка захлопнется раньше, чем он ее заметит.

Горловина мешка вокруг Ди сжималась медленно. Даже на скоростях, во много раз превышающих скорость света, театр военных действий лишь за много дней сузился настолько, что можно было вывести корабль Шторма из-под автоматического управления. Какое-то время он лежал в дрейфе, неподвижно относительно ближайших звезд, слушая сводки сейнеров. Силовое поле он держал включенным, чтобы иметь возможность нанести Майклу молниеносный удар из гиперпространства. По сути дела, он притворился сингулярностью, черной дырой.

Майкл не клюнул на эту приманку. Он не мог знать, кто поджидает его в засаде, но знал, что в районах, прилегающих к миру его дочери, сингулярностей нет. А потому просто изменил курс, проскользнув в оставленную для него брешь.

И напоролся на Кассия, который выполнил почти тот же трюк, что и Шторм, но оставаясь в нормальном пространстве, двигаясь с околосветовой скоростью.

Ди метнулся к крошечному зазору, все еще остававшемуся между стенами ловушки. Он выжал из своего корабля все, на что тот был способен.

Шторм двинулся ему наперерез, а Кассий прыгнул в гиперпространство. И начался размеренный танец, который мог, но, кажется, не должен был закончиться пальбой из орудий. Шторм не знал, потеряет ли его брат самообладание настолько, чтобы ввязаться в бой. Конечно, это не его стиль, но он может впасть в панику, не зная, кто перекрыл ему путь.

Маневр. Контрманевр. Обманный выпад. Еще один. Ди пытался выманить Шторма с его позиции и на те драгоцен-

ные секунды, которые нужны были ему, чтобы проскользнуть мимо и нырнуть в безопасный Мир Хельги.

Ловушка Вульфа захлопнулась, когда Ди сбросил скорость, готовясь к следующему маневру.

Кассий помчался на перехват — его корабль был самым быстроходным из всех в этой игре. Рывок должен был вывести его точно на Ди, если бы тот проскользнул мимо Шторма. Даже разделенные несколькими световыми часами, лишенные прямой связи, Кассий и Шторм действовали как одна команда.

Шторм невольно почувствовал гордость за то, что на своем космоскафе работает лучше брата. Он мог маневрировать, не думая о точности, и при этом не терять преследуемого. Когда имеешь дело с Майклом, каждая секунда на вес золота — на случай неожиданного поворота событий, но Гней не думал больше о своей безопасности. Он знал только одно — ему нужен Ди, и прямо сейчас. И потому решил поставить на карту свое преимущество.

Включив всю мощность, которую только мог выдержать корабль, не сломавшись под напряжением гиперпространства, он бросился туда, где должен был появиться Майкл. Шторм до предела нарастил свое силовое поле. Он знал — вначале Ди подомнет его поле, потому что у него мощнее генератор, но затем, в нормальном пространстве, Майкл потратит драгоценные минуты, чтобы расцепить поля. А за это время подоспеет Кассий. Их поля перекроют друг друга, и Вульф успеет захлопнуть крышку.

Разгадав его замысел, Майкл вильнул в сторону. Но опоздал. Трассы кораблей продолжали сходиться.

Шторм стремительно надвигался на него, медленно сбрасывая релятивистскую скорость, и вот уже силовые поля их соприкоснулись.

Корабль Шторма заскрежетал. Взвыли сирены. Корабли задергались, устремившись в несуществующие направления, и произвели эффект, который можно описать только как пятимерное возмущение. Бортовой компьютер Шторма бесстрастным голосом предсказывал аварию.

С быстротой молнии и так же зигзагообразно стены рубки покрылись трещинами. И еще прежде, чем пришел звук, Шторм понял, что в машинном отделении треснула станина

из сверхпрочной стали, а генераторы сошли с фундаментов. Рука его метнулась к ручному управлению — отменить программу сближения, но он знал, что уже поздно. Какой-то из двигателей — то ли у него, то ли у Майкла, — полностью десинхронизировался.

Ди опять выиграл.

И теперь — смерть без воскрешения. И хилая надежда только на оживление клона. А то, что Майкл разделит его участь, — слабое утешение.

Рука сменила направление и дернула рычаг катапультирования.

Он еще успел увидеть мельчайшие кристаллы и туман, а потом зрение исчезло. В кожу впились тысячи горячих иголок. Вакуум жадно поглощал содержимое рубки. Намертво сцепившиеся корабли выдавило в нормальное пространство, и разность скоростей разбросала их в стороны.

Прежде чем провалиться в темноту, он пожалел, что был недостаточно хорошим мужем и отцом. И что у него не хватило ума надеть боевой скафандр, отправляясь на боевую операцию.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:
2853—2860 годы н.э.

Раньше Диф думал, что уже недоступен душевной боли. Черт возьми, ведь эта девчонка — даже не сангарийка...

Он шел и шел вперед, не разбирая дороги. Ноги шагали, повинуясь какому-то инстинкту, требовавшему отдать старые долги. И принесли его в космопорт.

За время человеческой оккупации порт сильно разросся. Префектласская Корпорация вела куда более оживленную торговлю, чем в свое время сангарийцы. Порт кипел. Корпорация потрошила планету.

Диф остановился посмотреть, как портовые рабочие разгружают огромный лихтер «Звездной Линии». Корпорация нанимала местных жителей и бывших рабов, потому что мускульная сила людей обходилась дешевле, чем импортное разгрузочное оборудование.

И вдруг к нему повернулось чье-то знакомое лицо.

— Боже правый! — прошептал он, резко отворачиваясь. — Да быть этого не может.

И снова посмотрел в ту сторону. Выдубленное лицо Рафу все разрасталось в размерах, пока не заслонило весь остальной мир. Зоотехник страшно постарел, но Диф ни на секунду не усомнился, что это именно он.

Старик, казалось, совершенно не замечал любопытного паренька. Такие постоянно слонялись здесь, приходя с окраин поглазеть на чудо-порт.

Диф собрал в кулак всю свою волю, чтобы не броситься к Рафу на шею, не схватиться за этот единственный осколок своего погубленного детства.

Вместо этого он бросился вон из порта в полном смятении. Что это может значить?

Само существование Рафу вызывало тревогу. То ли он агент людей, то ли сам человек, то ли действует с ними заодно. Кто-то ведь предал Префектлас. Столь удачно выбранное для атаки время не оставляло сомнений — они получали подробнейшую информацию изнутри сангарийской общины.

Но если во всем виноват Рафу, то почему он не выбрался из низов общества и остался обычным работягой? Люди либо убили бы потерявшего для них ценность предателя, либо нашли способ его вознаградить.

Диф заперся в жалкой лачуге, в которой они жили с Эмили. Где он теперь живет. Эмили больше не делит с ним нищету. И он ее уже никогда не увидит.

И вот в тот момент, когда Диф пытался побороть свои страхи и подозрения, кто-то постучал в дверь. Знакомых у него было немного. Полиция? Эмили?

Он открыл дверь, заранее приготовившись к очередному удару судьбы.

Рафу ввалился в комнату, схватил его за левое запястье и нашел там татуировку. И тут же каменное лицо его ожило. Он захлопнул дверь и стиснул Дифа в объятиях.

— Слава всем святым, слава всем святым... — бормотал он.

Диф вырвался и отступил назад. В глазах у старика стояли слезы.

— Диф, я глазам своим не поверил, когда увидел тебя возле доков. Подумал, что у меня уже ум за разум заходит. Мальчик мой, да как же ты спасся? И где ты был все это время?

Они обнялись снова.

Все вернулось на круги своя. Теперь он снова Норбон в'Диф. Сангариец. Глава... Вот только чего? Семейства из одного человека?

— Ну все, успокойся, — сказал Рафу. — Давай-ка все по порядку. Сначала ты рассказывай, потом я.

— Боюсь, у меня не хватит терпения, — посетовал Диф.

— Вот поэтому постарайся говорить кратко. А потом я отвечу на все твои вопросы, — ответил Рафу.

Диф начал свое повествование. Когда он дошел до эпизода с останками дарвонского наследника, Рафу хмыкнул, но от комментариев воздержался.

— А теперь что касается девочки, — сказал он, когда Диф закончил. — Ты уверен, что ей можно доверять? Достать ее для нас не проблема.

— Она будет молчать. — Диф прочел по глазам Рафу, что тот уже помышляет об убийстве.

— Самое разумное — не рисковать.

— Она ничего не скажет.

— Ты ведь Глава Норбонов. — Рафу пожал плечами, словно показывая — он не станет перечить Дифу, но остается при своем мнении.

— Ну а теперь расскажи мне свою историю, старый плут. Как тебе удалось спастись во время налета?

— Благодаря приказу твоего отца. Он потом пожалел, что отправил тебя одного. Сказал, что тебе нужен телохранитель и советчик в трудные времена, которые наступят после рейда.

— И все-таки как ты выжил?

— Конечно, это было непросто. Космические пехотинцы высаживались по периметру. Мы убили всех производителей и полевых рабочих, которые меня знали. Я оделся как дикое животное. Первые из десантников застали меня во главе толпы, атакующей коттедж для гостей. Я выл, улюлюкал и швырял копья, словно пещерный человек.

Диф нахмурился.

— Это был коттедж Дарвонов, Диф. К тому времени отец твой определил, что рейд устроили с их подачи. Им обещали десять процентов от прибылей Префектласской Корпорации и все владения Норбонов. Таким путем они собирались заполучить Осирис. Вполне возможно, что животные не наруши-

ли бы уговора. Борис Шторм — достойный человек. Полагаю, прикончив его сангарийских партнеров, я избавил Шторма от душевных метаний.

— А все из-за того, что отец мой не желал никого пускать на Осирис.

— Кто сеет ветер, тот пожнет бурю. Твой отец слишком ревностно оберегал свои богатства, подлинные или мнимые. Хотя он правильно оценивал Дарвонов, предвидя, что они бездарно растранжирят этот Хулар.

— Ну а если говорить о нашей Семье, какие у нее перспективы?

— Вендетта против Дарвонов. Я восстановил связь с твоим Домом в Метрополии. Дарвоны оправились после удара, младшие сыновья уже обзавелись потомством. А в Доме Норбонов — раскол. Существует группировка Дифа, хотя и малочисленная. Ее члены до сих пор надеются, что ты вернешься и поведешь их на Осирис. Другая фракция, укрепляющаяся день ото дня, требует провозгласить нового Главу — им хочется прибрать к рукам то, чем Дом уже владеет сейчас. Очень скоро люди столкнутся с Улантом. А потому они хотят создать сильный флот и заняться рейдами.

— Понятно.

Дифу вспомнились обрывки разговоров, услышанных в детстве. То, о чем рассказывал Рафу, вполне соответствовало его представлениям о внутрисемейной политике. Ни одна фракция не придет в восторг от его возвращения.

— Но давай все-таки поговорим о твоем спасении. Наверное, это было непросто. Ведь животные — не такие уж кретины.

— Конечно, я пережил трудное время. Они подвергали перекрестной проверке каждого пленного, чтобы убедиться — никто из нас не спрятался среди рабов. Я долго находился в бегах, а в конце концов осел здесь. Если не считать нескольких агентов с других планет — они изредка сюда заглядывают, — ты первый из наших, кого я встретил за последние девять лет.

— Значит, кроме нас, никто не уцелел?

В таком случае Префектлас был потерян безвозвратно.

Диф уже давно это заподозрил. Планету потеряли в тот момент, когда Дарвоны снюхались с людьми. И все-таки он

избегал делать окончательный вывод. Отрицание факта стало одним из кирпичей в стене, что он возвел, прячась от возложенных на него отцом обязательств.

— Чем ты жил все это время, Рафу? И есть у нас что-нибудь, с чего начать? — Он больше не мог уклоняться от своего долга.

— Я не пропал, — улыбнулся Рафу. — Солдат нигде не пропадет. И пусть тебя не обманывает моя работа. Я стал настоящим богачом. То, что из наших работников я остался единственный, в определенном смысле даже сыграло мне на руку. Я стал здесь чем-то вроде теневого владыки. Скажу не хвастаясь — на Префектласе есть только один человек могущественнее меня. Это Борис Шторм. Никто не знает, кто я такой, но все обо мне слышали.

— Значит, ты — Змей?

— В его чешуйчатой плоти.

— С ума сойти, — расхохотался Диф. — И как это мы не столкнулись раньше? Ведь столько лет пропало даром, Рафу...

Смех его оборвался. Итак, у Рафу теперь собственная империя. И он может счесть старые обязательства ненужной обузой.

— Будь это так, — сказал Рафу, когда Диф спросил его напрямик, — я не пришел бы сегодня к тебе. Я покинул бы Префектлас, как только наладил здесь работу. Улетел бы в безопасное место, стриг бы купоны и лишь изредка поигрывал мускулами, чтобы держать своих вассалов в узде. Но я не сделал этого, потому что хотел выполнить до конца свой контракт с Норбонами.

Диф ухмыльнулся. Рафу был сентиментален, как только может быть сангариец.

— И что мы теперь будем делать, Рафу?

Старик ухмыльнулся в ответ.

— Ну, это очень просто. Мы восстановим твое положение в Семье и подчиним себе главную базу в Метрополии.

— Да ведь на это потребуются деньги и мускулы, друг мой. У тебя все это есть?

— Нет, сейчас мне это не по плечу. Придется свернуть все дела здесь и на вырученные деньги снарядить корабль с надежным экипажем. Мы станем разрабатывать Осирис, пока не накопим достаточно сил. Нужно жить вдалеке от Метро-

полии, но при этом держать Семейство в курсе всех дел, чтобы там не забыли о твоем праве наследования. Осирис станет нашим главным козырем, он поможет привести их всех к послушанию. Давай-ка прикинем: на это уйдет года два. Потом самое меньшее еще два года, чтобы объединиться и обосноваться всем Семейством на Осирисе. Еще пять лет, чтобы разобраться с Дарвонами, отстоять свои права в суде, примириться с новыми врагами, которые у нас появятся во время усобиц, и завершить проект на Осирисе. Накинем еще годик-два на всякий случай. Значит, только через десять лет мы твердо встанем на ноги и сможем взяться за то настоящее дело, завещанное твоим отцом: за уничтожение животных, которые убили твоих родителей.

— Это чертова уйма лет, Рафу.

— У тебя есть другие планы на эти годы? Может быть, ты в пещере уже проделал столько работы, что можешь уходить на покой?

Годы катились мимо, скрываясь в пыльных закоулках времени. Диф и Рафу обращали в быль мечту за мечтой. Они подчинили себе Норбонов в Метрополии, добрались до Осириса, возвеличили имя Норбонов, внушив другим сангарийцам страх перед своей мощью. Пустив в ход коварство и обман, они проглотили несколько мелких Домов, которых пособники врага Дарвоны склоняли к лжесвидетельству. Насытив свою алчность, Норбоны решили раз и навсегда покончить с Дарвонами. И тогда друг Дифа извлек на свет Божий документы из архивов Префектласской Корпорации.

Эмили была одним из многих свидетелей, представших перед комиссией из Глав Первейших Семейств. К тому времени она превратилась в сногсшибательную женщину. У Дифа защемило сердце, когда он вспомнил о годах, проведенных вместе. Затосковала и Эмили. Но...

Жизнь с Борисом Штормом здорово ее пообтесала. Она не была уже прежней Эмили, беглой девочкой для удовольствий. Она превратилась в леди, внушающую уважение даже сангарийцам. Перед Дифом предстала совершенно новая женщина — от прежней маленькой Эмили, когда-то принадлежавшей Норбону в'Дифу, остались лишь отрывочные воспоминания.

Да и Диф не был больше мальчиком-сиротой, влачившим жалкую жизнь в трущобах враждебного мира.

Они провели целый день, безмятежно разгуливая в садах норбонских владений, вспоминая прежнюю жизнь, стараясь понять друг друга заново — такими, какими они стали.

Это был ритуал прощания, эмоциональное завершение расставания, которое случилось гораздо раньше — в ту пору, когда они еще были другими. Своим уважительно-сдержанным отношением друг к другу оба как бы подчеркивали: между ними не осталось ни долгов, ни вражды, и общего завтра тоже нет.

Когда Эмили ушла, Диф прослезился. Больше он никогда ее не видел.

Но дети, которых она выносила в себе, ее сыновья, снова и снова оказывались на его пути.

Книга вторая
ВЕШАТЕЛИ

Кто выбивает скамейку,
когда вешают палача?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ:
3052 год н.э.

Один из самых неприятных моментов в нашей жизни — тот, когда приходится осознать, что наши родители всего лишь люди, и притом смертные. На меня эти откровения обрушились лавиной. Я был по-настоящему потрясен, хотя думаю, что смог тогда это скрыть.

Я вырос, веря, что отец мой — полубог. В глубине души я понимал, что он смертен, просто мне никогда не приходило в голову, что его могут убить. Полагаю, мне следует благодарить дядю за снятие с моих глаз этих шор.

И лишь моего отца должен я благодарить или винить за то, что он вынудил меня понять: даже мудрый и благородный Гней Юлий Шторм может быть мелочным, высокомерным, слепым, неоправданно жестоким и, возможно, даже чуточку глупым. Последнее открытие потрясло меня гораздо глубже, чем все остальные. В конце концов, все мы вступаем в жизнь уже приговоренными к смерти. Но где записано, что в ожидании смертного часа мы должны коротать время, приобщаясь к идиотизму и страданиям соседей по камере?

И хотя впоследствии я любил его ничуть не меньше, но после их стычки с дядей я утратил былое благоговение к отцу. А какое-то время даже присутствие отца причиняло мне боль.

Терять иллюзии — всегда больно.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ:
3031 год н.э.

Гней Шторм выплывал во вселенную, где не было ничего, кроме грызущей боли.

Где он? Что с ним случилось?

Его слабеющая рука успела дотянуться до рычага. Или автоматика сработала. Так или иначе, он успел оказаться внутри спасательного кокона прежде, чем вакуум до него добрался.

Шторм знал, что не умер. При воскрешении почти не испытываешь боли. Умершего доктора, прежде чем вернуть к жизни, собирают нацело. И вот ты появляешься на этом свете, жизнерадостный, полный сил, даже не представляющий, что бывает внутренняя боль — как в молодости. Но если ты не умер, лечение проходит довольно обыденно, и приходится играть по старым правилам, установленным Природой. Тогда ты приходишь к здоровью через боль.

Не раз Шторму хотелось одного — чтобы ему дали спокойно умереть. Или чтобы Кассий наконец отправил его в Железную Крепость для настоящего лечения.

При одном из пробуждений Шторм увидел склонившегося над его коляской Мауса с выражением тревоги и безмерной усталости на лице.

— Маус, — прохрипел он, — что ты здесь делаешь?

— Кассий приказал мне остаться, — ответил юноша. — Это — часть моих тренировок. — Он натянуто улыбнулся.

— Он меня упросил. — Пропущенный через интерком голос Кассия казался еще более механическим и далеким.

— Сынок, ты должен вернуться в Академию, — упорствовал Шторм, забыв, что этот спор он уже проиграл.

— С этим я все уладил, — сказал Кассий.

Может быть, подумал Шторм. Он точно не помнил. Последний месяц прошел в страшной суматохе. Наверное, Кассий действительно воспользовался своим влиянием на Военный Колледж.

Он попробовал засмеяться, и наградой ему стал приступ невыносимой боли. Вакуум все-таки подпортил ему легкие.

— Кассию нужен был кто-то, чтобы присматривать за тобой и Майклом, — пояснил Маус, забыв, что отец не вполне понимает, что происходит. — Одному человеку тут не управиться, даже если Майклу впрыснуть успокоительное.

Шторм стал кое-что припоминать. Он улыбнулся. Похоже, Майкл произвел на Кассия сильное впечатление. А ведь Ди — всего лишь человек. Он одерживал верх не чаще, чем проигрывал. Его главный талант — слагать о себе разные легенды.

— Он тоже остался жив? — Теперь Шторм вспомнил почти все.

— Он отделался легче, чем ты, — сказал Кассий. — Потому что принял хотя бы элементарные меры предосторожности.

— Это его лодка сбилась с ритма, — добавил Маус. — Он нарочно ввел ее в противофазу. Этому трюку он научился у Хоксблада. Хоксблад так выставляет свои генераторы, что они работают в синхронном режиме друг с другом и в диссонансе с любым другим.

— Это его первый успех как разведчика, — вставил Кассий. — Конечно, любой, имея компьютер и немного соображения, до этого додумался бы. Но, значит, соображение у него есть.

Маус чуть покраснел.

— Мы летим к астероиду? — спросил Шторм.

Маус кивнул.

— Да, — подтвердил Кассий. — У нас еще остались вопросы к Майклу и Феарчайлду. — Помолчав, он добавил: — Мы не смогли расколоть Майкла обычными средствами. Ему поставили защиту от наркотиков и детектора лжи. Возможно, примитивные методы окажутся более действенными.

— М-да... — Шторм очень в этом сомневался, хотя и знал — Майкл, несмотря на свою браваду и дерзость, в душе трус.

Каким образом Ди выработал иммунитет к самым изощренным методам выколачивания правды? Ведь эта процедура очень сложная, дорогостоящая и к тому же засекреченная. Конфедерация предоставляла такую привилегию лишь особо доверенным генералам и чиновникам, занимающим ключевые посты. Среди известных ему людей лишь Маус, пожалуй, удостоится такой чести, лет этак через сорок, если не погибнет и дослужится до высших чинов. — Да, любопытно... — пробормотал он.

— Даже более любопытно, чем ты можешь себе представить.

Интонации механического голоса Кассия трудно было различить. Но в этот раз Шторм уловил в голосе полковника некоторую приподнятость.

— Ты что-то нашел?

— Думаю, мы узнали почти все. Интересно будет смотреть на Ди, когда мы будем с ним это обсуждать.

— Ты можешь рассказать мне сейчас?

— До астероида — пятьдесят один час лету. Ты пока восстанавливайся. Ты еще дезориентирован. А разговор этот будет напряженный.

— Не сомневаюсь.

Следующие два дня Шторм либо спал, либо довольствовался туманными, интригующими намеками его сына относительно их с Кассием находки на Большой Сахарной Горе. Он даже пробовал вернуться к Библии и кларнету. Один из сержантов с риском для жизни вытащил его личные вещи из обломков космоскафа с разрегулированными двигателями.

Но зрение его ослабло, а пальцы плохо слушались. Иногда Маус читал ему, но все равно время не двигалось. Он старался побольше спать.

Один раз Маус разбудил его, чтобы показать, как Кассий размазывает их гиперпространственный след вокруг звезды. Вальтер собирался описать полный виток, затем резко перейти в гиперпространство, скрываясь в собственном поле звезды, потом с день дрейфовать на околосветовой скорости. Астероид находился в кометном поясе этой звезды.

Такой маневр имел целью стряхнуть любой возможный хвост. Преследователь должен будет работать на грани разрешающей способности следящей аппаратуры и очень быстро потеряет контакт.

Когда они вышли на околозвездную орбиту, Шторм попросил Мауса перевезти его в рубку.

— Кассий, поверни его так, чтобы она светила сверху, пока мы движемся по орбите, — сказал он.

— Как прикажешь.

Звезда в иллюминаторе покачнулась, когда Кассий переменил положение корабля, а потом выросла до размеров солнца. Кассий нырнул к звезде, проскользнув так близко от нее, что кривая горизонта куда-то пропала и показалось, что корабль проплывает под бескрайним огненным потолком. Языки пламени величаво тянулись к ним, словно хотели увлечь в это яростное небо Армагеддона. Даже солнечные пятна поменьше казались гигантскими черными континентами, омываемыми еще более гигантскими океанами огня. Кассий поставил все фильтры, дав Шторму возможность задумчиво всматриваться в это гигантское пекло, единственный источник всех остальных видов энергии.

— До чего же жизнь наша схожа со звездой, — произнес Шторм. — Она пульсирует, она борется, стараясь сохранить себя в бескрайнем океане холодного отчаяния. Каждый атом содрогается до самого ядра, сражаясь с вампиром-ночью, грозящей высосать из него жизнь. Так же сражаются и звезды, зная, что борьба их безнадежна, что им по силам лишь одно: умереть несломленными, вспыхнув новой в последнем величественном жесте на этой сцене.

Маус наклонился вперед, внимательно слушая. Казалось, его отец пытается привнести некую стройность в свою туманную философию.

— Энтропия и хаос, смерть и зло не могут быть побеждены звездой или человеком, но в поражении всегда таится торжество несломленного духа. Это солнце говорит мне: Гней, плоть смертна, но дух, мужество, заключенные внутри нее, вечны. Они не сдадутся. И в этом единственная победа, которую ты сможешь одержать.

Маус не сводил с отца наполненных слезами глаз. Утомленный усилием, затраченным, чтобы облечь чувства в слова, Шторм заснул. А сын его продолжал смотреть на огонь, стараясь разглядеть в нем то же, что и Гней Шторм. Но не нашел этого. Он встал и снова переложил старика на каталку.

От встряски Шторм вернулся в полусознательное состояние.

На протяжении всей своей взрослой жизни Шторм предчувствовал последнюю, отчаянную схватку, в которой невозможна обычная победа. Он верил почти с религиозной истовостью, что когда-нибудь неведомые силы, манипулирующие нами, загонят его в угол, не оставив другого выхода, кроме смерти. Он не сомневался также, что орудием его уничтожения станет Ричард и что они с Ричардом, уничтожив друг друга, исполнят проклятие судьбы, лежащее на них.

Пламя Улантской войны зажгло огонь пангуманизма, который Конфедерация продолжала эксплуатировать на всю катушку. Она захватывала относительно самостоятельные районы, и процесс этот шел по тем же законам, что и рост живых организмов и видов. Наемнические армии попали в число институтов, дни которых были сочтены.

Ни одно правительство не будет добровольно терпеть частного конкурента, особенно такого, который смеет открыто

бросать вызов его декретам. Даже у самого либерального правительства, которое только вообразить можно, есть глубочайшее убеждение, что у него есть право применять силу к отдельным индивидуумам. И с момента своего возникновения любое правительство последовательно стремится расширить сферу применения этого права.

Шторм не сомневался — если их с Ричардом втянут в кровавый Армагеддон, это станет последней войной между наемниками, на которую Конфедерация посмотрит сквозь пальцы. Правительственные службы достаточно сильны и организованны, чтобы разоружить флибустьеров. Им только нужен предлог.

Корабль Кассия подлетел к крупному планетарному обломку, который Шторм еще много лет назад оборудовал под тюрьму для Феарчайлда Ди. Феарчайлд угодил в этот ад, расплачиваясь за свое вероломство в том мире, где Кассий потерял руку.

Потому что в данном случае речь шла не о превратностях войны.

Феарчайлд был тогда необстрелянным капитаном-наемником, он возглавлял силы, которые его отец надеялся превратить в армию Семьи. Легион заставил его испытать унижение в самом начале ратного пути. И, чтобы отыграться, он попробовал пустить в ход папашину тактику.

Войны наемников велись с соблюдением установленного ритуала. По окончании их подписывались Условия Капитуляции, после чего побежденный капитан свертывал боевые знамена. Феарчайлд же тайком пронес на эту церемонию бомбу, надеясь уничтожить командный состав Легиона, а потом внезапно возобновить военные действия.

Но его собственные офицеры в возмущении отвернулись от него и предупредили своих противников. Из всех легионеров ранило одного лишь Кассия. Он до сих пор отказывался от замены руки.

Увечье напоминало ему, что во вселенной есть бесчестные люди. А также постоянно подогревало ненависть к Ди.

У Кассия и Мауса ушло два часа, чтобы перевезти Шторма и Майкла в каталках в единственное жилое помещение на астероиде. Они разбудили обоих раненых, лишь когда закончили транспортировку.

Очнувшись, Майкл тут же захныкал. А заметив Кассия, взвыл во весь голос:

— Гней, этот человек меня убьет.

Кассий хмыкнул. Из-за искусственной трахеи звук этот прозвучал особо зловеще.

— Убью, конечно. Если смогу.

— Ты ведь обещал мне, Гней. Ты давал слово.

— Ты прав, Майкл. Но Кассий-то ничего тебе не обещал. Так же как и Масато, а он, мне кажется, просто в бешенстве из-за того, что ты сотворил с его братьями.

Маус попытался напустить на себя свирепый вид, но тщетно. Ди просто его не замечал. Он был слишком занят собой и Феарчайлдом, которого только что увидел.

— Боже мой! — простонал он. — Что вы делаете?

— А ты думал, что его сейчас ублажают райские девы? — поинтересовался Кассий.

Майкл в ужасе посмотрел на сына. Все же он был человеком, любил своих детей, и сейчас отцовская забота возобладала над страхом за свою шкуру.

— Феар... что они с тобой сделали?

— Можешь приниматься за него, Кассий, — сказал Шторм. — Сейчас он станет посговорчивее.

Маус с Кассием швырнули беспомощного Майкла на операционный стол.

С Феарчайлдом, на первый взгляд, обошлись не так уж жестоко. Его приковали цепями к стене и надели на голову шлем, соединенный пучком проводов с каким-то прибором.

Прибор ограничивал функции Феарчайлда настолько, что живым его можно было считать лишь с большой натяжкой. Как Валери в Фестунг Тодесангст, он полностью сохранил самосознание. И впасть в безумие, избавившись от непрерывной пытки, он тоже не мог. Прибор стимулировал рациональное мышление при помощи богатого арсенала психотропных препаратов. Через произвольные интервалы прибор раздражал его болевой центр, вызывая целую гамму мучительных ощущений.

Они были жестоки.

Маус действовал словно во сне — это место казалось ему нереальным, разум отказывался мириться с тем, что отец способен создать нечто подобное.

Кассий настроил прибор так, чтобы Феарчайлд чувствовал все, что происходит с его отцом.

Маус и Кассий пристегнули Майкла к столу, а затем развернули его вертикально. Шторм наблюдал с невозмутимым видом, как Кассий перемещает и настраивает хирургический агрегат. Агрегат этот включал в себя то же устройство, которое сохраняло Феарчайлда в разумном состоянии, а также систему анестезии, запрограммированную так, чтобы не заглушать боль, а, наоборот, многократно ее усиливать.

— Неужели нам без этого не обойтись? — прошептал Маус.

Кассий кивнул. Похоже, он получал от происходящего удовольствие.

Да, они были жестоки.

— Я держу свое слово, Майкл, — сказал Шторм. Голос его звучал мягко, устало. — Что бы ни случилось, я не стану тебя убивать. В свое время, на Горе, я попытался договориться с тобой. Но ты не пожелал меня понять. Я добьюсь того же самого здесь, но теперь уже придется на тебя поднажать. Надеюсь, хоть в этот раз до тебя дойдет.

Он помолчал с минуту, собираясь с силами.

— Майкл, я сделаю так, что ты станешь вымаливать у меня смерть. Но я выполню свое обещание и оставлю тебя в живых. Кассий, у тебя все готово?

Полковник кивнул.

— Дай ему попробовать.

Прибор загудел, и крошечный скальпель срезал с носа Ди кусочек кожи в несколько квадратных миллиметров. И тут же вторая механическая лапа обработала оголенное мясо йодом. А третья наложила крошечный кусочек пластыря. Потом сработала антианестезия, и жжение усилилось многократно. Ди пронзительно взвизгнул.

— Пока хватит. Ну как тебе, Майкл? Эту игрушку я установил здесь не случайно. У меня было предчувствие, что в один прекрасный день ты вынудишь нас ею воспользоваться. Ты уже понял: она будет снимать с тебя кожу — по нескольку миллиметров за раз, то в одном месте, то в другом, оставляя достаточно времени, чтобы старые надрезы заживали. Таким образом освежевание твое никогда не закончится. Ты только представь — боль будет сопровождать тебя всю оставшуюся жизнь.

Ди всхлипнул. Глаза его словно остекленели.

Маус отвернулся, с трудом сдерживая спазмы в животе — завтрак так и просился обратно. Кассий мягко дотронулся до его плеча.

— Легче, — шепнул он.

— Ах, Майкл, Майкл... — проворчал Шторм. — Ты ведь сам затеял эти игры. И попробуй сказать, что тебя не предупреждали. Ты прекрасно понимал, чем рискуешь. — Слабеющей рукой он помахал Кассию. — А теперь займись веком.

Лицо Ди стало мертвенно-бледным.

— Господи, мое лицо...

Настоящие звери. Кассий рассмеялся — ни один речевой механизм не в состоянии издать столь зловещего звука.

— Сейчас у тебя появятся шрамы, — пообещал Шторм мягким, вкрадчивым голосом. — А для тебя это страшнее, чем сдирание кожи, ведь так? Кассий, подкорректируй программу так, чтобы получше его разукрасить. Отнесись к делу творчески.

— Проклятие! — вскричал Ди. — Гней...

— Да, Майкл, ты не на курорте. Ты в аду. В маленьком персональном аду. И ты сам в этом виноват. Ты ждал, что мы будем жалеть тебя до бесконечности. Но дальше так дело не пойдет. Мы уже не дети. И ты не одурачишь нас, как привык это делать. Мы знаем тебя как облупленного.

— Гней, только не лицо...

— Значит, ты расскажешь, почему Черный Мир так много для тебя значит?

— Для меня это способ избавиться от... — Ди умолк. И больше не проронил ни звука.

— Кассий, прежде чем мы уйдем отсюда, расположи их так, чтобы они видели друг друга. И раздели звуконепроницаемым экраном, чтобы они не могли переговариваться. А пока расскажи мне, что ты нашел на Горе.

Кассий выложил ему все, что знал. Шторм изредка прерывал его вопросами или замечаниями. Когда Кассий дошел до старика-убийцы, он спросил:

— Сангариец?

Кассий кивнул.

Шторм повернулся к напуганному и красивому Майклу Ди.

— Так, значит, не зря распускали эти слухи. Ты сговорился с ними. Но этим ты не приобрел себе друзей, Майкл. — Он укоризненно помахал пальцем. — Давай, Кассий. Это становится все интереснее.

Через минуту Шторм пробормотал:

— Боюсь, после оплаты твоих переговоров мне останется только обратиться в отдел социального обеспечения.

— Очень может быть. Человека этого звали Рафу.

Шторм бросил озадаченный взгляд на Майкла. Ему показалось, что Ди чувствует разочарование и одновременно облегчение.

— Не вижу в этом всем смысла, Кассий.

— А он есть. Слушай дальше.

И он пересказал то, что узнал от друга с Луны-Командной.

— Но почему этот таинственный сангариец ждал столько времени, чтобы расквитаться с нами?

— Думаю, он привык действовать очень скрытно. И прежде чем предпринять какой-то шаг, тщательно к нему готовится. Наверное, он за нами долго следил.

Шторм посмотрел на Ди.

— Это многое объясняет. Но не все. Я по пути это все обдумывал. И постоянно наблюдал. Путь был долог, поговорить было не с кем. В первую очередь я пытался представить, по какой причине человек может желать погибели для собственного брата, да еще настолько сильно, что готов ради этого снюхаться с сангарийцем. Но так ничего и не придумал. Каждый раз я возвращался к одному и тому же. Все, что я предпринимал против Ди, было ответом на его враждебные действия. Наш друг — изрядный сукин сын и все свои шишки набивал вполне заслуженно. Но ведь раньше он не питал к кому-либо личной вражды.

Итак, я вернулся к самому началу и еще раз все хорошенько обмозговал, старясь подобрать ключик к этой загадке.

Думаю, все началось с того, что ему хотелось рассчитаться с Ричардом Хоксбладом. Ты же был той подачкой, которой он задабривал эту тварь Дифа. Другими словами, это не совсем личная вражда. Здесь скорее сделка. Диф помогает ему добраться до Ричарда. А он помогает Дифу расправиться с тобой и с Легионом.

Шторм посмотрел на брата. Майклу явно стало не по себе.

— А какого черта он вообще связался с этим Дифом?

— Вот тут-то мне и пришлось как следует поварить котелком. Чтобы понять все, нужно вспомнить кое-что о твоем отце и матери. Ты ведь знаешь эту семейную историю. Они встретились на Префектласе. Когда они поженились, мать твоя уже была беременна. Борис так никогда и не докопался, кто настоящий отец Майкла. Эмили упорно молчала. Так-то вот.

А теперь послушай мою версию. Эмили была от рождения сангарийской девочкой для удовольствий. Генотип не оставляет сомнений — ее вывели у Норбонов. Мы знаем, что она провела несколько лет в скитаниях и жила при этом с юношей, от которого, возможно, и родился Майкл. Он бесследно исчез после того, как твоя мать сошлась с Борисом.

В то же самое время исчез еще один человек, гораздо более известный. Король префектласского дна, которого мы называли Змей. Так вот, мой друг Бэкхарт утверждает, что Змей и Рафу — одно и то же лицо. Ну как, у тебя что-то вырисовывается?

— Кое-что — да. — Шторм провел рукой по носу. — Не нравится мне все это. Значит, Майкл не просто заключил с ними сделку, он — один из них. Ведь он — сын этого самого Дифа. Невероятно, но факт. На Префектласе встречаются ведь подобные гибриды, не так ли?

— И довольно часто. А судя по реакции Майкла, мы попали в самую точку.

— Да, пожалуй.

— Гней, я... — начал опять Ди и тут же затих. Слишком поздно — ему уже не могли помочь ни ложь, ни правда.

Нависло тягостное молчание. Маус принялся нервно расхаживать по комнате, поглядывая то на одного, то на другого.

— Да, вот теперь все встает на свои места. Мы знаем кто, знаем зачем и даже частично знаем как. Нам известно достаточно, чтобы нанести ощутимый удар, отбив у них Бенджамена и Гомера. Но, по сути дела, это ничего не меняет. Вероятно, нам уже не выкарабкаться.

— Мы могли бы прикончить нескольких Ди, — предложил Кассий. — Я выведал у Бэкхарта все относительно этого Дифа. До него нам не добраться. Он уже улетел из Метрополии и забрал все снаряжение на планету Первой Экспансии. Теперь во всей вселенной лишь один сукин сын знает его

местонахождение — это он сам. Вряд ли мы сможем подкупить какого-нибудь дурака-сангарийца, чтобы тот перерезал Дифу глотку. Единственный способ — заманить его к нам.

— Майкл останется жив. Я дал ему слово. Но, может быть, вина его не так тяжела, как кажется.

— Хватит его оправдывать, Гней.

Шторм пропустил замечание Кассия мимо ушей.

— Здесь он и Феарчайлд будут в полной сохранности. Ты помнишь легенду о троянском коне? Я прикажу начать охоту за Сетом-Беспредельным. Если мы и его прихватим, этому Дифу придется вылезти, если он захочет, чтобы мы не вышли из игры.

— А Хельга? — спросил Маус.

— Хельга уже не та, что прежде, — сказал Шторм. — Разогрей-ка инстел, Маус. Мне нужно переговорить с Ричардом.

— У нас его нет. Волноводы полетели — спасибо другу Майклу, — сказал Кассий. — И с сейнерами контакт потерян. Придется подождать до возвращения в Крепость.

— Так что же мы здесь дурака валяем? Везите меня домой.

Маус развернул отцовскую коляску и протолкнул в узкий проход, который вел в корабельный трюм. За спиной у них доносились вопли Майкла.

Кассий снова запустил пыточную машину.

Жестокие люди. Безжалостные.

Маленькая яхта плыла в нормальном пространстве. Пилот терпеливо следил за гиперсканером. Они упустили свою жертву, но еще не потеряли надежду.

Кассий перешел в гипер, оставляя позади едва уловимую рябь.

Яхта повернулась, как игла компаса, и стала резко набирать скорость.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ:
3028 год н.э.

Мойре исполнилось семнадцать, когда она получила приглашение. Ей стало страшно. Девушка уже наслушалась разных историй... Нет, даже Блейк ее не заставит... Или заставит?

У Мойры не было покровителя. Ей приходилось отбиваться от всех самой с тех пор, как погиб Фрог. Нрава она выросла

сурового даже для эджвордской девушки. Но Блейк... Сражаться с полубогом?

Упрямцу Фрогу это по-своему удалось.

Она оглядела крошечную комнату, служившую когда-то пристанищем этому карлику и ставшую домом для девочки, брошенной теми, кто мог бы дать ей гораздо больше.

— Что мне делать, Фрог? — Она застыла на месте, ожидая ответа от призрака.

— Ступай туда, девочка. А если этот ублюдок попытается, врежь ему так, чтобы нос через задницу выскочил.

Выбора у нее не оставалось. Блейк в Эджворде — хозяин. Если не подчиниться, ее уволокут силой.

Готовясь к встрече, по возможности делая свою внешность непривлекательной, Мойра еще раз оглядела комнату. Охваченная безотчетным страхом, она смутно предчувствовала, что видит эту комнату в последний раз.

Мойра превратила ее в музей, святыню, хранящую память о сумасбродном карлике, которого прозвали Фрог* — настоящего его имени она не знала. При жизни его Мойра не могла открыто выразить свою любовь. Она знала, что подобное проявление чувств лишь смутит Фрога. Зато сейчас, достигнув самого романтического возраста, когда воспоминания ее становились все более смутными и идиллическими, она все больше его обожествляла.

Мойра не вписывалась в черную общину Эджворда. Ее воспринимали как местную экзотику или «приблудное чадо» старого Фрога. Последнее обстоятельство, если добавить к этому, что призрак безумного карлика постоянно заглядывал ей через плечо, больше всего отпугивало от нее людей.

Старик Фрог стал городской легендой. Эджвордцы хвастались перед чужаками Человеком, Покорившим Теневую Линию. Они отбуксировали назад его краулер и сделали из него мемориал. И все-таки на его имя реагировали нервно.

Сумасшедший был мертв и канонизирован. Но ум его был болен, и они боялись, что у Мойры та же болезнь.

Они не знали, как с ней разговаривать, как вести себя в ее обществе, а потому просто шарахались от нее. Она выросла изгоем, не получившей общественного признания затворни-

* Фрог — лягушка *(англ.)*.

цей, предоставленной собственным мыслям. И та атмосфера опасливого ожидания, которую создали вокруг нее горожане, породила то, чего они так боялись.

Портреты Фрога на стенах. Вещи Фрога, разбросанные по комнате. Груда лохмотьев, оставшихся от его теплозащитного костюма. Карты Солнечной Стороны со штампом Фрога — здесь он помечал свои открытия в terra incognita. Дневник, которому Мойра поверяла самые важные мысли, чаще всего вращавшиеся вокруг ее тезки, первой в Эджворде женщины-краулерщицы. Та относилась к той же разновидности канонизированных чудаков, что и сам Фрог. Фрог утверждал, что их связывали какие-то отношения. Мойра так и не узнала, каковы они были. Она просто боялась вторгаться в эту тайну. Несколько раз она начинала исследование в городских архивах, но останавливалась, еще не нащупав нить, боясь обнаружить, что предмет ее почитания — колосс на глиняных ногах.

Мойра колебалась. Если Блейк говорит: «В самое раннее удобное для вас время», это означает «немедленно», и это было самое пугающее.

А может быть, все обойдется? Девушка тяжело вздохнула, взъерошила волосы и отправилась.

Главные офисы горнодобывающей корпорации Блейков располагались в огромном старом здании в центре Эджворда, под самой прочной секцией антиметеоритного экрана. Когда-то здесь сидели только городские власти. А теперь Блейк все прибрал к рукам. Эджворд стал городом-корпорацией. Так что офис Блейка с полным основанием можно было назвать Муниципалитетом.

Мойра прибыла туда к началу запрограммированного дождя. Легкий бриз обдувал ее, принося запахи, которые вызывали в памяти туманные образы детства. Вот она бежит по пестреющей дикими цветами равнине, под ласковыми лучами солнца, а потом резвится с другими детьми на племенной ферме. Зоотехник обращался с ними мягко, с оттенком родительской заботы. Детям невдомек было, что они — собственность, которую следует обучить и продать. Да и знай Мойра об этом, ей было бы все равно. Она была счастлива.

На ступеньках Муниципалитета девушка остановилась и задрала голову кверху, стараясь разглядеть черного и недосягаемого врага с веснушками звезд, взявшего в осаду целый

город. И не увидела ничего, кроме солнечных бликов и труб, из которых лился дождь. Эджвордцы очень старались не пустить ночь в город.

Дождь усилился. Мойра торопливо прошла в радужную дверь — если бы купол рухнул, эта дверь стала бы шлюзом.

Она очутилась в маленькой уютной приемной, застав там лишь одного человека — худощавого пожилого джентльмена, который напомнил ей Фрога, только сильно подросшего. Судя по выдубленной коже, он всю жизнь проработал водителем вездехода, пока не стал не годен. Мойра занервничала. Иногда списанные краулерщики бывали дергаными и неприятными.

Но этот мужчина оказался совершенно нормальным. Он вскинул глаза на Мойру, нервно покусывающую губу, и лицо его расплылось в улыбке — могло показаться, что он ждал этой встречи много лет.

— Мисс Эйт? Мойра Эйт? Несказанно рад вашему визиту. — Он протянул ей темную сморщенную руку. Мойра дотронулась до нее, преодолевая страх. И обнаружила, что рука теплая и мягкая. Ей чуть полегчало. Она судила о людях на ощупь. Мягкая и теплая рука означала, что против нее не замышляют зла. Холодная, влажная, жесткая предупреждала о недобрых намерениях. Зная, что температура тела у всех людей примерно одинакова, она полагалась на различные ощущения от рук — а впоследствии от губ — и была уверена, что наделена каким-то шестым чувством, способным их правильно истолковывать.

Чаще всего чутье ее не подводило.

— Зачем... зачем меня сюда вызвали?

— Не знаю. Я ведь просто заменяю старику ноги. Так вот, значит, какая ты стала — малышка Фрога. Да, растут дети. Тебе бы почаще появляться на людях. Разве это дело — прятать такую красоту? — Он подвел раскрасневшуюся Мойру к лифту. — Мистер Блейк в домике на крыше. Он сказал проводить тебя прямо туда.

Мойра закусила губу, стараясь придать своему лицу как можно более бесстрашное выражение.

— Ну что ты, не стоит так пугаться. Он ведь не людоед. Мы не даем ему глотать девочек уже три — нет, четыре года.

«Вот так же меня в детстве успокаивал Фрог», — подумала она. Солнечная Сторона — место крутое, но почему-то крау-

лерщики, там работавшие, были более чуткими к людям. Все считали Фрога старым черствым брюзгой — возможно, даже он сам так о себе думал, — но на самом-то деле он был совсем другим.

Мало кто удосуживался приглядеться к водителям вездеходов чуть повнимательнее. Они и сами не рассчитывали долго прожить. Такая близость к враждебному Демону-Солнцу даром не проходит. Люди, которые, подобно Фрогу и этому джентльмену, состарились в экспедициях на Горы Грома и Теневую Линию, уже стали редкостью. Большинство же считали невыносимой ту жесткую самодисциплину и состояние непрерывного напряжения, без которых выжить на Краю Мира просто невозможно. В самом конце даже Фрог сломался, но ему повезло. Его вытащили из этой переделки. Для того чтобы потом убить. Быть может, этот человек тоже на чем-нибудь споткнулся, а потом встретился со своей удачей.

Постепенно ее охватывал гнев. Они даже пальцем не пошевелили, чтобы раскрыть убийство Фрога. Ну да, кое-кого выслали из города, но сам-то убийца до сих пор гуляет на свободе. Девушка твердо решила, что поймает его сама. Через год она станет совершеннолетней. Того, что Фрог ей завещал, плюс деньги, оставшиеся от продажи уцелевших частей его снаряжения — Блейк уже вычел из этой суммы то, что он потратил на спасательные работы, — вполне хватит, чтобы купить пропуск в другие миры и отыскать там Августа Плейнфилда.

Эта навязчивая идея овладела ею с тех самых пор, когда она заглянула через дверь в больничную палату и поняла, что сделал Плейнфилд. Суровая реальность не пугала ее. Мойра была еще достаточно молода, чтобы верить в магическую силу справедливости.

Этот ее замысел стал единственным случаем, когда она взбунтовалась против философии карлика. Язвительный и ворчливый Фрог не был ангелом всепрощения, но вряд ли ему понравилось бы, чтобы жизнь Мойры была подчинена ненависти.

— Ну, вот и приехали. Это самый последний этаж. Обязательно попроси провести тебя на смотровую площадку. Очень немногим выпадает такая возможность. А вид того стоит.

Вместе со своим провожатым Мойра прошла в холл — именно так она и представляла штаб-квартиру Блейков. Здесь

пахло большими деньгами. Какое расточительное использование пространства!

Как и во всех городах, возведенных под куполом, в Эджворде старались использовать каждый кубический сантиметр. Даже пришлось в районах, что находились под открытым небом, начать колоссальный проект, который должен был дать людям облегчение от тесноты квартир.

Здесь же избыточное пространство преследовало одну-единственную цель — продемонстрировать богатство и мощь хозяев.

— Наверное, он сейчас в личном кабинете, — сказал спутник Мойры. — Пойдем, я тебя проведу.

— Здесь так просторно...

— Большому человеку с большими обязанностями нужно место, где с ними справляться.

— Спасибо вам, мистер... Простите, не знаю вашего имени.

— Ну, это не так важно. Зачем оно вам?

— Затем, что вы очень добры ко мне. Я должна знать, кого мне вспоминать с благодарностью.

Она не смогла выразить мысль более точно.

— Ну хорошо, зовут меня Альбин Корандо.

— Как странно...

— Для Черного Мира — пожалуй. Мой народ пришел сюда уже после войны.

— Нет, я о другом. Фрог часто мне о вас рассказывал. Как раз вчера я старалась вспомнить ваше имя.

— Бьюсь об заклад, он травил обо мне разные байки, — усмехнулся Корандо. И унесся мыслями куда-то далеко. А потом внезапно погрустнел. — Да, разные байки. Ну, вот мы и пришли. И вот что, мисс...

— Да?

— Не надо бояться. Он — всего-навсего человек. И если уж на то пошло, очень неплохой человек. Не верьте тому, что болтают на улицах.

— Ладно.

Но, остановившись у двери, за которой ее ждал человек, слывший почти всемогущим, она снова упала духом.

— Мисс Эйт, сэр, — объявил Корандо, проходя вперед.

Мойра робко последовала за ним.

* * *

Человек, развернувший к ней свое кресло, вопреки ее ожиданиям, не был клыкастым циклопом. К тому же он оказался вовсе не старым. Мойра дала бы ему лет тридцать пять. А то и меньше. За легкостью манер скрывалась неукротимая мощь профессионального бойца. Он широко улыбнулся, обнажив безупречно ровные зубы. Это первое, что ей бросилось в глаза.

— Простите, что не приветствую вас стоя, — сказал он, протянув одну руку, а другой показывая на обрубленные по колено ноги. — Несколько лет назад я попал в аварию на одной из станций Теневой Линии. И еще не успел нарастить нижние конечности.

— О, какое несчастье...

— Да бросьте вы. Поделом мне — лезть под засбоившего раба с гаечным ключом! Есть же люди, которым я за это плачу. Альбин, принеси даме что-нибудь. Коктейль не желаете, Мойра? Хотя не стоит. Пойдут слухи, что я спаиваю девушку. Может быть, кофе?

Мойра кивнула, и Корандо вышел из кабинета.

— Ну а теперь присаживайтесь. Да садитесь же! А отчего у вас такой растерянный вид?

— М-м-м... — Мойра покраснела. Оказывается, она его все это время в упор разглядывала. — Я думала, вы старый.

Блейк рассмеялся. Смех у него был приятный, почти по-женски звонкий. Мойра пожалела, что так и не пожала мельком предложенную руку — интересно, теплая ли она? Теперь рука эта показывала на портреты маслом, висевшие на противоположной стене.

— Вот они, настоящие старики. Мой отец. Отец моего отца. И старый пират, с которого все это пошло. Обадия Блейк. — Три смуглых суровых лица смерили ее взглядами, характерными для всех семейных портретов, — не то раздраженно-оценивающими, не то коварно-алчными, как будто, пока художник рисовал их портрет, они раздумывали, не продать ли его в рабство. — Да, уж их-то молодыми никак не назовешь. Я называю их Древние Маринады. Они все воспринимали очень серьезно. И мариновались в собственном соку. — Он улыбнулся, как улыбаются старой шутке. — Жадины и хапуги — вот кем они были. Гребли все, что под руку попадется.

— Ну, наверное, человеку, которому все это досталось в наследство, очень просто грозить пальцем и говорить «ай-ай-ай», — выскочило у Мойры, и она тут же поразилась собственной дерзости.

Блейк расхохотался:

— Да, сразу видно, что ты дитя Фрога. Я с ним общался лишь мельком, но папа мой кое-что о нем рассказывал.

— Полагаю, не самое лестное.

Она благодарно улыбнулась Корандо, который принес фарфоровую чашку с кофе на серебряном подносе. Серебро и золото были побочной продукцией Блейков — месторождения этих металлов в избытке встречались вокруг Эджворда. Сам Корандо носил в ухе увесистую золотую серьгу.

— Именно так. Ни одна из этих историй не годится для ваших прекрасных ушек. Нет-нет, останься с нами, Альбин. Думаю, с таким компаньоном наша леди почувствует себя уютнее, хотя одному Богу известно, как бы я смог наброситься на нее, даже приди мне в голову такая блажь.

— Как вам будет угодно, сэр.

Мойра благодарно улыбнулась — теперь уже обоим.

— Ну а теперь, — продолжал Блейк, — позвольте признаться: как бы вы ни были прекрасны, как бы мне ни было приятно созерцать вас и вести с вами беседу, но я пригласил вас сюда по делу. Так давайте перейдем к главной теме. Что вы испытываете к человеку, который убил Фрога?

Отвечать не было необходимости. Все чувства мигом отразились на ее лице.

— Неужели настолько сильно? Альбин, поройся в той стопке на столе и передай мисс Эйт объемные портреты, о которых мы говорили накануне.

В кабинете Блейка все валялось как попало. Видимо, ему не хватало времени, чтобы наводить здесь порядок.

— Плейнфилд, — сказала она, держа в руках два куба со стороной примерно десять сантиметров.

— Эти мы получили вчера из Сумеречного Города. У меня там есть наблюдатель. Здесь он запечатлел какого-то типа, который ошивается возле рудников. Агенту показалось, что он его уже где-то видел. Этот агент — из тех, кого мы выслали после убийства Фрога. Выходит, ему повезло. Его подобрал

их вездеход. Но он мечтает вернуться домой, к семье. И старается заслужить возвращение.

— А что с Плейнфилдом? — спросила она сдавленным голосом, с трудом сдерживая спазмы, — Мойра испугалась даже, что ее сейчас вырвет.

— Теперь он скрывается под именем Дайболд Амелунг, но и оно не настоящее.

— И что вы собираетесь делать?

— Пока ничего. — Он упредил жестом ее протестующий возглас. — Но это только пока. Потом — что потребуется. Я мог бы прикончить его сейчас, но тогда я не узнаю его дальнейших намерений. Я не узнаю также, зачем он убил Фрога и связано ли это с тем феноменом, что мы наблюдаем на Солнечной Стороне. Альбин, проектор готов? Очень хорошо. Так вот, Мойра, настоящее имя этого человека — Майкл Ди. Мы это уже давно знаем.

— И до сих пор ничего не сделали? — Мойра уже начала терять голову.

— Милая леди, Корпорация Блейка сделала все возможное, не противоречащее ее интересам. А это уже немало, клянусь вам. Этот человек, под каким бы именем он ни жил, — не стрелок со Старой Земли, не уголовник из-под треснувшего купола. Он может купить Эджворд со всеми потрохами. Он очень старый, богатый и могущественный человек. И с большими связями.

— Ну и что?

— Ну конечно, для вас все проще простого. Вы бы испепелили его. Вам ведь терять нечего. А за мной стоит промышленная империя и сотни тысяч людей, о которых я обязан заботиться.

— Не может он быть настолько важной шишкой.

— Да? А вы знаете, что ему принадлежит целая планета? Межзвездная торговля почти полностью под его контролем. Он вложил деньги во все транспортные линии, по которым идет наш экспорт. Его брат, Гней Юлий Шторм, — кондотьер, имеющий собственную армию в двадцать тысяч человек и достаточно кораблей, чтобы перебросить ее куда угодно. Он связан с Ричардом Хоксбладом, другим кондотьером. А еще у него есть друзья на Луне-Командной, которые наложат на

торговлю с Черным Миром эмбарго, стоит ему только слово сказать.

— Понимаю. Но если он настолько крупная фигура, как его занесло в Сумеречный Город?

— В том-то и соль, юная леди. Теперь вы попали не в бровь, а в глаз. Давайте-ка посмотрим несколько клипов. Альбин...

Корандо уменьшил освещение и запустил голопроектор.

— Это теневое облако, которое мы послали с внешней станции, чтобы обеспечить пробег от Уайтлэндсунда до Теневой Линии, — пояснил Блейк. Дальше на голокубе появилась темная громада, которая, как Мойра вскоре поняла, казалась темной только по контрасту с нестерпимо ярким свечением. — Мы отфильтровали свет до допустимых пределов.

На следующей голограмме перед ними вновь возник столб пыли, снимаемый против солнца, так что казалось — громада состоит из огромного роя светлячков.

— Эта запись сделана два года назад с чартерного краулера, когда он находился к северу от Теневой Линии, в четырнадцати часах пути от нее. Тогда она нам не пригодилась. Слишком удаленное место, чтобы проводить там разведку, к тому же это территория Сумеречного Города. Кое-кто решил, что это пыль, выдуваемая вулканом.

Третий клип запечатлел следы вездехода при искусственном освещении.

— А вот это снято всего месяц назад другим чартером, на двухтысячном километре от начала Теневой Линии. Водитель решил, что попал на след радиального выхода Фрога. Но не похоже — след слишком широк. Мы сверились с бортовым журналом Фрога. Это не его следы.

Что-то здесь было не так. Эта находка не давала мне покоя, как и все, что не поддается объяснению. Я поручил Альбину еще раз проверить все архивы, потолковать с водителями. И он обнаружил именно то, на что я рассчитывал. Единственный эджвордец, который заезжал так далеко, это Фрог. Тогда я снова пустил Альбина по следу. Он отыскал несколько чартерных вездеходов, которые видели компьютерный или визуальный образ пыльных столбов на севере, а особенно на северо-западе, где они просматриваются с самой Теневой Линии. Альбин...

Появилась голограмма с мелкомасштабной картой части Северного полушария к западу от Края Мира.

— Никто не посчитал нужным об этом докладывать. Подумаешь — еще одна аномалия на Солнечной Стороне. Но мы, заинтересовавшись, сопоставили все данные. По ним складывается впечатление, что все эти аномалии имели место вдоль черной линии.

— Черная линия — это затененная трасса от Сумеречного Города до Теневой Линии? — догадалась Мойра. — Но ведь это страшно дорого.

— Слушай, Альбин, а ведь она быстро соображает. Да, и это подтверждают следы краулера. Их оставил дальнобойный чартер Мичемов. Значит, Сумеречный Город вплотную занялся Теневой Линией, на нее потрачено немало денег и человеко-часов. Больше, чем можно потратить на пробную попытку. Выстроить сплошную двухкилометровую трассу с теневыми генераторами на Солнечной Стороне — это феноменальный проект. Представляю, какого количества оборудования и человеческих жизней он стоил. Я консультировался с инженерами. Они говорят, что подобный проект выполним, но отважиться на него может только сумасшедший. Так что их на это толкнуло?

За то время, что Блейк говорил, Корандо дважды менял клипы. Первый демонстрировал эскиз довольно необычного трактора, выполненный художником, второй — его движущееся изображение, чуть отличное от рисунка. Все это было снято в таком ракурсе, что не оставалось сомнений — камера находилась в пределах Теневой Линии. На заднем плане возвышались горы с обрисованными светом контурами.

— Снимок сделан на этой неделе, недалеко от того места, где мы обнаружили таинственные следы краулера, — пояснил Блейк.

— Бессмыслица какая-то, — сказала Мойра. — Совершенно неприбыльная затея.

— Вы уверены? А по-моему, тут попахивает огромными прибылями. Мичемы — пираты еще похлеще Обадии. А я-то надеялся, что вы прольете свет на эту тайну.

— Я? Я знаю о Теневой Линии только то, что слышала от Фрога.

— Вот именно. От единственного человека, который прошел ее до самого конца.

— Вы хотите сказать, что он что-то там нашел?

— Мне самому хотелось бы это знать. Так нашел или нет?

— Он никогда не говорил ничего подобного. Но я ведь видела его всего с минуту перед тем, как Плейнфилд выставил меня за дверь. А потом...

— Да, знаю. — Блейк обвел рукой комнату. — Мы перерыли все архивы, надеялись найти хоть какую-нибудь зацепку. Даже просмотрели эти страшные репортажи, которые передавались еще до возвращения Фрога. Я не нашел ровным счетом ничего. Или, точнее говоря, я обнаружил много пустоты. Это что-то вроде черной дыры. Ты знаешь — внутри что-то есть, хотя порой кажется, что там совершенно пусто. Вы понимаете, что я имею в виду. В большинстве архивных документов кто-то уже порылся. Трудно сказать, что именно интересовало Плейнфилда. Многое подправлено. Но создается впечатление, что в черной дыре скрывается что-то большое и опасное. Моя последняя надежда — это сбивчивые людские воспоминания о событиях, случившихся много лет назад.

— А как же ваш шпион?

— Для обстоятельного расспроса его нужно вернуть сюда. Я пытаюсь это сделать, но вряд ли у меня что-то получится. Последние несколько лет у Мичемов обострилась паранойя. Неудивительно — им наверняка есть что скрывать. Получать данные о Ди становится все сложнее.

— Вы можете внедрить туда кого-нибудь еще, сэр, — предложил Корандо. — Кто сможет курсировать туда-сюда на законных основаниях. Такого человека вы сможете расспрашивать здесь.

— Согласен, это проще, чем переправить сюда моего агента. Но я не уверен, сможет ли этот человек часто возвращаться сюда, будь у него легальная крыша, или нет. Судя по сводкам моего агента, за всеми чужаками там пристально следят.

— Тогда устройте засаду на Теневой Линии, — посоветовала Мойра. — Пусть вместо съемочных камер заговорят пушки. Схватите кого-нибудь из их людей.

— Я не хочу демонстрировать им нашу осведомленность. Это спровоцирует войну прежде, чем мы успеем к ней подготовиться.

— Войну? — переспросили Мойра и Корандо. У девушки даже голос сорвался.

— Ну да, конечно. Если они угрохали такую уйму денег, чтобы украсть этот секрет, значит, за него стоит и повоевать.

— Босс, вы смотрите на всю эту чертовщину слишком субъективно, — вмешался Корандо. — А ведь на карте...

— Теневая Линия берет свое начало на территории Эджворда. Поскольку здесь затронуты мои интересы, значит, и вся эта чертовщина меня касается. И не важно, что линия уводит за южную параллель Сумеречного Города.

«Выходит, в этом Блейке тоже сидит пират», — подумала Мойра и улыбнулась. Да, делать деньги в Черном Мире могут только очень напористые люди.

— А какую роль во всем этом вы отводите мне? — поинтересовалась девушка. — Вы ведь знали заранее, что я не скажу ничего нового о находке Фрога. Так почему вы решили втянуть меня в это дело?

— Умница. Ты совершенно права. У меня есть одна хитрая задумка. Как тебе кажется — ты могла бы убить Ди?

— Плейнфилда? Да. Я думала об этом. Могла бы. Но не знаю, насколько вы могли бы располагать мной после этого.

— А ты могла бы не убивать его?

— Не понимаю вас.

— Ты могла бы находиться подле него, привлекать к себе его внимание и при этом не сводить с ним счеты?

— Не знаю. Может быть. Если на то будет веская причина. А к чему вы клоните?

— А ты могла бы завязать с ним приятельские отношения? Или даже больше, чем приятельские?

Она едва не исторгла наружу свой завтрак. С большим усилием Мойра подавила рвотные спазмы. А потом ее внезапно поразила мысль: если она заставит этого негодяя полюбить ее, а после этого убьет, то месть будет более полной. Такая жестокость принесла бы ни с чем не сравнимое сладостное чувство.

Только в этот момент она поняла окончательно, насколько ненавидит Плейнфилда. Это стало манией. Она была готова на все.

Девушка сама себя испугалась. Такая Мойра ей не очень-то нравилась. Это была не та личность, которой она хотела бы быть.

— Что вы хотите, чтобы я сделала? Я сделаю.

— Хм?

— Я буду делать для вас, пока наша сделка включает в себя, что мы доберемся до Плейнфилда.

Блейк впился в нее взглядом.

— Только не позволяй превратить себя в одну из их женщин, — проговорил он с несколько разочарованным видом. — Ну хорошо, я выложу тебе свой план. Пока в нем много шероховатостей, но по ходу дела все отшлифуется. Во-первых, мы отправим тебя в Сумеречный Город. Билет у тебя будет до Старой Земли. Ни из какого другого порта ты не сможешь попасть туда без пересадки. По возможности мы устроим тебе там встречу с нашими людьми. А потом ты улетишь на Землю первым же рейсом. Ты покинешь корабль на станции в Уэйдерендере, сдашь там билет и, доплатив, купишь новый, до Большой Сахарной Горы, уже на другое имя. С нашей помощью тебя зачислят в Моделмог. Они стали принимать детей из богатых семей, чтобы поправить свой бюджет.

Моделмог был самым известным в тридцать первом веке центром обучения молодых художников, актеров и писателей. Как полагал Блейк, для колледжа настали трудные времена. Туда стали принимать бездарных, но богатых, которые несли бремя расходов за обучение бедных, но талантливых, составлявших большинство слушателей. Внося благотворительные пожертвования, богач, по сути дела, покупал себе диплом престижнейшего заведения.

— Но какое отношение это имеет к Плейнфилду? — спросила Мойра. В голосе ее слышалась досада — до чего же все оказалось запутано.

— Терпение, дитя мое. Терпение. Сейчас дойдем и до этого. Нам нужно, чтобы в Моделмоге ты взяла в оборот одного поэта по имени Люцифер Шторм. Говорят, это очень одаренный молодой человек и очень красивый. Думаю, он не вызовет у тебя отвращения. Сойдись с ним поближе. Он станет тебе пропуском в Железную Крепость, штаб-квартиру наемников Гнея Шторма. Ди постоянно к ним прилетает. Ты без

труда установишь с ним контакт. И станешь его законной или незаконной супругой.

— Ясно. Жить с ним и шпионить за ним.

— Именно так.

— И как долго?

— Девочка, у меня есть другие заботы, помимо расплаты за Фрога. Есть Эджворд. Это здесь я крупная рыба, а там — просто мелюзга. И не могу себе позволить иметь врагами акул.

Мойра была умна. Она тут же все поняла и, хотя план ей претил, отказываться не стала.

— Я согласна. Но вы так все усложнили, что я наверняка перепутаю.

Блейк хмыкнул:

— Милая, я ведь не первый день приглядываюсь к Мойре Эйт. Она далеко не пустышка. Все знакомые находят ее очень неплохой актрисой — как на сцене, так и в обыденной жизни. Драматург Уайт считает, что она настоящий клад.

Мойра пожала плечами, втайне польщенная. Мистер Уайт никогда не высказывал ей ничего подобного.

— Мои папа и дедушка обошлись с Фрогом далеко не лучшим образом. На их месте я повел бы себя иначе. Фрог представлял для нас большую ценность. Он напоминал нам, что мы не боги. И еще вот о чем: что хорошо для Корпорации, не обязательно хорошо для народа Эджворда. Фрог, сам того не понимая — лишь мой папа об этом смутно догадывался, — не давал сделать из Эджворда некое подобие Сумеречного Города. Если мы отправим тебя туда, ты поймешь, что я имею в виду. Блейк и вместе с ним весь Эджворд еще сохранили человеческие черты — несмотря на мой Совет Директоров. Впрочем, я, кажется, отвлекся и оседлал любимого конька.

— Лучше бы вы никогда с него не слезали, сэр, — заметил Корандо.

— Альбин — это моя совесть. Он сам родом из Сумеречного Города.

— Я знаю. Альбина выслали оттуда. А Фрог его подобрал. Он мне вроде брата. Все это случилось много лет назад.

— Да, много лет назад, — согласился Корандо. — Он всегда подбирал бездомных.

— Как жаль, что его нет сегодня с нами, — печально произнес Блейк. — Вскоре мне придется выступать с докладом

перед Советом Директоров. Уж он-то заставил бы этих типов ходить по струнке. Они ведь всегда перед ним трусили. И, думаю, до сих пор побаиваются. Как будто его призрак может вернуться и являться им по ночам.

— А разве это не так? — спросила Мойра. — Кстати, когда мы начнем? И с чего?

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ:
3031 год н.э.

Возвращение домой оказалось безрадостным. Железная Крепость встретила их дурными новостями.

Вульф и Гельмут посадили пилота на космоскаф, который угнал Ди. На обратном пути его вместе с эскортом атаковали. Судя по конфигурации, корабли были сангарийские. Лишь один из них уцелел. Вульф и Гельмут были вынуждены дать ему уйти. Его экипаж сумел отбить у них каталки с Бенджаменом и Гельмутом. Небесные сейнеры проследили за кораблем и сообщили, что он совершил посадку в Мире Хельги.

— Ну вот, все придется начинать сначала, — простонал Шторм со своей каталки.

— Нет, — сказал Гельмут, болезненно поморщившись. — Мы теперь в гораздо худшем положении. Звездоловы говорят, что Майкл и Феарчайлд этим утром прибыли в Черный Мир.

— Это невозможно! — Сердце у Шторма заколотилось так, что системы, встроенные в коляску, тут же впрыснули ему дозу успокоительного.

— Возможно, как видишь, — сказал Вульф. — Его вытащила жена. Она в то время находилась в Мире Хельги. Майкл связался с ней по инстелу во время погони. И она взлетела и вела вас до самой тюрьмы. Во всяком случае, так рассказывают в Черном Мире.

— Он что, успел обзавестись новой женой?

— Мы знаем только то, что было в сводках, — пробурчал Гельмут. — Нет, это его прежняя жена. Я тоже считал, что она погибла. Но наш человек перехватил их разговор с Сетом-Беспредельным. Он даже узнал, как она проследила за Ди.

— И как же?

— Широкополосный инстелный передатчик ограниченного радиуса. Майкл, перед тем как его схватили, проглотил одну маленькую штучку. Работала она недолго, но все-таки достаточно, чтобы привести жену Майкла в астероидную зону.

— Нам предъявили ультиматум?

— В ту самую минуту, когда рейдер совершил посадку, — ответил Вульф. — Конечно же, без подписи. Либо мы принимаем контракт, составленный в Черном Мире, либо никогда больше не увидим Бенджамена и Гомера. Полагаю, они попытаются затем с ходу подмять под себя Корпорацию Блейков.

Шторм откинулся назад и неподвижно уставился в блеклый потолок. Никакой подписи и не требовалось, он прекрасно знал, от кого пришло это послание. От Хельги Ди. Она даже не потрудилась замести за собой следы. В первую минуту у него возникло сильное искушение наплевать на ультиматум. Конечно, Бенджамен и Гомер — плоть от плоти его, но на другой чаше весов — жизни тех легионеров, что погибнут в бою.

— Каков уровень нашей боеготовности?

— Готовы. Мы можем выступить в любой момент.

— Выставляйте троянского коня, — приказал Шторм.

Никто не стал ему перечить. Никто не выказал удивления. Шторм был поражен. Ведь в свое время, когда он предложил этот план на случай непредвиденных обстоятельств, его едва не подняли на смех. Никто не допускал возможности, что однажды им понадобится ворваться в Фестунг Тодесангст.

— Операция началась в тот день, когда сбежал Майкл, — сказал Вульф. — Мы уже засекли одного из воронов Хельги. Вчера Цейслак захватил этот корабль. Сейчас он на пути в Мир Хельги.

В первый раз за долгое время Шторм улыбнулся. Хейкс Цейслак — отличный молодой офицер, жаждущий крови, и с хорошим чутьем в десантных операциях. Если кто-то и способен проскользнуть в Фестунг Тодесангст, замаскировав десант легионеров под трупы, так это он.

— Сколько у него людей? И все ли они добровольцы? Не думаю, что Хельга взорвет планету, если не решит, что ей все равно конец, но я не хочу, чтобы люди рисковали вопреки своему желанию.

— Полный батальон. Все добровольцы. И еще тысячу пришлось отсеять. Бойцы думали, что вас тоже придется вызволять. Цейслак отобрал, кого хотел.

— Хорошо. Мы отправимся в Черный Мир. Устроим отвлекающую заварушку, чтобы Цейслак мог сделать свое дело. Цейслаку понадобится много времени на выжидание. Если он посадит ворона вне расписания, Хельга почует нашу работу.

— Ему потребуется почти пять месяцев. — Гельмут пожал плечами, словно оправдываясь. — Это единственный ворон, которого нам удалось отыскать.

— В Черном Мире нам будет очень не хватать Цейслака, — сказал Вульф. — Я изучал расстановку сил. Позиция у Блейка настолько сильнее, чем может создать себе Ричард, что Хоксблад пустит в ход всю свою хитрость.

— Еще бы, — согласился Шторм. — Иначе он не был бы Ричардом Хоксбладом. Он не стал бы ввязываться в это дело, если бы не верил в победу. Если станет туго, нам Цейслака будет здорово не хватать.

— Моего друга Бэкхарта можно подговорить, чтобы он взял дело в свои руки, — сказал Кассий. — Если мы представим ему доказательства связи между Хельгой и сангарийцами.

Маус почувствовал, что он теряет нить рассуждений.

— А почему для него это так важно? — спросил он.

— Тогда у него появится предлог, чтобы вмешаться в войну между частными формированиями, — объяснил ему отец. — А когда он ввяжется в нее, мы сможем захватить Мир Хельги для Луны-Командной. Сангарийцы дадут ему отличный causus belli*.

— Я знаю, что они изучали ситуацию, прикидывали, во что обойдется вытащить ее оттуда и как использовать для этого нас, — сказал Кассий. — Основной план выглядел примерно так: забить ее оборону ракетным огнем, чтобы ничего живого не осталось. Они хотели бы, чтобы мы открыли им двери, а они заберут самый лакомый кусочек — всю информацию.

— Организуйте это дело, — приказал Шторм.

---

* повод к войне *(лат.)*.

— А ты уверен, что это нужно? Он возьмет планету, и правительство получит возможность прижать к ногтю любую корпорацию в этом районе.

— Я знаю, — сказал Шторм. — Знаю. Но сейчас все ходы для нас заведомо проигрышные.

— А что с Корпорацией Блейков? — спросил Гельмут. — Последние две недели они хнычут, как дети малые. У меня есть один парень в Межзвездной Связи, который их круглосуточно прослушивает.

— Пусть продолжает. А ты тем временем начинай подготовку. Застань их врасплох. А я подключусь, как только доктора меня отпустят.

— Да, и вот еще что... — начал Вульф, когда Маус уже увозил каталку с отцом.

— Ну? — Шторм даже дернулся на каталке. — Какую еще пакостную новость ты для меня припас?

— Пакостную или хорошую — кто знает? Так вот, пришло послание от Люцифера. Он сильно озадачен. По всем сведениям выходит, что его жена — агент. Работает на Блейка.

— Ну и какое это теперь имеет значение?

— Может быть, и никакого. Но все-таки ответьте мне, полковник: зачем ее к нам внедрили? Ведь она спуталась с Люцифером еще раньше, чем заварилась вся эта каша. Я так понимаю, что к Теневой Линии она никакого отношения не имеет.

— Все мы — колесики, — заметил Кассий и осторожно положил руку Маусу на плечо. — Колесо вращает колесо, а зачем — и само не знает.

— Эх-х... — простонал Шторм. — Маус, вези меня вниз.

Железная Крепость превратилась в цитадель уныния. Улыбки исчезли. Легион извивался, как червяк на крючке. И ждал поклевки большой рыбы.

— Скажи, отец, положение безнадежное? — спросил Маус.

— Похоже на то, Маус. Похоже. Но чем черт не шутит — вдруг мы обдурим их всех? Перед Штормом темнее всего.

— Это что, каламбур?

— Шутить семейным именем? Упаси Господь.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ:
3028—3031 годы н.э.

Мойра старалась привыкнуть к имени, которым ей предстояло назваться в Уэйдерендере. Еще больше сил она прикладывала, чтобы стать художником-творцом. Но здесь ее ждал полный крах. Она обладала лишь одним талантом — актерским.

— Ну что же, я думаю, сойдет, — буркнул Блейк.

— Сойдет? А разве что-нибудь не так? Все вполне легально. Да и драматург Уайт говорит, что Янос Касафирек...

— Я же сказал, что годится. — Блейк улыбнулся. — Он был ко мне еще придирчивее, чем вы, юная леди. И сказал, что это — ваше будущее.

Мойра вошла во вкус. Она получала возможность заниматься любимым делом... Девушка стала заучивать классические драмы, созданные на Старой Земле, особенно много — из елизаветинской эпохи. Она сходила с ума от Шекспира. А драматург Уайт в свою очередь просто терял дар речи от восторга, когда видел ее в роли Офелии.

У Мойры словно крылья выросли за спиной. Благодаря Блейку сбывались ее самые невероятные фантазии. Подумать только — она будет учиться у великого Касафирека.

— Небольшое изменение плана, — сказал Блейк незадолго до ее отправки. — В Сумеречном Городе опять ужесточили режим безопасности. Так что ты станешь Поллианной уже здесь, а не во время пересадки на Уэйдерендере.

В списке пассажиров ее записали как путешествующую дочь Аманты Эйт, помощницы министра торговли Конфедерации. Такая дама действительно существовала, но всегда оставалась достаточно незаметной, чтобы вызвать трепет у местных чиновников. Как правило, в тени старались держаться именно те, кто обладал на Луне-Командной реальной властью. Совпадение фамилий оказалось даром Божьим.

Мойра ждала, что ей будет легче за пределами Черного Мира. Новая роль больше соответствовала ее реальной натуре, чем та, которую ей приходилось разыгрывать в Эджворде. Девушка снова и снова возвращалась мыслями к актерской карьере, она буквально грезила наяву. Раньше она никогда об

этом не думала — актрисе нечего было делать в Эджворде. А она не собиралась покидать дом. Разве что — чтобы найти Плейнфилда.

И вот настало время улетать. Нехотя побрела Мойра к шлюзу краулера. Старая жизнь ее на этом заканчивалась и начиналась новая. Сомнения вновь закрались в ее душу.

— Альбин! А ты что здесь делаешь?

— Босс приказал мне ехать с тобой.

Заметив Блейка, она подбежала к его креслу и быстро чмокнула в щеку.

— Спасибо вам за Альбина. Теперь мне не так страшно.

— Я так и подумал. И еще я думал, что мы можем выяснить что-нибудь в Сумеречном Городе, а Альбин знает его вдоль и поперек. Ну, будь умницей, Мойра. И будь осторожна. Тебе придется иметь дело с очень странным и опасным человеком.

— Все будет хорошо.

По дороге в Сумеречный Город она развеселилась. Мойра никогда прежде не была снаружи купола. Теперь она взглянула на мир, в котором жила, в совершенно новой перспективе.

Ночные ландшафты проплывали мимо бледными призраками. Под воздействием красоты Мойры и ее экзотического цвета кожи члены экипажа стали необычайно словоохотливыми и все время рассказывали о памятных местах дороги. Вот здесь случилось то, а здесь это. А вон в той стороне — потрясающая гора, уходящая вверх на тысячу метров, но ее не видно из-за темноты. Все эти люди были родом из Города Ночи и не знали ее. Девушка отработала на них свою легенду. Окончательно вжившись в роль Поллианны, она врала напропалую о жизни на Луне-Командной.

В Сумеречный Город она прибыла бодрой и веселой.

Но очень быстро настроение ее испортилось.

На первый взгляд Сумеречный Город казался двойником Эджворда. Она только собралась сказать об этом Корандо, как проявился человеческий фактор.

Два мрачного вида полицейских начали проверку документов у пассажиров, едва сбросивших теплозащитные костюмы. Особенно по-хамски они вели себя с эджвордцами, хотя с экипажем из Ночного Города и гражданами Темных Земель тоже не слишком церемонились. Это были настоящие

садисты, упивающиеся собственной властью, — именно благодаря таким полицейских повсюду недолюбливают. Когда они принялись за Корандо, у Поллианны лопнуло терпение.

— Эй ты! — рявкнула она, подбирая слова так же тщательно, как палач — ножички для пытки. — Да-да, ты, у которого свиная задница вместо лица. А нос — как раздавленное собачье дерьмо. И так всем ясно, что мать твоя крупно просчиталась, когда отказалась от аборта. Так зачем это лишний раз доказывать? Поколоти лучше свою жену, если хочешь почувствовать себя мужчиной.

Корандо бросил на нее отчаянный взгляд, будто хотел сказать: «Заткнись!» Она только усмехнулась.

Полицейские просто остолбенели. Остальные пассажиры не знали, куда глаза девать.

А когда оцепенение прошло, субъект, которого она оскорбила, злорадно ухмыльнулся. Он нашел себе жертву.

— А ну-ка документы, сучка!

Но тут же злость сменилась неуверенностью. Он посмотрел на нее, на ее проездные документы. Белая. Значит, уроженка другого мира. Женщина, и молодая. Скорее всего дочь какой-нибудь шишки.

— Давай-ка их сюда, Хамп, — сказал его напарник. — И успокойся.

— А вы читать умеете? — удивилась Поллианна. — Вот уж не подумала бы!

Она не ожидала, что они ее так легко отпустят. Но, увидев печати на ее паспорте, офицер стал невероятно предупредителен.

— Спокойно, Хамп. Эта лапонька с самой Луны-Командной.

Хамп выхватил у него документ, бегло просмотрел записи в нем, и глаза его округлились от удивления. Он швырнул паспорт Поллианне.

— Сильно умная, да? Ладно, я тут за тобой прослежу!

— Ты, наверное, в своего папашу таким уродился. — Девушка уже слегка напугалась. Ей пришлось пересилить себя, чтобы держаться с прежней дерзостью. — Он твоей мамаше тоже никогда не простил. — И прежде чем полицейский успел что-то ответить, добавила уже мягче: — Немного вежливости никогда не повредит, офицер. Как вы с людьми, так и они с вами будут.

Сказав это, она с решительным видом удалилась.

Корандо подошел, когда она уже перекусывала в станционном буфете.

— Это было не слишком разумно, Полли. Но я оценил твой поступок. Офицер обо мне даже думать забыл.

На случай слежки они изобразили дело так, будто только что познакомились. Корандо сказал, что будет контролировать ее пожестче, чем планировал вначале. Иначе она впутается в какую-нибудь историю.

Старик не просто усилил контроль. Он прилип к ней как банный лист. Он даже не нашел времени опросить агента, внедренного Блейком, и не отходил от Мойры до тех пор, пока не убедился, что ее зачислили в Моделмог.

Путешествие туда стало захватывающим приключением — до сих пор для них обоих вселенная ограничивалась пределами Эджворда. Космический полет выглядел как визит под купол счастливого будущего. Огромные звездные лайнеры были настоящими летающими отелями.

Но от уэйдерендерской станции впечатление осталось несколько иное. Огромное устремленное в небо круглое здание отпугивало своей необычностью. Почти все время, отпущенное на стоянку, Поллианна и Корандо провели в гостиничном номере.

Поллианна помнила Уэйдерендер. Она уже бывала здесь, правда, так давно, что лишь ощущение страха осталось у нее в памяти. Они спасались бегством от людей, которые собирались убить ее спутников. Сейчас ей казалось невыносимым ходить по всем этим туннелям, магазинам, забегаловкам, полным жителей других миров: токе, улантидов, звездоловов и прочего странного народа. Девушку тут же начинал колотить озноб, сердце наполнялось предчувствием чего-то ужасного.

Без Корандо она бы этого не вынесла.

Постепенно она отвела ему в своей жизни место, которое раньше занимал Фрог. Он принял эту роль.

Гора тоже ее пугала. В этом необычайно мягком по своим природным условиям мире не хватало того, что давало обитателям Черного Мира ощущение безопасности, — купола. Ни она, ни Корандо так и не смогли привыкнуть к жизни под открытым небом.

Познакомиться с Люцифером Штормом оказалось делом простым. Не успела она опомниться, как уже спала с ним, а потом влюбилась и вышла за него замуж.

Яноса Касафирека способности девушки тоже впечатлили, к немалому ее удивлению и восторгу. Ведь он слыл суровым, зачастую даже беспощадным критиком.

Какое-то время такая жизнь ее вполне устраивала — вот только с Корандо ей хотелось бы видеться почаще. Альбин стал той ниточкой, что соединяла ее с прошлым и с домом.

А спустя год после их прибытия на Гору Альбин объявил, что возвращается домой. Мойра воспротивилась.

— Там неприятности, — сказал ей Корандо. — Стычки на Теневой Линии.

— А ты чем им можешь помочь?

— Не знаю. Но мистеру Блейку я наверняка пригожусь. Успокойся, Полли. Ты уже прочно здесь утвердилась. А я стал для тебя балластом.

Она плакала, просила, настаивала. И все-таки Корандо улетел.

Впоследствии, оглядываясь назад, Мойра пришла к выводу, что именно с того дня все пошло в ее жизни наперекосяк.

Во время ее пребывания в Моделмоге отец Люцифера и Ричард Хоксблад затеяли небольшую войну на Сломанных Крыльях. От этих новостей Люцифер заметно занервничал. Она пыталась его успокоить, но очень скоро сама с головой окунулась в гущу событий и теперь с нетерпением ожидала обрывочных донесений из Железной Крепости и перепрыгивала с одной волны на другую, ловя выпуск новостей. В первый раз война между наемниками разворачивалась буквально у нее на глазах. Девушка была заинтригована: она видела сложные ходы, борьбу каких-то загадочных личностей. Люцифер же, напротив, вскоре потерял к боевым действиям всякий интерес и стал крайне неодобрительно относиться к ее новому увлечению.

Ее ждало разочарование — война закончилась слишком скоро.

Прошло еще несколько месяцев, и Люцифер объявил:

— Пора нам отправляться домой. Я получил шифрограмму от своего брата Бенджамена. Надвигается что-то скверное.

— В Крепость? — с волнением спросила она. Значит, теперь она еще на один шаг приблизится к Плейнфилду. И к наемникам, которые оказались такими интересными людьми. Отец Люцифера прилетал к ним на свадьбу. Какой странный завораживающий старик. Ему ведь две сотни лет! Он — живой осколок истории. А Кассий — этот еще старше, — а братья Люцифера... Таких не встретишь в Черном Мире или на Горе.

Эйфория медового месяца быстро прошла, и ей самой тоже не очень-то хотелось здесь задерживаться, хотя, конечно, жаль было оставлять учебу и Яноса Касафирека.

— Я не хочу улетать отсюда, — объяснял ей Люцифер. — Но приходится. Я понимаю, это жестоко — прерывать твои занятия, ты ведь подаешь большие надежды.

— Ничего страшного. Правда. Янос стал слишком властным. Боюсь, у меня скоро лопнет терпение. Нам обоим нужно чуть поостыть.

Люцифер посмотрел на нее как-то странно, но ничего не сказал.

После возвращения в Крепость его как подменили. Куда только девались прежнее веселье, молодой задор, поэтическое вдохновение? Он стал угрюмым, замкнутым и, стараясь подладиться под жизнь Легиона, все больше отдалялся от Поллианны. Легион, в свою очередь, старался привыкнуть к нему. Однако, как Люцифер ни старался, он так и не смог слиться с Легионом полностью.

Не созданный для войны, он мало чем мог помочь своим товарищам в это мрачное время. И Поллианна видела это не хуже других. Лишь сам Люцифер упорно этого не замечал, оказавшись кем-то вроде пескарика в стае акул, причем убеждавшим, что он тоже большой.

А все свои обиды он вымещал на Поллианне.

Понимание причин, по которым Люцифер мучает ее, не ослабляло боль. Ведь всякое понимание имеет свои пределы.

Одиночество, неуверенность в себе, тоска и дух противоречия толкнули ее в объятия другого мужчины. Потом еще одного, еще... С каждым разом все упрощалось. С каждым разом она падала в собственных глазах. Наконец дошла очередь и до Шторма-старшего. Вначале это был вызов, а потом он стал напоминать ей Фрога. С ним она испытывала момен-

ты подлинного спокойствия. Он был мягким, рассудительным и внимательным к ней, хотя и каким-то отчужденным. Порой ей казалось, что в моменты их близости она сжимает в руках тело, спроецированное из другой плоскости, некое живое воплощение божества. Это качество еще отчетливее выявилось у подручных Шторма — старого, похожего на призрак Кассия и Дарксордов.

В конце концов появился Плейнфилд, носящий здесь имя Майкл Ди. Их встреча вызывала у нее трепет. Поллианна не сомневалась — либо ненависть ее прорвется наружу, либо Майкл ее вспомнит.

Он не вспомнил и не почувствовал ее ненависти. И тут все стало развиваться столь стремительно, что вскоре события совершенно вышли из-под контроля. Поллианна сама не заметила, как оказалась вместе с Плейнфилдом на корабле, держащем курс на Старую Землю, и в конечном счете попала к Ричарду Хоксбладу.

Теперь жизнь напоминала ей старинное черно-белое кино — она была такая же порывистая и ошеломляющая. И хотя сюжет развивался по сценарию Блейка, ее не покидало чувство, что все рушится.

Брак, который так много значил для нее, превратился в пустой звук. Она испытывала к себе отвращение. Порой, когда Поллианна лежала подле спящего Плейнфилда, ей являлся призрак Фрога и говорил, что ничего не стоит той цены, которую она платит.

Дальше стало еще хуже. Шторм заставил ее вернуться в Крепость. Поллианна убила бы Плейнфилда еще тогда, не будь она связана обязательствами перед Блейком, Корандо и родным городом.

Она страдала от особого рода одиночества, неведомого ей в Эджворде. Появилось такое чувство, будто она затесалась среди людей совершенно чуждых ей по расе. Мужчины помогали забыться на несколько минут, но, уходя, каждый любовник забирал у нее частицу самоуважения.

А потом Плейнфилда было уже не достать — он сбежал с телами двоих сыновей Шторма. Она едва не покончила с собой.

Лишь призрак Фрога образумил ее, назвав маленькой дурочкой.

Она вновь вспомнила о своем долге перед Эджвордом. Полианна достаточно прожила среди солдат, чтобы почувствовать себя солдатом своего города. И это помогло ей выстоять.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ:
3052 год н.э.

Насколько важно место само по себе? «Место — всего лишь место», — скажешь ты. «А вот и нет!» — возражу я. Ты либо соответствуешь месту, либо нет. Если да, то оно проникает в твое сердце, в твою плоть, пронизывает тебя до мозга костей, ты знаешь его, не задумываясь об этом, и оно хранит в себе знание о тебе. Вам уютно вместе. Вы — партнеры. Ты знаешь все его причуды, все дурные привычки и знаешь, как с ними бороться. Если же ты чужак...

Та же разница, что между новыми и старыми ботинками. Надеть можно и те, и эти, но если не успеешь разносить новые, они могут тебе доставить неприятные минуты.

Такой вот парой новых ботинок и стал Черный Мир для моего отца и Железного Легиона.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ:
3031 год н.э.

Космопортовский краулер вполз на перевал в Белых Горах. Шторм впервые увидел Эджворд.

— Как будто полная луна поднимается, — мечтательно проговорил он. — Или камень упал в темную воду, а вокруг разлетелись алмазные брызги.

Половина городского купола, освещенного изнутри, выглядывала из-за окружавшей ее стены.

Адъютант бросил на него озадаченный взгляд. Шторм почувствовал его, но не подал виду. Он потянулся было к футляру кларнета, но тут же убрал руку, решив, что в этой ржавой развалине, скрипучей и тряской, все равно толком не поиграешь.

Но надо было чем-то снять напряжение. Такой нервной нагрузки у него уже сто лет не было.

Он вернулся к изучению шифрограмм, лежащих у него на коленях. Они были выдержаны в сжатой, беспристрастной манере Кассия. Оперативные данные и аналитические расчеты подводили к совершенно невероятному выводу. На Блейка насела Корпорация Мичем. У них хуже было с обеспечением, но выигрыш во времени они использовали как надо. Мичемы запустили военные краулеры в производство еще много лет назад. И вот теперь двадцать четыре ползучих чудовища встали лагерем на Теневой Линии на тысячу километров западнее теневой станции Блейка. И сковырнуть их оттуда будет трудно.

Линии снабжения Ричарда, обеспечивающие также все предприятия Мичемов на оконечности Теневой Линии, из-под тени Блейка было не достать. Они были слишком далеко на Солнечной Стороне, и даже самый мощный чартер был бы не способен нанести удар и скрыться.

По словам Кассия, между всеми сторонами действовала негласная договоренность — избегать конфликтов на Темной Стороне. А потому Блейк и слушать не желал о лобовых ударах. Он настаивал, чтобы зона боевых действий была ограничена Солнечной Стороной.

— Идиоты! — буркнул Шторм, на миг охваченный жаждой крови. — Чего проще — дойти по прямой до Сумеречного Города, продырявить им купол, а потом, когда сдадутся, — дать чего-нибудь подышать. И все — дело в шляпе.

Он рассмеялся — наверняка Ричард подумал то же самое.

Конфликты между наемниками редко бывали просты. Корпорации хоть и рвутся в бой, но редко кто согласится рисковать синицей в руке. Вот журавлем в небе — это еще куда ни шло.

Он видел единственный положительный момент — сейнеры где-то рядом и всегда готовы помочь со связью. Ему крупно повезло, что однажды, поддавшись минутному порыву, он помог Пруди и ее народу. Звездоловы услуг не забывают.

Милая Пруди. Что-то стало сейчас с этой красавицей? Возможно, отыщи он ее сейчас, она даже и взглянуть бы на себя не позволила. Звездоловы не любят бороться с Природой. Она должна быть уже старухой.

Шторм снова принялся перебирать донесения, заставив себя вернуться мыслями к Теневой Линии.

Он обдумывал предложение Кассия нанести удар по плацдарму Ричарда, пока краулер не зарулил на стоянку в Эджворде. Шторм считал, что это вполне реальное решение, хотя для верности нужно провести его через инженеров заказчика, специалистов по Солнечной Стороне. Да еще через Совет Директоров. Этим сукиным детям обязательно надо высказать свои ценные соображения.

Блейк встретил его лично. Эта небольшая любезность произвела на Шторма впечатление, поскольку этому человеку трудно было передвигаться.

— Крейтон Блейк, — представился темнокожий человек и протянул руку. — Рад вашему прибытию. Вы окончательно поправились?

— Как новенький. Доктора у нас превосходные. — Он перевел взгляд на человека, расположившегося у Блейка за спиной. Тот показался ему смутно знакомым. — В Крепости оборудована первоклассная больница. Не хотите ли обратиться в нашу лабораторию по отращиванию конечностей?

— Знаете, пожалуй, нет. Я как-то привык без ног. Более того, это дает мне моральное преимущество над Советом Директоров. Каждый раз, измываясь над калекой, они потом чувствуют себя последними мерзавцами. — Он ухмыльнулся. — Против этих разбойников все средства хороши. Ах да, прошу прощения — знаете, я ведь не привык общаться с людьми извне, а мы здесь все друг друга знаем — так вот, джентльмена, что меня сопровождает, зовут Альбин Корандо. Он и есть мои ноги. А также мой телохранитель, компаньон, моя совесть и мой камердинер.

— Мистер Корандо, — сказал Шторм, пожимая ему руку. — Мы уже встречались с вами на Большой Сахарной Горе. На свадьбе.

Корандо вздрогнул от неожиданности и посмотрел на Блейка. Тот легонько кивнул.

— Да, сэр.

Шторм улыбнулся:

— Ну вот, так я и думал. Отсюда мы пойдем пешком? Куда прикажете идти?

— А у вас хорошая память, полковник, — сказал Блейк. — Уверен, вы видели Альбина каких-то несколько секунд.

— А зачем?

— Простите, не понял?

— Зачем вы подослали ко мне Поллианну?

— Ах вот оно что! Так вы все знаете... — хмыкнул Блейк. — Вообще-то говоря, я метил не в вас. В то время вы не представляли для меня интереса. Ваш брат Майкл — вот за кем мы охотились. Мы даже сумели их свести — но тут вы спутали нам все карты.

— Ну, раз уж разговор пошел начистоту, объясните, зачем вам это понадобилось?

Блейк объяснил. И еще прежде, чем он закончил свой рассказ, Шторм в очередной раз пожалел о так неосторожно данном обязательстве защищать брата. Похоже, здесь, в Черном Мире, Майкл превзошел самого себя.

— А теперь о Теневой Линии, — сказал он, стараясь не обращать внимания на сотни провожавших их любопытных глаз. — До какой степени мне позволено вмешиваться в местные дела? Я уже знаю от Кассия, что вы исключаете возможность прямых ударов в районе Сумеречного Города, а также боевые действия по эту сторону Края Мира.

— Все это должно выглядеть как война Блейка с Мичемами, а не Эджворда с Сумеречным Городом. Мы стараемся подчеркивать такое различие. И мирное население не должно пострадать.

Шторм окинул Блейка циничным взглядом и понял, что человек этот подразумевает именно то, что он сказал. Это его удивило. Когда ему последний раз приходилось работать на совестливого человека? Кажется, никогда.

Гуманные порывы Блейка могли привести к неоправданным потерям.

— Вы мне не ответили.

— Я не доставлю вам больших хлопот. Я не генерал и готов это признать. Но Совет Директоров вряд ли займет такую же позицию — ваш полковник Вальтерс это уже понял. Они не хотят делать машины для использования не на производстве. Наверное, думают, что вы станете воевать в пешем строю.

— Какой процент акций вы контролируете?

— Тридцать восемь процентов. А что?

— Среди директоров есть ваши люди?

— Обычно я могу найти к ним подход.

— Вы назначите меня своим представителем на время боевых действий?

— Простите?

— Одним из моих условий было пять процентов голосующих акций и место в Совете Директоров.

— Оно было отвергнуто. Единогласно, могу добавить.

— А где моя штаб-квартира?

— Позади депо. В старом ремонтном ангаре. Куда это вы собрались?

— Хочу забрать свои игрушки и податься домой. Контракта нет, и я зря теряю время.

— Домой? Полковник Шторм... Вы это серьезно? Хотите нас бросить?

— Еще бы не серьезно, черт побери. Или все будет делаться по-моему, или вообще никак. Я не Галахад и не Робин Гуд. Я — бизнесмен. Бухгалтеры подсчитают, сколько вы мне остались должны за транспорт, включая техобслуживание. Неустойку, так и быть, я с вас взыскивать не стану.

— Но...

— Или вы хотите попробовать на прочность ваш антиметеоритный экран? Посмотреть, устоит ли он под главным калибром тяжелого крейсера?

— Мы считали этот пункт несущественным.

— В контракте не было несущественных пунктов, мистер Блейк. Вам представили контракт и предупредили, что его можно либо принять, либо отвергнуть. На этом рынке командует продавец. Вы ведь армию нанимаете, а не какого-нибудь выжившего из ума зверобоя со Старой Земли. Вы хоть представляете, во что обходится содержать дивизию в готовности, даже в мирное время? Так вот, победит Легион, проиграет или закончит войну вничью, но он получит пять процентов, отсрочку платежей на двадцать лет, покрытие всех расходов, гарантии возмещения поврежденной техники...

— Сказать честно, полковник Вальтерс говорил то же самое. Но мы надеялись...

— Найдите кого-нибудь другого. Вот ван Бреда Колффс ищет работу. Но он возьмет ненамного дешевле.

— Полковник, вы нас убедили. Без вас нам не обойтись. Совет Директоров поплачет, но деваться ему некуда. Из-за их возни мы уже непозволительно отстали.

— У меня нет времени на эти игры, мистер Блейк.

— До этих кретинов уже стало доходить. Они видят, что Теневая Линия ускользает у них между пальцев, как сухой песок. И хотят вернуть утраченное. Так что вы можете нас нагреть и на больше.

Шторм видел, что Блейк едва сдерживает злорадство. Чувствовалось — в Совете Директоров ему приходится несладко.

Он понял почему, когда его представили этой шайке старых разбойников в креслах. Каждый рад был бы поставить подножку такому сопляку, как Блейк, только за то, что он так рано получил власть.

Там Шторм повторил свое выступление разгневанной примадонны, после чего с решительным видом удалился. А после часа жарких дебатов к нему вышел Блейк, чтобы сообщить: его компаньоны приняли контракт с достоинством девственницы, смиряющейся с неизбежным изнасилованием. Шторм вернулся в кабинет, лишь чтобы напомнить, что случилось с клиентами, нарушившими контракт с кондотьером. Бандитские глаза директоров светились гневом. Шторм знал — они так и не сдались окончательно.

Казалось бы, какое ему до этого дело? Но он уже не мог игнорировать свое предчувствие. Черный Мир — это их погибель. Последняя страница его истории будет написана на этой адской планете. Так какая разница, что будет за контракт?

Крепость — вот что важно. Даже если весь Легион найдет здесь смерть без воскрешения, останутся люди в Крепости. Отставники, женщины и дети, нуждающиеся в поддержке. Остается лишь надеяться, что Маус справится с астероидом. Да, отдать такую империю в руки мальчика...

Он вошел в апартаменты, приготовленные для него адъютантом. Следом трусили Гери и Фреки, вороноящеры, нахохлившись, провожали его взглядом закрытых колпачками глаз. Разгуливая по комнатам, он заиграл на кларнете «Чужака на берегу». Он играл снова и снова, каждый раз все печальнее. Шторм валился с ног от усталости, но был слишком взвинчен, чтобы отдыхать. Мысли беспорядочно перескакивали с

одного на другое, словно рыбка, мечущаяся по аквариуму в поисках несуществующего выхода.

Бедная Поллианна. Что из нее сделали — а она ведь еще совсем молодая. Наверное, этот Фрог был крепкий орешек. Нужно сказать Маусу — пусть отправит ее домой. Нет ей смысла продолжать эту игру.

Бедный Люцифер. Им играли, как пешкой. Как бы не исчезло теперь его поэтическое зрение. Даст Бог, мальчик теперь вспомнит о своем таланте.

Бедный Гомер. Бедный Бенджамен. Ушли на муки в этот ад под названием Мир Хельги. Вызволит ли их оттуда Цейслак? Хейкс — лучший из офицеров-коммандос, но шансы его невелики. Фестунг Тодесангст — действительно Фестунг*.

Бедная Фрида. Она вот-вот потеряет мужа, которого у нее, в сущности, не было. Слишком уж мало хорошего она от него видела.

Шторм не мог думать о жене без чувства вины, хотя она и была дочерью солдата и знала, за кого выходит замуж. Несмотря на все ее причуды, Фрида была лучшей из всех его жен. По-своему.

Бедные все, подумал Шторм. На этот раз победителя не будет. Даже сангариец Диф им не станет. Этот мастер прятаться в тени очень быстро поймет: Теневая Линия — слишком горячая штука, ее долго в руках не удержишь. Бедный Маус. Рычаг в руках мертвеца, который обрушит безумие сангарийца на его собственный дом...

Наконец Шторм достаточно успокоился, чтобы забыться в тревожном сне. Но сны не приносили ему покоя. Покой обещала лишь смерть.

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ:
3031 год н.э.

Шторм не донимал расспросами водителя вездехода и вообще старался его не отвлекать. На инструктаже было сказано, что от операторов потребуется предельное внимание. Зато он без устали крутил головой, разглядывая приборы, дисплеи и любуясь точными движениями профессионала-оператора.

* Фестунг — крепость (*нем.* Festung).

Когда колонна начала переход к Теневой Линии, у Шторма просто дух захватило. Никогда не доводилось ему видеть что-то подобное. Все описания Солнечной Стороны оказались пустым звуком по сравнению с адской реальностью. Он не мог даже представить себе, что творится по ту сторону интерфейсов приборов и фильтров. Мимо плыло километровое озеро расплавленного металла. Он взглянул на экран заднего обзора и увидел изморозь, образованную пылью тугоплавких металлов.

Жара, царившая здесь, просто не поддавалась осмыслению.

Колонна состояла из пятидесяти краулеров, везущих войска и груз. В идеале им следовало сложить груз у подножия Теневой Линии и дать легионерам продвигаться от теневой станции самостоятельно. Но Шторм и Кассий опасались, что вакуумная защита их техники не выдержит тяготы пути до Теневой Линии. И решили транспортировать эту технику до конечного пункта.

Таким образом, передислокация Легиона затягивалась на несколько месяцев. После прибытия Кассия для перевозки использовался каждый выходящий из города краулер, и все-таки до сих пор лишь половину Легиона перебросили к Теневой Линии.

Силы, которые Шторм вел к очагу конфликта, состояли из нескольких батальонов: саперного, артиллерийского, бронетанкового и пехотного. Вспомогательные части собирались рассредоточить по ходу следования. Он не собирался немедленно вступать в бой. Боевые части сопровождали колонну только для защиты саперов, подготавливающих удар по блокпосту Ричарда.

Кассий уже с самого начала принялся за технические работы. Он соорудил несколько главных баз через каждые сто километров, расставил между ними вспомогательные базы, возвел купола госпиталей, реабилитационных центров и тысячи небольших надувных убежищ, чтобы у людей, работающих в теплозащитных костюмах, в случае аварии оставался шанс выжить. Он также установил россыпь ретрансляторов, расширил уже имеющиеся дороги и провел подробную топографическую разведку местности, нанеся на карту участки, наиболее пригодные для обороны.

И чем больше сужалось предполагаемое поле боя, тем тщательнее и всестороннее велась подготовительная работа. Кассий дотошно вникал в каждую мелочь. С помощью братьев Дарксордов и при наличии времени он проверил бы все, до последнего бризантного снаряда, которые Шторм выбрал основным видом тяжелого вооружения.

«Теневая Линия уже загромождена до предела», — думал Шторм, изучая изображения на дисплеях. У подножия ее занят каждый квадратный метр тени. А работа едва началась. Начать хотя бы ограниченные боевые действия можно будет не раньше, чем через месяц.

Интересно, насколько труднее пришлось Ричарду? Ведь протяженность его линий неизмеримо большая.

Разведчики Шторма наткнулись на передовые посты Ричарда в двадцати пяти километрах от его временного лагеря. Он остановился и стал окапываться, а тем временем пехота завязывала отдельные мелкие стычки. Он распределил артиллерию так, чтобы она могла отбить любую вылазку. А бронемашины оттянул с передовой, оставив в резерве, чтобы бросить их в бой в случае прорыва.

Теперь атаковать мог бы только Ричард. Но Шторм считал это маловероятным. Хоксблад выполнял оборонительную операцию. Его задача состояла в защите проекта Мичемов на оконечности Теневой Линии от любого вмешательства. Ему надо было только сидеть и ждать развития событий.

Укрепив позиции, Шторм стал сосредоточенно размышлять, как ему обойти Хоксблада с фланга и атаковать с самого неожиданного направления.

Хоксблад мог предвидеть такой маневр заранее и наверняка установил свои самые тяжелые орудия так, чтобы накрыть огнем все, что покажется со стороны солнца.

Саперы Шторма подорвали в тылу, в пятидесяти километрах от передовой, заряды, уничтожив участок горного хребта шириной в сотню метров и выбросив в тень мегатонны каменной крошки. Они подсчитали, что на расчистку обломков уйдет месяц, а затем еще пять—десять дней на прокладку краулерной дороги вверх.

Шторм не был уверен, что движение поверху что-то им даст. Если Ричард догадается, что произошло, то это будет все

равно что писать против ветра. А если он предвидел такой маневр заранее, то все обернется катастрофой.

Но эта альтернатива была лучше других. Атаковать со стороны солнца — дорого и опасно. Атаковать по самой Теневой Линии — самоубийство.

Позиционное и техническое преимущество было на стороне Хоксблада. И все же Шторм верил, что сможет победить. Один путь — пойти напролом, навалиться на противника всей мощью Легиона. Таким образом они навяжут противнику войну на истощение, при которой у обеих сторон быстро тают ресурсы. И тогда сам масштаб материально-технического снабжения обернется против Ричарда, собственные машины обескровят его армию.

Но это означало устроить кровавую баню. Шторм ее не хотел. Так же, как и его противник. Их устраивала маневренная война, но не всеобщая бойня. Они занимались бизнесом ради прибыли, не ради крови или славы, не ради таких туманных понятий, как честь, долг, патриотизм или идеология. Их люди были хорошими солдатами. Они знали, когда пригнуть голову. Они знали, как выжить, и жизнь всегда была их главной ставкой в тотализаторе войны. Они делали свою работу с бесстрастием профессионалов и, взвешивая степень риска, всегда клали на другую чашу важность поставленной перед ними задачи.

Они были лучшими из лучших или, наоборот, худшими из худших — в зависимости от точки зрения. Их наниматель получал чистую и действенную работу, сделанную спокойно и быстро. Пусть распинаются и сотрясают воздух политики, пусть обвиняют и льстят, громоздят ложь на правду и взывают к душе — они глаз не поднимут от карточного стола.

Рельеф местности в районе Теневой Линии оставлял мало места для традиционной тонкой игры наемников.

Приборы Хоксблада оказались достаточно чувствительны, чтобы выделить колебания взрывной волны из обычного температурного шума в планетарной коре. Он провел разведку боем в западном направлении и остановился, наткнувшись на артиллерию и минные поля Шторма. При отходе Ричард оставил секции-рабы от разбитого военного краулера. Шторм изучил вездеход, сравнивая их с той горсткой машин, которые успел выпустить завод Блейка.

Больших различий он не обнаружил. Оба производителя придерживались примерно одного проекта управляющего модуля, а рабов модернизировали так, чтобы они могли нести на себе броню и выдвижные орудийные башни. Разве только в модификации Мичемов уделялось чуть меньше внимания безопасности и удобству боевого экипажа.

— Возможно, теперь он попытается обойти нас с флангов, — сказал Шторм Гельмуту Дарксорду, отвечающему за позиции к востоку от обрыва. — Следи, чтобы он не зашел со стороны солнца. Не давай ему обнаружить обрыв.

— Думаю, наши сейсмодатчики нас вовремя предупредят.

Они распределили силы так, чтобы Шторм с Кассием могли по очереди контролировать направление главного удара, в то время как братья Дарксорды проводили бы по очереди операции в зоне поддержки. Командующие после дежурства возвращались в Эджворд и следили там за соблюдением интересов Легиона. Сын Шторма Терстон командовал подразделением связистов, поддерживающих с городом постоянную связь.

Костяком оборонных сооружений Гельмута стала батарея тяжелых лазерных орудий, снятых с крейсера. Из всего оружия, которым располагал Шторм, это было единственное, способное поразить вражескую машину при дневном свете. Бризантные снаряды, столь эффективные в тени, попадая под солнечный свет, взрывались, не пролетев и нескольких метров. А у легких лазерных установок не хватало энергии, чтобы пробить теплозащитные экраны краулеров.

Как поступит Ричард, если обнаружит выемку в скале? Передвинет свой лагерь назад? Навряд ли. Это значило бы допустить возможность поражения. Ведь маневр можно повторять, оттесняя Хоксблада все дальше и дальше. На это могут уйти годы, но в конце концов Ричарду станет некуда отступать.

Ударит ли он с Солнечной Стороны крупными силами, чтобы изолировать силы Шторма, спрятанные в расселине? Это может сработать, если он ударит, пока не убрали обломки, чтобы подразделения вне краулеров не могли отойти. Но такой бой — большая кровь.

Он может пока что ничего не делать, надеясь, что Шторм сам совершит роковую ошибку раньше, чем его план даст плоды.

Шторм больше склонялся к последнему предположению. Ведь в этом весь Ричард. Он — мастер в искусстве не делать ничего. Он любит выждать, пока неприятель сам подставится, и только потом вступает в бой.

Шторм вызывал к себе командира саперов.

— Дальгрен, я слышал, у вас там появились проблемы?

— Простите, полковник, но я принес дурную новость. Строительство займет гораздо больше времени, чем планировалось.

— Черт побери! Но почему?

— У нас не было хороших снимков того, что на вершине. И мы пробили дно озера из расплавленных металлов, оно теперь льется в провал. Попадая в тень, металл застывает. Мы ничего не можем делать, пока этот поток не остановится.

— Понял. — Шторм едва сдержал ярость. «Проклятие на мне лежит», — пронеслось у него в голове.

— Посветите-ка наверх, Генри, — сказал инженер кому-то возле себя, — покажем полковнику, с чем нам приходится иметь дело.

И тут же лицо его растворилось в темноте.

Через несколько секунд в бледном освещении показалась громада скалы. Камера поднималась, панорамируя по склону хребта, потом показалась площадка, покрытая серой массой, из которой выглядывали огромные валуны, словно крапинки сажи в застывшем стеарине. Наконец камера дошла и до буйно плещущегося огненного озера, низвергающего потоки жидкого металла с вершины скалы.

— Да, зрелище величественное, — согласился Шторм. — Делайте что можно, пока приходится ждать.

Шторм отключил рацию и, откинувшись назад, уставился в стену специально оборудованного командирского краулера.

Как и предполагал Шторм, Ричард стал выжидать. Или же этот зловредный полубог-полудьявол по имени Фрог призвал на помощь саму Судьбу, чтобы побольнее отомстить Легиону.

Попытка выстроить цепочку генераторов тени наперехват коммуникациям Сумеречного Города провалилась, когда экипажи Блейка натолкнулись на обширную зону тепловой эрозии.

Тепловая эрозия, обычно имеющая вид тончайшей пыли, сама по себе не была опасна. Она лишь скрывала находящиеся под ней реальные опасности. Провалы и острые камни, способные вспороть днище краулера, словно кухонный нож — рыбье брюхо.

А в Мире Хельги потерпела неудачу первая попытка Хейкса Цейслака проникнуть в Фестунг Тодесангст. Он смог только создать плацдарм на поверхности и захватить контроль над ракетными установками оборонительной системы. А друг Кассия на Луне-Командной адмирал Бэкхарт явно не торопился посылать своих людей.

Проволочкам не было конца. Достать оборудование с вакуумной защитой оказалось почти невозможно. Конфедерация всерьез взялась за пиратов Мак-Гроу. Их службы поглощали все, что производилось. Да и Ричард отоваривался на том же самом оружейном рынке.

То, что Ричард испытывает те же самые трудности, утешало мало. Для Ричарда трудности были привычны, как дым для огня. Оставалось только пожелать, чтобы Ди, которых он пустил к себе на задворки, доставили ему побольше хлопот.

Шторм до сих пор находил странным, что война не перекинулась на Темную Сторону. Там, как и прежде, царил мир. Сообщение между Эджвордом и Сумеречным Городом осуществлялось практически беспрепятственно. Они не вели друг с другом психологической войны, не засылали друг к другу убийц и шпионов. Оба города не желали втравливать своих граждан в это безумство. Хотя местные корпорации и занимали господствующее положение, однако процент населения, занятого в разработке ископаемых, был невелик, а тех, кого корпорации согласились бы подставить под пули, и того меньше. Война на Теневой Линии была рискованной операцией. Ни Блейку, ни Мичему не хотелось рисковать ничем, кроме денег.

Потому-то, думал Шторм, они и покупают солдат. Чтобы не терять своих людей.

ГЛАВА СОРОК ТРЕТЬЯ:
3031 год н.э.

Он вернулся в Эджворд, проведя два изнурительных месяца на Солнечной Стороне. Город, раньше казавшийся ему спрессованным до предела, теперь действовал на нервы своими просторами. Все зависит от выбранной точки зрения — сказал он себе, вытянувшись в расслабленной позе, свободный от ежеминутных тревог Теневой Линии.

Оказывается, здесь он сравнительно малоизвестен. Половина эджвордцев, похоже, вообще не подозревает, что Легион высадился в Черном Мире. А второй половине нет до этого дела. Война не изменила повседневную жизнь.

Шторм не знал, радоваться ему или огорчаться. Блейк не стал нагнетать военную истерию. Обычно наниматели Шторма поступали наоборот.

У него было чувство, что Блейк слегка стыдится своей затеи.

В первый же день у него состоялось бурное объяснение с директорами Корпорации. Те требовали решительных действий. Совершенно взбешенный, Шторм предложил им оружие и транспорт.

— Если вы разбираетесь во всем лучше меня, так отправляйтесь на передовую и возьмите дело в свои руки.

Постепенно успокоившись, он уже с удовольствием разглядывал их ошалелые физиономии. Вот сказать бы то же самое политическим пиратам из Конфедерации! Интересно, началась бы хоть одна война, если бы этим ястребам пришлось тащить в окопы собственные задницы? Полководец в кресле — самое гротескное порождение постфеодальной цивилизации. Темные Века были суровы, но не было тогда этих правящих классов, что лупят друг друга чужими руками...

Желающих совершить инспекционную поездку на Теневую Линию тоже не нашлось. Как выяснилось, из всех них только Блейк когда-то пересекал Край Мира.

«Типично для этой породы, — подумал Шторм. — Из плюшевого кресла не вылезают».

Спустя неделю после возвращения Шторма Блейк пригласил его на прием в здании Муниципалитета с участием местной элиты. Там он и встретил очаровательную шпионку Поллианну. Еще ни разу после замужества он не видел ее в таком радостном оживлении. Родные места совершенно ее преобразили.

— Гней! — Она приветствовала его поцелуем и самозабвенным объятием. — Надеюсь, тебе там не очень туго пришлось?

— «Туго» — не то слово. Слишком мягкое. А достаточно резкого я и придумать не могу.

— Пойдем, я представлю тебя гостям.

— Я считал, что по контракту выжал из Блейка все. А теперь начинаю думать, что все равно он дешево отделался. Посещения приемов в контракте не было.

Гельмут, которого сменил на боевом посту брат, шел за Штормом, напоминая рокочущую грозовую тучу, выискивающую, кого бы ей осыпать молниями. За ним трусили сирианские волкодавы. Гельмут сурово косился на тех членов Совета Директоров, что особенно любили совать нос в помещения Легиона в нижних этажах здания. Кассий переместил туда штаб-квартиру, чтобы воспользоваться мощными средствами связи Корпорации.

Первым, кого Поллианна ему представила, был Альбин Корандо.

— Мы уже встречались, — сказал Шторм. — Как поживаете, мистер Корандо?

— Да потихоньку, полковник.

— Альбин мне в некотором роде брат, — сказала Поллианна.

— Очень далекое генетическое сходство, должно быть.

— Не по крови брат. Просто обоих когда-то подобрал Фрог. Альбина выслали из Сумеречного Города. Фрог привел его к себе и выучил на краулерщика. Тебе стоит как-нибудь поболтать с Альбином. Ему есть что рассказать о старых временах.

Корандо усмехнулся:

— Для этих юнцов старое время — все, что раньше прошлой недели.

— Ага. Может, сбежим отсюда и поговорим за бутылкой вина? Когда закончатся все эти церемонии.

— Ничего подобного, — решительно сказала Поллианна. — У меня есть на тебя планы.

Теперь Шторм начал опасаться, что ошибся и что Поллианна не изменилась вовсе.

— Люцифер...

— Мы расстались официально. Без особых переживаний. Все это было хорошо на время, когда каждый из нас мог оставаться самим собой. А когда мы попытались стать теми, кого из нас хотели сделать... Ну да ладно, не буду тебя утомлять. Скажем так, что я ни о чем не жалею. Или почти ни о чем.

Шторм сомневался, что дело обошлось без переживаний. В душе Люцифера останется отметина на долгие годы. Те-

перь-то мальчик окончательно окунется в солдатскую жизнь, с удвоенной энергией пытаясь стать тем, кем ему никогда не стать. Но Шторм не хотел переубеждать Поллианну, зная: если она поймет, что Люцифер страдает, ей тоже станет больно.

Далее он познакомился с женой Блейка, о существовании которой даже и не подозревал. Это была невысокая, хрупкая, застенчивая женщина, не привыкшая показываться на людях. Она выглядела гораздо моложе, чем должна была быть.

— Миссис Блейк... — Шторм галантно наклонился и поцеловал ей руку. Немножко старомодной учтивости может помочь ей держаться свободнее.

При этом часть его сознания следила за всем происходящим со значительной долей цинизма. «Как мы любим играть в паладинов, — подумал он. — Наемные убийцы строят из себя рыцарей Круглого Стола. Битвы с драконами. Спасение дев. Повержение людоедов... Нет, не от крови невинных потускнели старые доспехи. Просто пятнышко ржавчины».

— А он... он не опасен? — спросила миссис Блейк, не сводя глаз с вороноящера, сидевшего у Шторма на плече.

— Только если решит, что вы съедобны. — Шторм попытался изобразить ребячливую улыбку. — Не бойтесь. Он не любит сладкого.

Она вспыхнула от комплимента. Шторм подошел к Блейку, тот поздоровался с ним ледяным тоном. Он явно знал донжуанскую репутацию Шторма. Взгляд его метнулся на волкодавов.

— Я слышал, вы весьма искусно владеете древним инструментом под названием кларнет. Не порадуете ли нас своей игрой?

Шторм как-то внезапно ушел в себя. Предложение сыграть перед незнакомыми людьми не вызывало у него восторга. Он вообще редко играл для публики.

Блейк почувствовал это напряжение.

— Нет, конечно же, не для этой толпы. Для нас с Грейс, после обеда. И для Поллианны, конечно. Грейс очень просила. Она сама играет. Особенно любит классическую струнную музыку.

— Ну что же, в таком случае сочту за честь. Быть может, леди подыграет мне в паре этюдов?

Грейс Блейк потупилась и закусила нижнюю губу. Воистину робкое создание. Поллианна слегка сжала его руку и прошептала: «Пережимаешь».

Остальные приглашенные не сводили с них глаз. Шторм легко читал, что написано у них на лицах. Женщины глядели на него оценивающе. Мужчины воротили нос от его зверинца и прикидывали свои шансы в отношении Поллианны. При этом гости обоих полов завидовали его близости к трону.

И тут он заметил одно угрюмое лицо. Это Терстон продирался сквозь толпу, запросто топча чужие ноги и самолюбия. А ведь в это время ему полагалось нести вахту внизу.

— Похоже, обед и музыку придется отложить, — пробормотал Шторм.

ГЛАВА СОРОК ЧЕТВЕРТАЯ:
3031 год н.э.

— Отец, Кассий просит тебя прийти, — бухнул Терстон еще с десяти метров.

— В чем дело?

Терстон пожал плечами:

— Что-то вырисовывается.

Он явно не хотел говорить при штатских.

— Мистер Блейк, миссис Блейк, прошу прощения...

— Разумеется! — сказал Блейк. — Я и сам с удовольствием улизнул бы, будь у меня подходящий предлог.

— Полковник Шторм, — голосок Грейс чуть дрожал, — мы можем пойти с вами?

— Конечно. Ведь ваш муж — босс. Было бы глупо держать его в неведении.

— Альбин, передай гостям мои извинения, — сказал Блейк Корандо. — А потом спускайся к полковнику в штаб.

К их приходу в штабе уже кипела работа. Легионеры добавили к оборудованию центра связи Блейка множество специальных приборов. В самом сердце его установили огромный дисплей с компьютерной картой Теневой Линии. По этой нескончаемой темной реке плыли теперь светлые пятнышки. Каждое обозначало отдельную боевую единицу. Операторы принимали все переговоры на Теневой Линии,

и эфир шелестел и щелкал. «Лисица», «Мираж-1», «Демокл» забрасывали друг друга вопросами — на линии огня происходило что-то непонятное. Разговор был отчетливо слышен, но велся на профессиональном жаргоне, непонятном спутникам Шторма.

Кассий ждал его на канале видеосвязи и явно нервничал.

— Резервный командный канал, шифрованный, — сказал оператор. Шторм кивнул.

— Гней, — сказал Кассий, как только Шторм подошел к экрану, — они что-то затевают. Мы еще не знаем, что именно, но что-то масштабное.

— Что за информация? На большом дисплее пока ничего не видно.

— Их пехота и танки два часа назад произвели разведку боем. Оттеснили назад наших наблюдателей. Нам пришлось отойти за пределы надежной работы акустических приборов, так что теперь ничего нельзя сказать наверняка. Но компьютерный анализ позволяет предположить движение больших масс тяжелой техники.

Шторм посмотрел на изображения, передаваемые с орбитальных станций. Эти дурацкие спутники оказались почти бесполезны. Дьявольское солнце сожгло их за несколько дней, и в передаваемых изображениях было мало толку. Слишком силен был контраст между освещенными равнинами и мраком Теневой Линии.

— От разведки что-нибудь есть?

— В эфире с самого утра ни единого потрескивания. Похоже, они отключили всю связь. Вчера подтвердилось твое предположение, что Ричард вернулся в Сумеречный Город.

— Кого он назначил вместо себя?

— Доскала Меннике. Младшего.

— Ричард не мог начать наступление, а потом отбыть.

— Вот поэтому я и связался с тобой. Насколько мы можем судить, он отсутствовал какое-то время. На прошлой неделе, во время их диверсионных рейдов, его тоже здесь не было. Происходит что-то странное.

— До какого места они поднялись?

В это утро силы самого Шторма начали сниматься с лагеря, после того как саперы, на месяц позже запланированного срока, закончили сооружение дороги наверх по скалам Тене-

вой Линии. Начни сейчас атаку Хоксблад, он застиг бы силы Легиона чрезмерно растянутыми.

— Почти до верха. Судя по последнему донесению, они уже занимают позиции.

— У тебя есть связь с Вульфом?

— Не очень надежная. Солнце искажает луч ретранслятора.

— Соедини меня с «Тактиком-2». — Ожидая, пока дадут связь, Шторм спросил: — Мистер Блейк, можем ли мы как-нибудь узнать, что сейчас происходит в Сумеречном Городе?

— У меня там есть человек, но я не могу установить с ним контакт прямо сейчас. Придется подождать, пока он переправит сюда микрозаписи.

— Это не выход. Мне нужно знать, что происходит там сегодня, сейчас, а не что происходило месяц назад.

— Зачем?

— Я чувствую, что пахнет жареным.

— Гней, связь установлена, — сказал Кассий. — Но на экране ты не увидишь ничего, кроме снега.

— Попробуем отфильтровать сигнал. Включайте. — Он подождал несколько секунд, и на экране промелькнул Второй. — Звездочет, Звездочет, говорит Андирон, перехожу на прием. — Молчание. — Звездочет, Звездочет, принимаете мой сигнал? Прием.

— Андирон, Андирон, говорит Блэквуд. У Звездочета поврежден лазерный передатчик. Прием.

Ответ был едва слышен.

— Кто такой Блэквуд? — шепотом спросил Шторм у оператора.

Тот сверился с журналом.

— Это Билл Ален, сэр. Он сейчас в одном из краулеров полковника Дарксорда.

— Блэквуд, Блэквуд, говорит Андирон. Свяжитесь со Звездочетом. Уточните ваше местонахождение. Сообщите, можете ли вы ретранслировать видеограммы из лагеря.

— Андирон, Андирон, говорит Блэквуд. Связываю вас со Звездочетом. У меня видимость четкая. Я нахожусь в точке Ромео Танго рентген, только что вступил в бой. Передаю видеограмму, прием.

— Сейчас пойдет картинка, — сказал Шторм. — Усильте импульсы.

На экране перед Штормом возникла черная масса. Она то проступала отчетливее, то расплывалась, забиваемая снежинками статических разрядов. Наконец компьютер нашел оптимальный режим и усилил импульсы.

И тут темноту вспороли лучи лазерных орудий и орудийные вспышки. Это был вид, открывающийся с вершины Теневой Линии. Лагерь Ричарда выглядел песочницей с разбросанными по ней игрушками. Короткие вспышки выхватывали из темноты самоходные орудия и бронемашины, снующие в разные стороны в поисках лучшего укрытия. Вокруг краулеров появилось свечение.

— Что это за иллюминация? — спросил Шторм.

Корандо, вставший у него за спиной, ответил:

— Они ставят солнечные экраны. От легких лазерных орудий они защитят.

Шторм наклонился к экрану.

— Эти машины выглядят помельче, чем их военные краулеры. Корандо, что это за техника?

— Это компрессоры и чартеры. В основном устаревшие. Думаю, на них подвозят боеприпасы.

— Блэквуд, Блэквуд, говорит Андирон. Запрашиваю: из какого класса оружия ведется заградительный огонь? Прием.

— Андирон, Андирон, говорит Блэквуд. Огонь ведется из световых проекторов. Одно лазерное орудие выведено из строя. Прием.

— Вормдум, Вормдум, говорит Андирон. Вы меня слышите? Прием.

— Андирон, Андирон, говорит Вормдум, — ответил Кассий. — Перехожу на аварийный передатчик. Вормдум, конец связи.

Перейдя на шифрованный канал, Шторм сказал:

— Кассий, они заменили тяжелые самоходки устаревшими горнодобывающими машинами. Следи за Солнечной Стороной — возможно, они выскочат оттуда. Ты можешь выдвинуть артиллерию и несколько броневиков. Сделай резкий бросок. Все равно Вульф уже не сможет тебе помочь — слишком поздно. Постарайся заставить эту группировку сдаться. Если потери у тебя будут небольшие и ты сможешь

пробиться глубоко в их расположение, то этот отряд, который прячется на Солнечной Стороне, не сможет потом попасть обратно к своим.

— Я уже действую по этим направлениям, — ответил Кассий. — Гней, если все пойдет, как мы предполагаем, крови прольется много. Что-то там не так. Это не стиль Ричарда. Атаковать сейчас нет необходимости. Да и Меннике не рвется к славе.

Вспомнив, каково там было, почти все время в тяжелом защитном костюме, когда природных опасностей не меньше, чем врагов, Шторм предположил:

— Может быть, он просто спятил.

— Может быть. Но я могу предложить более правдоподобную причину. У него там столько Ди, что они могут разнести целую галактику. Я должен вернуться к войскам. Продолжай наблюдать. До связи.

— До связи.

Шторм поднялся и оглядел комнату. Потом выставил стул на середину и уселся снова. Отсюда он мог следить за всеми мониторами. Полковник совершенно забыл про своих гостей. А Терстон удостоился лишь короткого кивка, когда принес ему кофе.

Острое как бритва Сейчас неумолимо понеслось вперед, превращая Будущее в Прошлое. Час за часом со скрежетом уходили в небытие, поворачиваясь на ржавых шарнирах. Вульф обрушил на лагерь противника огонь тяжелых орудий. Один из его краулеров ездил по вершине хребта, расставляя взрывные заряды, которые должны были взорвать скалы за спиной у людей Ричарда. Вульфу удалось подбить несколько мичемских краулеров. Противник снялся с лагеря. Большие машины с экипажем из незнающих дисциплины штатских рванули на свет, бросив всех, кто не успел забраться на борт. Кассий немедленно усилил давление огнем своих бронемашин. Люди Хоксблада отступали до тех пор, пока им не преградил путь камнепад, устроенный Вульфом.

И тут боевые краулеры Сумеречного Города выскочили из солнечной зоны и стали наступать хорошо организованным фронтом шириной в двести километров из глубокого тыла Кассия.

— Можно было не сомневаться, — пробормотал Шторм, наблюдая за развитием ситуации.

— Отец... — позвал его Терстон.

— Там командует какой-то псих!

Тридцать вездеходов Мичемов принялись уничтожать все искусственные сооружения: госпитали, убежища, купола реабилитационных центров — на всех этих зданиях была различимая маркировка, явно говорящая о назначении. Операция шла в режиме радиомолчания.

— Выглядит так, будто они скрывают свои действия друг от друга, — заметил Корандо. — Не нужно быть военным гением, чтобы понимать: при нашей системе связи мы-то их видим как на ладони.

— Любопытно, не правда ли? — спросил Шторм.

Легион чуть подался, но, будучи предупрежден, не сломался нигде. Еще не стихла атака, когда Шторм сказал:

— Все, они у нас в руках. Они еще пожалеют об этой попытке. Может быть, война уже кончилась.

Очень скоро остальные поняли, что он имел в виду. Военные краулеры Хоксблада один за другим выходили из строя, либо их вынуждали возвращаться под солнце. Хитроумно сконструированные боевые машины Ричарда были его самым действенным инструментом. Теперь он быстро терял их и мог потерять гораздо больше, если бы отступающие машины попытались вернуться на Теневую Линию.

Силами, противостоящими Кассию, командовал подполковник Гюнтер Хавик. В свое время он был курсантом Вальтерса в Академии, а потом служил вместе со Штормом в подразделении космических пехотинцев Конфедерации. Это был типичный офицер-наемник. В тот самый момент, когда стало ясно, что его позиция безнадежна, он сдался.

Современные кондотьеры не станут биться в героическом, обреченном Сталинграде. Если для того не будет явного стратегического или тактического обоснования. Слава — эпитафия дураков.

Кассий тут же принялся переправлять войска в обход обрыва. Переброшенные части окапывались, готовясь к возвращению боевых краулеров Хоксблада. Кассий знал, что вынудить их к капитуляции будет несложно. У большинства машин подходил к концу ресурс предельного пребывания на

солнце и почти не оставалось боеприпасов. Они будут рваться в тень, но пробиться туда с боем не смогут.

Вульф вывел свои силы к Теневой Линии — они превысили все мыслимые нормы пребывания на дьявольском солнце и теперь нуждались в передышке.

Шторм взглянул на часы и понял вдруг, что провел в штабе двадцать четыре часа, не просто бодрствуя, но ни на минуту не ослабляя внимания. Даже железный человек Терстон не выдержал и вздремнул. А теперь убеждал полковника последовать его примеру.

— Я как раз об этом думаю, — ответил Шторм сыну. — Все равно здесь уже мне ничего не сделать. Теперь все решает Кассий. Разбуди меня, если станет совсем паршиво.

На Теневой Линии сейчас если и можно заснуть, то только навеки. Люди там не сомкнут глаз, пока вопрос не решится.

Возвратившись, Шторм застал в штабе Блейка. Вид у него был очень недовольный.

— Еще что-нибудь случилось? — спросил Шторм у Терстона.

— Поступили сводки о наших потерях.

— Плохие?

— Да.

Шторм прочел последние донесения, и мрачная статистика постепенно внесла некоторую ясность в беспорядочную картину боя.

Первое большое сражение на Теневой Линии все еще продолжалось. Судя по всему, эджвордцев ожидала громкая победа. Лагерь был разгромлен. Но почти все боевые краулеры были выведены из строя. Кассий, собрав оставшихся людей и технику, встречая лишь слабое сопротивление, мчался к точке пересечения Теневой Линии и коммуникаций, протянутых из Сумеречного Города. Если Хоксблад его не остановит, он будет там на четвертый день. Тогда война может закончиться еще до конца недели.

Но тысячи легионеров постигла смерть без воскрешения. Еще больше пропало без вести. Уцелевшие разгребали каменные обломки, отыскивая раненых и мертвых, которых еще можно было воскресить.

Шторм был потрясен. От страшных цифр у него голова пошла кругом. Разум отказывался принять такие цифры. Такого количества убитых не бывало со времен Улантской войны.

— Это сделал не Ричард, — несколько раз произнес он еле слышно. — Это работа сумасшедшего.

Отовсюду и ниоткуда выглядывало беззвучно смеющееся лицо Майкла.

Стратегию, предусматривающую столько крови, мог придумать лишь Ди.

Шторм ходил кругами, стараясь отыскать хоть что-то положительное в этих тяжелых новостях. Но единственным положительным моментом мог оказаться только дальний рейд Кассия.

И тут в монотонном потрескивании, доносившемся из мониторов, он уловил обрывки отфильтрованной фразы: «...слышите меня, Железный Легион? Я наткнулся на зону тепловой эрозии в четырнадцати километрах от точки девятьсот. Головная секция въехала в зону эрозии. Сбросить рабов не могу. У меня на борту тридцать два человека. Вы можете помочь? Мэйдэй, мэйдэй*, говорит двадцать девятый боевой краулер из главной группировки Солнечной Стороны, вы меня слышите, Железный Легион? Я попал в зону тепловой эрозии...

— Как он это передает? — спросил Шторм.

— Пульсирующим лазерным лучом, сэр. Луч рикошетит от поверхности скалы.

Шторм повернулся к большому дисплею. На нем отражалось нечто совершенно несуразное. У Шторма возникло подозрение, что теперь даже компьютеры не в состоянии следить за продвижением его войск.

Точка девятьсот находилась на девятисотом километре Теневой Линии, всего на пятьдесят километров восточнее наклонного пути, построенного Вульфом на склоне.

— Давно мы это принимаем?

Оператор сверился с журнальными записями предыдущей вахты.

— Около четырех часов, полковник. Полковник Дарксорд начал спасательные операции, как только получил эту депешу.

---

* Сигнал бедствия.

Шторм повернулся к Блейку:

— Каковы шансы их вытащить?

Блейк пожал плечами:

— Хреновые. Я не знаю ни одного случая успешных спасательных работ на Солнечной Стороне с тех пор, как Мойра Джексон вытащила оттуда своего отца. Это случилось сразу после Улантской войны. Каждый год нам несколько раз приходится этим заниматься. Самое трудное — отыскать место аварии. То, что нам сказали про точку девятьсот и отклонение в четырнадцать километров, почти ничего не меняет. Обыкновенное гадание на кофейной гуще. Аппаратура после нескольких часов на солнце дает сильное отклонение. Потом, наверное, появится технология, которая позволит ставить там радиомаяки... Но все равно, чтобы засечь подобный маяк, нужно залезть на крышу другого краулера. У чартеров — самые чувствительные приборы, и то они видят совсем недалеко. И все-таки мы всегда начинаем спасательные работы — хотя бы для того, чтобы набраться опыта.

Драма разворачивалась с душераздирающей медлительностью. Вульф бросил все свои машины в спиральный поиск с центром в точке предполагаемого нахождения застрявшего краулера.

Командир краулера смотрел, как нагрузка защитных экранов подходит к красной черте, и все больше терял надежду.

— Вижу! Вот он! — послышалось вдруг.

Шторм нервно хмыкнул.

Потом тот же самый голос произнес спокойно:

— Бесстрашный, Бесстрашный, говорит Белое Крыло Один. Есть контакт по азимуту триста сорок семь расстояние шестьсот десять метров. Прием.

— Белое Крыло Один, Белое Крыло Один, говорит Бесстрашный. Оставайтесь на этой позиции. Прием.

Бесстрашным был Вульф, когда разговаривал по своей собственной тактической сети.

— Король Бурь, Король Бурь, говорит Бесстрашный. Сосредоточиться вокруг Белого Крыла Один, выполнять немедленно, прием. — Вульф переключился на командную связь. — Вормдум, Вормдум, говорит Звездочет. У нас позитивный контакт. Запрашиваю инструкции, прием.

Ответа от Кассия не последовало. Вальтерс вышел за пределы связи.

Шторм склонился к микрофону:

— Звездочет, Звездочет, говорит Андирон. Продвигайтесь с осторожностью. Руководить спасательными работами дайте кому-нибудь из шахтеров. Андирон, конец связи.

Шторм снова перевел взгляд на большой дисплей. Его внезапно охватило дурное предчувствие. Но он не мог переступить через моральные обязательства по отношению к своим братьям-солдатам, не мог заставить себя отозвать Вульфа.

— Андирон, Андирон, говорит Звездочет. Подтверждаю осторожное продвижение в естественном направлении. Звездочет, конец связи.

— Не отходите от монитора, — сказал Шторм оператору. — Дайте мне знать, если появится что-то интересное.

Офицер связи вопросительно посмотрел на него. Шторм не стал объяснять.

Спасательная операция разворачивалась по правилам — к сожалению, почти полностью теоретическим. По словам попеременно дежуривших в штабе Корандо и Блейка, она шла гладко.

Чартеры заняли позицию со стороны солнца от застрявшего краулера. Они поставили портативные генераторы тени, защищенные сменными молибденово-керамическими абляционными экранами. Компрессоры — эти левиафаны, которые закачивали на борт жидкие металлы и затем отвозили на переработку, вставили свои всасывающие трубы в предназначенные для них аварийные шлюзы. Внутренний диаметр такой трубы позволял пролезть по ней не очень крупному человеку.

— Водитель чувствует себя увереннее, когда знает, что у него есть хотя бы теоретический шанс, — заметил Корандо. — Даже настолько ничтожный, что удача выпадает раз в сто лет. Когда ползешь по Солнечной Стороне, очень важно знать, что кто-то попытается в случае чего тебя спасти.

— Андирон, Андирон, говорит Звездочет. Из краулера никто не отвечает. Мы посылаем туда человека из боевого вездехода один. Прием.

Шторм повернулся к Блейку, нахмурившись, с немым вопросом.

— Боевые вездеходы — это модифицированные компрессоры, — сказал ему Блейк. — В первых нескольких есть видоизмененные рабы-насосы.

Не об этом хотел спросить Шторм. Но сейчас Вульф ждал его на связи.

— Звездочет, Звездочет, говорит Андирон. Слышу вас, прием.

У Вульфа был человек с переносной рацией, и Вульф и сейчас велел ему включиться в коммуникационную сеть. Начались споры о том, как лучше вскрыть аварийный люк. Вульф поторапливал всех, потому что генераторы тени не вечны.

— Я хотел спросить, — сказал Шторм Блейку, — почему вы не использовали этот метод для спасения этого человека, Фрога?

— Потому что его трактор сооружался на одной верфи с Ноевым ковчегом. Его единственный аварийный люк находился под кабиной. Мы прокляли все на свете, вскрывая его, и как раз поэтому в последующих моделях стали делать верхний люк. Мичему эта идея пришла в голову одновременно с нами.

— Теперь понятно.

— Я вижу только мертвых, полковник, — доложил разведчик Вульфа, проникнув внутрь. — Продвигаюсь к кабине управления.

Примерно минуту стояла тишина. Шторм напряженно ждал, чувствуя, как по спине пробегают мурашки.

— Невозможно понять, что здесь произошло, полковник. Они все посиневшие, с распухшими лицами. Защитные экраны в порядке, уровень кислорода не упал...

— Вульф! — заорал вдруг Шторм, забыв про правила кодирования. — Сейчас же выбирайтесь оттуда! Немедленно! — Предчувствия превратились в уверенность. — Это какая-то ловушка!

Он опоздал со своим приказом. Уже час, как было поздно.

В эфире послышались громовые раскаты, а потом установилась тишина, прерываемая лишь статическими потрескиваниями.

— Андирон, Андирон, говорит Улей. — Сдавленный голос нарушил тишину. — Мы обнаружили визуально и лазерным

радаром атомный гриб, примерно в точке девятьсот двадцать, в пятидесяти километрах от нас. Прием.

— Андирон, Андирон, говорит Сожженный Крест. Обнаружены сильные подземные толчки с эпицентром примерно в точке девятьсот семнадцать, в пятнадцати километрах от нас. Они сопровождаются сильной гамма-радиацией. Прием.

Похожие донесения поступили от еще дюжины наблюдателей. Ни одному из них Шторм не ответил. Лишь оператор связи бесцветным голосом подтверждал прием.

Вульф погиб. А вместе с ним сотни его людей. Они проявили гуманизм и в результате попали в ловушку. Ди действовал наверняка, он заранее рассчитал, как поведут себя наемники и шахтеры.

— Это работа Феарчайлда, — сказал Шторм Терстону.

Тот печально кивнул:

— Да, его стиль. Что будем делать, отец?

Выждав какое-то время, Шторм сказал:

— Ты остаешься здесь за старшего. — В животе появилось такое ощущение, будто прародительница всех язв грызла его кишки. — Мне нужно сказать Гельмуту. Постарайся пробиться к Кассию. Ему тоже надо сказать.

Шторм сам себе дивился. Он должен был бы обезуметь от гнева, но вместо этого наступило какое-то эмоциональное онемение — он до сих пор пытался убедить себя, что все это произошло на самом деле. Какой-то частью сознания он ждал, что Вульф выйдет в эфир и скажет, что это была глупая шутка.

Уходя к Гельмуту, он обвел взглядом своих людей. И подумал, что лица эти — отражение его собственного. В них читалось потрясение и неспособность поверить в происшедшее.

Ядерные заряды не использовались на поверхности планет против живой силы — даже в самые критические моменты Улантской войны. Они попали в список вооружений, еще много лет назад запрещенных джентльменским соглашением. Уж скорее можно было ожидать применения химического или биологического оружия — их эффект держался не так долго.

Он был прав. Война на Теневой Линии стала лебединой песней наемников. Теперь сюда введут войска Конфедерации, и их наверняка разоружат. Бурная реакция общественности не оставит правительству другого выбора.

Размышляя над всем этим, он не учел одного маленького обстоятельства. Средства массовой информации проявили полное безразличие к этой войне. Никто о ней не сообщал. Вряд ли о ней вообще слышали за пределами Черного Мира. На Темной Стороне о применении запрещенного оружия знали лишь он, его люди да еще горстка людей в Сумеречном Городе.

ГЛАВА СОРОК ПЯТАЯ:
2860—3023 годы н.э.

Прошла лишь пара месяцев с победы над последним Дарвоном, как Диф сказал:

— Мне скучно, Рафу. Я, кажется, начинаю понимать, почему отец мой был такой дерганый. Стараться увеличить свою прибыль еще на одну десятую процента — это не работа для мужчины.

Рафу посмотрел на Дифа и подумал, быть может, что молодой Глава неискренен сам с собой.

— Твои коллеги наверняка бы с этим поспорили.

— Это их стиль жизни. Хауги и Гаабы никогда больше ничем и не занимались. Будь у меня обычное детство, я бы тоже, может быть, был сейчас доволен. Но его не было. От нормальной жизни я чувствую себя словно в клетке.

— У нас есть миссия, которую завещал нам твой отец.

— Она нам пока не по зубам. Сейчас мы увязли здесь во всякой рутине, а когда освободимся, животные уже будут воевать с Улантом, и нам придется ждать, пока война кончится. А она может затянуться лет на двадцать. Улантидам упрямства не занимать.

— Я что-то не припомню, что твой отец требовал осуществить месть немедленно. Хотя и меня тоже на что-то подмывает.

— Есть идеи?

— Кое-какие.

— Давай послушаем.

— Думаю, нам следует разделиться на два Дома: крупный и помельче. Один станет поддерживать традиции Норбонов, а другой — осваивать Осирис и вести нашу вендетту с живот-

ными. Такая двойственная структура позволит локализовать риск. Если кто-то один потерпит поражение, то он по крайней мере не потащит с собой все Семейство.

Диф недоуменно посмотрел на Рафу. К тому времени они уже создали вполне дееспособную монолитную структуру, нацеленную на уничтожение Дарвонов. И теперь ему не хотелось расставаться даже с малой толикой своей власти.

— Твой кузен Тааке лишен воображения, но зато он толковый администратор. Поставь его управлять той ветвью Семейства, что находится в Метрополии. А сам собери предприимчивый народ и отправляйся на Осирис. Там ты найдешь массу интересного. И работу, которая тебе по душе. Мы можем выстраивать марионеточные империи. Мы можем расширять рынок сбыта. Ставить ситлачные купола, строить племенные заводы. Мы, черт побери, даже сможем заняться обычной торговлей и промышленностью. Там целая планета, которую не надо с кем-то делить.

«Примитивный средневековый мир, — подумал Диф. — Тут можно стать хоть самим Господом Богом. Чего еще желать?»

— Хорошо, я это обдумаю. Другие предложения есть?

— Можно было бы погреть руки на этой войне. Мы собрали к себе множество новых вассалов с тех пор, как вернулись. Нужно их чем-то занять.

— Построить пиратский флот? Рафу... В детстве, на Префектласе, я только о том и мечтал — вырасти и стать капитаном рейдеров.

— Только не думай, что там сплошная романтика да приключения, Диф. Даже пиратство — тяжелая будничная работа, если ты хочешь добиться успеха. Нужно купить или построить корабли. Раздобыть оружие. На все это уйдут немалые средства. Нужно создать надежные разведывательные источники. Собрать команду, готовую работать в упряжке и не выпячивать гордость. Тех, кто не связан обязательствами с Семьей и будет хранить преданность лишь тебе и друг другу. С нашим народом это непросто.

— Да, я понимаю. Та же административная тягомотина. Но по крайней мере с перспективой заняться интересным делом.

В Дифе проснулось воспоминание об испытанных в детстве при рассказах о великих пиратах благоговении и восторге.

Если у сангарийцев была главная слабость, так это коренившееся в их культуре предубеждение против жесткого управления, отвращение к дотошному администрированию. Каждый сангариец ощущал себя человеком действия и вел себя соответственно. Громоздкий, удушающий, постоянно растущий бюрократический аппарат, характерный для людских предприятий, был им неведом. Они развивались в прямо противоположном направлении и иногда могли хватить через край — полное отсутствие административных органов становилось не меньшим уродством, чем их всевластие у людей. Самые важные записи представляли собой каракули на клочках бумаги и легко терялись. Знания, за исключением тех, что хранились в памяти Глав и их помощников, были эфемерными, и очень часто всякие проволочки и несуразности возникали из-за плохой связи, отсутствия четкого управления или надежных записей.

Самыми ценными вассалами Семейство считало тех немногих сангарийцев, которые проявили себя как толковые и дотошные чиновники. Другие Семейства буквально охотились за ними, и стоили такие работники дорого.

Диф преуспел и в пиратстве, и в освоении Осириса. Через некоторое время Норбонов нехотя признали одним из сангарийских Первых Семейств. Диф и Рафу завоевали себе репутацию людей, обращающих все в золото одним лишь прикосновением. Обычно новые проекты рождались в плодовитом мозгу Рафу. А тщательно подобранные Дифом агенты воплощали их в жизнь. Старик всеми силами старался оставаться в тени, ни в чем не отступая от прежней роли.

В известном смысле Рафу стал серым кардиналом Семейства, стоящим за троном. Дифу оставалось лишь непосредственное действие.

Диф и не желал становиться мозгом Семейства. Он опасался, что не годится для этого. Несмотря на суровую школу Префектласа, он остался слишком порывистым в своих действиях. Как правило, Рафу смягчал последствия его горячности, но иной раз случалось и так, что благосостояние Семейства страдало из-за необдуманных поступков Дифа — он брался за какой-нибудь непродуманный проект, даже не посоветовавшись со стариком.

Хотя Норбоны и стали одним из Первых Семейств, но старая знать так до конца и не приняла этих нуворишей. Их

самих считали грубоватыми, а способы, которыми они умножали свое богатство, — немного варварскими. К тому же Диф охотно нанимал к себе чужаков.

Он не использовал их традиционно — для шпионажа за их собственными народами. Он выискивал дельных людей и вовлекал их в семейные операции на Осирисе, а порой и в Метрополии. Бухгалтеров. Экономистов. Компьютерщиков. И солдат — суровых людей, образовавших ударный кулак Семейства под командованием доверенных сангарийских вассалов.

Семейства, ориентированные на традиционные ценности, это шокировало. К тому же они завидовали богатству и ратным успехам Норбонов.

Диф мало получал приглашений в общество, но еще меньше было даже малейших знаков, которые можно было бы считать выражением недобрых чувств. Его же светская жизнь совершенно не привлекала. Он все так же терпеть не мог разных приемов и их завсегдатаев.

Во время войны ему не раз казалось, что наконец подвернулся случай малой кровью выполнить отцовские заветы. Он брался за дело, не посоветовавшись с Рафу, словно ребенок, который надеется преподнести родителям приятный сюрприз. Но враги его были хитры и увертливы. Они чуяли опасность за несколько световых лет. И каждый раз уклонялись настолько успешно, что ни разу не осознали природу опасности.

Во время войны он снова нашел своего сына, хотя и держался на расстоянии, и не смог избавиться от сангарийского чувства Семьи. Он слегка подталкивал его вверх там, где Норбоны имели власть, и помогал ему обрести богатство. Еще он рассчитывал создать инструмент, с помощью которого надеялся распространить свое влияние на ключевые властные структуры людей.

Уже много лет спустя после того, как Диф открылся перед Майклом, он вывозил его в Метрополию и на Осирис, чтобы дать, хотя и с опозданием, подобающее для сангарийца образование.

Обнаружив в характере Майкла некоторую ущербность, Диф слегка разочаровался в нем, но никогда этого не показывал. Ведь Майкл был его единственным ребенком.

Диф так и не женился. Его полное равнодушие к различного рода искусительницам породило необоснованные слухи об их отношениях с Рафу и вопросы о том, кем ему приходится Майкл.

Лишь Рафу подозревал правду, но Диф отказывался обсуждать эту тему даже со своим самым старым другом.

В сердце Норбона в'Дифа до сих пор пылала любовь к самке по имени Эмили Шторм.

Искусственно выведенной рабыне для развлечений.

Разоблачение этой страшной тайны могло в одночасье опрокинуть их империю. К физической близости с рабынями в обществе относились терпимо, добродушно подшучивая, но эмоциональное влечение считалось совершенно недопустимым ни при каких обстоятельствах. Тем более нетерпима была бы такая слабость со стороны Главы.

Он ни с кем не осмеливался поделиться своим чувством, потому что боялся, что оно, подобно франкенштейнову чудовищу, ослабит, а затем уничтожит его. Его собственная Семья от него отречется.

К тому моменту он добился преданности всех своих родственников. Стоило ему только приказать, и они пошли бы за ним хоть в преисподнюю. Но даже за новый Хулар ему не простили бы такой извращенной любви.

И все-таки он шел по самому краю. Он осмелился ввести Майкла в сангарийское общество. Он заключил альянс с Гаабами, женив своего сына на одной из их дочерей. Он избегал любых вопросов относительно матери Майкла, говоря, что она погибла на Префектласе.

Рафу, почуяв смутные подозрения со стороны Глав, распустил слухи о дружбе Дифа с сексонской девушкой. Он использовал подлинную историю, изменив только имя Эмили.

Шло время. Десятилетия уносились в прошлое. Порой Диф страдал от жесточайших, длительных депрессий — это случалось, когда он отвлекался от работы и понимал вдруг, что снова стал обычным администратором. А до выполнения обязательств перед отцом было еще куда как далеко. У него просто не оставалось времени на организацию заговоров против Штормов.

Совершенно внезапно ему подвернулась такая возможность в одном из миров, который люди называли Амон-Ра.

Майкл сообщил, что его брат, только что возглавивший Железный Легион, согласился помочь подпольному правительству людей изгнать оттуда сангарийцев-поработителей.

Сангарийские Семейства на Амон-Ра были маленькими и слабыми. Шансов в борьбе с Легионом у них не было.

Диф решил им помочь. Не обращая внимания на протесты Рафу, не подготовившись как следует, он бросил в бой свои рейдеры. В рейдерах сидели квазивоенные подразделения, созданные им на Осирисе.

Он потерял все — до последнего человека, до последнего корабля, до последнего орудия. Так он узнал горькую правду о своих офицерах. Сангарийцы, не имеющие Земли, Дома и Семьи, просто не были достаточно дисциплинированны, чтобы воевать по правилам людей.

Рафу прочел ему обширную лекцию о тех особенностях сангарийской культуры, которые не давали воевать со Штормами на равных.

— Ладно, — пробурчал наконец Диф. — Теперь я и сам вижу. И собираюсь поправить дело. Мы построим настоящий флот, создадим настоящую армию. А если наш народ для этого не годится, наберем животных. Одних только животных. — Они с самого начала использовали людей и улантидов, но никогда не доверяли им командных постов.

Амон-Ра уплыл у него из рук. Проходили годы и десятилетия. Угнетенный поражением Диф, ни в чем не позволяя себе отступлений от самодисциплины, не оставлял усилий, пока Норбоны не оправились от последствий катастрофы на Амон-Ра.

А когда он решил перевести дух и оглянулся вокруг, то обнаружил, что нажил себе кучу неприятностей. Майкл и его дети... Они вели себя так, будто живут одни на свете и защищены от всех опасностей. Снова и снова кто-то из них ставил под угрозу его планы относительно Штормов или какое-нибудь выгодное дело в сфере человеческих интересов. Они были наказанием своей матери — этой флегматичной женщины из Первого Семейства, совершенно не питавшей интереса к сомнительным приключениям. Она снова и снова обращалась к нему как к Главе Норбонов, умоляя вмешаться.

Но что он мог поделать? Он не решался слишком их одергивать, потому что не хотел терять ценный плацдарм для просачивания в мир людей.

При его финансовой поддержке они протянули щупальца в каждый уголок Конфедерации, и щупальца эти стали каналами, по которым распространялось влияние Норбонов. А когда Норбоны процветали, от этого выгадывали все сангарийцы.

После Амон-Ра Диф уже не пропускал ни одной межлюдской войны, особенно конфликтов Шторма и Хоксблада — в этом случае командиры придавали войне особенно ожесточенный характер.

— Рафу, думаю, это как раз то, что нам нужно. Мы станем потакать их собственным желаниям и втравим в такую войну, с которой живым не вернется никто...

— Они слишком умны, чтобы клюнуть на это, и не пойдут на поводу у чувств, когда речь идет о бизнесе.

— И все-таки...

Диф пытался внедрить своих агентов в обе наемнические армии. У него так ничего и не вышло. Информацию из стана врага он получал только от сына. Но Майкл отличался неустойчивой психикой и чисто сангарийским эгоцентризмом.

Создание Фестунг Тодесангст неизмеримо умножило мощь Норбонов. Семейство избавилось от старого сангарийского пугала — администрирования, к тому же Диф получил возможность перехватывать бесценную коммерческую информацию. Очень скоро Норбоны превзошли своими властью и богатством другие Первые Семейства настолько же, насколько Первые Семейства — среднестатистическую сангарийскую Семью.

Устройство слежения, установленное Дифом внутри Фестунг Тодесангст втайне от сына и внучки, сообщило ему об открытии Майкла в Черном Мире. Диф получил срочный инстел в тот момент, когда Майкл впервые ввел цифры.

ГЛАВА СОРОК ШЕСТАЯ:
3032 год н.э.

Новый год получился невеселый. Легион не праздновал. Эджвордцы старались как могли, но события на Теневой Линии не располагали к оптимизму. Светские приемы и вечеринки протекали уныло.

Шторм провел Новый год и почти всю следующую неделю в одиночестве. Когда становилось совсем невмоготу —

с Гельмутом Дарксордом. Гельмут тяжело переживал смерть брата.

Кассий на Теневой Линии кромсал на куски армию Сумеречного Города. Войска Хоксблада, лишенные единого командования, распадались на отдельные группы. Шторма же больше не интересовали ни подвиги Легиона, ни загадочная уязвимость врага. Он играл на кларнете, читал Библию, разглядывал свой старый кольт сорок пятого калибра, поглаживая вороненый ствол.

Кассий у оконечности Теневой Линии отрезал мичемским машинам путь к отступлению. Он без труда отбил войска, шедшие на выручку из тени, создаваемой генераторами Сумеречного Города. Его люди, в нарушение всех приказов, зачастую отказывались от обычной тактики быстрых ударов и маневрирования, принятой у наемников. Хотя сам Вальтерс сохранял хладнокровие и профессиональный подход, его подчиненные то и дело шли напролом, стараясь дать врагу урок, который тот запомнит навеки.

Терстон из кожи лез вон, чтобы заблокировать всю информацию о ядерном взрыве. Он напоминал того датского мальчика, который пальцем заткнул отверстие в дамбе. Однако Терстону повезло меньше. Весь Легион знал, как погибли Вульф и его люди. И все жаждали крови.

Шторм не вмешивался. Он считал, что операция все равно вышла из-под контроля. Она развивалась своим путем, как простуда.

Он выиграл еще одну войну. С треском выиграл. И, возможно, угодил ногой в капкан, поставленный Майклом Ди.

Он немало размышлял о своем брате и своем давнем обещании, данном с такой легкостью. Каждый раз, беря в руки старый револьвер, он вспоминал о Майкле... И жалел, что в свое время не догадался отвернуться, позволив Кассию или своим сыновьям довести дело до конца.

Верность слову слишком дорого ему обошлась. И все-таки даже теперь он не сомневался — попроси у него Майкл защиты, он бы его защитил.

Шторм вернулся в здание Муниципалитета, только когда в город доставили первую партию пленных. Ему хотелось потолковать с подполковником Хавиком.

Хавик заметил его первым. Он бросился к Шторму с обескровленным и усталым лицом.

— Полковник Шторм, я хочу принести свои извинения. Я знаю, что они гроша ломаного не стоят, и все-таки я обязан это сказать. Нас постоянно гложет чувство вины. Я хочу, чтобы вы знали: если бы кто-то из нас знал заранее, мы не подчинились бы приказу.

Шторм смотрел на Хавика с холодным безучастием. Он не сомневался — подполковник говорит правду, но трудно отделить действия противника от его личности...

— У меня было достаточно времени для разговоров с подчиненными, полковник. Один из капралов предложил, а мы все поддержали: батальон предлагает вам свою службу, чтобы расплатиться с ответственными за это зверство, кто бы они ни были.

Шторм медленно наклонил голову, давая понять, что принял его слова к сведению. Хавик был профессионал до мозга костей. Типичный продукт Академии — Кассий слепил его по своему подобию.

— Благодарю вас, подполковник. Если ваша помощь потребуется, поверьте, я обязательно дам вам знать. Причем так, чтобы вы не должны были изменять присяге. Но если удастся, я сам с этим справлюсь. Это личное дело.

— Г-хм...

Хавик кивнул. Может быть, он видел Ди возле Сумеречного Города. Может быть, он понял.

— А что же полковник Хоксблад? — спросил Шторм. — Я просто не пойму, как такое могло случиться в его организации.

Хавик нахмурился и пожал плечами:

— Никто не слышал о коммандантe с тех пор, как полковник Меннике принял командование. Мы уже начинаем подозревать, что он нарвался на грязную игру. В Сумеречном Городе у него была масса неприятностей. А теперь вот ваши люди нашли полковника Меннике.

Шторм вопросительно посмотрел на Терстона.

— Его нашли позавчера, — сказал ему сын. — В одноместном убежище возле входа дороги из Сумеречного Города в Теневую Линию. Он был недели две как мертв. Заколот ножом.

— Полковник Хавик, — сказал Шторм, — я не хочу, чтобы вы нарушали свою присягу, но ваша добровольная информация могла бы нам помочь.

— Слушаю вас, сэр.

— По каким каналам вы поддерживали связь с Сумеречным Городом?

Хавик ответил не раздумывая:

— На Теневой Линии мы использовали микроволновые ретрансляторы, полковник. Для передачи через Солнечную Сторону — импульсные лазерные репитеры. Система ненадежная. Лазеры весь месяц выходили из строя. Теневые генераторы слишком далеко разнесены. Мощность, необходимая для должной яркости луча, перегружает оборудование. Сообщение между выходящими из строя лазерными станциями велось с помощью посыльных.

Шторм пристально посмотрел на подполковника. Сообщение такой информации было очевидным предательством работодателя. Видимо, история с ядерным зарядом потрясла Хавика до глубины души.

— В таком случае может оказаться, что коммандante Хоксблад жив и здоров и сейчас где-то переходит Солнечную Сторону, оставаясь в полном неведении относительно случившегося?

Шторм очень надеялся на это. Ему не хотелось, чтобы Ричард пал жертвой стратегии Майкла.

— Возможно. Мы стремились действовать как можно самостоятельнее от Сумеречного Города. И движение транспорта не должно быть интенсивным. Когда он вернется и обо всем узнает, головы полетят.

— Благодарю, полковник. Мы постараемся разместить вас с удобствами. Надеюсь, это долго не протянется.

— Не должно. Вы победили еще до того взрыва. Потому-то это так бессмысленно. Вы потеряли столько людей, и это ничего не изменило.

Шторм отправился в штаб просмотреть ежедневные донесения от Мауса и Хейкса Цейслака. В Крепости все оставалось спокойно. Поступили хорошие новости из Мира Хельги. Инженеры Цейслака прорыли туннель в Фестунг Тодесангст. Его люди уже заняли верхние ярусы.

Где же Бэкхарт, этот друг Кассия, обещавший высадить десант, как только Легион закрепится на плацдарме? Казалось, он вообще исчез из вселенной. А Цейслак был нужен Шторму в Черном Мире.

Он отправился на крышу, к Блейку.

— Мистер Блейк, я хочу нанести прямой удар по Сумеречному Городу.

— Я вам уже говорил, что это невозможно, полковник.

— Выслушайте меня. Тот взрыв кто-то подстроил. Бомбу доставили из их шахт. Это значит, что в сговор замешано какое-то высокопоставленное лицо из Корпорации Мичемов. Хоксблад утратил контроль над ситуацией. Он бы не пошел на такое. Если он доберется туда с Солнечной Стороны, то либо умрет, либо попадет в тюремную камеру. Они уже играют без всяких правил. Говорю вам — нужно с ними покончить, пока они нас не проглотили. Я уже предвижу, по какому сценарию все пойдет. Ричарда сделают козлом отпущения. Его убьют при попытке к бегству после того, как он якобы прикажет сбросить бомбу, теперь уже на Эджворд.

Блейк выглядел озадаченным.

— Полковник, я категорически отказываюсь позволить вам подвергать опасности мирных жителей.

— Похоже, вы меня так и не поняли. Мирные жители уже в огромной опасности.

— Мистер Блейк, извините мое вмешательство... — Корандо откашлялся, — но вам лучше уделить больше внимания предложению полковника. Тот ядерный взрыв — предвестник настоящей бури. Мы не можем закрывать на это глаза. Лучше быть готовыми ко всему. По логике вещей, следующий шаг будет направлен против Эджворда. Им нужно будет избавиться от свидетелей. И к тому же для них это единственный способ завладеть Теневой Линией. Кто поручится, что они этого не сделают? Они и так уже зашли слишком далеко — месяц назад все это казалось просто немыслимым.

— Верно! — рыкнул Шторм. — Потом легавые из конфедератов из вас всю душу вытряхнут. И я лично заинтересован, чтобы вы остались живы и ответили на их вопросы. Мистер Блейк, поверьте, я знаю человека, который во всем этом повинен. Мы с ним десять лет спали в одной комнате. Если дать

ему время, он всех вас перебьет, и ему это сойдет с рук. И вы это знаете. Ему что Фрога убить, что перебить весь Эджворд.

— Вы думаете, это Ди?

— Абсолютно уверен. А за его спиной стоит сангарийский Глава по имени Норбон в'Диф. Он — самая большая шишка у всех Семейств.

— Сангариец? — переспросил Блейк недоуменно. — А им-то что здесь нужно?

— Слишком долго объяснять. Поверьте мне на слово. Это столкновение организовано извне. Все началось с того, что Ди убил вашего Фрога. Если мы сейчас не прекратим грызню, дело кончится тем, что сангарийцы полностью приберут к рукам горнорудную промышленность в Черном Мире. И не оставят в живых ни одного свидетеля.

Блейк медленно покачал головой.

— Я подумаю над вашими словами, полковник.

— Только не тяните с ответом. Они тянуть не станут. Сейчас они уже знают, что их наступление захлебнулось и они проиграли. Возможно, эта бомба должна была взорваться в другом месте, чтобы сработал весь их сложный замысел. Теперь они что-то предпримут — сначала чтобы выяснить, что она вообще взорвалась, а потом — чтобы скрыть этот факт. Если что-нибудь надумаете — я в штабе.

Шторм спустился обратно в штаб и устроился в кресле перед большим дисплеем. Неразбериха, царившая на поле боя всю прошлую неделю, постепенно улеглась. Территория, занятая Кассием, теперь освещалась его машинами. Полковник сконцентрировал значительные силы на сто километров западнее пересечения Теневой Линии с коммуникациями Сумеречного Города. Кассий планировал там обосноваться и ждать, пока люди Мичемов придут и сложат оружие.

Будь это обычная наемническая война, давно бы все закончилось обменом пленными. Ричард уже не мог выбить Кассия с занимаемых позиций. Его техника стала слишком ненадежной, к тому же у него не было тени, чтобы собрать достаточные силы.

Но если Мичемы послушаются Майкла, то война на Темной Стороне разразится, как только весть о разгроме на Солнечной Стороне дойдет до Сумеречного Города. Майкл уже

бросил жребий. У него нет другого выбора, кроме как повысить ставки.

Шторм приказал установить еще один дисплей, на котором просматривался участок Темной Стороны между Эджвордом и Сумеречным Городом, а потом отправил всех свободных от вахты ставить приборы слежения на подступах к городу.

Каким образом Майкл избежит бунта? А бунт неминуемо должен произойти, когда люди Ричарда узнают о случившемся на Теневой Линии.

Да очень просто. На обратном пути в Сумеречный Город он или кто-то из его сыновей разрушит теневые генераторы, перережет все коммуникации и бросит на произвол судьбы людей Хоксблада. Это, конечно, подлость, но для Ди вполне логичный шаг.

Следовало предупредить Кассия о возможных ядерных ловушках. Ди наверняка захотят побыстрее поубавить количество свидетелей.

— Уайтлэндсунд! — воскликнул он внезапно, и все повернулись к нему в изумлении. — Ну да, конечно!

Проход из Эджворда на Солнечную Сторону — вот ключ к решению проблемы. Майклу он просто необходим. Захватив его, Ди сможет поймать в ловушку любого, кто запросто раздавил бы его на Солнечной Стороне. Он может устроить настоящие Фермопилы в этих узкостях. Если Эджворд будет разрушен и он удержит проход в своих руках до тех пор, пока на Солнечной Стороне не останется ни единого живого человека, кто тогда покажет против него? Только его соучастники.

Шторму было некого послать на защиту прохода.

Сколько займет путь от Сумеречного Города до Эджворда? А из Мира Хельги в Черный Мир? Он быстро произвел расчеты. В первом случае слишком мало времени, во втором — слишком много. Нет никакой причины отзывать Цейслака и прерывать его операцию.

— Терстон, пойди-ка разыщи Хавика. Приведи его сюда. А потом свяжись с Блейком. — Он снова погрузился в расчеты. Ядерный взрыв — наверняка часть какого-то более крупного замысла, вынашиваемого Ди. Он обязательно получит продолжение, потому что сам по себе взрыв не привел к перелому на поле боя. Так что это — попытка отвлечь внима-

ние? Чтобы дать возможность Майклу спокойно заняться Эджвордом и Уайтлэндсундом?

Над этой идеей стоило как следует поразмыслить. Как Майкл все это устроил? Поставил часовой механизм? В таком случае движение с юга к Эджворду уже началось...

«Лис. Глупый лис, — подумал Шторм. — Мне следовало знать заранее — он не согласиться ждать за кулисами, пока мы с Ричардом стараемся обдурить друг друга изощренными маневрами».

Быть может, Майклу и суждено выиграть эту игру, но, черт побери, надо сделать так, чтобы ему как можно дороже обошлась его победа.

Пришел Хавик.

— Подполковник, — обратился к нему Шторм, — у меня тут возникла одна чертовски заковыристая проблема.

Он вкратце изложил ему свои соображения.

— Вышлите вперед разведчиков, — предложил Хавик. — Укрепите подступы к проходу. Поставьте засаду у них на пути. Их должно быть не очень много, если они не привлекут кого-то со стороны. Почти все наши силы были стянуты к Теневой Линии. Снабжением занимались Мичемы.

— Легион сейчас находится в том же положении, подполковник, — сказал Шторм. — У меня здесь только радисты и связные. А Ди, как я предполагаю, привлечет своих собственных людей. Ему не нужны те, кто привык воевать по правилам.

— Ясно. — Примерно на минуту Хавик погрузился в раздумья. А затем сказал: — Я могу оказать вам лишь пассивную помощь. Пойти и занять проход. А если они атакуют, я расценю это как действия против моего работодателя и получу полное право воевать против них. Только вот... каким оружием? Свое мы сложили там.

Блейк давно уже был здесь и внимательно прислушивался к предположениям Шторма. Он все еще сомневался, но потихоньку начинал понимать, что назревает катастрофа.

— Полковник Шторм, вы действительно считаете, что Ди — такой дьявол?

— Да поймите же вы, — взорвался Шторм, — мы ведь выросли вместе. Я знаю, на что он способен — практически на все. — Он повернулся к Хавику. — Не знаю, как нам быть

с оружием. Легкое у нас еще найдется, но из тяжелых орудий — только то, что вернули сюда для ремонта.

— У нас есть тайный арсенал, — вмешался Блейк. — Правда, в нем лишь устаревшие виды. Этим оружием пользовалась во время войны Гвардия Дьявола.

Шторм поморщился. Он всегда гордился тем, что его люди оснащены лучше регулярных войск Конфедерации.

— Оно хотя бы действует?

— Мы поддерживали его в хорошем состоянии. У нас ведь есть что-то вроде милиции.

— Что скажете, подполковник Хавик?

— Оружие я осмотрю. — В голосе его не чувствовалось энтузиазма. — Но поймите, я должен как-то объясниться со своими людьми. Я не могу просто приказать им выступить на помощь Железному Легиону.

— Понимаю, подполковник. Вы просто попросите их удерживать Уайтлэндсунд до тех пор, пока мы не сможем прислать кого-то, чтобы их сменить. Ведь в эту западню там попали и ваши люди. Сомневающихся присылайте ко мне. Если я не смогу убедить такого человека, то не стану требовать его участия в операции. Мистер Блейк, в любом случае все это продлится несколько дней. У вас есть люди, способные работать на приборах в штабе?

— А что вы собираетесь делать?

— Выполнять свою работу. Защищать Эджворд. Вывести своих людей наружу и поставить засаду на Майкла Ди. И мне нужны люди, которые будут поддерживать здесь порядок.

— У меня есть собственные операторы связи. Но вам придется ознакомить их с оборудованием.

— Я оставляю здесь Гельмута Дарксорда. — Гельмут еще не был готов воевать. — Терстон, как у тебя приготовления? — Сын его начал готовиться к вылазке, как только связался с Блейком и Хавиком.

— Потребуется еще полтора часа, отец. Сейчас нагружают краулеры.

Блейк вздохнул и нервно улыбнулся.

— Я почти надеюсь, что ваша догадка оправдается, полковник.

И тут Корандо вставил одно из своих нечастых замечаний:

— Лучше быть живым дураком, чем мертвым скептиком, сэр.

Шторм улыбнулся. Ему вдруг захотелось поближе познакомиться с Корандо. Интересный человек.

— Я буду держать с вами связь, мистер Блейк. А сейчас попробую найти полковника Дарксорда.

Снаряженный против Ди отряд был сшит на живую нитку. Три сотни людей, оснащенных в основном той техникой, что прислали для ремонта. Единственное надежное оружие — их личное, стрелковое.

И все-таки если появится Майкл, то благодаря засаде Хавик выгадает лишние несколько часов и сможет как следует окопаться в Уайтлэндсунде. Хавик, в свою очередь, задержит Ди до подхода сил, вызванных Штормом с Теневой Линии.

ГЛАВА СОРОК СЕДЬМАЯ:
3032 год н.э.

Шторм в стандартном боевом костюме пехотинца стоял на вершине холма, оглядывая место предстоящей битвы. Безмолвие и мрак царили вокруг. В западном направлении слабо мерцали Горы Грома — подсвеченные ионы разносило порывами ветра. Прямо перед ним, невидимая человеческому глазу, простиралась длинная узкая равнина, зажатая между двумя огромными воронками от метеоритов. Склон холма, на котором он стоял, был стеной третьего, меньшего кратера, сужавшего ближайший к Шторму участок равнины до размеров обычной дороги. Это узкое место идеально подходило для обороны.

Этот район подвергался усиленной метеоритной бомбардировке в течение многих лет. Равнина, по которой пролегал обычный маршрут из Сумеречного Города в Эджворд, была единственным безопасным проходом через кратеры — если только Майкл не вздумал бы сделать крюк в сотни километров, пройдя мимо Ночного Города. Шторм не сомневался — Майкл слишком самонадеян, чтобы двигаться окольными путями.

И достаточно самоуверен, чтобы совершить бросок на юг незамедлительно. Видимо, Майкл рассчитывал: пока Шторм

высвистывает на кларнете, упиваясь собственной предусмотрительностью, он опередит брата, выбрав поле боя по себе.

«Мой брат, — подумал Шторм. — Вот к чему все идет. К схватке между мной и моим братом».

Он уже знал о приближении Майкла. Электронные разведчики на дальних подступах запеленговали колонну Майкла в десяти километрах отсюда, движущуюся с севера со стабильной скоростью восемь километров в час.

Шторм мрачно усмехнулся, завидев первые движущиеся огни на дальней оконечности равнины. Впереди ползли боевые краулеры. У Майкла было шесть таких чудовищ. Если бы их удалось подбить...

Понимая, что это совершенно бессмысленно, он обернулся, чтобы осмотреть собственную диспозицию. Конечно же, он не увидел ничего, хотя смутно чувствовал присутствие орудийного расчета впереди и Терстона рядом.

«Вот здесь мне и придется драться, — подумал он. — Так же однажды стоял Черный Принц на холме у Пуатье. Я знаю, что мои наемники — лучшие солдаты всех времен, но...» Шторм не знал, выстоит ли Эджворд. Из литературы он знал, что его предки из Англии справились во Франции с десятикратно превосходящим их противником, но все эти истории были написаны постфактум людьми, заранее знавшими, чем все кончилось, к тому же англичанами. Черный Принц тянул время несколько дней, пытаясь выговорить себе отступление.

Сегодня переговоров не будет. Да и противники его — вовсе не благородные мужи, отягощенные рыцарскими традициями. Если, как он уже заподозрил по количеству войск, среди них были сангарийские отряды, доставленные в обход Сумеречного Города, значит, ему придется иметь дело с крепкими бойцами. Они не знакомы с местностью и техникой, зато так же упорны в бою, как и его люди.

Пятнадцать минут тянулись нескончаемо долго. Чтобы успокоить себя, Шторм поглаживал дуло лазерного пистолета, через перчатку чувствуя холодный металл. При этом он насвистывал «Чужака на берегу», удивляясь, что так и не привык до сих пор к этому томительному ожиданию. Он прожил долгую жизнь, закалился, и все-таки сегодня он нервничал ничуть не меньше, чем перед первым своим сражением.

— Время жить и время умирать, — прошептал он. Головная машина Мичемов уже добралась до узкого прохода между кратерами.

Его лазерное орудие испустило ослепительную вспышку и прожгло аккуратное отверстие в лобовой броне машины. Выстрел был сделан прямой наводкой. При второй вспышке Шторм увидел, как замерзший воздух струей ударил из раны.

И тут заговорила вся его артиллерия. Броневик, наводя по данным радара и огням вражеских машин, принялся разукрашивать смертоносными узорами бока вездеходов. В основном он метил в гусеницы. Пехотинцы, прыгающие по позициям на индивидуальных реактивных установках, тоже полностью сосредоточились на гусеницах. Их винтовки и ракетометы прочертили тысячи разноцветных трасс во встревоженном ночном небе.

Еще один меткий выстрел выпотрошил раба из третьего вездехода.

— Вот уж не ожидал... — прошептал Шторм радостно, спускаясь с холма стометровыми прыжками. От сжатого газа из реактивной установки костюм его сзади пузырился, кожу обжигало холодом. Справа от него Терстон перемещался мощными рывками, несмотря на тяжелый груз ранцевых мин. Терстон промчался мимо него, направляясь к застывшему на месте головному краулеру. Шторм пустился за ним вдогонку. Головная машина — их главная цель. Если ударить по ней как следует, то путь Майклу будет загорожен надолго.

Солдаты из Сумеречного Города открыли яростный ответный огонь. Шторм язвительно хмыкнул. Они, должно быть, ехали сюда с настроением туристов, пресыщенных однообразным пейзажем, сонных, совершенно безразличных к окружающему миру.

Один из танков Шторма подбили. Экипаж успел выбраться наружу прежде, чем подорвался боезапас, и тут же влился в ряды пехоты. Они повели атаку на растерянных солдат противника, только что высадившихся с десантных машин.

Лазерное орудие вывело из строя еще один боевой краулер и сдохло от собственной старости. Были подбиты уже три головные машины. Остальные подняли солнцезащитные экраны. Против них стрелковое оружие было бессильно.

Шторм держался поблизости от Терстона. Почти пятьдесят человек бросились добивать головной вездеход. Машина хотя и встала, но вовсе не собиралась умирать. Она яростно плевалась снарядами и выпускала лазерные лучи. Ракетометчики Шторма старались подавить этот огонь.

Они с Терстоном подкрались к самому трактору. Терстон отключил реактивную установку и, бросив Шторму заряд, побежал вдоль корпуса монстра, прилепляя по заряду к каждому из рабов. Шторм швырнул свой заряд в дыру, пробуравленную лазерной пушкой, и тут же нырнул в укрытие.

Взрыв отдался у него в руках и ногах. Звука почти не было, и сотрясения поэтому тоже. Шторм выпрыгнул из укрытия и юркнул в проделанную им пробоину, поливая из оружия, как из пожарного шланга.

В кабине все было разнесено в клочья. Шторм разбил блок питания. Люди, забравшиеся следом за ним, бросились к люку, соединявшему кабину с первым трейлером. Шторм переходил от кресла к креслу, вглядываясь в мертвые лица экипажа.

Он так и не нашел отличия. Все они выглядели как люди. Он подумал, не захватить ли с собой несколько тел для вскрытия.

Пошел бы Майкл на такой риск? Шторм не мог сказать наверняка. Ведь если доказать присутствие здесь сангарийцев, флот и армия примчатся сюда с такой скоростью, словно на день опоздали к Армагеддону. Ради этого стоит потаскать трупы.

И тут он наткнулся на синего человека.

— Что за черт?

Он видел синих людей когда-то очень давно. Во время Улантской войны их попадалось гораздо больше, чем хотелось бы. В войсках Ричарда не было улантидов, и среди жителей Черного Мира тоже. Зато Кассий говорил, что сангариец Диф использует людей разных рас.

Вездеход тряхнуло, потом еще и еще — это подрывались один за другим заряды Терстона. Его люди прорвались во внутренности первого раба. Послышались отрывистые очереди. Шторм не обратил на это внимания. Он вытолкнул труп из кабины и прервал молчание в эфире ровно настолько, чтобы

вызвать вездеход подобрать мертвое тело. Потом отправился обратно за следующим.

Что сейчас творится в голове у Майкла? Озлобился на судьбу, как у него случалось всегда в тяжелые моменты? Или удивлен, что сопротивление оказалось столь слабым?

Он выбрал с полдюжины трупов. Солдаты погрузили их на тот же самый краулер, что недавно возил обычных пассажиров из Эджворда в Сумеречный Город. Водитель, видя, что пехота Ди подступает все ближе и ближе, заметно занервничал и все-таки продержался до тех пор, пока огненные стрелы не начали сверкать вокруг.

Отряд Шторма разбили вдребезги, как он и ожидал. Но даже его писари и связисты были по духу своему легионерами. Они нанесли врагу гораздо больший урон, чем получили сами. Когда Шторм собрал до конца свою коллекцию трупов и удовлетворился нанесенными головным машинам повреждениями, он отступил в полном порядке.

А вскоре целое вражеское подразделение из бронемашин и пехоты, захлестнувшее подбитый вездеход и затем погнавшееся за Штормом, в одну секунду перестало существовать, проглоченное минным полем. После этого Майкл продвигался вперед с такой осторожностью, что Шторм беспрепятственно вывел своих солдат с поля боя.

— Ну а теперь мы посмотрим, из какого теста слеплен Майкл.

— О чем ты, отец?

— Интересно, сможет ли он обуздать свой гнев? Если сможет, то пойдет в Уайтлэндсунд. Если нет, то отправится в Эджворд — сводить счеты.

— Он возьмет город без особого труда.

— Да. Но потом ему придется потратить неделю на окончательное усмирение. А у него сейчас каждый день на счету. Отправляйся наверх и скажи водителю: пусть остановится на краю кратера. Мы подождем там и посмотрим, что решит Майкл.

Шторм просидел на том холме очень долго. Главную свою задачу он выполнил: преградил Майклу проход.

— Они идут, отец, — окликнул его Терстон.

Шторм ушел в кабину управления посмотреть на экраны и дисплеи. Один за другим краулеры ползли с севера, громы-

хая, проходили мимо них и поворачивали в западном направлении.

— Очень хорошо. У него было время подумать.

— Вот только Хавика жаль, — сказал Терстон.

— Мне тоже жаль, сын. Но сейчас у него больше шансов, чем несколько часов назад. Водитель, курс на Эджворд.

На автобазе его ожидал встревоженный Гельмут.

— Похоже, у них беда, — сказал Шторм Терстону.

— Гней, у нас беда, — сказал Гельмут, когда Шторм подошел к нему.

— Что на этот раз?

— Цейслак вляпался в кашу. Сангарийскую кашу. Они двинули против него целый флот. Нашим кораблям пришлось сматываться. Он держит их на расстоянии с помощью трофейных орудий, но говорит, что при желании они вполне смогут высадиться.

— Тогда похоже, что Кассий своего добился. Мы втянули большого паука в игру. Что-нибудь слышно от флота или с Луны-Командной?

— Ни звука. А Кассий уже едет сюда.

— Как? Почему?

— Он говорит: если Ди заранее подстроил все так, чтобы люди Ричарда попали в ловушку, значит, он перерезал сообщение с Сумеречным Городом и нам нет необходимости удерживаться на западе от теневой станции. Они сами придут сюда. Он оставил небольшой отряд, чтобы помочь им эвакуироваться.

— Интересно... А может быть, Майкл предвидел, что Кассий именно так и подумает, и бросок через Темную Сторону — всего лишь отвлекающий маневр, чтобы втянуть его в бой?

— Нет. Ядерный взрыв...

— Ну да, конечно, это все меняет. Он сейчас поставил на кон все, не только Теневую Линию.

Они попали в штаб как раз вовремя, чтобы услышать донесение Цейслака об атаке сангарийцев. Шторм связался с Кассием и сообщил ему свежие данные о Мире Хельги, Цейслаке и собственной недавней операции.

— Гней, — сказал Кассий, — я вот как предлагаю поступить с этими трупами: отправь их на Посадочную Площадку Темной Стороны или в Ночной Город для вскрытия. Чем шире ты проинформируешь общественность об уликах, тем слож-

нее будет Ди истребить всех свидетелей. А на Мичема окажут давление с тем, чтобы он прекратил поддерживать Майкла.

— Хорошая мысль. Я, пожалуй, так и сделаю. Ладно, мне нужно идти. Хавик уже вступил в бой.

— Отец, — окликнул его Терстон, — радиограмма из Мира Хельги. Цейслак сообщает, что сангарийцы высадили десант. Ты дашь какие-нибудь указания?

— Скажи ему, пусть продержится сколько сможет. Дружок Кассия появится там на днях. Гельмут, дай-ка крупным планом Уайтлэндсунд. Что-то Майкл странно построил свои войска.

— Вот это да! Отец! — крикнул Терстон полчаса спустя. — Хейкс докладывает, что он засек корабли с опознавательными знаками флота! Их там целая туча!

Энтузиазм сына вызывал у Шторма улыбку.

— Успокойся и следи внимательно, что будет дальше. Скажи Цейслаку, пусть все время остается на связи. — Шторм и сам прибодрился. — Гельмут, а этот дружок Кассия хитер, как Ди. Он хоть и попугал меня, но своего добился. Теперь он застигнет их со спущенными штанами и никому не даст уйти.

На лице Дарксорда заиграла злорадная улыбка.

Шторм еще раз оценил диспозицию на Уайтлэндсунде. Не то чтобы Майкл расположил свои войска неправильно, просто построение было слишком банальным. Некоторое время Хавик сможет противостоять ему, не неся больших потерь.

— Цейслак говорит, он уже вступил в контакт с флотом, — доложил Терстон. — Они отправили туда целую эскадру и скоро по стенке размажут этих ублюдков.

— Замечательно. Все идет как по маслу. Ну, я пошел к себе, пока на части не развалился.

Ему снились разные кошмары. Что-то терзало его. Он что-то забыл. Упустил какую-то деталь, а это непозволительно, если имеешь дело с сангарийцами и Ди.

Терстон растормошил отца:

— Папа, просыпайся.

Шторм открыл глаза.

— Что случилось? На тебе лица нет.

— Они атакуют Крепость. Сангарийцы. Еще один флот. Только что звездоловы мне сообщили. Они наблюдают за боем, но помочь ничем не могут. И потеряли связь с Маусом.

ГЛАВА СОРОК ВОСЬМАЯ:
3032 год н.э.

Маус сидел в отцовском кресле, перед отцовским письменным столом. Глаза его были закрыты. Наверное, вот так чувствовал себя отец в тот день, когда он вернулся из Академии. Когда это было? Всего несколько месяцев назад... А кажется, что уже полжизни прошло.

Слишком много всего случилось с тех пор. Слишком многое переменилось. Крепость миновала какой-то невидимый водораздел и выскользнула в совершенно чуждую ей вселенную, полную ненависти, бесконечно враждебную.

Он и сам переменился вместе со своим домом. Многое повидал. Многое совершалось с его помощью, причем такое, где нечем гордиться. Дорога, выложенная желтым кирпичом, дала резкий поворот, и он успел краем глаза увидеть свое семейство со стороны, о существовании которой он до Академии даже не подозревал.

— Я был тогда ребенком, — прошептал он. — Это просто боль взросления. Реакция на столкновение с реальностью.

С реальностью. С той особого вида реальностью, в которой существуют его семья и Легион, а также полчища их причудливых врагов и нагромождения проблем.

Он включил отцовский селектор и вызвал на связь оперативный штаб.

— Есть что-нибудь новое?

— Ничего нового, сэр. Все застыло на месте.

— Держите меня в курсе.

— Есть, сэр.

— Хороший ты оператор, — прошептал Маус, выключив селектор. — На твоем месте я с таким, как я, еще на прошлой неделе потерял бы терпение.

Он поднялся и принялся расхаживать по комнате.

Его не оставляло предчувствие, что вот-вот случится что-то ужасное. Весь день он себе места не находил. А не спалось ему уже несколько ночей подряд.

Если бы хоть было чем заняться...

Маус бродил теперь от шкафа к шкафу, в который уже раз осматривая отцовскую коллекцию. Он совершал такие обхо-

ды по меньшей мере раз в день — это, как ни странно, успокаивало.

Внезапно у него мелькнула мысль: не держал ли отец эти талисманы для той же самой цели?

Монеты, куклы, китайский фарфор, книги — все это немые свидетели прошлого, связующее звено в необозримом, вечно протекающем процессе. Ты протягиваешь руку, дотрагиваешься до них и чувствуешь себя частью чего-то неизмеримо большего, чем ты сам. Ты словно куколка оплетен бесконечными незримыми нитями, охватывающими все человечество... Впрочем, все это субъективные ощущения, чистые эмоции.

Все еще не в силах подавить тревогу, он вышел из кабинета и отправился во владения Кассия. По пути ему так никто и не встретился.

Крохотный пустой мирок, в котором совсем недавно обитал Железный Легион, напоминал навсегда умолкшие заброшенные города, причины запустения которых история даже не удосужилась сохранить в своей памяти. Уведите из Крепости двадцать тысяч человек, и она превратится в пустую скорлупу, вздрагивающую от собственного гулкого эха.

В эти дни он улавливал звуки, которые раньше просто не замечал: постоянный шумовой фон, создаваемый системами жизнеобеспечения, обычно забивался людским топотом и голосами. Что-то мистическое, жутковатое чудилось ему в этих звуках. Иногда, проходя по пустынным коридорам служебного яруса, он вдруг застывал на месте, на какую-то долю секунды поверив, что он совсем один блуждает по пустому сооружению, а на семь тысяч световых лет вокруг нет ни одного человека.

В такие моменты он сгибался под навалившимся на него ощущением пустоты, за которым накатывала волна безумного страха. Отчужденность — это не то же самое, что одиночество. Человек, обреченный на отчуждение, живет как бы в пузыре, он не видит людей снаружи. Душой он чувствует их присутствие и понимает, что люди эти станут доступны, стоит только подобрать заветный ключ. Отгороженность эта эмоционального свойства, а не физического. А подлинно одинокий человек отрезан от человеческого общения непреодолимыми физическими барьерами.

Маус знал: он никогда не забудет лицо Феарчайлда в пыточной камере на том астероиде — какое ликование отразилось на этом лице, когда Маус вошел туда. Феарчайлд едва ли не с радостью ожидал пытки, которая подтвердила бы его принадлежность к общему стаду.

Маусу казалось, что он проник в самые глубины сознания этого животного, называемого человеком. Неудачные браки, сохраняющиеся бесконечно долго, жестокость во взаимоотношениях, совершенно противная логике, — большинство людей идут на это потому, что предпочитают боль одиночеству. Даже боль подтверждает принадлежность к чему-то.

— Эта тварь не бывает настоящим солипсистом, — пробормотал он.

Игрушки, купленные Кассием на Горе, по-прежнему стояли нераспакованными. Он хотел было достать их и расставить по полкам, но потом передумал. Ведь это развлечение — для одного только Кассия. Нельзя вторгаться в его частную жизнь.

Он битый час играл в старинную железную дорогу, гоняя поезд взад-вперед, переставляя стрелки, делая остановки на станциях, в разном порядке сцепляя вагоны, пытаясь представить, насколько самый первый владелец этой игрушки отличался от людей его поколения.

Задумавшись о вере и ценностях, он вспомнил и о товарищах по Академии. Собранные из всех уголков Конфедерации, они привнесли с собой невероятное разнообразие взглядов, идей, некоторые из которых казались ему совершенно чуждыми.

Томми Мак-Кленнон, с которым они попали в один экипаж и одержали сказочную победу в регате охотников на лис в Крабовидной туманности... Томми, уроженец Старой Земли, казался ему наиболее чуждым среди представителей других рас, обучавшихся в Академии. Все прочие чужаки принадлежали к той же касте воинов, что и Штормы. А предки Томми на протяжении столетий были живущими на пособие безработными. И его идеи были Маусу чужды в корне.

Серебристая кнопка на гимнастерке забибикала. Эльфийский голос три раза повторил номер. Маус открыл письменный стол Кассия и подключился к переговорному устройству Вальтерса.

— Масато Шторм слушает.

— Сэр, у нас сообщение от Цейслака. Только что из гиперпространства выскочила сангарийская штурмовая эскадра...

— Я сейчас буду у вас. — Он бросился к ближайшему лифту, прекрасно понимая всю нелепость своего поведения. Что он сможет сделать? Разве что следить за катастрофой, разворачивающейся в Мире Хельги.

— Правильно я думал, — пробормотал он.

Фрида Шторм вышла из другого лифта одновременно с ним.

— Ты уже слышал? — спросила она.

— О сангарийцах? Да, слышал.

— А куда делся этот чертов адмирал, который обещал прийти на помощь?

В оперативном штабе включили два больших дисплея. На одном пытались проследить за операцией в Черном Мире, на другом — за действиями Цейслака в Мире Хельги. Дисплеи были устаревшие и не полностью компьютеризированные. Целая группа ветеранов и новичков пыталась настроить их получше.

— Что там происходит? — спросил Маус.

— Доннингер пытается их сдержать, но ему вот-вот придется драпать. Слишком их там много.

Маус посмотрел на только что включенный шар дисплея. В середине его находилась сфера, похожая на бильярдный шар, изображающая Мир Хельги. Оперативный штаб получал сообщения, ретранслируемые с кораблей Легиона на орбите. Маус какое-то время наблюдал за изображениями на радарах.

— Какова задержка в реальном времени?

— Пять минут с секундами. Не так уж плохо. Друзья твоего отца, звездоловы, наверное, полезли в самое пекло. Ребята здорово рискуют — с такого расстояния их могут подстрелить.

Маус прикинул развитие событий.

— Передайте Доннингеру, пусть уносит оттуда ноги. Через десять минут ему уже не дадут этого сделать.

Пока он произносил эти слова, один из кораблей Легиона мигнул и навсегда пропал с экрана.

— Они пустили в ход тяжелое оружие. Посильнее всего, что мы можем опознать.

Маус пытался одновременно следить за несколькими экранами — сигналы поступали непрерывно, и компьютеры делали все возможное, чтобы выдать изображения вражеских кораблей.

— Смотри, какие огромные, — сказал Маус Фриде. — Похоже, это какой-то новый тип рейдеров.

— Я слышала, что Норбоны склонны к новшествам более других сангарийцев.

— Ты думаешь, это они?

— А кто же еще?

— Ну что же, тогда все по плану отца и Кассия. Они ведь хотели выманить этого Дифа из берлоги.

— Только он не слишком считается с тем, когда нам удобнее его появление, — хмыкнула Фрида.

— М-м-м...

Маус устроился в кресле и не отлучался никуда, кроме как в туалет, пока атака не получила своей кровавой развязки.

— Поразительно... — прошептал он. — Не поверил бы, если бы не видел сам. Надо бы пойти поспать.

Он проснулся от воя сирены — в Крепости объявили всеобщую тревогу. В первый миг он даже не понял, что происходит. Прежде ему приходилось слышать этот вой лишь дважды, к тому же очень давно, во время учебных тревог.

— По боевым постам! — разносилось по коридору. — Личному составу занять места согласно боевому расчету! Нас атакуют.

— Боже правый! — Маус сгреб одежду и выскочил в коридор.

Он побежал в оперативный штаб.

— Что там еще за чертовщина?

Старший вахтенный молча показал на шар дисплея. Лицо его было бледным.

— Две минуты назад нас предупредили звездоловы, — сказал он, судорожно вдохнув воздух. — Противник каким-то образом проскочил мимо них.

На шаре вокруг Крепости роились красные точки, напоминающие тучи мошкары в погожий весенний день. Крохотные огненные стрелы проносились по нему в разные стороны. То и дело вспыхивали маленькие звезды.

— Восемьдесят два, сэр, — доложил кто-то. — Сначала было восемьдесят пять. В основном это легкие корабли. Сангарийские.

— Но...

Маус перестал что-либо понимать. Все происходящее казалось ему полной бессмыслицей.

— Размер кораблей — от космоскафов до легких эсминцев, сэр. Компьютер пытается смоделировать их план атаки.

Где-то в стороне послышался механический голос:

— Попадание. Объект Сорок Шестой сбит. Пять тысяч тонн.

В штаб вошла Фрида. Ее тоже разбудили. Она была растрепана и еще не совсем проснулась.

Маус по-прежнему старался осмыслить информацию о движении кораблей на дисплее. Он установил лишь одну закономерность — всех их подталкивала к центру шара какая-то неумолимая сила.

— Что это — обычный налет? Или нечто посерьезнее?

Старший вахты взглянул на него странным взглядом.

— Гораздо серьезнее. Смертельно серьезно. Так они сказали. — Он нажал какую-то кнопку на своей клавиатуре, и на экране коммуникатора возникло лицо. Обладатель этого лица пообещал сделать с Крепостью то же самое, что когда-то сделали с Префектласом.

— Ты думаешь, это он? — спросил Маус у Фриды.

— Очень может быть. Насколько я знаю, его еще никто никогда не видел.

— Я с ним один раз встречался, — сказал Маус, вспомнив вдруг короткий миг на Горе. — Он был там, когда старик пытался нас убить. Просто промелькнул в толпе.

— Сэр! — обратился к нему старший вахты. — Компьютер сообщает, что атакующие движутся случайным строем. Их кораблями управляет некий командный компьютер. Похоже, что командиры отдельных кораблей получили полную свободу маневра, они могут двигаться в любом направлении, кроме одного — назад. Им суждено столкнуться с нами, хотят они того или нет.

— Так, значит, это атака камикадзе?

— Простите, сэр?

— Атака смертников.

— Именно так. Если только тот, кто контролирует командный компьютер, их не отпустит.

Маус посмотрел на дисплей. Еще два вражеских корабля сбили за это время.

— И что же, в конечном счете они прорвутся?

— Похоже на то, сэр. Если мы только не повысим эффективность автоматической линии обороны.

— И как скоро доберутся до Крепости?

— Пока еще рано предсказывать.

— Передайте звездоловам, пусть свяжутся с Цейслаком и поставят в известность флот. А потом соединят меня с отцом.

Следующие два часа он наблюдал, как смерть тянет к Крепости свои когтистые лапы. Враг подступал все ближе и ближе, несмотря на самую совершенную автоматическую систему обороны, когда либо созданную человечеством. Вот уже подбили их третий корабль, а они продолжали двигаться вперед с целеустремленностью бездушных роботов. Теперь не оставалось сомнений, что атакой командует безумец.

Маус прошел безмолвными коридорами служебного яруса, в душе прощаясь с Легионом и всем, окружавшим его в этой жизни. Он снова заглянул в отцовский кабинет, думая о том, что разрушить собранную здесь коллекцию — преступление против самой истории...

А потом он вернулся в оперативный штаб.

— Ну, как дела?

— По-прежнему неважно, сэр.

— Но мы продержимся до прибытия «Хитти»?

— Да, сэр. Вы думаете, ее пошлют в атаку одну?

— Не знаю. Но здесь нет ни одного корабля, способного противостоять ей.

— Корабль класса «Империя» собьет любые десять из этих кораблей, но еще останется пятьдесят с чем-то.

— Как только примешь ее сигналы, сообщи всю известную нам информацию. Особенно об их жестком режиме атаки. Чтобы напасть на «Хитти», придется этот режим нарушить, ведь так? Возможно, кому-то из корабельных капитанов придется для этого сделать крюк.

— Есть, сэр.

— Новые расчеты, сэр, — доложил офицер постарше, уже отслуживший свой срок в Легионе.

Маус посмотрел на цифры. Они предсказывали, что сангарийцы сметут внешние оборонительные линии и не меньше пятнадцати кораблей прорвутся к поверхности планетоида.

— Да, плохо дело. Выходит, «Хитти» — наша единственная надежда.

— Да, сэр.

— Сэр! — доложил старший вахтенный. — Мы только что засекли еще одну приближающуюся группу вражеских кораблей.

— Что?

— Успокойтесь, сэр. Это не боевые корабли. Вот смотрите: их всего пять. Четыре крупных, похожих на транспортные или что-то в этом роде, и один средних размеров — наверное, флагман.

— Транспортные? Ну да, конечно. Они доставят сюда десант.

Фрида, сидевшая с другой стороны от вахтенного, немного успокоилась. Бегло просмотрев информацию, она вышла из комнаты — в первый раз за несколько часов.

— Передайте в Арсенал — пусть готовятся к раздаче стрелкового оружия, — сказал Маус. — И скажите, чтобы проверили все внутренние системы обороны. Расчетчики! Дайте мне время их посадки — самый лучший и самый худший вариант. — Маус добавил, скорее для себя, чем для окружающих: — Отец считал, что Крепость выдержит любую атаку. Боюсь, он не учел атаку, возглавляемую безумцем.

— М-м-м... Сэр, еще никто не придумал совершенной защиты от человека, которому безразлично, что с ним станется.

На следующий вечер Маус построил в гимнастическом зале всех обитателей Крепости, разъяснил им ситуацию и спросил, есть ли какие-нибудь предложения. Все молчали. Да и что тут можно было предложить? Единственное, что оставалось, — это держаться до прибытия флота. Маус попросил каждого выполнять свой долг и, еще не договорив фразу до конца, пожалел, что он собрал их вместе, лишний раз напомнив о детях, что находились в Крепости и должны были разделить ее судьбу.

Тревожный сон Мауса прервало стрекотание коммуникатора.

— Шторм слушает.

— «Хитти» нам сигналит, сэр. Она скоро вступит в бой.

— Я сейчас приду.

Когда он появился в оперативном штабе, старший офицер доложил:

— Мы передали им всю имеющуюся информацию, сэр. Установили постоянную связь. С «Хитти» пара кораблей класса «Провинция» — лучше, чем ничего. Они вначале возьмутся за флагман и транспортные корабли.

— Как скоро это произойдет?

Вахтенный проверил время.

— Они выйдут из гипера через два часа восемь минут, сэр. Приблизятся на большой скорости и всего с парой градусов отклонения от направления на цель.

— А когда их обнаружат наши сангарийские друзья? — Маус кивком показал на красные блики.

— Может быть, минут через пять, а может быть, и через час, в зависимости от возможностей их аппаратуры.

Прошел примерно час.

— Черт! — Маус сплюнул. — Они отходят!

Еще через полчаса стало ясно — рейдеры просто перегруппировались для защиты флагмана и транспортных кораблей, а контроль над ними нисколько не ослаб.

— Сейчас увидим, на что годны эти толстозадые малыши, что зовутся «Империями».

— Надеюсь, что увидим, сэр.

«Хитти» вышла из гиперпространства и с потрясающей силы залпом ввязалась в бой. А потом принялась спокойно и методично крушить вражеский флот. Вначале казалось, сангарийцы совершенно беспомощны перед ней. Однако очень скоро обнаружилось, что непобедимость «Хитти» — всего лишь иллюзия.

— Алло, Железный Легион? Говорит «Хитти». Ребята, не хотелось мне этого говорить, но придется. Нам тут порядком попортили драйвы. Выбор такой — или выйти из боя, или лишиться экранов. Так что извините.

— Извините? — едко переспросил Маус. — Извинениями делу не поможешь.

— По крайней мере мы их здорово потрепали, и теперь вам будет полегче. — Офицер связи на «Хитти» пропустил последние слова Мауса мимо ушей. — Одиннадцати крепко

намяли бока, а уж скольким носы расквасили — и не сосчитать. Так что удачи вам, ребята. «Хитти», конец связи.

— Сколько осталось кораблей противника? — спросил Маус.

— Достаточно, чтобы прорваться сюда, сэр. Если только за расквашенными носами не скрывается что-нибудь посерьезнее.

— Черт побери! Вот уж чего я совсем не ожидал.

В штаб пришла Фрида — в первый раз за утро.

— Ну, как наши дела?

Маус сообщил ей мрачную новость.

— Будь оно все проклято! — Фрида пулей выскочила из зала.

Возвращаясь к себе, Маус наткнулся на носилки с телом девушки. Маус ее не узнал. На вид лет пятнадцать. Должно быть, дочь кого-то из нижних чинов.

— Что за черт?

Маус опустился на колени и взял ее за руку. Пульс прощупывался — значит живая. То ли без сознания, то ли спит.

Он вздрогнул от звука шагов. Подняв голову, Маус увидел двух стариков, которые тащили носилки с еще одним подростком. Тот, что шел сзади, взглянул на него украдкой, но ничего не сказал.

Он побежал за ними в распахнутые двери спален и застыл у самого порога, пораженный диким зрелищем. Горел свет. Примерно с полдюжины ветеранов торопливо укладывали на носилки детей.

— Что здесь происходит, черт возьми? — спросил Маус.

На него посмотрели. Никто не сказал ни слова. Никто не улыбнулся и не нахмурился. Двое из них нагнулись и, подняв носилки, направились к нему. Маус схватил кого-то за руку.

— Я задал вопрос, солдат!

— Маус.

Он обернулся и увидел Фриду, стоявшую в дверном проеме всего в каком-то метре от него.

— Мать, что за чертовщину ты тут затеяла?

Она сдержанно улыбнулась.

— Мы грузим вас, молодых, на борт «Эрхардта». И отправим к твоему отцу. Звездоловы прикроют вас огнем.

«Ну что же, идея неплохая», — вихрем пронеслось у него в голове. Как же он сам не додумался... Детей нужно спасти.

Конечно, риск тут немалый, но «Эрхардт» — один из самых быстроходных кораблей... Одно ему не нравилось — похоже, Фрида и его самого вздумала запихнуть в этот Ноев ковчег. Это неприемлемо.

— У меня есть здесь работа.

Фрида слабо улыбнулась:

— Я освобождаю тебя от командования, Маус. Эй, носилки сюда!

— Не вздумай применять силу...

— Поцелуй за меня отца, Маус. — Она нажала на спусковой крючок.

Маус не успел отпрыгнуть. От вспышки парализатора тут же смешались мысли. Он падал, падал... и так и не коснулся пола.

ГЛАВА СОРОК ДЕВЯТАЯ:
3032 год н.э.

Шторм рывком соскочил с кровати. Кошмарная реальность сгущалась над ним, словно грозовая туча. Атака на его собственный дом... Вот оно. Вот чего он не предусмотрел. Это война против его семьи. И он оставил незащищенный фланг.

— Это правда? — спросил он, не в силах думать ни о чем другом.

Терстон посмотрел на него недоуменно.

— А какой смысл мне врать?

— Ладно, не сердись. Я просто не подумал. Пойдем.

К возвращению Шторма Маус уже наладил постоянную инстелную связь.

— Маус, на что оно там похоже?

Экран вспыхнул. Ответ, казалось, тащился не быстрее света.

— Ничего хорошего, отец. Они прут, как сумасшедшие. Даже не маневрируют. И похоже, что они знают наши слабые места. Мы пока держимся, но наши форпосты рушатся еще быстрее, чем предсказывал компьютер. Думаю, без посторонней помощи нам не обойтись.

Пока Маус докладывал обстановку, Гельмут что-то шепнул Шторму на ухо.

— Отлично, Маус. Делай пока что можешь. Гельмут говорит, что мы уже связались с Цейслаком и попросили звездоловов дать знать Бэкхарту. — Он снова прислушался к шепоту Гельмута. — А, вы и это сделали... Прекрасно. Слушай, уже отданы приказы. К вам идет с Ханаана группа тяжелых кораблей, две эскадры из Мира Хельги, а «Хитти» крейсирует поблизости. К вам весь этот чертов флот направляется.

Корабли флота всегда и везде были готовы бросить все, если намечалась стычка с сангарийцами.

— Держись, сынок. Крепость тебя не подведет. По моему проекту строилась.

— Спасибо, отец, — улыбнулся Маус. — Мама просила передать, что любит тебя. Ну все, у меня тут работа.

Кто? Мама? О ком это он? Ах да, Фрида. Справится ли она? Шторм пожал плечами. Справится, конечно. Она дочь солдата и жена солдата.

Время покажет. Если Крепость падет прежде, чем подоспеет флот, он снова превратится в бедняка, во всех смыслах. Он потеряет все свои сокровища, лишится самых дорогих ему людей. Единственное, что у него останется, — это деньги Легиона... Шторм с трудом заставил себя вернуться мыслями к Уайтлэндсунду.

Отряд Хавика здорово потрепали, но он держался. К теневой станции подтягивался батальон пехоты. Если Хавик продержится до тех пор, пока батальон не отойдет на Темную Сторону, Шторм будет уверен в победе.

А сейчас он ничего не может сделать, только драться здесь.

— Терстон, смени меня. Пойду-ка я прогуляюсь.

— Там дождь полил, отец.

— Знаю.

Через некоторое время Шторм заметил, что он не один. Рядом с ним, ссутулившись, шла Поллианна. Они не виделись с того дня, как погиб Вульф.

— Здравствуй.

— Привет, — ответила она. — Ну что, плохо?

— Они напали на Крепость.

— А там никого?

— Там Маус и семьи легионеров.

— Значит, воевать некому...

— Они будут воевать. Не хуже любого легионера. И к тому же там все на автоматике.

— А можно попросить помощи у флота?

— Он уже в пути. Но путь займет неделю. Это долго, если командующий рейдеров настроен решительно.

— И все это из-за Плейнфилда. Из-за Майкла Ди.

— Мой брат тоже пешка. А заправляет всем сангариец по имени Диф.

Они прошли молча целый квартал. Потом Поллианна сказала:

— Люблю дождь. Вот чего мне не хватало в Крепости.

— М-да...

— А вот бродить по Горе я не могла. Небо там слишком большое.

— М-да...

Шторм уже не слушал ее. Он снова задумался о Крепости.

— Наверное, его вывел из себя поворот событий здесь. Или в Мире Хельги — не знаю. В атаке на Крепость прямо сейчас нет никакого тактического смысла.

Шторм рассказал, не повышая голоса, что Мир Хельги стал ловушкой для основных сил сангарийского флота и что война на Теневой Линии все еще может пойти так, как выгодно Легиону.

Поллианна слушала Шторма так же рассеянно, как он ее.

— Нам сюда, — сказала она, остановившись возле подвальной лестницы. — Хочу показать тебе, где жил мой отец. И где, наверное, навсегда осталось мое сердце.

Шторм спустился вслед за ней в крошечную каморку, которую девушка когда-то делила с Фрогом. Теперь призрак этого карлика был ее единственным обитателем. Поллианна давно переехала в квартиру, полученную от Блейка.

Шторм сразу понял, что эта каморка — часовня с мощами. И ему стало неловко. Нейтрально-внимательно слушая рассказ Поллианны об экспонатах ее маленького музея, он чувствовал себя как вуайерист, подглядывающий через замочную скважину в ее душу. Этот страстный, одержимый монолог помог ему чуть лучше понять Поллианну Эйт.

Из подвала они отправились в комнату Шторма и занялись любовью, а потом лежали, обнявшись, глядя на закатное

зарево, перешептываясь о кошмарах, ставших явью, и мечтах, обратившихся в дым.

— Я хочу вернуться в Моделмог, Гней, — произнесла она устало. — Там я была по-настоящему счастлива. А Люцифер... Думаю, мы поладили бы, если бы не вся подоплека.

— Такова жизнь, милая. Она не оставляет тебя в покое. Бьет до тех пор, пока не нащупает слабые места, а тогда разбивает тебя на куски.

— И так всегда должно быть?

— Не знаю. Некоторым людям удается проскочить на крутых поворотах. У них не бывает трудных времен, и на жесткую дорогу они не попадают. Или это так кажется со стороны.

— Сыграй мне что-нибудь на этой смешной черной штуке. Когда я слышу эту музыку, то каждый раз представляю себе одинокого старика на дороге в горы... Отшельника, как мне думается. Старик оглядывается на город и спрашивает себя — не упустил ли он что-то? Нет, вроде бы ничего не упустил — он жил когда-то в этом городе и делал все, что должен был... А, да ты смеешься надо мной!

— Нет. Просто слегка удивлен.

— Во всяком случае, мне всегда становится грустно от этой мелодии. Наверное, сейчас мне хочется погрустить. Я чувствую себя, как тот старик в горах. Я ведь была там, но что-то упустила.

— У тебя впереди еще много лет, чтобы это отыскать.

— Если я и отыщу, то уже что-то совсем другое. Я ведь уже не та Поллианна, что раньше. Я сделала многое такое, за что сама себе не нравлюсь. Я причиняла людям боль. А Фрог учил меня, что нельзя делать больно другому человеку.

Шторм послюнявил мундштук кларнета и решил встряхнуть Поллианну двумя пьесами Хоаги Кармайкла.

Когда музыка стихла, Поллианна сказала с улыбкой:

— Даже не подозревала, что эта штука может звучать так радостно. Ты никогда...

— Бывает, она звучит еще радостнее. Просто у меня раньше сердце не лежало к такой музыке.

— Очень странная музыка. Что-то дикое и примитивное.

— Музыка очень старая. Ей больше тысячи лет.

— Спасибо, мне стало получше. А теперь иди ко мне.

Они снова ласкали друг друга, а потом уснули бок о бок за чтением Экклезиаста.

Он проснулся от писка коммуникатора.

— Гней, они взяли Крепость! — заревел в динамике с трудом узнаваемый голос Гельмута. — Только что пришло сообщение. От Фриды. Она еще послала тебе личное... Ты бы пришел сюда...

Помрачневший Шторм стал одеваться.

— Что там такое? — спросила Поллианна, с тревогой вглядываясь в его вдруг окаменевшее лицо.

— Мы потеряли Крепость.

— О нет! Нет! А как же твоя жена... Твои дети...

— Успокойся, прошу тебя.

Ничего не чувствуя, он оделся и вышел. Путь до штаба он не запомнил. Просто вдруг оказался там. Что-то мешало ему до конца осознать страшную новость. Было такое чувство, будто это еще одно звено в цепи катастроф, происходивших с кем-то другим.

— Дай мне депешу от Хельги, Гельмут, — сказал он, сообразив наконец, где находится.

— Гней?

Он поднял глаза. Рядом стоял Гельмут с микропленкой. Шторм опять не заметил, куда девалось время.

Шторм зарядил картридж с преувеличенной осторожностью пьяного. Вначале пошли сводки из оперативного штаба. Он перематывал пленку до тех пор, пока на экране не показалось бледное лицо Фриды. Она шевелила тонкими обескровленными губами, Шторм не услышал ни слова.

«Что же с Маусом?» — подумал он. На кадрах из оперативного штаба Мауса не было.

«Только не Маус! — мысленно взмолился Шторм. — Он — наше единственное завтра!»

Фрида что-то говорила о боях на уровне доков. Он прибавил звук.

— ...и проникли в жилые помещения. Они упрямые, Гней. И очень примитивные. В общем, типичные люди. Я посадила всех детишек на «Эрхардта». Корабль стартует, когда, по расчетам компьютера, у него будет больше всего шансов прорваться. Сейнеры обещают их прикрыть. Мы скоро потеряем

с ними контакт. Пираты подходят к нашим ретрансляторам. «Эрхардт» взлетел. Пожелай им удачи.

Гней, я заканчиваю наш разговор. Очень хотелось бы остаться в твоей памяти хорошим солдатом, но очень боюсь, что я наделаю глупостей. Прости, если я чем-нибудь когда-нибудь обидела тебя. Помни про мою любовь. И расскажи про меня отцу.

Мы задержим их, насколько сможем. А потом пусть ими занимается флот.

Она слабо улыбнулась и выпятила губы, посылая ему из космической дали прощальный поцелуй, а потом отключила свой экран. А трансляция по инстелу продолжалась. Какой-то старческий голос методично зачитывал донесения из информационного центра оперативного штаба Крепости.

Шторм вздохнул и закрыл глаза. Как бы там ни было, а детей спасли. Сейчас он дотошно исследовал самые темные закоулки своего мозга и, выскребая оттуда остатки застарелого гнева и ненависти, тут же выбрасывал в мусорный ящик для непродуктивных эмоций. Сейчас ему как никогда нужно держать себя в руках.

— Гельмут, где последняя сводка о нашем положении?

Новости из Уайтлэндсунда звучали не намного лучше. На Хавика накатывали волны атаки одна за другой. Похоже, Майкл совершенно осатанел.

С теневой станции шли подкрепления, но это была капля. Почти все боевые краулеры ушли далеко по Теневой Линии.

Светлым пятном оказался Мир Хельги. Звездоловы сообщили, что сангарийские рейдеры уничтожены. Космические пехотинцы пришли на смену десанту Цейслака, а сам он уже взял курс на Черный Мир.

Шторм отправил Терстона за Блейком.

— Мистер Блейк, — сказал Шторм, когда тот прибыл в штаб, — мы уже на последнем издыхании. Единственная наша возможность — уничтожить оперативную базу Ди.

— Полковник...

— На этот раз мы не будет открывать дебаты. И спорить мы тоже не будем — эта стадия прошла. Я просто это сделаю. И сейчас ставлю вас в известность, чтобы соблюсти формальности. Я сделаю это, даже если вы станете настаивать на голосовании. Помните, все представители под моим контро-

лем. Скоро сюда прибудет один из моих кораблей. Я его использую для высадки в Сумеречном Городе.

— Но, полковник...

— Блейк, мы теряем Уайтлэндсунд. Чтобы у Кассия был шанс прорваться сюда и спасти вашу задницу, я должен лишить Ди снабжения. Неужели вам не понятно?

— А вдруг он просто возьмет, да и захватит Эджворд?

— Может случиться. Не могу гарантировать, что он не попытается. Однако сейчас ему это будет очень хлопотно. Вы готовы к встрече. А он давно под открытым небом, и поддержка из Сумеречного Города была незначительна. Пока что. Потому что он не рассчитывал на сильный отпор.

— И что из этого?

— А то, что у него закончатся боеприпасы, прежде чем туда доставят новую партию. Что бы мы ни делали, он все равно возьмет Уайтлэндсунд. Но если мы ударим по Сумеречному Городу, то поставим его в то же положение, в которое он поставил Кассия. Чтобы выжить, ему придется брать либо Сумеречный Город, либо Эджворд. Что бы он ни решил, ему придется выбить меня из прохода. А пока он будет это делать, Кассий сможет прорваться. В таком случае Ди настанет конец. Если, конечно, он не прибегнет снова к ядерному оружию. Которое он вряд ли возит с собой, скорее он держит его наготове где-нибудь на севере. Таким образом, для нас взятие Сумеречного Города становится императивом.

Шторм не стал говорить, сколько в его расчетах догадок и надежд. Майкл бывал непредсказуем даже в самой просчитываемой ситуации. Он вполне мог выбрать простейший способ и забросать местность ядерными зарядами — если он вез их с собой. Или перенять тактику Хоксблада и удерживать позиции до тех пор, пока есть боеприпасы, в надежде, что у Кассия они закончатся раньше. Потому что ситуация со снабжением была у Вальтерса не менее сомнительна, чем у него.

Дни тащились, как раненая корова. С Теневой Линии перебрасывались люди и вооружение, но меньше, чем надо было, чтобы сдержать постепенное продвижение Майкла на Уайтлэндсунд.

Технику и людей продолжала увлекать на запад по Теневой Линии могучая сила инерции, и только преодолев ее,

Шторм мог выставить против Майкла крупную и хорошо организованную группировку...

— Отец, Хавик хочет поговорить с тобой, — сказал Терстон однажды утром.

— Переключи его на меня. — Шторм повернулся к экрану: — Слушаю вас, подполковник.

— Полковник Шторм, я не справляюсь с задачей. Прошу меня простить. Нас так обстреливают, что головы не поднять, да плюс еще это доисторическое снаряжение... Простите, сэр, за не относящиеся к делу слова. Я хотел бы просить разрешения не распылять силы и сосредоточиться на защите плацдарма. Когда вы соберете достаточно техники, потребуется место сосредоточения для контратаки.

Шторм кивнул:

— Я ожидал этого, подполковник. Поступайте как считаете нужным. Хочу вам сказать, что вы сделали все возможное. Простите, что не смог оказать вам более сильной поддержки.

— Спасибо, полковник.

— Терстон, где сейчас Кассий? — спросил Шторм.

— Пока еще далеко, отец. — Терстон включил освещение большого экрана. — Колонна движется круглосуточно, но эти чертовы машины быстрее идти не могут. Соединить вас?

— Не сейчас. Слишком раннее время для перебранки.

Он регулярно обсуждал с Кассием создавшееся положение, и каждый раз дело заканчивалось спором. Потеря Крепости стала для Вальтерса самым тяжелым ударом за все время, что Шторм его знал. После долгих лет службы у Кассия появился наконец личный мотив для войны. Шторм предвидел классическое кровопускание, когда Кассий схлестнется с Ди.

Он внимательно следил за продвижением Цейслака. Перелет из Мира Хельги в Черный Мир был очень не близок. Здесь все могло закончиться еще до прибытия Хейкса.

Большую часть времени Шторм проводил в одиночестве за письменным столом. У него накопилось множество мыслей, которые хотелось записать. Шторм хотел передать свои мысли Маусу и надеялся, что тот поймет.

«Эрхардт» с грохотом приземлился в примитивном космопорте Эджворда, и Шторм вышел его встречать.

Вела корабль одна из его внучек. Все остальные пассажиры еще не пришли в сознание. Шторм прошелся по отсекам,

оглядывая Мауса, Люцифера и всех своих бесчисленных внуков и внучек и детей остальных легионеров. Он шел медленно. Сейчас он видит их всех в последний раз.

Глупенькая милая Фрида пожертвовала своим будущим ради будущего этих детей. Да, она была дочерью солдата.

— Она всех нас обвела вокруг пальца, дедушка, — сказала ему внучка. — Мы хотели остаться. Все, даже малыши. Бабушка подмешала наркотик в водопровод. Наверное, она сговорилась со стариками. Нас погрузили в корабль и пустили его на автоматике, а звездоловы прикрыли нас огнем. Так просто нечестно?

— Тебе хотелось умереть, Золотинка?

— Нет. Но мы были там нужны. Мы сейчас должны были быть там...

— Вас бы тогда уже не было в живых. Мы уже несколько дней как потеряли связь с Крепостью. Даже автоматические сигналы не слышны.

Шторм не питал ни малейших иллюзий. Крепость захвачена от поверхности до компьютерного центра. И Диф взял ничуть не больше пленных, чем Борис и Кассий на Префектласе.

— Ой!

Его внучка не выдержала и разрыдалась.

— Не надо, родная моя. Не время лить слезы. Они умерли, как хотели... Мы ведь — Железный Легион, не забывай! — сказал Шторм и стиснул зубы, едва не заплакав сам.

— А мне все равно!

— Ну, тише, тише, там нас ждут чужие. Нельзя плакать при чужих.

Она постаралась унять слезы.

— А ты, Золотинка? Как вышло, что ты уже очнулась?

— Они мне ввели пробуждающее. Чтобы оно сработало, когда уже будет поздно поворачивать обратно. Кто-то ведь должен был посадить корабль. А я — лучший пилот. У Мауса даже прав нет водить такие крупные корабли. Что же нам теперь делать, дедушка?

Шторм силился выглядеть как можно бодрее.

— Одну битву мы выиграли, одну проиграли. Теперь попытаемся взять два очка из трех. Постараемся разделаться с ними здесь.

Его бодрость улетучилась. Шторму не удалось заставить себя изображать оптимизм при вполне реальной безнадежности.

— Им это дорого обойдется, Золотинка. Они сто раз пожалеют, что нас тронули.

Но Шторм сам не представлял, как выполнить это обещание, как, впрочем, и большинство обещаний, данных им за последнее время.

Старенький челночный краулер за три рейса доставил молодежь в город. Эджвордцы приняли их тепло, не зная, что не город и его проблемы были настоящей причиной несчастья этих людей, осиротевших и потерявших свой дом.

В четвертый рейс краулер повез десантную группу. Терстон. Люцифер. Гельмут. Маус. Лучшие из тех, кто выжил после засады на колонну Майкла. Поллианна, которую никакие доводы не смогли отговорить от попытки восстановить добрые отношения с бывшим мужем. И еще был с ними Альбин Корандо, решивший вернуться домой, чтобы помочь сохранить закон и порядок в городе, который отправил его в изгнание.

Перед общей предстартовой проверкой Шторм проэкзаменовал Корандо. Этот человек был похож на высохшего черного орла, угрюмо изучающего свое оружие. Шторм подумал, что он похож на Кассия, нашедшего себе задачу, имеющую для него особое личное значение. На Кассия, каков он есть сейчас.

Это был отряд мрачных, молчаливых коммандос. Не слышно было разговоров, обычных нервных шуток, никто даже не повторял вполголоса свои действия согласно боевому расчету. Каждый предпочел замкнуться в себе, остаться наедине с собственными мыслями.

Шторм дал старт.

ГЛАВА ПЯТИДЕСЯТАЯ:
3032 год н.э.

Шторм провел крейсер низко над поверхностью планеты на большой скорости и посадил в ста метрах от южного шлюза Сумеречного Города. Корабельные орудия заговорили еще в воздухе. Пучки когерентного света смели все, что находи-

лось за пределами купола. Снаряды обрушились на противоударное стекло купола, прогрызя в нем дыру в двухстах метрах к западу от шлюза. Наружу со свистом вырвался замерзающий воздух, смешиваясь с поднятой пылью в клубящиеся облака. Прожектора купола метались в тщетной попытке обнаружить врага, который так и не появился.

Декомпрессия была не моментальной. У жителей города оставалось время уйти с улиц и укрыться в герметизируемых зданиях. Однако гарантия личного выживания — это был максимум, который Шторм решил им дать.

Гельмут захватил шлюз еще раньше, чем Шторм посадил корабль. Дарксорд перебрасывал внутрь последнюю группу десантников, когда сам полковник сошел на землю. Возглавив группу из Корандо, Поллианны, Терстона, Люцифера и Мауса, Гней бросился к зданию, где располагалось правительство Сумеречного Города.

Он дал приказ стрелять по всему, что движется. Пусть эти горожане сразу забьются в норы. Малочисленность его отряда вынуждала бить сильно и беспрестанно. Он не мог позволить себе дать противнику время опомниться.

Единственное встреченное ими сопротивление — это был одинокий снайпер, который сдался, едва открыли ответный огонь.

Вход в здание Городского Совета, как и в Эджворде, представлял собой массивный люк. Он был задраен.

— Взрывай! — приказал полковник Терстону.

Его сын заложил заряды.

— Все назад! — закричал он, и сразу же после его слов раздался оглушительный взрыв.

Шторм пролез в брешь и осмотрел внутреннюю дверь. Она не была заперта.

— Найдите что-нибудь прикрыть внешнюю дверь! — приказал он.

Маус с Люцифером отодрали где-то лист пластика и прилепили его поверх пробоины.

— Течь все равно будет, отец, — предупредил Маус.

— Но полной разгерметизации не будет. Это все, что меня сейчас волнует.

Он не хотел вреда мирным жителям. Они, как любой народ на любой войне, были просто жертвами собственного правительства.

Шторм был настроен великодушно. Прежде он не раз говорил, что народ уже тем виноват, что у него такие вожди.

Шторм и Терстон подготовились к штурму внутренней двери.

— Вперед! — прорычал Терстон, и Шторм вышиб створку ногой. Терстон ворвался внутрь на своем реактивном устройстве, пролетев по диагонали зал примерно в тридцать метров длиной и двадцать шириной. Его широко расходящимися лучами встретили лазерные пистолеты.

Терстон выпустил противотанковую ракету. Не успели осесть обломки, как Шторм, Люцифер и Маус ворвались в зал, стреляя на ходу, и укрылись за мебелью. У Поллианны и Корандо хватило соображения не лезть в дело, которому они не обучены. Они лишь поддержали атакующих огнем.

Вторая ракета Терстона и гранаты остальных убедили оппонентов — они сдались. У них не было бронекостюмов. Из пятнадцати в перестрелке их уцелело четверо.

Корандо задраил внутреннюю дверь, остановив утечку воздуха.

— А где все важные шишки? — спросил Шторм у пленных, откинув забрало. — Где Мичем?

Ответом ему были хмурые взгляды.

— Ладно, будь по-вашему. Люцифер! Расстреливай по одному, пока кто-нибудь мне не ответит.

Пленники заглянули в его единственный суровый глаз и поверили. Шторм не блефовал. Он сейчас не считался ни с чем и меньше всего — с жизнью людей Майкла. Людей, которых он больше всего ценил, уже на свете не было.

— Наверху. Четвертый ярус. В Центре связи. Просит подмоги.

— Благодарю. Вы — истинные джентльмены. А теперь покажите дорогу.

Они замялись.

Вздрогнувший на спусковом крючке палец тут же привел их в движение.

Лифты не работали. Шторм пожал плечами — неудивительно. Провожатые вывели его к аварийной лестнице. Терстон высадил взрывом пожарную дверь. Великан рисковал снова попасть под лазерный луч, но любил устраивать взрывы.

Из дыма ударил луч и прожег аккуратную дырочку в левой икре Люцифера. Второго выстрела сидевший в засаде сделать не успел.

— Поллианна, позаботься о нем, — бросил Шторм на ходу. — Остальные — наверх! Всем быть предельно внимательными.

Еще двое попали под огонь, пока они добирались до четвертого яруса. Еще три снайпера были убиты на месте.

Когда Терстон закладывал взрывчатку под дверь узла связи, Корандо сказал Шторму:

— Эти люди не из Сумеречного Города. Они вообще не из Черного Мира.

— Я так и думал. Жители Черного Мира не стали бы палить почем зря в тесном пространстве. Кто всю жизнь страшился вакуума, не станет так запросто дырявить стены.

— Именно так.

— Отойди-ка лучше назад. Когда дверь откроется, здесь будет жарко.

Терстон подорвал заряды. И тут же по ним открыли ответный огонь. Шторм и его сыновья принялись швырять в дверной проем гранаты, вначале осколочные, потом слезоточивые, потом дымовые шашки. Выждав немного, они ворвались внутрь.

Сквозь густой дым Шторм через инфракрасные фильтры увидел людей, пытавшихся спастись через другие выходы.

— Маус! Останови вон тех. А ты, Корандо, — вот этих.

Сам он вместе с Терстоном бросился вперед, к той группе, которая казалась ему самой опасной. Это были опытные с виду ребята, и среди них был сын его брата, Сет-Беспредельный.

Терстон возвестил о своем прибытии ракетой. Тут же множество рук взметнулось кверху. В клубах дыма и слезоточивого газа защитники не могли определить численность нападавших.

Сет-Беспредельный в этой сумятице сумел ускользнуть.

Давящихся кашлем пленников согнали на середину комнаты. Мауса, Терстона и Корандо Шторм поставил у дверей. Когда Поллианна привела Люцифера, он доверил ей главный вход. А потом сел и стал ждать, пока дым немного рассеется и пока Гельмут доложит общую обстановку.

Коммуникаторы трещали без умолку — люди со всех концов города запрашивали инструкций.

Воздух стал чище. Шторм откинул лицевое стекло и спросил:

— Кто из вас Мичем?

Какой-то болезненного вида старик — именно такими Шторм представлял себе пожилых бандитов — робко поднял руку. От газов и дыма его вывернуло наизнанку, а теперь било мелкой дрожью. Краем глаза Шторм заметил, что Корандо утвердительно кивнул.

— Тогда позвольте мне спросить вас, сэр, что за бес вас попутал? Не будете ли вы так добры объяснить, почему вы нарушили контракт с Ричардом Хоксбладом ради сделки с этим бандитом Майклом Ди? Ну, или Дайболдом Амелунгом, если вам так угодно. И еще скажите ради Бога, зачем вы применили против моих людей на Теневой Линии ядерные заряды?

У Мичема отвисла челюсть. Он взглянул на Шторма с неподдельным недоверием. Постепенно это выражение сменилось нескрываемым цинизмом.

— Ах, понимаю. Он и вам голову заморочил. Что ж, верьте или не верьте, но это правда. Иначе бы меня здесь не было.

Он вкратце рассказал о том, что случилось с Вульфом.

— Но я не знал... — промямлил Мичем. А потом добавил: — У нас уже которую неделю подряд нет связи с Теневой Линией. Они объясняли это поломкой оборудования. Сын Амелунга прибыл оттуда и уверял, что все прекрасно. Якобы наши войска успешно отбивают ваши атаки, а проект выполняют даже с опережением плана.

— Прекрасного там ничего нет. С вашей точки зрения по крайней мере. Битва на Теневой Линии закончена. Вы проиграли. Потому что командовал не Хоксблад. Потому что так подстроил какой-то идиот по имени Ди. Ну а теперь расскажите, что за силы ударили по нам на Темной Стороне? Вам не кажется, что это не по правилам?

Мичем нахмурился. Он был стар, но еще вполне крепок. И быстро восстанавливал физическую форму.

— О чем вы говорите?

— О той колонне, что осаждает Эджворд и Уайтлэндсунд. Кто-то ведь послал на нас шесть бронированных краулеров и

двадцать одну машину поддержки. От которых, кстати, осталась половина.

Мичем выпрямился.

— Полковник Шторм... — сказал он. — Ведь вы Шторм, я полагаю? Так вот, я понятия не имею, о чем это вы толкуете. Я специальным приказом запретил любые действия на Темной Стороне. — Старик довольно быстро отходил от шока. — Создавать прецедент войны на Темной Стороне было бы безумием, полковник. Последствия для бизнеса были бы катастрофичными.

— А что стало с Хоксбладом, Мичем? Почему против меня воюют сангарийцы под началом Ди?

Старик полыхнул взглядом.

— Этого не может быть! — воскликнул он. И вдруг, изменившись в лице, резко опустился в кресло. Шторм даже испугался, что старика хватил удар. — Сангарийцы? — переспросил он шепотом. — Сангарийцы? Нет. Этого просто не может быть.

Среди пленников тоже началось брожение. Пришельцы из других миров явно занервничали. Уж они-то знали, сангарийцы они или нет.

— Вы не обязаны принимать мои слова на веру, Мичем. Позвоните Вальтеру Каррингтону из Города Ночи. Мы отправили туда несколько трупов, подобранных после боя возле Эджворда. Его люди произвели вскрытие. И теперь эту новость обсуждают под каждым куполом. Сумеречный Город используют сангарийские войска.

— Поговорите с моим племянником, — произнес Мичем еле слышно. — Он отвечал за военные дела. Он слишком уж стремился занять мое место, вот я и решил, что ответственность его отрезвит. И возложил на него руководство. Боюсь, он оказался слишком слаб. Ах, дьяволы! Кровавые дьяволы...

Шторм представил себе, как должен был обрадоваться Ди, найдя такого идеально управляемого союзника.

— Разделяй и властвуй. Ди так и действует, Мичем. Ловит людей на жадности. Без сомнения, у него был план отобрать акции у ваших директоров. Но все планы пошли прахом. Мы ударили по нему, когда они слишком растянули фланги. Их вездеход с бомбами попал в зону тепловой эрозии. Где сейчас ваш племянник?

Никто из присутствующих не сознался в том, что он Чарльз Мичем. Шторм посмотрел на Корандо. Корандо пожал плечами. Мичем-старший обвел взглядом своих плененных соратников и покачал головой. А потом поднялся и молча пошел к нагромождению трупов возле двери, охраняемой Терстоном.

— Вот он. Воздалось ему за грехи. — Мичем устало покачал головой. — Ах, дети, дети. Никогда не выходит из них того, что вы хотели бы.

Шторм тяжело вздохнул. Единственный пленник, который что-то знал, убит. Может быть, и рукой Сета-Беспредельного. Он не стал проверять, стреляли племяннику Мичема в лицо или в спину. Теперь это уже не имело значения.

И что же теперь?

— Мистер Мичем, я собираюсь предъявить условия капитуляции. Они очень просты. Вы откажетесь от своих претензий на Теневую Линию. Согласитесь сотрудничать ради того, чтобы участники ядерного заговора предстали перед судом. Согласитесь помочь выловить сангарийцев, просочившихся в Черный Мир. Примете участие в спасательных работах и эвакуации всех, кто угодил в ловушку на Теневой Линии. Освободите Хоксблада и всех его людей, которые находятся у вас в заключении. Думаю, что Ричард, со своей стороны, тоже выдвинет ряд условий...

— Гней!

Шторм обернулся. Оклик раздался из-за двери, которую охраняли Поллианна и Люцифер.

— Гельмут?

Старый воин приблизился к нему медленно, вразвалку. Шлем открыт, лицо — такое же бледное и напряженное, как после гибели брата.

— Что случилось, Гельмут? На тебе просто лица нет.

— Не воевать нам больше с Ричардом Хоксбладом, — выдавил из себя Дарксорд. И засмеялся. Смехом ненормального. — Мы опоздали — его уволокли на служебный ярус. Гней, это работа Зверя. Как во Вторую Темную Эпоху. Как в лагерях под Владимиром-Волынским.

— Он мертв?

— Да. И все его люди — тоже. Без возможности воскрешения. И они ждали смерти, как дара Божьего.

Шторм сидел, неподвижно уставившись в одну точку, погрузившись в отрывочные воспоминания о том, чем был, что значил для него Ричард. Вся их вражда и ненависть... которая никогда не мешала им соблюдать законы воинской чести.

— Мы позаботимся о них, — сказал Шторм. — Похороним с честью. Отправим домой и там похороним. Это я для Ричарда должен сделать.

Исчез один из столпов, подпирающих его вселенную. Что он станет делать без противника? Кто или что может заменить Ричарда Хоксблада?

Усилием воли он заставил себя прервать мрачные раздумья. Ричарда все равно больше нет. А у него остались собственные планы... Он вытащил свой старинный сорокапятикалиберный и медленно повернул барабан.

— Отец, — мягко окликнул его Маус. — Что с тобой?

— Ничего, Маус. Сейчас все будет в порядке. — Шторм посмотрел в глаза сыну. Его сегодня и завтра. Что-то похожее на глубокую грусть закралось в его душу. — Сейчас, минуту.

— Я слегка сровнял счет, — сказал Гельмут. — Жена Ди. Один выстрел. В голову. Да сжалится Господь над ее душой.

— Ах, Гельмут, Гельмут... — грустно произнес Шторм. — Что случилось с тобой, благородный рыцарь?

Тот Гельмут, которого он знал, не мог бы убить женщину.

— Я научился ненавидеть, Гней.

Трупы с поврежденным мозгом невозможно было вернуть к жизни.

— Сет-Беспредельный здесь, в городе, — сказал Шторм. — Мы видели его.

— И Феарчайлд тоже. Он и убил Ричарда. Когда мы появились, он был здесь. Мы его ищем. Горожане не доставляют нам хлопот — пока что.

— Очень хорошо. Относитесь к ним лояльно. И стерегите как следует все выходы из города. Эти Ди умеют находить лазейки.

— Мы прикинули, сколько у него было наемников под ружьем. Получилось, что не больше пятидесяти человек. Те, кого я не видел в других местах, все, похоже, здесь. Кроме человек пяти — десяти и самих Ди.

— Гельмут, будь поосторожнее. Они будут драться злее загнанных в угол крыс, если решат, что игра закончена.

Да, злее загнанных в угол крыс. Ди — умные, лишенные всякой совести крысы, бросающиеся прямо на горло тому, кого считают угрозой.

Они ударили через дверь, сначала дав ракетный залп, который перебил пленных, но не причинил ни малейшего вреда людям Шторма. А потом ворвались в комнату, прикрываемые огнем нескольких сангарийских стрелков.

Одному из атакующих Терстон размозжил голову ракетометом. И тут же Сет-Беспредельный уложил Терстона наповал выстрелом в лицо через шлем.

Лазерные лучи хлестнули по комнате, люди заметались в поисках укрытия. Альбина Корандо убило ракетой. Пригретый Фрогом сирота вернулся домой, только чтобы умереть.

Заговорил старый сорокапятикалиберный. Один из сангарийцев упал. Охнул и осел на пол стоявший рядом с Гнеем Гельмут. Еще один револьверный выстрел — и упал еще один сангариец. А Гней бросился на пол и попытался оттащить Гельмута в укрытие.

Слишком поздно. Смертоносные лучи уже прожгли Дарксорду шлем и нагрудник.

Приподнявшись на руках, Шторм в полном бессилии наблюдал, как Поллианна старается оттащить Люцифера от двери. Лучи настигли их обоих. Поллианну лишь ранило, и она успела уложить еще одного врага, прежде чем потеряла сознание от боли.

«Я и Маус, — подумал Шторм. — Так вот оно, последнее сражение. Даже смешно. Я ожидал чего-то помасштабнее. А тут двое против... А интересно, против скольких?»

Он осторожно выглянул из-за пульта. Сет-Беспредельный небрежно добивал последних пленников. Видимо, избавлялся от свидетелей, способных назвать имя Ди. И тут он с ужасом понял: если дать этим мерзавцам уйти, они сбросят на город атомную бомбу.

— Маус... — простонал он. Его любимый сын лежал на полу возле двери в сильно обгоревшем на боку костюме. Он казался мертвым.

— А-ах! — вздохнул Шторм.

Голова Мауса медленно поворачивалась к Сету. Костюм принял на себя удар лазерного луча. Маус лишь притворился мертвым.

— Не надо было брать его с собой... — прошептал Шторм, мрачно усмехаясь.

А где Феарчайлд? Шторм предположил, что все люди, ворвавшиеся сюда вместе с Ди, мертвы. Одни погибли во время атаки, других прикончили собственные наниматели. Никого из них не видно, да и не стали бы сангарийцы спокойно смотреть, как Сет убивает собственных плененных товарищей.

Вдруг пульт, за которым он прятался, вздрогнул от мощного взрыва, и Шторма отбросило назад.

Он успел заметить полет гранаты и понять, откуда ее бросили. Схватив оружие, выпавшее из рук Гельмута, он перекатился по полу, вскочил и открыл стрельбу с двух рук. Он едва не попал в Феарчайлда — в последний момент тот переполз в более надежное укрытие.

Сорокапятикалиберный рявкнул в сторону Сета-Беспредельного. Шторм снова бросился под пульт. Ящик треснул под жгучей энергией лазерного луча.

Шторм сдвинулся влево, к стене — здесь его труднее было обойти, — и открыл огонь, заставляя противников повернуться спиной к Маусу.

Револьвер замолчал — кончились патроны.

Добравшись до последнего доступного укрытия, Шторм остановился перевести дыхание.

Что дальше? Они будут напирать, и умело. Пока не доберутся до него наверняка. Значит, просто отсиживаться мало. Не пора ли ему...

Он давно решил, что есть вещь, которую надо сделать, иначе игру Майкла не разрушить. Эта вещь опрокинет расчеты Майкла и наполнит его сердце ужасом.

И сейчас время ее сделать.

Но Шторму было страшно.

С открытым шлемом, смеясь в лицо отродью Майкла, Шторм встал и принялся поливать лазерным огнем укрытие, в котором они прятались.

Луч пронзил его легкие в двух сантиметрах от сердца. Это было не так больно, как он ожидал. Рука его разжалась, оружие упало на пол.

Феарчайлд и Сет-Беспредельный медленно встали. На лицах их появилось выражение злобной радости.

Шторм улыбнулся им в лицо.

— Вы проиграли, кретины, — прохрипел он.

Маус выстрелил с какой-то сверхъестественной точностью, одним лучом пронзив затылки обоих Ди. У них даже не было времени удивиться.

Шторм смотрел, как они оседают на пол. И улыбался. Улыбался. Улыбался.

— Отец! — Маус подбежал к нему, подхватил под руки, пытаясь посадить.

— Время сеять и время собирать жатву, — прошептал Шторм. — Мое время кончилось, Маус. И время Железного Легиона тоже проходит. Но реки все так же текут в море... — Он закашлялся. Странно. Все еще не больно. — Настало время молодых.

Он заставил себя улыбнуться шире.

— Я отправлю тебя на корабль, отец. Переложу там на каталку.

Слезы покатились у Мауса по щекам.

— Нет. Не надо. У меня есть долг, сын. В Эджворде, в нашем штабе. Письмо. Ты все поймешь. Прими командование. Ты — последний из Штормов. Оставляю тебе Кассия и Легион. Ты завершишь цикл. Замкнешь круг.

— Но...

— Приказы не обсуждаются, Маус. Ты это знаешь. Иди помоги Поллианне. — Шторм отвернулся от сына и привалился к пульту. — Не отнимай у меня эту победу. Доведи дело до конца. — Он процитировал, уже самому себе: — Суета сует — все суета... Что пользы человеку...

На тихих шелковых крыльях спустилась Смерть и обвила его своими мягкими, ласковыми руками.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЕРВАЯ:
3023—3032 годы н.э.

— Лорд Рафу! — раздался голос осирианского радиста. — Экстренное сообщение из Тодесангст!

Старик, хромая, пошел в другой конец огромного коммуникационного центра, откуда управлялась империя Норбонов.

— Дайте мне распечатку!

Принтер загудел и выплюнул бумагу. Рафу ухватился за ее край и стал читать.

— М-да... — хмыкнул он.

Свернув лист, он направился в кабинет, которым пользовался довольно редко. Там он несколько часов изучал документ и наконец, решившись, взялся за телефонную трубку:

— Соедините меня с первым. Диф, важные новости из Тодесангст. Сейчас принесу распечатку.

Диф поднял глаза от распечатки. Да, Рафу очень стар. Старше любого из живых сангарийцев и почти в том возрасте, когда омоложение более невозможно. Слишком далеко заходит дегенерация нервной ткани.

Диф нахмурился. Скоро придется обходиться без Рафу. Как он будет справляться?

Он снова просмотрел сообщение.

— Наверное, я чего-то не вижу. Но не понимаю, что здесь такого особенного.

— Депеша пришла с красной пометкой. Я заинтересовался, чем там занимается Майкл, — вот и все.

— Отправь туда кого-нибудь, пусть проверят.

— Уже отправил. Диф, можно мне сказать?

— Ну давай. — Диф вяло улыбнулся. Таким голосом Рафу обычно сообщал дурные новости.

— Похоже, что он собирается от нас отделаться.

— Что заставляет тебя так думать?

— Цифры. Результат их сложения. Чертовские богатства достанутся тому, кто сможет укротить эту штуку. Это, и еще — риск, на который он пошел.

— Я не вижу...

— Сэр, ваш сын стал сангарийцем лишь по вашей воле. Если бы это от него зависело, он предпочел бы иметь другого отца. Он ведь вырос Штормом. И в глубине души до сих пор хочет оставаться Штормом. Или хотя бы быть человеком. Мы для него — скелет в шкафу, о котором он с удовольствием бы забыл. При желании он давно мог бы исчезнуть, но мы держали его на крючке денег и власти. А если бы он мог превратиться в кого-то другого, сохранив их...

— У него столько власти и денег, сколько только можно пожелать, Рафу.

— Сангарийские деньги. Власть, полученная от сангарийцев. Отравленная. И ее приходится делить. Мы им управляем. Мы можем его уничтожить, просто раскрыв тайну. С богатствами Черного Мира он сможет принять любое обличье из тех, что нам неизвестно, и скрыться, а нам останется ковырять в носу и думать, что случилось. Если, конечно, он не был настолько глуп, чтобы использовать для предварительных расчетов собственные вычислительные мощности.

Диф откинулся назад в кресле и закрыл глаза, стараясь превозмочь душевную боль. Скорее всего Рафу прав...

— Диф, есть признаки, что он уже пытался это сделать. Ничего конкретного, но много лет назад он гонялся за траулерным флотом звездоловов. Нам он никогда об этом не рассказывал.

— Ты считаешь, что он тогда уже задумал то, о чем ты говоришь?

— Да. Тот флот состоял из восьми траулеров. Это огромное богатство и к тому же отличное место, чтобы скрыться.

Как мог Майкл предпочесть что бы то ни было положению наследника первого из сангарийских Домов? Это противоречило всякой логике. Чего еще можно было бы хотеть? Диф спросил об этом у Рафу.

— Респектабельности. Признания на Луне-Командной. Реабилитации от грехов юности, за которые он поначалу и стал изгоем. От него просто разит желанием попасть в элиту людей. Он готов на все, даже пустить нас по водам, как хлеб из пословицы, чтобы этот хлеб вернулся к нему с маслом.

— Я не могу этого понять, Рафу. Отказываюсь понимать.

— У меня эмоциональная реакция точно такая же. Я умом понимаю его мотивы, но чувством понять не могу.

Рафу глядел в огромное окно поверх плеча Дифа на осирианский пейзаж. Диф тоже повернулся и посмотрел на этот кусок планеты.

— Он хочет, чтобы его любили. Тот самый вид, который его отверг. Таков сухой остаток, Рафу?

— Может быть. Любит ли кто-нибудь Майкла? По-настоящему — никто. Никто, кроме Гнея Шторма. А для всех остальных он просто орудие. Даже для нас. И он это знает.

Диф закусил губу. Если так обстоит дело, то Майклу можно даже посочувствовать...

— Дай-ка мне еще раз взглянуть на распечатку.

Проглядев документ еще раз, он сказал:

— От обязанностей перед Семейством ему не удастся уклониться.

Пока Диф просматривал цифры в третий раз, Рафу все глядел в окно. И после паузы сказал:

— Диф, скорее всего он интересуется той штукой в Черном Мире. Я проверил, прежде чем прилетел сюда.

Рафу бросил на стол Дифа схему.

— У нее есть некоторые странные физические параметры. Посмотри, как она расположена. Сундук с золотом вот тут. Это на территории Сумеречного Города, но добраться туда можно лишь с территории Эджворда. Сундук приличный и стоит войны. Я бы на их месте стал воевать. Если как следует подготовиться, это все может стать нашим. Вот как я себе это представляю: сначала мы спровоцируем войну. Поведем ее так, чтобы эти города наняли Шторма и Хоксблада. Если ограничить боевые действия дневной стороной, то мы сможем заманить в ловушку обе шайки. И тогда вдруг нет Шторма, нет Тадеуша Иммануила Вальтерса. И Хоксблада нет — гонорар Майклу за ведение спектакля. Конечно, это только грубая прикидка. Чтобы подготовить все как следует, потребуется уйма денег и долгосрочные исследования.

— Понимаю. — Диф улыбнулся. — Я думаю, ты прав.

Он широким росчерком расписался на клочке бумаги и добавил несколько слов.

— Отнеси это в финансовый отдел и бери, сколько понадобится, на свои предварительные исследования. Я высвобожу для этой работы всех, кто тебе будет нужен. Но только не зарывайся. Нарисуй план и посмотрим, как он выглядит. Если решим, что он годится, создадим специальную организацию.

— Понял.

— Только вот что, Рафу: действуй так же осторожно, как в свое время с Дарвонами. По тем же самым причинам. Если там действительно такие богатые залежи энергетических металлов, то нужно не только покончить со Штормами, но и взять под контроль их добычу.

Рафу улыбнулся, явно предвкушая, как воспримут в Метрополии очередной скачок мощи Норбонов.

— Не будем слишком далеко загадывать, Диф.

Но Диф уже не слушал его. Новые возможности напоминали ему о детской мечте: перекроить сангарийское общество на свой лад.

— И не берись ни за что, пока не вызовешь сюда Ди. Настало нам время свидеться. Нужно непосредственное впечатление.

Если и были сомнения в том, что Ди что-то затевает, они рассеялись, когда Рафу попытался вызвать его на Осирис. Майкл шарахался от курьеров, как воришка от полицейских. Пришлось Рафу лично лететь за ним.

Когда он наконец доставил Майкла на Осирис, Диф был потрясен. Перед ним стояло угрюмое, совершенно одичавшее существо.

— С меня довольно, — хрипел Майкл. — Будь проклят тот день, когда я с вами связался.

— Ты — часть Семьи.

— А мне плевать на вашу Семью. Только бы она не лезла в мою жизнь.

— Майкл, да ты только посмотри на нашу работу! Мы сделали тебя самым богатым из всех живущих.

— Стоит посмотреть. Посмотреть, во что вы меня превратили. Мои дети живут в приютах. Мой народ меня ненавидит. Для них я — чудовище. И, возможно, они правы...

— Мы — твой народ, — оборвал его Диф.

Майкл, обычно такой уклончивый и трусливый, посмотрел ему прямо в глаза. И не сказал ничего.

И не надо было. Диф понял, как он ошибался. У него нет сына. Есть лишь соучастник, действующий по принуждению.

— Ладно, Майкл. Чего ты хочешь?

— Я хочу вылезти из этого дела. Совсем, понимаешь? Не иметь с вами дела. И чтобы вы меня забыли раз и навсегда.

— Это не так-то просто. Я до сих пор не разобрался со Штормами. Поэтому я и вызвал тебя сюда. Эта штука в Черном Мире...

— «Не так-то просто». Брось ты это. Они «не так-то просты». Твой прихвостень рассказал мне все по дороге. Ваш план не годится. Вы имеете дело не с приматами эпохи Первой Экспансии и не с десятым поколением рабынь для удовольствий. Эти люди круче вас и подлее. И умнее, кстати.

Диф с искаженным от гнева лицом метнулся из-за стола и размахнулся. Ди отлетел в сторону.

— Вот видишь! Ты даже не умеешь держать себя в руках.

— Рафу!

— Да, сэр?

— Объясни ему еще раз. А я вернусь, когда успокоюсь.

Возвратившись, Диф обнаружил, что Ди не стал сговорчивее.

— Майкл, я все обдумал. Вот мое предложение. Ты нам поможешь в этом деле, и мы будем в расчете. Поделим прибыли, и каждый пойдет своей дорогой.

— Ну да, конечно, — язвительно заметил Майкл, — до тех пор, пока я снова вам не понадоблюсь.

— Я сказал, будем в расчете. Даю слово. Слово Главы Норбонов, Майкл. Я не нарушаю его, даже когда даю его животному.

Ди посмотрел на него как-то странно, и Диф понял: то ли тон его, то ли выражение лица выдали его тайную боль. Потирая лоб, он подумал: Майкл хочет разорвать все узы между ними, а он хочет иметь сына. Компромисса нет.

— Таковы мои условия, Майкл. Либо ты со мной, либо против меня. Третьего не дано. Помоги мне разделаться с теми, кто уничтожил Префектлас, или умри вместе с ними.

Майкл снова глянул на Дифа тем же вызывающим и бесстрашным взглядом. Медленно, очень медленно он наклонил голову. Потом встал и пошел к двери.

По дороге он остановился, снял с полки бесценное резное яшмовое изделие из Метрополии и стал рассматривать. Этой вещи было больше двух тысяч лет, и резьба была столь искусной, что местами яшма была тоньше бумаги. Майкл отвел ее от себя на расстояние вытянутой руки и разжал пальцы. Осколки разлетелись по кафельному полу.

— Ах ты черт, до чего же я неловкий.

Диф зажмурился, едва сдерживая гнев.

— Инструмент будет труден в управлении, — заметил Рафу.

— Очень. А вот скажи мне: этот мелкий вандализм — он что-то значил, или просто Майкл хлопнул дверью?

— Думаю, нам этого не узнать, пока дело не прояснится. Возможно, потому он это и сделал.

— Следи за ним. Каждую секунду. Каждую, черт его побери, секунду!

— Будет сделано.

Рафу провел операцию с таким же блеском, что и всегда. Он взялся за дело так кропотливо и тщательно, на протяжении многих лет наращивая крещендо многоголосого оркестра, что в конце концов Диф уверился в неизбежности победы Норбонов. Порой случались и проволочки, но все они были заранее учтены всеобъемлющей программой, для составления которой привлекли огромный информационный и счетный потенциал Мира Хельги. Над палачами Префектласа неумолимо сгущались тучи.

А потом в штаб-квартиру, спрятанную в лесном домике на Большой Сахарной Горе, пришла депеша. Озадаченный Рафу объявил:

— Здесь появился человек по имени Кассий. И расспрашивает о Майкле.

— Не понимаю. Как могли они пронюхать, что мы здесь замешаны?

— Понятия не имею. Если только...

— Майкл?

— А еще кто-нибудь знает, что мы отсюда направляем операцию?

— Ни одна живая душа.

Диф знал, что говорит. Он следил за всеми переговорами Ди со Штормом. Майкл всегда держал рот на замке.

— Может быть, мы сами наследили где-то и не заметили?

— Возможно.

— Нужно перекрыть ему каналы информации. Займемся мы сами другом Кассием.

— Диф... А, ладно. Не обращай внимания.

Диф украдкой взглянул на старика. Дегенерация нервной ткани зашла у Рафу так далеко, что он с трудом справлялся с бокалом.

— Мне хочется это сделать, Рафу. Уберем их и переместим наш штаб.

— Как скажешь.

Они зашли в отель через разные двери. К несчастью, Рафу дали выстрелить прицельно только один раз.

Нервы подвели старика. Он промазал.

Кассий попал.

У Дифа тоже сдали нервы. Он застыл как вкопанный, вообще не прикоснувшись к оружию.

Оказавшись на борту своего быстроходного катера, Диф тщетно пытался вспомнить, как он туда попал. Лишь один момент застрял у него в памяти — как над телом Рафу он встретился взглядом с подручным Кассия.

После этого дела пошли неважно. Дифу не хватало волшебного умения Рафу.

Вторжение Шторма в Мир Хельги его потрясло. Он бросил против Шторма силы Норбонов. В результате его корабли угодили в западню еще пострашнее той, что им устроили на Амон-Ра.

Операция в Черном Мире закончилась катастрофой. Майкл просто не справился с работой.

Диф вспоминал о разбитом украшении из яшмы и думал, не было ли это предупреждением.

Диф сорвался. Он приказал атаковать Железную Крепость.

— Может быть, я и не доберусь до всех, — сказал он себе, — но они расплатятся за Префектлас.

Он оставил надежду на прибыль от Черного Мира. И бросил на произвол судьбы Майкла Ди.

— Сын мой, если бы ты сделал что мог, ты бы заслуживал прощения. Но я подозреваю, что ты занимался хитрым саботажем. Что ж, сиди в яме, которую ты сам себе вырыл.

Несколько выживших боевых кораблей Дифа достигли поверхности Крепости и высадили десант. Его люди прорвались через шлюзы.

Несколько дней не стихала стрельба. Бой велся за каждый ярус, каждый коридор, каждую каюту. Его солдатам противостояли лишь женщины и старики, но все они были легионерами.

Когда дело уже шло к развязке, один из подчиненных доложил:

— Лорд Диф, обнаружены разведывательные корабли противника...

— Проклятие! — Саму Крепость он к тому времени почти очистил от легионеров. Осталась лишь горстка защитников, удерживающих информационный центр. — Понял вас.

Бежать он не мог. Нужно было довести дело до конца. Ради Рафу. Ради отца. Ради матери и всех, кто погиб на Префектласе.

— Ладно. Пусть Крепость оставят все, кроме экипажа «Лоты». Взлетайте так, чтобы показать — вы в страшной панике. И дайте им перехватить депешу, из которой следует — здесь не осталось ни одной живой души.

— Есть, сэр!

А сам Диф повел экипаж «Лоты» в последнюю атаку и в результате лицом к лицу столкнулся с женой Шторма Фридой.

Книга третья
ВИСЕЛИЦЫ

О чем думает плотник,
когда мастерит виселицу?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВТОРАЯ:
3052 год н.э.

Не удивляйся мне. Ведь я учился у классиков. Стратегии и Тактике — у профессора, полковника Тадеуша Иммануила Вальтерса. Искусству Командования и Администрирования — у профессора, полковника Гнея Юлия Шторма. Ненависти, Мщению и Манипулированию Марионетками — у профессора, сангарийца, Главы Норбонов в'Дифа. Хитроумию, Коварству, Двуличию, Искусству Самооправдания — у профессора, антрепренера, авантюриста и финансиста Майкла Ди. Благодаря им я получил солидную подготовку. А адмирал, сколько его ни кляни, лишь дал выпускнику возможность заниматься своим делом.

Он взял к себе на службу отпетого головореза.

Масато Игараши Шторм

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ТРЕТЬЯ:
3032 год н.э.

Маус еще долго сидел, склонившись над отцом, держа его за руку, стараясь сдержать слезы. Наконец кто-то вошел и опустил мягкую руку ему на плечо. Он поднял взгляд. Поллианна приковыляла сюда, опираясь на лазерную винтовку, как на костыль.

— Он погиб, — сказал Маус с искаженным страданием лицом. — Моего отца больше нет.

— Все погибли. Все, кроме нас, — сказала она таким же тусклым голосом.

— Все, — пробормотал он, медленно выпрямляясь. — Все. Гельмут и Терстон. И Люцифер. Все до единого.

До него постепенно доходил размер катастрофы. Погибли его отец, два его брата. Друг его отца. Погибли все его родные, а вместе с ними перестала существовать и сама семья...

— Я убью их, — прошептал Маус. — Всех! — вдруг выкрикнул он и принялся крушить пульты своей винтовкой. Но оружие оказалось чересчур хрупко — очень скоро в руках у него остался один ствол.

— У нас еще есть работа, Маус, — напомнила ему Поллианна, показывая на трупы и обломки. Голос ее звучал совершенно отрешенно. Сейчас только эта механическая работа позволяла ей не расклеиться совсем.

— Да, пожалуй. — Голос Мауса снова стал тусклым. — Ты продержишься, пока я поищу наших людей?

— А кого мне теперь бояться?

Маус пожал плечами:

— И в самом деле. Никого не осталось.

Он принялся доставать легионеров из-под обломков. Найденным делом он словно защищался от подкрадывающегося к нему безумия.

— Всех, — бормотал он еле слышно. — Когда-нибудь. Каждого Ди. Каждого сангарийца.

Вывод войск из Сумеречного Города занял сутки. Слишком многие, включая Хоксблада и братьев Ди, не могли сами взойти на борт «Эрхардта». К тому же надо было залатать купол, найти кого-то, способного управлять Сумеречным Городом, чья ненависть к сангарийцам стала бы залогом, что Майклу не дадут скрыться, залогом, что Сумеречный Город не подпадет под санкции, которыми грозили другие города Черного Мира. Подобрать такого человека оказалось непросто. Большинство местных жителей не хотели ни под каким видом отождествлять себя с властью. Будто боялись, что сангарийский синдром заразен.

Пришло время отбытия. И тут еще одна проблема подняла голову, как Сцилла.

— Полли, — сказал Маус, — Я не знаю, как мы доберемся до дома.

— Что такое? Почему?

— Я здесь единственный пилот. И у меня нет прав вождения кораблей класса «Эрхардта».

— Вызови сюда кого-нибудь.

— Пока он еще сюда доберется... Нам нельзя терять столько времени. Так что я уж поведу корабль как умею.

— Не валяй дурака.

— Навряд ли он сложнее в обращении, чем корвет Кассия. А с ним я когда-то неплохо справлялся.

— Да, только рядом сидел Кассий и всегда мог вытащить тебя из беды.

— Ага. — Маус и в самом деле верил, что справится с крейсером.

— Пристегните ремни, леди.

— Маус...

— А не хочешь — тогда вылезай и иди пешком.

Она усмехнулась:

— Ты так же упрям, как твой отец.

— Еще бы, я ведь его сын, — улыбнулся он в ответ.

Стартовал он так, что корабль чуть не растрясло.

— Оуп! — Поллианна еле сдержала рвотный позыв.

— Мы взлетели!

— За старт я больше всего боялась. А посадить корабль сможет каждый. Главное — держать нужную скорость, когда мы будем подлетать...

— Человек всегда может сделать то, что должен, — ответил Маус.

На несколько часов он забыл о боли и ненависти. Крейсер требовал всех сил, всего внимания и всей души.

Он сумел довести корабль до Эджворда и посадить там без значительных поломок.

Посадка потребовала тщательного маневрирования. В их отсутствие сюда прибыла небольшая эскадра — жалкие остатки маленького, но мощного флота, которым совсем недавно располагал Легион. Она доставила из Мира Хельги Хейкса Цейслака. Его батальон коммандос еще разгружался.

Маус никого не предупредил о своем возвращении, но весть об этом разнеслась по городу, едва он вступил в Эджворд. Блейк уже ждал его.

— А где полковник Шторм? — спросил Блейк. Лицо его вытянулось. Он боялся худшего.

— Мой отец погиб в бою с сангарийцами...

Маус остановился, прислушиваясь к себе. Каким-то образом в отношениях с внешним миром ему удалось отвлечься от

собственных чувств. Он сообщал о случившемся так, будто это произошло с кем-то другим.

— А Альбин Корандо?

— Убит в бою. Мне очень жаль, мистер Блейк.

— Как убит? Это ужасно... Я надеялся... А что с полковником Дарксордом?

— Погиб, сэр. Все, кого сейчас нет со мной, мертвы. Крейсер доверху забит трупами. Нам там туго пришлось.

— Значит, ваш брат Терстон тоже...

Маус кивнул.

— Но кто теперь возьмет на себя командование? Полковник Вальтерс отрезан на Теневой Линии...

— Я теперь отвечаю за Легион, мистер Блейк. У него новый командир. Все остальное не изменилось.

Блейк попытался подъехать ближе к Маусу.

— Так что же там было?

В его голосе слышалась плачущая, почти умоляющая нота. Война на Теневой Линии буквально рвала его сердце на части. Маус понимал его переживания. Наверняка Блейк сейчас твердил про себя: «Что я натворил! Что сделал я с Черным Миром!»

Маус так ничего и не ответил ему. Он направился к зданию Муниципалитета, подсознательно подражая походке Гнея Юлия Шторма. Сквозь боль лезвием пробивалась необходимость показать свое умение, свою способность взять на себя роль отца.

Он вошел в штаб, и тотчас же все обернулись к нему. Первым делом он ознакомился с показаниями приборов. Ди теперь закрепился в Уайтлэндсунде. Отметка положения Кассия дошла до теневой станции. Там отмечалось скопление частей и соединений. В пятистах километрах западнее станции их была лишь горстка. Это были мелкие подразделения, помогающие жителям Сумеречного Города проводить эвакуацию с оконечности Теневой Линии.

Ситуация достигла напряженного равновесия. Кассий был готов к броску. Настало время обсудить дальнейшие планы.

— Вызовите полковника Вальтерса по закодированному каналу, — приказал Маус.

Усталый до последней степени связист бросил на Мауса взгляд, означавший что-то вроде «А кто ты вообще такой?», но тут же повернулся к своей аппаратуре.

Кассий ответил почти сразу.

— Полковник, это Масато.

— А, Маус! Как ты там?

Но тут Вальтерс вгляделся в его лицо и спросил:

— Что случилось?

— Отец погиб. А еще Гельмут, Терстон и Люцифер. Оба сына Ди. И Ричард Хоксблад. Они убили его со всем его штабом.

Кассий нахмурился.

— И всех их невозможно воскресить.

На лице у Кассия заиграли желваки, взгляд помрачнел.

— Кассий, остались только мы.

— Значит, дело к концу. Но сначала — рассчитаться с Майклом Ди. И его сангарийцами.

— Ди в ловушке. Мы очистили от его людей Сумеречный Город. Туда ему дороги нет.

— Он не знает? Не дайте ему пронюхать.

— Цейслак уже у нас. Я беру на себя командование. Я его пошлю...

— Оставь Цейслака в Эджворде. Защити город, не позволяй Ди взять жителей в заложники. Подними корабли с космодрома. Отрежь Ди все пути к отступлению. Заставь его принять бой на месте. А остальное предоставь мне. Я позабочусь, чтобы Легион погиб не зря.

Никогда еще лицо Кассия не было столь выразительным. Два чувства захватили его целиком — скорбь и ненависть.

— Хорошо, как скажешь. Я сейчас разработаю диспозицию.

— Твой отец... успел что-нибудь сказать?

— Совсем немного. Он сделал это нарочно. Чтобы дать мне шанс достать обоих Ди со спины. Перед операцией он оставил письмо. У меня еще не было возможности его прочесть. Мне кажется, он знал, что не вернется.

— Дай мне знать, что он хотел сказать. И не тяни с этим. Мы выступаем через несколько часов.

— Хорошо.

Прибыл Блейк с женой. Глава Корпорации как-то усох и постарел, превратившись в обычного беспомощного калеку. Не дожидаясь слов соболезнования, которые только растравили бы боль, несмотря на всю их искренность, Маус сказал:

— Скоро все закончится, мистер Блейк. Через несколько часов мы начнем очищать от противника Уайтлэндсунд. Я

оставлю батальон Цейслака в резерве на тот случай, если Ди решится напасть на Эджворд.

Блейк попытался что-то ответить, но Грейс незаметно тронула его за руку.

— Поллианна в госпитале, мистер Блейк. Думаю, ей сейчас приятно будет увидеть перед собой лицо друга. Ее сердечные раны пострашнее, чем телесные. Она потеряла и Люцифера, и Корандо, и моего отца, к которому была так привязана. — Он отвернулся. — Цейслак! Форпосты вокруг кратера на отдельный экран. И пусть там повторно проверят приборы слежения. Если Ди повернет против нас, нам нужно знать об этом как можно раньше. Доннерман! Где Доннерман? Доннерман, поднимите корабли с поверхности как можно скорее! Джентльмены, если я буду нужен, я в кабинете отца.

Он вышел из штаба и пошел на квартиру Шторма.

Заслышав его шаги, Гери и Фреки радостно взвизгнули. Они бросились ему навстречу и принялись беспокойно сновать по коридору в поисках хозяина, а потом замерли на месте и посмотрели на Мауса грустными глазами.

— Он не вернется, — прошептал Маус. — Простите меня, собачки.

Казалось, они поняли. Заскулили громче, и в этом звуке послышался стон.

Маус посмотрел на вороноящеров, забившихся в свое небольшое гнездо из туго сплетенных нитей. Они уже все знали. Маус попытался выманить их мясными консервами из запасов отца. Они даже не открыли своих дьявольских глаз.

Он вздохнул и поискал глазами письмо.

Оно лежало на столе — несколько торопливо исписанных листков, а поверх один чистый, с именем Мауса. Шторм придавил их Библией, в которой кларнетом было заложено начало Экклезиаста.

— Я должен был понять, когда он не взял их с собой, — прошептал Маус.

Письмо, хотя и адресованное Маусу, звучало как проповедь Гнея Шторма в духе Экклезиаста. Оно начиналось так: «Сегодня вступаю я в долину Армагеддона, на кровавое поле Рагнарёка, чтобы сыграть свою роль в предначертанном Готтердаммерунге...»

Перечитав это письмо трижды, Маус вернулся в штаб. Сирианские волкодавы плелись следом, поджав хвосты, понурив головы, порой издавая какие-то утробные звуки. Но они шли за Маусом.

Шепот пробежал по комнате. Легионеры истолковали поведение собак как некий символ — животные словно скрепили невидимой печатью передачу Маусу скипетра и мантии.

— Кассий, — сказал Маус. — Он знал, что идет умирать. Он это задумал. Чтобы у нас больше не было причин церемониться с Майклом Ди. Только так он мог не нарушить свое слово.

Кассий вдруг рассмеялся суровым и грустным смехом.

— Он всегда искал способ обойти это обещание. Жаль, что он не нашел его в себе.

Смех прошел так же неожиданно, как появился. Кассий сказал:

— Майкл не должен этого знать. Сейчас это наша главная тайна. — В лице Вальтерса появилось что-то жутковатое, нечеловеческое, что-то от полубога. Что-то архетипичное. — Пора нам выступать. Будь осторожен, Маус.

Он отключил передатчик прежде, чем Маус успел спросить о его намерениях.

«Что он собирается сделать?» — подумал Маус. Он знал Кассия. Это будет что-то необычное. Такое, чего никто не ждет. Вполне вероятно — что-то невозможное.

...Маус сидел в кресле, где обычно сидел отец. Глаза его редко отрывались от карты на дисплее.

Порой кто-то из операторов бросал на него украдкой взгляд и отворачивался, вздрогнув. В кресле полковника сидел хрупкий юноша восточного вида, но... Но была вокруг него какая-то аура, словно вместе с ним в кресле сидел призрак. Тело Гнея Шторма умерло, но дух его жил в его младшем сыне.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТАЯ:
3032 год н.э.

Человек, звавшийся Кассием, был по репортажам Майкла Ди с наемнических войн известен миллионам зрителей куда лучше Премьера Конфедерации. И при этом его не знали толком даже самые близкие люди. Что его трогает? От чего он смеется или плачет? Никто этого не знал.

Кассий больше интересовался Легионом, чем собой. А ознакомившись со своим публичным имиджем, пришел к выводу, что миллиарды зрителей голосети, возможно, знают Кассия лучше, чем он сам. Они видели образ Тадеуша Иммануила Вальтерса, а редакторы передач старались, чтобы он соответствовал истине. А представление Вальтерса о самом себе трудно было бы сформулировать — за два столетия у него не нашлось времени для самоанализа.

В инфракрасном излучении краулеры просматривались довольно отчетливо. Их было тридцать пять. Они выстроились в две колонны и застыли на холостом ходу в ожидании приказа Кассия. Колонна подлиннее из двадцати пяти машин с восемью трофейными боевыми краулерами во главе была готова двинуться к Уайтлэндсунду. Им предстояло двигаться без прикрытия тени, которая могла предупредить Ди об их приближении.

Оставшиеся десять машин поведет сам Кассий.

Вальтерс решил, что дальше тянуть нет смысла. Он схватил микрофон и объявил:

— Белый Рыцарь, Белый Рыцарь, говорит Карл Великий. Вперед! Повторяю, вперед! Прием.

— Карл Великий, Карл Великий, говорит Белый Рыцарь. Приказ понял, вперед. Конец связи.

— Карл Великий, конец связи.

Основная колона пришла в движение.

Отряд Кассия состоял из шести дальнобойных чартеров, трех компрессоров и его собственного командирского боевого краулера. Чартерами с минимумом экипажа Кассий был готов пожертвовать. Они предназначались для разведки пути. Четыре больших бронетранспортера были набиты людьми и техникой.

Кассий подключился к центральной сети.

— Вавилон, Вавилон, говорит Старфайр. Даю сигналы. Бродячая Собака Один, вперед. Бродячая Собака Один, вперед. Прием.

Один чартер уже выполз на солнце.

Для движения по местности, на которую не было карт, в нескольких часах пути к северо-северо-востоку от Теневой

Линии, Кассий выбрал строй, позаимствованный у древних мореходов. Чартеры развернулись впереди широким веером, прикрыв четыре краулера, готовые предупредить о любой опасности.

Они двигались гораздо быстрее, чем обычная геологоразведочная экспедиция. Марш-бросок, который совершал Кассий, был опасен в первую очередь своей продолжительностью. Если краулеры и не пострадают от прямого солнца, экраны их сильно ослабнут.

Но как бы ни были малы шансы на успех, Кассий гнал машины вперед.

В каждой машине компьютер работал на предельной мощности, обеспечивая Вальтерсу бесперебойную поставку информации. Он хотел знать, что происходит в каждую секунду, надеясь, что сможет сохранить скорость и при этом не потерять еще один краулер в такой же ловушке. Как паук, стерегущий свою паутину, Кассий сидел среди аппаратов связи. Так проходил час за часом. За все это время он не вымолвил ни слова. Экипаж краулера стал посматривать в его сторону — все ли в порядке.

«На войне хуже всего, — подумал Кассий, — это затишья между боями. Слишком много времени для мыслей. И для воспоминаний».

Сейчас ему оставалось только терпеть боль, озабоченность, страх. Он старался отогнать навязчивые призраки и не мог. Их стало теперь больше. Его жена и дочь. Железная Крепость. Гней. Вульф. Гельмут. Здоровенный хмурый Терстон — возможно, единственный счастливый человек во всем Легионе. Ричард Хоксблад, давний враг, с которым его связывали духовные узы. Он так давно не видел Хоксблада, что теперь уже и не мог припомнить, как тот выглядит. Гомер. Бенджамен. Люцифер. Младшие Ди, гореть бы им вечно в аду. Доскал Меннике — бывший его протеже в Академии. Придется когда-нибудь объясняться с его отцом. Что же он скажет старику? Что все они до одного стали пешками в руках сангарийцев? Такое признание не из легких.

А вот явился призрак из совсем далекого прошлого. Тамара Вальтерс, любимая племянница, бесследно исчезнувшая вместе с кораблем во время Улантской войны. Почему он заглянул так далеко назад? Разве он еще не заключил мира с

застарелыми страхами? Неужели все его потери, раны, грехи вновь решили вернуться и пройти перед ним парадом?

— Старфайр, Старфайр, говорит Бродячий Пес Четыре. Попал в тепловую эрозию. Не могу выбраться. — Голос звучал неестественно твердо. Говоривший знал, что попыток его спасти не будет. Времени не было. Пойти на такое означало подписать приговор остальным. Доброволец знал, на что идет. — Приборы дают координаты эрозии ноль пятьдесят семь, ширину восемьдесят метров и глубину не менее шести. Удачи вам, Старфайр. Бродячий Пес Четыре, конец связи.

Кассий не ответил на сигнал. Он только передал предупреждение другим краулерам, и они замедлили ход и двинулись в объезд опасной зоны. Что мог он сказать человеку, которого оставлял здесь умирать? Полковник лишь прибавил его лицо и имя к списку людей, которых он пережил на войне.

Журналисты и собственные коллеги считали его решительным командиром. Но он знал, что решительный командир — лишь поза, имидж, за которым прячется подлинный Тадеуш Иммануил Вальтерс. Иногда он заставлял себя верить этой иллюзии.

Кассий считал жизнь не более священной, чем вообще вселенную. Да, как некоторые забытые боги, он замечал гибель любого воробья и молчаливо подвергал себя мукам внутреннего чистилища. И шел дальше, от битвы к битве, не пытаясь быть ничем другим — лишь тем, чем он был. Как Гней Шторм, как столь многие из других наемников, он был фаталистом, движимым уверенностью в собственной предопределенной судьбе. Но в отличие от Шторма он не сражался с Судьбой, не пытался смеяться над ней, а просто принимал ее и спокойно шел к последней встрече с ней.

Хоть капля солипсистского безумия необходима для кондотьера любого ранга.

Миновав тепловую эрозию, Кассий приказал чартерам веера перестроиться, закрыв зону разведки погибшей машины.

Он потерял еще один чартер еще до Гор Грома, в трехстах километрах севернее Уайтлэндсунда, и еще один — из-за отказавшего экрана, пока искали затененную долину, где его отряд мог бы укрыться от дьявольского солнца. Но четыре

бронетранспортера — самые важные для него машины — остались невредимы.

Как только чартеры немного остыли и загрузили метановый снег, он снова отправил их вперед. Перед тем как сгореть, спутники наблюдения передали карту, и, судя по ней, здесь можно было перескочить через Край Мира. А потом атаковать, лишив Майкла лавров победителя при новых Фермопилах. На фотоснимках проход выглядел темной чертой.

Но это был серьезный риск. Темная полоса могла не быть проходом.

Ожидая сообщений от чартеров, Кассий включился в командную сеть, надеясь перехватить какое-нибудь сообщение из зоны военных действий. Но до него доносилось лишь потрескивание статических разрядов, чего он на самом деле только и мог ждать под этими темными сводами на берегах огненного моря.

Он подумал, что Солнечная Сторона — это то, как древние христиане представляли себе ад. С пришествием Легиона Черный Мир определенно стал планетой проклятых.

Чартеры возвратились спустя два дня. Они отыскали путь через горы, но не знали, пройдут ли там более крупные машины.

— Попробуем, — решил Кассий.

Он слишком много времени провел наедине с собственными мыслями, лишенный возможности командовать. Он должен действовать, ввязаться в бой, или он сойдет с ума, воскрешая в памяти свои потери.

Проход оказался узким и крутым каньоном. Колонна продвигалась медленно, но без особых трудностей, пока не пересекла Край Мира. Там, уже за пределами разведанной со спутников местности, путь преградила глубокая трещина. Весь план Кассия оказался под угрозой.

Кассий отказался повернуть назад.

— Здесь мы пройдем, — прорычал он, — или здесь подохнем. Одно из двух. Измерим сейчас глубину этой гадины.

Водитель заглушил мотор. Кассий вылез через аварийный люк и подошел к расселине. Головной краулер включил фары, но они не доставали до дна. Кассий уставился в темноту. Потом выстрелил вниз из лазерного пистолета. Вспышка осветила дно гораздо ближе, чем ожидал Кассий.

Он вернулся к вездеходу.

— Бродячий Пес Один, говорит Старфайр. Поставьте свою машину параллельно расселине. Прием.

— Понял вас.

Два часа чартер выруливал к краю пропасти.

— Бродячий Пес Один, экипажу покинуть машину. Бродячий Пес Три, Бродячий Пес Шесть, сталкивайте ее вниз. Прием.

Два уцелевших чартера застонали от невероятного напряжения. От их вибрации начался камнепад, заставивший содрогнуться даже тяжелые бронетранспортеры. Моторы натужно ревели, гусеницы вгрызались в грунт. Получив серьезные вмятины, краулеры столкнули наконец чартер в расселину.

Кассий высадил людей и приказал собирать камни и насыпать их поверх сброшенного краулера. Ползли часы. Мост вырос и выровнялся. Кассий послал вперед чартер, чтобы опробовать его и утрамбовать, а после — пустой компрессор. Оба раза насыпь выдержала. Следом одна за другой переправились остальные машины.

Расселина оказалась последним серьезным препятствием. Бросив уцелевшие чартеры, которые уже не могли держать темп, Кассий направил большие краулеры по трассе, соединяющей Сумеречный Город и Эджворд. Он спешил на юг, сохраняя режим радиомолчания. Возле Эджворда он резко свернул на запад, к Уайтлэндсунду и Майклу Ди.

Его солдаты выдохлись. Они сутками сидели, согнувшись в три погибели в тесных краулерах, каждую минуту зная, что могут попасть в тепловую эрозию или соскользнуть в пропасть. И все-таки Кассий высадил свои силы на восточных подступах к Уайтлэндсунду и послал их в бой. Противника нащупали быстро.

Кассий решил прервать радиомолчание:

— Андирон, Андирон, говорит Вормдум, вы слышите нас? Прием.

Маус появился в эфире лишь несколько минут спустя.

— Вормдум, Вормдум, говорит Андирон. Перейдите на кодированный канал. Прием.

Кассий переключил рычажок, и Маус тут же заорал:

— Кассий, где тебя черти носят? Я уже шесть дней тебя разыскиваю.

— Я у самых твоих дверей, Маус. Двигаюсь к Уайтлэндсунду. Мне нужны люди Цейслака.

— Ты уже по эту сторону Края Мира?

— Именно так. Когда ты мне пришлешь этих людей?

— Но как тебе это удалось?

— Не важно. Удалось. Направь ко мне коммандос. А поговорить успеем, когда покончим с Ди.

— Хорошо. Они уже в пути. Но как тебе удалось...

Кассий оборвал разговор на полуслове, снова переключившись на тактическую сеть связи.

С момента выхода на Темную Сторону он внимательно вслушивался в оперативные сводки, стараясь оценить положение на Теневой Линии. Для тех, кто там остался, оно казалось тяжелым.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТАЯ:
3032 год н.э.

На большой дисплей в штабной комнате смотрел очень мрачный, очень суровый Масато Шторм. Положение выглядело ужасным.

Рядом с ним кто-то заерзал стулом. Маус поднял взгляд — перед ним стоял оператор связи. Он держал стул для Поллианны.

Маус слабо улыбнулся:

— Ну как тебе, получше?

— Годна к строевой. Если бы не хромота. Но говорят, это пройдет. Как там дела?

— Неважно. От Кассия уже несколько дней нет сведений. Я за него боюсь. А там... — Он показал рукой на экран с изображением Уайтлэндсунда. — Там мы, ударив с ходу, коечего добились, но потом атака забуксовала. Мы их тесним, но слишком медленно.

— Но у тебя численное превосходство.

— Мы потеряли слишком много краулеров и не можем быстро перебрасывать силы. Похоже, сейчас у нас осталось две надежды. Либо там появится Кассий, либо у моего дяди кончатся боеприпасы.

— Сэр! — радостно завопил оператор. — Сэр, полковник вызывает! Тактический канал номер один!

— Переключите его на меня. Поллианна, ты приносишь удачу. Пожалуй, стоит пристегнуть тебя к этому креслу ремнями.

Она грустно улыбнулась:

— Фрогу я удачи не принесла. И Люциферу тоже. И...

— Заткнись.

На экране появилось мрачное лицо Кассия. Они договорились о батальоне Цейслака, а когда Маус попытался спросить, как Вальтерсу удалось перебраться на Темную Сторону, полковник тут же прервал связь.

— Кажется, настроение у него паршивое, — сказала Поллианна.

— Такое, как есть. И пусть будет как угодно невыносим, пока делает свою работу. А мне на тысячу процентов лучше стало.

— Сэр, — доложил оператор, — полковник Вальтерс снова на связи.

— Маус, — раздался голос Кассия, — прости, что я сорвался. Нервы. Здесь дело серьезное. Твой отец сказал бы, что поднята Орифламма.

Поллианна вопросительно посмотрела на него. Маус прошептал:

— Пощады не дают и не просят.

— Мы схлестнулись намертво, отступить не может никто. Все или ничего, и побежденным — смерть без воскрешения.

— Я понял, Кассий. Все или ничего — это касается всех.

— Твой дядя получил что хотел. Свою битву не на жизнь, а на смерть. — Злорадная улыбка заиграла на лице Кассия. — Правда, этот дурак вряд ли планировал свое в ней участие.

— Правда. Еще одно: он пока не знает о смерти отца. Я сберег эту новость на особый случай. Пусть рассчитывает на защиту в последний момент, пока не станет поздно.

— Ну именно! Поэтому-то я и хотел это скрыть!

— Никогда еще Легион не дрался так яростно, — сказал Маус.

— Никогда. Впервые на карте стоят эмоции, Маус.

От отряда Майкла давно бы уже осталось мокрое место, если бы не особенности местности. Люди Ди были хорошими

бойцами, но не солдатами — в том смысле, в каком ими были легионеры. Они не привыкли к командной работе и сложностям больших и длительных операций. Они были людьми, но испорченными сангарийской философией налета и отхода.

— Люди Майкла неплохо воюют.

— Их загнали в угол. Ладно, мне пора браться за дело. Я просто хотел извиниться за грубость.

— Все в порядке.

Батальоны Кассия теснили Ди все глубже и глубже в Уайтлэндсунд. Обращенные к Эджворду оборонительные линии были неглубокими и не подготовленными к столь тяжелому удару.

Тянулись часы. Маус не вставал из кресла, пока у него не заболел зад. Поллианна все это время оставалась рядом с ним, отчасти потому, что интересовалась событиями, отчасти потому что чувствовала — он нуждается в связующем звене между нынешним и прежним Маусом.

А Ди сопротивлялся все яростнее.

— Он все понял, — сказал Маус. — И сейчас перебрасывает людей.

Кассий все наседал. С другой стороны прохода легионеры, возвратившиеся с Теневой Линии, начали пробиваться через оборонительные рубежи, ослабленные снятием людей, брошенных против Кассия.

Поллианна легонько тронула его за руку.

— Ты думаешь, у нас получится?

— А? Что получится?

— Победить.

— Не знаю. Пока не знаю. Шансы еще не определились.

Он вслушался в обрывки разговора по тактической сети. Кассий перебрасывал на передовую батальон Цейслака.

Шли часы. В конце концов Поллианна шепнула:

— Тебе надо отдохнуть, пока ты не свалился.

— Но...

— Здесь ты или нет, от этого ничего не изменится. Если ты понадобишься, тебе сообщат.

— Ты права. Будет совсем ни к чему, если я свалюсь от усталости. Похромаю к себе.

Поллианна ушла с ним.

Когда он вернулся, на плече у него сидел вороноящер. У операторов расширились глаза. Казалось, между ними прошла искра молчаливого понимания. Маус подошел к дисплеям, а волкодавы принялись рыскать по комнате в тщетных поисках врагов.

Маус почувствовал перемену в своих людях. Они приняли передачу власти. Он больше не был младшим сыном Хозяина, мишенью добродушных насмешек. Он был Хозяином.

Дисплеи выглядели неутешительно. Ситуация стала статичной.

— Сэр, — обратился к нему один из операторов, — полковник Вальтерс просит разговора с вами, когда вам будет удобно.

— Да, конечно. Соедините нас.

Через несколько минут Кассий появился на закодированном канале.

— У нас тут возникли проблемы, Маус. Мы взяли их в клещи и давили до тех пор, пока не заперли в большом кратере. Они окопались по его краям и теперь могут сверху обстреливать проход. Сомкнулись в такое узкое кольцо, что могут перебрасывать людей с места на место быстрее, чем я — наносить внезапные удары. Я собирался отрезать и брать в плен небольшие группы. Но из-за того, что я тебе описал, — не выходит. Получается только осада в старинном стиле.

— На Теневой Линии осталось тридцать тысяч человек, которые долго не протянут, Кассий. Им скоро будет нечем дышать.

— Да, я слышал сводки.

Ситуация с воздухом для дыхания становилась угрожающей. Воды и продовольствия хватит на несколько недель, если урезать выдачу, но урезать порцию воздуха для бойца — невозможно. Аппараты восстановления воздуха никогда не были вполне эффективны, а теперь еще износ оборудования стал критичным.

Маус объявил:

— Наша медслужба вчера начала загружать раненых в рефрижераторы. Мы сможем воскресить их, когда освободим проход. Они предлагают поступить так же с людьми Мичема.

— У них есть для этого рефрижераторы?

— Слишком мало.

— Я мог бы использовать кого-то из людей Хоксблада. Если удастся переправить их на эту сторону.

— Зачем?

— Порой тонкие способы ведения войны не дают эффекта. Тогда остается только молот. Бить с размаху, всеми силами, а потери — что ж, стисни зубы.

— Боюсь, что твоего боезапаса мало будет для такой тактики.

— Это волнует меня меньше, чем воздух. Думаю, у Майкла боезапас кончится раньше. Судя по его схеме стрельбы, он старается экономить снаряды.

— Это плюс.

— Не знаю. Чего я боюсь — это что для снижения потерь придется предложить ему условия сдачи. Именно это он сейчас и делает: старается продержаться, пока мы не будем готовы к торгу.

Маус взглянул на изображение теневой станции Блейка. Зрелище было удручающее — станцию облепили аварийные купола, набитые людьми, ждущими эвакуации или отправки в бой. Лагерь все разрастался, принимая людей Хоксблада и шахтеров из Сумеречного Города. Ди мог проиграть войну, но их победа будет пирровой.

Он перевел взгляд на сводку количества машин и их состояния.

— Кассий, нам так и так не миновать беды. Здесь недостаточно краулеров, чтобы вывезти всех.

— А потому не будь слишком гордым и попроси соседей. Пусть Блейк позвонит в Город Ночи и на Темную Равнину и просит помощи, если это нужно.

— Мы уже пытались это сделать. Они сказали, что не станут рисковать своей техникой, пока идут бои.

— Не оставляй попыток, мальчик. А я поднажму здесь, и тогда станет ясно, что Ди собирается выторговать для себя.

— Не заключай договора. Только если выбора не будет.

— Конечно. Я помню ловушку, в которую попал твой отец.

Маус подозвал одного из операторов.

— Постарайтесь разыскать мистера Блейка. Попросите его прийти сюда.

Через полчаса появился Блейк. С ним была Поллианна.

— Мистер Блейк, вы могли бы еще раз связаться с Городом Ночи и Темной Равниной? Можете им сказать, что бой закончится прежде, чем они введут в тот район технику.

— Как, неужели вы их все-таки добили?

В этой развалине на колесах тут же проснулся интерес к жизни.

— Не совсем так. Мы хотим атаковать еще раз, а в случае неудачи начать переговоры.

Блейк запротестовал. От вспыхнувшего гнева вновь воскрес тот, кто правил Корпорацией, пока война на Теневой Линии не превратила его в инвалида.

— Эмоционально я с вами согласен, — ответил Маус. — Я тоже хочу, чтобы ни один из них не ушел живым. Но у нас может не оказаться выбора. Либо начать переговоры, либо бросить людей у Теневой Линии на гибель.

— Проклятие! Вся эта бойня — впустую?

— Почти так. Остается утешаться мыслью, что мой дядя тоже своего не добился. И в некотором смысле, даже если он выговорит себе право уйти из Уайтлэндсунда, он понесет больший урон, чем мы. Ему придется скрываться до конца жизни. Он пустил в ход ядерное оружие. Он пособничал сангарийцам. Такого флот не прощает. Все его имущество конфискуют...

И тут Поллианна, до сих пор мягко массировавшая его плечи, судорожно в него вцепилась неожиданно сильной хваткой.

— Вступай в переговоры, если хочешь. Заключай договор от имени Легиона. От имени Блейка и Эджворда. Но только не рассчитывай на меня, Маус. От моего имени договор не заключай. Во второй раз Август Плейнфилд от меня не уйдет.

Маус откинулся назад, взглянул вверх. Лицо ее выражало только ненависть.

— Ты опять змеиного яду нахлебалась?

Она стиснула его плечи так, что он дернулся от боли.

— Да. По литру за каждой едой.

— Подождите-ка... — Маус склонился над пультом.

Кассий начал атаку.

— Сэр, в этот раз он бросил в бой все резервы, — доложил один из операторов. — Даже экипажи краулеров.

Маус поднялся.

— Мистер Блейк, найдите мне краулер. Любую машину, которая хоть как-то ездит. Я отправляюсь туда.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ШЕСТАЯ:
3032 год н.э.

Кассий нашел себе лазерную винтовку и полез по стенке кратера.

Бой стал ближним, суровым и позиционным. Скалу за скалой, бункер за бункером отбивали у противника легионеры Кассия, оттесняя Ди. Буквально по человеку взламывали сангарийскую оборону. Легионеры вкладывали в бой все свое искусство, всю свою ненависть. И почти не продвигались вперед.

«Какими словами заставил Майкл своих бойцов так стоять насмерть?» — поражался Кассий.

— Вормдум, Вормдум, говорит Тяжеловес. Я добрался до кромки. Нужны тяжелые орудия.

— Считайте, что они уже у вас, Тяжеловес.

«Наконец, — подумал Кассий. — Время для перелома».

Он стянул всю артиллерию на плацдарме, захваченном Цейслаком.

Эфир наполнился сводками об ожесточенных контратаках и быстро тающих боеприпасах. Кассий решил идти Цейслаку на помощь. Его позиции нужно было отстоять. Оттуда простреливался весь кратер.

Встав на кромке, Кассий оглядел поле боя. Чтобы разобраться, потребовалось время. Ориентиром служили лишь вспышки выстрелов.

— Думаю, это была их последняя контратака, — сказал Цейслак. — Еще немного, и мы их прихлопнем.

Он показал на кромку с противоположной стороны кратера — там тоже засверкали вспышки тяжелых орудий. С Теневой Линии подтягивались все новые отряды легионеров. Массированным артобстрелом Цейслак сломил упорную оборону противника на гребне.

Выстрелы с той стороны становились реже. Там кончались энергоресурсы и боеприпасы.

— Кажется, может получиться, — раздался чей-то голос.

Вальтерс медленно обернулся, удивляясь, кто это осмелился нарушить радиомолчание. Один из двоих вновь прибывших, едва различимый в свете вспышек орудий Цейслака, приветственно помахал рукой.

— Это я — Масато. Я сказал, что мы, кажется, наконец до них добрались.

— Там, внизу, Майкл Ди, — буркнул Кассий. — А у него всегда есть три туза в рукаве. А кстати, какого черта ты здесь? Ты — последний из рода Штормов.

— Эта война — не личное дело.

Это было все, что сказал Маус в свое оправдание.

Кассий снова повернулся к кратеру. Этот мальчик — сын своего отца. Его не уговоришь остаться в стороне.

Еще одна вспышка озарила лицо человека, прибывшего вместе с Маусом.

— Черт побери, Маус, ты что, совсем сдурел — вытаскивать сюда девчонку?

Поллианна напоминала ему о собственной племяннице, пропавшей без вести во время Улантской войны. Кассию вдруг захотелось уберечь ее от всех невзгод, словно он и вправду был ей дядей. Он даже удивился этому чувству. Слишком много значила для него Тамара.

Противоположный край осветили новые вспышки, и стало видно, что войска с Солнечной Стороны заметно продвинулись вперед. Видимо, у Майкла быстро таяли боеприпасы.

— Кажется, нам не придется предлагать условий, — сказал Кассий.

— У нее такое же право находиться здесь, как и у всех остальных, — с опозданием ответил ему Маус. — Ее отец...

— Да я разве спорю? Я и сам прекрасно это знаю. — Что-то необычное почудилось ему в интонации Мауса. Маленькая потаскушка уже запустила коготки в очередного Шторма. — Ладно, к делу. Пора нам выяснить, готов ли Майкл сдаться.

Майкл первый вышел с ним на связь.

Один из офицеров Кассия вызвал его по первому командному каналу.

— Сэр, в эфире на открытом канале Ди. Он просит о переговорах с полковником Штормом. Что ему ответить?

— Я сейчас нахожусь на краю кратера. Передайте Ди: мы свяжемся с ним при первой же возможности. И не проговоритесь насчет полковника. Ясно вам?

— Так точно, сэр.

Вальтерс в сопровождении Мауса и Поллианны спустился к своему краулеру. Он передал по всем каналам приказ — не

ослаблять давление. Из нескольких машин доложили о сдавшихся в плен отдельных солдатах — людях, токе и улантидах.

Командир одной из машин доложил:

— У них отчаянное положение с боеприпасами. У солдат отбирают боекомплекты к легкому оружию и берегут их для сангарийских офицеров.

— Все тот же добрый старый Майкл, — сказал Кассий. — Знает, как завести друзей и как их сохранить.

Он начал набирать сигнал к Ди, но вдруг остановился.

— Стоп! Есть у меня одна пакостная мысль. — Он снова подключился к командной сети. — Говорит Вормдум, джентльмены. Прошу радиационный портрет этого кратера. Однажды они уже применили против нас ядерный заряд.

Через две минуты он уже знал точно. Были обнаружены два источника радиации, не идентифицируемые как блоки ядерного топлива. И находились они в отдалении от тяжелых машин.

— Похоже, мой милый, дорогой дядюшка собирался договориться с отцом об условиях сдачи, а потом перекрыть проход.

— Вот ему будет сюрприз, — ухмыльнулся Кассий.

— Он ведь захочет сдаться на стандартных условиях для наемников? — предположил Маус.

— Конечно. Но он их не получит. Это если я вообще приму его капитуляцию. Я хочу прижать их к стенке раньше, чем сангарийцы успеют улизнуть.

— Лучше бы вступить с ним в контакт, пока он не впал в панику.

Кассий настроился на волну, на которой ждал Майкл.

— Ди?

— Это ты, Гней? Где ты пропадал, черт возьми? — Лишь нехарактерные для Ди резкие выражения выдавали его испуг. Голос же звучал вполне бодро. — Я уже полчаса тебя дожидаюсь.

— Он еще не знает о Сумеречном Городе, — беззвучно сказал губами Кассий. — Это дает нам преимущество.

— Осталось только подцепить его на крючок и вытащить, — сказал Маус.

— Я корректировал артиллерийский огонь, — ответил Кассий в микрофон. Визор он не включил, чтобы Ди продолжал думать, будто разговаривает со Штормом. — Чего ты хочешь?

— Держись на краю полосы частот, а то он узнает твой голос, — шепотом предостерег его Маус. Кассий кивнул и чуть сдвинул колесико настройки.

— Условия сдачи. Мы проиграли — я это признаю. Пора остановить кровопролитие.

Кассий фыркнул:

— А как я это объясню легионерам? Мы побеждаем. Через час-другой от вас ничего не останется.

— Но ты же обещал...

— Твоим людям я ничего не обещал. И под обычные соглашения их действия не подпадают. Они — не кондотьеры. Просто купленные сангарийские бандиты.

— Но...

— Если хочешь говорить, приходи к моему краулеру. Сядем лицом к лицу.

Ди вертелся как угорь. Дергался. Ловчил. Но легионеры уже захватили все господствующие высоты. Их орудия стали неоспоримым аргументом.

— Думаешь, он придет? — спросил Маус.

— Куда он денется! Но с ним не покончено. У него в рукаве еще остался туз или два. Кроме бомб. И если ему нужны люди, чтобы вытащить этих тузов из рукава, он постарается их спасти. А потому приползет, как скверный мальчишка, которому сейчас дадут по рукам за пакость.

— Я сейчас поговорю с Блейком. — Маус перешел на другой канал и поговорил с городом. — Кассий, Блейк этого добился. Город Ночи и Темная Равнина высылают краулеры.

От этого известия Кассий словно помолодел лет на сто. Это был шанс.

— А как насчет ядерных зарядов?

— Есть у меня план. Отойдите подальше и стойте тихо. Я сейчас его еще раз вызову.

— Майкл! Ты идешь или нет?

— Иду. Только обеспечь, чтобы меня не подстрелили по дороге.

— За это не волнуйся. Вальтерс даст приказ выпустить из кратера один вездеход.

— Будь с ним начеку, — предупредил Маус. — Он мог поставить бомбы с дистанционным взрывателем. На свою армию ему наплевать.

— Может быть. Но сначала он будет торговаться. Теперь слушайте внимательно. Вот что мне нужно: вы двое останетесь здесь. Я уйду в другую секцию. Вы за ним проследите и первым делом заставьте снять костюм. Вообще все снять. Мы не знаем, что он может принести с собой.

Маус и Поллианна в точности выполнили его указание. Вальтерс наблюдал через щелочку в двери. Майкл, раздевшись с видом оскорбленного достоинства, спросил:

— А где твой отец?

За долгие месяцы в Черном Мире Майкл здорово отощал. От постоянного ношения костюма кожа стала бледной и сморщенной. Майкл заметно дрожал. Нервы его были напряжены до предела.

Кассий разглядывал Майкла, пытался разобраться в собственной душе. И сочувствия к этому человеку не нашел. Свой терновый венец Ди сплел сам.

— Майкл, у тебя есть шанс дожить до завтрашнего дня, — сказал полковник, заходя в кабину.

— Кассий! — Ди обмер от испуга. — Как ты здесь оказался, черт возьми? Ты должен быть на Теневой Линии! А ты, — он резко повернулся к Маусу, — в Крепости. Что тут происходит? Где твой отец?

— Ты расскажи нам про ядерные заряды, которые ты тут заложил, — предложил Кассий. — Тогда я, может быть, оставлю тебе жизнь.

Вальтерс почувствовал вдруг непреодолимое желание прикончить его. Вульф. Гельмут. Гней. Все, кто погиб из-за этого идиота... Но призрак Шторма шепнул полковнику о его долге перед его людьми, перед тысячами попавших в ловушку на Теневой Линии.

Кассий редко действовал под влиянием собственных эмоций. Почти всегда им двигали чувства и идеалы покойного командира. Его собственным побуждением в данный момент было дать взорваться этим бомбам и бросить Легион в последний страшный удар. Как древние отправляли своих покойников в море на горящем корабле.

У него мелькнула мысль, что жизнь его бесцельна. С самого начала марша с Теневой Линии он не планировал будущего дальше, чем выжить и отомстить. Он стал человеком без завтра.

— Расскажи мне про бомбы, Майкл. Или я убью тебя здесь и сейчас.

— Не выйдет. — Хитрая улыбка. — Гней тебе не позволит.

— О бедный мой и глупый друг, — произнес Кассий с самой своей жестокой и довольной улыбкой. — У меня есть для тебя новость. Гней Юлий Шторм погиб, командуя успешным штурмом Сумеречного Города. Ты и твои люди теперь в моих руках.

— Ты лжешь! — Ди задрожал как в лихорадке и побледнел еще сильнее.

— Мне очень жаль, мальчик. Он погиб в Сумеречном Городе вместе с Терстоном, Люцифером, твоей женой и сыновьями. — Металлический смешок. — Классическое было кровопускание. А теперь у тебя выхода нет.

Ди упал в обморок.

— Круг сужается, Майкл, — сказал Кассий, когда тот пришел в себя. — Цикл завершается. Зреет последний акт мести. И все начнется сызнова. — Кассий устало провел по лбу беспалой рукой. — Это из последних мыслей твоего брата перед смертью.

— Карательный рейд на Префектлас — рассчитаться с сангарийцами, — подхватил Маус, и один из уцелевших восстал из пепла, словно феникс, чтобы исполнить свою мысль. А теперь из участников префектласского рейда в живых остался только Кассий. А из рода Дифа — только ты.

Пока Майкл лежал без сознания, поступила депеша — корабли Конфедерации нагнали остатки флота, атаковавшего Железную Крепость. Пощады не дали никому.

Хоть доказательств этому не было, Кассий верил, что Диф тоже погиб. Может быть, он принимал желаемое за действительное.

— Ты и я, Майкл, — сказал Кассий и мягко положил руку на его плечо. — А феникс Гнея начнет новый круг.

Ему было жаль Мауса. Мальчика переполняла ненависть к убийцам отца. Пока Майкл лежал без сознания, Маус произнес сильное и страшное обещание.

— Маус, я бы хотел, чтобы ты этого не делал. Лучше не надо, — сказал полковник.

На лице Мауса застыло выражение непреклонного гнева. Он молча покачал головой.

— Майкл, так как насчет бомб?

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ СЕДЬМАЯ:
3032 год н.э.

Диф выждал, когда женщина оказалась в шаге от него и уже занесла нож. Он отбил удар, шагнул вперед и вонзил ей в грудь собственный клинок. Падая, она успела вцепиться ему в лицо.

Он стоял над ней и смотрел, как она умирает. В первый раз он сам ударил ножом. В первый раз после убийства того старика в пещере он убил своей рукой.

Он не ощутил ни радости, ни удовлетворения. Он вообще почти ничего не почувствовал. И удивился этому лишь на секунду. У него никогда не было особой охоты выполнять планы отца.

Что дальше? Месть Норбонов почти свершилась. В ее последнем акте, осуществлявшемся под руководством Майкла, сам он не участвовал. Осталось лишь уйти от эскадры, пролетевшей мимо Крепости и теперь гнавшейся за его кораблями.

И ничего не осталось, кроме серых будней директора Норбонов. От этой мысли волной взметнулось отвращение. Он никогда не хотел быть Главой. Ему больше не нужна власть, даваемая его положением. К тому же без Рафу, да еще с таким настроением, он не сможет тянуть эту лямку.

Диф бродил по Железной Крепости, как призрак по склепу. В кабинете Шторма он задержался, медленно просматривая его коллекцию. И ощутил с ним некое духовное родство. Их объединяло одиночество. Человек этот не был ему совершенно чужд. Он так же выпадал из человечества, как его враг — из своего народа.

В доке он обнаружил несколько исправных, готовых к старту космоскафов. Они были тихоходны, зато время полета у них было неограниченно — они использовали энергию связи вселенной.

Вызвав капитана оставшегося с ним рейдера, Диф вручил ему письмо для кузена Тааке. Он возлагал на Тааке обязанности Главы вплоть до своего возвращения. Капитан бросил взгляд на письмо.

— А где будете вы, сэр?

— Хочу совершить паломничество.

— Простите, сэр?

— Иди! — Диф махнул рукой. — Давай, пока они не решили еще раз проверить это место.

Еще не зная наверняка, что он собирается делать, Диф забрался в выбранный космоскаф. Этого толстого медлительного увальня наверняка использовали для кратковременных поисков трупов. В нем были медицинские коляски и рефрижераторы для трупов. Но не было инстела. Даже Легион не мог себе позволить ставить инстел на каждый корабль.

Последний рейдер ушел. А Диф еще несколько часов бродил по развалинам вражеского дома, думая время от времени, не так ли вели себя Борис Шторм и Тадеуш Вальтерс, истребив станцию Норбонов. Потом он тоже взлетел и стал прокладывать гипердугу к центру галактики. У него не было намерения забираться так далеко, он лишь хотел в долгом пути понять себя и прийти к миру с собой.

Курс его огибал Срединный Улант. Диф вышел из гиперпространства как раз на столько времени, чтобы перехватить последние новости из Черного Мира.

Уверенности не было. Но впечатление было такое, что он проиграл.

Но не было Рафу, понуждающего его к мести. И поражение не имело значения.

Он попросил прощения у тени отца, переставил двигатели на автоматический режим, забрался в рефрижератор и задраил люк.

Когда-нибудь двигатель выйдет из строя, и корабль выпадет в нормальное пространство. Там автоматика пробудит Дифа, и он увидит совершенно новую вселенную... Или корабль пройдет через середину солнца, где напряжения силовых полей достаточно, чтобы выдернуть корабль из гиперпространства. Или...

Это было все равно.

Выжить или умереть — тоже было уже не важно.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ВОСЬМАЯ:
3032 год н.э.

Маус сидел в водительском кресле, глядя на Кассия и Поллианну. Полли металась по кабине, не находя себе места. Порой она как-то странно смотрела на Кассия, а у того с лица не сходила эта странная, мальчишеская, чуть смущенная улыбка.

Мауса тоже несколько удивило поведение полковника. Прежде Кассий никогда не думал вслух. По крайней мере об оставленном им пути.

Вальтер спросил Поллианну:

— Помнишь этого персонажа в «Венецианском купце» — еврея, который произносит монолог о том, что имеет такое же право испытывать боль, как и всякий другой?

— Шейлок.

— Ага, Шейлок. Так это я. Я такой же. У меня тоже есть право быть человеком. Просто я настолько стар и так долго занимался своим ремеслом, что этого не проявляю.

— Но Шейлок ведь на самом деле говорил о другом. Он просто старался подвести базу под осуществляемую им месть...

Поллианна осеклась.

Маус не знал Шекспира, но догадался, что Поллианну внезапно осенила мысль: Кассий и Шейлок в конечном счете схожи. Он откинулся назад, задрал ногу на приборный щит и принялся сосредоточенно грызть ноготь. А потом спросил у Кассия:

— Надеюсь, ты еще не собираешься затянуть лебединую песню?

— Я? Да ни за что. Пусть я и не вполне доволен своей жизнью, но чертовски определенно намерен задержаться на этом свете как можно дольше. Нет, я думаю, как выбраться со стрежня потока жизни. Если эта жизнь и была тем, что есть стрежень. Я мог бы стать старым сумасшедшим отшельником, который живет в горах и раз в год спускается вниз и пророчествует в окрестных деревнях. Или сбежать к звездоловам. Или податься в пираты к Мак-Гроу или флибустьерам. Все что угодно, лишь бы освободиться от прошлого. И уйти, пока Конфедерация не начала расследования по Теневой Ли-

нии. Нет у меня терпения иметь с ними дело. Поэтому я и ушел из регулярной армии.

— Знаешь, я как-то не могу представить тебя никем другим, кроме того, кто ты есть, — сказал Маус. — Так что там с бомбами? Как ты думаешь, у Майкла было время принять решение?

Ди неподвижно стоял посреди кабины. Он давно уже не проронил ни слова. Лишь глаза его беспокойно бегали, следя за каждым мускулом на лице Кассия, Мауса и Поллианны. А еще за пистолетом в небрежно свешенной руке Кассия.

— Что вы собираетесь делать? — спросил он плаксивым голосом.

— Если бы решать мне или если бы я мог сделать, что хочу, — ответил Кассий, — я бы тебя убил. Но я этого не сделаю. Разве что ты откажешься рассказывать об этих чертовых бомбах. У тебя было время подумать. Теперь говори. И говори правду, потому что, когда мы пойдем их обезвреживать, ты будешь рядом со мной. Как они снаряжены? Как ты собирался их подорвать?

В кабине загудел зуммер.

— Маус, подойди. Майкл, начинай рассказывать.

— Гарантии, Кассий! Мне нужны гарантии, — упирался Ди. — Вы ведь его не знаете. Вы не знаете, что он сделает, если я не подорву заряды.

— Кто «он»? — спросил Маус.

— Он готов разнести в клочки целую вселенную, лишь бы только добраться до тебя и Штормов, — продолжал Майкл, словно не слыша вопроса. — С тех пор, как вы убили Рафу, он превратился в настоящего маньяка.

— Хорошо, черт возьми. Если надо будет, я запру тебя в собственном сейфе. Ты только скажи, как избавиться от этих бомб.

— Твое слово?

— Чего ты хочешь? Чтобы я руку надрезал и написал клятву кровью? Тебе предлагают хорошие условия, и ты это знаешь.

— Эти бомбы — с дистанционным радиоуправлением. Пусковой механизм у моего водителя.

— Через сколько времени он нажмет кнопку?

— Он не нажмет. Он даже не знает, что механизм у него. Я был уверен, что застану здесь Гнея, вот и наделал глупостей.

— Ага! — Кассий злобно хихикнул. — Обманули дурака.

— Ты обещал.

— Кассий, у меня новость, — сказал Маус, — думаю, она скрасит твой сегодняшний день. Хельга сдала Фестунг Тодесангст.

— Что? — переспросил Майкл.

— Сообщение разведки флота.

— Господи, да что же это? — воскликнул Майкл. — Нет, не верю! Она бы подорвала мины.

— Не знаю, что у них там случилось, — сказал Маус. — Сводка флота, отцензурованная разведкой. Объяснений нет. Говорится лишь, что вначале ситуация сложилась патовая — Хельга грозилась подорвать мины, а пехотинцы боялись надавить сильнее, чтобы она и вправду этого не сделала. Может быть, до нее дошли вести о Сумеречном Городе, и она решила, что дело потеряло смысл. Она вдруг просто сдалась.

— Что за чертовщина с ней случилась? — пробормотал Майкл, нахмурившись. — Испорченная, эгоистичная идиотка. Всегда получала, что хотела. А надо было...

Кассий тоже нахмурился.

— Здесь должен быть подвох. То ли у нее бомбы с часовым механизмом, то ли еще что-нибудь. Ди не могут без подлостей.

— Кассий, они освободили Гомера и Люцифера. Оба выглядят вполне сносно. Их можно воскресить.

— М-да... Может быть. Если, конечно, она их не запрограммировала. А интересно, на каких условиях она сдалась? Не может быть, чтобы на выгодных для нас.

Майкл повернулся к Маусу. На лице его проступило злорадство. Он даже задрожал от радостного предчувствия — наверняка дочь выторговала для себя что-то значительное.

— А ни на каких. Без договора. Безоговорочная капитуляция. Как будто ей незачем стало жить, и она вышла из игры.

— Но... — хотел было спросить Кассий.

Маус перевел взгляд на Майкла. У того в глазах застыл ужас.

— Они убили ее, Кассий. Бэкхарт лично отключил ее жизнеподдерживающие системы.

— Убили? — еле слышно произнес Ди. — Мою маленькую девочку? И всех моих детей? Вы их убили? — Маус спокойно смотрел, как в глазах его дяди разгорается огонь безумия. — Вы убийцы! Мою жену, моих детей...

— Они получили легкую смерть! — отрезал Маус. — Гораздо легче, чем того заслуживали. И навлекли ее на себя сами.

Кассий подошел к Ди и посмотрел ему в глаза. А потом заговорил медленно, с расстановкой, словно прокручивая нож в ране:

— Он прав. Им следовало сгореть в огне, по тысяче раз каждому. И то я бы считал, что они легко отделались.

— Маус! — вскрикнула Поллианна.

Ди бросился на Кассия.

Полковник этого не ожидал. Всю жизнь он ошибочно считал, что трус способен напасть, только когда уверен в своем преимуществе.

Майкл Ди был трусом, но не лишенным способности действовать.

Секундное замешательство Кассия стоило ему жизни.

Ди выбил из его руки пистолет, успел поймать его на лету и одним метким выстрелом разворотил полковнику внутренности прежде, чем Маус налетел на него сбоку и отшвырнул оружие в другой конец кабины. Кассий обмяк и стал медленно оседать вниз, как разваливающаяся на куски империя, будто на разные части его тела действовала различная сила тяжести. Механическое говорящее устройство скрежетало и щелкало, но эти звуки нельзя было принять ни за крик гнева, ни за хрип агонии. Полковник свалился окровавленной вздрагивающей кучей, а металлический голос продолжал издавать все те же странные звуки.

Маус и Ди свалились на стол, и племянник, невпопад ругаясь и всхлипывая, вцепился дяде в горло.

Вначале насмерть перепуганный Ди отбивался совершенно инстинктивно. Он царапался, кусался, лягался. Постепенно к нему вернулось соображение. Он разжал хватку Мауса и, вывернувшись, ударил его с разворота ногой в грудь.

Маус упал на четвереньки. Собрав все силы, он попытался вскочить на ноги, но вдруг полетел вперед и влетел в стол.

Ди занес ногу для последнего удара по горлу.

— Нет!

Он медленно обернулся.

Поллианна держала в руках тот самый пистолет, которым он убил Кассия. Руки у нее дрожали, дуло неуверенно, но грозно покачивалось.

— Поллианна, дорогая, опусти эту штуку. Я тебе ничего не сделаю. Обещаю. Это дело между ними и мной. К тебе оно не относится.

Он говорил самым ласковым своим голосом. И, может быть, искренне. У него не было причин убивать Поллианну. По крайней мере сейчас.

— Не двигаться! — приказала она, едва Ди двинулся к ней, протягивая руку к пистолету.

Ей было страшно. Наступил момент, ради которого она жила. Момент, во имя которого она заставила себя пройти сквозь свой личный ад.

— Нет, оно ко мне относится. Я тебе кое-что должна, Август Плейнфилд.

Ди остолбенел от изумления.

— Ты даже не помнишь? Ты, проклятый бессердечный гад! Ты даже не помнишь имени, под которым пришел убить моего отца.

— О чем ты говоришь, детка? Я никогда никого не убивал.

— Лжешь! Ты гнусный лжец. Я видела вас, мистер Август Плейнфилд из «Стимпсон-Храбоски ньюс». Я там была. Ты вколол ему наркотик, вытянул из него все про Теневую Линию, а потом ты его убил.

Ди побледнел.

— Девочка из госпиталя!

— Да, девочка из госпиталя. Теперь твоя очередь.

Ди бросился вперед, сделав обманное движение в сторону.

Останься он на месте, Поллианна, возможно, так и не нажала бы на спусковой крючок. В решающий момент, когда надо было хладнокровно убить человека, это оказалось труднее, чем она думала.

Но внезапный бросок Ди вызвал защитную реакцию. Поллианна принялась бешено палить из пистолета. Первым лучом она прожгла приборный щит. Второй пронзил Майклу ногу. Он пролетел мимо Поллианны с коротким криком боли и отчаяния. Она выстрелила снова и снова попала. И снова. И снова.

Маус, у которого перед глазами все плыло, а к груди будто привязали наковальню, снова собрал все силы и заставил себя оттолкнуться от стола. Он поднялся на ноги и резко встряхнул головой, чтобы в глазах прояснилось.

Он увидел, как Поллианна с размаху колотит рукояткой разряженного пистолета по изуродованному до неузнаваемости трупу Майкла, бормоча что-то невнятное про Фрога. Маус доковылял до нее, отобрал оружие, обнял и прижал ее голову к своей груди.

— Все кончилось, Полли, — ласково говорил он. — Понимаешь? Все кончилось. Он умер. Все умерли, кроме нас.

Она проплакала еще с час. Истерические всхлипывания постепенно сменились глубокими, душераздирающими рыданиями, стали слабеть, перешли во всхлипы и шмыганья носом, потом в редкие поскуливания раненого зверька и стихли совсем.

— Ты просто побудь здесь, — прошептал Маус, когда она окончательно успокоилась. — А у меня есть работа. Потом мы сможем уехать.

Он поднялся, подошел к пульту, нашел действующую частоту и снова принял на себя командование Легионом.

ГЛАВА ПЯТЬДЕСЯТ ДЕВЯТАЯ:
3032 год н.э.

В черной бездне запульсировали огромные двигатели. Корабль, по своим размером превосходящий крупные города многих планет, пришел в движение. Капитан приказал дать предельно возможное ускорение. Корабль отстал от своих собратьев на несколько месяцев.

К нему собрались тучи кораблей поменьше. Их участие в войне на Теневой Линии подошло к концу. Больше неоплаченных долгов не осталось.

Руководители звездоловов были огорчены, что результаты не оказались более благоприятными. Но история, как и все остальное, редко бывает справедливой. Равновесие сил удалось восстановить, и этого достаточно.

Корабль-исполин уплывал все дальше в космические глубины.

ГЛАВА ШЕСТИДЕСЯТАЯ:
3052 год н.э.

Кто я? Что я?

Я — побочный сын Теневой Линии. Эта раскаленная солнцем каменная гряда с зубчатыми краями — мой третий родитель.

Пойми то, что там произошло, и ты поймешь меня. Сними эту твердую бесплодную почву, и обнажатся корни моей ненависти.

Теневая Линия и четверо. Гней Юлий Шторм. Тадеуш Иммануил Вальтерс. Майкл Ди. Норбон в'Диф. Если судить меня за то, что я есть, — придется обвинить и их вместе со мной.

И это, друг мой, факт.

Масато Игараши Шторм

Эпилог
ПОВЕШЕННЫЙ

Повешенный Человек символизирует либо искупительную жертву, либо испытание. Хотя потом у него может возникнуть чувство, что на самом деле его карта — Дурак.

ЭПИЛОГ:
3052 год н.э.

— Значит, в этом все дело? — спросил Мак-Кленнон. Теперь уже капитан Мак-Кленнон. Когда-то сержанты Шторм и Мак-Кленнон вместе вели солнечную яхту, победившую в той давней регате.

Капитан Масато Шторм, Флот Конфедерации (разведка), ответил:

— Ты спрашивал меня о Теневой Линии и о том, почему я ненавижу сангарийцев. Я рассказал тебе.

Он смотрел в точку ночного неба в тридцати градусах от центра галактики, и перед глазами у него роились призраки минувших дней. Через несколько тысячелетий в этой точке расцветет новая звезда — яркая, если будет кому на нее смотреть.

Мак-Кленнон снова наполнил свой стакан.

— Хочешь закончить игру, пока Юппа еще нет?

Он направился к шахматному столику. За эти несколько часов никто не вспомнил о партии.

— Пожалуй, — ответил Маус, не отрывая глаз от неба. — Не могу поверить. Я знаю, что это случилось, но до сих пор поверить не могу.

Нечасто доводилось Мак-Кленнону видеть Мауса в таком философском настроении.

— Смерть Кассия и Ди могла показаться тебе концом истории. Потому что они были последними принципалами. Но ведь ты рассказывал не историю Легиона и не историю вой-

ны на Теневой Линии. Ты рассказывал о тех, кто уцелел. Особенно о Маусе.

— Может быть. Да, ты прав. Ну, нам еще оставалось разоружить людей Майкла, обезвредить те бомбы и вывезти своих людей с Теневой Линии. И мы сделали это — нам помогли жители Темной Равнины и Города Ночи... Постой-ка, а что означают эти слова: «Рассказывал о тех, кто уцелел»?

— Мне кажется, ты хотел объяснить мне, кто такой Масато Шторм.

Маус перевел взгляд на тот участок неба, где бушевала новая война. Человечество со своими союзниками вступило в схватку со страшным врагом.

— Ты знаешь, ведь мой дядя просто сорвался. Сохрани он хладнокровие, мог бы уйти оттуда живым.

— Как это?

— У него всегда в рукаве был еще один туз. Последний из этих тузов удивил всех. Никто бы ничего не заподозрил, пока не оказалось бы, что нам надо штурмовать Эджворд.

— Это как? — спросил Мак-Кленнон, просто чтобы Маус продолжал говорить. Он работал в комиссии, расследовавшей войну на Теневой Линии, и знал ответ почти на любой вопрос. Но надо было отогнать друга от бездонного болота депрессии.

— Последний туз Майкла. У него в кармане было несколько второстепенных членов Совета Директоров. Они устраивают путч и захватывают власть. Их легко приводят в чувство, но в поднявшейся суматохе Майкл изменяет внешность и бесследно исчезает.

— А потом на тебя налетела комиссия.

— Как стервятники. Мне еще повезло, что у отца, Кассия и Ричарда были влиятельные друзья на Луне-Командной. Так что в конечном счете с нами обошлись довольно мягко. Корпорация наша до сих пор занимается бизнесом.

— А девушка?

— Полли? Она вернулась в Моделмог, а там вдруг обнаружила, что больше не выносит Шекспира. Тогда она еще раз сменила имя и ушла в голодраму. Ты ее наверняка видел. Она стала совсем другим человеком — так всегда бывает, когда получаешь, чего очень хочешь.

— А тот сангариец, Диф?

— А кто его знает. — Шторм отошел от окна лишь для того, чтобы в очередной раз наполнить стакан. — Может быть, погиб в Мире Хельги. Может быть, при штурме Крепости или во время погони. А может быть, и улизнул. Иногда мне именно так и кажется.

Мак-Кленнон наконец-то выбрал ход. Он предлагал размен пешек.

— Твой ход. А почему тебе так кажется?

— Та эскадра, с которой сцепились звездоловы у Края Звезд. Это не был обычный пиратский флот одного Семейства. В этой операции было не меньше десятка Семейств. Что должно было привести к хаосу в командовании. Но эти действовали почти так же эффективно, как флот людей.

— Ну и что?

— А то, что Диф понимал значение организации и дисциплины. И у него хватило бы силы воли, упорства и чисто сумасшедшего духа вендетты, чтобы сплотить этот отряд. Я не говорю, что звездоловы сражались именно с ним. Я только говорю, что в этом флоте было что-то от него.

— Так ты думаешь, что теперь тебе предстоит новый круг? Что теперь их очередь мстить?

— Может быть. Их еще немало осталось. И если кто-то из них додумается, как найти союзников вне Метрополии...

— Они всегда это умели. Твой ход, Маус. — Маус принял пешечный размен. — Твой дядя Майкл был зачат на Префектласе. И он не был мулом. Им просто нужно перешагнуть через свои предрассудки.

От его слов Маус едва не выронил стакан.

— Выведение рабов... как же я раньше не подумал? Интересно, а Бэкхарт знает?

— Он знает все. Работа у него такая. Если тебе так будет спокойнее, можешь послать ему запрос.

Маус злобно хихикнул.

— Я на секунду подумал, что я уже безработный.

— А я на секунду подумал, что ты это бросишь. Так что дальше?

— Полли будет здесь на следующей неделе. Что-то вроде тура. С ней наш ребенок. Может быть, залетим в Крепость повидать братьев.

— А ты ведь говорил...

— Он не разрушил Крепость. Просто всех перебил. Сейчас там живут Бен и Гомер. Пара полоумных старых отшельников. Они продолжают семейное дело. А когда Юпп туда собирается?

— Надеюсь, что сегодня вечером. Как ты думаешь, принять мне предложение Юбичи?

— И уйти в отставку? Бэкхарт тебя не отпустит. Ты же знаешь, идет война.

— А если он согласится?

— Тогда будь осторожен. Луна-Командная с них глаз не спускает. Армий кондотьеров больше нет. Теперь они ищут предлог, чтобы расформировать полицейские силы при компаниях.

— В компаниях по крайней мере заправляют честные мошенники, а не сентиментальные бандиты вроде адмирала Бэкхарта.

Это замечание здорово разозлило Мауса, судя по выражению его лица.

— Давай-ка лучше отложим эту партию, — буркнул он. — Если появится Юпп — позови меня.

И он ушел.

Мак-Кленнон повернулся к окну и принялся созерцать ночное небо. Неужели Маус задумал уничтожение всей сангарийской звездной системы? Да, это будет полная месть.

Где ты сейчас, Норбон в'Диф? Чистишь пистолет, готовясь вернуться в город? Неужели снова повторится цикл, и плевать на ту гораздо большую, отчаянную битву у центра галактики?

«Ненависть — худший из ядов, — сказал про себя Мак-Кленнон. — Прав был твой отец, Маус, когда велел тебе вернуться в Академию. Надо было тебе послушаться».

ЛОВЦЫ ЗВЕЗД

Посвящается Робину Скотту Уилсону,
когда-то разведчику,
товарищу и учителю давних времен

ГЛАВА ПЕРВАЯ:
3048 н.э.

ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», КАРСОН

В этом неистовом, суматошном, стремительном веке, когда верность и друзья, корни и преданность выбрасываются легче конфетных фантиков, герои и легенды, архетипические фигуры и ценности стали одноразовыми, сверкающими и эфемерными, как бабочки Старой Земли. Бывает, что в глубоких дебрях науки ученый заметит блеск самородка и вырвет у Природы тайну, потрясающую вселенную. Бывает, храбрый флотский офицер дерзким ударом решит судьбу человечества. Любой из них станет героем, легендой быстролетного часа. И в следующий час смешается с пылью Шумера и Аккада. Кто вспомнит их в день седьмой?

Кто помнит рейд Юппа фон Драхова к Адским Звездам? Назовите его имя. И увидите обращенные в вашу сторону пустые глаза. Или кто-то скажет нечто вроде: «Он же такой старый» — в том смысле, что его давно уже нет. История небрежно смела фон Драхова в свой ящик с игрушками к Цезарям, Гитлерам и Бонапартам. Прошла половина стандартного года Конфедерации, и люди дня сегодняшнего забыли его, а люди дня вчерашнего — архаисты — еще лет сто вспоминать не будут.

Но бен-Раби знал, что Юппу, к счастью, не нужно поклонение толпы.

Люди дня сегодняшнего, жители планет, летящие на бешено мчащейся ракете социальных и технологических пере-

мен, ценности жизни приобретали готовыми и в пластиковой упаковке — чтобы легче было по использовании выбросить. Бен-Раби это не устраивало. При такой жизни не получается ни к чему долго приспосабливаться, чтобы сточились острые края и предмет стал удобным, как старая кровать после многих лет в доме.

Обо всем этом он думал, идя с инструментальным ящиком в руке к воротам космопорта Блейк-Сити на Карсоне. Имя, которое он теперь носил, было ему на размер тесновато, но вполне могло стать бременем потяжелее креста, что нес христианский Бог.

Ох как ему все это не понравится. Он всю жизнь терпеть не мог труб и слесарной работы.

Одет он был в предписываемую союзом форму техника систем транспортировки жидкостей. Она состояла из грубого тускло-серого комбинезона с аппликацией в виде желтых и зеленых труб. На рукавах, там, где сотрудники Службы носят шевроны, красовались три красные нашивки. Они означали, что союз присвоил ему звание мастера.

Он и в самом деле проходил обучение, хотя усвоенные знания лежали почти забытые среди сотен других экзотических умений. Казалось, что дни этого обучения остались в другом веке. В свои тридцать с лишним он ощущал на себе груз опыта тысячелетий. Знания и опыт сотен жизней, впрыснутых в его череп. И процесс образования не кончался никогда.

Бюро заменяло ему мать, отца и жену. И требовало, чтобы он был всегда готов ко всему — на всякий случай.

Бюро — это была семья без любви. И всегда оставляло у него неудовлетворенность, которая грозила перейти в ненависть. Уж чего они с ним только не делали...

И никогда не оправдывались. Никогда ничего не объясняли.

Но в последнее время он вообще был всем недоволен. Образ пистолета стал беспощаден. У него будто открылся в душе кричащий разъем неудовлетворенной потребности, к которому не подходила ни одна вилка.

И всегда была боль. Чертовски сильная боль.

В своем теле он носил вторую нервную систему. Это они имплантировали ему полную инстелную связь с питанием от

биотоков. И небольшая, исчезающая боль клубилась вокруг узелка за ухом. Это был самый большой элемент этой связи.

И другой боли тоже было достаточно. Старая язва желудка. Мизинец, ушибленный во время игры в гандбол. Намек на головную боль — спутник почти всей его жизни. Каждый медленный шаг загонял шипы в кости ног. Их удлинили недавно на шесть сантиметров — и в спешке. Кости в руках вели себя не лучше. Чесалась кожа на животе, откуда срезали двадцать лишних фунтов.

Чесались еще пальцы рук, ног и веки. Узоры на пальцах и рисунок сетчатки тоже заменяли наспех.

Карсон. Самая отсталая планета из всех, что ему в жизни попадались.

Чертова эта язва. Проснулась от быстрой переброски на Карсон. С самого начала вся работа делалась наспех.

Ну, в общем, все они здесь. Когда же у него в последний раз было время перевести дыхание, передохнуть, повозиться с коллекциями или просто послоняться без дела по собственному, без совладельцев, дому на тихой планете правительственных отставников под названием Приют? Или отделывать свой литературный опус — «Все, кто был в Иерусалиме до меня»?

Здесь времени на безделье не было. И на планирование операции заранее — тоже. Цивилизации, казалось, летят в спешке безумных изменений, сталкиваясь и лязгая, к апокалиптическому кризису. Ничего нет неизменного, ни одной неподвижной точки привязки.

Жизнь Мойше бен-Раби стала потоком горной реки в пору таяния снегов; ревущей и несущейся каскадами слишком быстро, слишком текуче, чтобы выхватить хоть часть из нее и рассмотреть получше.

Но постой! Ведь в реке, летящей мимо жизни, есть и несколько твердо стоящих скал! Это — долговременные легенды, тяжко лежащие в его сознании. Как утесы в бурунах, они по сравнению со всем остальным на его веку пребудут вечно.

Чего-то не хватало: опор, колонн, фундамента жизни. Ведь что-то должно быть для него реальным, истинно реальным... «Хочу!» — кричал он в углы своей души. И почему-то в самые неподходящие моменты впрыгивал в его сознание образ оружия. Лук, гаубица, винтовка, пистолет — что угодно, но все-

гда без человека, обычно в профиль и в момент выстрела. Что это значило? Цель? Какой-то сексуальный символ? Выражение бывшей у него когда-то тяги к героизму? Тайную жажду убивать?

Наплывом вернулись воспоминания о первом дне в Академии. Он нервничал, отглаженный до последней складочки, гордый, что стал частью флота, гордый, что был одним из немногих принятых со Старой Земли, и опасаясь того, что ждет его впереди. Червяк неуверенности точил его душу уже тогда. Присягу он принял с некоторыми мысленными оговорками. Четверть своей короткой жизни он посвятил тому, чтобы выиграть этот конкурс, и успех оставил у него чувство, что чего-то ему не хватает. Но флот, по всей видимости, обещал то, чего требовало его «Хочу». Годы в Академии не были плохи. Тяжелая работа и напряженная игра — мало времени для рефлексии. Но в первые месяцы службы душевная боль вернулась сильнее, чем была. Отчаянно бросаясь из стороны в сторону, он подписался на обучение в разведке, не понимая сам своих истинных мотивов. Друзьям по кают-компании он сказал, что хочет приключений. Даже тогда в его словах отчетливо звенела фальшь. Гоняться за сангарийцами и пиратами Мак-Гроу — это доставляло приключений достаточно. И все это назрело сейчас в душе Мойше бен-Раби, странствующего рыцаря, посланного найти дракона, что прячется за глазами ночи.

Впереди себя он заметил своего невысокого желтокожего напарника Мауса — восточноазиатского типа человека с монгольскими усиками. Не сделав ему никакого знака, Мойше вошел в ворота вслед за ним.

И на секунду замедлил шаг, глядя на летное поле. Лихтер с потрепанного торговца, который их сюда привез, все еще стоял на посадочной площадке. А ведь должен был уйти прошлой ночью. Они успели тогда на купца в спешке последних проверок, выполняемых на корабле, который должен скрыть свой след.

Маус его тоже заметил. От его маленьких дьявольских глазок ничто не могло укрыться. Он пожал плечами и ускорил шаг, чтобы бен-Раби его не догнал.

На этот раз предполагалось, что они не знакомы. У Мойше вообще не оставалось ни одного якоря. Ему не нужно было

много людей, но когда вообще не было никого, он чувствовал себя покинутым. Пока его не отвлекли воспоминания о собственном прошлом, он грезил наяву Звездным Рубежом и небесными сейнерами. Эта мысль нависала над его сознанием постоянно, как утес над переменчивым потоком.

Манила сама тайна Звездного Рубежа, планеты-крепости за краем галактики, ощетинившейся автоматическим непобедимым оружием, которое разносило в клочья любого, у кого хватало дури подойти на выстрел. И ни одна из десятков экспедиций не принесла даже намека на ответ — почему.

В минуты глубокого, пугающего затишья, когда вдруг стихает злободневная суета и слова смолкают, потому что нечего сказать, люди хватались за мысль, что Звездный Рубеж это всего лишь диковинная страна, ждущая первопроходца — мысленная литания для изгнания страшного духа безмолвия. Людей манила эта богоподобная сила. Глаза безбожников искали богов в величественной мощи неизвестного — технологического эквивалента Иеговы Ветхого Завета.

А когда мысль людей отвлекалась от Звездного Рубежа, она обращалась к небесным сейнерам. Звездоловам.

Вообще-то звездные рыбаки не должны были бы быть тайной. Это были люди. Звездный Рубеж — это был просто мертвый, металлический, машинный голос, бормочущий какие-то безумные слова на нечеловеческих языках, игрушка вооруженных строителей пирамид, исчезнувших так давно, что не осталось даже расы, которая бы их помнила. Но сейнеры из-за самой своей человеческой природы стали еще большей, пугающей загадкой.

Наземники абсолютно не воспринимали спокойной, неизменной культуры звездоловов. Они жаждали неоспоримого мира звездоловов, но не принимали их блаженного застоя. Опасной была дорога сейнеров, и причудливо вилась она среди волчьих ям инь и янь ревности и зависти.

Мойше стряхнул с себя задумчивость. Работа прежде всего. Надо быть начеку. На волоске висят много жизней, готовые сорваться при малейшем неверном шаге, и первой в этом списке — его собственная.

Он вошел в терминал порта Блейк — обширную пещеру из стекла, пластика и стали. Уходящий вдаль пол был пере-

крестком цветов и движений; пасти входов и выходов открывались в другие миры.

Когда-то Мойше хотел быть поэтом, странствующим Гомером космоса — как Чижевский. Детская, наивная мечта. Как мечта овладеть тайными силами, найдя ручки, которые ими управляют.

Инструктор велел ему критически прочесть Чижевского, а потом заставил исследовать собственные тайные образы космоса, ночи и материнского чрева. Это был кошмар ночного полета на метле. Темные закоулки разума оказались землями разрушения и ужаса, в которые он никогда ни за что не заглянет снова. Муза покинула его ради более светлых небес. Теперь он баловался прозой — «Все, кто был в Иерусалиме до меня».

На этом задании будет время его как следует отшлифовать.

Его охватил свет. Вокруг стоял густой запах человеческих тел. Туда-сюда мотались люди, как роящиеся пчелы, потерявшие вдруг свою королеву. Освежители воздуха не справлялись с миазмами. Все, как в любом терминале, где ему приходилось бывать.

В многообразии своем толклись здесь люди — атомы, танцующие согласно ритуалам терминала. Калейдоскопическим хороводом мелькали цветные костюмы десятков миров.

И небольшая мрачноватая группа заняла один из тихих омутов этого водоворота людей. Там стоял длинный стол, а за ним полдюжины мужчин в желтовато-белых, ничем не украшенных комбинезонах перебирали анкеты и вопросники. В конце стола девица, обложившись кучей секретарских приспособлений, совала анкеты в уменьшающую машину. Девушка была бледной, со светлыми волосами до плеч. Мойше обратил на нее внимание, потому что волосы у нее были для космонавтки необычно длинными.

А вот мужчины вполне отвечали стереотипу космонавта. Волосы у них были подстрижены ежиком не длиннее сантиметра. «Как в лагере для новобранцев в первый день», — буркнул про себя Мойше.

Это были его новые работодатели. Те, кого он послан был предать.

Маленький и смуглый Маус прошел мимо и подмигнул. Маус — мышь. Откуда у него такое прозвище, бен-Раби не

знал. Знал только, что Маус носит его годами и ему оно нравится. Хотя по виду ему куда больше подошло бы Хорек. «Чудной мужик — мой напарник, — подумал про себя Мойше. — Но мы с ним сработались — из-за симбиоза наших навязчивых идей. В некоторых областях».

Маус тоже был сумасшедшим коллекционером: почтовые марки тех времен, когда ими еще пользовались, монеты, бутылки, кружки, кованое железо — почти любая старина. Только вот для чего они собирали коллекции — в этом они расходились.

Бен-Раби занимался коллекционированием для отвлечения, для отдыха, для самообразования. Маус же после последней побывки на Луне-Командной стал неистовым архаистом. Коллекционирование стало для него способом уйти в единство стилей — гештальт — минувшей жизни. Он по уши влюбился в двадцатое столетие — последнее с таким широким спектром классовых, этнических и культурных различий.

Бен-Раби вообще не понимал архаистов. И держался о них мнения, по выражению Мауса, ниже змеиной задницы.

Старые различия переменились. Ни раса, ни пол, ни богатство, ни стиль или манера речи не ставили теперь человека в изоляцию. Теперь предрассудки вертелись вокруг происхождения и профессии, и земляне стали ниггерами века, а сотрудники Службы — аристократией.

Бен-Раби — под многими другими именами — знал Мауса уже годы. Но на самом деле он этого человека *не знал*. Ни профессиональная связь, ни дружба не могли пробить защиту Мауса. Бен-Раби был землянином. Маус был уроженцем Внешних Миров и сотрудником Службы в третьем поколении. Это был барьер, через который мало что могло просочиться.

Он стал смотреть на другие лица, отмечая замешательство, решимость, беспокойство. Многие из этих людей не знали точно, зачем они здесь. Но он искал взглядом бесстрастных — тех, кто знал. Здесь должны быть конкуренты и соперники.

Интерес Бюро к звездоловам был далеко не уникален. Тут небось половина шпионов...

— М-да!

— Простите?

Он обернулся. Рядом с ним остановилась маленькая синяя монахиня, удивленная его восклицанием.

— Извините, сестра. Так, мысли вслух.

Улантидка поплыла прочь, озадаченно хмурясь — наверное, гадая, какой это ум нужно иметь, чтобы мыслить неразборчивыми односложными словами. Бен-Раби и сам нахмурился. Что случилось с людской потребностью в вере? Все знакомые ему христиане были завоеванными инопланетниками.

Но любопытство его испарилось, когда он повернулся к этому тревожащему лицу.

Да, это была Мария, хотя изменилась она не меньше, чем он сам. Кожа, волосы и глаза у нее стали куда темнее. Она потолстела на двадцать фунтов, и многое другое тоже переменилось. Эти изменения были более тонкими, но он ее все равно узнал. Она не могла скрыть свою манеру двигаться, говорить, слушать.

Мелькнула мысль, что особенно хорошей актрисой она никогда не была. У нее был другой талант, необходимый в их общей профессии. Она выживала в любых обстоятельствах.

Она перехватила его взгляд. У нее на миллиметр приподнялись брови, потом сосредоточенно сдвинулись. И появилась зловещая стальная улыбка. Она его тоже узнала.

Интересно, насколько ее понизили после оглушительного провала на Сломанных Крыльях? Во что ей это обошлось, помимо жестокой и медленной смерти ее детей?

У Мойше между лопатками побежали ледяные мурашки. Наверняка она планирует, как сровнять счет.

А она кивнула — вежливо, чуть заметно.

Вселенная огромна. Никак не могло быть неизбежным, чтобы они вообще хоть когда-нибудь столкнулись снова. В голове у него была гулкая пустота и ни одной разумной мысли.

Ничто в мире не могло потрясти его сильнее, чем встреча с ней.

Он ее не испугался. Или испугался, но не в том смысле, чтобы покрыться холодным потом. Она увидит Мауса. Она будет знать, что может либо оставить все как есть, либо погибнуть, либо точно знать, что убьет их обоих одним ударом.

Какие-то еще лица мелькали в памяти. Тень узнавания чего-то знакомого из файлов Бюро, которые вбивали в голо-

ву. Никто из этих людей не будет его врагом. Простая конкуренция — это лазутчики из Корпораций. Или от Мак-Гроу.

Мойше посмотрел на сборище как на организм, пытаясь представить себе его сложение и характер. Толпа была меньше, чем он ожидал. Человек двести, не больше. Сейнеры дали объявление о наборе тысячи, обещая премии и зарплаты, близкие к сумасшедшим. Их ждет разочарование.

Он подумал, что, наверное, мало есть техников достаточно романтичных или попросту голодных, чтобы погрузиться на год в совершенно чуждую среду. Это могло означать возвращение в дом, изменившийся до неузнаваемости. После старта лихтеров возврата не будет. И нельзя будет уволиться, если работа тебе не понравится.

Мойше встал в очередь на регистрацию на четыре человека позади своего напарника. Мауса трясло.

Мойше никогда не уставал ему удивляться. Лед. Стеклосталь. Машина без признаков жалости. Верная смерть. Много еще мог он найти для Мауса холодных и жестких слов, и все они были бы верны. Но бывали непредсказуемые моменты, когда этот человек давал своей людской натуре выглянуть из-за алмазной оболочки. И каждый раз бен-Раби казалось, что он стал свидетелем чуда.

Может быть, лишь в этот момент за время всей этой операции Маус позволил себе проявить слабость. И всего лишь потому, что предстоял полет на шаттле. Маус панически боялся взлетов.

— Доктор Нивен!

Интимный шепот около самого уха и прикосновение теплой руки. Он посмотрел вниз, в глаза темные и твердые, как сангарийские бронзовые монеты.

— Простите, мадам? Нет, я — бен-Раби. Мойше бен-Раби.

— Как эксцентрично. — Улыбка тоже была металлической. — А я — Кэнди.

Очевидно, она читала больше, чем он подозревал.

Мойше бен-Раби был главным героем единственного романа Чижевского, гротескного полотна, написанного широкими мазками Гаргантюа и Дон-Кихота. Все критики набрасывались на это сходство, останавливаясь лишь на самом краю обвинения в плагиате.

Странно, что сангарийка читала «Яркие золотые знамена».

«Сангарийка!» — пришлось ему напомнить самому себе. Он делил с ней ложе, они пылали чувствами в те голодные дни на Сломанных Крыльях.

Она могла бы и сейчас разделить с ним ложе, но... потом она бы выпила его кровь. Сангарийцы лелеют свою ненависть вечно. Если верить слухам — из поколения в поколение.

— И Крыса тоже? — Она имела в виду Мауса. Для этого человека она построила бы отдельный ад. Но это чувство было взаимным. Бен-Раби знал, как бы рад был Маус свиданию с ней в средневековой камере пыток. — Все вы, конфедераты, шпионы корпораций и Мак-Гроу, притворяетесь, что вам нужны деньги сейнеров... Через час на орбиту, Гун. Увидимся наверху.

Еще пара стальных улыбок, и она понесла свое бронзовой твердости тело в сторону дамской комнаты.

Увидимся наверху.

В этом сомневаться не приходится. Мойше подумал, как бы это очень быстро раздобыть боевой скафандр «Марк-14» или хотя бы глаза паука, чтобы видеть, что у тебя за спиной. Да, в этом задании жизнь будет как на бочке с порохом.

А он-то рассчитывал на каникулы. Бездельничать и работать над «Иерусалимом».

ГЛАВА ВТОРАЯ:
3047 н.э.

БЫЛЫЕ ДНИ, ГОРОД АНГЕЛОВ

Слух облетел подпольный мир Города Ангелов на крыльях молнии. Стардастер прибыл на Сломанные Крылья.

Тайно проскользнув к планете, в порт Города Ангелов вошла частная яхта, зарегистрированная на имя доктора Гундакара Нивена. Знатоки соответствующих дел помнили это имя по провалу на Борровее, который стоил сангарийцам миллиарда стелларов. Волнение пошло от рабочих порта, связанных с преступным миром. Награда за голову Гундакара Нивена превышала любые мыслимые суммы. Потерю миллиарда стелларов сангарийцы не спустят даже Господу Богу. Докеры передали весть, что «Леди доблести» несет всего двух пасса-

жиров — европейца и монголоида. В городе тоже обратили на них внимание. Нивен имеет какое-то отношение к Стардастеру. А правой рукой Стардастера был монголоид, некто Джон Ли Пиао. Только эти двое были похожи скорее на мелких жуликов со Старой Земли, чем на хозяев теневой империи, которая соперничала даже с сангарийской.

Тем не менее на советах преступных синдикатов склонялись головы в знак согласия и солдатам отдавались приказы.

Стардастер был единственным в своем роде. Человек, не принадлежащий ни к одному кругу. Царь преступного мира, построивший свое царство независимо от существующих синдикатов. Он охотился за хищниками своей породы и не платил ни единого кредита за звездную пыль сангарийского производства. Имя его было одно из самых страшных в списке ненависти сангарийцев.

В десятках миров были вынесены ему смертные приговоры. Существовали открытые контракты, доходившие до ста миллионов стелларов.

Время и успех сделали из него почти мифического дьявола.

Полдюжины раз его объявляли погибшим. Но каждый раз он появлялся снова, как неподвластный смерти, как проклятие погибающего колдуна. Не успевало кончиться ликование по поводу его гибели, как его рука наносила быстрый и страшный удар, выпуская кишки каналу связи или предприятию очередного синдиката.

Может быть, на свете был не один Стардастер?

Главы сангарийских Семей, к которым вел след почти от всей организованной преступности, иногда подозревали, что это вообще не человек, а роль. Может быть, Пиао и есть настоящий Стардастер. Несколько человек, к которым в разное время приклеивали имя Стардастера, были настолько различны, насколько можно выбрать из приличного размера толпы. Высокие и низкие, жирные и тощие, черные и белые.

Диктаторы сангарийских Семей только одно знали наверняка: Стардастер — человек. Пусть сангарийцы — убийцы, грабители, жадные, бессовестные, но только человек, одержимый ненавистью, может так кровожадно их истреблять, как Стардастер.

Даже мотивы его были не до конца ясны. Похищенный им наркотик не всегда снова попадал в торговые каналы. Ясно, что он был одержим не жадностью.

Яхтсмены арендовали наземную машину и исчезли в районе городских складов.

Гундакар Нивен был коренастым человеком среднего роста. У него были твердые темные глаза — такие, которых боятся штатские. Руки у него были толстые и тяжелые. При разговоре он тыкал указательным пальцем, подчеркивая свои слова. От правого уха у него тянулся шрам по всей щеке до самого угла рта.

— Взорвать его килограммом «Д-14»! — буркнул он, ткнув пальцем в облупленное здание склада. Слова его были неразборчивы, потому что правая половина рта не шевелилась. — Сжечь их и драпать.

Водителем у него был маленький человечек с маньчжурскими усиками и такими же холодными глазами, как у хозяина.

— Это не разговор. Только и увидим, как они хорошо умеют умирать.

— Знаешь, Маус, работать на Бэкхарта — это я на метр не дорос. Преступный мир — не моя специализация. Слишком грязная работа и слишком сложная. Ты что, думаешь, у настоящего Стардастера есть тут люди?

Маленький человечек рассмеялся:

— Это точно. Можешь на это рассчитывать.

— Ах ты, черт!

— Эй! Работать на Старика — это честь. Если он тебя зовет, значит, ты этого добился. Неужто тебя не тошнит от ремесла военного атташе?

— Нет. Я туда завербовался.

— Да ладно, брось! Сидеть и плести паутину в углу. Скука, в которую никак не добавить перца. Когда припечет, прятаться в посольстве.

— Так ты думаешь, все это — паркетно-шампанская работа? А у меня, знаешь, на Шейкдауне не было времени на тоску. Причем внутри посольства.

— Все равно не то же самое. Так вот, у Стардастера здесь есть люди. Но когда всплывет весть, а пыль осядет, нас уже тут давно не будет.

— Ты мне то же самое говорил на Горьком. А на Новой Земле все вообще должно было быть как нечего делать.

— Так мог бы уже и привыкнуть.

— Может быть. Гундакар Нивен! Что это за имя такое?

— Берешь то, что тебе дают. Тут не дипломатическая служба. Тут повеселее.

— Говори, говори. Но тебя они не переделывают. Ты на каждом задании Маус. Тебя никогда не ломают в жерновах Медотдела. Никогда психологи не лезут к тебе в мозги.

— Потому что не надо. Я же не роль первого плана. Моя задача — быть рядом и вытащить твою задницу из огня, когда ее припечет.

— Что-то мне во всем этом не нравится, Маус. Тут что-то не так. Где-то ждет беда.

— Мужчина рождается для бед, как искры взлетают вверх.

— Твою мать! У тебя просишь туалетной бумаги, а ты в ответ швыряешь Библию. Я тебе говорю, Маус, это дело гнилое.

— Потому что у нас нет поддержки? Не дрейфь, док, нам она не нужна. Местная шайка сангарийцев для такой Семьи, как Норбоны, значит не больше прыща на заднице. Тут на всей планете их всего пять или шесть. Всю работу делают местные таланты.

— Выстрел местной шпаны сожжет тебя не хуже, чем выстрел столичного профессионала. Без возможности воскрешения. Что там вообще есть?

— Мы с тобой скоро там будем, док. В этой крысиной норе и миллиона народу не наберется. Три вшивых купола, а болот столько, что хватило бы на всю Конфедерацию.

— Даже здесь воняет.

— Это у тебя в голове. Давай, сворачиваем за угол.

Они медленно брели по кварталу, пристально рассматривая район складов собственными глазами. Карты улиц и эйдетические голокартины — это хорошо, но только осмотр на местности делает ее реальной. У каждого города свое ощущение, свой цвет, запах, стиль. Психотехническое ознакомление не дает возможности ощутить неуловимые нюансы реальности.

В их профессии краеугольным и ключевым камнем всегда было знание и подготовка.

— Мне нужна ванна, — пожаловался Нивен. — Я весь провонял болотной грязью.

— Пойдем обратно к «Маркосу». У меня живот уже прошел, и я есть хочу. А пара партий поставит меня снова на рельсы. Делом можно заняться и завтра.

«Маркос» был лучшим отелем на Сломанных Крыльях и одним из лучших во всем Рукаве. Несмотря на ограничения, которые накладывали теснота и законодательство купольного города. Купольные города были космическими кораблями на мертвом якоре на поверхности планет. Что в переводе означает — весьма некомфортабельными.

Вестибюль «Маркоса» был декорирован голоиллюзиями, создающими впечатление открытого пространства. Стена напротив входа была скрыта закругляющейся голографической панорамой вида другой планеты. Маус застыл.

— Что случилось?

Коротышка продолжал смотреть прямо перед собой. И не ответил.

— Вид на Горы Грома из Эджворда, Черный Мир, — вполголоса произнес Нивен, узнав пейзаж.

Это был суровый вид на черные горы, иссеченные злыми звездными ветрами преднового солнца. Черный Мир был одним из самых негостеприимных и трагически красивых внешних миров.

— Просто удивился, док. — Маус оглядел вестибюль. — Когда мы регистрировались, здесь был Кафедральный Лес Трегоргарта.

На них смотрели. Эти двое производили впечатление не гостей, а захватчиков. Внешность выдавала в них крепких орешков, привыкших зависеть лишь от самих себя. Парням такой породы место в квартале складов, а не вблизи колодца благовоспитанности.

И коридорный с водянистыми глазами, который сквозь голограмму лифта смотрел, как они идут по вестибюлю, тоже был здесь не на своем месте. Он прихрамывал на ходу, но слишком он был солидным, слишком мачо, чтобы принадлежать к обслуге. И форма была ему чуть тесновата. И манера держаться была на миллиметр увереннее, чем нужно.

— Что-то съехало с нарезки, — сказал Маус.

Двери лифта закрылись с неожиданной силой, как будто произнося объявление войны.

Все операции Бэкхарта отличались подробнейшими предварительными исследованиями. Маус и Нивен видели фотографии и читали личные дела всех служащих отеля.

— Я его видел. Что будем делать?

— Остановимся на этаж ниже.

Нивен поинтересовался, почему сразу не вылезти к чертовой матери.

— Пройдем по лестнице. Стукнем их сзади.

— Слишком много допущений.

— Все, какие угодно, чтобы не получить лишний раз по зубам.

Им нужно было на пятый. На уровень пентхауса. Там было всего четыре номера, и занят был только тот, где они жили.

— Они догадаются по пустой кабине, — заметил Нивен, когда Маус нажал на четвертый.

— Ага, ты прав.

— Ну и?..

— Знаешь что? Давай спустимся и посмотрим, нельзя ли взять этого хмыря. Всадим ему сыворотку правды и послушаем, что он имеет сказать.

«Образ мыслей Мауса в чистом виде», — подумал Нивен. Понятие «бегство» в его словарный запас не входит.

Они оба играли роль выходцев со Старой Земли. Точнее, головизионного стереотипа выходцев со Старой Земли. Полного психологического кондиционирования они не прошли. Манера их речи колебалась между той, что соответствовала роли, и манерой речи выпускников Академии. Подготовка к заданию включала лишь ограниченную психообработку, и они помнили, кто они на самом деле. Чтобы не выходить из образа, требовался самоконтроль.

— Распускаемся мы что-то, — заметил Нивен. — Давай-ка подтянемся.

Лифт остановился на третьем. Они переглянулись.

— Отойди-ка назад, док, — сказал Маус.

Его глаза опустели, лицо утратило выражение. Его охватила еле заметная аура собранности, настороженности. Казалось, он перенесся в другой мир.

Это он вошел в состояние «мозг убийцы». Что означало, что Маус стал биохимической машиной смерти.

Он был специалистом по физическим боевым контактам.

В лифт вплыла жирная, безвкусно одетая женщина с двумя пуделями и ожерельем, стоившим бы целое состояние, будь оно настоящим.

— Пятый, пожалуйста. — И, пока Нивен не взял неверной ноты, сразу же: — Вы только приехали? Не с этой планеты?

Нивен что-то утвердительно хмыкнул. Надо было придумать, как отвлечь эту бабу, пока Маус выйдет из своего состояния.

— Как чудесно! Дайте-ка я угадаю... Из Внутренних Миров?

Нивен снова хмыкнул. Он подумал, что эта нарочитая грубость ее достаточно отвлечет. Когда дверь открылась на четвертом этаже, он мягко тронул Мауса за рукав.

— Стоять!

Из жирной ладони выглянул миниатюрный игольчатый пистолет. Женщина сбросила маску светской дамы, как змея кожу, и показалась сталь под стать Маусу и Нивену.

— Поедем вместе. — Двери закрылись. — Спасибо.

Нивен взглядом отделил от нее маскарадный костюм и фальшивые накладки и разглядел врага.

Это была Сексон с'Плез, сангарийский резидент на Сломанных Крыльях.

«Хватку теряешь, — подумал он о себе. — Один только жир уже должен был тебя насторожить».

Было подозрение, что Плез — проктор Сексонов, одной из Первых Семей Сангари. То есть по рангу она была на уровне сенатора планеты...

Назначение резидента такого ранга в захолустный мир и было причиной, побудившей Луну-Командную послать сюда свои ударные силы.

Нивен подумал, как она могла так быстро на них выйти.

На пятом этаже кабину ждали два нервных костолома в плохо пригнанной форме служащих отеля. Это была высокая бледная пара с пшеничными волосами — наверняка братья.

— Который тут Нивен? — спросил тот, что постарше.

— На выход! — Женщина показала пистолетом.

Еще четыре пистолета уставились на них из рук братьев.

«Осторожно, — подумал Нивен и медленно поднял руки. — Эти ребята — любители и могут начать стрелять, если перепугаются».

— Толстяк — Нивен. А желтомордый, наверное, Пиао.

Сведения о сообщниках Стардастера были так же туманны, как о нем самом, но одним из немногих известных имен было Джон Ли Пиао. Говорили, что он в организации человек

номер два и главный костолом. Но лицо носителя этого имени было так же неизвестно, как лицо Стардастера.

— Я не хотел бы вас огорчать, — начал Нивен, пытаясь изобразить перепуганного и разозленного постороннего и не испытывая трудностей с изображением страха, — но, боюсь, вы ошиблись...

— Заткнись, скот! — рявкнула женщина.

«Прилипчив земной жаргон», — подумал Нивен. А братья прищурили глаза и поджали губы. Это хамство касалось и их. Слово «скот» было у сангарийцев самым страшным расовым оскорблением.

Нивен сделал невинное лицо.

— Что вообще происходит? Я же простой социолог. Изучаю действие обстановки в куполах на...

Братья принужденно рассмеялись. Один сказал:

— Фигня.

Маус застрял в подвешенном состоянии между нормальностью и сознанием убийцы. Чтобы выйти из этого полусознательного состояния, ему нужно было время. И Нивен знал, в какую сторону Маус выйдет. У него свело живот судорогой.

— ...рабочих-иммигрантов. — Нужно было выиграть время для Мауса. — По заказу корпорации «Убичи». Этот человек — мой секретарь. Наличных мы с собой не носим.

«Вот так, правильно», — подумал он про себя. Протестовать, что ты к делу отношения не имеешь, — вызовет только смех. Протестовать против ограбления — это может заставить их усомниться на ту секунду, что нужна Маусу.

Он не был уверен, что Маус поступает правильно. Но Маус не умел отступать. Он был боевик. Когда-нибудь это приведет его к гибели.

Может быть, это приведет к гибели их обоих, но изменить образ действий Мауса Нивен не мог.

Старший брат засомневался:

— Яхта зафрахтована «Убичи».

— Прикрытие... — начала женщина. Но слишком поздно.

Маус взорвался и взлетел с воплем, от которого противники еще на секунду застыли.

Удар кулака выбил оружие у женщины, и оно отлетело в лифт. Одна, потом другая нога поршнями влетели в лицо стар-

шего брата. Он спустил курок, и веер игл прошил стену над головой Нивена.

Младший брат успел лишь полуобернуться, как в него врезался Маус. Левой рукой он выбил оружие, а правая устремилась к горлу противника. Из раздробленной гортани вырвался булькающий вопль.

Хотя Нивен знал, что произойдет, все равно это застало его врасплох. Маус был очень быстр.

Женщина бросилась бежать раньше, чем Нивен успел поднять ее пистолет. Он попытался прицелиться. Но его шатало. Женщина успела ударить его коленом, и теперь голова плыла от боли. Он ударил по кнопке первого этажа, оставив братьев Маусу. Может быть, удастся поймать ее в вестибюле...

Раньше, чем открылись двери, вернулась способность ясно мыслить.

Ничего нельзя сделать. Там пятьдесят свидетелей в холле. Он смотрел, терзаясь от боли и беспомощности, как толстуха снова приняла свой маскировочный вид и не спеша отбыла.

Тут его начало трясти. Провал был близко. Чертовски близко.

Когда Нивен прибыл обратно на пятый, Маус снова был человеком. И его тоже трясло.

— Достал ее?

— В вестибюле? На глазах пятидесяти свидетелей?

— Из лифта. Сквозь голодекорацию тебя не видно.

— Ах ты! — Об этом он не подумал. — А что с этими типами?

— С ними что-то надо делать.

— Да черт с ними, отпусти. Все равно без разницы... — Он глянул еще раз, и вернулось болезненное ощущение, на этот раз выше. — А надо было?

— Да.

В ответе прозвучал вызов.

Мауса вела убийственная ненависть ко всему сангарийскому. И она проливалась на всех, кто с ними сотрудничал.

Объяснять он отказывался.

— Давай уберем их из холла, пока обслуга на них не наткнулась. — Нивен схватил одного за ногу и поволок.

Маус стал вытирать пятна крови.

— Местной банде это не понравится, — сказал Нивен, затащив в номер второй труп. — На нас откроют охоту.

— И что? Мы уже бывали мишенью. Как бы то ни было, а время мы себе выиграли. Раньше, чем действовать, они разрежут на куски эту толстую шлюху. И пришлют кого-то другого. Это у них строго. А пока что мы их пошевелим.

— Как? Мы уже под приговором. Кто станет с нами разговаривать? Всякий, кто хоть что-то знает, будет знать, что мы уже покойники.

— Ты не покойник, пока над тобой крышку не закрыли.

— Маус, мне это все не нравится.

— Док, ты слишком много беспокоишься. Пусть идет как идет. Нам только надо держать голову пониже и спину к стене, и что-нибудь на нас ветром нанесет. Только будь начеку. Как говаривали в старые дни: если в тебя швыряют лимонами, сделай из них лимонад.

— Я не рассматривал такой жесткий путь, — сказал Нивен. — То есть ты прав, мне не следует так беспокоиться.

— Знаешь, в чем твоя беда, док? Ты жить не можешь, если тебе не о чем беспокоиться. Ведешь себя тревожнее, чем старая дева с семью кошками.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ:
3048 н.э.

ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», КОСМОПОРТ БЛЕЙК-СИТИ

Бен-Раби оглушил шум терминала. От запахов и верчения цветов кружилась голова. Он начинал нервничать.

Так всегда бывало у входа в логово льва. Или дракона — на этот раз. Инструктивные ленты говорили, что звездная рыба в космосе похожа на дракона длиной в двести километров.

Он двигался вперед вместе с очередью и дошел наконец до стола. Один из сейнеров задал несколько вопросов. Он вяло ответил.

— Пожалуйста, подпишите и поставьте отпечаток пальца, мистер бен-Раби. И отдайте анкету вместе с остальными документами вон той леди.

Мойше, подавляя дрожь, подписал контракт. Девушка в конце стола улыбнулась и засунула его документы в пасть уменьшающей машины. Потом сказала:

— Пройдите в эту дверь и садитесь в кресло. Шаттл скоро будет готов к взлету.

Он отошел, пораженный. Бледная девушка-сейнер с ее светлыми волосами и высокими скулами напомнила ему Элис, его любовь времен Академии. И это было плохо. Больше десяти лет прошло, а боль все еще пробивается сквозь душевную броню.

Не потому ли у него с женщинами никогда ничего хорошего не получалось? С тех самых пор любой роман кончался эмоциональным хаосом. Превращался в дуэль на мечах с намерением ранить побольнее.

Но до того не было ни одного романа, чтобы было с чем сравнить. Может быть, он просто сам всегда выбирает женщин с неустойчивой психикой.

Мойше вошел в зал ожидания и сел в кресло. На свет появился потрепанный блокнот, многолетний спутник всех его путешествий. На этот раз, поклялся он сам себе, он закончит «Иерусалим».

«Вот из чего сковал хитроумный Локи путы для великого волка Фенрира: из шума кошачьих шагов, корней гор, женских бород, дыхания рыб и птичьей слюны». Младшая Эдда.

Чем больше он думал, тем больше убеждался, что именно этой цитатой надо начать роман. В ней есть неоспоримая универсальность. В каждой жизни есть свой Локи, способный сковать ее цепью столь же тонкой, но крепкой.

И снова вернулась полынная горечь воспоминаний времен Академии. Нестираемая память о романе с однокурсницей, которая была дочерью вице-коменданта и внучкой начальника штаба флота.

А он был идиотом. Полным, круглым, чугунным дураком. Как он из этого вылез? Вспоминая Элис, он считал чудом, что вообще выжил.

И какой ценой? Что, если бы он не разорвал эту связь, как было приказано? Она требовала от него именно этого, бросая вызов тому, что для него было средоточием огромной власти.

А для нее — всего лишь семьей. Мама и дедушка. Для него же они являлись твердынями субординации.

И ночной зверь с клыками вины длиннее, чем у любого другого его кошмара: что с ребенком?

«А ну!» — прикрикнул он сам на себя. Хватит воспоминаний и романтической чепухи. Теперь он взрослый. Надо вернуться опять к «Иерусалиму», и это будет ударом по царству страха в его душе.

Из любимых строк, из «Дунсиада» Попа:

Ты царство страха возродил, о Хаос,
И меркнет свет от слова твоего...

— Леди и джентльмены...

Он поднял глаза. Что еще? Ага, беседа «у вас последний шанс передумать»...

Беседу вел офицер с таким невыносимо скрежещущим голосом, что не иначе как его механически изменили.

— Вы на нашем корабле не нужны. Вы не наши люди, — сказал офицер для затравки. — Зачем вы здесь? Каковы ваши мотивы?

«Хорошие вопросы», — подумал про себя бен-Раби.

— Причины две. Либо вы увлечены мифом о сейнерах, который полностью сфабрикован головидением, либо вы шпионы. Так я вам сейчас сообщу один секрет. Никакой романтики не будет. И никакой информации вы не получите. Все, что мы вам дадим, — это уйма тяжелой работы внутри культуры, не похожей ни на что вам известное. Мы не собираемся облегчать вам вхождение в наш мир. Цацкаться с вами тоже не будем — некогда.

Этот человек явно старался обескуражить своих слушателей. «Интересно зачем», — подумал Мойше.

— Мы собрали вас по единственной причине. Только так мы сможем выдержать квоты сбора урожая следующего года.

У бен-Раби вдруг возникло ощущение — предвестие, можно сказать, — что у этого человека на уме не только урожай. Какое-то беспокойство или даже страх вертелись у него в мозгу. Он был наполовину одержим мыслью о чем-то большом и страшном.

За что адмирал Бэкхарт любил использовать бен-Раби — за его озарения.

И еще в голосе оратора Мойше ощущал разочарование и одновременно сильное недовольство наземниками. Он говорил, будто чувствуя на языке кислый вкус предательства.

Было неоспоримо, что эти сейнеры в отчаянном положении. Иначе никогда они не стали бы нанимать техников со стороны.

Бен-Раби ощутил прилив сочувствия.

Дом говорившего был на траулере где-то в Великой Тьме. Для выживания ему нужен был массивный приток умелых техников. Человек явно был недоволен, что из миллиардов населения Конфедерации пришло всего двести человек. И из них большинство следует рассматривать как подозрительных.

Рыбак покопался в карманах своего антикварного твидового пиджака. Бен-Раби подумал, не архаист ли он. Образ сейнеров, составленный до знакомства с ними, не учитывал, что у них тоже могут быть свои пунктики.

Человек вытащил какую-то непонятную маленькую штучку и вставил себе между зубами. Потом сжал ее большим и указательным пальцами правой руки и запыхтел, одновременно поднеся к чашечке этого прибора небольшой огонек. И лишь когда человек начал выдыхать ядовитые облака, бен-Раби понял, что это.

— Трубка! — буркнул он про себя. — Что за черт? — В ноздри ударила табачная вонь. — Не могу поверить, что еще существует такой плохой вкус.

Его передернуло.

Так отреагировал не он один. Аудитория загудела, одна женщина встала и бросилась было к выходу, потом зажала рот рукой и села на место. Даже у Мауса был шокированный вид.

А сколько еще таких ужасов затаилось впереди? Это был архаизм, доведенный до степени хамства.

Но насколько бен-Раби была отвратительна эта трубка, настолько же он восхитился лежащим в основе этой сцены психологическим ходом. Все же этот человек облегчил им вхождение в чужую культуру. Теперь дальнейший культурный шок будет слегка ослаблен.

— Как я уже сказал, — продолжал сейнер, выждав паузу, пока слушатели утихли, — здесь среди вас есть шпионы. Да, я знаю, это нехорошее слово. И шпионаж — нехорошее дело. Но реалист признает существование шпионажа, а мы все здесь реалисты. Так ведь? В наши дни шпионаж повсюду. Мы тонем в нем по самую задницу. Потому что почти всякий, обла-

дающий хоть какой-нибудь властью, делает все, чтобы захватить контроль над стадом звездных рыб.

Человек изобразил улыбочку — издевку над ними над всеми. Он устраивал спектакль, изображая надутого дурака, провоцируя реакцию. За этим представлением бен-Раби ощущал спокойствие и уверенность профессионала. На самом деле в этом человеке было что-то, громко объявлявшее: «Офицер безопасности».

— Вы, шпионы, не узнаете ничего. До конца вашего контракта вы не увидите ничего, кроме внутренностей корабля. И даже там вы будете видеть лишь то, что мы сочтем нужным, чтобы вы увидели, и тогда, когда мы сочтем это нужным. Каждый из вас. Запомните: правила безопасности будут соблюдаться постоянно и неукоснительно. Это одиннадцатая заповедь. Вырежьте ее у себя в душе — у кого она есть. Даже мелкое нарушение может вызвать с нашей стороны немедленную реакцию. Поскольку мы не знаем, какую информацию считают ценной ваши хозяева, мы сделаем все, чтобы не дать никакой.

Бен-Раби состроил гримасу. Этот дурак пытается произвести на них впечатление, расписывая паранойю и ксенофобию сейнеров? Он может вопить еще неделю, но профессионалов ему не запугать.

— Повторяю еще раз: агентам просто не будет предоставлено ни одного случая вступить в контакт с кем бы то ни было, кто может знать важную информацию. За попытку контакта с такими людьми предусмотрено наказание. Я достаточно ясно говорю?

Кто-то сделал какое-то ехидное замечание. Оратор тут же ответил:

— Вам придется понять, что мы считаем себя нацией. Мы не входим в Конфедерацию. И не имеем желания входить. Нам на нее в высшей степени наплевать. Все, что нам от нее нужно, — чтобы нас оставили в покое. То же самое, чего мы хотим от любой бандитской шайки. Для нас архаизм — это образ жизни, а не придурь чудака. Так, например, у нас время от времени приводятся в исполнение смертные приговоры.

Эта информация упала в океан молчания. «Интересно, — подумал бен-Раби, — сколько раз пыталась Конфедерация затащить этот странный и отчаянно независимый народ под

крыло правительства. Уж не меньше десятка. Луна-Командная — организация настойчивая. Это собака, которая никогда не выпускает из зубов кость».

А звездоловы уже полтора столетия умудрялись уклоняться от «защиты» Луны-Командной — главным образом тем, что их чертовски трудно было найти, но также и тем, что ясно давали понять, что будут драться до последнего.

«Луна-Командная никогда от своих намерений не отказывалась. И не откажется. И даже этим людям придется это признать, — подумал бен-Раби. — Им придется ощутить бульдожью хватку правительства».

Зал ожидания заполнила нервозность, клубясь, как неожиданно вызванный демон. Проводивший беседу офицер поочередно смотрел в глаза каждому. Романтики ежились под его взглядом. Оказалось, что у их легенды есть клыки и когти. Смертной казни больше нигде не было. Даже варвары за пределами Конфедерации утилизировали человеческий мусор, пусть даже в виде вычислительных киборгов.

Сейчас гражданские узнавали то, что коллеги бен-Раби знали давно. Приключения куда интереснее, когда начинку вытряхивают не из твоего брюха, а из чужого.

— В свете того, что я только что сказал, и понимая, что вас ждет не совсем такое будущее, какое вы себе рисовали, подавая заявления, — сказал офицер, — каждый, кто хочет, может отказаться прямо сейчас. Расходы будут компенсированы, как было сказано в объявлении.

Бен-Раби улыбнулся, наклонив голову.

— Так я и думал, что ты к этому ведешь, — шепнул он про себя. — Пытаешься отпугнуть слабаков?

По залу прошло движение, но желающих отправиться домой не оказалось. Очевидно, слабаки не хотели выглядеть дураками. Звездолов пожал плечами, собрал свои записки и объявил:

— Ладно. Увидимся наверху.

И вышел.

Оставалось сидеть и ждать шаттла. Бен-Раби вернулся к блокноту и «Иерусалиму».

Работа шла не гладко. У него был слишком упорядоченный и приземленный ум, чтобы создавать хаотически-символистский поток сознания в стиле Мак-Гугана и Потти Уэлкина. Нарочито нагоняемая неясность отказывалась оставаться

неясной. Может быть, потому, что он слишком точно знал, что хочет сказать.

«Может быть, и надо было делать в простом повествовательном стиле», — подумал Мойше. Он еще мог побороться за то, что архаисты называли «освежающий привкус анахронизма». И на рынке архаистов, где ценилось неизощренное искусство прошлого, это вполне могло пройти.

«Станция Икадабар шесть месяцев в длину и два года в ширину, пятнадцать минут в высоту и четверть девятого навсегда; песни в ее небесах и фанфары в стенах ее. Никогда не бывает конца у Дорог...»

Или он ошибся? Или только у него есть чувство, что люди — изгнанники во времени? Но это не важно. Что он может с этим сделать? Ни черта. Сюжет должна двигать страсть. Гневное бессилие.

Люди возбужденно зашевелились, разговоры стали громче. Бен-Раби заставил себя вернуться к реальности.

— Небось шаттл готов, — пробормотал он себе под нос.

Именно так. Его спутники уже цепочкой потянулись на поле. Эти скупердяи сейнеры не стали арендовать присоединенный ангар.

Наружный воздух был прохладен, дул ветерок. На щеку бен-Раби упала капля дождя и растеклась слезой. По небу летел потрепанный партизанский отряд облаков, отстреливаясь шальными водяными пулями, взметавшими грязевые шарики из покрывавшей гудрон пыли. Знамение? В Блейк-Сити дождливой погоды не бывает практически никогда. В этой части Карсона воды катастрофически мало.

Он засмеялся нервным смехом. Знамения! Да что это с ним стряслось?

— В шаттл, пещерный человек! — буркнул он сам себе.

Корабль был антикварной вещью уже тогда, когда дедушка бен-Раби мочил пеленки. Коммерческим лихтером он не был никогда и сейчас тоже не стал. Скорее летающее помело, первое столетие. Гроб с мотором и полным отсутствием комфорта. Голый функционализм металла, окрашенного в серое и черное. Похоже на списанный корабль военного флота, еще с Улантской войны.

Взглядом флотского офицера (выучка не забывается!) Мойше отметил, что корабль поддерживается в отличном состоя-

нии. Нигде ни пятнышка грязи или ржавчины. У корабля был вид побывавшего в употреблении, но хорошо сохранившегося предмета, который у антикварных кораблей бывает редко. Эти сейнеры о своей технике заботятся.

Пассажирский отсек был антонимом слова «роскошь». Свои сомнения на тот счет, пригоден ли он для перевозки людей, бен-Раби пришлось оставить при себе. Все же в этом переоборудованном грузовом трюме стояли ряды противоперегрузочных коек, и из скрытых динамиков слышалась успокаивающая музыка. Что-то очень старое и безмятежное, Брамс, быть может. Музыка сглаживала неровный шум работающих на холостом ходу двигателей.

Подъем, как заметил Мойше, будет вслепую. Пучками водорослей висели кабели, выдернутые из снятых экранов. Сейнеры не хотели рисковать.

Кажется, уровень безопасности у них даже несколько излишний. Что могли бы показать экраны, если их попросту отключить? Кстати, если бы и показали, какую информацию можно было бы из этого извлечь? Он и без того знал, где он. И знал, куда направляется — по крайней мере ближайшую станцию.

Или это тонкий психологический ход? Чтобы они привыкли летать вслепую?

Он стал выбирать себе койку. Узел за ухом, где содержались детали инстелного трассера, которые нельзя было разнести, вдруг впился в него железными колючими пальцами. Бюро включило его.

Почему сейчас? Мойше пошатнулся от боли. Они должны были подождать, пока лихтер выйдет на орбиту.

К нему подошла бледная стройная девушка, которая в терминале принимала заполненные анкеты.

— Вам нехорошо?

На ее лице выражалась искренняя заботливость. И это потрясло бен-Раби больше, чем вероломство Бюро. Под дулом пистолета он жил уже много лет. А вот к заботе со стороны чужих он не привык.

И забота эта не была профессиональным вниманием профессиональной стюардессы. Она в самом деле хотела помочь.

И снова в мозгу у него вспыхнуло: «Я хочу».

— Да, приступ мигрени. А все мои лекарства в багаже.

Она подвела его к противоперегрузочной койке.

— Садитесь пока. Я вам что-нибудь раздобуду.

Он плюхнулся на койку. В затылке сидел дьявол и лягался стальными подковами. Мерзкая и злобная тварь. Все молотил и молотил. Мойше не смог сдержать стона.

Боль в голове стучала медным барабаном, заглушая любую другую боль. Он заглянул в светло-голубые глаза девушки. Они очень подходили к бледному лицу и бесцветным волосам. Он попытался благодарно улыбнуться.

— Сейчас вернусь, — сказала она ему. — Потерпите.

И пошла прочь, и бедра ее двигались плавно, хоть она и шла торопливым шагом. Но головная боль бен-Раби не оставляла ему времени оценить эту красоту.

А напряженные нервы его расходились. У них тут под рукой таблетки от мигрени? Странно. И ее любопытство — тоже странно. Что ей за дело до его здоровья? Как только он сказал слово «мигрень», тут она и заинтересовалась.

На этот раз он чуть уклонился от правды, но мигрени преследовали его всю жизнь. В свое время он глотал болеутоляющие килограммами. И все равно последнее время головные боли его не беспокоили. А подверженность мигреням была включена в его медицинскую карточку как прикрытие для боли, которую может вызвать это следящее устройство...

Какого черта они включили его сейчас?

Психологи говорили, что эти боли имеют психогенную природу. Они вызваны неразрешенным конфликтом между его происхождением со Старой Земли и требованиями его новой культурной среды, куда он поднялся.

Он этому не верил. Вообще он ни разу не встречал психолога, которому можно было бы доверять. Как бы там ни было, а головные боли у него бывали еще до того, как он собрался идти добровольцем.

Уже в сотый раз он спрашивал себя, зачем Бюро вставило ему недоработанное устройство. И сам себе в сотый раз отвечал, что трассер — единственное доступное средство отследить путь сейнерского корабля к стаду звездных рыб.

Трассер, полностью лишенный металла, был единственным устройством, которое можно протащить на борт звездолета мимо контроля. Но от знания ответов легче не становилось. Потому что очень уж они были неприятные. Больше

всего на свете Мойше мечтал об отпуске. Настоящем отпуске, когда можно было бы забыть, кто он и что он. Ему нужно было время, чтобы съездить домой и влезть во что-нибудь, где все задачи известны, понятны и не противны. Он мечтал погрузиться в личную вселенную своей коллекции марок.

Девушка вернулась с одной из этих больших и теплых улыбок на лице. В одной руке у нее была бутылка с водой, а в другой — бумажная коробка с таблетками.

— Вот это должно помочь, — сказала она. Эта чертова улыбка готова была его проглотить. — Я вам принесла дюжину. Болеть будет всю дорогу до корабля.

Бен-Раби скривился. Сколько же они будут ковылять на этом летающем корыте?

— Я спросила, можно ли мне остаться с вами до выхода на орбиту, но Ярл отказал. У меня слишком много другой работы.

Она улыбнулась еще раз и тронула его лоб. У него появилось такое чувство, что она кому-то о нем доложит. Так ему показалось по ее реакции, когда он сказал, что у него мигрень.

Что такого примечательного в головной боли? Даже если это мигрень. Что-то болталось на оси, и он не мог понять что. Боль не давала думать.

Черт. Может быть, это первые толчки надвигающегося землетрясения культурного шока. «Терпи, Мойше, — сказал он сам себе. — Ты же гонялся на солнечных яхтах в звездных ветрах Крабовидной туманности. Что может сделать эта леди менее предсказуемого или более пугающего?»

Она уходила, и он этого не хотел.

— Погодите! — Она повернулась. Сердце у него прыгнуло, как у подростка. — Я хотел сказать... спасибо. Меня зовут бен-Раби. Мойше бен-Раби.

Ну не жалкое ли начало? Но она ответила быстрой легкой улыбкой.

— Я знаю, Мойше. Помню по твоим документам. А я — Кольридж. Амарантина Амариллис Изольда Галадриэль де Кольридж-и-Гутьерец. — Она чуть прыснула, когда у него брови полезли на лоб. — Матушка любила читать. А вообще-то меня зовут Эми.

Наступила долгая и неуверенная пауза. Тот самый период неуверенной прелюдии к возможным отношениям, когда не знаешь, можно ли рискнуть еще чуть-чуть.

— Я тоже работаю в системе жидкостных трубопроводов.

Он кивнул. Она оставила дверь чуть приоткрытой. И ясно было, что ему решать — входить или нет.

Какие-то слова появились, но было поздно. Она уходила. Ладно, может быть, позже.

На ум вернулось «Я хочу», подстегнутое приглашением этой девушки. Не эта ли женщина — та, что ему нужна? Нет. Ничего похожего, хотя, если она будет рядом, это может оказаться маслом на волны его мозга.

Уже давно искал он свой Грааль. Хотя он и считал, что в отношениях с ними он урод, все же иногда женщины на его пути попадались. Ни одна из них не была панацеей. Всегда на его пути становился призрак Элис.

В общепринятом смысле мало кто из агентов Бюро был полностью психически нормален. Туда намеренно брали одержимых. Бен-Раби считал, что из нормального человека хорошего оперативника не выйдет.

Вообще, чтобы пойти в разведку, надо быть сумасшедшим.

И он усмехнулся сам над собой.

Лихтер вздрогнул, качнулся, толкнул в спину. Он направился к траулеру на орбите. Мойше смотрел на Мауса, который находился на три ряда впереди. Маленький монголоид дрожал, как паралитик. Кажется, единственное, чего он во всей вселенной боялся, — это взлета и выхода на орбиту. На все остальное его реакции были не более бурными, чем у камня.

— А Крыса-то перетрусила.

Сангарийка улыбалась ему через проход. Как она там оказалась, он не видел. Неужели с него мало было головной боли, так теперь еще и это?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:

3047 н.э.

БЫЛЫЕ ДНИ, СЛОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ

Маус был прав. Несколько дней от местной банды не было ни слуху ни духу. Напряжение оставило Нивена. Он начал вживаться в свою легенду.

Для начала он стал просматривать психиатрическую статистику Города Ангелов. Бюро запланировало его легенду так,

чтобы собрать потенциально интересную информацию и ввести противника в сомнение.

С виду не существовало разумной причины тратить все время первостепенного агента на сбор информации по профилю психических заболеваний в захолустном окраинном городе. Еще меньше смысла было бы в этом для Стардастера. А данные оказались интересными. Ему стала нравиться эта работа.

А потом он встретил эту женщину. Она на миг материализовалась на краю его поля зрения. Длинная, гибкая, темноволосая. А высокая, большая, твердая грудь навсегда застыла в его памяти ошеломляющей голограммой.

Она исчезла прежде, чем он успел разглядеть ее получше.

Документы у него упали на пол. Он подхватил их, гадая, не принял ли только что желаемое за действительное. Такие буфера...

Это была страсть с первого взгляда. А она выходила из-за угла большого металлического ящика, открыв рот от любопытства. Нивен заглянул в ее черные глаза и снова рассыпал бумаги. На ее лице было написано недоумение.

— Что-нибудь случилось?

— Просто я неуклюжий. Вы так неожиданно появились...

Ему всегда было с женщинами неловко. Особенно с теми, которые так сильно и так сразу его к себе притягивали.

Уже годы такого не бывало, чтобы женщина вот так сразу его возбудила. Он сам себе поражался.

Заложенная в него жесткая программа не предотвратила ни спирания в груди, ни дрожания вспотевших рук. Как у подростка. Полный идиотизм. И он ничего не мог с собой поделать.

Он знал, что после будет есть себя поедом за слабость. Так всегда бывало.

Он снова зашелестел бумагами.

Она улыбнулась:

— Позвольте мне.

И присела, складывая его заметки.

«Мона Лиза, — подумал он, глядя вниз в глубокий вырез ее блузки. — Точно такой же рот. И то же лицо. Только с веснушками».

Косметики на ней не было. И волосы она не обрабатывала ничем, кроме шампуня. Они были расчесаны прямо и висели дико и свободно, с намеком на натуральный завив.

«Она меня превратила в желе», — подумал он. И попытался что-то сказать. Хоть что-нибудь. Но ничего не мог придумать, что не было бы идиотским или пресным. Но он хотел ее узнать. Хотел ее.

— Вы здесь работаете? — выдавил он из пересохшего горла. Прохрипел. И ждал, что она засмеется.

Он знал, что она не здешняя служащая. Уже два дня он провел в зале протоколов. И никого, кроме нее, здесь не встретил, если не считать старую грымзу, которая объяснила ему систему хранения и время от времени следила, чтобы он не нацарапал где-нибудь похабную надпись или не бросил гранату в туалет.

Пока он работал по своей легенде, Маус шатался по городу в поисках ключа, которым можно было бы провернуть всю операцию. А заранее заготовленные звукозаписи создавали впечатление, что он с головой ушел в работу в номере гостиницы.

— Нет, я сюда пришла за материалом для своей работы. А вы?

— Исследования. Проект для корпорации «Убичи». Ох! Гундакар Нивен. Доктор. Не медицины, социальной психологии.

— В самом деле? — Она улыбнулась, отчего стала еще желаннее. — Я думаю, вам уже это говорили. Вы не похожи на доктора.

— Слышал. — Ему не пришлось особенно стараться, чтобы вложить горечь в этот ответ. Он был уроженцем родного мира. И эту часть легенды поддерживать было легко. — Когда ты со Старой Земли, каждый считает...

Социальные неудобства, связанные с рождением на Старой Земле, если их правильно подать, можно превратить в серьезное преимущество. Уроженцы Внешних Миров без всякой разумной причины испытывали чувство вины за то, во что превратился родной мир. Но это жители Земли превратили ее в тот ад, которым она стала.

Покинуть родной мир желающие могли свободно. Только желающих было раз, два и обчелся. Люди с жилкой авантюризма покинули Землю еще в первое столетие космических

полетов, в годы Первой Экспансии и других ранних миграций. Остальные уезжали по колониальному набору, поскольку планетарное правительство Земли за прощение долгов продавало приличный объем мобилизованной рабочей силы. Те туземцы, что хотели вырваться с планеты насовсем, обычно выбирали военную службу.

Нивен не подозревал, что она может быть сангарийкой. И думал, что на теме Старой Земли набрал очки.

— Вы, наверное, исключение... Прошу прощения. Это была грубость.

— Это было предубеждение.

Она подала ему его заметки и надулась:

— Я же попросила прощения.

— Вы его получили. Я не ожидаю, что человек со стороны поймет, что такое Старая Земля. Я сам ее не понимаю. Вы не представитесь?

— Ох, простите. Мария Штрехльшвайтер. Я — хемопсихиатр. Здесь у меня интернатура. А вообще-то я с Большой Сахарной Горы. — На секунду показалось, что она отвлеклась на какую-то свою мысль. — Мне еще один год остался.

— Я там бывал, — ответил Нивен. — Там великолепно.

«Стоп, — сказал он сам себе. — Срываешься». Доктор Гундакар Нивен на Большой Сахарной Горе не бывал ни разу.

— Я скучаю по дому. Я думала, что Сломанные Крылья — это будет экзотично и романтично. Из-за названия, понимаете? И я думала, что у меня будет случай разобраться в себе. Дома на это никогда нет времени.

Нивен ответил только взглядом. Он хотел, чтобы она продолжала говорить, чтобы оставалась здесь, но не знал, что сказать.

— Старая история. Я забеременела по молодости лет, вышла замуж, бросила учиться. Когда он пропал, пришлось найти работу... Потом все же вернулась к учебе... — Она улыбнулась ему, как сообщнику. — И никакого толку не было сюда лететь. От собственной боли никуда не денешься.

— Один мой друг мне говорил, что убежать невозможно. То, от чего ты бежишь, на самом деле внутри тебя.

— Такое говорил землянин?

— Мы не совсем неандертальцы.

— Извините.

— Не за что. Вы правы. Мы летим в пропасть. Если бы не Луна-Командная и не Корпоративный Центр, мы бы уже скатились обратно в темные века. Ладно, хватит об этом. А не пойти ли нам перекусить? Время ленча.

Он сам себе удивился. Редко он бывал так смел.

— Конечно, почему бы и нет? Отличный случай поговорить с кем-то, кто не провел всю свою жизнь на этой канализационной станции. Вы понимаете, о чем я?

— Могу догадаться.

— Вам оплачивают расходы? Только не поймите меня неправильно. Я не пытаюсь сэкономить, только уже целую вечность не ела в приличном месте.

— Мы найдем такое.

«Все, что хотите, леди, только не исчезайте, пока я не соберусь с духом и не заговорю о том, о чем хочу говорить».

— Где тебя черти носили? — подступил к нему Маус. Нивен ввалился в номер за полночь. — Я уже боялся, что тебя прихватили.

— Извини, мамуля. Больше не буду.

— Твою мать! Док нашел себе подружку.

— А ты думал, у тебя эксклюзивное право на...

— Ладно, понял. Остынь. Но в следующий раз свистни мне. Чтобы я не нажил себе геморрой от волнения. Слушай, я поймал это дело.

— Что именно? Триппер?

— Нет, я понял, зачем мы здесь. Звездная пыль.

— Так мы это знали. Зачем иначе такая хитрозадая двойная легенда?

— Не мелкая партия. И не случайная поставка. Столько звездной пыли, что резидентом на захолустную планету послали проктора Семьи.

— Это ту толстую шлюху?

— Ага. Потому что Город Ангелов — это перевалочный пункт для всего этого края Рукава. Разговор о миллиарде стелларов в месяц.

— Разговор о том, что у тебя крыша съехала. Тут кораблей не хватит на такой объем контрабанды.

— Хватит. Если на самом деле возить не надо. Если отправлять ее отсюда из легального источника и под маркиров-

кой чего-нибудь легального. Если у тебя вся таможня в кармане, и корабли, и команды, и шкипера...

— Начни сначала. Ты главу первую пропустил.

— Чем известен Город Вони? Кроме вони?

— Фармацевтика.

— Пятерка за сообразительность. И всю хорошую органику для нее черпают из окрестной грязи. Почему и построили здесь Город Ангелов. Сангарийцы взяли под контроль всю эту промышленность. И большинство местных чиновников.

Сырую звездную пыль они на парашютах кидают в болото. Драги ее достают и доставляют. Контролеры полевых перевозок получают приличные бабки, чтобы не замечать странных отметок у себя на экранах. Здесь ее чистят в лучших лабораториях и отправляют по адресам под видом тонкой органики. На том конце ее принимают и пускают в обычные каналы распространения звездной пыли.

— Как ты это раскопал?

— Нашел человека, который был в курсе дела. И убедил его, что следует мне все это рассказать. Теперь вот что: зная стиль работы Старика, заключаем, что он наверняка почти все это предполагал, когда посылал нас сюда. Значит, что он хочет? Источник. Чтобы мы нашли, откуда приходит сырье, которое попадает сюда.

Нивен скривился, посасывая коктейль, который уже успел себе смешать.

— Ничего себе работка. Такой масштаб... наверняка это целый картель Семей. А ты мне, помню, говорил, что здешняя банда сангарийцев...

— ...самая большая из всех, док. Мы, кажется, напали на след самих Первых Семей. А что я говорил, я помню. Я ошибался.

— Знаешь, я подумываю о выходе в отставку. Мы влипли, и это единственный выход.

Сангарийцы были немногочисленной расой. У них не было правительства — в том смысле, в каком это понимали люди. Главной формой организации у них была Семья, которую можно описать как корпорацию не имеющей границ нации, возглавляемую лицами, состоящими в родстве. Так называемые «неимущие» сангарийцы составляли рабочий класс.

Такая Семья была весьма аристократическим образованием и капиталистом дикого рынка. Сангарийцы резали глотки друг другу почти столь же охотно, как истребляли «скотские» расы.

Глава Семьи был абсолютным диктатором. Богатство его приверженцев зависело от его умения. Наследование шло по мужской линии. Существование прокторов лишь чуть смягчало средневековую структуру власти.

Первые Семьи — это были пять или шесть наиболее сильных Семей. Сколько их — разведка никогда точно не знала. Их функцией в качестве объединения было определение расовой политики и гарантия собственного превосходства среди своего вида.

Очень мало было известно о сангарийцах такого, что они не хотели, чтобы было известно.

— Эй! — с напором сказал Маус. — Даже не шути так. Выходить из дела, когда представляется подобная возможность? Это же может быть наш самый сильный удар за всю историю! Такое стоит любого риска.

— Это как посмотреть.

— Это стоит чего угодно, док.

— Для тебя — может быть. — Нивен держал бокал перед глазами и пытался вернуть то состояние, в котором он пришел. Но от Мауса не отвяжешься.

— Так расскажи мне о своей подруге. Кто она? Где ты ее встретил? Она как с виду, хороша? Что-нибудь тебе обломилось? Чем она занимается?

— Хрен я тебе что скажу. Найди себе сам.

— Эй, док, ты что! Ты давно меня знаешь?

— С Академии.

— Я у тебя когда-нибудь отбивал девчонок?

— Я тебя ни разу на этом не поймал. — Нивен смешал себе второй коктейль.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Что Юпп тебя поймал.

— Кто? — Маус бросил на него мрачный взгляд и показал пальцем себе на ухо. Комната могла прослушиваться. — Ты о Карлотте? Так она же сама за мной охотилась, помнишь? А ему было наплевать.

Юппу фон Драхову было отнюдь не наплевать.

Их общий приятель и однокашник по Академии был просто раздавлен, хотя скрывал это от жены и от Мауса. Той отдушиной, куда он изливал всю свою боль, оказался Нивен.

Нивен не сказал Маусу, что это из-за него фон Драхов оставил жену и сына и так ушел с головой в работу, что обогнал в карьере людей куда более старших. Флот был единственным институтом, которому фон Драхов доверял безоговорочно.

И был в этом не одинок.

Службы стали иностранным легионом века. Людей соединяло суровое товарищество, и в основе его лежало убеждение, что они вместе должны стоять против всего остального мира. Служба становилась родиной. Для таких, как фон Драхов, она становилась культом.

Нивен никогда не говорил об этом с Маусом. Зло уже случилось, пусть боль рассеется постепенно.

И дело было не в поступке Карлотты. Верный брак доколе-смерть-не-разлучит-нас вообще был фантазией архаистов. Дело было в том, как это было сделано. Карлотта сделала из этого публичную казнь, терзая Юппа тупым мясницким ножом эмоций, с явной целью ранить и унизить.

Она заплатила за это ценой отвержения. До сих пор она была изгоем на Луне-Командной. Ее ненавидел даже собственный сын.

Нивен так и не понял, что двигало этой женщиной. Казалось, она вдруг сошла с ума, свалившись под грузом собственного презрения к мужу-выскочке.

Фон Драхов был со Старой Земли, как и Нивен. Еще до крушения своего брака карьера его взлетела ракетой, и он обогнал родственников своей жены, служивших во флоте уже четвертое поколение. Может быть, это и надломило ее окончательно.

— Только не слишком увлекайся, док, — предупредил Маус, прервав мысли Нивена. — Может быть, нам не придется здесь долго быть.

Позже, уже проваливаясь в сон и пытаясь забыть эпизоды жизни на Луне-Командной, Нивен подумал, почему бы это Маус так открыто обсуждал их задание, но немедленно пресек упоминание о фон Драхове.

Защищал их легенду второго уровня? Сообщники Стардастера никак не могли иметь своим другом действующего капитана флота.

А может быть, Маус знал что-то такое, что адмирал Бэкхарт не счел нужным сообщить его партнеру. Старик любил работать в подобном стиле.

Сукин сын.

— И то, и другое, наверное, — пробурчал он.

— Чего?

— Сам с собой. Спи.

Бэкхарт всегда использовал его как ширму. Или как движущуюся мишень. Он шатался вокруг, вспугивая дичь для Мауса.

Или наоборот, как утверждал Маус.

«Интересно, — подумал он, — слушал ли их кто-нибудь. Одного жучка они при осмотре нашли — невключенного. Из тех приборов, которые менеджеры отеля ставят, чтобы не воровали полотенца. Но профессиональная осторожность требовала считать, что они пропустили что-нибудь работающее».

Нивен не был влюблен в свою профессию. Она не оставляла ему ни минуты, когда можно расслабиться. Он не считал, что умеет быстро реагировать, и потому свои реакции на ситуацию старался предусмотреть заранее, даже, пожалуй, слишком тщательно. Он не умел, как Маус, летать свободно и воспринимать удары судьбы с фатализмом самурая.

Для него каждый выход с Луны-Командной был выходом на вражескую территорию. И он хотел всегда быть заранее информированным и вооруженным.

Жизнь была проще, когда он служил резидентом в консульстве. Тогда и друг, и враг знали, кто он, и был сложный комплекс ритуалов, по которым велась игра. Редко кто тогда делал больше, чем следить за тем, с кем он встречается или кто еще за ним следит. На Сент-Августине он носил мундир.

Для охотников за скальпами правила были другие. И друзья, и враги Бэкхарта играли по правилам войны. Кровавым правилам.

И по причинам, которых Нивен не понимал, команда Бэкхарта вела войну против сангарийцев не на жизнь, а на смерть.

Нивен прошел все посвящения. Он выдержал бессчетные часы тренировок и гипноподготовки. У него даже было пре-

имущество бурных детства и юности на Старой Земле. Но как-то вышло, что годы в Академии заразили его гуманизмом, от которого иногда работа причиняла боль.

«И склонность к долгой рефлексии здесь не поможет», — подумал он про себя с мрачной иронией.

Кампанию против сангарийцев можно оправдать. Звездная пыль разрушала бессчетно мозгов и — жизней. Пиратские рейды сангарийцев обходились в миллиарды стелларов и сотни погибших. Через подставных лиц сангарийские Семьи захватывали контроль над легальными предприятиями и обращали их к преступной деятельности.

Гуманоидные пришельцы стали смертоносным вирусом в теле человеческой цивилизации.

Но сама аморальность контрмер флота внушала Нивену мрачные сомнения. «Где же справедливость, — хотел он знать, — если мы более варвары, чем наши враги?»

Маус любил ему повторять, что он слишком верит мыслям вместо того, чтобы верить чувствам. А вопрос здесь чисто эмоциональный.

Утро принесло безразличие. Депрессию. Он просто предоставил всю ответственность Маусу.

— Какая на сегодня программа? — Нивен знал, что сегодня его партнер решил изменить привычный порядок. Маус заказал в номер настоящий кофе, и сейчас Нивен держал в руках чашку. — Как ты этот расход пропустишь мимо контролеров?

— Мои счета идут прямо к Старику, а он шлепает на них штамп «ОПЛАТИТЬ».

— Классно небось быть у Старика любимчиком.

— Бывают положительные моменты. Но куда чаще — отрицательные. Я хочу, чтобы ты сегодня снова пошел в Медицинский Центр. По своим обычным делам. Только попробуй, если сможешь, отследить их межпланетную торговлю лекарствами. Должны быть какие-то записи по движению товаров, пусть даже они нам дадут лишь часть картины. Я считаю, что большинство их исходит из лабораторий Центра, так что какой-то след в бумагах должен остаться. Если найдем источник, может быть, обнаружим и концы трубы.

— А ты?

— А я хочу потратить немножко денег Старика. На укрытия. На обратные билеты. Сам знаешь — страховка. Новый резидент должен очень скоро появиться. И когда он включит продувку, мы должны быть готовы.

— Ты к ним подбираешься?

В душе Нивена боролись два чувства. Он хотел выбраться из Города Ангелов и отделаться от задания, но не сейчас. Нужно узнать Марию.

— Нет. Я же сказал, просто страхуюсь. Есть у меня такое чувство, что, как только появится кто-то, кто скажет им, что делать, тут же все затянется очень туго.

— Что ты имеешь в виду — туго затянется? А сейчас разве не туго? На мне все время висят репейники. Некоторые так близко, что чуть ко мне в ботинки не влезали.

— Для этого они используют местных. Только я думаю, что это часть их камуфляжа. Чтобы мы решили, что за таким важным местом надзирает всего лишь батальон быков. Если бы никто не наткнулся на с'Плез, так бы могло продолжаться вечно.

— Я тоже здесь что-то чую, Маус. И чувство это нехорошее. Что, если мы окажемся в тисках между ними и Стардастером?

Маус приложил к губам палец:

— Давай не будем переходить к легенде третьего уровня, — шепнул он одними губами. И усмехнулся: — Идешь на самоубийство? Послушай, если влипаешь в неприятности, подготовь позиции для отхода. Если я сам с ними не справлюсь, закину тебе записку. Иначе поймаю тебя здесь сегодня вечером. В любом случае это должен быть наш последний вечер здесь.

Нивен спустился в вестибюль, полностью убежденный, что Маус говорит далеко не все, что знает. Но это дело обычное. Маус — любимчик Бэкхарта. Обычный любимчик, которым Бэкхарт пожертвует, не задумываясь.

Он оглянулся на голограмму. На сей раз она изображала одну из знаменитых электрических бурь разлома Гининга на Камелоте. Сквозь дождь и молнии на Нивена летела стая воздушных китов.

Для Бэкхарта работа Бюро была игрой. Сильно усложненным видом шахмат, которые Маус любил до самозабвения, и доской была вся вселенная. За минимальное преимущество

он был готов пожертвовать самыми любимыми фигурами. В течение жизни целого поколения он преследовал расу сангарийцев. И медленно и неумолимо, как ледник, выигрывал.

Но цены его маленьких побед ужасали.

Чтобы добиться доступа к коммерческим архивам Медицинского Центра, пришлось подольститься к старой грымзе. Нивен так и не понял, что заставило ее сдаться, но где-то среди разговора он сказал то, что было нужно. Маска смерти убралась и сменилась имитацией улыбающегося лица, а потом она из кожи вон лезла, объясняя ему систему хранения.

Информация здесь нашлась. Эльдорадо, прикрытое лишь тонким слоем почвы. Больше, чем Маус мог даже мечтать. Здесь был центр обработки данных, откуда управляли всеми операциями. И охранялся он только блокировкой данных.

Администраторами сангарийцы были из рук вон плохими. В межзвездное сообщество они ворвались хищниками и никогда так и не приспособились к требованиям современной коммерции. Ориентированные на действие, они не обращали внимания на скучные детали, особенно на тех планетах, которые считали надежно лежащими у себя в кармане.

Например, на то, чтобы не дать доступа к своим данным никому, кроме тех, кому это абсолютно необходимо.

Когда-то было время, когда необходимость защиты вообще не приходила им на ум, как не приходит на ум существование некоторых оттенков дальтонику, прожившему всю жизнь в обществе таких же дальтоников. Но они учились. Бэкхарт вырабатывал у них условный рефлекс по Павлову. Эта их слабость была излюбленной мишенью его атак.

Один секрет хранили сангарийцы. Он не был нигде записан, и защищали они его ценой собственной жизни. Необходимость его защиты была единственным, что могло объединить все Семьи, даже те, среди которых была вендетта. Любая вражда откладывалась, если нужно было сохранить тайну расположения своей Метрополии.

На Борровее сангарийские дети убили своих младших братьев и сестер, а потом совершили самоубийство, чтобы не предстать перед допросом людей, и все лишь из страха, что они могут знать что-то, что человеческие скоты сочтут для себя полезным.

Записи Медицинского Центра были великолепны. Нивен раскопал не много имен, зато нашел развединформацию, определяющую критические пункты сети распределения. Разорванные в этих местах каналы не удастся восстановить годами. Он никак не мог поверить, что люди, настолько гениальные в маркетинге, могут быть настолько неуклюжими в административной работе. Но сангарийцы были народом, верящим только в силу. Они предоставляли мускулы, деньги, оружие, товары. А человеческим скотам доставался почти весь риск. И все шишки.

С точки зрения сангарийцев их человеческие сообщники не стоили внимания. Присоски щупальцев гигантского кальмара были просто невежественными и дешевыми животными. Их можно заменить другими столь же невежественными, жадными и дешевыми.

На всем рынке только двое-трое могли показать на Город Ангелов. Только со спины самого зверя можно было увидеть всего монстра целиком. И зверь этот жил полностью на сангарийские деньги.

Мария застала его еще за работой.

— Что это такое? — спросила она, увидев его погруженным в данные, никак с его обычной работой не связанные.

ГЛАВА ПЯТАЯ:
3048 н.э.

ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», ВЗЛЕТ

— Сожалею, что вас напугала. — Улыбка волчицы не оставляла сомнения, что сангарийке сожаление вообще не свойственно. — Я Мария Элана Гонзалес. Атмосферные системы, способы вентиляции. Иногда занимаюсь гидропонной экологией, хотя диплома ни там, ни там не имею. Слишком была занята другими вещами.

«Именно, — подумал бен-Раби. — У этой леди другие интересы. Звездная пыль и убийства».

— Мойше бен-Раби, — ответил он на случай, если она забыла.

— Необычное имя. — Она улыбнулась своей стальной улыбкой. — Еврейское?

— Так мне говорили. Я в жизни ни разу не был в синагоге.

— Вы, случайно, не писатель? — Она чертовски хорошо знала, что он писатель. Или что считает себя писателем. — Имя звучит так литературно...

— Да, пытаюсь.

Она собирается сорвать с него маску? Нет. Не стала на это напирать. И ни одной колючки из своего арсенала в него не всадила.

— А что вас заставило записаться сюда?

— Безработица.

— У космического слесаря? Шутите. Вы, наверное, в черном списке.

— Вроде того. В чьем-то. А вы зачем?

— За деньгами.

Вибрации ненависти начали проступать. Она великолепно владела собой, а бен-Раби не мог их скрыть. У него слишком болела голова для словесного фехтования или чтобы попытаться прощупать, какое у нее задание. Вооруженное перемирие продолжалось до самого прибытия лихтера к траулеру.

Мойше ни на секунду не забывал, что она — сангарийка и что она с удовольствием выпила бы его кровь. Просто он на время отложил эти факты в сторону.

По его вине погибли сотни из ее народа. И дети ее умирали медленной смертью. Она не может чего-нибудь не сделать. Ее заставят сангарийские традиции чести, требования Семьи.

Но она не будет действовать сразу. Она здесь на задании. Сначала она его выполнит, так что Мойше может на время расслабиться.

При всей его склонности к рефлексии и моральных принципах он не ощущал вины за то, что случилось на Сломанных Крыльях. И за последствия — тоже. Человечество и сангарийцы находились в состоянии войны, и первый выстрел сделали сангарийцы. Это была война скрытая, ведущаяся почти на личном уровне, но это не важно. Не важен и факт, что войну вели именно люди, а сангарийцы просто занимались бизнесом. Битвы — это битвы, жертвы — это жертвы, от чего бы и как бы они ни погибали.

Почти все его товарищи и современники ненавидели сангарийцев, но для него это был народ как народ, а воевал он с ними за то, что они делали и что собой представляли.

Он фыркнул. Такое мог бы сказать, и притом верить в свои слова, самый отъявленный расист.

Его тошнило от торговли звездной пылью как таковой.

— Беда моя в том, что я ничего не люблю и ничего не ненавижу, — пробормотал он про себя.

— Что?

— Извините. Думал при включенном языке.

Ему было все безразлично. Ничто его не трогало. Обезболивающие таблетки бросили его в нирвану. Или в бездонную черную яму, куда не доходил свет эмоций. Он не мог понять, куда именно.

И ему это было все равно. На все наплевать. И он погрузился в изучение загадки, которую звали Маус.

Бен-Раби считал, что знает Мауса лучше любого другого, за исключением адмирала. Они изучили друг друга на операциях, где работали вместе. Огонь тайной войны расплавлял их и сплавлял в единое целое...

И все равно Маус оставался ходячей тайной. И бен-Раби не понимал его и боялся.

Маус был единственный известный ему человек, который совершил убийство голыми руками. Убийство как явление не перешло в разряд ископаемых. Но из него ушло личное участие. Убийство стало механизированным делом, лишившись своей души. И это произошло так давно, что большинство гражданских не могли выдержать тех эмоций, которые испытывает человек в раже убийства.

У них закорачивало мозги, они превращались в зомби, и ничего не происходило.

Каждый мог нажать на кнопку и запустить ракету на уничтожение корабля или тысяч душ. Много маленьких перепуганных каждых так и делали. И тот же каждый на следующую ночь спал спокойно. Его дело было кнопка, а не взрыв. Для убийств такого рода открывались широкие возможности в отдаленных космических битвах с сангарийцами, пиратами Мак-Гроу или в каперских операциях мелких государств. Но убить человека лицом к лицу, руками, ножом или револьвером... это требовало слишком большого личного участия. Люди

Конфедерации не любили ни к кому подходить близко. Даже чтобы отнять жизнь. Люди знали, что возникновение такой нужды — это значит, что ты слишком глубоко влез.

Люди дня сегодняшнего не хотели видеть лица в своих снах.

Бен-Раби был слишком во власти своих ассоциаций и не умел управлять полетом своих мыслей. Маус. Межличностные отношения. Эти две соединенные силы сталкивали его в яму страха.

Мауса он знал давно, еще по Академии. Они вместе учились и вместе развлекались играми вроде гонок на солнечных парусниках в бешеных ветрах стареющей сверхновой. Их команда была непобедимой, и они всегда вместе пожинали урожай славы. Но постоянно отказывались быть больше, чем просто приятелями. Друзья — странные создания. Они становятся обязанностью. Они превращаются в ходячий символ эмоционального долга и личной ответственности.

Он слишком сблизился с Маусом. Ему нравился этот странный коротышка. И он подозревал, что у Мауса те же проблемы. А в их профессии дружба — это помеха. Она мешает профессиональной отстраненности и может привести к беде.

Бюро им обещало, что после Сломанных Крыльев у них больше не будет совместных операций. И солгало, как всегда. Или эта операция была действительно критичной, срочной, требующей лучших работников.

Здесь можно гадать. Адмирал способен сказать, сделать и обещать что угодно, лишь бы работа была сделана.

Спешка бывала всегда, но на это жаловаться не приходится. Поспешность — неотъемлемая черта структуры современного общества. Изменения происходят так быстро, что политические, оперативные и эмоциональные правила устаревают за сутки. Решения и акции, чтобы быть действенными, должны быть внезапными.

И система постоянно тряслась под громовыми ударами опрометчиво принятых ошибочных решений.

Сейчас бен-Раби был участником одной из немногих старых и стабильных программ Бюро. Наложить лапу на звездных рыб было задачей номер один еще до его рождения. И он подозревал, что останется таковой и долго после его смерти.

Он боялся умереть от скуки. Очень мало было надежд, что его и Мауса отзовут раньше. Присутствие сангарийки изменило все правила.

Он оставил все надежды получить от задания удовольствие.

Как-то, когда-то, из-за сангарийки или из-за чего другого, ему или Маусу придется серьезно пострадать.

По шаттлу пронесся звон, и корабль вздрогнул. Бен-Раби бросил терзаться мрачными мыслями.

Лихтер ткнулся в материнский корабль, как поросенок в брюхо свиньи. Вслед за толпой Мойше пошел на борт звездолета. Он старался держаться поближе к бледной девушке-сейнеру. Не удастся ли продолжить с того места, на котором прервались?

Он подумал, чем же она его так привлекла. Неужели только тем, что проявила заботу?

Всех провели в большой общий зал, где их ждали несколько типов явно из высшего командования. «Еще одна лекция, — подумал Мойше. — Еще несколько тычков от скуки».

И оказался наполовину прав.

Не успели они устроиться, как один из высоких должностных типов заговорил:

— Я — Эдуард Шуто, командир вашего корабля. Добро пожаловать на борт служебного корабля номер три от траулера «Данион», принадлежащего к флоту Пейна. — Очевидно, этим церемониальная часть и ограничивалась. Командир продолжал: — Мы законтрактовали вас в качестве срочной замены техников «Даниона», погибших при нападении акул. Откровенно говоря, звездоловы не любят посторонних и не доверяют им — в основном потому, что посторонние нам дают достаточно для этого оснований. Но ради «Даниона» мы постараемся добросовестно с вами сотрудничать до тех пор, пока не получим пополнения из наших яслей. В ответ мы просим только добросовестного сотрудничества с вашей стороны.

Бен-Раби снова почувствовал легкое щекотание, будто пером. Полуправды порхали вокруг, как сорвавшиеся с цепи бабочки. У этого человека была какая-то задняя мысль. Он широко и высоко ставил дымовую завесу, и за ней было что-то, что может представлять интерес для него и Мауса. Мойше мысленно поставил на этом месте птичку.

Ясли сейнеров были единственными в своем роде. Наземники мало что о них знали. Их использовали как романтическое место действия в головизионных драмах.

Естественно, что эти спектакли имели мало отношения к реальности.

Ясли сейнеров были спрятаны среди мертвых планетоидов где-то в глубоком космосе. Там жили старики и дети звездоловов, уча и учась. Лишь здоровые сейнеры зрелого возраста уходили с флотами в космос и рисковали в опасностях вроде той, что постигла «Данион».

В отличие от родителей в Конфедерации звездоловы отдавали своих детей суррогатным родителям из любви. Они не считали молодых обузой, которая лишь мешает наслаждаться моментами быстротечной жизни.

Бен-Раби слишком мало видел своего отца, чтобы выработать к нему какое-то эмоциональное отношение. А что он мог думать о своей матери? Она была той, кем была, и не могла быть никем другим. Дитя своего общества, сформированное средой высокого давления. Годы и предубеждения разъели соединявшую их тонкую пуповину, и теперь они принадлежали к разным племенам. Выросший между ними барьер было не пробить даже соединенными усилиями обеих сторон.

Навещать ее — это было только зря терять время отпуска, но ведь был еще и ребенок.

Как там Грета? О Господи, он же теперь черт знает сколько о ней ничего не услышит!

И почему его так ужасало поведение собственной матери? Он мог это понять, еще когда уходил. Он вышел из этого мира навсегда. Вся Старая Земля была орущим крысиным рассадником, забитым людьми, ищущими новых ощущений и пороков как забвения мрачной реальности своей ограниченной и мелочной жизни.

— Свет! — приказал командир корабля. Бен-Раби очнулся от воспоминаний. В центре потемневшего зала возникла голограмма, будто по заклинанию не уверенного в себе волшебника, помигала секунду и вдруг рывком застыла внушающей благоговение формой. — Звезды, которые вы здесь видите, переданы сюда с астрогационного учебного модуля второго уровня. Наши головизионные техники восстановили изображе-

ние корабля по моделям, используемым при синтезе отображения контроля состояния в центре инженерного управления на борту «Даниона». Перед вами «Данион», который станет вашим домом на ближайший год.

В произносимое имя «Данион» он вкладывал все, что это слово для него значило: дом, страна, убежище, работа.

На фоне звезд возник корабль. Это был странный предмет, вызвавший у Мойше ассоциацию с клубком осьминогов. Нет. Скорее это было как система городских трубопроводов и кабелей, если убрать дома, улицы и землю, а то, что останется, заставить вертеться на фоне звезд. Широко тянулись переплетения труб. Там и сям присутствовали шары, конусы, кубы, а временами — широкие серебристые поля, развернутые будто для того, чтобы ловить звездный ветер. Между километровыми рукавами магистралей простирались широкие сети. Вся эта сумасшедшая конструкция была усыпана бородами тысяч антенн всех возможных типов. Все вместе впечатляло своим размером и отталкивало причудливостью.

В теории корабль для глубокого космоса не обязан иметь правильной формы корпус. И большинство малых специализированных кораблей такой формы не имели. Корабль вообще не был обязан иметь какую-нибудь определенную форму, хотя сложные соотношения между двигателями, гасителями инерции, редукторами эффекта увеличения массы, темпоральными регуляторами и системами искусственной гравитации требовали, чтобы размер в направлении движения чуть более чем вдвое превышал размер в перпендикулярном направлении для корабля, предназначенного для полета с околосветовыми или сверхсветовыми скоростями. Но сейчас это был первый увиденный бен-Раби по-настоящему асимметричный большой корабль. Летающие стальные джунгли. Человечество предпочитало обтекаемые корабли еще тогда, когда межзвездные путешествия были всего лишь мечтой. И даже теперь конструкторы предпочитали заключать все внутрь оболочки, способной генерировать общий защитный экран.

Даже самое смелое воображение гоняющихся за новизной голостудий никогда не создавало корабля так переплетенного и перепутанного, как эта масса пряжи, с которой поиграл котенок.

Удивился не только бен-Раби. Молчание взорвалось незамедлительно.

— Какого черта они не дают этой хреновине рассыпаться? — недоуменно спросил кто-то.

— Что я хотел бы знать, так это как вы умудрились построить нечто подобное без того, чтобы головизионщики всей вселенной не слетелись, как мухи на мед?

Кто-то более технически подкованный задал вопрос:

— Командир, какой системой вы пользуетесь для синхронизации двигателей? На корабле такой величины двигателей должны быть сотни. Даже при использовании сверхпроводников и импульсных лазеров такие системы будут ограничены скоростью света. Запаздывание наиболее удаленных...

Бен-Раби потерял нить разговора. Очередной сюрприз налетел и двинул его под дых кованым сапогом. Он находился на борту такого же корабля, какой они с Маусом видели с поверхности Карсона. Обычный межзвездный корабль устаревшего типа, используемого теперь только свободными торговцами приграничья. И на голограмме появился точно такой же корабль, подходивший к траулеру. А сюрприз был в соотношении их размеров. Служебный корабль стал иголкой, падающей в океан металлолома. На голограмме он уменьшался, а «Данион» раздувался до эпических размеров.

Мойше даже не мог прикинуть его истинные размеры. Самые скромные предположения потрясали. Траулер был никак не меньше тридцати километров в поперечнике, двадцати в высоту и шестидесяти в длину. Неимоверно. На Старой Земле есть страны меньше этого корабля.

А из центрального переплетения корабля отходили эти серебристые паруса и сети.

Он что, на солнечных ветрах летает?

Не может быть. Звездные рыбы держатся вдали от звезд — что с обитаемыми планетами, что без них. Они пасутся далеко в Великой Тьме, где их не отыскать.

Он никак не мог воспринять этот корабль как настоящий.

Его нормальные мозговые шестеренки заскочили на пару делений. До того, как объявился этот корабль, он считал, что может воспринять любую новизну и странность. Изменения во вселенной в порядке вещей, и новизна не должна подавлять.

Но это задание обещало слишком много нового и неизвестного. Он был погружен, как tabula rasa*, в абсолютно незнакомую вселенную.

Ничто, созданное человеком, не имеет права быть таким дьявольски огромным.

Снова зажегся свет и поглотил гаснущую голограмму. Бен-Раби огляделся. Не только у него челюсть отвисла, как переспелая груша, готовая упасть. Несмотря на предупреждение, все верили, что находятся уже на борту траулера. Разница культур мешала им поверить, что у звездоловов есть что-то лучшее.

Мойше начинал понимать, как плохо он подготовлен к заданию.

Свою домашнюю работу он выполнил. Он проглотил все, что Бюро знало о звездоловах. Он изучал домыслы наряду с фактами. Он знал все, что было известно.

Известно было слишком мало.

— Это все, что вам нужно знать о внешнем виде «Даниона», — объявил командир корабля. — Его внутренности вы будете видеть куда чаще, и вам придется хорошо их узнать. Мы хотим, чтобы наши деньги окупились.

«У них есть право этого требовать», — подумал Мойше. Они платили вдвое против обычной ставки космонавта, а ее уж никак не назовешь скудной.

Командир говорил дальше, повторяя теперь инструкции офицера безопасности. Потом он перепоручил наземников матросам, которые развели их по каютам. Нервозность бен-Раби несколько поуспокоилась. Эта процедура повторялась на каждом военном корабле флота.

У него оказалась отдельная каюта. Приставленный к нему сейнер помог ему устроиться. По неохотным ответам матроса Мойше заключил, что на корабле, возможно, придется пробыть несколько дней. Флот Пейна занимался тралением далеко от Карсона.

Как только человек вышел и бен-Раби превратил голую каюту в спартанскую келью, он лег поспать. Разумеется, после поиска жучков и скрытых камер. Но сон не приходил. Его мозг еще должен был переварить все сюрпризы. Кто-то постучал. Наверное, Маус. Этот человек никогда не звонил в звонок. По этой причуде его можно было узнать.

---

* чистая доска (*лат.*).

И в самом деле Маус.

— Привет! — сказал он. — Меня зовут Масато Ивасаки. О, вы тоже в системе распределения жидкостей?

Он протянул руку, и Мойше ее пожал.

— Бен-Раби. Мойше. Рад познакомиться.

«Дурацкая игра, — подумал он. — Но приходится в нее играть, если хочешь, чтобы люди верили, будто вы только познакомились».

— А вы случайно не играете в шахматы? — спросил Маус. — Я ищу кого-нибудь, с кем можно сыграть. — Он был запойным шахматистом. «Доведет его это когда-нибудь до беды, — подумал бен-Раби. — Агент не может позволить себе иметь постоянные привычки. Но кто он такой, чтобы наводить критику?» — Я прошел по коридору туда и обратно, но никого не нашел.

Можно было не сомневаться, что он так и сделал. Маус работал тщательно.

— Играю, но плохо. И давно уже не играл.

Часа этак четыре. Из-за игры они чуть не опоздали в космопорт. Маус нервничал перед взлетом, и ему надо было успокоиться. У бен-Раби были свои причины.

Маус прошелся по каюте, выискивая жучков. Бен-Раби закрыл дверь.

— Не думаю, что они есть. Пока что. Я ничего не нашел.

Маус пожал плечами:

— И что ты думаешь?

— Хреново. Только с голоду за такую работу. Мы летим на мифической сверхновой бомбе.

— Эта баба? Ага. Беда в чистом виде. Еще я заметил пару людей Мак-Гроу. Ты думаешь, она с командой?

Он плюхнулся на вторую койку.

— Вряд ли. По собственному выбору — нет. Она одиночка по натуре.

— Выглядит не очень хорошо, — задумчиво протянул Маус. — Мало информации. У меня ощущение, как у слепого в комнате смеха. Лучше ездить поосторожнее, пока не узнаем местные правила движения. — Он поднял глаза вверх. — И как надуть здешних туземцев.

Бен-Раби сел на свою койку. Несколько минут они молчали, пытаясь представить себе будущее. И не видели никакого преимущества, за которое можно ухватиться.

— Три недели, — сказал Маус. — С этим я справлюсь. Потом целый год отпуска. Я не буду знать, что делать.

— Погоди заказывать гостиницу. Мария... эта сангарийка... это плохое предзнаменование, Маус. Не думаю, что это само собой рассосется.

— С этим я справлюсь. Ты ведь не думаешь, что я собираюсь здесь торчать целый год?

— Ты помнишь, что говорил этот тип в Блейк-Сити? Это может быть до конца нашей жизни. Причем очень короткой.

— Ба! Просто волну гнал.

— Ты готов поставить на это свою жизнь?

Голова Мойше напомнила о себе страшным резким ударом. Он не знал, сможет ли вынести такую боль. И эта непреодолимая потребность...

— Что с тобой?

— Голова разболелась. Наверное, атмосферное давление изменилось.

А как ему, черт побери, работать, когда все тело болит, а ум вообще готов соскочить с нарезки? Можно было позавидовать древним артистам меча, которым приходилось беспокоиться только о том, чтобы клинок был острым.

— Лучше нам подстраховать свои ставки, Мойше. И начать планировать на долгий срок — на всякий случай.

— Я думал, ты с этим справишься.

Маус пожал плечами:

— Надо быть готовым ко всему. Я тут пошатался вокруг. Эти сейнеры насчет хобби чокнутые не хуже нас. У них клуб нумизматов, и клуб филателистов, и архаистские группы по периодам... в общем, все как надо. Так вот я о чем думал: почему нам не организовать шахматный клуб для наземников? И будет повод нам встречаться.

— А у тебя будет повод поиграть.

— И это тоже. Понимаешь, многие сейнеры тоже играют. Может быть, мы подцепим несколько, с которыми можно будет и пообщаться.

Он подмигнул и усмехнулся. Вероятно, сейнеры, с которыми он собрался общаться, были женского пола.

Мойше не мог постичь Мауса. Маус почти всегда имел довольный вид. И это сбивало с толку. У этого человека груз одержимости был потяжелее, чем у него. А человек, чьей про-

фессией был томагавк, должен был, по мнению бен-Раби, иметь коэффициент довольства близкий к нулю.

Бен-Раби вообще никогда людей не понимал. Казалось, что все остальные живут по другим правилам.

Маус пожал плечами:

— Держишь пальцы крестом? Думаешь, Бэкхарт нас вытащит? Я бы против него не поставил. — Бен-Раби никогда не знал, какое он занимает место в обширных и извилистых планах адмирала. — Ладно, я здесь уже слишком долго просидел. Нет смысла привлекать к себе внимание с самого начала. Я видел, как эта девица давала тебе таблетки. В чем дело? Голова?

— Ага. Может быть, даже моя обычная мигрень. Голова такая, будто ею в футбол играют.

Маус подошел к двери.

— Так сыграем партию сегодня вечером?

— Разумеется, если вы не против играть с любителем.

Бен-Раби смотрел ему вслед, чувствуя себя дураком. Вокруг не было никого, кто мог бы услышать их прощальные слова.

Система общего оповещения объявила обед для пассажиров. Маус обернулся:

— Как вы насчет обеда?

Бен-Раби кивнул. Хотя секунду назад болело невыносимо, сейчас трассер не подавал признаков жизни.

На них явно пытались произвести впечатление. Еда была великолепна. Такой обед на флоте подавали, когда на борту бывали почетные гражданские гости. Все, конечно, было из гидропонных баков и утилизаторов, но в высшей степени вкусно. С каждым глотком бен-Раби вспоминал об ужасах кают-компании через шесть месяцев полета, когда кончаются все запасы свежего и замороженного. С некоторой точки зрения задание начинало казаться перспективным.

Он поискал глазами эту девушку, Эми, но нигде ее не увидел.

Потянулись ленивые дни. На переходе делать было практически нечего. Он почти все время сидел в своей каюте, бездельничая, возясь с «Иерусалимом» и стараясь не слишком предаваться воспоминаниям. Иногда заходил Маус и еще некоторые люди, с которыми он познакомился, — поиграть в шахматы или просто поболтать.

Наземники начали осваиваться и знакомиться. Свободные одиночки находили себе пары. Маус, вообще не склонный к целомудрию, нашел себе девушку на второй день. И она уже хотела к нему перебраться.

Всем, кроме семейных пар, были выделены отдельные каюты. Места хватало. Корабль был рассчитан на перевозку тысячи человек.

Маус немедленно стал среди наземников лидером и заводилой. Идея шахматного клуба процветала.

Одним из тех, кто в него вступил, был тот сейнер, который старался напугать их в Блейк-Сити.

Его звали Ярл Киндервоорт. Он не скрывал, что занимает высокий пост в полиции «Даниона». Бен-Раби снова поразился размерам траулера. Корабль настолько огромный, что имеет собственные регулярные полицейские силы, с сыщиками и оперативниками в штатском... просто невероятно.

Они называли себя внутренней безопасностью. В том, что бен-Раби узнал об их структуре, он не видел ничего напоминающего подразделение безопасности в Службе. Функции, несомненно, присутствовали, наспех разработанные в ответ на прибытие посторонних, но само ведомство выглядело как полицейское управление столичного города.

Шахматный клуб Мауса послужил вдохновляющим примером. Открылись еще полдюжины других, каждый с архаистическим уклоном.

В век, когда не было ничего постояннее утренней росы, люди, которым требовалось что-то постоянное, обращались к прошлому.

Ко всему движению архаистов бен-Раби относился с продуманным презрением. Он видел в нем убежище для слабых, для моральной трусости и нежелания взглянуть в лицо дня сегодняшнего без стратегических убежищ в дне вчерашнем, куда можно сбежать от мучительных требований Сегодня.

Архаизм бывал до чертиков забавен. Бен-Раби помнил, как по головидению показывали пузатого мужика, шагающего по Нью-Йорку в одежде ассирийского солдата на битву с легионами фараона из Нью-Джерси.

А бывал и дьявольски мрачен. Иногда они начинали верить всерьез. Он до сих пор вздрагивал, вспоминая рейд на храм Ацтекских Ревивалистов в Мехико-Сити.

Как-то он попросил Мауса посмотреть рабочий вариант своего романа. Он все-таки сумел протолкнуть его до несчастливого конца.

Маус долго морщился и наконец сказал:

— По-моему, все как надо. Я же ничего не понимаю в необъективном искусстве.

— Значит, не получилось. Лучше мне все переделать, чтобы было как следует. Понимаешь, тебя должно зацепить, даже если ты не понимаешь, о чем тут, черт побери, идет речь.

— Ну, Мойше, меня вполне зацепило.

Его тон был гораздо информативнее слов. Он ясно выражал мнение Мауса, что бен-Раби зря тратит время.

Мойше чуть не заплакал. Для него этот роман значил очень много.

ГЛАВА ШЕСТАЯ:
3047 н.э.

БЫЛЫЕ ДНИ, ЛУНА-КОМАНДНАЯ

Он терпеливо ждал очереди перед отделом санобработки. Когда она подошла, он прошел в кабину «Р». До него никто этого не сделал — под литерой «Р» была пришпилена табличка НЕ РАБОТАЕТ.

Она болталась здесь уже больше двадцати лет, старая, грязная и перекошенная. На Луне-Командной каждый знал, что дверь кабины «Р» не ведет в стандартную камеру санобработки.

Люди, а иногда и не люди, не обращавшие внимания на этот знак, были агентами, возвращающимися с заданий.

Он закрыл за собой дверь, разложил вещи на конторке и разделся. Потом голым прошел через следующую дверь. От излучения встроенного в дверную раму сканера закололо кожу, и волосы на теле поднялись дыбом. Он задержал дыхание и закрыл глаза.

В него ударили жалящие иголки струй, убивая бактерий и смывая въевшуюся грязь. Ультразвуковые колебания разбивали длинные спирали молекул вирусов.

Брызги сменились туманом. Он начал глубоко дышать.

Что-то щелкнуло. Он вошел в следующую дверь. И оказался в комнате точно такой же, как и первая. Единственным предметом мебели была здесь конторка. Там лежала аккуратно сложенная одежда и тщательно разложенные личные вещи. Он оделся, рассовал вещи по карманам и хмыкнул. Его понизили. Судя по шевронам, он оказался ракетчиком второго класса. С боевого крейсера «Ашурбанипал», как гласила эмблема.

Об этом корабле он никогда не слышал.

Вытащив из выданного ему бумажника пустое удостоверение личности, он прижал большой палец к месту для фотографии. Через десять секунд там проявилась его фотография и идентификационные данные.

— Корнелий Уодлоу Перчевский? — произнес он, не веря своим глазам. — Все хуже и хуже.

Он пробежал номера и даты, запоминая, потом прикрепил удостоверение к груди. Натянув кепку с козырьком, которую носили космонавты на планетах, он объявил:

— Корнелий Перчевский на аудиенцию к королю.

Пол под ним стал погружаться.

Опускаясь, он слышал, как работает душ в камере санобработки. Через минуту он вышел из киоска в комнате отдыха несколькими уровнями ниже. Войдя в главный транспортный туннель, он направился к автобусной остановке. Еще через шесть часов он сообщил обыкновенного вида женщине за простым столом в простой комнате за ничем не примечательной дверью:

— Корнелий У. Перчевский. Я на прием к доктору.

Она посмотрела журнал приема:

— Вы опоздали на пятнадцать минут, Перчевский. Но проходите. В белую дверь.

Он прошел в дверь, гадая, знает ли эта женщина, что она — ширма. Наверное, нет. Игры режима безопасности были серьезнее всего там, где казались наименее нужными.

В кабинете доктора он почувствовал себя Алисой, нырнувшей через кроличью нору в другой мир.

«Такой же сумасшедший, как Страна чудес, — подумалось ему. — Здесь черное — это белое. Верх — низ. Внутри — значит снаружи. Гек стал Джимом, и никто из них не знаком с Твеном...» Он хмыкнул.

— Мистер Перчевский?

Он сразу пришел в себя.

— Да, сэр?

— Я так понимаю, что вы явились для отчета?

— Да, сэр. С чего мне начать, сэр?

— С устной формы. Потом будете отдыхать. Завтра будет письменная форма. Сравнение я поставлю где-нибудь на неделе. Мы все еще вылавливаем блох в новой программе перекрестного допроса.

Глядя на человека без лица, Перчевский стал рассказывать. Самой примечательной чертой допрашивающего были сморщенные, в голубых венах, изношенные руки. Он был старым, его инквизитор...

Обычно человек без лица старым не был. Как правило, это был молодой эксперт, психолог-юрист. Старики в Бюро были бывшие оперативники, штабисты на высоких должностях, лица, принимающие решения, но не технические работники.

Почти всех стариков он знал. Вопросы он выслушивал внимательно, но никак не мог узнать вопрошающий голос. Он был изменен технически. Он снова стал рассматривать руки. Они тоже не давали ответа.

Он заволновался. Что-то где-то пошло не так. Иначе не стали бы задействовать главный калибр.

Процедура отчета и депрограммирования шла месяц. Допросы и перекрестные проверки его ответов сопоставлялись так тщательно и так часто, что, когда его наконец отпустили, у него уже не было чувства, что задание было частью его жизни. Будто у него удалили какой-то орган по молекуле и осталось только непонятное чувство пустоты.

Через пять недель после прибытия на Луну-Командную ему выдали розовую пластиковую карточку, во всех отношениях идентичную белой, которую выдали после санобработки. Выдали ему также конверт с отпускными документами, деньги, банковские книжки и удостоверение со всеми аксессуарами, которые полагается иметь человеку, дабы существовать в электронной вселенной. Включая адрес.

Неулыбчивая амазонка открыла дверь и выпустила его на свободу.

Он вышел в транспортные туннели Луны-Командной. Обратно из зазеркалья. И сел в автобус, как любой космонавт в увольнении.

Комната была точно такой, как он ее оставил, — только они переместили ее на тысячу километров с прежнего места. Он плюхнулся на кровать и не вставал почти два дня.

Корнелий Перчевский был одинок. Друзей у него было немного — профессия не позволяла. Еще пять дней он провел в своей комнате один, осваиваясь с книгами, коллекциями и памятными безделушками, которые можно было считать следом во времени его настоящей личности. Эта личность, подобно протею, медленно возвращалась к своей естественной форме. Он начал проявлять интерес к тем немногим вещам, которые были объединяющим полем для его настоящего и прошлого.

Достав пишущую машинку и блокноты, он несколько часов тюкал по клавишам. Из истерзанного чрева его души рвался наружу крохотный эмбрион боли. Перчевский отстучал свой агентурный номер, добавил код клиента и заложил листы в факсовый аппарат.

Через год или два, если повезет, на одном из его счетов материализуется пара кредитов. Он снова лег и стал смотреть в потолок. Через некоторое время он заключил, что достаточно уже провел времени наедине с собой. Процесс выздоровления начался. Он снова мог видеть людей. Он поднялся, подошел к зеркалу и стал рассматривать собственное лицо.

Процесс депластификации закончился. Он всегда занимал меньше времени, чем залечивание внутренних повреждений. И эти повреждения, кажется, никогда не исцелялись до конца.

Он выбрал из шкафа гражданский костюм, оделся.

К общественной жизни он вернулся, выйдя в небольшой магазинчик. Автобус был полон. Он ощущал давление всех этих личностей, обступивших со всех сторон... Не слишком ли рано он вышел? Каждое новое восстановление длилось чуть дольше и было чуть менее эффективно.

— Уолтер Кларк! — воскликнула владелица магазина. — Где тебя черти носили? Ты уже полгода не заглядывал! И выглядишь так, будто выскочил из ада.

— Как жизнь, Макс? — Его лицо раскрылось в улыбке. Господи, до чего же хорошо, что кто-то рад его видеть! — Я только что из госпиталя.

— Опять из госпиталя? Почему же ты мне не позвонил? И что случилось? Какой-нибудь экспансионист из каменного века опять ткнул тебя копьем?

— Нет, на этот раз вирус. С виду была настоящая лейкемия, и они даже понятия не имели, где я мог его подхватить. Есть у тебя для меня что-нибудь новенькое?

— Сначала сядь, Уолтер. Потому что действительно у меня для тебя кое-что есть. Когда это появилось, я пыталась тебе позвонить, но твой ящик твердил только, что тебя нет. Тебе надо приспособить к нему ретранслятор. А сейчас давай я тебе кофе налью.

— Макс, я на тебе женюсь.

— Не выйдет. Мне слишком хорошо одной. И вообще, зачем разрушать отличную дружбу?

Она поставила перед ним кофе.

— Ох ты! Настоящий. Макс, я тебя люблю.

— Кенийский.

— Иногда бывает полезно близкое соседство Старой Земли. Кое-что хорошее оттуда можно добыть.

— Кофе и оперетту. А вот и коллекция. Лучшее уже ушло — сам знаешь, как это бывает. Я же не знала, когда ты появишься, и не могла держать это вечно.

Перчевский отпил кофе. Закрыв глаза, он медленно гнал молекулы своего родного мира по вкусовым сосочкам.

— Понимаю. Я и не ждал, что ты будешь что-нибудь держать, если есть другой покупатель.

Он открыл старинный альбом с марками.

— А ты не в сторону Улантского Марша подавался, Уолтер?

— Улант? Да нет, я был в другой стороне. А что?

— Слухи ходят, и мне любопытно стало. Ты же знаешь, как оно на Луне-Командной. Говорят, что Улант перевооружается. Сенаторы бьют копытом. Высшее Командование заверяет, что это чушь. Но у меня тут бывает пара хмырей из руководства Корпораций, и они говорят, что Служба просто темнит, а на самом деле что-то там происходит. И недавно тут проходило много тяжелых кораблей. И все они шли от Рукава к Маршу.

— Ничего этого не слыхал, Макс. Я еще не смотрел головизор, как вернулся. И так отстал, что уже, боюсь, никогда не догоню. Вот эта гамбургская... заметки на всю страницу. Что они значат?

— Их оставил Джимми Игл. Сразу почти, как мне досталась коллекция. Здесь много подделок. Фальшивые гашения. Большинство марок хорошие. Он пометил копии. Так ты вообще никаких новостей не знаешь?

— Макс, когда я вернулся из Иллвинда, я был так болен, что ничего не видел. И мне было все равно. Я понятия не имею, зачем мы держим посольство на этой дыре. Или зачем меня туда послали. Единственный раз я там видел местных жителей — двух взломщиков, которых мы поймали за попыткой открыть сейф посла. Миссия военной помощи им нужна, как Старой Земле второй Джошуа Джа. У них вполне адекватные методы убийства друг друга.

— Так ты даже не знаешь, чего учудил Джа?

— Нет, а что? Это я хотел бы услышать.

Джошуа Джа был одним из самых вредных типов в политике Старой Земли. Репортеры головидения прозвали его клоун-принцем Сенегала. Головизионные каналы использовали его угрозы и напыщенные жесты для добавки юмора в выпуски новостей, которые иначе были бы слишком мрачны.

Самопровозглашенный император Экваториальной Африки для своих подданных и соседей предметом для юмора не был. Его свихнувшиеся проекты и эдикты всегда оплачивались кровью.

— Пока тебя не было, он вторгся в Мавританскую Гегемонию.

Перчевский расхохотался:

— Шайка психов вломилась в чужой дурдом.

Старая Земля входила в Конфедерацию без права голоса. Но и Конфедерация, и правительство планеты избегали вмешательства в местные дела. Правительство — потому что никакой власти у него не было. Конфедерация — потому что затраты на исправление положения дел на родной планете рассматривались как неприемлемые.

Земля была одним из немногих миров Конфедерации, где существовало множество национальных государств. И един-

ственным, на котором их число доходило до неимоверных двухсот двадцати девяти.

Юрисдикция правительства планеты действовала только в тех странах, где соглашались признавать его декреты.

Несколькими столетиями раньше на Земле было только два государства: Мировое Содружество и Соединенная Азия. Соединенная Азия в течение всей своей краткой и бурной истории была бессильна; Мировое Содружество могло бы создать планетное государство, если бы не коллапс в Момент Падения, названный так потому, что в этот момент времени мощность производства белка в агропромышленном комплексе упала ниже требований абсолютного минимума выживания населения.

— Ты еще самого интересного не знаешь, Уолтер. За первую неделю мавританцы перестреляли половину собственных военно-воздушных сил. А империя потеряла в болотах целую танковую бригаду, потому что Джа приказал идти по прямой всю дорогу до Тимбукту. У головизионщиков был великий день. А на этой сиренево-коричневый фон. У нас есть на нее сертификат Фонда.

Перчевский поднял марку и посмотрел на ее реверс.

— У меня уже такая есть. Я просто смотрю.

— Ну, в общем, мавританцы оказались не такими неуклюжими, как имперцы. И осадили Дакар.

— А что делал Совет?

— Ржал до колик. Решили не мешать падению Джа. Дошли сведения, что другие страны не будут принимать беженцев из Империи. Джа и его банда слишком уронили репутацию Старой Земли.

— Старый Джош? Ты смеешься. Как можно уронить то, что лежит на самом дне?

— Ты высмотрел что-нибудь, что ты хочешь?

— Тебя, любовь моя.

— Остряк.

— В среду вечером?

— А что у тебя на уме?

— Партия в криббедж.

— Я тебе позвоню. Если в этом будет хоть какой-то толк. Если ты не будешь в каком-нибудь жутком месте с названием вроде Чаша Унитаза.

— На самом деле я думал насчет поехать на археологические раскопки в Леи.

— Странно, что ты их вспомнил. Еще кофе?

— С удовольствием. А что?

— В прошлом месяце они вскрыли новый зал. В отличном состоянии.

— Он открыт?

— Туда провели прозрачную трубу. Можно пройти и посмотреть, но ни к чему нельзя приблизиться.

— Тогда позвони мне. Если хочешь поехать посмотреть.

— Извини, Уолтер. — В магазин вошел еще один покупатель. — Чем могу служить, сэр?

— Что у вас есть по Франции двадцать первого века?

Перчевский ушел с головой в клочки бумаги, рассказывающие историю далекой и бурной эпохи. Наконец он выбрал себе семь марок для своей коллекции и расплатился со счета Уолтера Кларка.

— Макс, спасибо тебе за кофе. И придержи для меня эту берлинскую, ладно? Я тебе дам знать, как только надумаю. В среду удобно?

— Ладно, Уолтер. Я тебе завтра позвоню.

— Если меня не будет, оставь сообщение.

— Оставлю.

Он снова влез в автобус и вернулся в свою квартиру за двести километров.

«Дурак ты, — сказал он сам себе. — Проехать такой путь ради часа посплетничать».

Но ему, черт побери, стало лучше.

В прошлом он ездил куда дальше. Он сомневался, что Макс имеет хоть тень понятия, что она для него значит. Она была одной из немногих стабильных реалий его жизни. Она была вехой, на которую он выходил из диких джунглей Бюроленда.

Свои новые марки он вставил в альбомы с тщательностью хирурга. Достав блокнот, он вычеркнул их номера по каталогу из своего списка желаемых, отметив дату покупки и цену, уплаченную за каждую. Итог он внес в общий гроссбух, потом отметил тот факт, что в альбомах заполнено еще две страницы.

Вести подробные записи его вынуждало что-то, сидящее внутри него, какое-то непреодолимое побуждение оставить

доказательство, что он взаимодействует со вселенной, пусть даже посредством начертания цифр. Были у него и другие блокноты, в которых он вел другие записи. События своей жизни он учитывал подробно.

И ничто из этого никогда не выходило за пределы его квартиры.

Интересно, что думают надзиратели из Бюро по поводу его списков и заметок? Он точно знал, что они их проверяют всегда, когда он отсутствует.

Перчевский кончил заниматься своей бухгалтерией. Потом оглядел стерильную комнату, и она вдруг показалась ему очень тесной и одинокой.

Он попробовал включить головизор и нашел канал новостей Луны-Командной. Поймал на низкой частоте. Там не было ничего, кроме бесконечного парада сообщений гражданской службы, хотя однажды комментатор упомянул о слухах о приближающемся значительном событии, касающемся даже флота. Ожидалось что-то крупное, но природу этого пока трудно было определить. Режим секретности соблюдался необычно строго.

— А как же, — проворчал Перчевский в сторону голокуба. — Начальник штаба объявит победителей этого года в чемпионате флота по нардам.

Луна-Командная была сердцем и мозгом Конфедерации. Здесь располагалась штаб-квартира Служб, которые были для Конфедерации костями и сухожилиями. Это была ось человеческого предприятия, объединенного только общностью вооруженных сил. И единственным волнующим событием за всю жизнь Перчевского было открытие доисторической базы пришельцев на обратной стороне Луны.

Военные не правили Конфедерацией. Но единственным препятствием на пути к военному правлению было джентльменское соглашение генералов и адмиралов придерживаться демократических форм. Верховное Командование запросто могло бы делать что захочет и когда захочет, если бы отказалось от этого обычая. На окраинах, подальше от глаз сенаторов, оно часто так и делало. Очень мало санкций мог применить к нему гражданский сектор.

Перчевский в раздражении выключил головизор. Он посмотрел лунный календарь в поисках лучшей точки обзора,

надел китель и снова сел на общественный транспорт. На скоростном электрическом поезде он добрался за шестьсот километров до купола туристской обсерватории, выходившего на кратер Тихо. Здесь аттракционом был не сам кратер. Люди со ста тридцати четырех планет и более чем сотни доминионов, протекторатов, ассоциированных государств и внешних колоний Конфедерации слетались сюда не затем, чтобы глазеть на дыру в почве. Союзники и данники тоже кратером не интересовались.

И Перчевскому он был не нужен.

Купол обсерватории Тихо предлагал потрясающий вид Старой Земли. Его родины. Мира, где он не бывал уже восемь лет.

Тихо и другие купола — это была как раз та степень близости к своим биологическим корням, которая была нужна туристам. Перчевский откинулся на спинку глубокого кресла и пропускал мимо ушей записанную скороговорку комментатора.

— ...где зародилась раса людей... возможно, также планета, откуда произошли сангарийцы... первое успешное приземление на внеземной объект двадцатого июля 1969 года по старому летосчислению... Нейл Армстронг... подъем Мирового Содружества после третьей мировой войны... Момент Провала, июль две тысячи сто девяносто четвертого года, привел к коллапсу. Корабли Рейнхардта вывозили беженцев из Содружества в межзвездные колонии с две тысячи сто восемьдесят седьмого до окончания лунных войн в две тысячи двести двадцать шестом. Иерусалимский Договор две тысячи двести двадцать восьмого года породил беспорядочные экспедиции и хаотическое заселение, которое теперь мы называем Первой Экспансией... Расточительство ресурсов и идеология расизма породили реакционный изоляционизм, который продолжался в двадцать четвертом и двадцать пятом столетиях. Космические полеты, даже на Луну, прекратились. Контакт с Внешними Мирами не возобновлялся до две тысячи шестьсот тринадцатого года, когда вице-адмирал Такэда Йосимура привел флот Новой Земли к Луне. Вскоре после этого Такэда встретил корабли Палисарианского Директората.

В старых архивах Луны-Командной обнаружились данные по местонахождению десятков населенных миров. Вторичные колонии Директората постоянно подвергались сильному дав-

лению со стороны Токе. Директорат и Новая Земля заключили ксенофобический альянс и приступили к поиску других союзников-людей.

Такова была концепция, если не фактическая история создания Конфедерации. Нашим прежним врагам, Токе, мы должны быть благодарны за акушерскую помощь в ее рождении. Неуклонная решимость Звездных Лордов и Касты Воинов заставила человечество сплотиться. Конфликт длился достаточно долго, чтобы Конфедерация стала реальностью. Ее военный центр разместился здесь, в катакомбах Луны-Командной.

С тех пор Конфедерация и Луна-Командная неуклонно растут...

Перчевский перестал слушать. Все это он и так знал.

И знал, что ему придется услышать это снова. Купола обзора были Меккой, требовавшей регулярного хаджа. Он глядел на Старую Землю и думал, как там его родители. Ни от кого из них он уже давно не имел вестей. По дороге домой он спал. День выдался длинным.

Его ждали два сообщения. Первое — от Макс. Она хотела посмотреть раскопки на обратной стороне. Другое — от его работодателей. Распечатка гласила:

ВЕЧЕР СТАРШЕГО ОФИЦЕРСКОГО СОСТАВА В СРЕДУ В 20:00 ЯВКА ОБЯЗАТЕЛЬНА КОНТАКТНЫЙ ТЕЛЕФОН ДЛЯ ПОЛУЧЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШЕЙ ИНФОРМАЦИИ 864-6400-312.

Он вздохнул и отстучал номер на кнопках. Макс это не понравится. Выяснив, в чем дело, он набрал ее номер.

— Макс? Уолтер. Ага. Спасибо, что позвонила. Тут, понимаешь, у меня затруднение. Только что позвонили от моего босса. Вечер для сотрудников завтра. Пропустить не могу. Знаю. Самому жаль. Слушай, а хочешь со мной? Будут все важные шишки. Ожидается, что начальник штаба флота сделает какое-то сногсшибательное заявление. Нет. Вряд ли насчет Улантского Марша. Если хочешь знать мое мнение, это просто дымовая завеса. В клубе командования. Встретимся там? Ладно. Пока.

Он лег обратно на кровать и подумал, что там за новости могут быть и почему ему приказано явиться. Он из старших

оперативников, это да, но уж никак не из высших работников штаба.

И еще он думал, сколько еще времени пройдет, пока его отзовут и усадят за письменный стол. Не похоже было, что его каникулы продлятся долго, потому что наверху не любили, чтобы люди в ожидании назначения болтались без дела.

Потом он снова подумал о родителях.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ:
3048 н.э.

ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», СОПРИКОСНОВЕНИЕ

Писать он не мог. Слишком много было свободного времени. Ему всегда работалось лучше, когда минуты летели быстро, толкаясь друг с другом.

Что-то у него было не так в голове. Скелеты вылезали из всех шкафов. Особенно насчет Элис. Неколебимые стены Тира трещали и крошились.

Уже много лет он об Элис не думал. Почему же сейчас? Спешное психопрограммирование перед заданием? Или психическое здоровье начинает осыпаться по краям?

У него было два плохих дня. Были моменты, когда он не знал, где он и почему, а иногда — даже кто он.

Иногда он чувствовал, что его судьбой правят дьяволы-хранители. Фатумы, преследующие его, как неутомимые гончие, и их единственная радость — зло.

Корабль вышел из гипера без предупреждения.

— Пассажиры, оставайтесь в своих каютах. Пристегнитесь и приготовьтесь к ускорению. Мы вступаем в бой с эсминцем Конфедерации, который нас преследует.

— В бой? — спросил Мойше. — Что за черт? Маус? Что творится? До вступления Юппа в игру еще две недели!

Маус качнул головой, предостерегая. Вокруг были люди, их разговор слышали. Сангарийка явно была в черной ярости.

— Колеса внутри колес, — шепнул бен-Раби. — Бэкхарт нас подставляет.

— Будем надеяться, что мы не стали вдруг ненужными, — ответил Маус. — А что происходит?

— Черт побери! Я думал, ты знаешь. Бэкхарт? Или просто Юпп увидел шанс? Может быть, разразилась война на границе?

— Что? Это чушь. Улантиды не полезут. Нет, это точно Старик.

— Лучше пристегнись и читай молитвы, которые знаешь.

Служа во флоте, бен-Раби видел несколько битв. Они отбили ему вкус к войнам в космосе. Поражения всегда бывали слишком полными и окончательными.

Когда он пристегивался, корабль тряхнуло. Он узнал старт большой ракеты. На корабле явно было оружие, для его класса необычное.

Кончатся когда-нибудь неприятные сюрпризы?

На несколько секунд его ум полностью развалился до абсолютного хаоса. И казалось, что какая-то его крохотная часть смотрит на этот хаос со стороны.

Процесс обратной сборки занял время от сигнала отбоя тревоги и до звонка в дверь.

В каюту вошел человек из команды корабля.

— Мистер бен-Раби? Не будете ли вы так добры пройти с нами?

Он был вежлив, как паук, приглашающий муху.

Явно впереди ждали неприятности.

За человеком стояли полдюжины других с пистолетами. Бен-Раби вышел с ними в коридор.

Другая такая группа конвоировала стоического Мауса.

Как они узнали?

Арестом руководил сам Киндервоорт. У него был вид человека, который так и порывается объяснять. И спрашивать. Мойше надеялся, что он не будет действовать примитивно.

Маус, кажется, этого боялся. Но люди томагавка жили по закону Ветхого Завета: око за око; взявший меч...

— Попались, ребята.

Киндервоорт улыбнулся, показав слишком много зубов. У него был неправильный прикус.

Бен-Раби этот человек был неприятен без видимой причины. К ситуации это не имело отношения. Скорее ненависть с первого взгляда.

Лицо у Киндервоорта было бесцветным и несвежим. Кожа была натянута туго, как на барабане, между высокими скула-

ми и выступающим подбородком. Между ними лежали темные впадины. При подходящем освещении он напоминал череп.

Бен-Раби автоматически не любил людей с таким кладбищенским видом.

— А вот и вы! — объявил командир корабля, когда они вошли, теснясь, в темный кабинет. Мебель в нем была из искусственного, тонированного под черное дерева, отделанного в старинных стилях. Стены и потолок были декорированы под бревна, придавая кабинету сходство с каютой капитана водного корабля. Были здесь и воспроизведения древних корабельных ламп, компас, секстант, навигационные карты, репродукции в рамах, изображающие каравеллы, клиперы и фрегат «Созвездие». — Все было тихо, Ярл?

— Разумеется, сэр. Фанатики в Бюро не служат. Позвольте мне представить вам капитан-лейтенантов флота Конфедерации Масато Игараши Шторма и Томаса Акинаса Мак-Кленнона. Капитаны, перед вами командир корабля Эдуард Шуто.

Бен-Раби поджал губы. Он и раньше боялся, что настоящей фамилией Мауса может быть Шторм. Маус подозрительно отсутствовал в последний год обучения в Академии. А это был год знаменитой войны Шторма — Хоксблада на Теневой Линии.

Мойше побывал в Черном Мире после этой войны. В то время там был некто Масато Игараши Шторм, но их пути не пересеклись. Потом Масато принял командование армией наемников, когда сангарийцы убили его отца, братьев и почти всех офицеров семьи.

Киндервоорт явно выразил ему благоволение, хотя имя Мак-Кленнон прозвучало слегка незнакомо, будто это был кто-то, кого он знал в далекой невинной молодости.

Он куда меньше ощущал себя Томасом Акинасом Мак-Кленноном, чем Мойше бен-Раби, Гундакаром Нивеном, Эриком Эрлом Холленкампом, Уолтером Кларком или... Сколькими же людьми он успел побывать?

— Садитесь, джентльмены, — предложил Шуто. — И чувствуйте себя свободно.

Бен-Раби упал в кресло и бросил взгляд на своего напарника, Мауса, который тоже казался ошеломленным. Одно то, что известно было его секретное имя, значило уже очень мно-

го... И самым страшным было предположение, что кто-то внедрился в Бюро достаточно глубоко, чтобы получить доступ к его главной системе данных. Это означало крота, внедренного на поколения.

— Вы беспокоитесь о своих друзьях с флота? — спросил Киндервоорт. — Не стоит. С ними все в порядке. Они вышли из боя и удрали. То есть очень быстро. Наверное, сообразили, что нет смысла устраивать праздник стрельбы, если ничего с этого нельзя получить даже в случае выигрыша.

Он хихикнул, и Шуто вслед за ним.

Должно быть, глубоко внедренный крот. Ничто другое не могло объяснить их постоянный успех в уходе от сил Конфедерации.

Киндервоорт устроился в кресле напротив бен-Раби. И наклонился вперед с нахмуренным лицом. Мойше избегал смотреть на эту маску смерти, глядя на Шуто. Командир корабля откинулся на спинку мягкого удобного кресла и полузакрыл глаза.

А Киндервоорт сказал:

— Но ведь мы беспокоимся не о фон Драхове или адмирале Бэкхарте, правда? — Он снова хихикнул и придвинулся к Маусу. — Из-за чего мы хотели вас видеть — это трассеры, которые вам встроили. Подкинули нам ходячие инстелы. Остроумно.

У них точно был крот.

Мойше думал, что он — единственный в мире человек-инстел. Бэкхарт кипятком писал и стонал так, будто платил за это из своего кармана. После этого установка запасного прибора казалась маловероятной.

На самом деле он не интересовался, зачем с ним послали Мауса. Бэкхарт дал назначение на задание. Старику никто вопросов не задавал. Тем более в такой форме, которая могла быть воспринята как возражение.

Маус выглядел как гальванизированный труп. Распухший. Иногда ему тоже полезно приложиться мордой об стол.

А как случилось, что у него ничего не болело?

Зная Бэкхарта, можно предположить, что головная боль была запрограммирована психологами — чтобы отвлечь внимание от Мауса. А Маус об этом знал?

Им будет о чем поговорить.

Часовой механизм Бэкхарта часто бывал смазан неведением его пружинок и колесиков. Только сам мастер знал все секреты своей механики.

Может быть, еще что-нибудь?

Глупый вопрос.

Сама натура Бэкхарта требовала хитростей и ярких отвлекающих дымовых завес, скрывающих правду, скользкую, как намасленные змеи. Но как бы ни были извилисты ходы его планов, в них была своя точность и логика. Они разрабатывались лучшими компьютерами Луны-Командной. Он прогонял через имитационные модели даже самые смехотворные варианты.

Учел ли Бэкхарт в своей схеме крота?

Вдруг Мойше интуитивно понял, что они с Маусом вовсе и не партнеры. Они — путешественники, идущие параллельными, но все же разными курсами. Они были запрограммированы скрывать информацию друг от друга не меньше, чем от своих целей. И с самого начала они были обречены на засвечивание.

Бэкхарт знал про крота.

Он хотел, чтобы их поймали. Он хотел, чтобы они провели год на службе у сейнеров.

Мойше взбесился. Целый год, украденный из жизни!

— Полностью биологическая штука? — спросил Киндервоорт.

— Что?

— Этот инстел. Замечательная игрушка. Наши детекторы и не пискнули, когда вы проходили мимо. Конечно, в долгосрочной перспективе это несущественно.

Доволен он был, как верблюд. И Шуто вместе с ним радовался в своем пластиковом, под старину, капитанском кресле.

— А каким чертом вы узнали мое имя? — спросил бен-Раби. Кажется, они были в настроении поговорить. Вдруг скажут что-нибудь такое, что даст компьютерам возможность выловить крота.

Киндервоорт сделал вид, что не слышал вопроса.

— Мы начали следить за гиперволнами сразу, как вышли на орбиту у Карсона. Хотели посмотреть, не перехватим ли что-нибудь от эсминца фон Драхова. Вообразите же наше удивление, когда мы обнаружили передачу с борта корабля.

— Это вам просто повезло, Ярл, — заметил капитан.

— Мы знали, что они проявятся, так что это не везение. Повезло лишь, что они начали передачу с корабля достаточно малого, чтобы их можно было здесь отловить.

Откуда же они узнали?

Мойше вспомнил толстозадую шлюпку торговцев, которая не взлетела по расписанию. Уж не торговцы ли были курьерами у крота? «Черный мираж». Отметим этот корабль. Когда-нибудь кто-нибудь поговорит с его командой.

Значит, между сейнерами и свободными торговцами есть связь? И те, и другие определенно отказывались перестать огорчать политических заправил Конфедерации.

— Входите, доктор Дюморье, — позвал Шуто. — Давайте с этим закончим.

Киндервоорт бросился за спину Мойше и схватил его за плечи. Бен-Раби не сопротивлялся. Он ничего не мог сделать.

Доктор вплыл в комнату. Он потыкал, пощупал и сбрызнул шею Мойше анестезирующим аэрозолем. Из своей медицинской сумки он вынул зловещего вида древний лазерный скальпель. Потом, повторяя слова всех докторов с тех времен, когда инки делали друг другу трепанацию острыми камнями, сказал:

— Это одна минута. Вы ничего не почувствуете.

— То же самое мне говорили, когда его вставляли, — буркнул бен-Раби. Он не мог сдаться, не выразив хоть какого-то протеста.

— Мы только снимем узелки амбры, — пояснил Киндервоорт. — А как вы думаете, удобно ли будет продать их флоту обратно на следующем аукционе?

Шуто удовлетворенно кивнул:

— Наверное. Идея хорошая.

Мойше хотел, чтобы они прекратили. Его подмывало закричать: «Непрофессионально себя ведете!»

А они и не были профессионалами. Очевидно, в Службе безопасности траулеров не было людей, ориентированных на операции разведки и контрразведки.

В предложении Киндервоорта была своя справедливость. Бен-Раби и Маус, как и все остальные агенты на борту, преследовали одну и ту же цель — доступ к одному из стад огромных ночных монстров, которые выделяли критический эле-

мент того узла, который извлекли из шеи бен-Раби. Сейнеры называли его амброй. Это имя восходило к «болезненным выделениям» китов Старой Земли, которые когда-то использовали парфюмеры. Сейчас это слово могло иметь любой смысл, который в него вкладывали. У левиафанов глубин претензий по авторскому праву не было — их уже много столетий как истребили.

Другими популярными названиями были звездный янтарь, космическое золото и небесные алмазы. Но под любым именем амбра была стандартом богатства современной эпохи.

В грубых терминах ее название было кратким и точным. Это были твердые экскременты звездных рыб. Кал.

И этот кал оплодотворял целую цивилизацию. Без него Конфедерация не могла бы существовать. Без него не было бы быстрой связи от звезды к звезде. Скорость и надежность связи в конечном счете определяла пределы роста любой империи.

Бен-Раби не понимал физику инстелной связи. Он знал о ней то же, что и все: между катодом из амбры и анодом из кристалла Билао генерируется тахионная искра. Эту искру можно заставить нести телеграфное сообщение. Ни амбра, ни кристаллы Билао синтезу не поддаются.

Месторождения кристаллов находились глубоко в мантиях планет примерно размера Земли, вращающихся вокруг суперхолодных звезд. Единственной такой планетой в пределах Конфедерации была Сьерра. Добыча кристаллов с глубин более тридцати километров обходилась невероятно дорого.

Но амбра была куда дороже. У сейнеров была монополия. Они были капиталистами свободного рынка чистой воды. Каждый узел уходил к тому, кто предлагал наибольшую цену.

Спрос на амбру всегда превышал предложение. Несмотря на требуемые гигантские капиталовложения, оптимисты создавали соответствующую аппаратуру и программы в надежде как-то достать узелок амбры.

Все траулерные флоты сейнеров в самые урожайные годы добывали меньше сорока тысяч узлов. Большая часть из них уходила на замену уже сгоревших. Сейнеры продавали свой продукт на аукционах, которые проводились на мирах, объявляемых на это время нейтральными и находящимися под прицелом всей огневой мощи флотов. Участники подчинялись

установленным сейнерами правилам. С теми, кто их нарушал, звездоловы могли отказаться иметь дело.

Одна только амбра могла быть причиной того наплыва оперативников на Карсон, когда «Данион» объявил о наборе техников. Агенты налетели, как стервятники, рассчитывая поживиться на трупе флота Пейна, когда он станет жертвой предательства.

«Таковы мы и есть, — подумал бен-Раби. — Мы с Маусом — стервятники... нет. На самом деле нет. Скорее мы — хищники. Соколы, спущенные с руки Бэкхарта. Наша дичь — информация. Мы должны принести любой кусочек ее, который может выдать местонахождение стада звездных рыб».

Мойше старался поверить, что Конфедерация должна контролировать сбор и распределение амбры. Очень старался.

Иногда ему приходилось самому себя обманывать, иначе он задавал себе слишком много вопросов. Его начинали волновать такие не относящиеся к делу категории, как Добро и Зло.

Душа его, застенчиво соскальзывая в аморальность, только бормотала «Я хочу». В ней была боль, которую он не мог понять и которая хлестала его хуже, чем его язва.

Бен-Раби боялся безумия. Он много чего последнее время боялся. И не все, чего боялся, мог понять.

— Ну вот. Один есть.

Доктор бросил узел на блестящий нержавеющий поднос. Плюх! Знак восклицания, означающий конец этапа задания. Доктор начал зашивать рану.

— Очень будет больно, когда кончится анестезия?

— Не слишком. Шея будет слегка одеревенелой, и касаться ее будет больно. Если будет беспокоить, зайдите ко мне.

Доктор повернулся к Маусу. Маус слегка подергался, прежде чем сдаться. «Совесть потребовала», — подумал Мойше. Ему необходимо было устроить спектакль. Доктора были еще одним пунктиком у Мауса. Ему они были совершенно не нужны, как объяснял он каждому, кто был согласен слушать.

Бен-Раби подозревал, что именно поэтому Бэкхарт никогда не менял личность Мауса при подготовке к заданиям.

— Мы шпионов не любим, — ляпнул вдруг командир корабля. Это прозвучало одновременно и спонтанно, и не по делу. Как нелогичное заключение из всего происходящего.

«Мы», — подумал Мойше. — Эти люди всегда говорят «мы».

Червь внутри него вдруг ожил, и Мойше неловко заерзал. Чем-то вдруг Шуто задел его за живое. Странно.

Он попытался разобраться в этом ощущении, понять, чего же он хочет, но это чувство выскользнуло из пальцев, как мокрая рыба.

Почти через минуту Шуто продолжил свое замечание.

— Но «Даниону» для выживания нужен ваш опыт. И мы достаточно любим свой корабль, чтобы дать вам еще один шанс. — Он заговорил не так отстраненно: — Вот что, ребята. Мы сохраним вам жизнь. Но работать вам придется до упаду, до того, чтобы вы забыли, зачем вас сюда послали. А когда мы с вами закончим, мы отошлем вас домой, и знать вы будете не больше, чем в тот день, когда вы завербовались.

И, ребята, не создавайте нам дополнительных хлопот. Будьте довольны тем, что вы ничего не знаете. Вы нам нужны позарез, но не особенно на это напирайте. «Данион» — корабль большой, и парой человек больше или меньше особой разницы не составит. Доктор, вы закончили?

— Кончаю накладывать шов, сэр. Одна минута.

— Капитан Мак-Кленнон, капитан Шторм, идите по своим каютам. И постарайтесь какое-то время меня не раздражать.

Бен-Раби встал, потрогал небольшую наклейку за ухом. Онемение начинало проходить, сменяясь легким жжением. Оно напомнило ему о куда больших порезах на душе и на теле.

Доктор закончил с Маусом.

— Вот и все, капитан. Постарайтесь не напрягаться. Я предложил бы вам в течение нескольких дней предоставить активную роль вашим подругам.

Он говорил с мягким сарказмом, за которым могла скрываться зависть.

— У тебя уже есть репутация, Маус, — сказал бен-Раби.

Маус не ответил. Он был не в настроении балагурить.

Они прошли обратную дорогу без конвоя, стремясь в свои каюты, как раненый зверь в убежище логова. Проходя мимо каюты бен-Раби, Маус спросил:

— И что же мы теперь будем делать, Мойше?

Бен-Раби пожал плечами:

— Не знаю. Я надеялся, ты что-нибудь придумаешь. Поедем покататься. Нас запатовали.

— Это пока. — Маус стал чуть выше. — У нас в запасе год. Они же не смогут сторожиться вечно?

— Эти? Наверное, смогут. — Но даже фальшивое ободрение должно было прозвучать утешительно. — Впрочем, кто знает. Что-то может измениться.

— Посмотри-ка на это.

Сангарийка смотрела на них из дверей своей каюты. Она улыбнулась и помахала рукой.

— Злорадствует, — бросил бен-Раби. — Думаешь, она знает, что случилось? Думаешь, она помогла нас провалить?

Бен-Раби пожал плечами и посмотрел на женщину. Их взгляды зазвенели, как столкнувшиеся клинки. Улыбка ее стала шире.

— Да. Уверен, что помогла.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ:
3047 н.э.

БЫЛЫЕ ДНИ, СЛОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ

Надеясь, что Мария не сообразит, какие данные у него на руках, Нивен сказал:

— Я смотрю, куда направляются люди, покидающие Сломанные Крылья. Если статистически значимые количества улетают на определенные планеты, мы можем посмотреть, о чем они начинают мечтать в условиях купола и что их привлекает на конкретных типах планет. Если дело в среде, то мы нашли путь снятия негативных моментов жизни в куполе. — Он надеялся, что говорит достаточно лекторским тоном. И подкрутил еще на одно деление: — «Убичи» специализируется по работе в неблагоприятной обстановке, на разработках с высоким выходом. В некоторых наших проектах текучесть кадров стала серьезной проблемой из-за расходов на обучение и перевозку. В интересах корпорации, чтобы наши работники были довольны. — «Вполне правдоподобно», — поздравил он сам себя. — А что вы здесь делаете?

— Вас ищу. У нас назначено свидание.

— Но ведь только... О Господи! Который час? Моя прекрасная леди, простите меня. Я напал на кое-что интересное и заработался. Дайте мне еще минутку, ладно? Я закончу, позвоню моему секретарю, и мы пойдем. — Он усмехнулся: — Я обязан доложиться. Образование не выбило из него Старой Земли. Вы не поверите, как он мне выдал вчера вечером!

Он снова прикипел глазами к ее улыбке. Она опять заставляла его таять.

Маус на звонок не ответил. Нивен бы удивился, если бы было иначе. Звонок был просто поводом убрать данные с глаз Марии и выиграть время, чтобы построить приемлемое нагромождение лжи на том фундаменте, что он только что изложил.

Но прикрытия не понадобилось. Мария не задала ни одного вопроса, кроме одного:

— А что мы будем делать?

Он чуть не ляпнул грубую правду.

— За работой я об этом не подумал, но вчера мы, кажется, все обошли. Город Ангелов — это не город развлечений. — И он галантно добавил: — Я счастлив уже просто быть в вашем обществе. Выбирайте вы.

Она рассмеялась:

— А говорят, на Старой Земле больше нет романтиков. Что, если нам просто пойти прогуляться? Я очень не против долгой прогулки.

— Э-хм... — У него затряслись руки.

Он покинул родину рано, но уроки детства на Старой Земле забываются не скоро. Люди, которые не успели их усвоить, умирали быстро. Не ходить по улицам, не имея за спиной шайки друзей, — один из самых главных уроков родного мира.

Здесь не Старая Земля. Смерть не поселилась на улицах, как у себя дома. Но и здесь шныряли лазутчики, и они могли в любую минуту сделать свой ход в игре.

— Почему вы улыбаетесь?

— Это не улыбка, леди. Это называется «маска страха». Я со Старой Земли. Вы себе представляете, что для меня значит идти по улице, не имея за спиной хотя бы пятидесяти ребят поддержки?

— Я забыла. Но здесь нечего бояться, Гун.

— Вы это знаете. Я это знаю — головой. Но внутри меня сидит пещерный человек и вопит, что мы оба лжем.

— Если это и в самом деле так трудно...

— Нет, не расстраивайтесь. Я же не сказал, что не согласен попытаться. Мне надо только к этому привыкнуть. Ладно, я заставлю себя изо всех сил. Просто я хотел вас предупредить, что если я буду слегка дерганый и настороженный, то это не ваша вина.

— Вы успокоитесь, вот увидите. Это самый скучный и безопасный город во всем Рукаве.

Через несколько часов, когда настала ранняя ночь Сломанных Крыльев, Нивен проворчал:

— Так что это ты говорила в Медцентре насчет самых безопасных улиц во всей Галактике?

Темнота переулка давила. Его испуганные глаза выискивали движение в тени у домов. Только что лазерный луч ударил в сантиметре от его щеки. Он все еще ощущал его жар.

— У меня не только руки, но и ноги трясутся, леди.

Мария поправила руками волосы. Их припалило лучом, пока они спасались бегством. От острого запаха паленого волоса у Нивена вздрогнули ноздри. В свете дальних уличных фонарей лицо Марии бледно отсвечивало. Она тоже дрожала. И явно была слишком разозлена, чтобы отвечать.

— У тебя ревнивый приятель?

Она потрясла головой, резко вздохнула.

— Здесь не Старая Земля. Здесь так не поступают.

Нивен бросился на четвереньки и пополз к выходу из переулка.

Силовые действия не были его специальностью, но он прошел общий курс подготовки оперативного работника. Если надо было, он мог устроить спектакль.

Сейчас надо было что-то делать. Переулок был ловушкой. А стрелявший мог быть не один. И сейчас капкан мог захлопнуться.

Лазерный луч резанул кирпичи над его головой. Он откатился в сторону, проворчав: «Ночной прицел, так его и этак!» Но он засек стрелка. Луч пришел с крыши гаража на той стороне переулка.

«Хреноватый выстрел, — отметил про себя Нивен. — Здесь и пятидесяти метров не будет».

Если удастся рывком перебросить через мостовую...

С позиции стрелка донеслось удивленное восклицание, и сразу же вопль страха и боли, захлебнувшийся хрипом. С крыши склада свалилось тело и плюхнулось на мостовую.

Нивен тут же оказался рядом с ним и вжался спиной в стену склада, рассматривая труп.

В слабом свете дальних фонарей лежал хромой из вестибюля «Маркоса». У него была перебита трахея.

У каждого человека своя подпись. И профессиональный убийца оставляет свою мрачную подпись на теле жертв. Этот почерк Нивен знал. Он посмотрел вверх.

Зачем бы Маусу за ним следить?

Хотя он и не возражал. Сейчас по крайней мере.

Подошла Мария, посмотрела и отвела глаза.

— У тебя, кажется, есть ангел-хранитель.

— У кого-то из нас.

Он уставился на нее. Что-то щелкнуло. Ничего определенного, только он чуть насторожился. Она не спросила, почему кто-то пытается его убить. Гражданский спросил бы это в первую очередь.

Он поискал глазами оружие убийцы. Не нашел.

— Я хочу слазить на эту крышу.

— Зачем? Не стоит ли нам убраться отсюда?

Еще щелчок. Гражданские всегда кричат: «Полиция!» Если они не со Старой Земли, конечно.

— Вообще-то да. Если бы с ним кто-нибудь был, нас бы уже известили.

Только куда идти? Не в гостиницу. Не в номер, где он официально остановился — теперь, когда война объявлена. И не на резервную квартиру. Он не знал, что организовал Маус, а обходить все тайники, таща за собой Марию, тоже нельзя.

Угроза смерти пробудила в нем профессионала. Подняла барьеры, которые отгородят его от всей вселенной, пока он не отделит врагов от друзей и нейтралов.

— Можем пойти ко мне, — предложила Мария.

На ум Нивену хлынули воспоминания о бесчисленных шпионских и детективных историях. Все подстроено? Три промаха с пятидесяти метров — слишком даже для неопытного убийцы. Но ему не хотелось верить, что Мария в этом уча-

ствует. В ней была такая магнетическая, животная женственность...

Верь или не верь, но отвергать такую вероятность — это надо быть кретином. Игра пошла на жизнь и на смерть.

Он не рискнул выдать свои подозрения.

— Ладно, — сказал он и оглянулся со страхом, без всякого труда изобразив дрожь и замешательство. — Но мне нужно сначала кое-что сделать.

Их глаза встретились, и он уже знал. Он не хотел, чтобы так было, но это было правдой. Она была противником. И сейчас она искала такой повод быть рядом с ним, который не вызовет у него подозрений.

Актриса из нее была неважная. В минуту напряжения она не контролировала язык тела, и он выдавал ее мысли.

Нивен с болью ощутил, что его предали, хотя знал ее едва ли день.

Ему всегда было нужно быть желанным. Не за то, кто он и что он, а просто желанным, как человеческое существо.

Человеческое. А человек ли она? Без сложных анализов это сказать нельзя. Генетики уверенно утверждали, что человечество и сангарийцы имеют общих доисторических предков.

Может быть, она даже сангарийский резидент. Прошлым резидентом тоже была женщина.

— Где ты остановилась? — спросил он.

Она решила не давить. И объяснила, как найти ее квартиру.

— Ты не обязана этого делать, — сказал он ей и тут же про себя выругался. Этими словами он неявно признал, что именно он был целью снайпера. Но теперь приходится рисковать. Может быть, он убедит ее в отсутствии у него подозрений. — Это может быть опасно.

— Ничего страшного. Мне никогда в жизни не приходилось ничего такого видеть. — Ее лицо озарилось возбужденным интересом. — Во что это я влезла, Гун?

Время темнить.

— Лапонька, понятия не имею. В самом деле не имею. Тут на меня наскакивают уже второй раз, и каждый раз никто не считает нужным объяснять, что им нужно. До того они пытались прямо в «Маркосе». В тот самый день, как мы прилетели. Мы даже еще здесь никого не знали. Но все время за

мной следят, и... если ты со Старой Земли, ты такие штуки нюхом чуешь.

— Может быть, им нужен не ты, а твой друг?

— Джон? Хм, об этом я не подумал. Может быть. Я же на самом деле ничего о нем не знаю. Его послала корпорация. Ну, в общем, что бы тут ни было, а я собираюсь это выяснить.

Он надеялся, что сообщил достаточно искаженную правду, чтобы оставить ее в сомнениях. Многое теперь зависело от того, удалось или нет противной стороне утаить жучки от Мауса.

— А ты как, доберешься? Или, наверное, мне проводить тебя домой?

— Справлюсь.

— Да, может быть, без меня безопаснее. Ладно, до встречи.

Он взглянул на мертвеца, потом оглядел улицу. Ни души.

Занятно, как люди чувствуют собирающуюся грозу и сидят по домам, где ничем не рискуют и в свидетели не попадают. Пусть здесь район складов, но какое-то уличное движение должно быть? Черт побери, где патрули безопасности? Где полицейские машины?

Точно такие расклады он видал на Старой Земле, когда банды хватались за пушки по малейшему поводу. Гражданские и блюстители закона сразу прятались поглубже, пока не рассеивался запах дыма.

У первой закладки Мауса не было, и сообщения он тоже не оставил. Наспех нацарапанную записку Нивен нашел на второй. Там было сказано, что Мария — сангарийский резидент. И еще, вроде бы добавил Маус, он удирает от дюжины громил, которые наскочили на него после инцидента у складов.

Нивен написал ответ, сообщая, где он будет. Закладка была большая, и потому он смог оставить записки, сделанные в Медцентре. Их нужно доставить любым способом. Может быть, через шефа рекрутского управления флота на Сломанных Крыльях. Он же начальник пункта связи Бюро в Городе Ангелов.

Нивен пошел бродить, убивая время, чтобы дать Марии возможность сделать шаг, который высветит намерения местной сангарийской организации. Примерно через час к нему прицепился хвост.

Хвостом оказался громила с сонным лицом, прикидывающийся опустившимся бродягой. Не слишком сообразительный уроженец Внешних Миров, решил Нивен. Город Ангелов был слишком молод и слишком упорядочен, чтобы в нем мог существовать притон даже на одного бродягу.

Человек не приближался. Они надеялись, что он выведет их на Мауса. Профессиональные характеристики своего хвоста Нивен изучал более из любопытства, чем по необходимости. Человек этот был профессионалом, но не в этой области. Это был стрелок или порученец, притянутый лишь потому, что никого другого не было времени искать. Стряхнуть его было как нечего делать. Нивен сдвинул мысли о нем на второй план.

Сейчас он брел к дому Марии. Нервы его успокоились. Он уже знал, что будет делать.

Но полностью он не расслабился. Они могут поймать Мауса, тогда за его жизнь и медяка не дашь. Но пока Маус не у них в лапах, они его не тронут.

Он стряхнул хвоста, нашел платный коммуникатор, поднял с постели начальника пункта в Городе Ангелов и объяснил, где спрятана информация из Медцентра. При этом воспользовался словесным шифром, который противнику нужно будет расшифровывать несколько часов, если даже он подслушивает.

До дома Марии он добрался, когда рассвет уже окрашивал купол. Молекулярный слой пластика посверкивал красным. По мере изменения угла падения солнечного света пластик пройдет стадии от прозрачности и до радужного сияния всеми цветами спектра.

Нивен устал, но был все еще бодр и оживлен, поскольку отлично собой владел.

Мария ответила на стук сразу же.

— Где ты был? — налетела она на него. — Я чуть с ума не сошла, волнуясь!

Она поглядела в коридор второго этажа поверх его плеча. Высматривает Мауса? Или своих ребят?

— Кто-то за мной увязался. Я не знал, что делать, и потому бродил, пока ему не надоело. Или я его стряхнул.

— Гун, я ничего не понимаю. Зачем...

— Дорогая, понятия не имею. А я долго ломал голову. Могу предположить только одно: кто-то из конкурентов «Убичи» думает, что моя цель — не только данные исследований... — Он остановился, притворившись, что ему вдруг пришла в голову новая мысль: — Слушай, мне же ни разу не сказали, зачем им эти данные. Я только сейчас сообразил... может быть, это проект, которым они кому-то наступили на мозоль.

Будь он тем, за кого себя выдавал, такая возможность могла бы быть реальной. «Убичи» держала свои вооруженные силы. Приграничные корпорации играли жестко.

На секунду в глазах Марии проявилась неуверенность.

«Бюро просчиталось», — подумал он. Он мог бы убедить ее, если бы он выглядел как социальный психолог. Его легенду можно было проследить до самого его рождения. В таких вопросах Бюро работало тщательно, особенно отдел Бэкхарта. Но у Нивена был вид, как у громилы со Старой Земли. И это был гроб для любой рекомендации, которую такой человек мог бы представить.

— Мам, что там?

В комнату вошла, спотыкаясь, черноволосая девочка лет семи-восьми. Она протирала кулачками заспанные глазки. Для своего возраста она была маленькой — миниатюрный портрет своей матери, только без груди.

— Бренди, это мой друг доктор Нивен. Я тебе о нем говорила.

— А!

«Без особого энтузиазма», — подумал Нивен. По ее интонации было ясно, что она видит в нем угрозу своему миру.

Она была красивой девочкой. Как с рекламы игрушек.

Нивен не мог придумать комплимент, который не был бы слишком банальным.

— Привет, Бренди. Можешь называть меня Гун. Это сокращение от Гундакар.

— Гундакар? Что это еще за имя?

— Со Старой Земли.

— А! — Она поджала губы. — Мама назвала вас доктором. Майкл болен.

Он повернулся к Марии. Женщина все еще стояла в дверях.

— Мой сын. Младший брат Бренди. У него какой-то вирус. Похоже на грипп.

— Я не в этом смысле доктор, Бренди. Но если я чем-нибудь могу помочь...

— Вы знаете интересные истории? Те, что я придумываю, Майклу не нравятся. А мамы никогда нет.

Она бросила на мать прокурорский взгляд.

«Хороша, — подумал Нивен. — Лучше Марии».

— А какие истории? Про пиратов? Про старые времена? Ричард Хоксблад и Гней Юлий Шторм? Ты знаешь, как они воевали как раз здесь, на Сломанных Крыльях?

Он бросил это как бы между прочим, ожидая реакции. Война на Теневой Линии, последняя великая война наемников, случилась в Черном Мире вскоре после стычки на Сломанных Крыльях.

Сангарийским интересам война на Теневой Линии нанесла серьезный удар. Но пара Семей начала восстанавливать свою деятельность еще раньше, чем затихла ударная волна от Черного Мира. Когда их накрыли, это стоило им контроля над многими законными Корпорациями и жизней нескольких предводителей Семей. Катастрофа была столь глубокой и обширной, что стала сангарийской легендой. Девочка только пожала плечами — явно для нее Черный Мир ничего не значил.

— Попробуйте про пиратов.

Она явно потеряла интерес.

Значит, она ничего не слышала о Теневой Линии. Какую же Семью представляет Мария? Одну из мелких, которые теснятся возле Первых Семей, потеряв лицо на Черном Мире? Явно не одну из тех, которые работали здесь.

— Просто куколка, — сказал он Марии. — Ты не думала сделать из нее модель?

— Нет, не выйдет. Садись и отдыхай, а я приготовлю тебе что-нибудь поесть. Потом я перенесу сюда Майкла, а ты будешь спать на кровати детей.

Бренди принесла кофе. Настоящий.

Он понял, что хотела сказать Мария о Бренди. Раньше он этого не заметил, потому что она не смотрела в его сторону.

Один глаз у девочки сильно косил и казался слепым. На ее вызывающий взгляд он не отреагировал никак. Девочка очень болезненно относилась к своему дефекту, это бросалось в глаза. Наверное, это с ней недавно.

Когда Бренди вышла в кухню, а Мария еще не вернулась в комнату, Нивен окинул всю обстановку профессиональным взглядом. Придет время, когда ему надо будет точно указать в отчете, где какая лежала пылинка.

Квартира была тесной, что типично для жилых кварталов купольных городов. Обставлена она была потрепанной подержанной мебелью. Так, как было бы естественно для бедных людей. И Мария совершенно явно не была одержима порядком в квартире. По углам у потолка висела паутина. На стульях и на полу валялся мусор.

Эта неряшливость не имела отношения к бедности или недостатку времени; это была привычка. Дома у сангарийцев есть слуги-скоты, которые за ними прибирают.

Мария делила кров с целыми племенами тараканов. На пластиковых стенах были потеки грязи. Занавески порваны и засалены.

Точно такое место, куда занятая и бедная женщина приходит после работы отдыхать. Она была искусна, эта Мария: свои этнические пассивы она превратила в активы.

Но чтобы бедная женщина угощала настоящим кофе? Который доставлялся только со Старой или Новой Земли? Он не стал обращать на это ее внимание. То, что он узнал настоящий продукт, было бы информацией. Большинство жителей Старой Земли его бы не узнали, потому что каждая унция уходила на экспорт. Сейчас они вели тонкий фехтовальный бой, и рапирами были небольшие тесты.

Одним из законов его профессии было не выдавать ничего конкретного. И она тоже ничего ему не выдавала. Слишком мало, чтобы ее понять.

А кто может понять ум сангарийца? Адмирал занимался этим десятилетия. И очень мало продвинулся.

Хотя он, как и Маус, хотел не понять. Он хотел уничтожить. И понимание было лишь оружием в его арсенале.

Несколько минут они просидели в молчании. Он смотрел на Марию поверх чашки. А она его рассматривала. Он гадал, какие странные мысли проходят в ее нечеловеческом мозгу.

— Я схожу посмотрю, как там Майкл, Гун.

Он прошел с ней до двери спальни. Это была крохотная комнатка, где стояли две ветхие кровати — одна для Марии, другая для детей. Мария села на край той, где лежал

бледный пятилетний ребенок. Мальчик настороженно смотрел на Нивена.

— Майкл, это мой друг, доктор Нивен. Он немного у нас поживет.

— Привет, Майк!

— Не Майк, а Майкл, — сказал ребенок сердитым, хотя и слабым голосом. — Майкл. В честь моего прадеда.

Мария вздрогнула. Майкл лучился гордостью.

Нивен сумел себя не выдать.

— Хорошо. Майкл.

Он ошибался. Ошибка чуть не стала фатальной. Эти сангарийцы отлично знают Теневую Линию.

Существовал только один сангариец с человеческим именем Майкл. Майкл Ди. Тот, который развязал эту войну. Тот, кто был гордостью и горем своей расы.

— Бренди мне сказала, что ты любишь рассказы о пиратах. Я знал одного пирата. Только он тогда не был пиратом. Он стал им теперь. Я вырос и пошел в школу, а он вырос и стал пиратом.

— Я боюсь, сейчас не надо, Гун. — Мария совершенно искренне обеспокоилась. — Я думаю, лучше мне позвать врача.

Нивен, к своему удивлению, обнаружил, что тоже беспокоится.

— Ты хочешь, чтобы я вызвал такси?

Что он, черт побери, делает? Мальчишка — сангариец. Цель жизни Нивена — привести этот биологический вид к окончательному решению. Малыши вырастают во взрослых.

— Нет, не надо. Тут над нами живет врач из госпиталя. Я ее не очень хорошо знаю...

— Давай зови ее, женщина. Я здесь справлюсь.

Она поглядела пристально, и что-то в ней на мгновение смягчилось. Скрытая женщина, прячущаяся за той, которую она хотела изобразить, на секунду выглянула. Мария поцеловала его в щеку.

— Спасибо, Гун. — И когда он притянул ее ближе: — Потом. Я вернусь, как только смогу.

Ему нужен был не поцелуй. В этот момент он прицепил ей сзади к воротнику миниатюрный передатчик-хамелеон.

За ней закрылась входная дверь. Нивен вставил себе приемник в ухо, притворившись, что почесался. Хитро улыбаясь,

он тронул себя там, где она его погладила. Могла она ему тоже вставить передатчик?

Не было причины ей выходить за врачом. У нее было достаточное медицинское образование — если в легенде была хоть доля правды.

Он снова улыбнулся. Тактик из Марии был неважный.

— Вы мамин любовник?

Это его удивило. Маленькие девочки таких вопросов не задают.

— Нет пока.

— Ей нужен любовник. Как по-вашему, она симпатичная?

— По-моему, она красавица.

Ему было неловко. Он не знал, как общаться с детьми. Единственным известным ему ребенком был Хорст-Иоганн, сын Юппа.

— Может быть, ей снова нужно выйти замуж. Вы женаты?

Мария дошла до платного коммуникатора и теперь кого-то информировала. Следить за ее репликами разговора и пытаться восстановить ответы невидимого собеседника и одновременно разговаривать с Бренди оказалось невозможным. Он слышал, как Мария просила как следует проверить его легенду. Это значило, что этот раунд за ним. Она усомнилась. Или хотела усомниться, что одно и то же.

— Нет. Так и не встретил той, которая мне нужна.

Ребенок был смелым. Знала ли она, что она — не человек? Возможно. По тому немногому, что он слыхал, у сангарийцев не было детства в человеческом смысле. Их дети не были ни от чего защищены. С ними обращались, как с маленькими взрослыми, и требовали от них соответственного поведения.

— Только я не знаю, нравитесь ли вы мне.

И к тому же честная. Он решил проверить Майкла. Ребенок смотрел на него широкими настороженными глазами.

Он был серьезно болен. Иначе Мария не рискнула бы звать врача-человека. Мало какой риск был для подпольщиков-сангарийцев выше. Иногда врачи могли заметить тонкие межвидовые различия.

Мария с врачом вернулась раньше, чем разговор Нивена с Бренди вышел за грань его возможностей.

А врач, как он заключил, была «прирученной». Она работала с уверенностью и быстротой, которые ее выдавали.

Нивен шепнул Марии:

— Бренди занялась сватовством.

Мария рассмеялась:

— Все время ищет мне мужа. Никак не хочет перестать.

— Кажется, я не выдержал экзамена.

— Не важно. Я второй раз в эту ловушку не попадусь.

— А зачем ты их сюда привезла?

На Старой Земле родители обычно передавали детей в воспитательные учреждения сразу после рождения. Детство Нивена было необычно тем, что он значительную его часть провел с матерью. С ней у него до сих пор был контакт, а вот отца и след потерялся много лет назад.

Сдача своих детей была в обычае и на замиренных внешних планетах. Своими биологическими родителями воспитывались меньше четверти всех детей в Конфедерации.

Мария была шокирована. Ее сангарийское чувство Семьи возмутилось. Но этого она ему сказать не могла.

— Я забыла. Там, откуда ты родом, поступают по-другому. Да, иногда это удобно. Но эти дети мои.

— Не надо объяснять. Назовем это одним из различий между Внутренними Мирами и границей. Я к ним постепенно привыкаю.

Докторша вернулась из спальни.

— Мария, я дала ему антибиотик широкого спектра и антивирус. Ничего серьезного. Пусть побольше лежит и побольше пьет, и за температурой следите — она будет подниматься. Если слишком высоко поднимется, дайте ему аспирин. Термометр вам нужен?

Мария кивнула. Она была просто портретом встревоженной красавицы.

«Отличная работа, леди, — подумал Нивен. — Ты слишком бедна, чтобы позволить себе термометр. А гостей угощаешь настоящим кофе». Он улыбнулся. Она проходит интернатуру по хемопсихиатрии и при этом вынуждена приглашать врача со стороны... У нее что, тайное стремление к смерти?

— Рада была познакомиться, доктор Нивен, — сказала докторша.

— Я тоже.

Он смотрел, как она шла к двери. Не было гордости в ее походке.

— Хочешь поспать, Гун? — спросила Мария.

— Не против.

Но позволят ли это его нервы в самом сердце вражеской территории?

Позволили. Как только он разделся до белья, плюхнулся на кровать Марии и сказал Майклу: «Спокойной ночи, капитан», — свет вырубился.

Он проснулся однажды, когда Мария скользнула в кровать рядом с ним. Он что-то буркнул спросонья и снова отрубился намертво.

Потом он медленно проснулся. Постепенно до него дошло, что короткий день Сломанных Крыльев пролетел незаметно и теперь снова ночь. Он не мог понять, где он, пока не повернулся и не уперся в женщину.

С этого простого движения начались три неистовых дня.

Мария оказалась ненасытной. Единственное подходящее к ней слово было «голод». Он никогда не встречал женщины, которой так был бы нужен мужчина.

Нивен сам себя удивил. Их любовь была дикой, такой яростной, что скорее напоминала битву. Как если бы «И будет проклят вовеки тот, кто первым крикнет «Хватит!».

Казалось, они ничего не делали, только спали и совокуплялись, идя в атаку за атакой в этой войне полов. Внешний мир уже не имел значения.

Но в этом был метод. Была рациональность. Изо всех сил стараясь удовлетворить Марию, которая изо всех сил старалась его отвлечь, Нивен оправдывал себя тем, что помнил, кто она. Он все время убеждал себя, что так выводит из строя руководство противника.

И он знал, что Марией тоже движет не только страсть.

Черт, но какое упоительное время провели они на этих смятых простынях поля битвы!

В промежутках Нивен иногда думал, что сталось с Маусом. Что ж, у Мауса наверняка развязаны руки, чего он всегда и хотел.

Бренди, поняв, что происходит, увела брата в первую же ночь. Они были наверху, у докторши. Майкл, которому стало лучше, иногда заглядывал, бродил по комнате, ничего почти не говоря, и снова уходил. Бренди не показалась ни разу.

— Что это мы делаем? — однажды пробормотал Нивен себе под нос. Они были смертельными врагами. Это был первый закон, закон крови, по которому им полагалось жить и умирать. И они отвергли его или сублимировали его в виде любви...

Он с ужасом думал о конце задания. Отчет... Ему придется отвечать на вопросы. Ему придется давать объяснения.

Нивен храпел. Голова Марии лежала у него на плече.

Дом встряхнулся, как вылезшая из воды собака. Окно треснуло. Загремели по полу кухни столовые приборы. Эхо взрыва отдалось по всей округе. Нивен рывком сел.

— «Д-14», — буркнул он спросонья.

— Что? Что это было?

— Взрыв.

Они оделись почти наперегонки. На треснувшем окне играли отсветы дальнего пожара. Мария выглянула наружу:

— О все святые!

— Что там?

— Склад...

— А?

— Я сейчас вернусь... Что это?

Откуда-то снизу донесся вопль, и сразу за ним — крики и стоны. Нивен узнал этот вопль. Это был Маус в сознании убийцы.

Раньше он заметил игольчатый пистолет, выступавший на тумбочке из-под ее белья. И успел к нему первым.

Дверь влетела внутрь, и в нее ворвался истрепанный, оборванный, окровавленный Маус. Он был так нацелен на действие, что казался три метра ростом.

— Легче, — сказал Нивен, показывая игольчатый пистолет. — Все под контролем, Маус.

Маус был невредим. Вся кровь на нем была чужой.

— Все сделал! — каркнул он охрипшим горлом. — Отправил сообщение. Надо валить эту суку и убираться.

Это было их работой, но... Нивен не мог допустить убийство этой женщины. То, что она — сангарийка, казалось не важным.

— Нет. Нет необходимости. На этот раз — нет.

Маус на глазах понизился. Действие сменилось мыслью. Он посмотрел на оружие Нивена, на женщину.

— Ладно, ты здесь босс, док. Но кое-что я на этом хочу нажить. Где эти чертовы дети?

— Наверху. Но детей я тебе тоже не дам убить.

— Даже и подумать не могу, док. Я бы щенка не утопил. Ты же знаешь старого Джона. Так ты ее свяжи, ладно? Чтобы она за нами не пошла.

Он вышел в дверь, пятясь.

Улицы терзал вой сирен. Рокот собравшейся толпы начинал проникать в комнату.

— Прости, что так все кончилось, Мария. Но дело есть дело.

— Я почти поверила... — Она глядела на него и показалась на секунду маленькой и беззащитной. Ему пришлось напомнить себе, что это — сангарийка, что она превратится в мгновенную смерть, стоит ему чуть проявить неосторожность.

— Кажется, ты успокаиваешь свою совесть. Я не стала бы, повернись игра по-другому. Ты нам уже слишком много принес вреда.

«Не слишком умно говорить такое тому, кто наставил на тебя пистолет», — подумал Нивен. И пожал плечами:

— Может быть. Только это не совесть. Другая слабость. Наверное, нужно быть человеком, чтобы это понять.

И он предоставил ей гадать, что он имел в виду.

Вернулся Маус с детьми и докторшей. По дороге он где-то раздобыл оружие.

— Свяжи этих троих тоже, док.

Докторша была напугана куда сильнее Бренди и Майкла. Люди на периферии бизнеса считали операции организации и против нее куда смертоноснее, чем они были на самом деле.

— Что это ты делаешь, Гун? — спросила Бренди спокойным, лишенным эмоций голосом. Будто ей привычно было находиться под дулом пистолета.

— Бизнес, дорогая.

— А! — И она бросила на мать презрительный взгляд.

— Это Стардастер, — сказала ей Мария.

— И ты ему поверила?

Нивен разорвал простыни на ленты, связал докторшу, потом девочку, потом Майкла.

— Я же тебе говорил, что был знаком с пиратами, капитан.

— Отлично, — сказал Маус. — Теперь дай мне свой пистолет, док.

— Зачем?

— Потому что он мне нужен.

Озадаченный Нивен передал ему пистолет. Маус выбросил его в коридор.

Нивен покачал головой:

— Давай отсюда двигаться. Они не вечно будут в растерянности.

— Сперва еще одно. — Маус сунул свой пистолет под мышку. Вытащив из сумки докторши шприц, он наполнил его из ампулы, которая была у него в кармане. — Это для вашего прадеда, детки. И для всех его братьев и сестер, племянниц и племянников.

— Что это ты делаешь? — спросил Нивен.

— Просто бизнес, док. Платить той же монетой — честная игра, правда? Мы чуть расширим наш рынок. — Он закатал рукав Майкла.

Мария поняла моментально.

— Пиао, нет! Не трогай моих детей! Убей меня, если хочешь, только...

Маус ответил ей зажатой улыбкой:

— Просто бизнес, леди. Заткни ей пасть, док. И поскорее. Нам надо вытащить все барахло раньше, чем флот допрет, где мы отрезали инстелную связь.

Нивен вдруг понял, что собрался сделать Маус.

— Эй! Нельзя же... — Он хотел остановить это, возразить, запретить, но смешался при упоминания флота. — Звездная пыль?

Маус кивнул со злобной улыбкой. Рука его была вблизи оружия.

— Ох ты!

Как может быть человек таким жестоким? Это же самый худший вид убийства!

Марии пришлось заткнуть рот. Ее крики могли привлечь внимание...

Полуоглушенный Нивен заткнул ей рот кляпом. Тело под его пальцами казалось ледяным. Он чувствовал, как кипят в ней гнев и ненависть. Ее затрясло. Он подумал, что у нее эпилептический припадок.

Маус сделал детям укол. И все та же злобная улыбка играла у него на губах. Он был счастлив своей жестокостью.

Откуда в нем столько ненависти?

— Давай, док. Они уже едут. Слышишь?

Шум толпы и сирены уступили место грохоту десантных модулей, вторгшихся в атмосферу. Атмосфера выла, протестуя.

Юпп шел к своей цели.

Кто-то сунул голову в дверь. Маус выстрелил, промахнулся, прыгнул в коридор и выстрелил снова.

— Док, ты идешь наконец?

— Мне очень жаль, Мария. Действительно жаль. Но таков ход вещей.

Он на ходу споткнулся об игольчатый пистолет, перепрыгнул через свежий труп и бросился за Маусом к пожарному выходу.

Позже, наблюдая из толпы, как силы вторжения вливаются в шлюзы города, Нивен спросил:

— А что это за фигня насчет убраться, пока флот нас не нашел?

— Считается, что мы с тобой — Стардастер и Пиао, ты забыл?

— Но ведь они будут знать, когда...

— Еще не сразу. Смотри.

Вторгшиеся в город космические пехотинцы были одеты в полевое снаряжение, но это не был мундир Службы. Нивен такого никогда не видел.

Маус тщательно выбрал место ожидания. Человек, нагруженный сознанием собственной значимости, шел прямо к ним.

— Мистер Пиао? — Он старался не смотреть на Нивена. В его манере поведения смешалось уважение, отвращение и страх. — У вас есть материал для моих офицеров?

— Что есть, то есть, полковник. — Маус протянул ему толстый пакет. — Мои поздравления. Ваши люди не хуже наших.

Полковник побагровел, рот его распахнулся, но он успел себя сдержать.

— И более того, мистер Пиао. Как вам когда-нибудь доведется узнать.

— Все возможно для того, кто верит. — Полковник пролистал пачку бумаг и начал раздавать собравшимся за ним офицерам. — Поплывем, док. Дальше они справятся.

Нивен не пропустил настороженности в глазах пехотинцев.

— Что это за чертовщина тут произошла?

— А, они тоже думают, что мы — Пиао и Стардастер. Они считают, что мы договорились с Луной-Командной, чтобы опрокинуть сангарийцев и захватить их сеть.

— А зачем вся эта дымовая завеса?

— Нужно поддерживать жизнь легенды о Стардастере, по крайней мере пока Юпп не нанесет удар. Иначе они могут эвакуировать свои фабрики. Кстати, я хотел сказать, что ты проделал классную работу, когда все это раскопал. Старик будет от тебя в восторге.

Нивен на это не среагировал.

— Слишком все это для меня по-византийски. А сангарийцы потом должны догадаться, что это была космопехота? И потом сообразить, что мы не сказали ничего о фабриках, потому что это отрезало бы поставки нам?

— Это что! Вот погоди, пока Старик вставит тебя в по-настоящему хитрую схему.

— Мистер Пиао? — спросил подошедший сержант.

— Да.

— Не соблаговолите ли следовать за мной, сэр? Ваш транспорт.

Их окружили космические пехотинцы. «Предосторожность против попытки убийства», — подумал Нивен. Награды за их головы никто не отменял.

Из города доносились звуки отдельных стычек. Считая, что налет совершили люди Стардастера, приспешники сангарийцев будут драться насмерть. О жестокости Стардастера по отношению к коллаборационистам ходили легенды.

Пехотинцы отвели их к бронетранспортеру, выделенному специально для них. Он загрохотал по дороге к порту.

— Знаешь, Маус, у меня такое чувство, что адмирал добавил еще пару-тройку поворотов сюжета — просто для интереса. Что будет, когда Стардастер узнает, что его имя кто-то использовал?

У Мауса было прекрасное и общительное настроение. Он прекрасно завершил день. Он вырезал свое имя на самой душе сангарийцев и разгромил их дом преступления.

— Скажу тебе один секрет, док. Если ты мне обещаешь, что даже Старик не будет знать, что ты его знаешь. — Он бросил на Нивена испытующий взгляд.

— Ладно, даю слово. Так что?

— Ты и в самом деле Стардастер.

— Как?

— Стардастер. А я — Пиао. Все это придумал Старик. Стардастер — это любой, на кого он покажет пальцем и скажет: «Ты!»

— Ну, черт. Спасибо, что сказал, Маус. А то я был напуган до чертиков, что этот сукин сын выползет из леса и перережет мне глотку. После отчета мне полагается годичный отпуск. И, черт меня побери, как только кончатся допросы, я...

— Не раскатывай губу, док. По крайней мере пока работаешь на Старика.

23 октября 3047 года. Капитан первого ранга Юпп фон Драхов, командующий четвертым специальным экспедиционным корпусом с приданным к нему тяжелым осадным крейсером, пользуясь фактором внезапности, провел акцию против сангарийских фабрик, скрытых во внутреннем поясе астероидов звезды дельта Шеола — белого карлика в звездном скоплении так называемых Адских Звезд. Уничтожение было быстрым, эффективным и полным. Одновременно с этим агенты полиции Конфедерации и местные полицейские силы уничтожили сеть распространения наркотика, базировавшуюся на Сломанных Крыльях.

Адмирал Бэкхарт одержал полную и решительную победу в этом раунде борьбы со старейшим и самым опасным противником.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:
3048 н.э.

ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», БОРТ «ДАНИОНА»

Бен-Раби стал протискиваться в свою каюту, все еще глядя на сангарийку.

— Надо было мне завалить ее на Сломанных Крыльях, — проворчал Маус. — Тебе надо было...

Он так и не простил Мойше его слабости, из-за которой сангарийка осталась в живых.

— Терпеть не могу убийств на всякий случай, Маус.

— Да? Тогда оглянись и подумай еще немного. Сколько мерзостей она уже могла натворить?

— Ладно. Тогда в этом есть свой извращенный смысл. Если представить себе, что этот призрак Сломанных Крыльев будет тебе являться.

— Будет. И уже является. Может быть, я это урегулирую...

Бен-Раби покачал головой:

— Не здесь. И не сейчас. Не после того, что с нами только что было.

— Я же не имел в виду прямо сейчас. Я не идиот, Мойше. Это будет выглядеть несчастным случаем.

— Брось, Маус.

Маус был недоступен жалости.

«Мне бы тоже следовало быть каменным, — подумал Мойше. — Но нет у меня того дара ненавидеть».

— Ей бы лучше действовать быстро, когда мы снова сядем на твердую землю, — буркнул Маус. — Второй раз я ей уйти не дам... Хочется мне думать, что мы найдем Метрополию сангарийцев, пока я еще жив.

Бен-Раби ощутил укол зависти. Маус знал, каков его Граль. И его ноги твердо стояли на пути к этому Граалю, хоть это была чаша, полная крови.

— Ради тебя я тоже на это надеюсь. — Мойше тихо и горько рассмеялся. Иногда ему приходилось это делать, чтобы не заплакать. — Пока.

Он вошел в каюту.

У него была надежда, что за год, который им придется провести в этой клетке, Маус смягчится, но боялся, что расчета на это мало. Мария не даст времени. Память о ее детях будет ее подстегивать...

Ненависть Мауса была старой и сильной и куда глубже, чем обычно могла развиться в культуре Конфедерации. Если он в самом деле из Штормов, это все объясняет. Штормы из Железного Легиона смотрели на вещи с библейской старомодностью.

Семья была уничтожена кознями сангарийцев во время войны на Теневой Линии. Но даже не обязательно Маусу быть Штормом. Его ненависть вполне могла питаться звездной пылью.

«Убийственный восторг и сон, что жжет дотла», — так назвал Чижевский этот наркотик за секунду до того, как собственная наркомания ввела его в огромный и бесконечный сон смерти. Этот наркотик был главной чумой эпохи и касался жизни почти каждого человека. Он унес больше жизней, чем Улантская война.

Звездная пыль была мечтой торговца. Привыкание возникало мгновенно. Один приход — и клиент на мертвом крючке. Наркоман не мог сократить дозу. Тем более не мог бросить. Не мог заменить пыль каким-нибудь менее страшным наркотиком.

Для небогатого жителя внутреннего мира наркомания кончалась плохо: самоубийством, гибелью при попытке раздобыть денег на очередную дозу или смертью в постоянной схватке между наркоманами, у которых есть, и наркоманами, у которых нет. А часто конец приходил медленно, мучительно, с дикими криками в больничных палатах, где персонал ничего не мог сделать, только смотреть и защищать мир, держа наркомана под замком и пытаясь одеть свое сердце каменной броней.

Мерзкие стороны звездно-пылевой наркомании абсолютно не трогали совести сангарийцев. У них был продукт, который надо продавать, и стеллары, которые нужно пускать в оборот.

Они не были жестоки по природе. Просто они в людях видели только скотов, которых надлежит использовать. Разве скотовод, мясник и покупатель жестоки к говядине? Сангарийцы ставили своих клиентов все же выше скота — скорее рассматривали их как европейцы эпохи Возрождения — африканских негров. Полуразумные обезьяны.

Бен-Раби думал о своем напарнике, лежа на койке и глядя в потолок. Маус утверждал, что все его задания были направлены против сангарийцев. До сих пор так и было, и Маус преследовал их с яростным усердием, с жестокими мелкими действиями — такими, как инъекция детям Марии. Но что он делал здесь, сейчас, работая против звездоловов? Это не просчитывалось.

Слушая сообщения о рейде фон Драхова, Маус взмывал душой в облака, будто и сам был наркоманом.

Сангарийцы были демонами эры Конфедерации. Они с легкостью выдавали себя за людей. Их Метрополия, родная планета, была где-то вне Рукава. Ходили слухи, что они могут размножаться лишь под своим родным солнцем. Сангарийцы почти ничего не производили. Они предпочитали пиратские рейды, торговлю наркотиками, рабами и оружием.

Конфедерация их не выносила. Их главной жертвой был человек. Другие расы считали их всего лишь докучной помехой.

Кто-то тихо постучался в его каюту.

— Войдите! — ответил он. — А, Маус. Я так и думал, что это ты.

Это была их первая встреча с Маусом после допроса у Киндервоорта.

— Весть разошлась, — сообщил Маус. — Все уже знают, что мы злобные, коварные, плохие, порочные, мерзкие, грубые, невоспитанные и несимпатичные шпионы. — Он засмеялся.

— Вести разнесла сангарийка, как я понимаю?

— Может быть. А не хочешь выйти и посмотреть, что творится? Можно позабавиться. Черт побери, можно подумать, что мы редки, как динозавры, и воняем, как скунсы.

— А мы не воняем? В моральном смысле?

— Ах, Мойше! Да что это с тобой сталось в последнее время? Эх ты! Надо бы тебе увидеть, как наши конкуренты хихикают в рукав. Но последними будем смеяться мы. Они уже тоже на пути туда же. Ребята Киндервоорта отловили сегодня утром несколько лазутчиков корпораций — точно так же, как поймали нас. Они знали, где искать. Похоже на то, что они знали всех, кроме Штрехльшвайтер.

— Маус, у них есть крот на Луне-Командной. И глубоко.

— Это именно то, что я решил. Единственный ответ на все вопросы. Мойше, надо бы тебе видеть поведение этих ребятишек. Будто они на сто голов выше нас. Бедняжки невинные. Знаешь эту Уильямс? Я ее шокировал до чертиков. Спросил, какова ее цена. Она не поняла. Это истинная невинность.

— Ах, молодость! Маус, где наша невинность и идеализм? Помнишь, как было в Академии? Мы собирались спасать вселенную!

— Кто-то нашел нам цену. — Маус помрачнел и плюхнулся на соседнюю койку. — Нет, это не совсем правда. Мы же именно это и делаем. Просто средства для этой работы оказались не те, что мы думали. Мы не понимали, что все, что получаешь, на что-то выменяваешь, и всегда, когда мы меняем порядок вещей на тот, который, по-нашему, должен быть, мы делаем это за чей-то чужой счет... Черт, ты и меня в это втравил!

— Во что?

— Заставил думать. Мойше, что с тобой сталось? Ты всегда был парень задумчивый, но таким я тебя никогда не видел. С самого старта с Карсона...

Внутренняя оборона бен-Раби сыграла «в ружье». Он не мог позволить себе открыться. По двум причинам: во-первых, этого вообще нельзя сейчас делать, и во-вторых — потому что сам точно не знал, что с ним происходит. И он скрыл стены Festung Selbst* за дымовой завесой полуправды.

— Просто я расстроен. Может, потому что накрылся мой отпуск. Может быть, из-за матери... У меня был полный мешок вещей, которые я хотел отвезти домой. Марки и монеты, которые я нашел в Корпоративной Зоне. Кое-что я привез и со Сломанных Крыльев. Резьба по кости с Трегоргарта, и бабочки с Новой Земли, которые в другом месте стоили бы состояния...

— Темнишь, мой друг. Темнишь. — Маус остро смотрел на него из-под опущенных бровей. — Я тебя не так плохо знаю, Мойше бен-Раби. И знаю, когда тебя что-то на самом деле достало до печенок. Ты лучше что-нибудь с этим сделай, а то, если будешь держать это в себе, оно сгрызет тебя заживо.

В одном Маус был прав. Они хорошо узнали друг друга. Слишком хорошо. Маус теперь видел его насквозь и хотел помочь.

— Может быть. Когда у тебя следующий шахматный турнир? Приду проиграть пару партий.

Маус поморщился. Он умел распознать дымовую завесу.

Черт, чуть не сорвался!

Маус кинул взгляд на «Иерусалим», над которым работал бен-Раби.

---

* Крепость собственной сущности (*нем.*).

— Ладно, Мойше, я не хотел лезть тебе в душу. — Он встал. — Не знаю, будут ли у нас еще турниры. Киндервоорт говорил, что мы придем к «Даниону» где-то сегодня вечером. Потому-то я и зашел. Думал, тебе будет интересно знать.

Бен-Раби просиял.

— Вот и отлично! — Он сложил листы «Иерусалима», встал и начал ходить по каюте. — Ожидание меня стало доставать. Приятно будет чуть поработать.

Рандеву с траулером прошло абсолютно без помпы. Ни духового оркестра, ни любопытных толп в приемном ангаре. Присутствовали единственно те сейнеры, которым было поручено показать наземникам их жилье и проинструктировать насчет рабочих обязанностей. Никто из должностных лиц их приветствовать не вышел. Мойше был разочарован.

Его проводник показал ему каюту и сказал:

— Устраивайтесь побыстрее. Сейчас у нас полночь. Я приду рано, чтобы помочь вам в первый день.

— Понял. Спасибо, Пол.

Мойше внимательно посмотрел на своего гида. Этот человек был таким же, как все сейнеры, которых он уже видел.

Человек тоже внимательно на него посмотрел, стараясь преодолеть свои предубеждения.

— Спокойной ночи, мистер бен-Раби.

— До свидания. Утром увидимся.

Но вышло по-другому. Вместо этого человека появилась Эми и взяла бен-Раби и Мауса под свое крыло.

— Будете за нами приглядывать? — спросил Маус.

Она слегка покраснела.

— В определенном смысле. Ярл сказал, что хочет держать вас вместе, чтобы легче было за вами наблюдать.

— Да вы не смущайтесь. Мы понимаем.

— Это не моя специальность, капитан Шторм. Я водопроводчик, а не контрразведчик.

— Зовите меня Маус, если нетрудно. Или мистер Ивасаки.

— Как хотите. Пусть будет Маус. Вы готовы позавтракать? — Она повернулась к Мойше.

— Я по-прежнему Мойше бен-Раби, ладно? Да, конечно. Я готов съесть три завтрака.

Работа началась сразу после выдачи инструментов и краткой инструкции о том, как находить дорогу на корабле. И ее все время было много.

Под тяжестью рабочей нагрузки следующей недели Мойше забыл о своих душевных переживаниях. Воспоминания, грызшие подбрюшье его души, исчезли из сознания. Он плыл по течению, не думая, не наблюдая, не спрашивая. Все время он был или слишком занят, или слишком утомлен. Сейнеры сдержали обещание заставить наземников работать.

Тот выверт сознания, который представал перед ним в образе пистолета, иногда его беспокоил, но лишь слегка, когда он задумывался во время замены негодных труб или поврежденных расходомеров. Он отлавливал это видение, играл с ним, наворачивал вокруг него грезы наяву. Это помогало убить время.

Тяжелая и непрерывная работа снова вернула ему ощущение жизни.

— Что-то здесь странное происходит, Маус, — шепнул он однажды, когда Эми не слышала.

— Что именно?

— Корабль совсем не так поврежден, как нас хотят заставить думать. Оглядись.

— Мне трудно сказать. Я никогда не служил в летном составе. Все, что я знаю о кораблях, — это что ты на него залезаешь, а потом слезаешь где-нибудь в другом месте.

— Сухой остаток таков, что здесь действительно много повреждений, но ничего, что могло бы вывести из строя корабль такого размера. И они могли бы справиться с этим сами. Потратили бы на это пару лет.

— Значит?

— Значит, мы здесь по какой-то другой причине. Моя интуиция принюхивается к этому еще с самого Карсона.

— Зачем им привлекать посторонних, если в этом нет абсолютной необходимости?

— Не знаю. Единственная причина избыточного комплектования экипажа — это иметь дополнительный персонал для замены боевых потерь. Но для корабля такого размера ни двести человек, ни даже тысяча ничего не значат. И с кем будут воевать сейнеры? С Конфедерацией? Уж тогда точно без такой мощной пятой колонны на борту.

— Давай не будем торопиться. Докопаемся. Как бы они ни надеялись, они не смогут скрывать все и все время.

— Хватит. Эми идет.

«Странно, — подумал он. — Мауса абсолютно не заинтересовал вопрос о мотивах звездоловов».

Первая неделя бен-Раби не обошлась и без колючек. Каждая встреча с сангарийкой была кризисом. И отсутствие той уверенности в цели, которая делала реакции Мауса предсказуемыми, уязвляло Мойше сомнениями в собственной полноценности.

Она не пыталась его провоцировать. Она знала, что он будет только смотреть на нее задушевно и переживать ту боль, которую ей причинил.

На перекрестке коридоров она появилась лишь на секунду позже Эми.

— Черт! — выругался Мойше. — Опять она!

— Держи меня, Мойше.

— Ладно, напарник. Будешь у меня еще одной головной болью.

— А, опять Крыса! — Сангарийка стояла, уперев руки в боки, провоцируя его на действие. За ней стояли несколько идеалистически настроенных ребят. Она им скормила упрощенный антишпионский комплект для дураков. — Что за неприятный сюрприз! Зарезал уже кого-нибудь, шпион? Тут полно неконфедератов; ты должен быть счастлив, как кабан по колено в помоях.

«Интересная метафора», — отметил Мойше. Наверняка выбрала специально для парней с Трегоргарта. Юнцы озадаченно переглянулись. Они вполне разделяли ее взгляды и сами были народом грубым, но их общество научило их, что слишком много хамства может привести к гибели. Трегоргарт был планетой суровой.

— Так можешь начать с меня. Ты же знаешь, что я думаю о вашей фашистской военной диктатуре. Или кишка тонка?

Она отлично знала, что нет, но рассчитывала, что он не станет действовать при свидетелях — или что она его завалит, если он попробует. Она себя обманывает, подумал бен-Раби. Она считает Мауса одним из тех, кто бьет только в спину. А он умел много больше. Два десятилетия обучения и несколько тысяч лет боевого опыта сделали из него совершенную живую машину убийства.

Мойше не знал ни одного вида оружия или системы рукопашного боя, которыми Маус не владел бы лучше кого бы то

ни было жившего когда-либо на свете. Если не выхватить револьверы, то мало что могла бы сделать она со всей своей шайкой, выйди Маус из себя.

Бен-Раби ощущал, как Мауса просто корежит показать ей, что почем. Но его партнер владел собой. Это тоже входило в его подготовку.

Бен-Раби пришлось и самому слегка взять себя под контроль. Поведение этой женщины уменьшило его сочувствие.

Она играла в куда более опасную игру, чем сама думала. Если она не отступит, игра повернется против нее.

Бен-Раби был уверен, что она действует по тщательно разработанному плану. Сама ее уверенность ее выдавала.

Но она была уязвимой. И ее ахиллесовой пятой была ее ненависть. Бен-Раби знал наверняка, что Маус этим воспользуется...

— Мисс Гонзалес! — вступила в разговор Эми. — Вы уже закончили? У нас есть работа. И я предложила бы вам вернуться к вашей, пока еще нет повода справляться о причине вашего отсутствия у вашего начальника.

Сангарийка отступила. Она не была готова рисковать своим заданием.

— Дураком себя чувствую, — сказал вполголоса бен-Раби.

— Я тоже, — ответил Маус, опустив глаза. — Я не смогу все время это терпеть, Мойше.

И тогда Эми им сказала:

— Я рада, что вы сдержались. Тут только драки нам не хватало.

Она интересовала бен-Раби. Он часто на нее смотрел, когда она не видела. Сейчас он был рад, что она не побежала за полицейскими. Она была не из таких, и у Мойше в глубине сознания уже начали возникать относительно нее замыслы.

Когда Эми пошла добывать какой-то специальный ключ, Маус, склонившись над схемой, пестрящей черными крестами, указывающими точки неисправностей, сказал сквозь зубы:

— Становится трудновато, Мойше. Я понимаю, что она делает, но... Она старается заставить нас изъять самих себя из игры.

— Держись.

— Когда-нибудь ночью я...

Неутомимый Маус. После работы бен-Раби еле хватало сил поесть и плюхнуться в койку. А Маус куда-то ходил, вертелся среди людей, заводил знакомства (в основном среди женщин) и находил новые интересы. Он, как губка, впитывал каждый бит информации, который ему попадался.

Последнее, что его заинтересовало, был среднеамериканский футбол, популярный среди сейнеров. Их прибытие как раз пришлось на начало сезона. Интерес Мауса давал ему повод шнырять вокруг.

Мойше боялся. Когда станет привычным, что Маус все время бегает по кораблю, он может организовать фатальную встречу с Марией где-нибудь подальше от невзыскательных зрителей партера.

Мойше колебался, не следует ли ему поймать Марию и заставить ее понять.

Он помнил Сломанные Крылья.

Ее главной целью был он. Она хотела добраться до него через Мауса. Рана, которую нанес ей он, была более личной, более уязвляющей самолюбие, чем то, что сделал Маус. По ее разумению, в том, что случилось с ее детьми, виноват был он. Он мог это предотвратить.

Ему придется посматривать, что у него за спиной. Маус был не единственным, кто мог бы организовать инцидент.

— Она одна? — спросил Маус. — Они любят работать с сильной поддержкой.

— Я пока никого не высмотрел. Может быть, они рискуют. Что мне интересно, это зачем она здесь? Все остальные уже что-то попытались сделать. А она только и делает, что мерзко себя ведет.

— Она ждет.

— Чего?

Маус пожал плечами:

— Боюсь, мы это узнаем на собственной шкуре.

— Есть мысль, — сказал Мойше. — Только сейчас ко мне пришла. Способ ее предупредить.

— Как?

— Завтра выходной. Помнишь, они обещали один день в неделю? Завтра будет первый.

— И?..

— Эти ребятки. Ты же знаешь трегоргартцев. Они вызывают каждого на турнир с выбыванием в боевых искусствах.

Как ты думаешь, ты с ними справишься? Так, чтобы никого не поломать?

Маус задумался:

— Не знаю, не разучился ли я бить вполсилы.

— Ребятам это тоже будет полезно.

Вдали от дома трегоргартцы несколько распускались. Родная планета выучила их, что человек, не вступающий в драку из-за косого взгляда, — трус. После пары хороших взбучек они быстро цивилизовались.

— Даст им повод еще раз задуматься, давать ли ей себя в это дело втягивать, — рассуждал бен-Раби. — И надо им знать, что у нее свои цели.

— Они отступят, если будут знать, что я опасен?

— Надеюсь. Ее главный рычаг влияния на них — секс. Один из них каждое утро выскакивает из ее каюты.

— Кто из чьей каюты выскакивает?

Это вернулась Эми.

— Так, сплетни, — ответил Мойше. — Одна из девушек поставила это дело на конвейер.

— Наземники! Правду говорят, что вы совсем безнравственны.

Мойше воздержался от замечания, что сейнеры, кажется, так же свободны в этом смысле, как и его народ. Чопорность Эми была личной чертой, а не свойством ее культуры. Она была единственным известным ему звездоловом, который нес всякую чушь насчет морали.

Но Маус не промолчал.

— А когда вы потеряли свое, Мисс Нравственность?

— А? Свое — что?

— Свое сокровище. Вы не более чисты, чем воздух Старой Земли.

Она раскраснелась, стала брызгать слюной, что-то бормотать насчет того, что все наземники одинаковы.

— Это вы правы. Все мы — сатиры и нимфы, вся наша шайка. — Маус облизнул губы, подмигнул и спросил: — А что вы делаете сегодня вечером?

Бен-Раби усмехнулся. Маус ее дразнил, как делал уже всю неделю, но она этого не понимала. Когда он действительно хотел женщину, подход у него был куда тоньше.

У нее что-то внутри щелкнуло, как бывало всегда, когда Маус вынуждал ее переходить к обороне. На поверхность выступала другая, куда более холодная личность, которая проносила ее мимо скользкого места.

— Ложусь спать. Одна. Вы уже решили, где резать эту водоводную магистраль? — И еще одна быстрая перемена темы: — Ах да. Ярл велел вам сказать, чтобы наточили зубы. Он приведет несколько человек с вами поиграть. К тебе тоже относится, Мойше.

Маус стал чемпионом служебного корабля-3 по шахматам. Сейнеров это расшевелило. Они очень любили эту игру и с охотой принимали вызов.

— А я почему? Я же плохо играю.

— Лучше, чем ты думаешь. И вообще мы любим, чтобы каждый выяснил свое место в борьбе.

Ее твердая холодность испарилась так же быстро, как появилась.

— Я хотел сходить в Двадцать Третий Западный. Если мне позволят. — Этот повод он взял с потолка, чтобы защитить свое самолюбие. Он не любил постоянно проигрывать, даже в играх. — Я слыхал, что там у одного парня есть старые английские монеты. Викторианские.

Лицо Эми выразило недоумение.

Маус рассмеялся:

— Вы не знали? Мы оба сумасшедшие коллекционеры. В основном монет и марок, потому что их легко таскать с собой.

Нахмуренная Эми напомнила бен-Раби Элис. У них было очень много общего в выражениях лица.

— Кажется, вы вообще во всем сумасшедшие. Шахматы. Архаизм. Коллекции. Футбол и женщины.

— Это уже только он, — отмежевался бен-Раби.

— А как насчет людей?

— Разве женщины не люди? — возразил Маус.

Она лишь покачала головой. Она была звездоловом, а звездоловам этого не понять. Для них даже архаизм был всего лишь хобби. Наземники погружались во все что угодно, лишь бы не привязываться к людям. Люди делают больно. И растущая близость между Маусом и бен-Раби, и явная дружба, ко-

торая возникала между другими чужаками, Эми приводила в недоумение. Она не могла понять, как им недостает глубины во времени.

Критическое различие между конфедератами и звездоловами заключалось в отношении к постоянству. Идея близких отношений, которые могут быть разорваны быстро и безболезненно так же легко, как возникли, звездолову была абсолютно чужда. Но они жили в замкнутой и статичной культуре, где в своей жизни бывали знакомы со строго ограниченным числом людей. Дружеские отношения подразумевались пожизненными.

Бен-Раби настороженно ожидал завтрашнего дня. Изоляция наземника в дальней жилой ячейке снижала культурные трения в течение всей недели. Но Киндервоорт, у которого идея с чужаками была любимым детищем, собирался сделать выходной день гигантским сборищем, и на путях наземников встретится поток сейнеров. Все еще пытается, чтобы каждому нашлось место в обществе, предположил Мойше. Киндервоорт был мыслящим, замечательным полицейским. Может быть, этот человек ему еще понравится.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ:
3047 н.э.
БЫЛЫЕ ДНИ, ПРАЗДНОВАНИЕ ПОБЕДЫ

— Макс! Ну, ты и красавица!

— Тебя это удивляет, Уолтер?

— Ох! Я не имел в виду... просто я никогда не видел тебя так одетой.

— Это еще что! Кстати, я замечаю, что ты тоже несколько переменился, капитан. — Она со значением посмотрела на двойные протуберанцы на его высоком воротнике. — Кажется, ты говорил, что ты дипломат?

— Флотский атташе. Ты же это знаешь.

— Нет, я не знала. Флотский атташе. Это то же самое, что главный шпион? Бюро разведки флота?

Перчевский покраснел.

— Не все. Только некоторые...

— Не обращай на меня внимания, Уолтер. Я просто думала вслух. Это объясняет кое-какие загадки вокруг тебя.

— Загадки? Вокруг меня? Брось, Макс, во мне загадок не больше, чем в бревне. Вот мы и пришли.

Десантник принял его идентификационную табличку и вложил в щель, глядя на экран, который им не был виден.

— Благодарю вас, сэр. С вами мисс Треверс, сэр?

— Да.

Часовой снова посмотрел на экран:

— Благодарю вас, сэр. Сэр, мэм, желаю приятно провести вечер.

— Мэм? — переспросила Макс. — Я такая на вид старая?

— Брось, Макс.

— А меня он проверять не будет?

— Он тебя уже проверил. Все в порядке. У тебя нет бомбы в сумочке.

— Спасибо тебе. Чему вас только в Академии учат? Почему офицеры не бывают так вежливы, как этот симпатичный молодой солдат?

— Ты же только что жаловалась... Макс, у тебя сегодня настроение возражать. В чем дело?

В гардеробной он сдал свой военный плащ капралу-десантнику и помог Макс снять накидку.

— Я чуть боюсь, Уолтер. Я никогда близко не подходила к клубу Командования. Понятия не имею, как разговаривать с сенаторами и адмиралами.

— Знаешь, что я тебе скажу, Макс?

— Что?

— Я тоже здесь никогда не был. Так что мы вместе теряем девственность. Но вот что я тебе еще скажу. Адмиралы и сенаторы тоже иногда наступают на собственные шнурки, как и мы, и все они будут лапать твою ногу под столом, точь-в-точь как я.

— Мужчины или женщины?

Она взяла его под руку, и они вошли в Большой Бальный Зал. Она вцепилась крепче.

— Как ты сегодня выглядишь — и те, и эти.

Он остановился. Стен не было. По всему периметру комнаты, скрадывая ее размеры, разместились движущиеся голограммы. Портреты самых мощных кораблей флота были со

всех сторон, только снизу не было. Перчевский автоматически оглядел звездное небо, но не нашел ни одного знакомого созвездия.

Макс вцепилась в него почти до боли:

— Я как будто падаю, Уолтер.

Локальное притяжение было снижено до нормального лунного, чтобы усилить эффект глубокого космоса.

— Кто-то действительно постарался, — буркнул Перчевский.

— Капитан-лейтенант? Мэм? — Еще один вежливый десантник. — Позвольте проводить вас к вашим местам?

Народу в зал набилось много.

— Разумеется. Сколько здесь сегодня человек, капрал?

Ему начинало становиться тревожно. Он все еще не знал, почему его сюда вызвали.

— Около двух тысяч, сэр. Сюда, сэр. — Десантник подтянул стул для Макс.

— Но... — Перчевский посмотрел на лица своих соседей по столу, и его челюсть отказалась вернуться на место.

Некоторых он знал лично. Начальника штаба флота и директора разведки флота он узнал по головизионным изображениям в новостях.

Макс тоже их узнала. Она придвинулась к нему и шепнула:

— Кто же ты такой на самом деле, Уолтер?

Она была так поражена, что не могла поднять глаза на важных шишек.

Перчевский был поражен не меньше.

— Сам начинаю интересоваться.

— Томас?

Только один человек упрямо называл его этим именем. Перчевский заставил себя поднять глаза и встретил взгляд своего шефа.

— Да, сэр? — Он бросил косой взгляд на Мауса, который уже с интересом разглядывал Макс, одновременно шепча что-то на ухо своей спутнице.

— Как жизнь, Макс? — спросил Маус.

— И ты тоже здесь, Ямамото?

— Томас, начальник штаба флота и директор Бюро хотят быть тебе представлены.

— Да, сэр.

Он избегал взгляда адмирала, рассматривая места, которые до сих пор пустовали. Обходя вокруг стола, он пожимал руки важным шишкам, пока Бэкхарт произносил слова представления.

— Вот этот человек, — сказал Бэкхарт. — Он сделал все это возможным.

— Поздравляю вас, капитан-лейтенант, — сказал Перчевскому начальник штаба. — И благодарю вас. Я думаю, вы получите мечи с бриллиантами. Не говоря уже о премии.

Перчевский не мог скрыть замешательства.

«Они говорят о той операции, — понял он. — Мечи с бриллиантами к Лунному Кресту? Еще пара побрякушек. За эту медаль плюс пятьдесят пфеннигов можно купить чашку дешевого соевого кофе. А без медали — за полконмарки».

— Спасибо, сэр. Но я бы предпочел отпуск, сэр.

Собственная дерзость удивила его даже больше горечи в собственном голосе.

Директор Бюро впилась взглядом в Бэкхарта:

— Опять ваши фокусы с людьми, адмирал?

— Простите, мэм?

Перчевский ухмыльнулся. Ради того, чтобы попасть сюда и увидеть это выражение на лице адмирала, стоило выполнить задание.

— Этот человек явно не имеет ни малейшего понятия, что он здесь делает.

Перчевский подлил масла в огонь, кивнув из-за спины своего шефа.

В присутствии своего начальника Перчевскому приходилось находиться редко, но ему и этого хватало. Адмирал пробуждал в нем непреодолимое упрямство.

— Это скоро станет ясно, — сказал Бэкхарт. — Я просто думал, что это будет приятным сюрпризом. Возвращайся к своей даме, Томас. Я вижу, она знакома с Маусом.

Уходя, Перчевский слышал, как директор Бюро приказала:

— И проследите, чтобы им дали отпуск. Вся человеческая раса вашего темпа не выдержит.

— Да, мэм.

Перчевский вздрогнул. Да, он получит отпуск. И он за это заплатит. Адмирал взыщет с него с процентами.

— Что это все вообще значит? — спросила Макс. — У тебя был такой вид, будто они сейчас позовут расстрельную команду.

— Они хотят дать мне медаль. Знаешь, я насчет медалей думаю... Мне кажется, это не награда.

— За выздоровление от вируса? — Макс саркастически усмехнулась.

Высокое начальство вдруг замолчало. Люди стали вставать. Маус прекратил игру в пальчики, которую вел со своей спутницей. Перчевский обернулся:

— Юпп!

Фон Драхов выглядел постаревшим и усталым. С последней их встречи лицо его слегка обрюзгло.

— Привет, Том!

Больше он пока ни с кем не поздоровался.

Голограммы исчезли. Перчевский увидел скрывавшихся за ними корреспондентов и операторов.

— Начинаю понимать, — буркнул он.

— Что? — спросила Макс.

— Леди, вам предстоит увидеть всю мощь пропагандистского аппарата Луны-Командной в действии.

Фон Драхов плюхнулся на пустой стул.

— Маус! — сказал он вместо приветствия. — Том, ты видел Хорста-Иоганна?

— Извини, Юпп. Еще не имел даже шанса, — ответил Перчевский. — Как слетали?

— Как ведьма на помеле. Все впритык. А потом меня дернули сюда, не дав даже возможности... — Он посмотрел на ранг сидящих с ним за одним столом, откинулся на спинку и закрыл глаза.

— Кто это? — шепнула Макс.

— Юпп фон Драхов. Мы с ним одноклассники по Академии.

— Он сейчас занимался тем же, что и ты?

— Да, в некотором смысле.

Флотские стюарды начали подавать обед. Это была еда в стиле шведского стола, когда можно выбрать себе с подноса блюда с различных миров Конфедерации.

— Как хочешь, но не пропусти январское вино, — сказал Перчевский. — На таких мероприятиях его всегда не хватает.

— А ты говорил, что никогда здесь не бывал.

— Маус бывал.

— Маус?

— Ямамото.

— О? Ты и его знаешь?

— Мы с ним тоже одноклассники.

Голокамеры завизжали и скрылись за новой голограммой.

Это уже не была анимация. Это было ускоренное воспроизведение событий, показанных внутри дисплейного аквариума военного корабля.

Дружественные зеленые отметки приближались к здоровенному астероидному обломку, кружащемуся вокруг белого карлика. Со всех сторон блестели другие белые карлики. Перчевский почти ощущал жар и удары солнечного ветра.

— Адские Звезды, — сказал он про себя. — Так вот где это было.

Астероид начал искриться. Большие красные блики взлетели с него под прикрытием бури красных точек.

За ними погнались быстрые зеленые торпеды. Астероид сверкал.

— О Господи! — выдохнул Перчевский.

— Что такое?

— Это был арсенал.

Макс не поняла. Она была флотской в нескольких поколениях, но сама никогда не служила.

— Что там происходит, Уолтер или как там тебя зовут?

— Это там, где был Юпп. Нам показывают запись боя с дисплея.

Корабли Конфедерации начали штурм. Корабль Юппа внес свою долю огня.

Гости восторженно вскрикивали, глядя на воспоминания о смерти сангарийской станции.

Быстрые лодки, пытающиеся спасти детей, не могли уйти от кровожадных гончих флота.

И защита станции не могла выдержать мощи, обрушенной на нее тяжелым осадным крейсером. Но сангарийцы дрались, как кошка, загнанная в угол собаками, и у команды фон Драхова остались шрамы.

А здесь и теперь профессионалы флота комментировали действие, как зрители футбольного матча. Перчевский уставился в свою тарелку тяжелым взглядом.

А фон Драхова, как он заметил, это трогало меньше, чем его.

Стюард все подносил и подносил блюда. Перчевскому пришлось напомнить Макс, чтобы пила свое вино. Вино с планеты Январь было лучшим и редчайшим в Конфедерации.

Сангарийцы сопротивлялись, несмотря на подавляющее превосходство атакующих. Казалось невозможным, что они еще живы, тем более что ведут ответный огонь.

Пленных не брать. Общий приказ для всех офицеров, участвующих в деле против сангарийцев.

«Ну и кровожадны же мы», — подумал Перчевский. Оглядевшись вокруг, он увидел, что все его соседи наслаждаются спектаклем, хотя и не знают его смысла.

У Мауса был такой вид, будто он балансирует на грани оргазма.

Как ненавидит этот человек!

Десантные модули космической пехоты прибыли как раз к десерту.

Стерильное воспроизведение с дисплея сменили записи ручной камеры. Десантники в задымленных рухнувших коридорах преследовали сангарийцев и их наемников. Бой шел рукопашный и жестокий.

Операторы камер с явным удовольствием давали крупные планы разорванных тел и развороченных оборонительных сооружений.

Штурмовая группа прорвалась через воздушный шлюз.

Вокруг на километры в ярком свете раскинулась самая большая ферма с искусственной средой, которую Перчевский в своей жизни видел.

— Поля ситлака, — грохнул чей-то голос.

Голограммы кончились, зажегся свет. На директора Бюро был направлен прожектор. Она поднялась с места.

— Леди и джентльмены, товарищи по оружию! Вот почему мы сегодня здесь собрались. Из-за операции в скоплении Адских Звезд, в ходе которой была уничтожена самая большая за всю нашу историю фабрика звездной пыли. Рейд был проведен двенадцать дней назад. Полицейские силы по всему Рукаву вылавливают людей, которые обрабатывали и распространяли наркотик, произведенный на этом астероиде.

Дальше была речь, прославляющая флот, которую Перчевский старался не слушать. На тему «Возблагодарим Госпо-

да за бдительность и решительность Бюро». Начальник штаба сказал то же самое другими словами и восславил фон Драхова и людей эскадры, которые действовали на основании добытой Бюро информации. «Как» и «почему» не рассматривались. Детали нельзя разглашать из соображений секретности. Выполнившие задание агенты будут награждены.

— Так ты, значит, дипломат? — шепнула Макс.

Перчевский пожал плечами. Его удивило выражение ее лица, близкое к обожанию.

— У меня был младший братишка, Уолтер. Он подсел на звездную пыль.

— А!

Он посмотрел на часы и был удивлен, что время тянется не так уж медленно.

Начальник Штаба настоял на том, чтобы представить капитана первого ранга Юппа фон Драхова миллиардам граждан Конфедерации. Юпп неохотно принял свою награду.

— Мгновенная слава, — буркнул Перчевский. — Мгновенное богатство. И через полгода уже никто его имени помнить не будет.

— Чего ты такой кислый? — спросила Макс. — Ты же должен ножками сучить от восторга. Посмотри, что ты сделал.

— Что я сделал, я знаю. Я там был. Давай поговорим о чем-нибудь другом. Например, о той марке авиапочты «Полярный рейс», которую ты мне уже два года обещаешь.

— Ты же кучу премиальных получишь. Не знаешь сколько?

— Понятия не имею. Я до сегодняшнего вечера не знал о рейде.

— Ты же сможешь купить весь мой магазин.

— Может быть.

Ему случалось уже получать премиальные. По общепринятым меркам он был человеком богатым, но сам этого не чувствовал. Деньги не так уж много для него значили. Он мог купить что хотел и когда хотел, так что экономических проблем в его жизни не было.

— Тебя это не трогает?

— Нет.

— А меня — да. Когда мы едем на раскопки на Обратную Сторону?

— Не знаю. Наверное, они меня приставят к работе.

Он принял решение. Он съездит домой. Туда, где родился. В последний раз. Может быть, там, среди миллиарда людей, каждому из которых глубоко плевать на сангарийцев, пиратов Мак-Гроу, Улантский Марш и вообще на все, что вне их мира, он сможет уйти от себя.

И заодно освежить память о том, что послало его когда-то в ту жизнь, которая теперь стала отвратительной. Может быть, он вспомнит, из чего приходилось выбирать.

Головизионное шоу потихоньку свернулось. Начались частные мероприятия, в ходе которых им с Маусом вручили их медали и денежные премии.

Макс терпеливо ждала, пока все кончится.

— Тебе надо было уйти домой, — сказал он ей после всех церемоний. — Нельзя же всю жизнь меня ждать.

— А мне хотелось, — ответила она. — Я же пришла с тобой, с тобой и уйду.

Она стиснула его руку.

— Черт побери! — только и сказал он, и настроение его взлетело до небес.

Он осаждал ее годами. Она его дразнила, заманивала улыбками и легкими прикосновениями, но никогда не уступала. Дружеское свидание время от времени — это было все, чего он добился.

Этот вечер Макс сделала настоящим праздником награждения.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ:
3048 н.э.

ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», БОРТ «ДАНИОНА»

Разлепив глаза и взглянув на часы, бен-Раби охнул. Уже полдень! Он зря потратил половину своего выходного.

Вылетев из койки, он бросился под душ. Через несколько минут он уже листал свой «Иерусалим», ища, где остановился.

Загудел сигнал двери.

— А, черт, только начал! Открыто!

Дверь скользнула в сторону, и ему улыбнулись Ярл Киндервоорт, Эми и еще с полдюжины незнакомых сейнеров. Каждый одет в цветной костюм какой-нибудь эпохи. Мойше расхохотался.

— У вас вид, ребята, будто сбежали из какой-то кровавой баллады. — Так и было, если не считать мрачного коротышку в костюме и с регалиями Билли Кида. — Что за черт? Король Артур у нас на борту?

— Выходной день, Мойше. — Эми улыбалась той самой улыбкой, от которой он таял. — Мы решили вытащить старого гризли из берлоги.

Как можно злиться дальше под сиянием такой улыбки? Такой теплой и обезоруживающей?

— Я хотел поработать над рукописью. — Когда-то на нее произвело впечатление, что он — автор напечатанных книг. — Да и вообще мне надеть нечего...

Тут до него дошло, что они что-то задумали. Он насторожился.

— А? — Киндервоорт приставил к уху ладонь. — Что? А, все равно, не важно. Давай, Мойше. А то мы опаздываем.

— Чуть не, чуть не, чуть не опоздали! — пропела Эми. Киндервоорт поймал Мойше за руку, выволок в коридор и потащил вперед, невзирая на протесты. Коридоры были забиты сейнерами в ярких маскарадных костюмах, и Киндервоорт вилял среди них, устремляясь насквозь через общий зал, где была столовая для наземников, через спортзал, через комнату отдыха прямо в салон. Это было большое помещение, но сегодня Мойше показалось, что на него давят стены. Он никогда не видел здесь такой толпы.

Здесь были почти все наземники, окруженные в пять раз большим числом любопытствующих сейнеров. Общение кипело ключом, и оно было организовано. Неподалеку от дверей стоял длинный стол, на котором игралась дюжина шахматных партий, и там бен-Раби заметил Мауса и набранный им гарем.

— И когда он успевает? — тихо спросил он сам себя.

Киндервоорт и Эми отвели его к столу.

— Ну и ну! — сказал Маус. — Вы его выкопали. Без динамита?

— Вообще без боя, — ответил Киндервоорт и сам рассмеялся. — Чья очередь играть?

— Да погодите вы...

— Утихни, Мойше! — оборвал его Маус. — Ты взорвешься, как римская свеча, если будешь сидеть взаперти. Выйди и скажи миру «здрасьте». Пойди лучше туда к концу стола и поставь мат вон тому парню.

В углах глаз Мауса просматривалась напряженность. И в голосе она тоже слегка слышалась. Бен-Раби распознал приказ и подошел к столу.

Он не любил, когда его заставляли, но Маус был прав. Задание не окончено. А сидя в каюте, он свою работу не сделает.

Он сел напротив несмело улыбающегося юнца. Противнику достались черные. Мойше начал партию ходом королевской пешки. Сделали четыре хода.

— Мат.

Он не мог сам себе поверить. Никто ведь на детский мат не попадается.

— Отлично, Мойше! — сказала из-за его плеча Эми. — Проснись, Томми! Мойше — это тебе не тактик или стратег. Он камикадзе вроде тебя.

— Правда? — обернулся бен-Раби. Она стояла, опираясь на спинку его стула. Похожий на череп Киндервоорт и его люди скрылись.

— Так я могу судить по твоим партиям, которые я видела.

Челюсть Томми наконец вернулась на место. Он был ошеломлен быстротой разгрома.

— Будем считать это тренировочной партией, — успокоил его бен-Раби. Томми вяло улыбнулся.

— Очень благородно с вашей стороны, — промямлил он. — Я вообще-то заслужил, что получил.

Бен-Раби снова его обыграл с легкостью, но на этот раз повозился чуть дольше. Потом он стал двигаться вдоль стола вверх, обыгрывая сейнера за сейнером и одного наземника, которого уже когда-то обыграл. Звездоловы были энтузиастами, но играли еще хуже, чем он. Играли, как в шашки, гоняясь за истреблением. Он выиграл все партии.

— Перерыв, Эми! — взмолился он. — У меня мозоли на ягодицах.

— Ты очень великодушно поступил с Томми, — сказала она, отводя его туда, где стояли напитки.

— То есть?

— Дал ему второй шанс. Когда нарочно играл плохо.

— В самом деле?

Он был рад, что они его вытащили. Шум, возбуждение толпы, новые люди... Это заражало.

— Так и было. Я кое-что понимаю в игре. Томми — он энтузиаст, но несколько... — она постучала себя пальцем по виску, — ну, ты понимаешь. Он мой троюродный брат, и мне его жалко. Когда-нибудь он поймет, что ему ни у кого не выиграть. Это будет для него ударом. Единственное, что он умеет делать лучше других, — это обращаться с животными.

— С кем? — недоверчиво переспросил бен-Раби.

— С животными. В зоопарке. На Двенадцатом Южном, над центром управления парусами. У нас есть для них место — это то, что у нас не в дефиците. У нас тут и ботанические сады, и дикие леса, и куча еще всякого неэффективно используемого пространства. Наши корабли построены для того, чтобы в них жить.

— Ты мне кое-что напомнила, — смущенно пробормотал он, вспомнив Элис. У Элис был точно такой же точеный нос, такие же высокие скулы, то же изящное тело с небольшой грудью.

— Что именно?

— Так, ничего.

Он постарался скрыть свое смущение, проглотив сразу полчашки дымящегося кофе. Ему обожгло рот, он поперхнулся и забрызгал сидящего перед ним. Забормотав извинения и смешавшись, он стал потирать губы и язык.

Эми увела его прочь, пока он не задохнулся от смущения.

Показав взмахом руки на толпу, он сказал:

— Напоминает мне съезд архаистов. То есть сумасшедший дом. Это каждую неделю так?

— Кроме предыдущей, когда готовились к вашему прибытию на борт. Ты бы посмотрел на это, когда начнется спортивный сезон.

— Откуда же берутся люди, готовые играть во все эти игры? Как Маус мне говорил...

— Люди — это не проблема. У каждого жилого куба своя команда. Они могут подбирать и браковать игроков. Тут быть героем спорта — большое дело. Особенно если попадешь в команду звезд, которую выставляют против других траулеров. Играл когда-нибудь в гандбол при нулевой гравитации?

— Играл. Может быть, по другим правилам... Мы с Маусом иногда играем.

— И кто выигрывает?

— Он. Почти всегда. У меня нет инстинкта убийцы. Я играю для развлечения.

— А он всегда так смертельно серьезен? Всегда решителен. И он, кажется, радуется жизни больше, чем ты.

Он нахмурился:

— Ты это о чем?

— Извини. Да, так о чем это я? У нас даже олимпийские игры бывают. А на верфях — игры между кораблями, и даже между флотами во время траления.

— На верфях?

— Об этом не надо. Это уже секретные вопросы.

Он не нажимал. Но, будучи агентом, поставил на этом красную птичку.

Эми отвела его к группе столов под большим плакатом УГОЛОК КОЛЛЕКЦИОНЕРА. Здесь было тише. Люди были здесь постарше и одеты не так цветасто. Мойше тут же углядел монеты, марки и какие-то мелочи из прошлого Старой Земли. Особенно были популярны коллекции монет и марок, легкие на вес связи с колыбелью человечества в ранние дни космонавтики, когда масса и объем имели критическую важность.

— Ничего совсем, — услышал он, как кто-то жаловался своему соседу. Сосед рассеянно кивнул, будто слышал это уже в эн плюс первый раз. — Я же тебе говорил, Чарли, зря время потеряем. Они все гедонисты. — Говоривший метнул взгляд на группу кричаще одетых архаистов. — До следующего аукциона мы ничего нового не увидим.

Его стол привлек взгляд и интерес бен-Раби. Человек выложил коллекцию британских монет и марок.

— Простите, сэр?

— Что такое? — рявкнул тот, который жаловался. Потом распознал в Мойше человека со стороны, у которого, быть

может, есть что предложить. Бен-Раби буквально видел, как в нем оживает интерес. И уже более общительным голосом человек продолжал: — Садитесь. Садитесь. Меня зовут Джордж. Вас что интересует?

— Викторианские. Вы мне скажите, откуда у звездолова...

На лице человека мелькнула улыбка заговорщика.

— Наперед знал, что ты это спросишь, друг. Мне как-то раз повезло. Купил этот сундук на дешевой распродаже на Большой Сахарной Горе. Открываю — Господи Иисусе!

И Джордж разразился повествованием, не упуская ни малейшей подробности того счастливого дня. Все коллекционеры таковы, и у каждого есть в запасе такая история.

А Мойше тем временем его изучал. Как ему удалось попасть на планету Конфедерации? И зачем? Не стоит ли на этом моменте тоже поставить красную птичку? Часто ли звездоловы тайно посещали миры тех, кто за ними охотится?

— Я не знал, найду ли здесь коллекционеров, — сказал Мойше, — но на всякий случай взял с собой свой обменный фонд. Там больше марок, чем монет. Британские, американские и немецкие. Может быть, знаешь кого-нибудь, кто хочет поменяться?

— Кого-нибудь? Да ты оглядись. Видишь, как они все стойку сделали?

«Я чемпион по идиотизму, — вдруг подумал Мойше. — Я мог бы выйти на покой, если бы продал коллекцию на рынке. Господи, да я же богат!»

Премиальные у него накапливались. Он их тратил только на хобби.

— Да садись же, друг, сколько раз тебе говорить? Пол, принеси ему кофе.

Джордж, теперь весь гостеприимство, фактически силой заставил его сесть на стул. Мойше сдался. Эми держалась возле него.

«Наверное, ее ко мне приставили, иначе с чего бы ей так липнуть, — решил Мойше. — Ведь не мое же непобедимое обаяние ее здесь держит».

— Как я уже говорил, меня зовут Джордж. Сварливый Джордж меня прозвали. Но я на самом деле совсем не сердитый.

— Бен-Раби. Мойше бен-Раби. Я тут как раз заметил марку...

И они с Джорджем целый час обменивались байками коллекционеров.

— Спасибо, что меня сюда притащила, — потом сказал Мойше Эми.

— Отлично, я рада, что тебе понравилось.

По ее тону было слышно, что она от этого удовольствия не получила.

— Что ты делаешь сегодня вечером? — напрямик ляпнул он, ощущая себя юнцом, который впервые в жизни пытается назначить свидание. — То есть я в смысле бала. Тут группа архаистов устраивает бал в стиле Крайнего Юга времен Гражданской войны...

Она улыбнулась невеселой улыбкой.

— У меня пока никаких планов нет, если ты об этом спрашиваешь. Но у тебя нет костюма.

— А это обязательно?

— Да нет, ты же знаешь архаистов. Они готовы на все, чтобы заинтересовать людей своим любимым периодом. Этот уже и без того популярен. Здесь у нас есть американцы. Наши корни в основном восходят к Северной Америке. Ты меня приглашаешь?

— Да, вроде бы.

— Отлично. — Она рассмеялась. — Я зайду за тобой в восемь.

— Как? Разве не мужчина должен...

— Не тогда, когда он — наземник. Правила. Если ты будешь шататься по кораблю и искать меня, тебя арестуют.

— А! Я понял. А что теперь?

— Ничего особенного сейчас не будет. Разве что ты захочешь пойти к архаистам или поучаствовать в игре в мяч.

— Давай просто походим. Может быть, заметим что-нибудь интересное.

Они стали бродить вокруг, посмотрели несколько представлений архаистов, потом — как Маус учил уму-разуму ребят с Трегоргарта, фехтовальный турнир и бесконечные шахматные матчи. Жизнь на «Данионе» была совсем не похожа на жизнь на военном корабле в долгом патруле. Здесь не было таких жестких ограничений.

Эми представляла Мойше десяткам людей, чьи имена он тут же забывал.

— Это как прием-переросток, — заметил он. — Я их терпеть не мог еще тогда, когда в летном составе служил. Ты обязан присутствовать. Вот по этой причине я и ушел в шпионы. Шпионы не обязаны любезничать с людьми, которые им не нравятся.

Эми посмотрела на него с удивлением.

— Я пошутил.

— Твой друг все, что делает, делает хорошо?

На нее произвело сильное впечатление, как Маус разделал ребят с Трегоргарта.

— Когда его что-то заинтересует, он влезает в это с головой. Есть у него дар полностью переключаться.

— И еще девушки. Когда он успевает?

— Не знаю. Знал бы, сам бы косил их пачками.

Его ответ ее не удовлетворил. Она пыталась вытянуть из него что-нибудь еще. Зря время тратила. Он так давно служил в шпионах, что сокрытие информации стало рефлексом.

— Если хочешь узнать Мауса лучше, попытайся получить сведения из первых рук, — сказал он ей наконец.

— Я так не думаю, Мойше.

Он улыбнулся. Маус мог бы говорить о себе весь вечер, не сказав ничего, и по дороге ее три раза соблазнить.

— Может быть, и нет. Мы с ним очень разные. Я из тех, кто предпочитает наблюдать со стороны.

Эми переплела его руку со своей.

— Понаблюдай меня, наблюдатель.

— В каком смысле?

— Ты был послан наблюдать за сейнерами. Расскажи мне о нас. Какими ты нас видишь?

— Хм. Счастливыми. В мире с собой и со всей вселенной. Вот, например, как вы смеетесь. По-другому. Совсем не так, как у нас дома. Будто из самой души. А мой народ смеется, будто только чтобы разогнать мрак. Вот этот парень, который представлял комедию...

— Джек?

— Как бы его ни звали. Тот, который рассказывал историю про Мерфа, который всех знал. Он даже меня рассмешил. А знаешь почему? Потому что он находил смешное там, где я никогда и не подумал бы. Или в том, чего у меня не хватило бы дерзости осмеивать. Я — моральный трус.

— Тпру! О чем ты говоришь? И чего вдруг?

— Я просто подумал о своем шефе. Очень достойный джентльмен — когда хочет. Все знаменитости живут на Луне-Командной. Но их достоинство — это просто замаскированная напыщенность. Еще с курсантских времен у меня была фантазия — быть тайным агентом короля. Я хожу повсюду под маской Джона Штатского и веду список. Как только какой-нибудь чиновник или продавец мне нагрубит, я записываю его имя, и за ним приходят люди короля. Я — бродячий клоун, который ходит повсюду и заставляет надутых шишек показывать свое истинное лицо. И первой моей целью будет Бюро.

— И такие чувства у тебя против людей, на которых ты работаешь?

Мойше не ответил. Его спугнул резкий тон вопроса Эми. Вдруг ее восприятие стало слишком острым, проницательным, напряженным.

— Давай сменим тему.

Она не стала настаивать. После долгого молчания она спросила:

— А ты не хочешь вернуться к своей рукописи?

— Я тебе надоел?

— Нет! Я не это хотела сказать. Так это прозвучало? Извини. Я просто думала, что теперь тебе лучше.

Он на секунду прислушался к себе.

— В самом деле. Может быть, теперь она пойдет веселее. Не хочется этого признавать, Эми, но я отлично провел время. Спасибо.

Он позволил ей проводить себя до каюты, где немедленно набросился на рукопись. Работа пошла хорошо.

Ему показалось, что он едва успел начать, как Эми нажала кнопку сигнала.

— Проснись, Мойше! — крикнула она из коридора.

— Открыто! Что, уже пора?

Она впрыгнула внутрь, одетая очаровательной южной красавицей с бессчетными нижними юбками и оборками.

— Нормально поработал? У тебя всюду бумаги разбросаны.

У нее через руку был перекинут мундир конфедерата, а другой рукой она прижимала к боку шпагу с портупеей.

— Не то слово.

— Я кое-что одолжила... что с тобой?

На секунду он вместо нее увидел перед собой Элис. Прошлое ударило его, как цунами. Улыбка осталась у нее на лице, но исчезла из голоса.

— Мойше, что тебя преследует?

— Ничего. Это для меня костюм? Давай его сюда, я переоденусь.

— Я все время на тебя смотрю, Мойше. Что-то тебя грызет. Не надо, изрыгни это из себя. Выбрось туда, где ты сможешь его раздавить, убить, растоптать.

Вот в этом между ней и Элис была разница. Элис никогда бы не спросила. Подождала бы, пока он заговорит сам.

— А ты? — ответил он. — Хочешь рассказать мне, что преследует тебя?

«Лучшая защита — нападение», — насмешливо подумал он сам о себе.

Она не обратила внимания на его слова.

— Скажи мне одну вещь... — Она говорила мягко и заботливо, как в тот день на шаттле.

Он не дослушал.
Тень страсти
Лежала в переулке,
Которым уходил я
Из Города Любви. И юным
Было сердце, она была со мной,
И тем лишь был я целостен.

— Чижевский, — сказала она. — Да. Я тоже это читала. Из «Сестра моя — любовь». Говорят, что он написал это перед тем, как ушел в космос и потерял рассудок — если не считать, что человек, хвастающийся любовью со своей сестрой, и без того сумасшедший. И что ты хотел этим сказать, Мойше? Это старая любовь тебя тревожит? Это глупо. Тебе же не пятнадцать лет...

— И я это отлично осознаю. Умом. «Стоял я голым и жалким в лунных садах», — процитировал он в отрыве из контекста. — Теперь я старый усталый человек, вдали от дома, без будущего, без друзей, кроме помешанного на шахматах диверсанта-архаиста, которого я никогда не вижу, кроме рабочего времени...

«Стоп! — подумал он. — Язык твой предает тебя».

— Давай сюда костюм. Я переоденусь. Ладно?

— Как хочешь.

В эти два слова она сумела вложить очень много. Это напомнило ему профессиональную мать, которая занималась им иногда, когда природная мать гонялась за призраками исчезнувшей Земли. Она умела сказать эти слова точно так же, ясно давая понять, что ничего не выйдет из того, что он задумал. В любые слова она могла вложить тот ясный смысл, что он отдает себя в лапы дьявола или выбирает равно неприятную судьбу.

— Отлично! Потрясающий офицер, — сказала Эми, когда он вышел из ванной. — Была бы у тебя борода, был бы ты похож на Роберта Ли.

— Правда? Слушай, что сделать с этой чертовой шпагой? Как это они умудрялись ходить и не лететь мордой вперед на каждом шагу?

Она захихикала и поправила на нем шпагу.

— Чего ты смеешься?

— Подумала просто, много ли было еврейских генералов в армии Конфедерации.

— Чертова уйма... а, ты про ту Конфедерацию. Не понял. Что здесь смешного?

— Надо знать тот период.

— Ну, здесь я тебе не попутчик. Я его знаю только по курсу военной истории из Академии. Могу рассказать, почему Лонгстрит не сделал при Геттисберге того, что не сделал, но не какой веры он был. К тому же я не еврей, и ты это знаешь.

— А кто же ты, Мойше бен-Раби? Ты вообще во что-нибудь веришь?

Опять прощупывание. Зондирование. Теперь уже от своего имени. Служба безопасности рыбаков вряд ли интересуется его религией.

Он хотел резко отшутиться, но она слишком близко попала к самой причине его неудовлетворенности. Сейчас он не верил ни во что, и меньше всего в самого себя. И это занятно, потому что подобного чувства у него не было с тех пор, как он ушел из летного состава. Пока не началось это задание.

— В пророка Мерфи, — ответил он.

— Мерфи? Не поняла. Кто такой этот Мерфи? Я ждала ответа «в смерть и в налоги».

— Пророк Мерфи. Человек, который сказал: «Все, что может испортиться, — портится». Вся моя жизнь — тому свидетельство.

Она шагнула назад и медленно покачала головой.

— Никак не могу понять, кто ты такой, Мойше бен-Раби. Или нет, могу. Может быть. Может, я сделаю тебя счастливым против твоей воли.

— Превратив тыкву в карету.

Сочтя, что хватит разговоров, он взял ее под руку и повел на бал, на секунду забыв, что не знает, куда идти. Потом он увидел, что она привела электрический скутер. Сейнеры на любое расстояние старались ездить на них. На «Данионе» были места, куда пешком за день не доберешься — в буквальном смысле. Покраснев, он сел на пассажирское сиденье спиной к движению.

За всю поездку они не сказали ни слова. Мойше испытывал приливы глупой злости, которые сменялись образом пистолета. Он этого образа чертовски боялся. Он не был стрелком. Казалось, что у этого образа меньше отношения к реальности, чем у его постоянного «хочу».

На самом нижнем, подсознательном, рефлекторно подавляемом уровне он был убежден, что сходит с ума.

Время растянулось невероятно. Нежеланные мысли отказывались уходить. Руки похолодели и онемели. Настроение упало до самого дна и падало дальше...

Эми вильнула к стене коридора, припарковала скутер и включила его в зарядную сеть. Он затерялся в оранжевом стаде зверьков, припавших к электрическим соскам.

— Симпатичное зрелище, — сказал он неловко, пытаясь разрядить молчание.

— Угу. — Она остановилась поправить на нем воротник и шпагу. — Пойдем.

Ее лицо стало деланно невыразительным, как у наземницы. Напоминание о доме, за которое он не был благодарен.

Бал казался повторением утреннего собрания. Там были все те же люди.

В подходящих костюмах была лишь сотня-другая народу. Еще вдвое больше были одеты в костюмы эпох от Вавилона

до завтрашнего дня, а остальные были в ежедневных спортивных костюмах.

Мойше застыл в дверях.

— Что случилось? — спросила Эми.

— Не знаю, но... У меня нет на это права, но такое чувство, будто у меня что-то отняли.

Неужели все эти викинги и пуритане и Марии-Антуанетты украли момент его славы? Его тоже архаистическая муха укусила?

— Это же и наша история тоже, — возразила ему Эми, не поняв. — Ты же сам говорил, что все мы восходим корнями к Старой Земле.

Чья-то рука коснулась левого локтя Мойше.

— Мятный ликер, сэр?

Бен-Раби обернулся к Ярлу Киндервоорту, одетому в мокасины и енотовую шапку. Индеец прямо из Кентукки, Дан Мертвая Голова.

— Эта фигня у вас получше, чем у меня, — пожаловался Киндервоорт.

— Вы про костюм?

— Да. Пошли посмотрим, что у них есть в баре, Мойше.

Эми исчезла, а тон Киндервоорта подразумевал деловой разговор. Чувствуя, что его подставили, бен-Раби позволил отвести себя к бару.

Тут его ждала очередная неприятность. Бар был стилизован под Дикий Запад, и там ошивались полдесятка типов в черных шляпах, занятых тем, что валяли дурака, хвастаясь и устраивая потешные перестрелки. Едкий пороховой дым ходил голубыми клубами.

Из всех идиотских периодов, любимых архаистами, для Мойше Дикий Запад был самым противным. Это все была фальсифицированная история, общепринятая фантазия без всяких исторических основ.

Первым из архаических увлечений его матери как раз и был Дикий Запад. Как раз тогда у него были трудности в Академии, и ему отчаянно был нужен хоть какой-то якорь. У матери он его не получил. У нее просто не было времени.

Плюс ко всему здесь была и сангарийка. Она была в образе Белой Дамы На Лестнице.

— Подходит, — буркнул про себя бен-Раби. Ее впечатляющие сексуальные аппетиты только выросли со времен Сломанных Крыльев.

Она увидела его с Ярлом. Забеспокоилась? Стала думать, когда он ее сдаст? Он улыбнулся ей. Пусть понервничает.

У двери возникло движение.

— Господи! — сказал бен-Раби. — Вы только посмотрите!

Маус, центр всеобщего внимания, самый популярный мальчик в классе, вошел в зал в костюме миниатюрного Генриха VIII и в сопровождении не менее чем шести прилипших к нему красавиц.

— Везет нам, что у нас не демократия, — заметил Киндервоорт. — К концу года ваш друг стал бы капитаном — прошел бы на женщинах.

Мойше оставил двусмысленность без внимания.

— В самом деле? — сухо спросил он. Его раздражали причуды Мауса. Этот человек щеголял своим успехом...

Зависть была одним из самых противных недостатков бен-Раби. Он пытался ее подавить, но Маус делал эти попытки безрезультатными.

Он повернулся к бару и увидел перед собой какую-то мерзкого вида смесь в высоком бокале.

— Мятный ликер, — пояснил Киндервоорт. — Мы стараемся, чтобы выпивка соответствовала периоду.

Он пригубил из жестяной кружки. Ковбои с пистолетами стреляли друг в друга в упор. У торца стойки волосатый викинг размахивал топором и требовал кружку меда.

— Наверняка все это из одной бутылки.

— Вполне вероятно, — признал Киндервоорт.

— Твоя подача. Чего ты хочешь, Ярл?

Киндервоорт поднял брови.

— Мойше, с тобой чертовски трудно иметь дело, ты это знаешь? Ну вот, теперь ты хмуришься. Я, оказывается, перешел на личности. Как вы умудряетесь прожить, друг друга не задевая?

— Не задеваем потому, что нас слишком много. Если только ты не Маус. Он вырос в достаточном просторе и ничего не желал. Вряд ли ты поймешь. Не сможешь, если никогда не жил на Внутренних Мирах.

Киндервоорт кивнул.

— Как ты посмотрел бы на то, чтобы все это бросить? Жить там, где хватает места, чтобы быть человеком? Где для выживания нет необходимости быть эмоциональным бревном?

Он сделал большой глоток, глядя на Мойше поверх кружки.

Ответа ему пришлось ждать долго.

Мойше знал, что ему предлагают. И какова цена за это.

Демоны его разума взвились и схлестнулись друг с другом в апокалиптической битве. Идеалы, верования, желания и соблазны штурмовали крепости друг друга. Он только старался, чтобы этот Армагеддон не отразился краской на его лице.

И это ему удалось. У него за спиной были десятилетия тренировки.

Он вспомнил, что Киндервоорт — из безопасности, а контрразведчики не предлагают сделок без задней мысли.

— Отыди от меня, Сатана.

Киндервоорт расхохотался:

— Ладно, обсудим это позже. Теперь давай найди Эми. Развлекись. Это же вечер отдыха.

И исчез раньше, чем Мойше мог ответить. Эми появилась немедленно.

— Как это подло было, Эми Многоименная, дать этому вампиру сосать мою кровь!

Уход Киндервоорта поднял его настроение, и теперь он был благорасположен ко всей вселенной. Пусть себе вертится.

— А что он сделал?

— Ничего особенного. Просто предложил мне стать перебежчиком.

Она уставилась на него, явно не понимая, почему он не вопит от радости. Редко когда наземник получал возможность стать сейнером.

«В человеческой природе считать, что именно твой акр земли избран Богом, — подумал он. — И земля Эми была той, на которую он не отказался бы вступить — но не на условиях Киндервоорта. Он не особенно любит Конфедерацию и Бюро, но никогда не станет предателем».

— Пойдем танцевать? — предложила Эми. — Мы же за этим сюда и пришли?

Время медленно плыло, и Мойше начал радоваться жизни. До него стало доходить, что он проводит вечер с женщи-

ной, которая значит для него больше, чем носительница половых органов, прикрытых шерстяным мешком, какой она для него была в момент их прибытия.

Где-то в разгаре вечера одна из кузин Эми пригласила их посидеть у кого-то в каюте. Не испытывая более напряжения и настороженности, он ответил: «А почему бы и нет? Звучит заманчиво». Через минуту он и Эми неслись в веселой толпе скутеров, дикими воплями распугивая прохожих. Компания подобралась в основном молодежная, из тех ребят, что только окончили школу, и почти таких же новичков на траулере, как Мойше. В небольшой группе и в тесной каюте они были совсем не так зажаты и сдержанны, как старшие сейнеры, с которыми он работал. Кажется, у этих ребят был архаистский уклон в молодежную субкультуру последних десятилетий двадцатого века. По крайней мере владелец каюты был явно влюблен в этот приблизительно период — точнее Мойше не мог определить.

Лилась выпивка, в воздухе столбом стоял дым. Время летело. Тихо сидя в углу, почти все время с Эми, а иногда без нее, он смотрел на них и постепенно впадал в странное состояние, будто отделился от окружающей обстановки. Виноват в этом был больше горьковато-сладкий дым, чем алкоголь. Он был настолько густ, что вызывал опьянение даже и без того, чтобы затягиваться странными маленькими сигаретками, которые ему предлагали.

Кто-то назвал их марихуаной. Он смутно помнил это название по раннему детству, когда старшие ребята в его банде что-то такое курили. Сам он никогда этого дурмана не пробовал. Здешние ребята кашляли, ловили ртом воздух, но стоически продолжали курить. Этот наркотик был частью культа периода. Он и сам уплывал все дальше от реальности, свободно паря, пока не погрузился в туман неподавляемых иррациональных впечатлений.

Прикосновение женщины к его руке — плыви, серебряная красота, — и вкус виски на языке. Танцующий свет, резкий в дальнем углу, изломы и тени рядом с ним. Пальцы его скользнули в теплую ямку на шее Эми. Она мурлыкнула, пересела с подлокотника кресла к нему на колени. Секс, подумал было он... нет. Он был не настолько пьян, чтобы забыть Элис. Проснулся страх. Тени росли, манили. В сердце их таи-

лись темные твари, злобные духи из глубин прошлого явились закрепить концы и протащить его мимо берегов будущего. Магия в действии была в этой комнате. Вдруг они с Эми оказались одинокими в толпе.

Одинокими среди золотых людей, каждый из которых был моложе их на десять лет, каждый с новой, с иголочки, невинностью — или уже чуть запятнанной, ему было все равно. Они говорили друг с другом, она чуть серьезнее, он совсем рассеянно. Он не был готов ее исследовать. Но по намекам, которые она бросала, могло быть так, что прошлое его и ее окажутся сторонами одной монеты. За ней тоже был неудачный роман, и какое-то физическое, сексуальное переживание, которое она не готова была пока открыть, терзало ее сейчас. Где-то на краю сознания мелькали его собственные полуночные призраки.

Дальше. Дальше. Около полуночи, в момент просветления, когда она подала ему архаистского стиля банку пива, он впервые заметил, что она левша. Левша, наизнанку, наоборот, и он принял банку, изогнув руку, потому что сам был правшой. Он поразился, что не заметил этого раньше, — ему полагалось быть наблюдательным. Это его профессия. Осенние эти мысли тут же исчезли, интерес его возрос, когда он заметил напряженность всех ее движений.

Она много смеялась, обычно над тем, что не смешно. В ней смыкались клыки ее собственных призраков, которых она хотела изгнать принужденным весельем. Она не хотела показывать своего дьявола, но Мойше его размытые контуры показались знакомыми. Это был кузен его собственного.

Пока двенадцать человек молча слушали песни кого-то по имени Саймон и Гарфункель или Бадди Холли, он понял, как они отлично друг другу подходят. Она просидела у него на коленях час, и ему не было неудобно. Его левая рука касалась сзади ее шеи, правая лежала на закруглении ее левого бедра, и голова ее лежала у него на левом плече, под подбородком. У волос ее был слабый, незнакомый, приятный запах.

А не слишком ли они оба для этого стары?

Тени на дверях, тени на стене. Не задавай вопросов. Он слушал, как бьется ее сердце — по три удара на два его.

Он вздрогнул — чудовище его снов подбиралось ближе. Эми пошевелилась, прижимаясь теснее. Слегка хихикнула,

когда он охнул от резкого движения ее костистого зада у себя на коленях.

Люди начали расходиться по своим каютам, чтобы предаться одиночеству, или страху, или быть вместе, пока реальность утра не выдернет их обратно в работу и в сегодня. Скоро осталось всего три пары. Мойше пробрала дрожь, когда он приподнял подбородок Эми. Она секунду противилась, потом сдалась. Поцелуй стал яростным. Тени чуть отступили.

— Пойдем,. — сказала она, вскакивая и таща его за руку. Они нырнули в коридор, сели на скутер и полетели к его каюте. Она вошла вместе с ним и заперла за собой дверь. Но время еще не пришло. Ночь они проспали. Проспали обнявшись, прячась от темноты. Никто из них еще не был готов рисковать.

Когда он проснулся, ее уже не было. И как-то странно затихли все его желания и страхи.

«Что же будет у них дальше», — подумал он.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:
3047 н.э.

БЫЛЫЕ ДНИ, РОДНОЙ МИР

Перчевский переминался с ноги на ногу. Он слишком нервничал, чтобы сесть. Он не представлял себе, что возвращение домой вызовет столько эмоций.

Он оглядел зал. Лихтер будет заполнен под завязку. Туристы и бизнесмены — из первых почти все улантиды и токе. Они держались своими группами, запуганные ксенофобической репутацией Старой Земли, но полные решимости исследовать родной мир Человека. Токе подбадривали друг друга смелыми разговорами. Каждый их жест заявлял: «Мы — Звездные Воины Мел-Тан из Легиона Космической Пехоты Токе. Мы — Избранные из Звездных Лордов. Нас не запугать хулиганам из загнивающего мира». Но они боялись.

Токе не мог запугать ни один враг. Это показала война с ними. Только дипломатический гений, который нашел им место в Службе и принял токе в Конфедерацию как равных, спас Касту Воинов от истребления.

«Жаль, что ничего такого мы не можем придумать для сангарийцев», — подумал Перчевский.

Но в войне с токе не было места ненависти. Это была почти циничная, безэмоциональная война за гегемонию в звездной области Палисарского Директората. Улантиды были не так воинственны, как токе. Их война с Конфедерацией тоже была лишена эмоций. Обычная кровавая борьба за гегемонию.

Улантиды в основном были католиками, направляющимися в Рим, Иерусалим и Вифлеем.

ШАТТЛ «БРАВО ТАНГО РОМЕО ТРИ ОДИН» ПОДАН ПОД ПОСАДКУ ДЛЯ ПАССАЖИРОВ, НАПРАВЛЯЮЩИХСЯ К КОНСТАНЦКОМУ ОЗЕРУ. ПАССАЖИРОВ, ВЫЛЕТАЮЩИХ В КОРПОРАТИВНУЮ ЗОНУ, ПРОСЯТ ПРОЙТИ К АНГАРУ НОМЕР ДЕВЯТЬ.

— Не против бы я был с ней познакомиться, — сказал кто-то рядом с Перчевским.

— С кем это?

— С теткой, которая объявляет. Всегда готов принять ее у себя в койке.

— А, с этим голосом!

А голос был мягкий, густой и манящий. Такие голоса произносили объявления в любом терминале, где Перчевскому приходилось бывать.

Первыми пошли на посадку туристы и бизнесмены. На Луне-Командной всегда старались не раздражать гражданских по мелочам. Отдельным представителям служб рекомендовалось держаться скромно.

Существовало лишь одно ограничение власти Луны-Командной — ассигнования на операции, принимаемые голосами всенародно избранного сената.

Космические пехотинцы токе держались подальше от Перчевского, который был в мундире капитан-лейтенанта.

Потом был долгий и ленивый орбитальный полет до Констанцкого озера и Женевы. Перчевский читал, дремал, обдумывал недавно начатую книгу. И пытался не думать о лежащей внизу планете.

Головизионные сети не давали даже приблизительного портрета убогой реальности, которую представляла собой Старая Земля за осажденными стенами Корпоративной Зоны.

Шаттл упал в озеро. Его отвели к стоянке буксиром. Перчевский вслед за штатскими вышел на воздух своей родной планеты. После восьми лет отсутствия он вернулся домой.

Женева не изменилась. Швейцарию не затронула гниль. Ее богатство и красота позволяли думать, что все страшные истории о Старой Земле — просто выдумки.

Но это была маска. Косметику на Зону навели миллиарды внеземного происхождения, а ее неприкосновенность блюли стволы полиции Корпораций. Ее границы находились под постоянной осадой.

Бывали времена, когда Луне-Командной приходилось посылать космическую пехоту на помощь силам Корпораций. Предлогом для этого была защита Сената Конфедерации и его учреждений, рассеянных между Женевой, Цюрихом и южным берегом Боденского озера.

Существовала когда-то теория, что богатство, притекающее в Зону в связи с расположением там центральных учреждений Конфедерации, в конце концов распространится по всей планете. Возникнет положительное торговое сальдо. А положительный пример жизни в Зоне будет действовать как противоядие от социальных язв остальной планеты. Изменения разойдутся из Швейцарии, как круги по воде.

Теория оказалась мертворожденной, как и многие другие теории социальной инженерии.

«Здесь всем на все наплевать», — подумал Перчевский, входя в свой номер в отеле. Все, чем еще жива Земля, — это триллионы межпланетного социального пособия. Может быть, надо было предоставить ее самой себе, а потом сделать что-нибудь для выживших.

Люди родной планеты все еще играли в свои игры национализма и воинственности. Любили своих Джошуа Джа. И просто отказывались делать что-нибудь реальное для самих себя, пока Конфедерации стыдно было отказать им в поддержке.

Повторялась многократно сыгранная пьеса о социальном иждивенчестве. Как всегда: гарантия получения средств к существованию начисто отбивала охоту действовать.

Свой первый день дома Перчевский провел на экскурсии с гидом по достопримечательностям Корпоративной Зоны. В

его группе было несколько местных юнцов и девиц, награжденных поездкой за успех в каком-то конкурсе.

Они его удивили. Они в разумной степени хорошо себя вели, были достаточно чисты и не слишком плохо одеты. Выборка несколько лучше средней, и не слишком непохожи на ребят из других мест. Охранника из безопасности ни разу не пришлось звать.

Группу привели в ресторан в шале «Нуреев Текникал Индастриз» на вершине Маттергорна.

— Разрешите, капитан?

Удивленный Перчевский поднял глаза от тарелки с колбасой и кислой капустой. Напротив него стояла симпатичная девушка лет шестнадцати, высокая, светловолосая. Он сидел за столом один. Его мундир отталкивал от него всех, кроме двух космических пехотинцев-токе. Они все еще пытались объяснить, что им нужно, повару, который не допускал даже мысли о том, что из его кухни может быть выдано сырое мясо. Как он подозревал, пришельцы старались держаться поближе к нему ради дополнительного чувства защищенности. У народа токе иерархия была строжайшей, и воины были у них наиболее почитаемой кастой.

— Да?

— Можно к вам сесть?

— Разумеется.

Он был изумлен. Она была из тех, кто выиграл экскурсию. Почти все жители Старой Земли настолько ненавидели Службы, что даже при самых лучших намерениях не могли сохранять элементарную вежливость.

«Уж не проститутка ли?» — подумал он.

Чего бы ей ни хотелось, но ей понадобилось время. Она так нервничала, что не могла есть.

И вдруг она выдала:

— Вы же со Старой Земли? То есть родом отсюда?

— Правда. А как вы узнали?

— По тому, как вы на все глядите. Инопланетники смотрят по-другому. Будто боятся чего подцепить или еще что.

Перчевский посмотрел на других выигравших экскурсию. На их лицах читалось отвращение.

— Вашим друзьям не понравится...

— Это не мои друзья. Я до вчерашнего дня никого из них не видела. Как вы выбрались?

Слова вылетали из нее сплошным потоком; он едва успевал их воспринимать.

— Выбрался?

— Из этого всего. Из этого мира.

— Сдал экзамены в Академию. Меня приняли.

— И вас не остановили?

— Кто?

— Ваши друзья. Знакомые. Я три раза пыталась. Всегда кто-нибудь узнавал и не давал мне поехать. В последний раз меня у самого центра остановили трое и сказали, что убьют меня, если я туда пойду.

— Значит, еще есть надежда, — вполголоса сказал Перчевский своим мыслям. Теперь он знал, чего она хочет.

— Простите?

— Я хочу сказать, что, пока есть еще кто-то вроде вас, Старая Земля не умерла. Благодаря вам моя поездка обрела смысл.

— Вытащите меня отсюда. Вы можете? Все что угодно, только не такая жизнь. Я все сделаю. Все, что вы захотите.

Она именно это и имела в виду. Ее отчаянное обещание было настолько очевидным, что его это даже тронуло.

Он вспомнил собственную отчаянную тягу на волю в еще более раннем возрасте. Если выбираешь непопулярный путь, надо прорываться по нему с решимостью фанатика. Он был тронут. И глубоко.

— Я участвовала во всех конкурсах, только чтобы добраться хотя бы сюда. Я знала, что сюда поехать они мне мешать не будут, и я думала, что здесь, быть может, кого-нибудь найду...

— ...но слишком испугались, чтобы сделать что-нибудь, попав сюда.

— Тут же одни инопланетники.

— Если вы покинете Землю, никого другого не увидите. За двадцать лет я встретил всего двух-трех землян.

Он посмотрел на группу, с которой путешествовала эта девушка. Трое юнцов уловили, к чему она клонит, и это им не нравилось.

— Я знаю. Я привыкну.

— Вы уверены?

Трое юнцов подошли к его столу.

— Эта шлюха не для тебя, вояка.

Перчевский мило улыбнулся:

— Нарываешься, козел. Лучше отвали по-хорошему.

Это их поразило. Один из них рявкнул:

— Ты у меня сейчас в руку себе насрешь и в Китай понесешь, вонючка!

— Могу я быть полезен, капитан?

Космический пехотинец-токе рядом с юнцами казался великаном. У них дрогнули кадыки.

— Нет, не думаю, носитель огня. Я бы сказал, что Знамени ничего не грозит. Эти молодые люди сказали, что хотели. Они как раз собрались уходить.

Старший токе полыхнул взглядом. Ростом два с четвертью метра и весом в сто тридцать килограммов, он был для Звездного Воина жидковат. Зато его помощник был как раз таким, каких рисуют на рекламных вербовочных проспектах, распространяемых в Ложах Каст. Он спокойно стоял за спиной своего офицера, полный того нерушимого, пугающего хладнокровия, которое заставляло нервничать в присутствии Звездных Воинов даже самых закаленных людей из Служб.

— Уходите тихо, Дети Ночи, — процитировал Перчевский старую песню, используемую в качестве боевого гимна половиной всех юношеских банд планеты. — Особенно ты, говорящая голова.

Жаргон не сильно изменился. В отличие от Внешних Миров Старая Земля в своей изоляции оставалась такой, как была.

Мальчишки поняли. Было время, когда он был одним из них.

И они ушли вразвалочку, показывая, что на все им наплевать. Перчевскому показалось только, что во взгляде говорившего мелькнула зависть.

— Благодарю вас, носитель огня.

Охранник из безопасности, занятый болтовней с официанткой, инцидента не заметил.

— У нас одно Знамя, капитан-лейтенант. Мы будем рядом.

— Носитель огня?

— Да, сэр?

— Не надо бросать им вызов на их территории.

— Я здесь третий раз, капитан-лейтенант.

— Ну, тогда вы в курсе.

Он снова повернулся к девушке, которая сидела, окаменев. Оба огромных кожистых токе отошли к ближайшему пустому столу.

Девушка вдруг спросила напрямую:

— Зачем вы вернулись?

— Не знаю. Вспомнить? Что-то найти, что я здесь оставил? Вернуться к корням? Не могу сказать. Хотел увидеться с матерью. Восемь лет ее не видел.

— А! — В ее голосе звучала зависть. — А я не смогла узнать, кто мои родители. И никогда не встречала кого-нибудь, кто такое о себе знает. По крайней мере среди сверстников.

Он улыбнулся:

— А имя у вас есть? После этой сцены вам лучше держаться поближе ко мне или к пехотинцам. И надо вас как-нибудь называть иначе, чем «эй, девушка!».

— Грета. Хелсунг. Из Гамбурга. А это настоящие Звездные Воины?

Он тихо засмеялся:

— Старайтесь не задавать такие вопросы, если они вас слышат, Грета из Гамбурга. Они настоящие, как кровь в вашем теле. А я — капитан-лейтенант Перчевский. Если вы не передумаете, я вас отведу к кое-кому, когда вернемся в Женеву.

— Я не передумаю. Уж после всего, что со мной было...

Он внимательно посмотрел ей в лицо. Для нее это было слишком дух захватывающим, слишком реальным, слишком мечтой, ставшей явью. Она не могла ему до конца поверить. Он видел на ее лице мысль, что он ее использует и бросит.

Соблазн использовать был. Она была свежа и красива.

— Я говорю то, что говорю, Грета. И не бойтесь. Вы достаточно молоды, чтобы быть моей дочерью.

— Я не ребенок! Я достаточно взрослая, чтобы...

— Я это понимаю. Это я недостаточно молод. И ешьте вашу сардельку. Мясо привезли аж с самого Палисара.

— В самом деле? Быть не может! Я даже не знала, что заказываю. Просто выбрала то, чего не знаю. Чтобы было новое. Они же цены не ставят, а это же должно быть ужасно дорого! — Она оглянулась с виноватым видом.

— Так не дайте пропасть продукту. — И он добавил: — Для людей, которые здесь едят, цены не имеют значения. Те, кому не по карману, сюда не ездят. Давайте радуйтесь жизни.

Ее расходы на экскурсию будут оплачены — издержки возьмет на себя Луна-Командная. Службы спонсировали конкурсы, где призом были каникулы в Зоне. Какие-то вдохновенные теоретики-социологи решили вылавливать таких Грет Старой Земли, детей с авантюризмом в крови и мечтой в сердце, которых мог быть один на миллион.

Программа была успешной не менее, чем любая другая схема вербовки. Она давала заинтересованным юношам и девушкам возможность вырваться из-под давления среды. Компьютеры следили и проверяли участников конкурсов. Несомненно, кто-нибудь связался бы с Гретой, не подойди она к нему.

Он глядел на нее и благодарил небо, что хоть кому-то на Старой Земле еще не на все наплевать. И было ему хорошо.

Грета прилипла к нему на весь остаток экскурсии, вытягивая из него все подробности о Внешнем Мире. Ее прежним спутникам это удовольствия не доставляло, но носитель огня всегда был слишком близко, чтобы они набрались наглости.

Терроризм и запугивание были на Земле популярными видами спорта. Но токе терроризировать не удавалось. Они не пугались, а проламывали головы. Их репутация не обеспечивала неприкосновенности, но заставляла местных относиться к ним с уважением.

В тот же вечер Перчевский отвел девушку в представительство Бюро.

— Потенциальный рекрут, — заявил он ночному дежурному, который узнал его по голопортрету, опередившему его на пути к Земле. — Грета Хелсунг из Гамбурга. Обращайтесь с ней как следует.

— Разумеется, капитан. Не присядете ли, мисс? Мы можем начать сразу заполнять документы.

— Вот так просто? — спросил Перчевский.

— Завтра будете ночевать на Луне, мисс, — ответил дежурный. — О, капитан, вы уходите?

— У меня рейс на Монреаль в одиннадцать тридцать.

Грета смотрела на него с молчаливым призывом.

— Вы будете спонсором, капитан?

Он знал, что этого делать не надо. Это означало принять на себя юридическую и почти родительскую ответственность. Адмирал будет яриться...

— Разумеется. Где мне шлепнуть палец?

Он протянул руку с выставленным большим пальцем.

— Вот здесь. Спасибо. — Что-то зажужжало. Дежурный глянул в сторону, прочел что-то с экрана, который Перчевскому не был виден. — Ну-ну, — сказал дежурный и нажал на кнопку. Выдвинулся ящичек, и дежурный подал Перчевскому кольцо.

— Зачем?

Это было кольцо вызова. Оно должно было ему сообщить, если он срочно потребуется Бюро. И еще оно давало им возможность следить за его передвижением.

— Приказ сверху, сэр. Вы готовы, мисс Хелсунг?

— Грета, увидимся в Академии. — Он нацарапал номер на клочке бумаги. — Возьми вот это. Позвони, когда тебя устроят в казармах.

И он снова повернулся к выходу.

— Капитан! — Он обернулся. Мягкие юные руки обвили его шею, и слезы промочили мундир. — Спасибо!

— Грета, — шепнул он, — не бойся. С тобой будут обращаться хорошо.

Так и будет. С ней будут обращаться как с принцессой, пока не начнутся занятия.

— Пока. Веди себя хорошо.

За порогом его поймали четверо юнцов с экскурсии. Пришлось сломать одному руку, чтобы до них дошло, и чуть не опоздать на рейс. Переодеться в штатское он смог уже только на борту аэробуса.

Центральный Директорат Северной Америки сообщил, что его мать живет все в той же зоне Сент-Луиса. Он отправился без звонка, опасаясь, что она может под каким-нибудь предлогом отказаться его видеть. Хотя намерения у них обоих были самые дружественные, предыдущие его посещения заканчивались ураганом. Она никогда ему не простила, что он «пошел против своих».

Это было путешествие домой по старому пути безнадежности.

Площадки игр его детства не изменились. Все так же громоздился мусор. Все так же кучковались банды подростков. Корявые и часто с ошибками похабные надписи покрывали все те же пластиковые стены. Когда-нибудь будущие археологи пройдут слой за слоем напыленной краски, восстанавливая аберрации необразованных умов из поколения в поколение.

Он очень старался убедить себя, что это еще не вся Старая Земля.

— Кое-где она еще хуже, — буркнул он. И тут же осудил себя за предвзятое мнение.

Конечно, большая часть терранского человечества жила по-скотски. Но не все. Были анклавы, где сохранилась какая-то гордость, какие-то стремления, какое-то достоинство. Была и местная промышленность. Земля производила большую часть своих продуктов питания и товаров первой необходимости. Были художники, писатели, провидцы... Они просто терялись в гуще варварских орд. И составляли неестественно малый процент населения.

Из генетического фонда была изъята не только склонность к риску; вместе с ней исчезли таланты и интеллект.

Средний коэффициент интеллекта на Старой Земле был на двадцать пунктов ниже среднего по Конфедерации.

Своему таксисту Перчевский отвалил непомерные чаевые, и этого было достаточно, чтобы таксист принял его за босса преступного мира. Преступление было единственной профессией, которая позволяла человеку рассчитывать на какое-то уважение.

Его шифр все еще открывал двери дома. После всех этих лет. Забавно.

Еще один признак того, что сталось с родным миром. Террор был столь вездесущ, что уже никто даже и сопротивляться не пытался.

Мать была пьяна. И сразу на него напустилась:

— Ты не Гарольд. Ты кто такой? И где Гарольд? Сюда только Гарольду можно!

Он посмотрел мимо нее туда, где провел почти все свое детство. Площадь три метра на четыре, разгороженная на три комнатушки. Тогда здесь казалось просторнее, хотя дома жил еще и отец.

Он не ответил.

— Слушай, братишка... О Господи! Это ты. Какого черта ты тут делаешь? — В голосе звучала злость. — Да не стой ты столбом, чего уставился? Заходи, пока нас не сожгли!

Он протиснулся мимо нее и плюхнулся на кушетку, которая в детстве служила ему постелью.

Квартира не изменилась, а вот мать — да. К худшему.

Дело было не только в возрасте и неизбывной бедности. Она опускалась внутренне.

Начала жиреть. Стала неряшливой. Волосы не расчесывала по целым дням...

— Дай я хоть приберусь. Я только что встала.

Она исчезла за раздвижной ширмой, игравшей роль двери в спальню.

— Что ты делал все это время?

— Это мне бы тебя надо спросить. Я посылал письма.

И твердую инопланетную валюту. Ни на то, ни на другое ответов не было.

— Я как-то ни разу не собралась ответить.

Хотя бы обошлось без противных оправданий, что не было денег на писца. Он знал, что она относила его письма читчику, на это ее хватало. Но на ответ — уже нет.

— А вообще я писала тебе два раза. Один раз после того, как ты тут был последний раз, и еще два или три года назад, когда твоего отца убили в мятеже Таннера. Мне было все равно, но я думала, что тебе надо бы знать.

— Он погиб?

— Как последний дурак. Его повесили в Крестовом Походе Реваншистов. Они устроили большую заваруху, а потом все погибли в нападении на Крепость сил безопасности.

— Я этого письма не получил. И не знал.

О мятеже Таннера и Крестовом Походе Реваншистов он даже и не слышал, поэтому спросил о них.

— Хотели все повернуть назад. Вернуть Золотой век или что-то в этом роде. Объединить Землю и сделать ее центром галактики. Многие думали, что за этим стоите вы, лунатики. Говорят, что все движение архаистов тоже вы устроили.

Детство архаизма на Старой Земле совпало по времени с его собственным. Если это делалось по плану, то план обернулся против своих создателей. Былая слава не всколыхнула

к жизни родной мир. Люди просто нашли себе еще один способ бегства от реалий настоящего.

Романтические периоды прошлого входили в моду. Мужчины любили играть в империи. Женщинам нравилась роскошь.

Мужчины погибали в группах типа «Стальной Шлем», «СС Мертвая Голова» или «Черный Сентябрь» при стычках с разными «Иргун» или «Штерн»... Самые малые и менее всего упоминаемые группы были самыми опасными.

Дамы предпочитали балы эпохи регентства, французский двор, средневековый сераль.

Поиск оригинальности в сочетании с желанием найти свое место заставляли людей обшаривать самые дальние уголки истории Земли.

Во время рейса он видел в передаче новостей в живом эфире атаку на храм культа Ацтекских Ревивалистов в Мехико. Полиция пробилась в храм, но жертв спасти не успела.

Вернулась мать. Ее наряд был смешон на женщине ее возраста. Блузка прозрачная, юбка еле доходит до середины бедер. Он сдержался и не проявил своих чувств. Несомненно, это был ее лучший костюм.

— Я таких вещей не знаю. Не моя область. Есть там несколько ребят, которые в качестве хобби пытаются спасти эту помойку от самой себя.

Ей его отношение не понравилось.

— Как тебя зовут на этот раз?

— Перчевский. Корнелий Перчевский.

Он смотрел на нее и видел перед собой Грету сорок лет спустя. Если только... если девочку примут; тогда он будет считать, что его выбор жизненного пути оправдался. Тогда он спасет кого-то от превращения в такое...

— А в чем это ты? — спросил он наконец. — Я не узнаю периода.

— Битлз и Твигги.

— А?

— Двадцатый век, семидесятые. Англо-американское движение, зародилось в Англии. Один из светлых периодов.

— Молодость и никакой философии? Что-то я слышал, хотя детально не знаком.

— Это сейчас куда как в моде. Доведено до абсурда. Полная шизофрения. Ты по-английски знаешь, нет?

— Приходится знать. Почти во всех мирах Первой Экспансии есть от него следы.

— Отчего тебе не бросить все эти глупости? Эти мерзкие инопланетники... Отлично мог бы здесь преподавать английский и жить припеваючи. Тут *каждый* хочет его выучить.

«Началось, — подумал он. — Она принялась с того места, где бросила восемь лет назад. Только хуже стало. Зачем я вообще сюда приехал? Сам себя наказать за то, что вырвался из этой адовой дыры?»

Потом он увидел знакомое выражение ее лица.

— Сейчас будут новости. Давай посмотрим, что где творится. — Она насвистела несколько тактов мелодии, которую он не узнал.

Выпуск был совершенно невероятным. Группа архаистов сотворила то-то. Такой-то сказал то-то. «Бомбардировщики» обыграли «Крыс» со счетом 21:19. И ни слова о фон Драхове и вообще ни о чем вне планеты, только упоминание, что баскетбольная команда России отодрала гастролирующую команду Новгорода.

— Подумаешь! — буркнул он. — На Новгороде тяжесть семьдесят три процента от земной. Для честной игры им надо было бы выставить недомерков.

Мать вспыхнула. Она ненавидела иностранцев почти так же, как инопланетников, но русские были хотя бы добрыми землянами, у которых хватило ума оставаться на родине...

Он успокоил ее, снова подумав, нет ли у него мазохистской жилки.

Попытается ли она понять, если он начнет объяснять, как сильно он застрял в середине? Что инопланетники не любят землян с той же силой, с которой те их не выносят? Что ему приходится каждый раз примирять обе эти позиции в себе и в каждом своем знакомом?

Но он знал, что она ему не поможет. И рецепт ее он знал. Брось все это, вернись домой. В запущенность и безнадежность...

— Мать, я тот, кто я есть. И я не изменюсь, ты зря время тратишь на уговоры. Почему бы нам куда-нибудь не выбраться? Эта квартира на меня давит.

— Чем это таким? Ладно. Хорошо. Она несколько старовата. И у меня есть пара кредитов сверх социальной страховки на переезд. Но она такая *большая*... Мне нравится, когда вокруг меня столько места. На новом месте так уже не будет.

Перчевский мысленно застонал. Начинался сеанс самокритики мамаши Маркс, когда она сознается во всех своих грехах как объекта социального страхования. Потом перейдет к тому, какая она плохая мать, и примет на себя всю ответственность за то, что он сбился с пути.

Он грустно покачал головой. Могла бы за восемь лет подобрать новую песню.

— Брось, мать. В прошлый раз мы все это уже проходили. Давай куда-нибудь пойдем. Что-нибудь посмотрим. Что-нибудь сделаем.

Она пришла в смятение. Она возмутилась. На улице темнеет. Только богатые земляне, которым по карману броня, выходят после заката.

— Вот, — сказал он, — открывая сумку. — У меня теперь свой дом. Привез тебе показать пару голограмм.

Изображения дома до нее дошли.

— Томми! Как красиво! Великолепно! Так ты и в самом деле хорошо устроен, да?

— Вполне прилично.

— Но ты несчастлив. Мать не обманешь, нет!

«А, черт, — подумал он. — Я уже вырос вдвое старше, и не надо мне этого».

— Ты бы могла в нем жить, если бы захотела.

Она сразу стала подозрительной.

— А это не где-то в чужом месте, нет? Горы эти не похожи на Скалистые горы или Сьерру.

— Это на планете под названием Приют.

— О Боже мой! Не говори так! Ох! Сердце... я тебе говорила, мне врачи сказали, что сердце у меня слабое?

— Каждый раз, когда тебе нужен был повод...

Он пресекся. Не будет он начинать перепалку.

— Не будем ссориться, Томми. Мы должны быть друзьями. Ох! Кстати, о друзьях. Патрика на прошлой неделе убили. Вышел после темноты. Очень печально. Никто даже и представить себе не может, что его заставило.

— Патрика?

— Рыжий парень, с которым вы дружили до того, как ты... как ты поступил в Академию. Кажется, Медих была его фамилия. Он жил с матерью.

Не помнил он Патрика. Рыжего, Медиха или как-нибудь по-другому.

Он был чужой здесь. Даже воспоминания пропали. Он изменился. Мальчишка, который жил здесь с этой женщиной, умер. А он — самозванец, притворяющийся ее сыном.

И она браво играла в эту игру, притворяясь его матерью. Он точно знал, что она предпочла бы заняться сейчас чем-нибудь другим. Она ведь ждала какого-то Гарольда?

Может быть, поэтому они старались удержать людей от отъезда. Уехавшие становились другими.

— Мама... — Его горло сжалось при этом слове.

— Что?

— Я... я думаю, мне лучше уйти. Не знаю, чего я здесь искал. Но это не здесь. Это не ты. Может быть, этого вообще нет на свете. — Слова выходили из него, спотыкаясь и наступая друг другу на пятки. — От моего присутствия ты не слишком счастлива. Так что я лучше пойду.

Он попытался прочесть выражение ее лица. На нем разочарование боролось с облегчением — так ему показалось.

— Когда я там, я землянин, мать. Но уже не землянин, когда возвращаюсь. Я чувствую это, когда я здесь. Наверное, мне стоит перестать помнить это место как свой дом.

— Здесь и есть твой дом.

— Нет. Больше нет. Это просто мир, где я родился. А это — место, где я жил.

— А я — просто кто-то, кого ты знал в те времена?

— Нет. Ты — мать. И всегда ею будешь.

Молчание длилось больше минуты.

Наконец Перчевский сказал:

— А ты даже подумать не хочешь переехать ко мне?

— Я бы не могла. Просто не могла бы. Я могу жить, лишь где живу, и быть лишь тем, что я есть. Как бы это ни было бесполезно.

— Мама... ты не обязана здесь стареть. У нас есть процессы омоложения...

И в ее вопросе наконец проявился подлинный интерес.

— Вы восстановили тайну лабораторий бессмертия?

— Нет. Они исчезли навеки. Все эти процессы только обновляют тело, дегенерации нервов они остановить не могут. Известны они уже столетие.

— А как вышло, что о них никто не знает?

— Здесь? На этой перенаселенной Земле, где каждый только и думает, как настрогать побольше детей? Хотя кое-кто, наверное, знает. Может быть, кто-то и пользуется. Это не очень большой секрет. Но ведь здесь никто даже и слушать не хочет о том, что делается вне планеты. Каждый — участник огромного заговора слепоты.

— Это нечестно...

— Это мой мир. По праву рождения я могу, если захочу, показать пальцем и назвать имена. Так ты поедешь со мной?

Он подумал о Грете. И эта мысль его взбесила.

— Нет.

— Значит, я улетаю утром. И нет смысла нам резать друг друга ножами любви.

— Как поэтично! — Она вздохнула. — Милый мой Томми! Пиши мне. Я знаю, что почти никогда не отвечаю, но эти письма... от них легче. Я люблю слушать обо всех этих местах.

Перчевский улыбнулся:

— Это в генах. Спасибо. Конечно, буду писать. Ты же для меня женщина номер один во всей вселенной.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ:
3048 н.э.

ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», БОРТ «ДАНИОНА»

— Алджо! Алджо! Хене ильяс! — бормотал про себя бен-Раби над узлом с отсоединенными трубопроводами. — Ильяс им гиало бар!

— Что за ерунда? — удивился Маус.

— Стих-бессмыслица. Потти Уэлкин. Из «Тени голубого доминиона». Там дальше: «Нуне! Нуне! Скаттарак...»

— Никогда о ней не слышал. Как ты думаешь, нам резать эту трубу?

— Лучше поставим новый штуцер. Это стих политического протеста. Не из лучших стихов автора. Сатира на Конфедерацию. Так, по его мнению, звучит политическая речь.

— А чего ты это вспомнил?

— Так, захотелось. Так я сам себя сегодня утром ощущаю. Как стих без смысла и рифмы, в котором каждый пытается угадать смысл. И я в том числе. Вот, сделал. Что у нас дальше?

Рядом с Маусом Эми копалась у себя в планшете. И подняла на Мойше вопросительный взгляд.

— Трещина в штуцере линии подачи топлива за километр отсюда.

— Уф!

Бен-Раби бросил свою сумку с инструментами в электрокар и сел туда же, свесив ноги. Маус устроился рядом, и Эми взяла с места рывком, от которого по всему электрокару звякнули запчасти. Она всю неделю была зла и необщительна.

Мойше был точно так же насторожен и растерян. Он считал причиной ее расстройства, что он не попытался ее соблазнить.

Маус три дня молчал. Сейчас он прошептал:

— Что между вами произошло?

— Ничего.

— Брось, Мойше. Я тебя слишком хорошо знаю.

— На самом деле ничего. В этом-то и беда. — Он пожал плечами и попытался сменить тему: — Никак не могу поверить, что мы на корабле. Такое чувство, что мы вернулись в туннели Луны-Командной.

— А что ты хотел сказать этим стихом?

— Что сказал. Люди пытаются меня понять. Чтобы использовать.

Корабль и в самом деле был очень похож на Луну-Командную со всеми этими длинными переходами, соединяющими узлы, которые должны были быть огромными, чтобы функционировать.

— Я не понял.

— А кто понимает? Хотя погоди. Вот, например, Череп пытался уговорить меня перейти на их сторону...

— И что? Меня он тоже уговаривал. Он всех уговаривал. Кажется, это часть их плана. Я только ему сказал, что не соответствую его цене. Не знаю ничего, что могло бы быть ему

полезным. Так что такого? Это часть спектакля. Мы такое уже проходили не раз.

Бен-Раби подумал, что в этот раз есть различие. Раньше у него никогда не было соблазна.

— А чего она на меня напирает? — Он дернул головой в сторону Эми.

Маус устало рассмеялся и грустно покачал головой:

— Мойше, Мойше, Мойше. По-твоему, это обязательно часть плана? Здорово же припекла тебя сангарийка. Может быть, ты ей просто нравишься. Они не все вампиры.

— Но все они делают больно, — почти про себя пробормотал Мойше.

— Как? А! Слушай, а ты ни разу не подумал, что у нее могут быть точно такие же чувства?

Бен-Раби остановился. Может быть, Маус прав. Он умел разбираться в женщинах, и сейчас его мнение совпало с впечатлением самого бен-Раби. Хотелось бы ему приобрести этот легкий, менее обязывающий стиль отношений. Маус это умел и расставался с девушками, не обижая их.

— Кстати о женщинах. И о ней. — Сангарийка улыбнулась своей железной улыбкой, пройдя мимо них со своей рабочей командой. — Что с ней делать?

После демонстрации Мауса в выходной день она уже на рожон не лезла, но своего замысла не оставила.

— Просто ждать. Мы заставляем ее нервничать. Ты думаешь, старый Череп про нее знает? Мы можем заработать несколько очков, тормознув ее, когда она начнет действовать.

— Это мысль, — сказал Маус и задумался. Когда электрокар остановился, он предложил: — А чего бы тебе сегодня вечером не прийти поиграть?

Мойше понял, что его партнер все еще очень занят попытками выполнить задание.

Эми воткнула вилку электрокара в зарядную сеть.

— Эта женщина — кто она?

— Какая женщина? — спросил Маус искренним тоном.

Бен-Раби осмотрел местность. Вид был такой, будто здесь недавно бесилось стадо слонов. Коридор подвергся действию вакуума, и замерзшие жидкости разорвали трубы.

— Мы здесь неделю провозимся, Эми. Почему мы не привезли ни одной трубы на замену?

— Контроль повреждений после ленча вышлет группу, и они привезут все, что нам нужно. Сейчас нас интересует только вот этот трубопровод к реактивному двигателю. Его нужно открыть до обеда. Ты не ответил на мой вопрос, Мойше.

— На какой?

— Кто эта женщина?

Бен-Раби пожал плечами:

— Кажется, Мария Гонзалес.

— Я знаю, как ее зовут. Я хочу знать, что происходит между вами тремя.

Бен-Раби повторил свой жест.

— Наверное, она терпеть не может шпионов. Нас многие вычеркнули из списка на новогодние поздравления.

Избегая ее взгляда, он подал Маусу ключ.

— На кого она работает?

Вопрос застал Мойше врасплох, но он был в хорошей форме.

— На Пауля Крауса из атмосферных систем. Он тебе может рассказать все, что ты хочешь знать.

Маус хихикнул.

У Эми задергался мускул на щеке.

— Ты знаешь, что я имею в виду. Отвечай мне.

— Спокойнее, Эми, — сказал Маус. — Слишком светишься.

— Что?

— Небольшой профессиональный совет, не более того. Не дави. Это на людей плохо действует. Они зажимаются или начинают играть с тобой в игры, уводя за своей ложью. Хороший агент никогда не давит, кроме случаев крайней необходимости. У тебя ее нет. Никто никуда целый год отсюда не денется. Так что проще всего дать кусочкам падать, как они хотят, и потом сложить их вместе. — Он выбрал тон старого зубра, дающего совет новичку. — Вот возьмем нашу ситуацию. Дай мне двадцатисантиметровый латунный штуцер, Мойше. Ты знаешь, что мы — люди флота. Мы знаем, что ты работаешь на Киндервоорта. Ладно...

— Я — что?

— Не скромничай. Паяльную лампу, Мойше. И найди припой. Ты выдаешь себя десять раз на дню, Эми. На эту удочку с гаечным ключом для левой руки не попался бы самый зеленый ученик.

Бен-Раби не смог сдержать смешка. Эми переворошила все сумки с инструментами в поисках этого мифического ключа. Потом пошла в контроль повреждений и написала там требование. Там тоже подхватили шутку и направили ее в инструментальную.

Естественно, она прошла краткий курс слесарного дела, но посвященных ей было не обмануть.

Она покраснела от ярости; потом на ее лице появилась слабая улыбка.

— Я же говорила ему, что не справлюсь.

— Он вряд ли этого от тебя и ожидал. Он знает, что мы лучше. Но все это не важно. Мы сейчас от этого далеки. Два лба на ремонте труб. Ну, зато теперь мы знаем, кто что. Мойше, где флюс? Так почему бы тебе не поступать, как мы? Не нажимай. Смотри внимательно. Выжидай. Все потихоньку сложится само из крупиц и кусочков. В этом нет ничего неприятного. Так, на этом уроки в шпионской школе старого дока Игараши и заседание клуба одиноких сердец на сегодня заканчиваются. Готовьтесь, завтра может неожиданно быть контрольная. Ой! Черт, горячо.

— Поосторожнее с паяльной лампой, безрукий! — сказал Мойше. — Этот тройник не того размера. Придется его както сужать на пару сантиметров.

— А вот, — сказала Эми. Отметив что-то птичкой в одном из листов у себя в планшете, она подала Мойше тройник редуктора с прицепленным к нему номером. — По специальному изготовлению. Видишь, я учусь. — Она рассмеялась. — Все, больше вопросов нет. Маус, Мойше, так гораздо легче. Я не чувствую себя соглядатаем.

— И отлично, — сказал Маус.

Вдруг «Данион» затрясся и застонал. Бен-Раби резко оглянулся в поисках шкафчика со скафандром. Маус инстинктивно принял защитную стойку и издал звук, подозрительно похожий на хныканье.

— Что за чертовщина? — спросил он. — Мы разваливаемся?

Эми снова засмеялась:

— Это пустяки. Сдвигают ментопаруса и ловчие сети.

— Ментопаруса? — спросил бен-Раби. — Что это такое?

Ее улыбка погасла. Она явно проговорилась.

— Не могу объяснить. Спроси кого-нибудь из операционного сектора.

— А он вне пределов разрешенной для нас зоны?

— Да.

— Тогда понял.

Встряска продолжалась еще полчаса. Они сделали перерыв на ленч, ожидая людей из контроля повреждений. Отчужденность Эми по отношению к бен-Раби начала таять. Скоро они уже болтали, как подростки, которые только что помирились.

Маус со стороны легкими намеками, не хуже, чем профессиональный психолог, уговорил Эми пригласить Мойше на следующий выходной день.

После ужина бен-Раби отправился в каюту Мауса. Они играли в шахматы и обсуждали, читая по губам, предложения, которые Мойше с помощью старых добрых симпатических чернил написал между строк черновика своего «Иерусалима». Они также штурмовали вопрос о сангарийке, который оказался так же упрям, как всегда.

Наступил выходной день с его сумасшедшими шахматными турнирами с утра, спортивным ажиотажем полудня, архаистским парадом и тусовкой коллекционеров. Бен-Раби коечто обменял у Сварливого Джорджа, застрял над какими-то марками и получил приличную сумму наличных за бабочек-мутантов со Старой Земли, которых прихватил с собой для обмена.

Вечером они с Эми были на другом балу, на этот раз в стиле Людовика XIV. Он пришел в обычной одежде, а вот Эми сочинила себе костюм и была потрясающей. С бала они отправились в ее каюту, чтобы она переоделась. Их пригласила на вечеринку та же самая кузина.

— Как ваш народ запал на этот архаизм? — спросил Мойше, пока она переодевалась.

— Мы его породили, — ответила она из ванной счастливым голосом с оттенком смеха. Она искренне веселилась весь этот день. И Мойше тоже ощущал себя необычайно живым и бодрым. — Он начинается в яслях. В школе. Когда мы разыгрываем историю. Мы не так давно существуем, чтобы иметь собственное прошлое, и потому одолжили ваше.

— Это не так. У нас одна и та же история.

— Наверное, ты прав. Старая Земля — это история каждого, если проследить до корней. В общем, это школьная игра. Метод обучения. И многим он нравится. Одеться и играть роль — это развлекает. Но мы этим не живем. Не так, как это бывает у некоторых, если ты понимаешь, что я имею в виду.

— А ты помнишь Шуто? Командира того корабля, который нас привез. Самый тяжелый случай, который я только видел.

— Исключение. Вот посмотри: многие ли так в это уходят? Очень мало. А здесь на борту почти все — архаисты. Понимаешь? Это игра. Но ваш народ играет в нее слишком серьезно. Даже страшно.

— Что ж, согласен.

«Интересно, — подумал он. — За эти две недели ничего не удалось увидеть в культуре сейнеров, чего не было бы у других. Они живут заемными жизнями так, что это не дает вклада в целое. Его ожидания, основанные на легендах наземников, слухах и на том, что он изучал на Луне-Командной, были сурово обмануты».

Но в словах Эми был смысл. Он узнал пока лишь очень немногих. Необычное меньшинство. А необщительное большинство могло представлять собой что-нибудь совсем другое.

Она вышла из ванной.

— Застегни мне молнию, пожалуйста. — И, отвечая на вопрос, добавила: — Мы живем не только заемной жизнью. Просто, во-первых, ты видел пока лишь немногих людей, как ты сам сказал. А во-вторых, это флот. Ты же не станешь выносить суждение о всей Конфедерации по одному из кораблей флота? Верфи и ясли — там все по-другому. За исключением того, что, когда мы работаем, мы стараемся превратить жизнь в игру, чтобы оттолкнуть скуку и страх. Вряд ли мы сильно отличаемся от космонавтов флота. Как бы там ни было, а ты еще нас настоящих не видел. Ты только видишь нашу реакцию на вас.

Что это за верфи такие? Все время в разговорах сейнеров они проскакивали. У звездных рыбаков есть планета, спрятанная где-то в стороне от больших дорог? Это не так уж невозможно. В архивах сохранились сведения о местонахождении десятков ранних поселений, разрушенных в Лунных

войнах... Он уже собрался было спросить, как вспомнил совет Мауса насчет не напирать.

В цивилизации сейнеров было много, много больше, чем мог даже подозревать любой житель Конфедерации. За те крохи информации, которые они с Маусом уже собрали, заинтересованные люди заплатят целое состояние. Если он будет расширять свои познания с такой скоростью...

То ему дадут по возвращении еще одну медаль. Это он мог сказать наверняка. А он предпочел бы этот проклятый год отпуска, наконец.

Вечеринка была точной копией предыдущей. Те же люди, та же музыка. Те же разговоры и споры. Только они с Эми были на этот раз другими. Они пили осмотрительно и пытались понять, что с ними происходит.

Участники вечеринки были моложе, и они с Эми несколько тяготились этим разрывом, хотя хозяйка и старалась, как могла, включить их в общий ход веселья. Мойше не ощущал себя незваным — всего лишь был не в своей тарелке. Он подумал, что и раньше был здесь некоторой аномалией, но не заметил этого, занятый своим.

Это Эми организовала приглашение? Если да, то зачем? Очередная интрига Киндервоорта? И Ярл, и Маус, кажется, охотно их сводили.

Почему он все время задает себе вопросы? И сомневается во всем? Почему у него такое чувство, что он теряет свое место в мире?

Они обнимались. Пили. Тени сгущались. Они узнавали прошлое друг друга. Он узнал, что она когда-то делала аборт от человека, который хотел на ней жениться, но был ей неприятен. Он подавил искушение спросить, зачем тогда она вообще легла с ним в постель.

Еще он узнал, что она боится половых сношений из-за какого-то своего недостатка. Какого? Она уклонилась от объяснения. Он не настаивал.

Время летело. Вечеринка дошла до зенита и катилась дальше. Они с Эми оставались до тех пор, пока не разошлись все остальные.

Уйти они боялись больше, чем злоупотребить гостеприимством. Каюта окружала их стенами знакомой клетки. Взаимодействие шло по правилам вежливости по отношению к

хозяйке. Расширение этих пределов выводило за границу безопасного.

Но та же вежливость требовала уйти раньше, чем они слишком надоедят кузине Эми.

Неощутимая разница между прошлой и этой неделей всплыла в голове у каждого, когда они вернулись к каюте бен-Раби. Эми была напугана и не знала, чего хочет. Он тоже. На этот раз — они оба знали — что-то случится. То Самое, как называли это дети в те годы, когда в нем проснулось ощущение пола.

Как дети, они хотели и боялись. Приятное единение, к которому они стремились, таило риск мучительной боли.

Так сказывались шрамы от грехов прошлого. Оба так боялись повторения старых ошибок, что почти бросили попытки строить жизнь снова.

Мойше с легким удивлением наблюдал за процессами в собственном мозгу. Отстраненная часть его сознания не могла понять, что происходит. Он вполне благополучно пережил не одну любовную историю. Даже с сангарийкой. Откуда же такая регрессия в подростковый возраст и смущение, как во времена Элис?

Наступило долгое, напряженное, неловкое мгновение, когда судьба ночи застыла в шатком равновесии на лезвии обоюдоострого меча. Эми смотрела, как он медленно слезает со скутера. Потом она с решительной гримасой ткнула вилку скутера в зарядную сеть.

Мойше ощутил наплыв облегчения. Она избавила его от необходимости решать. Если что будет не так, ответственность на ней.

Но они нервничали и боялись. Напряжение проявилось в виде временной импотенции и трудного введения. Они все время шептались, уговаривая друг друга, что все хорошо. Бен-Раби не мог не вспомнить своего первого раза, с Элис. Они тогда оба были девственны.

Тогда, как и теперь, они смогли достигнуть главного лишь после долгих трудов. Хотя теперь задачу облегчал опыт.

В пиковый момент Мойше ощутил у себя в паху поток теплой влаги — нечто, что он раньше относил исключительно к области порнографии.

Эми вскрикнула. Она потеряла контроль над мочевым пузырем.

Бен-Раби, окрыленный таким оглушительным доказательством своих мужских достоинств, рассмеялся и рухнул на нее, крепко обнимая.

Она подумала, что он смеется над ней.

Ногти Эми вспороли его кожу, посыпались гневные слова. Она попыталась ударить его коленом. Он откатился в сторону, ошеломленно пытаясь что-то сказать.

С распущенными волосами, мокрая от пота, волоча за собой мятую мокрую простыню, Эми вылетела в коридор. Когда бен-Раби успел влезть в штаны, она уже убежала на сотню метров, забыв скутер, пытаясь на ходу завернуться в простыню.

— Эми, вернись! Эми! Прости меня!

Поздно. Она не слушала. Он побежал было за ней, но остановился, когда из кают стали выглядывать заинтересованные лица.

Он вернулся назад и стал думать, что же он натворил.

Он задел ее больное место. Должно быть, такое случалось с ней раньше и причиняло ей много горя. Вот почему она так боялась. Но все же она пришла к нему, надеясь на понимание.

А он заржал.

— Идиот! — Он швырнул подушку в стену. Потом: — Она должна была меня предупредить...

Тут он понял, что именно это она и сделала — намеком.

Надо было что-то сделать, пока ее гнев не окаменел ненавистью.

И он пытался. Очень усердно пытался. Он вернул ее одежду с длинным извиняющимся письмом. Он звонил, но она не отвечала. Он зашел к Киндервоорту и просил его помочь, но это тоже оказалось без толку.

Их пути больше не пересекались. На работу она не вернулась. Загнать ее в угол и заставить слушать возможности не было.

Меч упал.

Новым его начальником, тоже из людей Киндервоорта, был маленький и противный тип по имени Лайл Брюс. Этот человек был предубежден и необщителен. Еще он был нетерпим и грубо несправедлив. Ремонт надо было делать толь-

ко так, как он говорил, хотя понимал он в этом еще меньше Эми.

Маус и Мойше в ответ только мило улыбались. И Брюс просто выходил из себя.

— Скоро его уберут, — пообещал Маус. — Это очередной тест, который Киндервоорт с нами проводит.

— Долго он не протянет, — подтвердил бен-Раби. — Мы его кротостью доведем до инфаркта.

И бен-Раби оказался прав. На следующую неделю Брюса заменил человек из контроля повреждений. Мартин Кинг не был особенно дружелюбен, но и враждебности не проявлял. Он был человек предубежденный, но умел подавлять свои предубеждения во имя «Даниона». Ничего, что мешало бы их работе, он не делал.

Однажды после конца смены он обратился к бен-Раби:

— Я должен вас отвести к Киндервоорту.

— Да? Зачем?

— Он не сказал.

— А как же ужин?

— Что-нибудь придумаем.

— Что ж, пойдем.

Кабинет Киндервоорта был обставлен в уютном английском стиле середины девятнадцатого века. Много черного дерева, ряды книг. Настоящий камин.

— Садись, Мойше, — предложил Киндервоорт. — Как она, жизнь?

Бен-Раби пожал плечами.

— Дурацкий вопрос, да? — Киндервоорт встал, обошел стол и сел на его угол. — Это разговор не деловой, так что расслабься. — Он помолчал. — Нет, это не совсем правда. Все рано или поздно оказывается имеющим отношение к делу. Я хочу поговорить с тобой об Эми. Не возражаешь?

— Почему бы и нет?

В конце концов, именно к этому человеку он прибежал, когда все рушилось.

— Дело-то личное. Я боялся, что тебе это может быть неприятно.

— Так и есть.

— Что ж, это честно. Я тоже буду честен. Я хочу помочь, поскольку вы — мои друзья. Не слишком близкие, но друзья.

Разумеется, у меня тут есть и профессиональный интерес. Неприятностей такого рода впереди ожидается немало, а для «Даниона» это плохо. Я хочу найти способ сгладить такие противоречия.

«Хорошо отрепетированная речь», — подумал Мойше.

— Ты хочешь использовать нас с Эми как морских свинок?

— В определенном смысле. Но это не просто эксперимент. Главное здесь все-таки вы.

Мойше старался подавить свою реакцию на выступление Киндервоорта, отодвинуть злость и негодование на такое вмешательство...

Вертящееся видение звезд и тьмы. Образ пылающего пистолета на бархатном фоне. Никогда это видение не было таким сильным, таким детальным. Гнев сменился страхом. Что происходит? Что значит это смертное видение для его подсознания?

— Мойше! Что с тобой?

Киндервоорт склонился над ним, глядя ему в глаза. Голос его звучал откуда-то издалека.

Бен-Раби пытался найти ответ, но язык не слушался. В голове заплясали призраки. Невозможно было сосредоточить внимание.

В правую глазницу вдвинули пылающий лом.

— Мигрень! — выдохнул он.

На этот раз она обрушилась внезапно. Без обычного мелькания пятнышек или геометрических фигур перед приступом. Только призраки, пистолет и странно знакомое звездное небо.

Бен-Раби застонал. Сам дьявол топтал сейчас его череп, стараясь сплюснуть до размеров горошины.

Киндервоорт бросился обратно за стол, вытащил что-то из ящика, метнулся в ванную и вернулся с таблетками и водой. Бен-Раби смотрел на это почти без интереса. В его вселенной доминирующей силой была боль. Была только она и он... А теперь еще и голоса.

Он их слышал откуда-то издали, как обрывки разговора в конце коридора из дальней комнаты. Он попытался прислушаться, но пылающая боль не давала сосредоточиться.

— Мойше? Вот таблетки! Мойше? Ты меня слышишь?

Рука схватила бен-Раби за подбородок и потянула. Пальцы заставили его открыть рот. Сухие и горькие таблетки обо-

жгли язык. Плеснула вода. Та же рука закрыла ему рот и нос, пока у него не осталось другого выбора, как проглотить. Рука убралась; он сделал судорожный вдох.

Он не кричал. Пока нет. Потому что не мог. Боль его убивала, и он мог только цепляться за ее стреляющую лучами звезду. А она уходила вниз, во тьму...

Через секунду ему стало легче, и боль исчезла так же быстро, как появилась. С ней ушли голоса и призраки. Но он не сразу понял, где он.

Киндервоорт снова сидел за столом и напряженно говорил в интерком:

— ...точно в тот самый момент, когда вы вышли на ментодвигатель. — Он посмотрел на часы. — Комментарии были открыты? Спасибо.

И отключился. Лицо его было смертельно серьезно.

Мойше захотелось воды. Во рту было сухо, как летом в Блейк-Сити. Он попытался встать.

— Воды...

— Сиди! — рявкнул Киндервоорт. — Не шевелись. Сейчас дам.

Он побежал в ванную со стаканом в руке.

Бен-Раби рухнул обратно в кресло, дрожа от потрясения и холода. Из него вышло с потом не менее литра воды. Болеутоляющее, ударившее по нервам быстро, как нервно-паралитический газ, сработало отлично, но нервное истощение облегчить оно не могло. Он еще некоторое время не сможет шевельнуться.

От нескольких стаканов воды и одеяла стало лучше. Когда он снова почувствовал себя человеком настолько, что мог разговаривать, Киндервоорт продолжил как ни в чем не бывало:

— Мойше, я считаю важным, чтобы мы как-то уладили отношения твои с Эми. На личном уровне и на социальном.

— Хм.

— Ты будешь с ней говорить?

— Я уже пытаюсь это сделать полторы недели.

— Ладно, спокойней. Спокойней. — Он ткнул кнопку интеркома. — Билл? Пришли сюда мисс Кольридж.

Эми влетела вихрем:

— Что случилось? Я слыхала...

Тихо, чтобы Мойше не слышал, Киндервоорт объяснил. Забота на лице Эми перемешалась со смятением. Она подошла к бен-Раби:

— Как ты?

— Живой. К несчастью.

— Мойше, Мойше! Что же нам теперь делать?

— Я собираюсь попросить прощения, — тихо сказал он.

На пике эмоций извинения и объяснения полились потоком, хотя Эми и была еще настороженно-ранима. Как подозревал Мойше, ее проблема причинила ей в прошлом много горя.

Киндервоорт благоразумно удалился сразу. Через час они заключили осторожное перемирие.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ:
3047 н.э.

БЫЛЫЕ ДНИ, АКАДЕМИЯ

Перчевский глядел из окна аэробуса, заложившего вираж на подходе к Женеве. Что-то происходило там, у озера. На берегу сгрудились красные вспыхивающие огни.

— Леди и джентльмены, говорит ваш пилот. Служба контроля воздушных сообщений просила меня передать вам предупреждение сил безопасности. На ведущей к северу транспортной трубе чрезвычайное происшествие. Станция номер три захвачена террористами. Они могут попытаться отступить по трубе или захватить заложников из числа пассажиров. Труба открыта для движения, но пользоваться ею вы можете только на свой страх и риск.

Перчевский смотрел на вспыхивающие огоньки и перебегающие муравьиные фигурки полиции Зоны, пока самолет не снизился так, что их не стало видно. Позже, направляясь по гудронной дорожке к ждущему аэромобилю, он слышал стрельбу. Редкие взрывы тонули в трескотне стрелкового оружия.

— Вроде бы они принимают бой, — сказал опирающийся на аэромобиль солдат. — Сэр.

— Вроде бы. Чего они хотят?

Солдат пожал плечами и открыл дверцу пассажирского сиденья.

— Не думаю, что кто-нибудь их спрашивал, сэр. Полиции Зоны на это наплевать. Они их просто перебьют и будут ждать следующих. — Он захлопнул дверцу, обошел машину и сел на пилотское сиденье. — Офис компании, сэр?

— Да. А кто они такие? Как проникли?

— Новая шайка, сэр. Называют себя «Девятое июня». Понятия не имею, что это значит.

— Я тоже.

— Прорвались вчера через контрольный пункт Арсен. Обычное неожиданное нападение. Там же вчера пыталась прорваться другая шайка, и полиция Зоны не успела все восстановить. Эти всегда найдут способ. В прошлом году одна группа прорвалась на воздушном шаре.

Перчевский вышел из машины возле офиса, в котором помог Грете Хелсунг поймать свою радугу. Он отметился, сообщил, что возвращается на Луну-Командную, и посмотрел, что они сделали для девочки. Через час он уже ехал к ракетодрому возле озера, и вез его тот же водитель. На этот раз солдат поделился с ним сагой о том, как завоевал «даму с розовой нашивкой». Она так его любила, что *чуть не* вступила в Службу.

«Люди с розовыми нашивками» — это были земляне, работающие в Зоне, но живущие за ее пределами. Нашивка на форме была пропуском на вход. Она была кодирована Кирлиан-излучением для предотвращения использования ее террористами.

Следующим вечером Перчевский уже был в своей квартире на Луне. Приняв таблетку, он отключился на двенадцать часов. Поездка на Старую Землю и встреча с матерью были досадной ошибкой.

Он не стал сразу проверять, кто ему звонил. Не хотел рисковать и найти приглашение из Бюро.

Но такового не было. Сообщения были только от Макс и Греты. Макс без него скучала. Грета была одинока, испугана и заинтересована всем вокруг.

Сначала Перчевский ответил на звонок Греты. Он помнил, как ему было одиноко и страшно, когда он только прибыл в Академию. Даже ненавидя свой дом, он страшно по нему тосковал.

Позвонив в информационный отдел Академии, он узнал, что Грета назначена в учебный батальон, но обучение еще не началось. И жесткая дисциплина Академии еще не изолировала ее на недели. Ей можно принимать посетителей. После начала учений будут разрешены лишь еженедельные посещения ее спонсора.

— Порядки в Академии изменились с моих времен, лейтенант, — сказал он женщине, отвечавшей на его вызов.

— С моих тоже, капитан. Режим смягчается.

— Может быть. Мне это кажется шагом в правильном направлении. Я буду сегодня вечером. Очень буду благодарен, если вы позволите мне явиться сюрпризом.

— Как скажете, капитан.

— Спасибо за помощь, лейтенант.

Он снова залег на кровать, глядя в потолок и думая, зачем стал спонсором девушки, которую вообще не знал. Спонсорство — дело серьезное. Его ответственность перед законом Луны была не меньше ответственности родителя.

«Будете спонсором?» — спросил его тот человек, и он согласился, не думая.

И как же теперь ему правильно поступать с Гретой? При его профессии... Может быть, Бэкхарт переведет его куда-нибудь в штаб.

— Да, старик, загнал ты себя в угол. Как тебя угораздило?

Ладно, о чем волноваться? Грету запрут в Академии на четыре года. Ни на что, кроме тренировок и учебы, у нее не будет ни возможностей, ни времени. Его спонсорство будет состоять только в том, чтобы расписываться в ее табеле. Она достигнет совершеннолетия раньше, чем получит диплом.

Может быть, соглашаясь, он это подсознательно понимал.

Он позвонил Макс. Ответа не было.

Натянув мундир капитан-лейтенанта, он по скоростной трубе направился в Академию. Труба проходила через ядро Луны — Академия была на той стороне.

Хотя он до сих пор носил имя Перчевского, мундир ракетчика он снял, когда Верховное Командование объявило о рейде фон Драхова. Уже не было смысла притворяться.

Бюро, очевидно, согласилось. По крайней мере ему никто ничего не сказал.

Транспортные трубы были местом обмена сплетнями на Луне-Командной. Незнакомые друг с другом люди коротали долгие поездки, разбирая по косточкам все скандалы и слухи. Здесь Перчевский впервые услышал, что Улантский Марш обсуждается всерьез.

Конечно, об этом говорила Макс. Но она была штатской. Она передавала сведения из третьих-четвертых рук. Те, кого он слышал сейчас, были люди из корпуса Планетарной Обороны, штабные работники из миров, куда более близких к центру, чем Солнечная система. Они прибыли на Луну-Командную на семинар по высокомощной планетной обороне.

По шее Перчевского побежали мурашки холодного страха. Что именно — можно было еще спорить, но что-то пугающее явно было на подходе.

Цветные и иногда странные мундиры местных сил он уже видал повсюду, где бывал. Здесь были офицеры даже с тех миров, которые не входили в Конфедерацию.

Неудивительно, что ходят слухи о войне.

Он отметил свое прибытие в местном офисе. Конечно, у него было кольцо, но избыточность действий и недоверие к технике было аксиомой работы Бюро. Штабной тип сообщил компьютерному терминалу его местонахождение и продолжал от скуки смотреть голодраму. Перчевский сел на автобус, идущий к гостинице Академии для посетителей.

Академия была почти автономным крепостью-государством в крепости-мире Луны-Командной. Почти десять процентов площади и объема Луны были отведены для школы, обучившей каждого офицера Служб и почти половину всего унтерофицерского состава. Академия состояла из штабных колледжей, военных колледжей и штаб-квартиры специальных школ военного искусства, которые поддерживали Службы в состоянии боевой заточки. По временам число преподавателей и учеников Академии доходило до двух миллионов.

Перчевский провел в Академии восемь лет, лишь изредка видя остальную вселенную. В те времена увольнительные давали редко. Выход наружу обычно был связан с учениями. На разглядывание видов времени не было.

Считалось тогда, что он будет выпущен преданным и не задающим вопросов воином Конфедерации. Он теперь считал, что самая лучшая система иногда допускает осечки.

Сейчас ему было приятно пройти по старым знакомым коридорам, вспоминая всякие случаи, припоминая одноклассников, о которых не думал годами. Ему нравились юные свежеобритые лица ребят за взлетающими в салюте руками.

Казармы батальона Греты были неподалеку от тех, где жил когда-то он сам. Он на целый час погрузился в воспоминания о школьных днях.

Уже было поздно, когда он нашел старшего офицера батальона Греты. Табличку на двери можно было понять так, что это был батальон для обучения кандидатов в офицеры, созданный в 3047 году.

Он слегка присвистнул. Они шлепали кандидатов со скоростью военного времени.

Да, что-то должно быть в основе слухов. Ничто другое не могло объяснить, почему Грету почти сразу направили обучаться на офицера.

Унтер-офицер уже закрывал кабинет.

— Вы тот самый офицер, который ищет эту девушку Хелсунг?

— Да, сержант. Извините за опоздание.

Унтер пробормотал что-то язвительное.

— Такое настроение распространяется у вас и на курсантов, сержант?

— Виноват, сэр! Был очень трудный день, сэр.

— Где я могу ее найти?

— Рота «Альфа», комната двадцать пять. Мы только формируем батальон, сэр. Это один из подготовительных — для кандидатов, не имеющих опыта службы.

— Спасибо, сержант. Давайте закрывайте. Я только на несколько минут.

Перчевский вошел в крыло казарм. Через него прошли поколения курсантов. Воздух был здесь густ от прошедших годов — и от запаха людей. Он нашел коридор «А» и пошел по нему, разглядывая таблички на дверях. Наконец он нашел табличку ХЕЛСУНГ ГРЕТА: ГАМБУРГ, ЗЕМЛЯ рядом с ДЖЕЙМС ЛЕСЛИ откуда-то со Сьерры, что-то вроде Символ Предложения. На его стук никто не отозвался.

Он пошел на шум работающего головизора в холле. Там сидели около двадцати молодых ребят и девчонок, глядя в

головизор или играя в настольные игры — и то, и другое без энтузиазма. Воздух был пропитан ностальгией.

Грета сидела в кресле с виниловой обивкой, подобрав под себя ноги и обхватив руками колени. У нее был вид бесконечной грусти и несказанного одиночества.

Какой-то десятилетний с голосом, отработанным в кадетском пансионе, крикнул:

— Встать! Смирно!

— Вольно, ребята.

Грета бросилась ему на шею и чуть не задушила.

— Я уж не думала, что снова вас увижу!

— Тихо, девушка. Не сломай мне кости.

Вдруг ему стало лучше. Это приятно, когда кто-то рад тебя видеть.

— Как вы сюда попали? Я думала, вы поехали навестить мать.

— Так и было. Разочарование для нас обоих.

— Ох! Простите.

— Ничего. Я не слишком многого ожидал. Давай садись. Как ты здесь? Как тебе Луна?

— Я еще ничего не видала. Все тут больше, чем я думала. Что там дома?

— Ничего нового. Тоскуешь?

Она затрясла головой.

— Заливай! Я же здесь тоже был. И у меня до сих пор осталась эта тоска по дому. Вот почему я иногда возвращаюсь. Правда, я прибыл сюда вместе с Нейлом Армстронгом...

— Не дразнитесь!

— Ладно, не буду. Я тебе вот что скажу. Говорил я с твоим командиром роты...

— Старым Грязноволосым? Я его уже терпеть не могу.

Перчевский рассмеялся:

— Ты его еще и не так будешь ненавидеть. Он будет тебе отцом, матерью, духовником, богом и дьяволом. Слушай, хочешь пока посмотреть Луну? Когда начнутся занятия, у тебя уже не будет случая.

— А вы ничем другим не заняты? У вас есть работа и друзья...

— Я в отпуске. Вроде как в отпуске. И друзей у меня здесь немного.

— Я не хочу вас обременять... — Она перехватила взгляд тощей черной девчонки с тонкими косичками. — Лесли! Иди сюда! Капитан, это Лесли Джеймс. Моя соседка по комнате.

— Привет, Лес! А где это — Символ Предложения? Я был как-то на Сьерре, но такого места не помню.

Девушка что-то пробубнила наполненным собственными пальцами ртом и скрылась.

— Она очень стеснительная. У нее нет родителей, она из сиротского приюта.

— Все мы сироты так или иначе. Наша семья — флот.

Грета бросила на него странный взгляд. Потом спросила:

— А мы можем взять ее с собой, если поедем?

— Хм. Ты уже начинаешь понимать. Не знаю. Это может оказаться сложным. Если ты хочешь, я спрошу.

— Наверное, да.

— Ладно. Сейчас мне пора идти — часы посещения закончились. Просто хотелось посмотреть, как ты здесь. Завтра я вернусь.

Она стиснула его руку:

— Спасибо вам. За все.

Руки ее были мягкими, гладкими и теплыми.

Весь вечер он предавался фантазиям, которые никогда не собирался претворять в жизнь.

Мужчина внутри не стареет. Он всю свою жизнь любит тех мягких, гладких, теплых девушек, которых знал, когда был молод и только начинал понимать, что за удивительные существа — женщины.

— Куда поедем, девушки?

Они стояли на станции «Академия». Перчевский смотрел, как Грета разглядывает людей, стараясь не слишком пялиться. Вокруг сновали люди в странных мундирах.

— Не знаю, — сказала Грета.

Луна-Командная не была выставкой красот для туристов. Не было ни живописных развалин, ни монументов. Настоящие виды были снаружи — кратеры и горы поверхности.

Он отвез девушек в купол Тихо и повез покататься на поезде по поверхности. Он повел их по лучшим ресторанам и гостиницам. Грета реагировала очень живо, Лесли — отстраненно.

После двух дней у него кончились идеи. Все, кроме раскопок следов пришельцев, куда он обещал свозить Макс.

Макс могла бы разрядить обстановку. У нее могли быть идеи... в общем, он повез девушек к ней в магазин.

— Привет, Уолтер! — сказала Макс. Голос ее был наполнен холодом; она смотрела на Грету. Грета не заметила. Она во все глаза смотрела на витрины.

— Привет, леди. Есть для меня что-нибудь?

— Все то же старье. Так этим ты и занимался с тех пор, как вернулся?

— Да брось ты, Макс! Ей всего шестнадцать. Иди сюда, Грета, познакомься с Макс. Макс, это Грета Хелсунг и ее подруга Лесли.

Грета не была ненаблюдательной.

— Привет, Макс! Капитан — мой спонсор.

— Твой спонсор? Уолтер, ты мне никогда не говорил, что у тебя есть ребенок.

— Я полон тайн, любовь моя.

— А почему она называет вас Уолтер? Вы же Корнелий!

— Потому что он полон тайн, милая, — ответила Макс. — Каждый называет его другим именем. Он что-то вроде шпиона. Вряд ли он сам знает свое настоящее имя.

— Макс...

— Ух ты! В самом деле?

— Да, в самом деле. Макс, ты слишком много говоришь. Я вообще-то пришел спросить, не передумала ли ты ехать на ту сторону.

Кто-то вошел в магазин у него за спиной. Макс поздоровалась.

— Привет тебе, высокая, красивая и желанная! Томас? Это ты? Какого черта ты здесь делаешь?

Перчевский обернулся.

Вошел Маус. И профессионально оглядел Грету восхищенным взглядом.

— Вот это правильно. Ты знаком с Макс, правда? Макс, я в самом деле хочу ту маньчжурскую коллекцию, только ты сбавь цену. Двенадцати тысяч она просто не стоит.

— Что ты в самом деле хочешь, я вижу. Так убери лапы, это дочка твоего друга. А за коллекцию я могу и пятнадцать

получить, если отправлю ее в Аменхотеп. — И объяснила Грете: — Это приятель твоего старика. Тоже шпион.

Перчевский покачал головой:

— Она сегодня брызжет огнем, Маус. Я пришел позвать ее с нами, а она на мне штаны рвет. Я и не знал, что ты тоже коллекционер.

— Много чего мы друг о друге еще не знаем.

На этом тема была закрыта.

— Мы с Маусом были в Академии в одном батальоне, — объяснил Перчевский Грете.

Маус бросил на девушку еще один восхищенный взгляд. Она придвинулась ближе к Перчевскому, будто под его защиту. Маус слегка улыбнулся и возобновил спор с Макс.

Перчевский ломал голову, как бы ей объяснить так, чтобы объяснение ее удовлетворило, что она не конкурирует с непобедимостью юности.

— Макс, так ты хочешь поехать на раскопки на Обратной Стороне или нет?

— Когда это будет удобно.

— А вы в самом деле шпион, капитан?

— Можно сказать и так, Грета. Как насчет после работы, Макс?

— Ты уверен, что ты не будешь занят?

Перчевский закрыл глаза, сделал долгий, глубокий вдох и медленно выдохнул. «Терпение», — сказал он сам себе.

— А как ваше настоящее имя? — не отставала Грета. Маус смотрел на все это с непроницаемым выражением лица.

— Лапонька, я по временам сам нетвердо помню. Ты не волнуйся, это не важно. Если захочешь меня найти, просто набери номер, который я тебе дал. Если я не смогу ответить, ответит кто-нибудь из моих друзей.

— Но...

— Хватит. Тема закрыта. Макс, ты едешь на раскопки или нет?

— А рявкать совсем не обязательно, Уолтер. Да, еду. А ты, Маус?

— Я?

— Да, ты. Хочешь посмотреть новый грот? Говорят, что он может пролить новый свет на сангарийский вопрос. Там есть какая-то первобытная кладка, сложенная, возможно,

людьми. Космическая вариация вечной темы Ноева ковчега. Или ты из тех, кто культурой не интересуется?

— Конечно, еду. Почему бы и нет?

И он посмотрел на Перчевского будто с вызовом.

— Да вроде возражений нет, Маус.

Почему Маус решил присоединиться? Из-за слов о сангарийцах? Или Старик хотел, чтобы за ним кто-то присматривал? После того, что было на Сломанных Крыльях, Бэкхарт мог начать присматриваться сам.

Девушки по дороге спали. Перчевский и Маус играли в карманные шахматы, которые у Мауса были с собой. В ответ на прощупывающие вопросы Макс Маус рассказал несколько анекдотичных случаев из жизни Перчевского, не сказав ни слова про себя. Перчевский предоставил ему самому определять, что рассказывать.

Кажется, Макс его бывшим партнером не интересовалась ни капельки.

Оба они потягивали из фляжки, которую достала откуда-то из своих карманов Макс. Как она объявила, аварийный запас.

— Верная мысль, — похвалил ее Перчевский.

— У нас тут что, вечер воспоминаний одноклассников? — спросила она к концу пути.

Маус и Перчевский углубились в разговор «а помнишь?». Они вспомнили все детали Великой Парусной Гонки двадцать девятого года, когда они, выступая командой, победили лучших солнечных яхтсменов Конфедерации. Эта великая победа была одним из самых светлых воспоминаний Перчевского.

Тогда они с Маусом были командой, почти друзьями, и несколько дней после того они были ближе, чем когда-либо раньше или позже.

— Вот это были дни, — произнес Маус, игнорируя реплику Макс. — Жаль, что нельзя вечно быть салагами. Как ты думаешь, могли бы мы это повторить?

— Слишком постарели.

— Ну, я бы попробовал. Просто чтоб себя проверить. А ты? Я бы нашел корабль.

Перчевский рассмеялся:

— Найди сначала свободное время. Ладно, почти приехали. — Капсула замедляла ход. — Я девчонок разбужу.

Через час они добрались до раскопок.

Бывшая база пришельцев раскапывалась, изучалась и исследовалась со скоростью улитки. Ксеноархеологи копались в ней уже десятки лет и собирались копаться еще столетиями. Они изучали и сохраняли каждую крупицу лунной пыли, не желая ничего пропустить даже по невежеству.

Пока что эта база открыла больше сведений о прошлом человечества, чем о своих создателях.

Ученые заключили, что создание базы имело как научную, так и военную цель, и что она использовалась не менее десяти тысяч лет. По всей видимости, она была покинута примерно за одиннадцать столетий до своего открытия людьми, когда человечество ощупью делало первый робкий шаг в космос.

Перчевский и его спутники начали с музея находок, где в основном были предметы ежедневного обихода, вроде как у людей расчески, посуда, изношенные носки, бутылочки из-под пилюль, сломанная мебель и тому подобное. Свою серьезную аппаратуру пришельцы унесли с собой.

— Ой! — сказала Грета, когда они подошли к группе восковых фигур. — Ну и уроды же они были.

— А ты что-нибудь замечаешь, Грета? — спросил Перчевский.

— Кроме того, что они уроды?

— Да. Посмотри, как они одеты. Подумай. Помнишь легенды о маленьком народце? Гномы, карлики, эльфы, лесные человечки... кобольды у тебя на родине.

Самая большая из фигур пришельцев была ростом в метр.

— Да, вы правы. А вы знаете, что еще есть люди, которые в них верят? Когда-то — мне тогда, кажется, было десять — мы пошли на экскурсию в Черный Лес. Там был старый служитель, что-то вроде лесничего, который нам все время рассказывал истории о лесных кобольдах.

— А по-моему, — вмешалась Макс, — куда интереснее, что они похожи на космонавтов эры НЛО.

Все обернулись к ней.

— Это не я придумала. Мне это просто понравилось — однажды передавали по образовательному каналу. В былые дни люди иногда видали то, что называли «летающие блюд-

ца». Иногда кто-нибудь утверждал, что с ним говорили космонавты. И описывали их вот такими. Но никто этому не верил.

— А где они теперь? — спросила Лесли.

— Никто не знает, — ответил Перчевский. — Просто исчезли. И никаких других следов от них не нашли. Улант вышел в космос раньше нас и тоже никогда их не видел.

— А если они все еще за нами наблюдают? — спросил Маус.

Перчевский глянул на него с интересом.

— Мурашки по коже от таких мыслей, да? Давайте посмотрим новую камеру. Макс говорила, там нашли что-то иное, чем оборудование для столовой или спальни.

Может быть. Перчевский не мог догадаться, что бы это могло быть. Камера была большой и отлично сохранившейся, почти все предметы были неповреждены и стояли по местам.

— Параллелизм функций приводит к параллелизму устройств, — сказал он. — То есть мы должны были бы сообразить, что все это такое.

Он только узнал каменные стены с вылинявшей росписью, похожие на памятники минойской культуры. Он мог бы поспорить на все свои деньги, что это работа художников-людей. Казалось, это иллюстрация к какому-то рассказу о приключениях.

— Солярий, — сказала Грета. — Только без солнца.

— Гидропонная ферма?

— Нет, не так. Гидропоника с виду другая.

— Так что же?

— То есть я хочу сказать, что это вроде как Дом Пустыни в Государственном Ботаническом Саду Берлина. Видите, как расположены клумбы? А эти стойки должны поддерживать растения так, чтобы им казалось, будто они тянутся к солнцу.

Маус рассмеялся:

— Черт побери, а у этой леди есть мозги!

Он показал на небольшую табличку, на которой была изложена похожая гипотеза. Там также содержалось предположение, что расписывали стены люди, которые стали предками сангарийцев.

Вдруг Маус ахнул и схватился правой рукой за левую.

Перчевский чуть не завопил от резкой боли, которой охватило его кольцо вызова.

— Что случилось? — настороженно спросили Макс и Грета.

— А, черт! — с неподдельной интонацией произнес Перчевский. — Вот мы и приехали.

— Хватит, паразиты! — прорычал Маус. — Мы поняли. Уже идем, Господа Бога ради! Дело, Макс. Нас вызывают. То есть очень срочно. Томас?

— Я его убью. Дай только... Макс... ты прости...

— Что происходит? — снова спросила она.

— Мы должны явиться. Немедленно. Ты можешь доставить девушек в казармы?

— По делу? — Она говорила с искренним интересом.

— Ага. Сволочи. Маус, они говорили, что не заставят уже нас работать командой.

Маус пожал плечами.

— Я отвезу их домой, — обещала Макс.

Перчевский поцеловал ее и повернулся к Грете.

— Лапонька, я должен бежать. Ты уж прости. Мне правда очень жаль.

— Давай, Томас. Старик не шутит.

— Подожди минуту, черт побери вас всех! Я не знаю, Грета, сколько меня не будет. Если что-нибудь тебе будет нужно, звони по моему номеру. Или обратись к Макс. Ладно, Макс?

— Конечно.

В голосе Макс энтузиазма не слышалось.

— Томас!

Он махнул рукой, снова поцеловал Макс, потом Грету и побежал за Маусом. Грета грустно крикнула вслед:

— До свидания, капитан!

Он злился. Он готов был снять с Бэкхарта шкуру тупым ножом.

Только ему не представилось шанса. На территории Бюро их с Маусом сразу же захомутал отдел подготовки.

Тренировки были интенсивными и беспощадными, а объяснения — в коротких промежутках. Подготовка шла круглые сутки, во сне и на ходу, и после нескольких недель Перчевский так устал, что уже и не знал точно, кто он. И только крохотные, но неугасимые искры гнева давали ему силы продолжать.

Из группы образования его передали психологам. Те потом передали его медикам. После этого целую неделю он каж-

дое утро открывал глаза на новом операционном столе. Потом группа образования взяла его на второй заход. Пока он поправлялся, он должен был читать. А пока он спал, компьютеры вдували под давлением информацию прямо ему в мозг.

Драконы в ночи. Золотые китайские драконы. Звездоловы... Зачем все это было? Кто такой Мойше бен-Раби? Что сделалось с Корнелием Перчевским?

Иногда он кричал и отбивался от них, но они были упорны, как энтропия. Они строили из него нового человека.

Это была самая интенсивная и экстенсивная из всех пережитых им подготовок.

За все это время он видел Мауса всего два раза. У них был общий интенсивный гипнопедический брифинг на тему о звездоловах, но после этого они встретились только в кабинете своего хозяина. Перчевский думал, что их готовят к разным заданиям, но адмирал обратился к ним лично.

— Мальчики, — сказал им адмирал. — Вы только что прошли сквозь ад. И это я послал вас туда. Я этим не горжусь. Мне больно не меньше, чем вам. Я не люблю работу в таком стиле. Просто поверьте мне на слово, что это необходимо. И я знаю, Томми, что ты об этом думаешь. Я тебя не виню. Но отнесись ко мне с позиций презумпции невиновности и попробуй мне поверить, что привести звездоловов в Конфедерацию необходимо как можно скорее. Это вопрос жизни и смерти.

Таков был первый залп в одностороннем обсуждении, которое длилось более трех часов. Бэкхарт говорил, не останавливаясь, и не ответил ни на один из вопросов, которые Перчевский считал относящимися к делу.

Он только один раз возразил:

— Вы обещали, что совместных заданий больше не будет.

— И я так и думал, когда это говорил, Томми. Но это самое спешное из всех срочно-спешных заданий, которые у нас бывали за всю нашу историю. Директор разведки велела мне бросить на это моих лучших людей. Вас выбрала она. Боже мой, Томми, да всего-то пара недель. Ты что, не выдержишь Мауса четырнадцать дней?

— Это вопрос принципа...

Но Бэкхарт уже не слышал, преследуя какую-то другую мысль.

Не успев толком понять, что случилось, Перчевский обнаружил себя на борту военного корабля, уходящего к низовьям Рукава к планете, которая по галактическим масштабам была на расстоянии плевка от Сломанных Крыльев.

Это ему не нравилось. Не надо было слишком искушать судьбу.

Вообще в этом задании не было ничего, что бы ему нравилось.

Они даже не дали ему попрощаться. Головорезы из Бюро окружили его сразу по выходе из кабинета Бэкхарта...

— Слушай, Мойше! — жизнерадостно сказал Маус через час после того, как они оказались на борту. — Давай-ка пойдем в кают-компанию и сыграем пару партий.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ:
3048 н.э.

ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», БОРТ «ДАНИОНА»

«Данион» стал удобен, как хорошо разношенный старый ботинок.

— Как-то скучновато становится, — пожаловался Маус к концу третьего месяца.

— Чего? — спросил его бен-Раби. — Со всеми своими футбольными матчами и по уши в бабах ты все еще скучаешь?

— Ты правильно понял, напарник. Как сказал тот парень из анекдота: «Бабы — это хорошо, но что делать остальные двадцать три часа?»

Эми сделала замечание, которого Мойше не расслышал.

— Если так, — ответил Маус, — можешь тогда сама нести свои книги.

Они переносили ее вещи в каюту Мойше. Эта идея не слишком восхищала бен-Раби. Он даже не очень хорошо понимал, как она возникла. Просто Эми и Маус как-то нажимали и нажимали, и переезд уже начался, а он все еще не собрался сказать «нет».

Он предпочитал жить один. Совместная жизнь для него звучала как синоним неудобства. Само присутствие Эми уже

предопределяло возрастание ее требований... А, ладно. Хоть кто-то будет рядом во время приступа головной боли.

Маус и Эми продолжали словесную дуэль. Маус дразнился, Эми отвечала всерьез. Она не слишком любила Мауса.

У бен-Раби теперь случались мигрени несколько раз в неделю. Это пугало. Голос и видения... Он думал, что это может быть опухоль, но сейнерские врачи не приняли его всерьез. Дали ему таблеток от головной боли и велели не волноваться.

Последние десять дней он прожил на таблетках. Был он бледен, обезвожен, слаб, и руки у него тряслись.

Казалось, что это не безразлично только Эми, но она не говорила почему.

Его старый глубинный страх, что он сходит с ума, казался куда более обоснованным, чем раньше.

«Черт-те сколько времени уйдет — освоиться с подругой, живущей в твоей каюте», — подумал бен-Раби, сбрасывая с рук охапку платьев. Полный паралич жизни.

Необъяснимо возвращающиеся воспоминания об Элис улучшению самочувствия тоже не способствовали. Они только пугали и дезориентировали. Не было причины ему быть одержимым этим старым, давно умершим романом.

Просто еще один симптом того, что с ним творится, что бы это ни было. Но пугало оно до дрожи.

На Сломанных Крыльях он был — почти был — тем крутым и жестким типом, которым и притворялся. Теперь, не прошло еще и года, он стал бесхребетным плаксой. В отвращении к самому себе он пнул ногой кресло. Оно не сдвинулось. Вся мебель на корабле была привинчена к палубе.

Он молча принялся снова за работу.

— Мойше, мне нужна твоя помощь, — сказал Маус, когда они закончили переезд. И в голосе его звучала жалобная нотка.

— Чем? Как? Я сделаю все, что могу.

Он оглянулся через плечо — убедиться, что Эми осталась возле женского гальюна. Просьба Мауса его поразила — это было так не похоже на его напарника.

— Придумай мне способ, как мне ее не убить.

Бен-Раби посмотрел туда, куда смотрел Маус. Взгляд его был прикован к сангарийке, как перекрестие прицела снайпера.

— Она на меня действует, Мойше. Она заставляет меня психовать. Я стал спать тревожно. Все время придумываю способы... Все время помню, что она там, дальше по коридору. Все из-за бойни в Черном Мире. Не могу его из головы выбросить. Я думал было, что могу это контролировать.

— И ты тоже? Что за чертовщину сотворил с нами Бэкхарт?

Забавно, что Маус признал связь с войной на Теневой Линии. Наверное, он под серьезным напряжением.

— Самодисциплина, Маус. Это единственный ответ, который у меня есть. И еще — сознание, что ты должен сохранить себя для более крупной цели. Она не стоит того, чтобы из-за нее сгореть.

— Она в этой игре — королева. А ставки — выше не бывает, Мойше. Посмотри на нее. Я не видел еще никого так уверенного, что у него выигрышная карта на руках. У нее такой вид, будто у нее флешь-рояль в пиках.

— Ты спутал две игры в своей метафоре.

— К черту метафоры, Мойше. Мне нужна помощь.

«О Господи, — подумал бен-Раби. — Я тут на полпути к дурдому, а мой напарник просит, чтобы я его вытаскивал. Неужто у нас у обоих дырка в голове?»

— Тогда давай представим это дело Киндервоорту.

— О нет. Это должно остаться в семье. Ярл ничего не дает даром. Как твоя голова?

— Доктора твердят, что ничего серьезного. Меня это не убеждает. Беспокоит, почему она болит так часто и так сильно. Хотя, быть может, это и правда. Сначала я думал, что это опухоль, а они мне лапшу на уши вешают, чтобы я не психовал. Но на снимках, когда я заставил их мне показать, не было ничего. Теперь я думаю, что причина какая-то внешняя.

— Аллергия?

— Нет. Не могу пока объяснить. Пока что это только подозрение.

Прошли месяцы, пока это подозрение сбросило листья, расцвело и принесло плоды.

Время потихоньку ползло. Маус с головой погрузился в финал шахматного чемпионата всего корабля. Бен-Раби утонул в толпе коллекционеров, где сразу стал звездой первой величины, хоть и ненадолго. Они все были старше, обремене-

ны предрассудками, а он был чужак, и бесконечно это терпеть они не могли. Он трудно и тщательно пытался выстроить отношения с Эми.

Он старался. Он искренне верил, что дает им обоим честный шанс, и на время воспоминания об Элис и ментальные странности его оставили, но надежды на долгосрочную перспективу он не видел.

Он даже бросил писать, чтобы больше времени уделять Эми.

— Просто пока не тянет, — солгал он ей. — Как-то все это больше не мое.

Она возражала, но так натянуто, что он стал тяготиться ее присутствием в те моменты, когда мог бы писать.

Два раза провернулось на месяц колесо времени, и появился Маус с новым таким же заявлением.

— Мойше, мне нужна твоя помощь.

— Держись подальше от тех мест, где она бывает.

— На этот раз не сангарийка, Мойше. Другая.

— Что еще?

— Я только что узнал. Салли, с которой я... Она влетела.

— Да брось, не вешай мне лапши. Бабы не беременеют, если... О черт!

— Именно, «о черт». Если не хотят.

Мойше сумел не улыбнуться.

— Засмейся — и я твою башку вобью в стену.

— Я? Смеюсь? Извини. Это просто нервное... Так что ты хочешь, чтобы я сделал?

— Хрен его знает, Мойше. Сам не знаю. Я на это дерево еще ни разу не лазил.

— И что теперь? Она рассчитывает, что ты поступишь как честный человек?

«И чего ты пришел ко мне? Я ни с Элис не мог разобраться, ни с памятью о ней».

— В этом и суть. Так здесь принято поступать. И так здесь принято ставить эти ловушки. По всем канонам первого столетия.

— Но ведь нет такого закона, который заставлял бы тебя сделать, как она хочет. Вежливо с ней распрощайся.

Именно так он когда-то предал Элис, давным-давно. Он не находил в себе силы сказать «нет», пока не стало слишком поздно.

— Я не хочу задевать ничьи чувства.

— Она решила рискнуть, так ведь? — Почему это так легко сказать и так трудно сделать? — Не понимаю, как можно ждать хорошего от брака, который начинается таким образом. Давай, Маус. Поцелуй ее на прощание.

— Легче сказать, чем сделать, Мойше.

— Знаю. Советы все таковы. Могу дать еще один, пока не закрыли темы. Будь осторожнее, чтобы этого не случилось опять.

— До этого я и сам додумался.

Маус ушел. Вернулся он через час, тряся головой.

— Она не верит, что наземникам абсолютно все равно, женаты родители ребенка или нет. Но я думаю, что смогу довести до нее эту мысль — в конце концов.

На какое-то время общественная жизнь Мауса стала не такой напряженной. Но только на время. Казалось, дамы не способны оставить его в покое.

— Знаешь, что ты мне скажи, Эми? — однажды вечером спросил ее бен-Раби. — Зачем мы здесь?

Она начала излагать ему стандартную версию.

— Это не так. На самом деле на «Данионе» мы не нужны. И уж точно тысяча нас не нужна. Даже когда нас двести, мы закончим работу на полгода раньше срока. Ваша собственная Служба контроля повреждений провозилась бы ненамного дольше. Так в чем же истинная причина?

Она не могла ему сказать. Она даже отказывалась строить предположения. По выражению ее лица он подумал, что она и сама может не знать и только начинает задаваться этим вопросом, который его беспокоил.

Его путь по длинной тропе размышлений вдруг озарился вспышкой интуиции от крох информации, которые он начал собирать еще с Карсона.

— Поправь меня, если можешь опровергнуть эту гипотезу, — сказал он Маусу, когда был уверен, что Эми не слышит. — Мы — морские свинки в опыте по сосуществованию. Они ждут чего-то большого и опасного и думают, что для преодоления этого смогут нанять помощь извне. По-моему, они ожидают тяжелой битвы. Должностные обязанности всех нас связаны с контролем повреждений. Но эксперимент провалился. Никто не клюнул.

— Не знаю, Мойше. Поработай головой. С кем они собираются драться? Точно не с нами.

— С акулами?

— Возможно. Хотя не укладывается в картину. Но я не очень умею складывать головоломки. Кстати, как твоя голова?

— Вполне нормально. А что?

— Я так и думал. Ты стал последнее время больше похож на прежнего Мойше.

Три недели назад они закончили последний плановый ремонт. С тех пор у них работы почти не было.

Однажды Эми объявила им с вытянутым лицом:

— Мне только что сказали: с понедельника вас назначают в контроль повреждений. В дежурную комнату, Юг. Я вас туда отведу и представлю.

— Ломают нашу команду? — спросил Маус. — А тебя куда?

— Обратно в безопасность.

Судя по голосу, она не была довольна.

Бен-Раби ощутил виноватое облегчение. Он любил Эми, но трудно было общаться с ней двадцать четыре часа в сутки. Он уже задыхался.

Назначение на дежурство в контроль повреждений было оглушительно скучным.

— У пожарника в стальном городе работы и то больше, — жаловался Маус.

Через несколько дней он прижал бен-Раби в углу, чтобы поделиться с ним тем, что удалось вынюхать.

— Наш командующий флотом, похоже, партизан. Он не хочет признавать Грабера из флота Грабера за Самого Главного Звездолова. Хочет действовать по-своему. Другие флоты видят в нем урода в семье.

— Так поэтому Старик нацелился на флот Пейна?

— Нет. Он просто ухватился за случай запустить кого-нибудь на траулер. Кстати, ты был прав насчет эксперимента. В это дело Пейна втравил Грабер. У меня впечатление, что провал он хочет использовать как повод отправиться на какую-нибудь авантюру, как только закончится сбор урожая.

— Кстати об урожае. Эми говорит, что такого богатого еще никогда не видела. Они намечают аукцион после нашего отбытия.

— Киндервоорт все еще пристает насчет перехода?

— Иногда упоминает. На прошлой неделе приходил ко мне в каюту.

Подозревает ли Маус, что для бен-Раби это и в самом деле искушение?

Спортивный ажиотаж нарастал по мере приближения игр плей-офф. Для Мойше это просто было безумием звуков и красок. Маус, конечно, нырял в самой гуще. Последней его страстью был футбол. Он мог часами цитировать статистику и разговаривать об игре. Бен-Раби пришлось выучить правила, чтобы хотя бы поддерживать разговор.

Постепенно их жизнь превратилась в череду быстро летящих дней, не имеющих никакого отношения к их заданию. Они оказались здесь, чтобы найти звездных рыб. И, несмотря на тысячи сомнений и отвлекающих моментов, бен-Раби держал на этой цели дрожащее перекрестие своего прицела. Он даже снова стал воевать с «Иерусалимом», чтобы иметь возможность делать свои записи невидимыми чернилами.

Жить в одной каюте с агентом противной стороны — это его постоянно держало в напряжении. Не так он был наивен, чтобы думать, будто Эми оглохла и ослепла от любви.

Когда он прибыл на борт, он считал, что звездная рыба — удивительная концепция, тот чудесный крюк, на который можно повесить современные мифы и легенды. Туда же относятся и потерянная планета Осирис, и баснословное оружие Звездного Рубежа. Теперь он знал, что водородные течения насыщены «жизнью». Волшебная сказка исчезла, но мысли о фантастических рыбах — это можно было вертеть в долгие часы дежурства, когда ничего не случалось.

Звездные рыбы, левиафаны безвоздушных глубин, были скорее силовыми полями и равновесием между ними, чем созданиями из материи. Старейшие в породе бывали триста километров в длину и возраста в миллион лет. Они могли занимать тысячи кубических километров и иметь при этом атомов меньше, чем тело взрослого человека. Атомы и молекулы в них играли роль прежде всего тех точек, на которых закреплялись силы. То здесь, то там возникали микродыры Хоукинга от взрывов, формирующих ядра невидимых органов.

Ткань пространства образовывала кости и жилы этих созданий. Они умели манипулировать ею в себе. В сущности, рыба строила вторичную вселенную внутри первичной, и в

ней была настолько же реальной, насколько человек в своей. Та часть звездной рыбы, которую можно было обнаружить, являлась всего лишь долей целого создания. Она существовала и в гиперпространстве, в нуль-пространстве на таких уровнях, которых человечество еще не достигло.

Эти создания большой ночи были живыми термоядерными печами. Они питались водородом, прихватывая острые приправы других элементов в свой ядерный синтез. Поначалу Мойше интересовался, почему они не собираются там, где материя плотнее, например, поблизости протозвезд.

Эми объяснила ему, что напряжения полей вокруг звездных масс разорвали бы их на части.

В животе звездной рыбы бушевал огонь такой же яростный, как в сердце солнца. Там не только шел ядерный синтез, там происходила аннигиляция антиматерии, которую рыба получала из антивселенной, где существовала ее часть.

О физике этого явления бен-Раби даже не пытался гадать. Он был полевой работник. А по сравнению с этим процессы внутри сверхновой были учебным курсом для детского сада. Он только записывал свои мысли невидимыми чернилами и надеялся, что ручным физикам Бюро это пригодится.

— Знаешь, Маус, у меня тут философский вопрос насчет этих рыб, — сказал он однажды утром.

— Тогда не ко мне, Мойше. Считай, что я уже не понял.

— Я кое-что нашел, отчего у меня мысли вывернулись наизнанку.

— А именно?

— А именно — что это не обычные отношения пастух — стадо. Это партнерство — если только сейнеры сами в нем не коровы. Рыбы разумны. Может быть, разумнее нас. — Он огляделся. Никто не слушал. — У них есть подсекция в операционном секторе, которую они называют телетехнической. Они как-то держат связь со звездными рыбами. Разум с разумом.

— Откуда ты это узнал?

— Отовсюду. Слушал всякие мелочи. Сопоставлял.

— Значит, эта мерзкая пси-теория снова поднимает голову. Теперь здесь. Ты знаешь, что скажут на эту тему ученые Старика?

— Придется им согнуть свои жесткие выи. Но что, по-моему, интересно — это возможности исследований.

— Исследований?

— Исторических. Рыбы бывали в контакте с другими расами. Некоторым из них более миллиона лет. Я так думаю, что они многое помнят.

Подобно океанам, водородные потоки были целой экологической системой, и в ней были свои хищные «акулы», естественные враги звездных рыб. Их была дюжина разных видов. Но даже самые большие и опасные были куда меньше взрослой звездной рыбы. А некоторые из этих видов, как волк и человек, охотились стаями. Они даже умели преследовать добычу в гиперпространстве.

За большими стадами стаи следовали, как тени. Когда стадо растягивалось, они нападали. Иногда они, гонимые голодом, пытались отрезать от стада одиночек. Иногда же, когда их численность достигала определенной критической массы, всю стаю охватывало боевое безумие, и она бросалась на стадо.

Звездные рыбы не были беспомощными. Они умели изрыгать шары внутреннего огня и рассыпать вокруг, как дедушкины ядерные бомбы. Но акулы были быстрыми, а процесс отрыжки — медленным. Подвергшаяся нападению рыба редко имела шанс на более чем одну попытку защиты. Ей приходилось рассчитывать на помощь товарищей по стаду, на которых тоже в этот момент могли нападать. Поэтому звездным рыбам иногда были необходимы союзники, чтобы выжить.

Когда родоначальники сейнеров нашли свои первые стада звездных рыб, среди акульих стай шло быстрое размножение. Первому стаду угрожало истребление.

Рыбы этого стада прощупали разумы первых сейнеров, решили, что есть надежда, и потому установили с ними контакт и заключили сделку. Они будут в обмен на защиту со стороны людей снабжать их оговоренным количеством амбры.

— Иногда мне кажется, что они хотят вступить в контакт и со мной, — сказал бен-Раби Маусу, рассказав те исторические сведения, которые успел узнать.

— А почему ты так думаешь?

Кажется, Мауса эта идея заинтересовала.

— Может быть, мне только кажется.

Ему не хотелось рассказывать Маусу о своих снах с видениями огромных плывущих панорам космоса, странно оживленных вещами, которых никогда не видали человеческие глаза. Там парили драконы, они резвились с тяжеловесностью, которая даже не снилась земным китам. Каждый раз после этого сна он просыпался с невыносимой мигренью, от которой хотелось кричать.

— Итак, первые звездоловы тогда вооружились, — возобновил он свой урок истории. — Рыбы научили их находить акул. И стадо постепенно восстановилось.

Но акулы тоже умнели — медленно, по-своему. Они поняли, что их потери связаны с твердыми предметами, пасущими стадо. В середине тридцатых они начали нападать не только на стада, но и на траулеры, заставляя сейнеров защищать не союзников, а себя самих.

С прошлого года они стали нападать сначала на траулеры, при этом совместно действовали стаи разных видов.

Численность их по-прежнему росла. Сейнеры боялись, что скоро их будет так много, что они смогут напасть на целый траулерный флот и уничтожить его.

Пока еще не был потерян ни один корабль, но атака на «Данион» показала реальность этой опасности.

Звездоловы верили, что будет война, и боялись, что им ее не выиграть. Они были слишком малочисленны и слишком слабо вооружены.

— Стаи мигрируют сюда из глубины галактики, — заключил Мойше. — Полагаю, потому, что там становится мало еды.

— И это все? — спросил Маус.

— А чего ты хотел бы? Из Эми трудно что-нибудь вытянуть. Она может спать со мной, но не забывает, что я — другой давний враг, наемник. От которых все же они отчаянно хотят получить оружия больше и лучшего. Кажется, на этом месте что-то заваривается. Стоит мне заговорить об оружии, как Эми сразу же меняет тему.

На самом деле она просто выходила из каюты. Это его пугало. Значит, затевалось что-то серьезное и она не хотела рисковать, давая ему хотя бы намек.

Ее поведение подтверждало чувство, которое было у него с самого начала. Тут дело далеко не в урожае.

* * *

«Данион» несколько недель шел под двигателем. Подозрения Мойше крепчали. Траулеры редко выходят в гипер. Рыбам там не нравится.

Следуют ли эти твари за флотом?

Никто ничего не говорил. Даже самые дружелюбные из сейнеров прикусили языки.

Год летел к концу. Бен-Раби многое узнал, но все еще ничего конкретного, ничего к реальной выгоде Бюро или Конфедерации. Так и закончится его задание погоней за заячьим хвостом?

Игра в разведку и контрразведку в спальне с Эми стала невыносимой. Но профессия требовала. Он должен был пытаться узнать и не расслабляться ни на миг.

Он не мог забыть сангарийку. Она все еще была здесь и все еще сильно занята своим заданием.

Какова бы ни была ее игра, сейчас в ней делались финальные ходы. Она снова стала провоцировать Мойше, настойчиво, уверенная в своих силах.

Двигатели были уже неделю как заглушены. «Данион» прибыл к месту назначения. Новая секция корабля была полностью закрыта для наземников. Выходившие оттуда сейнеры держали рот на замке еще плотнее обычного. Некоторые, которых Мойше уже считал друзьями, едва замечали его приветствие. Чем бы они ни были заняты, они не хотели, чтобы об этом хоть что-нибудь узнали на планетах.

Вахты удлинились в полтора раза — для всех без исключений. Для Мауса и бен-Раби это означало увеличение времени скуки на дежурствах.

— Что бы это ни было, но это опасно, — заметил Маус. — Они все позеленели от страха.

— Собираются стаи акул. Вроде бы в десять раз гуще, чем кто-нибудь раньше видел.

— Я видел сегодня утром, как снимали команду вспомогательного корабля и заменяли свежими людьми.

— Сражение?

— Я думаю, просто усталость. Носилок я не заметил. Но громилы Киндервоорта выставили меня раньше, чем я что-нибудь успел разглядеть.

Несмотря на Киндервоорта, они собирали свои клочки информации.

— Они пытаются выиграть гонку со временем, — сказал Маусу бен-Раби. — Я слышал, как один говорил другому, что у них не будет шанса даже влезть в игру, если акулы соберутся до того, как они закончат свои опыты.

— Что он имел в виду? Они разрабатывают новое оружие?

Бен-Раби пожал плечами:

— Я не спросил. Но я не имел бы ничего против знать, ради чего они рискуют моей жизнью.

Однажды вечером, после целого рабочего дня, проведенного в пределах досягаемости язвительных шпилек сангарийки, бен-Раби и Маус пытались отдохнуть за шахматной доской.

— Ты снова как мешком стукнутый, — заметил Маус, глядя на свои фигуры. — Что там у тебя? Трудности с Эми?

— И это тоже. Ее я сейчас вижу раза два в неделю. Она забегает только помыться и переодеться.

— Так что? Она же сидит не на единственной во вселенной. Вот эта рыженькая, Пенни Как-то-там, с Новой Земли...

— Она мне в дочери годится, Маус. Всего на пару лет старше Греты.

Маус всплеснул руками в деланном изумлении:

— Какое это сюда имеет отношение? Она же хочет?

— Может быть. Но мне кажется, я для нее скорее как отец...

— Так позволь себе небольшой инцест.

— Ладно, это не важно. Секс — не проблема.

— Чего? Секс — всегда проблема. В том или ином смысле. — Маус хихикнул. Потом хихикнул еще раз, поймав в ловушку ферзя Мойше. А Мойше не мог сосредоточиться на игре. «Хочу» вернулось, мягко подкралось одновременно с этим чертовым образом пистолета. — А в чем же тогда проблема?

— Как эти люди к нам относятся? Может быть, в этом? Они так боятся, что не найдут с нами общего языка.

— Шах. И еще шах. Тут замешана сангарийка, Мойше. Она снова распускает про нас сплетни. Пытается нас изолировать. Интересно мне зачем? Мат следующим ходом.

Они обсосали все возможности. Мойше настолько не нравилось то, что ему пришло на ум, что он даже с ходу отмел идею это высказать.

Играл он все хуже и хуже. Стал раздражительным. «Хочу» становилось сильнее, громче, издевалось над ним, говорило, что он на пороге своего свершения и так слеп, что этого не видит.

— Я этого долго не вытерплю! — Маус яростно сгреб пешку с доски. — В следующий раз, когда она меня подколет, или через раз, я ее завалю, и к черту последствия.

— Не надо, прошу тебя. Мы почти дома. Осталось только пять недель.

Маус так же яростно взял коня.

— По-твоему, пусть нас и дальше подставляет?

Бен-Раби посмотрел на лицо Мауса; перевел глаза на разгром на доске.

— Сдаюсь. — Чем больше он думал, тем больше был уверен, что знает, что задумала Мария. Он резко встал, рассыпав фигуры. — Может быть, придется.

— Придется — что?

— Убирать ее. Ради собственного нашего блага. Я знаю, что она делает. Мы пропустили очевидную возможность. Допустим, что у нее есть такой же трассер, как был у нас. Технология такая у них есть. И допустим, что управляет им она сама и не включает его, пока сейнеры не утратят бдительность?

— Понял. Давай не будем ее валить. Просто вырежем из нее трассер. — Маус любовно сложил фигурки в коробку и вытащил из-под матраса зловещего вида самодельный пластиковый нож. — Пойдем.

Бен-Раби подумал о десятке причин отложить это дело, но не смог сформулировать ни одной. Пора было вывести Марию из игры. Она была слишком опасной.

Они прошли полпути до ее каюты, как Мойше остановился, пораженный внезапной мыслью.

— Маус, что, если она нас ждет?

— Вряд ли.

— В этом деле нельзя упускать ни одной возможности.

— Верно. Дай мне минуту подумать.

Все эти месяцы они знали, что сейнеры иногда их слушают. Когда они не хотели, чтобы их подслушали, они разговаривали беззвучно, читая друг у друга по губам, никогда не произнося вслух ничего, что могло бы заинтересовать подслушивающего.

— Кажется, я сделал ошибку, вспомнив это в твоей каюте.

— Ага. Может быть. Но поздно плакать. Если она нас подслушала, значит, подслушала.

— Что ты собираешься делать?

— Думаю. Сам понимаешь, не нужны мне пирровы победы.

Они продолжали тихий разговор в десяти метрах от двери Марии.

Трое сейнеров на мчащемся скутере с воем вылетели из-за угла и подъехали юзом к двери Марии. На них были нашивки безопасности. Один двинулся в сторону Мауса и бен-Раби, держа руку возле оружия, и остановился в вольной позе. Они попытались изобразить из себя любопытных. Двое других глядели на дверь.

— Кажется, за нас сделают всю работу, Маус.

— Они идиоты безмозглые! — прорычал Маус.

Сердце бен-Раби отстукивало ритм фламенко. Слишком эти ребята были в себе уверены.

Они сумели взломать код двери. Их приветствовала пара взрывов. Один из них свалился в дверях, другой бросился внутрь.

Тот, что стоял лицом к Маусу и бен-Раби, резко повернулся и тоже бросился в каюту. Лицо его посерело.

Они услышали буханье и сразу — крик боли.

— Самодельное пороховое оружие! — ахнул бен-Раби. — Ничего себе она нам подарочек заготовила!

Маус посмотрел в обе стороны коридора:

— Пошли. Пока не собрали толпу.

Бен-Раби не знал, что планирует Маус, но пошел за ним. А Маус вошел в дверь, низко пригнувшись, вынул оружие из руки умирающего сейнера. Бен-Раби вполз за ним, подхватив другой падающий пистолет.

Сангарийка стояла спиной к двери, сцепившись в борьбе с оставшимся сотрудником безопасности. Резким движением левой руки она обошла его защиту и перебила ему трахею. Он поперхнулся, а она закончила дело дробящим кости ударом в сердце.

Невольный стон бен-Раби предупредил ее о врагах сзади.

— Медленнее, — сказал Маус, когда она бросилась было к оружию сейнера. — Терпеть не могу стрелять.

Впервые она не смогла сразу найти ответную реплику. По тону Мауса было ясно, что ее он пристрелит без всякого на-

силия над собой. Когда она повернулась, лицо ее было искажено гримасой боли и злобы. Снова они, с ее точки зрения, перехитрили ее. И этот раз может быть фатальным.

Гримаса превратилась в напряженную улыбку.

— Опоздали. — Улыбка стала шире. Она предвкушала. — Они уже на пути сюда.

— Мойше, втащи сюда этого человека и закрой дверь. Как он?

— Он умер.

— Так что ведите себя хорошо, — сказала Мария, когда бен-Раби захлопнул дверь. У нее хватило здравого смысла говорить нейтральным голосом. Чтобы выжить, насладиться своей победой, ей нужно было убрать препятствие, которым она сделала Мауса. — Они скоро здесь будут. Вы же не хотите их взбесить.

— Этот тоже помер, — сказал бен-Раби. — Мария, зря ты думаешь, что сейнеры отдадут траулерный флот из-за налета нескольких рейдеров.

Она улыбнулась своей металлической улыбкой.

Он вспомнил разбитые торговые суда после налетов сангарийских рейдеров. Они придут с хорошим запасом пороха. Выживших не будет.

Завыла сирена. Это был отчаянный призыв к оружию.

— Боевая тревога, Мойше. Она не блефует.

Подобранное оружие будто бы болезненно распухало у него в руке. Какая-то часть его требовала закончить то, что он начал на Сломанных Крыльях.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ:
3049 н.э.
ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», БИТВА

Время вытянулось в трубку и завилось вокруг себя, как сумасшедшая змея, пытающаяся сама себя раздавить. Оно отделило ставшую полем боя каюту Марии от макровселенной, выделившись в отдельный поток. Десять секунд превратились в бесконечное мгновение.

Бен-Раби стало страшно.

Внутри у Мауса что-то щелкнуло. Он переключился на сознание убийцы. Бен-Раби разрывался между побуждением бежать по тревоге и оставаться и сдерживать эту биохимическую машину убийства.

«Данион» вздрогнул. Мойше узнал ощущение от старта сервисного корабля.

— Я иду на станцию, Маус. Сторожи ее до прихода ребят Ярла. И помни: она нужна живая.

Маус механически кивнул. В режиме сознания убийцы им было легко руководить — если психологи заложили в него команду подчиняться твоим указаниям. Потом он будет очень расстроен. Он хотел бы устроить этой женщине смерть от тысячи ран — или что-нибудь столь же мерзкое.

Но он уже возвращался в реальный мир.

— Возьми пистолеты, Мойше. И спрячь.

— За каким...

— Пригодятся.

— Ладно.

Бен-Раби собрал пистолеты, спрятал их в каюте Мауса и направился к помещению контроля повреждений Юга.

— Чего там? — спросил он, войдя, у одного из своих коллег.

— Сангарийские рейдеры. Говорят, их там не меньше пятидесяти. Страшновато.

— Во многих смыслах.

— То есть?

— То есть этот перформанс организован целым консорциумом. Столько сил не наскребет ни одна Семья. Последний раз они собрали столько кораблей для нападения на Мир Хельги во время войны на Теневой Линии.

Сейнер посмотрел на бен-Раби с испуганно-озадаченным видом. Мойше говорил о чужой истории.

А коллеги-наземники Мойше были охвачены самым низкопробным страхом. В оружие сейнеров они не верили ни на грош. И они не сомневались, что рыбаки будут драться. Он не понимал почему, пока не услышал от самих сейнеров предположительные слова Пейна.

Командующий флотом отказался вести переговоры или сдаваться. Он передал сангарийцам, что будет драться до последнего траулера.

— Да за что же драться? — пытался выяснить Мойше.

Сейнеры отказывались его просветить.

Тогда он сам ощутил прикосновение страха. Ему никогда не хотелось умирать стоя. По крайней мере с тех пор, как он избавился от мальчишеских грез. Вообще он не был заинтересован умирать. Хотя бы ближайшие несколько тысяч лет.

Время двигалось не быстрее, чем льется патока. Он знал, что во внешней тьме маневрируют корабли сангарийцев. Сервисные корабли с гораздо худшим вооружением вылетели им навстречу. Танец смерти начался.

Мойше стоял лицом к темному шлюзу, и в голове прыгали все те же вопросы, на которые не могло быть ответов. Самым большим из них было все то же *хочу*, и рядом с ним — видение пистолета.

Он забеспокоился насчет Эми. Где она? Будет ли она вне опасности?

— Дурацкий вопрос! — буркнул он сам себе. Конечно, нет. Никто не будет вне опасности.

Потом он заметил ее, стоящую возле инструментальной кладовой. Что она там делает? А она, заметив его, направилась к нему.

— Где Маус? — спросила она.

Он быстро объяснил.

— Хорошо, — сказала она, когда он закончил. Она пыталась сохранить спокойствие, но в углу глаза у нее появилась слезинка. Эми раздраженно ее смахнула. Кажется, подцепила от него отношение к слезам, свойственное наземникам. Отчего бы еще сейнеру скрывать свои чувства? Погибли три человека — это печально.

Она сказала:

— Я сообщу Ярлу. Может быть, он не всех послал вниз.

Мойше вернулся в свое кресло и стал глядеть на стойку, считая заклепки и сварные швы. Когда долетят сангарийские ракеты?

Когда произошло нападение, это оказались не сангарийцы. Тупые акулы, сбитые с толку и разозленные появлением

стольких еще кораблей, достигли критической массы эмоций. И напали со всех сторон.

Из операционного сектора просачивались обрывки новостей. Были плохие, были хорошие. Сангарийцам приходилось несладко. Но напавшие на траулерный флот акулы сосредоточились на «Данионе».

В море пустоты сервисные корабли убивали акул; иногда акулы убивали их. Сангарийцы тщетно отмахивались от врага, невидимого для их оборудования, в то же время с глупым упрямством пытаясь занять выгодную позицию для атаки на траулерный флот. «Хилая надежда, — подумал Мойше. — Акулы ими займутся. Да, но кто потом займется акулами?»

Дрожь «Даниона» стала постоянной. Все его оружие было пущено в ход, стреляя что по сангарийцам, что по акулам. Бен-Раби недовольно скривился, прикинув, чем вооружен огромный корабль.

Он со своей командой ждал в сердце огромной машины, он чуял их страх, а они — его. Эми под его рукой дрожала, как перепуганный кролик. Каждый раз, когда акулы пробивали защиту, вопили сигналы тревоги, но в контроль повреждений Юга пока еще аварийные вызовы не поступали.

Под крышей страха начинала вариться храбрость. Уже не было напряжения между наземниками и сейнерами. Их связало противостояние смерти, которая лишена расовых предрассудков.

«Данион» качнулся. Сирены заскребли злобными когтями по миллиону досок. Крики офицеров слились в общий гвалт. Аварийная группа контроля повреждений бросилась в электрокар и полетела на помощь техникам пораженного сектора. У них за спиной настроение людей становилось постепенно гробовым, когда страх, уже не в силах себя поддерживать, рухнул на уровень вниз и стал парализующим ужасом. Каждый из техников сидел отдельно от других, погруженный в свои мысли.

Стали поступать доклады о повреждениях. Десять процентов населения «Даниона» были мертвы или отрезаны от главных систем жизнеобеспечения. Электрокары вышли из строя. Уцелевших надо было быстро вывозить, пока не отказали аварийные системы.

А Мойше сидел, ничего не делая, и ждал своей очереди умирать.

Где-то в огромном ничто командующий пиратской эскадрой сангарийцев решил, что с него хватит. Его корабли вошли в гипер, оставив звездоловам свою долю призрачных врагов.

— Скафандры! — приказал сейнер с окаменевшим лицом, инструктируя сотрудников контроля повреждений, когда дошли вести. Он предвидел конец.

Они надели скафандры из аварийных шкафов. Бен-Раби, натягивая свой, успел подумать, что впервые это всерьез. Обычно это бывала тренировка или учебная тревога.

Интересно, почему до сих пор не появился Маус? Оказался в отрезанном секторе? Он спросил у Эми.

— Нет, там еще нет повреждений. Наверное, у Ярла не было пока шанса что-нибудь сделать. Очевидно, наших людей всех поставили к орудиям.

«Данион» вскрикнул и завертелся под ними. Мойше упал. Сервомоторы скафандра завыли и поставили его на ноги. Гравитация забарахлила. Он всплыл в воздух и тут же тяжело рухнул. Свет мигнул, погас и вернулся, когда в линию поступило аварийное напряжение.

Какая-то акула влепила в силовой узел и двигатели «Даниона».

Кто-то что-то ему орал. Эми?

— Что?

Он не мог сосредоточиться, понял только, что его группа идет на выход, и успел вспрыгнуть на электрокар, который уже поехал. Руки сейнеров втащили его через борт.

Через двадцать минут, в какой-то части корабля, где была ядерная станция, командир группы приставил его перекрывать и чинить сломанные системы трубопроводов. Были разорваны целые коридоры, пробоины открывались в ночь. Иногда он видел ее, беззвездную, пока работал, но никаких мыслей она не вызывала. Он был слишком занят.

Прошли часы. Когда ликвидировали все течи из труб и можно было перевести дух, он заметил разорванный вакуумом труп в переплетении кабелей, темное пятно на фоне внешнего сияния. Тут он остановился. Космос. Если это то, чего ему не полагается видеть, то он обязан посмотреть. Он подошел к дыре, ничего не увидел. Оттолкнув труп, он выглянул

наружу. Все равно ничего. Ни звезд, ни созвездий, ни Млечного Пути. Ничего, лишь переплетение траулера, подсвеченное сиянием ниоткуда.

Не зная сам сколько, он там стоял, застыв в неверии. Ни одной звезды. Где же это они, если здесь нет звезд?

Траулер медленно поворачивался. Из-за труб, конструкций, парусов появлялось что-то — источник сияния. Он узнал его, но не хотел сам себе поверить. Это была галактика, вид сбоку из-за ее пределов. Какой же объект за пределами галактики был настолько близко, что корабль мог его достигнуть?

Вдалеке другой траулер заискрился под атакой акул. Пока бен-Раби работал, «Данион» несколько раз вздрогнул, но серьезных попаданий не было. А сейчас на другом корабле произошел взрыв. Из прорванных корпусов вырвались газы. Но глаза бен-Раби ушли в сторону, прикованные к яркому пятну размером с монету, восходящему с направления вращения корабля.

Это была планета. Самосветящаяся, без солнца. Такая могла быть только одна...

Звездный Рубеж.

Верная смерть для всякого, кто подойдет близко.

Что эти сейнеры делают? Они сошли с ума? Ищут смерти?

Что-то взорвалось, расцвело на фоне галактики в сто раз ярче ее, огонь, похожий на пламя взорвавшейся звезды. Это траулер занялся пламенем, которое могла поджечь только многомерная акула. Они стали хитрее, они теперь пускали газы антиматерии, поглощавшие все. Краем сознания он спросил себя, как мог бы и звездолов: не послужит ли флоту смерть этого корабля? Не погибают ли в этом пламени и акулы?

Взгляд его вернулся к Звездному Рубежу. Все мифы о нем всплыли в памяти. Он не сомневался, что сангарийцы вернутся. Не в их стиле отступать, когда ставки так высоки, а на кон было поставлено куда больше, чем даже источники амбры.

Он знал, зачем пришли сюда сейнеры. Как и все, кто искал Звездный Рубеж, они хотели заполучить баснословное оружие цитадели. Столетиями пытались авантюристы овладеть этой планетой. Тот, кто владеет ее вечной мощью, тот и будет диктатором во всем Рукаве. Ни одна современная система защиты не устоит против оружия Звездного Рубежа. Тем

более акулы. Это оружие было тем спасением, на которое дерзал надеяться Пейн.

Какая призрачная надежда! Бен-Раби знал, что защиту этой планеты преодолеть невозможно. Не мог пока ни один боевой флот.

Кто-то тронул его за плечо. Человек прислонил свой шлем к шлему бен-Раби, и звук передавался непосредственно.

— Отходим. «Данион» получил попадание между нами и центром. Отходим, чтобы нас не отрезало.

В этих словах было много печали, но мало того страха, который ощущал бен-Раби.

Они добрались до центра контроля повреждений Юга, но пришлось несколько километров идти пешком через участки, которые были будто бы пережеваны оружием флота. Мойше трудно было поверить, что все это сделала тварь, которой даже не видно.

Для них было подготовлено помещение для отдыха с едой и питьем, достаточно безопасное, чтобы они рискнули снять скафандры.

И Маус там был, раненый и окровавленный.

— Маус! Какого черта!..

— Надо было сразу ее валить, Мойше. Она меня перехитрила. Теперь она где-то пакостит.

Корабль был огромным и запутанным. Исчезнуть ей было легче легкого.

— Как?

Мойше осмотрел левую руку Мауса. Она была изогнута под странным углом. Кто-то наложил Маусу турникет.

— Чем-то вроде топорика.

Лицо у Мауса было изможденным и бледным, но он не протестовал против грубого прикосновения рук бен-Раби.

— Ты что, задремал? Это на тебя не похоже.

— Ага. Мы играли в шахматы...

— Шахматы? Ради Господа Бога...

— Она отлично играет. Для женщины. Поймала меня, когда я собрался ставить мат.

Бен-Раби затряс головой.

— Ты серьезно? — Да, можно было себе представить. Самоуверенный Маус предложил партию, чтобы убить время, и слишком углубился в расчет вариантов, чтобы вовремя среа-

гировать. Глупо, но в его характере. — Сколько раз я тебе говорил, что они доведут тебя когда-нибудь до беды?

— Черт побери, Мойше, не надо меня воспитывать. Хотя бы не сейчас. Ты лучше сделай что-нибудь с моей рукой, а то всем вокруг наплевать. Я могу ее лишиться, а у этих клоунов нет восстановительной хирургии.

— Эми! Где Эми Кольридж? — Бен-Раби бросился ее искать и нашел. — Ты видела Мауса? Ему срочно нужен врач.

— Я видела, как он шел. Он уже по дороге туда. Эта женщина?

— Ага.

Что сейчас делает Мария?

Это была цена за то, что на Сломанных Крыльях он не дал Маусу поступить по-своему. Кровь друга горела на его руках, а в мозгу горела эта ее железная улыбка. Какие бы чувства ни были у него к ней — или у нее к нему, но они принадлежали к враждебным племенам. И это было главным. В конечном счете никто из них не имеет права давать пощады.

— Я этим займусь, Маус, — шепнул он другу. — Не отпускай пока Эми. — Он встал. — Любимая, ты присмотри за ним, ладно? Я через пару минут вернусь.

Она ни о чем не спросила, решив, наверное, что он идет в туалет.

В инструментальной он взял старый лазерный резак модели «Такади-4». Этот легкий инструмент был предназначен для подрезки металлических листов. Кладовщик ни о чем не спросил.

Бен-Раби выскользнул из помещения контроля повреждений в чей-то пустой кабинет рядом. Всего несколько минут ушло на переделку резака, которой его обучали в школе Бюро, и у него в руках оказалось громоздкое лазерное ружье. Потом он угнал скутер и уехал.

Переделывая резак, он пытался воспроизвести ход мыслей этой женщины. Он предположил, что она не знает, что напали акулы, а не ее соплеменники. Она попытается вывести корабль из строя, не нанося повреждений. По специальности она работает с атмосферой...

Она направится к главным вентиляторам. Перерезав подачу кислорода к операционному сектору, она его захватит.

Он летел по коридорам, лихорадочно пытаясь вспомнить путь к вентиляторам. Казалось, что судьба твердо решила ему воспрепятствовать. Разрушения приходилось объезжать долгими окольными путями. Пережидать на перекрестках движение аварийных групп. Его все время останавливали и говорили, чтобы он надел скафандр. У скутера подсели аккумуляторы, и он еле полз. Пришлось километр пройти пешком, пока удалось угнать другой.

Когда же он добрался до цели, то понял, что угадал. Закрытую дверь вентиляторной сторожили изнутри мертвецы. Оружие, если оно у них было, исчезло. Мойше посмотрел на то, что держал в руке. Сработает ли?

Вентиляторный зал был обширен. Он обслуживал только сердце «Даниона», но все равно это были джунгли машин и труб. Здесь перегоняли и очищали чертову уйму воздуха...

И где-то здесь она была, старавшаяся убить их всех.

Полчаса пролетели со скоростью бегущей антилопы. Он бродил среди бробдингнегских машин и ничего не нашел. «Данион» все еще вздрагивал, но битва шла так давно, что он уже не обращал внимания. В нем воцарился непобедимый фатализм, ощущение полного бессилия в этой подавляющей ситуации.

Но черт побери! Стычка оказалась упорной.

На него наваливалась усталость. За спиной было двадцать часов тяжелых изматывающих эмоций.

Он ползал, карабкался, залезал на шесты самых высоких мостков, откуда были видны почти все приборы управления. Но видел он только пустые кресла, где полагалось бы сидеть дюжине техников. Еще в двух беспомощно болтались трупы. На алюминиевой решетке пола сломанной куклой валялось чье-то тело.

Она здесь побывала. Что она делает теперь?

Ответ на вопрос пришел сам собой. Она появилась, будто материализовалась из воздуха, двигаясь между панелями и включая задвижки.

Бен-Раби навел свое самодельное оружие.

— Мария... Мария...

Ее имя сорвалось с языка помимо его воли. Она была ему ближе, таилась в скрытой части его сознания глубже, чем он сам думал.

Голова ее дернулась, обернулась. Прищуренные глаза осматривались. И насмешливая улыбка расплылась по ее лицу.

— Мойше! Ты-то что здесь делаешь?

Она следила за ним бегающими глазами, рука ее дергалась возле похищенного оружия в кобуре. Она была испугана. И она хотела стрелять.

— Ты пытаешься нас убить? — прохрипел он.

Абсолютно идиотский вопрос. Конечно, пытается. Чего он ждет? «Спускай курок, спускай курок!» — пытался крикнуть он сам себе.

В своем воображении он делал это уже миллион раз. Этот образ пистолета... Давай! Давай!

Он не мог. На этот раз все было по-настоящему. Это не была сумасшедшая греза наяву, всплывшая из низов подсознания. Имел ли вообще этот образ пистолета хоть какое-то отношение к настоящему оружию?

Она переступила через мертвого сейнера.

— Мойше, как ты можешь такое говорить? Только не тебя. Тебя мы эвакуируем.

Эвакуируют — в Ад, наверное. Эта ложь была видна за километр. После Сломанных Крыльев и рейда фон Драхова? Если он сейчас чего-нибудь не сделает, она ему печень вырежет и съест на завтрак.

Она снова попала в прицел, но он не мог. Так легко казалось это сделать, когда он был зол. Маусу это было бы легко... легко ли? Бисеринки пота выступили на лбу; он пытался заставить себя спустить курок.

Прицел ушел в сторону.

Это движение его выдало. Улыбка ее взорвалась сабельным лязгом смеха, оружие прыгнуло ей в руку, и рука взлетела.

Он среагировал. От ее выстрела раскалился докрасна металл там, где он только что стоял. Но он двигался через открытое пространство. Палец его уже не был парализован, хотя выстрелил он наудачу, срезав секцию консоли. Он нырнул под прикрытие какой-то большой машины. Машина, ничем не интересуясь, ворчала что-то про себя. Как многие люди, она ничего не будет делать, пока ее не тронут, а тогда будет только стоять на месте и вопить.

До него донесся издевательский крик Марии. Слов он не мог разобрать, но это было не важно. Она хотела вывести его из себя, чтобы он снова показался. Лучи лизали его укрытие, и металл оплывал язычками, как свечной воск.

Он был перепуган. Слишком на этот раз он глубоко заплыл. Нырнул туда, куда боялся нырнуть еще с первого задания на работе у Бэкхарта.

В приступе сумасшедшего юмора висельника он подумал, что смерть положит конец всем его психологическим трудностям.

Но и он сам, и эта женщина были слишком уверены в его бессилии, в его неуверенности, недостатке решительности. Что-то треснуло в нем. Что-то проклюнулось из яйца тьмы, лежащего в глубине его «я». Вдруг он понял, что есть что-то, во что он может верить, что-то, за что стоит драться. Это пыталось прорваться в нем с самого начала.

Он улыбнулся, потом засмеялся горькой иронии судьбы. Его Грааль. Он нашел его на дорогах Ада, и теперь он умрет. Это корабль. Это народ сейнеров.

Непостижимая глупость — он шагнул на открытое место. Женщина так удивилась, что на секунду замешкалась. А он — нет. Он выстрелил первым. Рука его была тверда, прицел верен. Как его учили.

Безумие момента прошло. Он был теперь так же пуст, как тогда, когда вошел в космопорт Блейк-Сити. Так нашел ли он хоть что-нибудь в конце концов? Или просто его тяга к оружию нашла себе оправдание в этой световой феерии?

Он еще стоял над ней, когда прибыли люди Киндервоорта. Сколько он там пробыл, он не знал. Пока он ждал, бой уже затих. Оказывается, он вернул на место все переброшенные ею переключатели, хотя и не помнил этого. Операционный сектор получил отчаянно необходимый ему кислород.

Когда его нашли, он плакал. Интересно, сколько времени он этим занимался? Маус иногда проливал слезы после акции, будто свежий труп был его любимым братом. Он считал, что так Маус разряжает свои сдерживаемые эмоции, когда никто не может схватиться за ручку управления его души.

Кто-то высвободил лазер из его судорожно скрюченных пальцев.

— Мойше? — позвала Эми. — Как ты?

Он схватил ее, крепко прижал к себе. Она была теплым огнем в холодной, темной и пустой пещере. Она позволила ему в себя вцепиться, потом высвободилась, все так же держа его за руку выше локтя. Она была чуть отстраненной, слегка перепуганной. И кто бы не был после того, что он только что сделал?

— Пойдем. С тобой хочет поговорить Ярл.

Он кивнул. Да. Киндервоорт точно захочет знать все подробности. Старый доктор Череп будет тыкать, щупать, пытаться поднять крышку его души. Даже в день битвы Киндервоорт не станет спускать глаз с крови своего корабля — именно этим были для «Даниона» люди. Траулер был воистину живым существом, а люди внутри него — специализированными клетками.

Он позволил Эми себя увести, но бросил последний взгляд на Марию. Люди Киндервоорта делали снимки и записывали что-то на ленты. Санитары грузили тела на носилки. Техники вились возле поврежденной консоли и пытались уговорить системы держать нормальные показатели атмосферы... Но его глаза видели только Марию.

Марию. Она мертва. Теперь он мог отпустить свою душу и называть ее по-другому, чем просто «сангарийка».

Он не знал, почему и как, но он, наверное, любил ее — как-то странно, психотически. А может быть, он был влюблен в смерть, символом которой она была. Но вот она лежит здесь, некрасиво раскинувшись, сломанная. И ему стало чуть свободнее. И печальнее.

В кабинете Киндервоорта было столпотворение. В спешке вбегали и выбегали люди, толпились на подходах. Мойше подумал, что сейчас подобное творится во всех кабинетах на борту корабля. Работы теперь хватит на всех и надолго.

Киндервоорт протолкался к ним:

— Мойше! Эми! Давайте в кабинет.

Он проложил им дорогу, плюхнулся за свой стол и заявил:

— Слава Создателю за это затишье. Я одиннадцать часов из скафандра не вылезал. Чуть не спятил. Так можно клаустрофобию заработать. Ты как себя чувствуешь, Мойше? Вид у тебя что-то бледный.

Бен-Раби сидел, упираясь локтями в колени и глядя куда-то в бесконечность. Он пожал плечами.

— Очень долго ты заставлял меня за себя волноваться, Мойше, — сказал Киндервоорт. — Ты был такой одинокий, погруженный в себя, бесполезный. Совсем не такой, которому хочется заплатить вперед. Не знаю, каким я ожидал увидеть лучшего человека Бэкхарта, но точно не таким, как ты. До сегодняшнего дня. Когда ты действовал так, как был должен. Интуитивно, быстро, верно и эффективно. Так, как мне было сказано ожидать. И с почерком. И со своим. Разве что ты сказал Маусу?

Киндервоорт сложил пальцы домиком у себя перед лицом. Он думал вслух.

— Теперь расскажи мне, что произошло. Бесцензурную версию.

Мойше начал рассказывать, и это помогло. Начал он с самого начала и рассказал все, полагая, что Ярл знает достаточно, чтобы обнаружить пропуск главных моментов. Он старался быть объективным.

Киндервоорт кивал, иногда что-то машинально чертил перед собой, один раз попросил каких-нибудь подтверждающих сведений. Некоторые моменты он просил повторять. По сравнению с отчетами в Бюро это был блаженный отдых. Киндервоорт попросил Эми позвонить и проверить, что Маусу оказана медицинская помощь.

Бен-Раби рассказал обо всем, кроме спрятанного оружия.

Когда он закончил, Киндервоорт спросил:

— Сегодня для тебя что-нибудь изменилось? Готов ты перейти к нам?

Мойше обдумал это. Глубоко. Он хотел стать частью того, что здесь нашел. Но не мог. На условиях Киндервоорта — не мог.

— Нет, Ярл. Не могу.

Эми была разочарована. Он этого и ожидал от нее. Симптомы были безошибочны — у нее были планы. Колокола и белый атлас и прочая архаистическая экстравагантность.

— Зачем ты тогда преследовал Гонзалес? Мы бы ее в конце концов взяли. Может быть, слишком поздно, чтобы спасти операционный сектор, — признал он, — но взяли бы.

Бен-Раби не мог заставить себя ответить правду. Наземники не мстят за друзей. У них нет друзей, за которых можно мстить. А он не хотел, чтобы они знали главный закон Бюро:

ни один удар по людям на его стороне не должен остаться безнаказанным.

— Очень просто. Хотел спасти свою шкуру тоже.

Он кратко описал то, что произошло на Сломанных Крыльях.

— Жаль. Я хотел бы, чтобы ты сделал это для нас... Если передумаешь... Я бы хотел иметь тебя в своей команде, Мойше.

— Не на твоих условиях, Ярл.

Киндервоорт был озадачен. Он начал было что-то говорить, но его перебил зуммер коммуникатора. Ярл нажал кнопку и произнес:

— Киндервоорт, безопасность. — Он все еще смотрел на Мойше, хмурясь.

— Леклер, Контакт, — произнес тоненький голосок. — Есть у вас там наземник по имени... сейчас посмотрю... бен-Раби? Мойше бен-Раби?

— Да. Он сейчас у меня.

— Отлично. А то целый день его ловлю. Это тот, с головными болями?

— Он самый.

— Вы не знаете, он проходил тесты Уорнера?

— Нет. Он же наземник.

— Но у него есть проявления?

— По-моему, в полную силу. Мне кажется, что это регулярная и интенсивная контактная реакция.

Мойше начал чувствовать себя образцом на стеклышке микроскопа.

— Отлично. Посылаю за ним человека. Приоритет альфа. Старик дал добро. Бумаги пришлю потом. Конец связи.

— Конец связи, — повторил недоумевающий Киндервоорт. Он откинулся в кресле, критически оглядел Мойше, помолчал и сказал: — Что ж, обстоятельства меняются. Отчаянные времена наступают. Надеюсь только, они знают, что делают. Мойше, когда закончишь у контактеров, отдохни как следует. Эми, ты проследишь. Потом доложишь мне.

Мойше переводил глаза с Эми на Киндервоорта. Оба они были потрясены и взволнованы.

Что тут творится, черт их всех побери? Для него этот разговор по коммуникатору не имел смысла, а эти двое задерга-

лись, как кошка на раскаленной крыше. Что еще за тест Уорнера? Что им за дело до его мигреней?

Он изучал реакцию Эми. Он вспомнил тот приступ, который случился с ним при включении инстела. Тогда она точно так же нервничала.

Он сто раз пытался у нее выяснить, почему его мигрени так важны. Она не отвечала.

Видит небо, как они были важны для него. Они стали одним из центров его жизни. Их было столько, что он научился ловить малейшие симптомы-предупреждения и тут же глотал лекарства.

Но какое-то время они его не очень беспокоили. Пока «Данион» не прибыл сюда. Последние дни он глотал пилюли горстями регулярно, уже не ожидая симптомов. Что это могло значить?

— Ладно, — сказал Ярл, — у меня тут работы тонны. Разобраться, пересчитать тела, информировать родственников. Эми, отведи его к контактерам, а сама иди чуть поспи. Перерыв вряд ли продлится долго.

Она взяла бен-Раби за руку и повела к двери. Почему она так молчалива? Из-за Марии?

Когда он уже закрывал за собой дверь, Киндервоорт позвал:

— Мойше! Спасибо.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ:
3049 н.э.

ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», ТЕЛЕТЕХИ

Человек, примчавшийся за Мойше, как метеор на оранжевом скутере, был одет в джемпер, который бен-Раби еще не видел. Он был черным с серебряной отделкой, а не грязно-белый, как у технических групп. Мундир операционного сектора.

У человека был вид и запах, будто он неделю уже ходил в этой одежде, не снимая.

— Ищу человека по имени... — он взглянул на карточку, — бен-Раби. Мойше бен-Раби. Что это за имя?

— Литературная аллюзия, — ответила Эми. — Вот он.

— Отлично. Тедди Ларкин, контакт. Вы кто?

Он был бесцеремонным. И усталым. Такой был вид, будто вот-вот свалится. Мойше ему посочувствовал. Он сам еле держался на ногах.

— Амарантина Амариллис Изольда Галадриэль де Кольридж-и-Гутьерец! — отрезала Эми.

— Во как. Ладно, бен-Раби, поехали. — Он направился к скутеру.

Мойше не двинулся с места. Он пытался усмирить свою злость. Грубость Ларкина можно было извинить усталостью, но на уровне эмоций Мойше не мог этого спустить. И еще ему показалось, что Ларкин всегда себя так ведет.

Ларкин дошел до своей машины, заметил, что Мойше не побежал послушно следом.

— Тащись быстрее, землеройка! Волоки свою зад...

Бен-Раби уже был здесь. А Тедди оказался там, сидя на стальной палубе и гадая, что его стукнуло.

У последней его реплики оправдания не было. «Землеройка» — это было самое презрительное название у сейнеров для жителей планет. Бен-Раби уже был рядом с ним. Он готов был прогнать Ларкина по всему коридору, как футбольный мяч.

Его остановило прикосновение Эми.

— Веди себя прилично, обезьяна! — рявкнула она на Ларкина. — Или твоя грязная пасть будет сегодня второй, которую он заткнет.

Ларкин воспринял это как насмешку и направился к Мойше.

Бен-Раби пару раз приложил его об переборку, потом бросил на палубу.

— Я говорю буквально, — пояснила Эми. Ее эмблема полиции теперь просто горела — тоже в буквальном смысле. — Как у вас было сегодня с воздухом?

— А? — У Ларкина глаза полезли на лоб, и он побледнел.

— Ага. Кажется, ты меня понял, — сказала Эми.

Мойше медленно расслабил мышцы.

— Постели постель к моему приходу, любимая, — сказал он, посылая ей воздушный поцелуй. Это чтобы разозлить Ларкина. «Хотели бы вы, чтобы ваша сестра вышла замуж за...» —

Я буду спать целую неделю. — Он подошел к скутеру и сел на пассажирское сиденье. — Готов, Тедди.

Ему пришлось вцепиться в поручни, как в спасательный круг. Кажется, этот скутер был создан для гонок. Его водитель был психом, которого не научили отпускать педаль хода хоть на миллиметр.

— Чего так спешим?

— Меня обещали отпустить поспать, когда я тебя привезу.

Большая герметическая дверь закрылась за ними, как только они въехали в операционный сектор. «Запечатали», — подумал Мойше. Тут же в нем слегка всколыхнулся страх. Он нервно огляделся. Операционный сектор казался спокойнее, выдержаннее, не таким суматошным, как тот, в котором он жил. И битва его с виду затронула меньше. Не ощущалось замешательства. Люди казались более уверенными, спокойными, не так спешили. Он подумал, что так и должно было быть. Им приходилось думать, как увести «Данион» от разгрома. Бой остановился, но был еще не окончен.

Ларкин ударил по завизжавшим тормозам, и Мойше чуть не вылетел из скутера. Ларкин провел его в большой зал, набитый сложной электроникой.

— Секция контакта, — буркнул он, снисходя до объяснения.

Сюда бой добрался. В воздухе висел едкий дым. Он все еще клубился, выходя из одной приборной стойки. Под его вонью ощущался озонный фон. Под стеной были сложены раненые, ожидая прибытия санитаров, — не менее дюжины носилок. Но корпус остался цел. Скафандров не было видно.

Ларкин подвел Мойше к человеку, старше которого он на «Данионе» еще не видел.

— Бен-Раби, — сказал он и тут же исчез.

Ожидая, пока старик заметит его присутствие, Мойше осматривал зал. Он казался гибридом капитанского мостика и пассажирского отсека лихтера. Стены были заставлены оборудованием обработки данных, консолями и экранами, о смысле изображения на которых трудно было даже строить догадки. Сейнеры в черном сидели плечом к плечу, смотрели, что-то делали и говорили вполголоса в миниатюрные микрофоны. Пол комнаты был заставлен рядами коек, на которых лежали другие сейнеры в массивных пластиковых шлемах,

закрывающих всю голову, и на этих шлемах мелькали сигнальные огоньки. Рядом с каждой койкой стояла неподвижно еще пара сейнеров. Один изучал сигнальные огоньки шлема, другой не отрывал глаз от небольшой квадратной машины, неприятно похожей на диагностический компьютер. Непрестанным менуэтом двигались между койками ремонтники, проверяя пустые койки на дефекты.

Наконец бен-Раби углядел что-то знакомое. Это был дисплей звездного глобуса, черневший незаметно в дальнем углу. У его центра находились десять золотистых мячей, очевидно, изображавших траулеры. Он предположил, что быстрые и юркие золотистые иглы — это вспомогательные корабли. Они маневрировали вокруг алых предметов, смутно напоминавших земных акул. Значит, крошечные золотые драконы на периферии — это далекие рыбы. Звездный Рубеж — это более густая тьма, выкусившая бок у дисплея. Ничего, что могло бы изображать флот сангарийцев, он не заметил. Хотелось ожидать, что они больше не появятся, хотя это было не в их стиле, и он на это не надеялся.

— Мистер бен-Раби? — позвал его старик.

— А почему драконы?

— Образ из нашего разума. Сами увидите.

— Не понимаю.

Вместо ответа старик изложил приготовленную речь:

— Вам никто ничего не объяснил? Так вот, у нас отказали двигатели, кроме ментального. Акулы не могут вывести его из строя, пока не доберутся до нас здесь или пока мы не перестанем получать энергию от рыб. Но у нас серьезные проблемы, мистер бен-Раби. Ментодвигатель у нас остался, но акулы выжгли мозги почти всем моим техникам. — Он показал на ближайшие носилки. Девушка только что из яслей улыбалась улыбкой, лишенной разума. — Потери таковы, что у меня кончились резервы. Я набираю даже слабочувствительных из экипажа. Вы подвержены мигреням, не правда ли?

Мойше смутился и кивнул. Снова они с этой головной болью.

Он уже несколько месяцев подозревал... но следствия из этого были такими ошеломляющими, что он не хотел верить. Эти все пси-штучки давно уже дискредитированы.

Может быть, если как следует об этом вспомнить, то этот человек и этот зал просто исчезнут.

— Мы хотим, чтобы вы вступили в контакт с рыбой.

— Нет! — Паника ударила, как молотом. Он даже не успел сам понять свой ответ.

Маленький бесенок по имени Лояльность, которого он слушал редко, толкал его согласиться во имя информации. Бэкхарт обрушит на него целое ведро медалей.

Он вспомнил внезапные ужасные боли в голове и страшные, призрачные сны. Он вспомнил ужас, испытанный во время невольного контакта со звездной рыбой.

— Не могу.

— Почему?

— Не знаю как.

— И не надо. Вас подключат техники, а всю работу сделает рыба. Вы будете только служить каналом.

— Но я устал. Я не спал уже...

— Этого можно не говорить. Остальные не спали столько же. Клара! — Он махнул рукой техникам, которые тут же подошли. — Клара, положите мистера бен-Раби на сорок третью. — Техники кивнули. — Бояться здесь нечего, мистер бен-Раби.

Мойше хотел выразить протест, что с ним обращаются, как с неодушевленным предметом, но у него уже не хватило воли. Техники положили его на койку, и он покорился. В конце концов, он переживал и худшее.

Женщина, которую старик назвал Кларой, напомнила ему профессиональную мать его детства. Она была седая, румяная, как вишня, и болтала что-то успокоительное, пристегивая его руки к подлокотникам кушетки. До того, как приняться за его ноги, она положила его пальцы на выключатели, которые надо было сдавить.

Ее напарником был темноволосый спокойный юноша, умело подготовивший голову Мойше к надеванию шлема. Для начала он натер волосы бен-Раби какой-то пастой без запаха, потом накрыл их чем-то вроде тонкой проволочной сетки для волос. Кожа отозвалась тысячей тонких иголочек, которые тут же исчезли.

Он подумал, что принимает все это слишком покорно.

— Зачем вы меня привязываете? — спросил он требовательно.

— Чтобы вы себя не поранили.

— Как?

— Ничего страшного, не волнуйтесь, — ответила женщина и ласково улыбнулась. — Это просто предосторожность.

«Черт побери, — подумал он. — Нет уж, два ведра медалей».

— Приподнимите голову, пожалуйста, — попросил молодой человек. Мойше подчинился, и его голову поглотил шлем. Он ослеп.

Страх удвоился. Зеленый людоед с грязными когтями запустил мерзкие лапы ему в кишки, сжал, дернул. Сердце застучало тему боевых барабанов. В мозгу эхом зазвучали слова — Чижевский, из поэмы «Древний Бог»: «...кто пел густую тьму, драконов в небесах». Не звездных ли рыб имел в виду Чижевский?

Тело Мойше покрылось потом от страха. Может быть, контакт не сработает. Может быть, никто не вторгнется в его разум. Не в этом ли корни его страха? Он не хочет, чтобы кто-то или что-то копалось у него в голове, где залегло безумие за самым хрупким из барьеров.

Целый год он с ним боролся, чтобы взять под контроль... Пистолеты, драконы, головная боль, невероятные, навязчивые воспоминания об Элис, постоянная нестабильность... Углубляться в это он не смел. Слишком неустойчивым было равновесие.

Пистолеты! Не могли ли они означать оружие Звездного Рубежа? Не создал ли он этот искаженный символ как память о той части задания, которую психологи не хотели, чтобы он помнил?

Голос откуда-то:

— Мы готовы, мистер бен-Раби. — Голос румяной старушки. Очень старый способ успокоить мужчину. Он помог — слегка. — Сделайте один щелчок переключателем у вас в правой руке.

Он сделал — и потерял все ощущения. Он парил. Он ничего не видел, не слышал, не обонял. Остался наедине со своим терзаемым разумом.

— Неплохо, правда? — На этот раз она говорила голосом его профессиональной матери. Или его хитрый перепуган-

ный разум сделал это голосом женщины его молодых лет. Она очень хорошо умела его утешать, когда он боялся.

— Когда будете готовы, сделайте еще один щелчок выключателем в правой руке, затем отпустите. Чтобы выйти, потяните *вверх* выключатель в левой руке.

Казалось, его рука двинулась по своей собственной воле. Выключатель ушел вниз.

Вернулись бывавшие у него сны: плывущий космос, галактики неправильного цвета, Звездный Рубеж в странной дымке, но яркий. Все это двигалось вокруг, как в аквариуме ситуационного дисплея. А он будто бы находился в середине аквариума, лишенный тела. Иглами сверкали сервисные корабли, путаницей проводов светились траулеры. Красноватыми торпедами стремились в сторону галактики акулы. Вдалеке золотыми китайскими драконами маячили звездные рыбы. И они дрейфовали к нему.

Страх Мойше исчез, будто чья-то рука стерла его с доски разума. Осталось только всепоглощающее изумление.

И мягко, тепло, любовно, как нежная мать, защекотал у него в голове голос:

— Это я. Звездная рыба. Головастик. — Будто колокольчики на ветру, зазвенело какое-то подобие смеха. — Смотри. Я покажу себя.

Маленький дракончик взмыл из приближающегося стада и сделал неуклюжий кувырок вперед. И почти сразу:

— Ой! Старейшинам не нравится. Опасно. Не время для развлечений. Но мы выигрываем, новый человек-друг. Акулы испугались, заметались. Слишком много кораблей людей. Бегут, некоторые. Убиты, много. Большой пир для падальщиков.

Радость этого существа была заразительной, и Мойше подозревал, что у нее есть причины — если акулы действительно отстали от стада и флота траулеров.

Забавно. Его сознательный разум ни о чем не спрашивал, только принимал.

Страх его не исчез, только ушел вглубь, но создание ночи не давало ему высунуться, заражая бен-Раби собственным возбуждением. «Когда начнется это дело с энергией?» — подумал он. «Уже идет», — ответила ему звездная рыба. Он не чувствовал ничего, кроме того, что это создание, Головастик,

исследует его разум, как привезенный на каникулы мальчишка исследует курортный отель.

— Победили в битве с акулами, победили в битве разума, — сказала звездная рыба, когда Мойше наконец овладел собой. — Но близится еще сражение, человек-друг Мойше. И плохое.

— Что?

И тут он впервые за все время понял, что действительно говорит разумом.

— Корабли-которые-убивают, плохие. Они возвращаются.

— Сангарийцы. Как ты узнал?

— Нет способа показать, рассказать. Они идут, сейчас в гипере. Твой народ, приготовьтесь.

Бен-Раби не хотел быть снаружи во время битвы. Он чувствовал себя голым, легкой добычей. Из глубин начал подниматься страх.

Но контроль звездной рыбы не ослаб. Вскоре Мойше забыл опасность, погрузился в окружающие его чудеса, следил за неуклюжим приближением драконов, маневрами сверкающих сервисных кораблей, в которых измотанные экипажи готовились к новой битве. Над всем этим висела галактика огромной слезой ночи, необозримая в своей широте. Насколько она была бы величественнее, если бы пыль не скрывала солнца в ее ядре? Неподалеку застыл в ожидании Звездный Рубеж, молчаливый, но яростный бог войны, не обращающий пока внимания на то, что творится вокруг. Мойше надеялся, что никто не пробудит его гнева.

— Идут, — сказал ему его дракон.

На фоне галактики появились пятна — это сангарийские рейдеры вышли из гипера. Глубоко в затылке, за ушами, Мойше ощутил легкую щекотку.

— Больше энергии, — сказал ему Головастик.

От места своего выхода рейдеры стали расходиться веером, как щупальца кальмара. Скоро они образовали чашу, обращенную к флоту траулеров. Это было очевидное предисловие к окружению.

Далекие и поредевшие стаи акул неуверенно закружились на месте и еще чуть отошли дальше. Они не были разбиты полностью.

В гуще сангарийцев вспыхнул огненный шар. Удачная мина попала в цель. Но это мало что значило. Численность и огневая мощь были на их стороне.

Только горсточка сервисных кораблей сумела сохранить боеспособность. Даже самые сильные из траулеров потеряли при нападении акул часть огневой мощи и мощности двигателей. Ментодвигатели и вспомогательные для крутого маневрирования в бою были куда как недостаточны.

Бен-Раби ощутил какое-то изменение. Он заметил наконец огромные серебристые паруса, ранее спрятанные во время боя между выступами и орудиями «Даниона». Корабль был с виду так потрепан, поврежден, уязвим... Вокруг него кружилась буря осколков, притянутых его малой гравитацией.

Сангарийцы подошли ближе, но пока не нападали.

— Хотят уговорить Первого Человека-друга сдаться, — передал Головастик бен-Раби. — Создания с кораблей-которые-убивают хотят стадо без боя.

«Пейн не сдастся», — подумал он в ответ.

— Это правда, человек-друг Мойше.

Звездные рыбы подплыли ближе. Они были почти вплотную к сангарийцам. На этот раз они собирались вступить в битву, хоть и осторожно. Их враги все еще наблюдали издали, высматривая шанс разорвать в клочья флот и стадо.

— Битва скоро, человек-друг Мойше.

Медленный и статичный танец противостояния кончился. Переговоры провалились. Сангарийцы ударили сильно и быстро, открыв огонь по сервисным кораблям, чтобы показать серьезность своих намерений. Сервисные корабли стали уклоняться от огня. Вдруг ракеты оказались повсюду, чиркая, как осы на лету. Огонь лучевого оружия траулеров сплетал величественный узор смерти.

И Мойше был подавлен. Он не зря провел время на флоте и в этом узоре видел неумолимое соотношение сил. Надежд на победу не было.

Головастик у него в сознании хихикнул:

— Ты видишь только часть узора, человек-друг Мойше.

Вдалеке одна из звездных рыб подобралась близко к рейдеру. Орудия корабля могли уничтожить дракона в мгновение ока, но корабль прекратил атаку. Он теперь просто дрейфовал, как лишенная жизни машина.

— Мы действуем на разум, — услышал Мойше. — Как Звездный Рубеж, с большой силой. Мы останавливаем корабли-которые-убивают, как мигает глаз, так быстро, если не надо бояться ни пушек, ни полей двигателя.

Замолчал второй рейдер, потом третий и четвертый. Мойше уже был не так пессимистичен. Рейдеры были объединены в сверхкоманду главным компьютером флагманского корабля. Этот компьютер сожжет свои сверхпроводники, пытаясь перегруппировать поля обстрела так, чтобы компенсировать огонь выбывших из строя. Если он хоть чуть-чуть заколеблется, станет хоть чуть не уверен в выборе вариантов...

Слишком осторожная звездная рыба изрыгнула шар внутреннего огня. Микросолнце медленно прокатилось по космосу, поглотив еще один рейдер.

— Плохо, человек-друг Мойше. Старейшины сердятся. Выдал неожиданное нападение.

Полусфера сангарийцев уверенно смыкалась. Вдруг ее диаметр резко уменьшился. Траулеры бросили в бой все, что могли, огонь был плотнее, чем бен-Раби приходилось видеть, но его еле хватало на нейтрализацию огня противника. Способность атаковать, по всей видимости, была потеряна.

Звездные рыбы ментально сожгли еще один рейдер, и выяснилось, что Головастик и Старики были правы. Огненный шар их выдал. Мойше ощутил глубокую печаль своего дракона, когда один из стада исчез под огнем сангарийцев.

Звездные рыбы поставили барраж огненных шаров и поспешно отступили. Почти все шары были разбиты ракетами сангарийцев.

Сфера вокруг траулеров сомкнулась. Она сжималась, как рука в кулак. Отчаянный командир, пилотировавший уже на три четверти мертвый сервисный корабль, пробил в этой сфере небольшую дыру, таранив рейдер и взорвав его двигатели.

«Узнают, что такое битва», — подумал Мойше. Головастик не ответил.

Сангарийцы бросились в атаку. Их корабли стали выстраиваться по направлению к Звездному Рубежу. Вдруг Мойше понял их стратегию.

— Они гонят нас на акул!

Снова его дракон не ответил, только еле слышно, как легкий ветерок защекотал на пределе чувствительности.

Кажется, за время своего отсутствия сангарийцы подрегулировали свою аппаратуру. Теперь они явно без труда обнаруживали акул. И с тех пор, как звездные рыбы себя выдали, они и драконов без труда держали на расстоянии.

Вдруг Головастик вернулся в его разум.

— Работает, человек-друг Мойше. Терпение. Мало времени поболтать. Тяжело вдумывать мысли в командиров кораблей-которые-убивают и машины-которые-думают. У сангарийцев другой ум. Не такой, как у людей.

И дракон растаял.

«Что это? — подумал Мойше. — Звездные рыбы пытаются управлять сангарийцами?»

Рейдеры сгрудились и ударили. Акулы заметались, будто смутно осознавая, что их тянут в адскую карусель. Звездные рыбы потянулись в свою сторону, будто прикрывая отступление флота.

— Готовься, человек-друг Мойше!

Это был внезапный рев и единственное полученное им предупреждение.

Щекотание в корнях мозга вдруг превратилось в пылающий поток. Больно! О Господи, как это больно! Жгучая мощь лилась и кипела в нем, вливаясь в то, что использовал «Данион» для ее превращения, и переливаясь в серебристые паруса. Мойше один миг следил за ее потоком, потом исчез в океане боли.

Траулер двинулся в сторону сгрудившихся рейдеров, не от них, а к ним, стреляя из всех видов оружия, без наводки, просто создавая непрошибаемую стену разрушения. Собравшиеся компактной группой сангарийцы не могли полностью привести в действие свою огневую мощь. Они колебались... колебались...

Один из рейдеров взорвался, оставив брешь в схеме ведения огня. Начал разваливаться еще один.

Точно так же действовали сервисные корабли. Один из траулеров прекратил огонь — его источник дополнительной энергии истощился. Ракеты сангарийцев принялись разносить его в клочья.

Бен-Раби ощутил все ту же бесконечную печаль.

Противник стал сдавать назад — это не было отступление, просто его сдвигала непреодолимая сила. Это не могло длиться долго, но ярость траулерного флота сейчас превосходила ярость пиратов.

Вдали звездные рыбы вдруг ударили на акул, которые в панике рассеялись. Со стороны драконов этот удар был чистым блефом. Если бы акулы решительно бросились в атаку, они бы уничтожили стадо в считанные минуты.

Через весь мозг бен-Раби пронесся крик, сумасшедший бормочущий голос, визжащий страх и неуверенность. Он был так силен, что поглотил и заглушил боль. Он не понял этого касания разума, уловил только предупреждение и ужас.

Фантомы и гротески из самых безумных средневековых видений окружили его в космосе. Это могли быть горгульи или горгоны, извивающиеся кошмары Босха, сплошные когти, клыки и пламя, и они стали реальнее кораблей. Каждое видение визжало: «Беги или погибнешь!»

«Я совсем спятил, — подумал он. — Мозг развалился под тяжестью контакта. Они не могут быть настоящими».

И он сам вскрикнул.

Тогда пришло теплое чувство, успокаивающее, утишающее страх, отодвигающее безумие. Дракон сказал ему:

— У нас получилось, человек-друг Мойше. Может быть, мы победим. — Потом, мрачно: — Чудовищ насылает Звездный Рубеж. Он действует на разум страхом и видениями. Машина планеты сошла с ума. Безумная машина использует оружие безумия. Потом другое оружие. Смотри, человек-друг Мойше!

Защищенный прикосновением Головастика, Мойше повернул мысленный взгляд на увеличившийся с их приближением Звездный Рубеж. Сангарийцы виднелись силуэтами на сияющем диске планеты. Лицо бывшего за ними мира было поражено болезнью. Рябило от десятков тысяч черных точек.

Диск уменьшался. Траулерный флот бежал, стараясь рассеяться как можно быстрее. Мойше подозревал, что, если бы флот мог, он ушел бы в гипер. Но на ментодвигателе этого не сделать.

Сангарийцы тоже не могли прыгнуть, скованные командующим боевым компьютером. Снять блокировку и развить коэффициент влияния — на это нужно время.

Но они пытались это сделать, находясь на две тысячи километров ближе к миру-крепости. С отчаянием приговоренных они ломали блокировку, рассеивались, выпускали защитные ракеты, старались набрать коэффициент влияния.

Но у них не было времени. Оружие безумного мира ударило по ним раньше.

— Закрой разум! — высоко вскрикнул Головастик. — Уходи! Мощность уже не надо! Спасай ум!

Как? Он не мог вспомнить. Это было как в кошмаре, когда никак не уйти от погони.

К левой руке вернулась чувствительность. На ней лежала другая рука, поднимающая ее вверх. Он вернулся в реальность зала контакта.

Он чувствовал шлем на голове, кушетку под собой — и неимоверное ощущение потери. Ему уже не хватало его дракона, и теперь, страдая без Головастика, он лучше стал понимать звездоловов. Может быть, контакт — это была одна из причин, по которой они держатся вдали от миров людей. Граница рыба—звездолов была рубежом новой вселенной.

Может быть, лишь один из тысячи сейнеров за всю свою жизнь испытывал контакт, но этот мог поделиться зрением со своими слепыми братьями... Там, снаружи, он испытал бурю самых разных эмоций. И только одного не было, пока у него в разуме был Головастик. Обычной, ежедневной небезопасности, которая так формирует жизнь человека.

Он плавал в собственном поту. И дрожал от холода, будто температура тела за время контакта упала на несколько градусов. В зале было безмолвие. Где его техники? Он один? Нет. Ведь кто-то помог ему выбраться.

Все эти мысли, рефлексии и страхи заняли долю секунды. А потом...

Голова взорвалась молнией мигрени, самой внезапной и страшной за всю его жизнь. Она парализовала сознание и мысль. Он орал. Он рвался из привязи, шлем лишил его зрения. Он был зверем в капкане.

«Данион» трясся и шатался. Очень смутно бен-Раби слышал крики сквозь свою боль. Вокруг мотались незакрепленные предметы. Притяжение взлетало и падало. Ментальные монстры прорвались сквозь боль, оглушая его видениями Ада.

Оружие Звездного Рубежа нашло сангарийцев. Краем своей ярости оно зацепило траулерный флот, как холодным ветром от взмахнувшего крыла смерти. А он, бен-Раби, был здесь беспомощен, как жук на булавке.

И медленно, медленно спадал этот бриз. С ним стихли вопли — все, кроме его собственного. Вокруг него слышался оживленный разговор, но он не различал слов. Голова разваливалась на части. Когда-то в детстве с ним было почти такое. Он чуть не погиб, ударившись головой о стену.

Наконец его кто-то заметил. Шлем сняли. В руку вонзилась игла. Боль начала проходить.

В зале было почти темно — так слабо горел свет. Гравитацию снизили до половины нормальной. «Данион» экономил энергию.

Но мелькавшие в его поле зрения лица, казалось, не были озабочены состоянием «Даниона». Они сияли. Слышался смех, звенели шутки.

— Мы победили! — с материнской нежностью сказала ему Клара. — Их убил Звездный Рубеж.

«Не всех», — подумал Мойше, но вслух ничего не сказал. Один или два успели уйти в гипер.

Только что сейнеры в списке вендетт сангарийцев хорошо продвинулись вверх, даже, быть может, обогнав Юппа фон Драхова.

— Но и мы потеряли четыре траулера, — сказал младший из его техников. — Четыре траулера.

Было видно, что ему тяжело в это поверить.

Да, это был день победы, но такой, в который сейнерам мало что было праздновать.

Благословенная тьма окутала Мойше. Он погрузился в сладкий сон иглы, сон, который не тревожат кошмары.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ:

3049 н.э.

ОПЕРАЦИЯ «ДРАКОН», ПЕРЕМЕНА

Сколько мог, он не обращал внимания, что его трясут за плечо. Потом буркнул, отказываясь просыпаться:

— Чего тебе?

— Вставай, Мойше. Время работать. Работы, кстати, невпроворот.

Ага. Эми. Слишком по-деловому настроена для девушки, которая должна стать женой. Он приоткрыл глаз и посмотрел на часы.

— Пять часов? Так что же это за отдых? — буркнул он. — И как я сюда попал? Я же был в отделе контакта?

— Прошло одиннадцать часов. Часы отключены для экономии энергии. Тебя принесли на носилках. Я думала, у тебя сожжен разум... — Она бросилась ему на грудь и отчаянно вцепилась в плечи. — Мойше, я так испугалась...

— Ладно, ладно. Я ведь выжил, — проворчал он. Никак не мог привыкнуть к обычаю сейнеров не скрывать эмоций.

Она сунула руку под одеяло и стала его щекотать.

— Вставай, ворчун. Работать надо.

Он обхватил ее руками и перекатил на спину, ища губами ее губы.

— Мойше!

Он подавил этот протест поцелуем.

— Уже неделя прошла, миледи.

— Я знаю, но...

— Никаких «но», женщина. Горбатые крокодилы энтропии грызут подбрюшье наше, и я не собираюсь упускать возможности залудить его куском трубы.

— Мойше, что ты себе позволяешь!

— Заткнись.

— Слушаюсь, хозяин.

Потом они поспешно оделись. Эми выбрала свежий комбинезон.

— Так что за спешка? — спросил Мойше.

— Тебе придется вернуться к работе. Мойше... на этот раз мы в отчаянном положении. Мы на нисходящей орбите вокруг Звездного Рубежа. То, что убило сангарийцев, сплавило наши ментопаруса. Если за два дня мы не запустим двигатели, коснемся границы.

— Границы?

— Предела. За которым Звездный Рубеж стреляет по кораблям.

— Отчего же мы тогда живы?

— Его пересекли только сангарийцы. Эта машина воспринимает все буквально. Ладно, в общем, нам через три часа на вахту, а Ярл сначала должен прогнать тебя через несколько тестов.

— А потом нельзя?

— Он сказал сегодня.

— А, все равно. Я уже проснулся. Где Маус?

— В госпитальном отсеке. Поправляется нормально.

До госпитального отсека было пятнадцать километров. Может, и больше, если учесть объезды. Мойше знал, что нужно будет двигаться быстро.

— Сначала мы туда.

— Зачем?

— Навестить Мауса.

— А тесты!

— К чертям тесты. Я хочу видеть Мауса. Ты идешь?

— Да ты что? Эй! Подожди!

Они побежали к скутеру, шутливо поборолись за руль. Мойше победил. Он не верил ей, что она отвезет его туда, куда он хочет.

Он летел по коридору, распугивая ругающихся пешеходов. Ветер в лицо радовал — пока он не вспомнил, что случилось. Память о том, что он сделал, заставила его при входе в госпитальный отсек вести себя тихо.

Враньем и угрозами он пробился мимо сестер, которые считали, что здесь у них монастырь.

Они бродили по отделению, где должен был быть Маус, но его не нашли.

Вдруг откуда-то дальше по коридору разнесся женский смех.

— Как ты думаешь? — спросил Мойше.

— Я бы не стала ставить против, — ответила она. Ее хорошее настроение еще не развеялось.

Мойше пошел на звук смеха в небольшую отдельную палату, где обнаружил Мауса, который охмурял сестру. Бен-Раби задумался, за каким, собственно, чертом он сюда пришел. Кажется, Маусу он не слишком нужен. Потом он понял. Он пришел не по какой-нибудь разумной и солидной причине, а просто потому, что хотел знать, как Маус. И это было глупо. Наземники так себя не ведут.

Излишне говорить, что Маус чувствовал себя отлично.

— Чего ты тут делаешь? — спросил Мойше, чувствуя себя неловко, что прерывает беседу. — Там работа стоит!

Маус усмехнулся и подмигнул:

— Мойше, каждому полагается отпуск. Кроме того, здесь я познакомился с Викки. Дорогая, скажи «здрасьте» моему другу Мойше.

— Здрасьте моему другу Мойше.

— Видишь, какая девушка? Я все хочу выяснить, так ли эти длинные стройные ноги хороши, как обещают. Эта рабочая одежда очень портит вид женщины.

— Как ты, Маус? — спросил бен-Раби.

— Не хуже, чем можно было бы ожидать в подобных обстоятельствах, как сказал человек перед тем, как закрыли его гроб. — Он сдвинул верхнюю простыню. Его рука и плечо были скрыты толстым слоем бинтов и частично — гипса. — Через пару дней они меня отсюда выкинут. Если только я не нашепчу в это красивое ушко чего-нибудь такое, чтобы меня здесь оставили.

Викки хихикнула.

— Ну что ж. Я просто хотел проверить. Извини, что помешал. Веди себя хорошо.

— Разве когда-нибудь бывало иначе? — Маус коротко рассмеялся. — Слушай, Мойше, загляни, будь другом, в мою каюту и посмотри, чтобы там никто серебряные ложки не спер.

— Сделаю.

— Увидимся через пару дней.

— Ага.

Бен-Раби повернулся и вышел, Эми за ним.

— Черт! — с сердцем сказал он. — Дураком себя чувствую.

— Почему?

Он покачал головой. Это трудно было объяснить. Тем более ей. Сейнеру не понять, что он имел в виду, когда сказал, что они с Маусом миновали ту точку, где был возможен возврат, и стали настоящими друзьями. В биографии Эми не было ничего такого, чтобы она могла понять, что это значит для наземника.

А у нее был беспокойный вид.

— Думаешь, что скажет Ярл на наше опоздание? — спросил он.

— Угу.

Задумчивость не оставляла ее весь путь по стерильным коридорам.

— А что это за тесты?

— Не знаю. Просто какие-то тесты.

Он уловил привкус неправды. Ему не полагалось знать их назначение. Всю жизнь он ненавидел тесты, которые ему каждый раз предлагались там, дома: коэффициент интеллекта, эмоциональная устойчивость, индекс предубеждений, социальная ответственность, реакция на обстановку, гибкость, адаптабельность, то, что правительство называло эвфемизмом «Отчет по случайной выборке»...

Агентов Бюро бомбардировали этими тестами в течение периодов инструктажа и отчета. Был даже тест на сопротивляемость тестам. У него она была сильной. Он не любил, чтобы ему залазили внутрь. Слишком он сам это часто делал.

— Это не пресловутые тесты Уорнера?

Она не ответила. Он сделал еще пару заходов, отклика не получил и бросил.

Чтобы вернуться к скутеру, пришлось идти в объезд. Дорога, которой они собирались пройти, была забита ранеными с погибшего траулера.

— Плохо дело, Мойше, — сказала Эми, разглядывая длинные ряды носилок. — Их начали нести сразу, как стихла стрельба. Только со всех подбитых их снять не удастся. Они тоже падают на Звездный Рубеж.

— А куда их помещать? В конце концов всем придется спать стоя.

— Что-нибудь найдем.

— Напоминает мне полетную практику на последнем курсе. В то лето у нас тоже были страхи войны. Война на Теневой Линии и сангарийцы. И еще кто-то нашел планету пиратов Мак-Гроу. И все корабли флота были при деле. Так что астрогационную практику мы проходили на зафрахтованных Академией частных судах.

Воспоминания. Тем летом он порвал с Элис...

— Расскажи, как это было.

— Что? Зачем тебе?

— Потому что я ничего о тебе не знаю. Ты никогда о себе не говоришь. А я хочу знать, кто ты.

— Ну ладно. Мне достался худший из списка. Меня коекто не любил. Это был толстозадый купец, который мотался вдоль Границы между Трегоргартом, Большой Сахарной Горой, Карсоном, Сьеррой и Сломанными Крыльями. Всю дорогу дребезжал и разваливался и вез сумасшедших пассажиров. На купцов набивается очень чудной народ. По дороге от Сломанных Крыльев до Карсона мы налетели на пиратов Мак-Гроу. Мой первый бой.

Он на несколько секунд замолчал, и ей пришлось спросить:

— И как это было?

— Полностью внезапно. Обычно Мак-Гроу не трогают торговцев, но их тогда сильно теснил флот, а мы везли оружие Гнею Шторму...

Зачем он ей это рассказывает? Это совершенно не ее дело. И все же... Разговор отвлекал от предстоящих тестов.

— Говори, Мойше.

Он не сомневался, что инцидент во всех деталях есть в записях Киндервоорта.

— У нашего «Халтурщика» — именно так его и звали — барахлил двигатель. Чуть на волосок от синхронизации. Торговец не может себе позволить его настройку, пока он совсем не выбьется из параметров. Так что Мак-Гроу не могли войти с нами в фазу и вытащить в норм. Они пытались дать предупредительный выстрел нам по курсу. А наш двигатель выкинул одно из своих коленцев, синхронизировался с ними и вытащил нас обоих прямо во взрыв. Корабль Мак-Гроу погиб, а «Халтурщику» тоже крупно досталось, но одну герметичную секцию мы сохранили. И я там был заперт с сумасшедшей семьей с какой-то планеты Первой Экспансии. Они ненавидели всех, а особенно — землян и пришельцев. А нам — мне и радисту-улантиду — предстояло определить, где мы, и позвать на помощь. Три недели ушло, чтобы состряпать передатчик и еще три месяца, пока кто-то поймал наш сигнал. Жуткое было дело. Мне было тогда девятнадцать, перепуган я был до смерти, и все это лежало на мне... Эй? Где это мы?

Эми виновато сжалась:

— Я заслушалась. Кажется, мы не там повернули. Надо вернуться обратно.

Они повернулись и пошли обратно, пока не нашли коридор, который вел в нужную сторону. Он проходил мимо женского отделения интенсивной терапии. Раненые лежали снаружи, где сестры могли их бегло внешне осмотреть. В отделение, рассчитанное на пятьдесят мест, уже втиснули около трехсот женщин.

— Да, в самом деле плохо.

— Ходячих раненых переводят в жилые отсеки.

Вдруг Мойше остановился, как громом пораженный. Лицо последней пациентки, лежащей в противоожоговом баке, он уже никогда больше не думал увидеть.

— Мария!

Она была жива, и в этом своем баке, среди джунглей трубок, была в сознании. Она встретила его взгляд и попыталась выразить свою ненависть. Внутривенный монитор тут же ввел ей дозу нембутала.

— Что случилось, Мойше?

Он показал рукой.

— Ты не знал?

— Нет. Я думал, она мертва.

— Она бы и умерла, если бы мы не доставили ее сюда быстро.

— Но...

— Ты стрелял слишком издалека.

— Понимаю.

Она оставила тему, поняв, что развивать ее он не хочет.

Следовало ему понимать, что Мария так легко не уйдет.

Был ли у нее напарник? Ответ был критичен. От него может зависеть его жизнь.

А если он выживет, Мария будет преследовать его на планетах. Пока что битвы выигрывал он, но исход войны был неясен.

Он без энтузиазма ждал следующей с ней встречи.

— Чего ты так вдруг заспешил? — спросила Эми. Он почти бежал.

Киндервоорт не был рад его опозданию, но запустил Мойше в комнату для тестов без выражения недовольства.

— Вот это бен-Раби.

Психологи взялись за привычное дело. На Мойше обрушился знакомый парад идиотских вопросов. Еще с детства он

пытался сбить их с толку, давая случайные ответы — потому-то всегда его тесты длились так долго. Компьютерам было нужно много материала, чтобы его прищучить.

Когда психологи закончили, они передали его обыкновенным докторам, и те прогнали его через тщательный физический осмотр. В его голову они просто влюбились. Рассказ о своей мигрени ему пришлось повторить три раза и выдержать дюжину поверхностных и глубоких сканирований черепа.

И еще они хотели знать все о вшитом в него инстеле.

Вот тут у него возникла внезапная немота. Действия Бюро были вне обсуждения.

Когда он уже готов был заорать, его отпустили. Главный инквизитор извинился, что отнял столько времени. В его тоне даже был намек на искренность. И он, и Мойше знали, что потеря времени была на совести Мойше.

Ему было велено перед возвращением на работу как следует выспаться.

Он надеялся, что они ничего не узнали, но боялся, что все-таки узнали. Профильные тесты обмануть тяжело.

Время летело быстро, почти так же быстро, как в сумасшедшей и суматошной культуре планет. Мойше вернулся в отдел контроля повреждений, и рабочее время теперь было невыносимо.

Как-то все же удалось заставить работать двигатели и вывести «Данион» на устойчивую орбиту. Потом началась настоящая работа. Все, кто не был занят на спасательных работах или на жизнеобеспечении корабля, стали готовить его к перелету на Верфи через гипер.

Работа у Мойше оказалась не такой напряженной, как ожидалось. На «Данионе» больше пострадал экипаж, чем оборудование, и больше от нападения акул, чем от сангарийского огня.

Доходили слухи, что более половины людей траулерного флота погибли или все равно что погибли от выжигания мозгов. Его знакомым посчастливилось. Он не знал никого, кто оказался жертвой. Но каждый день на работе он видел новые лица и недосчитывался старых.

Просыпаясь, Мойше каждый раз с удивлением обнаруживал, что он все еще жив. Битва у Звездного Рубежа завершилась и была выиграна, но эта победа поставила траулерный

флот на грань катастрофы. Как только удавалось справиться с текущими проблемами, возникали новые.

И акулы тоже пока не отстали. Они тайком следовали за флотом и стадом, и число их росло с каждым днем. Неделя или месяц — и они ударят снова.

Флот вел гонку со временем. Нужно было добраться до Верфей раньше, чем акулы достигнут критической...

Когда внезапная смерть крадется по пятам за завесой времени, это самое время бежит быстро, и каждый прошедший час приближал Мойше к тому моменту, которого он боялся, — моменту возвращения на Карсон и в прежнюю жизнь.

Он не хотел возвращаться.

После битвы «Хочу» уже не сосало кровь его души, и пистолеты тоже не мерещились. Кажется, у него случилась спонтанная ремиссия его психических заболеваний. И недели в этом смысле шли почти безмятежные. А проблемы стали более непосредственными и личными.

Он нашел то, что ему было нужно, сочетание всего, что нужно для ощущения своего места в жизни: женщину, полезную работу и место в обществе, где его не считают просто совокупностью статистических данных, которыми надлежит манипулировать. Он еще не совсем понимал, что случилось и почему, но он знал, что *здесь* его место. Пусть даже его еще не приняли до конца.

Именно этого он искал, когда покидал Старую Землю. Флот дал ему из этого кое-что, но недостаточно. Настоящее было здесь.

Он был дома.

Но как остаться? Существовали неодолимые приоритеты лояльности. Условия Киндервоорта он просто не мог принять. Не мог предать Бюро.

Попытаться поговорить с Ярлом и что-нибудь устроить? Он колебался. Метался в стороны. Принимал и отменял решения по сто раз на дню.

А Маус? Что он подумает? Что он сделает и скажет?

И все это время он, как записывающий аппарат, делал заметки для Бюро. Иногда он беспокоился, как переправить их с корабля, но это не было особо важным. Главное, что при записи сведения откладывались у него в подсознании, откуда психологи вытащат их наркогипнозом.

Это если он вернется домой.

Это если он захочет, чтобы их вытащили. Он не хотел идти на это задание тогда, и с тех пор у него охоты не прибавилось. Выполнив его, он разрушит все, что стало ему дорого.

Это было подходящее настроение, чтобы закончить «Иерусалим». И для итоговой мысли он нашел точно подходящую цитату:

И мир ополчился, и ты произнес:
«Море смятенья!» Дорог на Земле
Нет больше, и воздух щетинится
Копьями, звезды боятся светить,
И время и место злорадно смеются...

Фирдоуси (Абуль Касим Мансур)

Все персонажи «Иерусалима» погибали, пытаясь поймать желания своих сердец. Прощайте, прежние спутники.

И хватит. Это все равно была лишь претенциозная литературная попытка в стиле модерн. И она ему больше не нравилась. Только такое самоубийственное настроение заставило его закончить быстро, не отделывая детали, которые он планировал изначально. Иногда он чувствовал себя одним из собственных созданий, отвергших все, кроме смертельного конца...

До истечения его контракта оставалось десять дней, когда его снова позвали из контакта. Приглашение передал лично Ярл Киндервоорт.

— Я бы не хотел больше заниматься работой телетеха, Ярл, — сказал бен-Раби. — Я этому не обучен, и мне и здесь вполне хорошо.

— Я бы и сам этого хотел. — Казалось, Киндервоорт сбит с толку. — Ты и без того слишком много уже знаешь. Но приказ есть приказ, а этот к тому же с самого верху.

По каюте Мойше пронесся морозный ветерок. Он слишком много знает... Отпустят ли они его? Если они... Киндервоорт вполне способен организовать несчастный случай в глубоком космосе, который заставит замолчать возвращающихся наземников.

А даст ли на это «добро» начальство Ярла? Звездоловы задиристы, но Конфедерацию провоцировать не любят.

— А в чем дело, Ярл?

— Не знаю. Но мне это все не нравится. Меня поставили на место, а тебя переводят в контакт. Это все, что мне известно. Здесь я только мальчишка на побегушках. Так что хватай скутер и езжай. Вот твой пропуск.

— А, черт... ладно. Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

Через полчаса Мойше добрался до отдела контакта. Там распоряжался все тот же старик.

— Вы будете снова работать с Гансом и Кларой, мистер бен-Раби. В пределах базовых упражнений по контакту. Кто из рыб будет с вами на связи, не знаю. Они это решат сами.

— Зачем я вообще здесь? Это же не имеет смысла! Я в конце той недели улетаю.

Старик будто не слышал.

— Вероятно, в течение ближайшей недели у вас будет контакт с несколькими рыбами поочередно. Они каждый разум исследуют с разных точек зрения, пока не подберут постоянного партнера. Ганс, Клара! Вот мистер бен-Раби, займитесь базовой программой.

— Да подождите же минуту, черт вас побери...

Старик уже шел прочь, догоняя ремонтника в черной форме, чья работа его не устроила.

— Доброе утро, Мойше! — сказала Клара. — Приятно, что ты вернулся. Как там оно?

А Ганс объявил:

— Мы будем твоей постоянной группой поддержки. Нам дали номер пятьдесят один...

— Кем этот тип себя воображает? Когда я к человеку обращаюсь, я рассчитываю получить ответ!

— Не бери в голову, — посоветовал Ганс. — Он так со всеми. Ты к нему привыкнешь.

— Жуткий начальник, — заметила Клара. — Просто жуткий. Но нам недолго его терпеть. Его продвигают наверх. Ты бы показал Мойше нашу станцию, Ганс. А я пока кофе сделаю.

— А *по-вашему*, что здесь происходит? — спросил бен-Раби у Ганса. Он сидел на краю кресла для контакта. — Мне здесь делать нечего.

Ганс пожал плечами:

— Понятия не имею. Нам просто сказали, что ты — наш новый телетех и чтобы мы начали вводить тебя в курс дела. Клара думала, что ты решил остаться. Правда, Клара?

— Что?

— Что ты говорила, будто мистер бен-Раби решил остаться на «Данионе».

— Да. А это так? — Она протянула Мойше чашку кофе. — Черный?

— Да, спасибо. Нет, я не остаюсь.

— Тогда я не понимаю. — Клара сделала недоуменное лицо.

— И я тоже. Я пытался им объяснить, что кто-то напутал. Так никто не слушает. Вы же знаете, как оно с начальством. Как вобьет себе в голову...

— Я тогда лучше проверю, — сказала Клара. — Нет смысла начинать, если все это путаница.

— Проверь, будь добра.

Через пятнадцать минут она вернулась с еще более озадаченным видом.

— Они сказали продолжать.

— Черт побери, зачем?

— Не знаю, Мойше. Больше они ничего не сказали.

— В этом же нет смысла!

— Я думал, ты солдат, — сказал Ганс. — Думал, ты привык выполнять приказы, не пытаясь понять.

— Я хотя бы знал, что человек, отдавший приказ, знает его смысл...

Ганс улыбнулся.

Человек, отдавший приказ, знал его смысл. Он еле слышал голос Клары:

— Давайте начинать. Мы уже выбились из графика.

Значит, здесь тоже есть бэкхартизм. А у него самого вид прирожденной пешки.

Как ни пытался он, но никак не мог понять, какой толк сейнерам его обучать на телетеха. Разве что он когда-нибудь вернется.

— Готовься, Мойше. То же упражнение, что в первый день. На этот раз все должно быть спокойно. Мы не будем принимать энергию. Просто выходи и плавай. Постарайся открыться рыбам и почувствовать.

Ганс насадил шлем на голову бен-Раби. Теплый и ласковый, донесся голос Клары:

— Помни, Мойше: один щелчок правой для полной сенсорной депривации. Второй щелчок — контакт. Левый выключатель вверх — возврат. Будешь готов — нажимай.

Сам не зная почему, он толкнул правый переключатель.

Его окружил комфорт полной сенсорной депривации, подобный материнскому чреву. Мойше отдался на его волю, уходя от боли и тягот реальности. Несколько раз он повторил какую-то мантру, пытаясь погрузить сознание в такую же нирвану, в которой было тело.

Это было славно. Здесь человек может отбросить щит, ослабить бдительность по отношению к миру. Здесь ничто его не тронет...

Неправда. Его спинной мозг, древний мозг, который миллиард лет назад выполз из моря на сушу Старой Земли, не мог вытерпеть полного отсутствия сигналов. У него началась клаустрофобия.

— Слишком долго держишь ПСД, Мойше, — за тысячу километров от него сказал голос Клары. — Это не очень хорошо для сознания.

Он снова нажал на выключатель.

Вокруг него образовалось причудливо искаженное и раскрашенное пространство.

Он падал на молочно-белый шрам, оставленный каким-то жестоким богом на лице тьмы. Логика говорила ему, что это — галактика, и выглядит она одновременно и резкой, и расплывчатой, поскольку его мозг пытается перевести нечто, видимое в гипере, в привычные образы.

Что же он на самом деле видел? Тахионное рассеяние? Бешеный танец глюонов, скрепляющих материю? Наиболее плотен этот шрам был возле галактического ядра, которое в нормальном пространстве было скрыто пылевыми облаками.

Мимо мелькнули длинные розовые полосы, как огонь рубиновых лазеров, сходящиеся к центру галактики. Барраж золотых трасс проскользнул вдоль внутреннего края розовых кругов. Акулы и звездные рыбы, скользящие вместе с траулерным флотом?

Он расширял зону своего внимания, пока не обнаружил несколько огней святого Эльма яйцеобразной формы с кометными хвостами — это были траулеры, перешедшие в гипер. Как он ни искал, но не видел даже следа Звездного Рубежа. Цитадель осталась позади. Ставка сейнеров не сыграла, эпизод был окончен. Флот Пейна летел к Верфям...

— Привет, человек-друг Мойше!

Бен-Раби с наплывом восторга узнал Головастика. Чувство было такое, будто он наконец-то дома, наконец-то там, где его место.

— Ты вернулся, человек-друг Мойше.

— Да. Я не думал, что так выйдет. Ты уцелел в битве, и я рад.

Ментальные пальцы звездной рыбы пробежали по его разуму, принося успокоение. Он не сопротивлялся. И с ощущением смеха пришли слова.

— Я тоже, человек-друг Мойше. Ты пришел учиться быть связующим?

— Да, наверное.

— Хорошо. Я учу. Я, звездная рыба Головастик, лучший учитель. Ты будешь лучшим связующим всех времен. Покажем Старейшинам. Мы начинаем. Ты изучаешь окружающую вселенную, пытаешься видеть и говоришь мне, что видишь.

Мойше так и сделал.

— Нет, не так. Видь все сразу. Забудь о глазах. Совсем забудь чувства плоти, дай вселенной всосаться в тебя, будь с ней одно. Забудь себя. Забудь все. Просто будь как центр вселенной.

Это был первый урок, который надо было усвоить, и самый трудный из начальных уроков телетеха. Он доблестно пытался час за часом, но это было как заставить себя заснуть. Чем больше усилий, тем дальше от цели.

Издали его позвал голос:

— Мойше? Мойше! Пора выходить из контакта!

Он не хотел выходить. Быть снаружи, быть свободным — это оправдывало все, что он перенес. У Звездного Рубежа смерть стояла у него за плечом. Здесь, где не было угрозы, он был ближе к небесам, чем мог себе в жизни представить. Это был почти религиозный опыт, как первый выход в скафандре из корабля или первый оргазм.

Он заставил себя дать левой руке команду подняться.

Тут же впилась в сознание вся боль реальности, и он понял тех людей, что искали ложной нирваны, которую дают наркотики и религия.

Пока с его головы снимали шлем, что-то укололо его в руку.

— На всякий случай, — сказала Клара. — У тебя не должно быть сильной контактной реакции, но наверняка никогда знать нельзя.

Телесные муки отступили. Приступ мигрени умер, не родившись.

— Это вещь, — сказал он. — Я не хотел возвращаться.

— Значит, у тебя есть настоящая контактерская жилка, — сказал ему Ганс. — Они никогда не хотят выходить и никогда не хотят возвращаться.

— Поешь как следует и отоспись, — велела Клара. — Контакт отнимает у тебя больше, чем ты думаешь.

Он провел еще три продленных сеанса с Головастиком, и они стали друзьями — насколько это возможно у существ с таким различным опытом.

Пятый учебный выход вывел его на контакт с созданием, которое называло себя Судья Старейшин. Он был полностью и подлинно чуждым. Он вошел в разум бен-Раби холодно, как змея, копая, исследуя, пока Мойше не ощутил себя блохой под микроскопом. Он не пытался обучать, не разговаривал, не скрывал своей цели — изучить, годится ли бен-Раби для контакта со звездными рыбами. На этот раз он был рад разорвать контакт, невзирая на боль реального мира.

Еще два раза он входил в контакт со Старейшинами, и каждый из них был так же бесстрастен и холоден, как Судья. Наверное, этих бесстрастных созданий имел в виду Чижевский, когда писал «Древнего Бога». Разум этих существ был именно таким, каким бен-Раби представлял себе Бога.

Были еще два прекрасных, радостных, веселых дня с Головастиком, который был назначен его «постоянным» контактером. Непочтительный Головастик делал очень рискованные замечания насчет Старейшин, с которыми контактировал Мойше. Бен-Раби в ответ попытался обучить звездную рыбу понятию юмора.

А потом все кончилось. Конец мечте.

— До свидания, человек-друг Мойше, — сказал Головастик, погружая разум бен-Раби в печаль. — Я буду часто думать о тебе, более странном, чем любой человек-друг.

— Я тоже буду помнить тебя, Головастик, — обещал Мойше. — Постарайся поймать эти мысли, когда я уйду из своей мечты.

Он рванул выключатель выхода.

Клара и Ганс решили, что у него болевой приступ, и хотели сделать второй укол, но он их оттолкнул. Слезы лились — он не пытался их сдержать. Потом обнял Клару.

— До свидания. — Он крепко пожал руку Ганса. — Мне вас обоих будет недоставать.

Они смотрели ему вслед, когда он, сгорбившись и шаркая, выходил из сектора контакта в последний раз.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ:
3049 н.э.
ДОРОГА ДОМОЙ

И дни прошли. И часы почти исчерпались. Они кончались, а он все еще не связался с Киндервоортом, и даже храбрости ему не хватало осознать, чего же он хочет. Пока он спал, «Данион» вышел из гипера, готовясь выпустить сервисные корабли.

Звездные рыбы и акулы будут кружиться возле остатков траулерного флота. Головастик увидит стальную иголочку, которая унесет бен-Раби прочь навеки.

Он лежал в койке и вспоминал вечерние истории в детском саду, когда он был малышом. Во всех этих сказках были герои, не знавшие нерешительности, никогда не ведавшие страха. Но все они были родом из дальнего и, возможно, ненастоящего прошлого.

А в нынешней калейдоскопической вселенной мало было места для уверенных в себе типах вроде Мауса. Умение бояться было важно, чтобы выжить.

Часто Мойше задумывался, так ли на самом деле хладнокровен Маус, как кажется. Что-то же должно волновать его, кроме взлетов и посадок.

Через два часа сервисный корабль уйдет на Карсон. И что он может сделать? Что он *должен* сделать? Он знал, чего хочет он, знал, чего хочет Эми, но все еще болтался между старой и новой преданностью. Выдать секреты Бюро ради личного счастья — это, как он ощущал, значило бы предать самого себя.

Кажется, он, избавившись от прежних призраков, набрал на их место шайку новых. Но в этих хотя бы было больше смысла.

Оставшееся время сжалось до одного часа. Вещи уже были упакованы. Он метался по каюте, как зверь по клетке, не в силах остановиться. А Эми сидела неподвижно на своей койке, попеременно замолкая или обрушивая на него словесные нападения. Он должен был выбраться, должен был уйти...

Он пошел искать своего напарника. Может быть, Маус поможет. У паранойи есть свои достоинства.

С тех пор, как бен-Раби начал обучение на телетеха, они почти не виделись.

Маус открыл дверь и приятно удивился. Первое, что он сказал, было:

— Я как раз собирался пойти тебя поискать. — Одна его рука дрожала. — Хочешь сыграть партию, пока мы ждем?

— Давай.

Это могло быть на пользу обоим. Партия-другая могла бы привести их в норму.

— Как Эми это все воспринимает?

— Как нормальный член команды. Штурмовой команды десантников.

Маус был на жутком взводе. Дрожь его была связана не только с поврежденной рукой. Мойше не обратил внимания. Обычные его предполетные судороги.

— Ты слыхал, чего я нашел? — болтал Маус. — Годами за ней гонялся. И нашел у одного из наших ребят; он ее носил на счастье.

Он показал древнюю бронзовую монету с дырой в середине. Бен-Раби с одного взгляда увидел, что монете не меньше двух тысяч лет, восточная, в хорошем состоянии, но относительно нередкая. Уж точно ничего особенного. Возбуждение Мауса начинало вызывать недоумение.

— Ничего, вполне. Эми воспринимает все это куда хуже, чем я ожидал. — Он снова посмотрел на монету, потому что

Маус все время тыкал ею ему в лицо. — Ты уверен, что это не подделка?

— Она это переживет. С ними всегда так, если ты их любил как надо. Нет, это не подделка. — Маус был чем-то явно разочарован. — Бери себе белые.

Во время своего почти ритуального дебюта бен-Раби попытался начать обсуждение своей проблемы:

— Маус, я хочу остаться.

Маус посмотрел на него странным взглядом, будто бы со смешанным чувством, будто бы он этого ожидал, но надеялся на другое. Нервно потрогав свою монету, он ответил:

— Поговорим после игры. Как ты насчет выпить? У тебя такой вид, будто бы распадаешься на винтики.

Человеку, которому предстоит ускорение и временная невесомость, напиваться не стоит, но бен-Раби согласился. Ему это было нужно. Маус подошел к ящику и вытащил бутылку какой-то готовой смеси. Пока он вытаскивал стаканы, бен-Раби осмотрел каюту. Почти все, что носило отпечаток личности Мауса, исчезло — все памятные безделушки, которые превращали это место в дом. Все, кроме неизменного набора шахматных фигур.

Один стакан разбился. Маус выругался, собрал осколки, выругался еще раз, когда порезался.

— Какого черта их не делают из пластика?

— А ты бы брал их здоровой рукой, — посоветовал бен-Раби и увидел, почему он этого не делал. Здоровой рукой Маус заливал какой-то смолой жучка, подсунутого безопасностью.

Он принес выпивку, и они стали играть дальше.

Партия вышла затяжная. Маус был не в форме, и каждый ход ему приходилось тщательно обдумывать. И все это время он вертел в пальцах свою монету, будто хотел стереть ее начисто до посадки в служебный корабль.

Бен-Раби допил свою порцию и еще несколько, ощутил некоторое успокоение и отключение от того, что волновало его ум. Он увлекся игрой. Впервые инициатива была у него. Маус, несмотря на свою задумчивость, играл отстраненно и невнимательно.

И вдруг Маус быстро сделал серию резких ходов. Бен-Раби потерял ферзя и...

— Мат!

И алкоголь уже не помогал. Поражение — такая мелочь, но такая неизбежная, вдруг стало аналогом всей жизни бен-Раби. И депрессия его усилилась.

Секундой позже, складывая фигурки в ящик больной рукой, Маус сказал:

— Я их оставил сверху, чтобы можно было играть по дороге домой. Но ты говоришь, что хочешь остаться.

— Да. Вот поэтому я тебя и...

— И этого я и боялся.

Маус повернулся. Вертел руками он не бесцельно. В здоровой руке его было зажато оружие звездолова, вынесенное из каюты Марии.

— Тебе следовало бы догадаться, Мойше. Нужно было тебе пойти к Киндервоорту. — Маус доигрывал игру до конца. — Колеса внутри колес, как ты сам знаешь. Мы все еще работаем на Бэкхарта, и я не могу тебя просто так оставить.

Мойше подумал, что, может быть, он это и знал — в глубине души. Может быть, он и к Маусу пришел, чтобы тот принял решение за него.

— Психологи запрограммировали тебя стать перебежчиком. Чтобы ты мог попасть туда, куда не пустят меня. Может быть, они даже знали про Звездный Рубеж — я так думаю, судя по твоему видению с пистолетом.

Мойше взглянул на монету, которую держал Маус в поврежденной руке. Странно: он никогда не говорил, что хочет такую. Может быть, это был гипноключ. Может быть, он открыл в памяти Мауса всю картину задания.

— Оно с самого начала было долговременным, Мойше. Нам нужна амбра для флота. Вся амбра — для войны.

— Войны? Какой войны? Никто же не принимает всерьез перевооружение Уланта. Ты мне сам говорил, что это ерунда.

Маус пожал плечами:

— Ты был удаленным коллектором данных. Одним из моих заданий было тебя хранить. Остальное в основном — обертки и бантики.

Хотя это выглядело неуклюже, Маус старался не только объяснить. Ему не нравилось то, что он делал, и он убеждал самого себя.

Да, они сблизились. Слишком сблизились. Они стали неравнодушны к судьбе друг друга.

— Мы друзья, Мойше. Давай тогда без шума, ладно?

Да, без шума. Как и в шахматах, его обыграл превосходящий по силе противник. Он был той половиной команды, которую обучали для «мягкой» работы. «Жесткой» всегда занимался Маус. Дружба дружбой, а если он заартачится, Маус его ликвидирует. Маус — совершенный агент. Он ничему не даст встать между собой и своей работой.

Бен-Раби посмотрел на лицо напарника и увидел на нем боль. И узнал эту боль. Маус, подумалось ему, Маус тоже не хочет возвращаться. Но натура Мауса не оставляет ему выбора... и подталкивать его будет глупо. Под напряжением он слишком сильно реагирует.

Бен-Раби ссутулился. Он сдался. Снова стал щепкой в потоке.

По всему «Даниону» разнесся страшный богоподобный голос, призывающий всех наземников на станцию отбытия для окончательного расчета и выплаты. Маус сунул оружие в карман и сказал:

— Прости, что так вышло, Мойше.

— Я понимаю.

На самом деле он не мог этого понять.

Маус кивнул на дверь:

— Пойдем.

Они пошли. Мойше не дергался, даже когда представлялась возможность. Он сдался.

«Нет у меня дома, — думал он. — Кажется, никогда и не было. Был я щепкой в потоке вселенной, как в бурной реке на Сьерре, и так оно и осталось».

Он глядел на шлюз, который откроется в служебный корабль. Один шаг, и он выйдет уже из терминала на Карсоне. Насколько же все переменилось за время его отсутствия? Грета подросла...

Грета!

— Маус, я же забыл что-нибудь Грете привезти! Меня же не было целый долгий год... Я должен привезти ей подарок.

— Мистер бен-Раби? — протолкался к ним через толпу человек, держа в руке какие-то вещи бен-Раби. — Вы кое-что забыли из своих вещей.

Мойше узнал человека — он был из людей Киндервоорта. Они нашли его записки?

— Майк, есть у меня время прихватить сувенир для дочки?

Майк, все еще рассказывая про забывчивость Мойше, встал между бен-Раби и Маусом. Вокруг кишели наземники, возбужденно разговаривая о доме, подбегая к кассе, когда называли их имена. Бен-Раби не смотрел на них. Его захватило внезапное выражение отчаяния на лице Мауса.

— Оружие, будьте добры, — попросил Майк.

Их уже окружало несколько человек. И сам Киндервоорт тоже направлялся к ним, выйдя из своего кабинета неподалеку.

Маус кротко отдал пистолет, и его оцепенение сменилось слабой улыбкой.

— Говорил я Бэкхарту, что это не сработает, — сказал он вслух. — Но кто будет слушать полевого работника?

Вдруг переполох. Крики. Стон. Маус своим телом сбил бен-Раби на пол. Майк хрюкнул и свалился на них, и на несгоревшей половине его лица навсегда застыло крайнее удивление. Крик стал громче, люди пытались куда-то бежать. Снова вспыхнул лучевой пистолет. Люди из безопасности пытались добраться до источника стрельбы.

— Колеса внутри колес, — сказал Маус на ухо бен-Раби холодным и спокойным голосом. Присевший рядом с ними Киндервоорт смотрел вопросительным взглядом. — На этот раз их запустил я, — сказал ему Маус. — Я догадался, что у него есть здесь подстраховщик.

Подстраховщик. Так на профессиональном жаргоне называли человека, запрограммированного под гипнозом сделать все, что потребуется, если задание будет провалено. Подстраховщик редко знал, кто он такой. Обычно это был посторонний, завербованный на улице и пропущенный через мельницу психотехников. Даже после убийства агента, который мог быть схвачен или собирался перейти на другую сторону, он едва ли знал, что он сделал, почему или для кого.

Бен-Раби никогда не думал, что он сам, Маус и само задание настолько важны.

— Прости, Мойше. Я считал, что не должен тебе говорить. Так выглядело убедительней, когда ты верил.

«А правду ли он говорит? — мелькнула мысль у Мойше. — Или меняет игру из-за обстоятельств? Гнется под ветром, чтобы сохранить шкуру?»

— До попытки перехода мы его бы не обнаружили, и сделать это можно было только здесь. Теперь для него слишком поздно. Ему до нас не добраться.

Маус пожал плечами и улыбнулся. Бен-Раби, глядя на него, повторил этот жест.

Он решил поверить. Не хотелось ему оставаться здесь одному.

Вот почему ему так трудно было решить. Эми — этого было мало. Головастик — этого было мало. Всей культуры сейнеров было недостаточно. Нужно было сверх этого еще одно — Маус. Нить от сердца к прошлому.

Вернулись люди Киндервоорта.

— Взяли его? — спросил Маус.

— Нас опередили. Когда мы подошли, он был мертв. Похоже на нервно-паралитический яд.

Киндервоорт посмотрел на них удивленным и уважительным взглядом.

— Подстраховщик для подстраховщика? Ваш адмирал — человек необычный. Я о таком никогда даже не слышал.

«Необычно? — подумал Мойше. — Нет, беспрецедентно. И бессмысленно». Но какого черта гадать? Все кончено, он дома и свободен.

Да, *дома*, и с хорошей женщиной — Эми бежала к нему сквозь толпу, бледная от волнения, — и с другом. Кажется, жизнь все-таки сделала счастливый поворот.

— Ты готов? — спросила Эми заботливо, проверив сперва, что он невредим.

— Готов? К чему?

— Перейти на нашу сторону, глупый. Готов, милый?

Она боялась, что его ложная гордость возьмет верх.

Так и случилось.

— Кажется, у меня небольшой выбор. Но я не буду говорить.

— Говорить? — спросил Киндервоорт. — Ты что имеешь в виду? О чем говорить?

— О Бюро. О его обычаях, целях, задачах — о том, что я мог бы знать и ты захотел бы знать. Я тебе ничего не расска-

жу. Человек по имени капитан-лейтенант Томас Акинас Мак-Кленнон приказал долго жить. Все, что он знал, умерло с ним. Не пытайся вызвать его из могилы.

— Так вот что тебя мучило? — спросил Киндервоорт. — Мойше, Мойше, почему ты сразу не сказал? Я-то голову ломаю, что тебя держит, — так было очевидно, как тебя тянет к нам. На это никогда не было никаких условий. Никогда. Извини, если я создал у тебя такое впечатление. Черт возьми, ничего, что я хочу знать, ты не знаешь — иначе Бэкхарт ни за что не стал бы тобой рисковать.

Бен-Раби обдумал его слова. В них был смысл. Но были вещи, которые он *мог бы* рассказать... и черт с ними. Он попытает счастья. Обняв одной рукой Эми, он притянул ее к себе и ответил:

— Спасибо, Ярл. Маус... О! Постой-ка, Ярл! Есть у меня время найти настоящий сувенир от сейнеров для моей дочери?

— Какой дочери? — подступила к нему Эми. — Ты говорил, что никогда не был женат!

— И не был. На самом деле она мне не дочь. Девочка, которую я встретил на Старой Земле. Я стал ее спонсором. Это у нас вроде как удочерение... Она не знает ни где я, ни что делаю, вообще ничего.

— Быстро найди чего-нибудь, — сказал Киндервоорт. — Служебный корабль стартует через двадцать минут.

— Эй, Мойше! — позвал Маус. — Вбрось туда это. — Он показал монету с дыркой посередине. — Скажи ей, пусть пошлет это адмиралу.

— Небольшое личное сообщение?

— Можно сказать и так.

— Ну, Эми! Дай идею!

— Почему ты мне никогда не говорил про эту девочку? Вообще, как ее зовут?

Маус смотрел на них, чуть улыбаясь. Вряд ли будет идиллическая любовная пара. Но и не надо. Пусть продержится еще несколько месяцев.

Его задание было выполнено. Но сотрудник Бюро не покидает товарищей. А Шторм не бросает своих друзей.

ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ

Эта книга — тебе,
Шерри Линн Мейнс.
Без тебя все сроки были бы
просрочены.

Книга первая
НЕБЕСНЫЕ СЕЙНЕРЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ:
3049 н.э.
ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Смертельный крик взорвавшегося солнца озарил космический флот, равного которому не многим доводилось увидеть. В армаде было шесть больших звездолетов. Из них самый маленький был сорока километров в длину.

Не мерцало вокруг звездолетов сияние двигателей. Не отмечал их пути ионный след. Они дрейфовали, поймав ударную волну сверхновой, скорость которой достигала трех десятых скорости света.

Каждый из этих кораблей напоминал абстрактную скульптуру, которую создал сумасшедший художник на всепланетной свалке металлолома. Он сварил бесформенные обломки и пинком отправил их к самой далекой звезде. Эти корабли были сплошь углы, трубы и плоскости, сферы, кубы и что-то, напоминавшее серебряные паруса. Горными хребтами горбились и лесами антенн щетинились спины звездолетов.

За ними плыли обломки, вырванные из зазубренных ран в бортах. Из щелей свистели струйки воздуха, сверкая в пламени сверхновой. Возле самых страшных ран роились слепнями корабли поменьше.

Была битва. Битва у Звездного Рубежа. Ярость и размах ее недоступны воображению человека, никогда не бывавшего в космосе.

Эти помятые, искалеченные корабли вышли из битвы живыми.

Перед кораблями простерлась гигантская линза Млечного Пути, холодная, серебристая, яркая. Звездолеты направлялись к ее центру. Они тащились из последних сил, как умирающий в пустыне — к оазису.

На одном из малых кораблей стала разгораться искра, отбрасывая цветной отблеск в ночь космоса. Это сияние не было

радостным. Это был тускло-красный цвет венозной крови, цвет угасающего солнца.

Остальные корабли отодвинулись подальше. Их брат был обречен. В любую минуту мог выйти из-под контроля его ядерный реактор, и они не хотели оказаться слишком близко от взрыва. Слепни порхнули в стороны, спасая свои экипажи.

Обреченный малый корабль полыхнул сиянием, соперничая со светом близкой сверхновой. От него брызнули осколки размером с пирамиду, смешавшись с сопровождающим флот мусором. Медленно закувыркались останки корабля — теперь всего лишь выпотрошенный труп. Снова бросились к нему малые корабли и закружились вокруг останков. Эфир наполнился сигналами. Есть живые? Хоть один? С обломков не отвечали. Но малые корабли продолжали поиск.

Мойше бен-Раби хлопнул левой рукой по выключателю возврата.

Голова раскололась от боли. Демон воткнул ему в виски раскаленные крючья и дернул. Мойше закричал:

— Клара, укол!

Он не почувствовал, как в руку вонзилась игла. Укол был слишком слабым в сравнении с жуткой болью. Он понял, что получил укол, только потому, что секунду спустя ощутил благословенное облегчение.

Ганс стащил с него шлем. У юноши было измученное лицо. Клара мягким полотенцем вытерла Мойше пот со лба.

— Плохо, Мойше? — спросила она.

— Хуже не бывает. Я не могу больше до него дотянуться. Он там, совсем без защиты... И мы только что потеряли «Джариэл». Они не смогли остановить утечку антивещества. Вспомогательные корабли уже отправились на место катастрофы... Вряд ли они хоть кого-нибудь спасут.

— Выпьешь, Мойше? — спросил Ганс. Голос юноши дрожал. У него была сестра на «Джариэле».

— Налей чего-нибудь, будь добр. Я потерял с потом не меньше пары литров. Им удалось связаться с Грабером?

— Я не слышала, — пожала плечами Клара. С виду она была пухлой, седеющей, румяной, доброй бабушкой. И так оно и было. Эту книгу можно было прочесть по облэжке. Бен-Раби любил ее — сыновней любовью.

— Нам нужна помощь. Мы не можем вечно прятаться в этом урагане сверхновой. Волна частиц скоро нагонит и разорвет наши экраны в клочья.

— Пейн говорит, что мы выберемся из потока, как только подберут всех с «Джариэла». Акулы могут этим воспользоваться.

— О черт!

— А что говорит звездная рыба? — спросил Ганс, возвращаясь с фруктовым напитком. Он старался не показывать своих чувств. Он достаточно долго пробыл на флоте, чтобы узнать, как следует ждать и хороших, и дурных известий. Как только станет что-нибудь известно о его сестре, ему сообщат.

Бен-Раби спустил ноги на пол.

— Я же говорил. Я не мог туда пробиться. Слишком далеко.

— Может, кому-нибудь другому удалось.

— Тому, у кого больше опыта? Не думаю.

Гансу едва исполнилось девятнадцать, только что вылез из яслей. Мальчишка еще не успел привыкнуть к суровой жизни траулерного флота.

— Придется сделать так, как сказал Пейн. С боем проложить себе дорогу.

Бен-Раби стала бить дрожь — естественная реакция тела на массивную дозу анальгетика. Клара набросила одеяло ему на плечи. Это не помогло.

Звездоловы не могли еще с уверенностью сказать, что у Звездного Рубежа победа осталась за ними. Они знали только, что флот Пейна удержал за собой пространство боя и повернул домой. Новых атак пока не было, но борьба неминуемо должна была возобновиться — это только вопрос времени.

— Глянь-ка на меня, — прошептал бен-Раби. — Не могу перестать дрожать.

— Отправляйся домой, — отозвалась Клара. — Тебе нужно поспать.

— Если нам придется прорываться, я должен быть здесь для нового погружения. Я просто ноги вытяну.

Он потер руку в том месте, где под кожу вонзилась игла. Напряжение чрезвычайной ситуации истощило его, и этого нельзя было не заметить.

При попытке встать он потерял сознание.

— Проводи его домой, Ганс, — сказала юноше Клара. — Лестер, помоги Гансу посадить Мойше в скутер, ладно?

— Что происходит? — спросил бен-Раби, когда Ганс остановил плоскобрюхую электрическую повозку у дверей его каюты. Какое-то время он не мог сообразить, где находится. — Зачем ты?...

— Что случилось? — спросил женский голос. В нем звучала тревога.

— Он потерял сознание, — отозвался Ганс. — Ему просто нужен отдых.

— Я ему говорила... — Перед глазами Мойше появилось худое, бледное, встревоженное лицо, обрамленное короткими светлыми волосами. Женщина пристально вглядывалась ему в глаза. — Что с тобой, Мойше? Ты что, считаешь себя суперменом? Помоги мне, Ганс. Если понадобится, я привяжу его к кровати.

— Но кто-то же должен... — запротестовал бен-Раби.

— Ты не единственный кто-то на «Данионе». Усердие новообращенного ни с чем не сравнимо. Я люблю его, но иногда он заставляет меня просто на стенку лезть.

— Позаботься о нем, Эми.

— Не беспокойся, я слишком много вложила в этого идиота.

Они уложили бен-Раби в постель. Там было спокойно, будто в утробе матери. Только оставалось чувство неясной вины. Нехорошо спать, пока другие телетехи все еще пытаются установить контакт.

Эми присела на край кровати. Мойше заснул задолго до того, как она закончила выговаривать ему за то, что он совсем о себе не заботится.

Она все еще сидела рядом, когда шесть часов спустя зажужжал сигнал связи.

— Эми Кольридж, безопасность, — ответила она.

На экране появился седеющий человек.

— Доброе утро, лейтенант. Бен-Раби там?

— Да, командир. Он здесь, сэр. — И голосом на октаву ниже добавила: — Он спит, сэр. Если он вам действительно нужен, я могу его разбудить.

— Нет, не надо. Я хотел поговорить с вами, лейтенант. Сейчас иду к вам.

Несколько минут спустя в дверь каюты постучали. Должно быть, командир позвонил ей уже по пути сюда.

— Я только что прочитал ваш рапорт о бен-Раби.

— Вы лично? А в чем дело? Это был обычный рутинный рапорт.

Командир отмахнулся от ее вопроса.

— Он может понадобиться нам для чего-то более серьезного, чем контакт. Кольридж, я хочу задать вам один вопрос. Пожалуйста, подумайте над ответом.

— Да, сэр?

— Ваш рапорт честен? Вы не позволили чувствам повлиять на ваши суждения?

— Да, сэр. То есть нет, сэр. Я хочу сказать, он честен, сэр.

— Вы уверены, что он стал сейнером без задней мысли?

— Кое-какие задние мысли у него есть. Он воспитывался иначе. Но он предан, сэр. Я бы даже сказала, слишком предан. Такой уж он человек.

— А он останется преданным? Под давлением, например? Ему случалось менять объект преданности.

— Менять? Когда, сэр?

— Когда он покинул Старую Землю.

— Это не одно и то же. Земля — часть Конфедерации. Он просто поступил во флот.

Командир «Даниона» задумался.

— Верно. Но, учитывая, как на это смотрят жители Старой Земли, такой поступок означает неуравновешенную натуру. Ладно, хватит о бен-Раби. Что вы скажете о его товарище?

Бесцветные брови Эми над бледно-голубыми глазами слегка сдвинулись к переносице.

— Это труднее, сэр. Маус гораздо сложнее.

— Вы уверены, что не преувеличиваете ваше непонимание? По психологическому профилю он выглядит очень просто. Почти черно-белым. Кажется, все его существование строится на ненависти к сангарийцам.

— Тогда зачем он остался здесь? Он мог бы вернуться к Конфедерации вместе с остальными. Здесь он не может сражаться с сангарийцами.

— Меня это тоже удивляет. Собственно поэтому и спросил.

— Не знаю, что вам ответить, сэр. Для меня он всего лишь фасад. Очарование и простота. Мне трудно понять, когда он серьезен, а когда шутит. Единственное мое чувство — это что человек, которого я вижу перед собой, не настоящий Масато Шторм.

— Вы с ним в связи, лейтенант?

— Сэр!

— Отвечайте.

— Нет, сэр! Я не состою в связи с мистером Штормом.

— Ну, тогда вы принадлежите к исчезающей породе женщин. Кажется, он переспал с половиной свободных женщин на «Данионе».

— Он привлекателен для определенного типа женщин.

— Да? — улыбнулся гость. — Но не для вас?

Она помедлила, прежде чем ответить.

— Соблазн есть. Он обладает каким-то животным магнетизмом. Плюс еще любопытство, что особенного все в нем находят. Но между нами ничего не будет. Мне он не нравится.

Кажется, ее ответ удовлетворил командира.

— Мы вступаем в новую эру, лейтенант. Эру перемен. Наш изоляционизм под угрозой. Акулы подтачивают наши силы. Идея насчет Звездного Рубежа оказалась революционной. Нам придется приспосабливаться. Или накрыться собственным хвостом и подохнуть. Эти двое могут оказаться полезны — у них нестандартная подготовка. Наша разведывательная служба слова доброго не стоит. Они могли бы нам ее создать. Но это значит, что придется им доверять. А они не родились звездоловами.

— Многие из нас когда-то давным-давно не были ими. Мой отец...

— Я знаю. Мы все изгнанники. Хорошо, лейтенант, спасибо за информацию. Считайте наш разговор конфиденциальным. Не говорите о нем никому. И если узнаете что-нибудь, что может иметь отношение к этому делу, звоните прямо мне. Я внесу вас в красный список и перезвоню сразу же.

— Да, сэр.

Командир исчез так же стремительно, как и появился. Эми упала в кресло и уставилась на тени, заполнившие комнату.

Посидев, она встала и вошла в каюту, где спал бен-Раби. И посмотрела на него с выражением почти благоговейным.

Она никогда прежде не встречалась с командиром корабля, а видела его только на общих сборах.

Ее Мойше, ее последний шанс... Может быть, он и в самом деле чего-то стоит.

Эми никогда не связалась бы с чужаком, если бы ее самооценка не опустилась так низко. Она не могла заставить себя

поверить в то, что достойна нормального мужчины, настоящего звездолова. Эми была готова смотреть, как ее жизнь постепенно катится под уклон, к самым нижним ступеням общественной и карьерной лестницы.

Визит командира изменил все. Она заставит Мойше шевелиться. Она позаботится о том, чтобы этот его приятель, Маус, не уводил его в сторону.

Различие между жизнью Конфедерации, которую бен-Раби решил оставить, и жизнью звездоловов было очень глубоко.

Звездоловы, небесные сейнеры, всю свою взрослую жизнь проводили на борту огромных траулеров, дрейфующих по водородным потокам глубокого космоса, собирая испражнения почти неосязаемых космических животных, которых они называли звездными рыбами. В межзвездных реках существовала целая экологическая система. Эта жизнь была неторопливой и величественной, поскольку редки были случайные столкновения молекул, из которых она и возникла. Эта жизнь была невидима для глаза или радара. Атомы, составляющие «тела» межзвездных существ, могли быть рассеяны на многие кубические километры.

Звездные рыбы были куда больше траулеров, и все же материю их тел можно было сжать до такой степени, что она поместилась бы в тело десятилетнего ребенка. Атомы, составляющие тела рыб, служили не только для поддержания процесса жизнедеятельности, но и для концентрации разного рода сил. Большинство существ, принадлежащих к межзвездной экологии, частично существовали в гиперпространстве и в другой, параллельной вселенной.

В сердце звездных рыб горел крохотный термоядерный огонек.

Звездные рыбы засасывали водород и отдельные случайные молекулы, а время от времени выбрасывали крупицы твердых испражнений. Эти крупицы были совершенно бесценны.

Звездоловы называли это амброй. Амбра была основой их экономики.

Крупицы амбры использовались в инстелной связи. Замены ей не было. Сейнеры контролировали ее единственный источник, а потому — рынок и цену.

Числа не было организациям, готовым платить практически любую цену за почти мгновенную связь через огромные межзвездные расстояния.

От своего работодателя, флота Конфедерации, Мойше бен-Раби и Масато Шторм получили задание проникнуть в среду сейнеров, отыскать способ захватить траулеры и взять под контроль добычу амбры. Они достигли успеха и одновременно потерпели провал. Необходимую информацию они собрали...

И предпочли сами стать звездоловами.

Водородные реки могли похвастаться развитой экологической системой. В ней были и хищные акулы, которые питались в основном звездными рыбами. Эволюция наградила звездных рыб единственным по-настоящему надежным оружием защиты — интеллектом.

Эволюция глубокого космоса началась за многие эоны до того, как из звездной туманности родилось Солнце Старой Земли. Нынешнее поколение звездных рыб помнило изгибы истории, происходившие миллиарды лет назад. Они видели, как рождались и бесчисленные планетные расы. Они знали цену своим отбросам.

В последнюю тысячу земных лет — одно мгновение ока по масштабам звездной рыбы — акулы стали бешено размножаться. Появились новые виды. Они слабо соображали, отчаянно множились и охотились стаями, в которых иногда насчитывалось до тысячи хищников. Выживание звездных рыб как вида внезапно оказалось под угрозой.

Их Старейшины бились над решением, и решение было принято с почти неумеренной поспешностью. Они обратили свой интеллект на поиск способа связаться с крохотными, твердыми, теплыми созданиями, которые жили в металлических скорлупках, рыщущих по их следам.

Они заключили сделку с первыми сейнерами. Амбра в обмен на защиту человеческого оружия. Это была хорошая сделка. На протяжении почти двух сотен лет акул удавалось держать в узде.

Всего лишь еще одно мгновение ока Времени.

Потом еще сильнее размножившиеся хищники создали новую тактику. Теперь они сначала нападали на пастухов, потом на стадо.

На «Данионе» были нижние чины-наземники, срочно набранные для восполнения потерь, понесенных в одной из таких атак. Командование корабля надеялось набрать высококвалифицированных специалистов, которых можно выманить из Конфедерации. Вместо этого они привлекли огромное количество шпионов, посланных найти способ захватить контроль

над траулерным флотом. Разведывательное бюро флота Конфедерации отправило своих лучших агентов: Мойше бен-Раби и Масато Шторма.

Эти двое нашли то, что обещало стать их домом.

На «Данионе» взвыли сирены.

Эми вскочила с кресла:

— Мойше, все по местам! Должно быть, выходим из волны сверхновой!

Бен-Раби вылетел из спальни, на ходу влезая в костюм для погружения.

— Идем, лапонька! — Он вытащил ее в коридор, где стояла пара скутеров, присосавшихся к зарядным розеткам. Он схватил один, она — другой. — До встречи, милая, — бросил он, уплывая прочь.

Вырулив на середину коридора, бен-Раби включил максимальный ход. Стены слились в летящие назад полосы. По пешеходным дорожкам бежали люди. Навстречу ему неслись другие скутеры. На каждом перекрестке коридоров Мойше с трудом удавалось избегать столкновений.

— Все по местам, все по местам! — продолжал вещать голос, напоминающий глас богов.

«Тысяча чертей, — думал Мойше, — не надо бы мне возвращаться туда так скоро».

Пять огромных потрепанных кораблей начали выходить из безжалостного сияния сверхновой. Кораблики-слепни продолжали кружить вокруг их ран, сновали между ними и погибшим кораблем, слетаясь к центру, под прикрытие их огня. Один за другим большие корабли разворачивали свое самое мощное оружие от общего центра.

ГЛАВА ВТОРАЯ:

3049 н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Корабль материализовался немного ниже поверхности озера пыли, заполнявшей кратер одной из безымянных лун, которая вращалась вокруг мира, лежащего далеко к центру галактики. Самый близкий к центру обитаемый мир — Улант —

остался в тысяче световых лет по направлению к окраине. В этой части космоса не бывал ни один человек.

Если бы астрономы этой планеты наблюдали за спутником, их удивил бы пылевой гейзер, вырвавшийся из его плоской поверхности.

Но астрономы не наблюдали. Они, как и солдаты, жены, ветераны и дети... как и все, кто населял этот мир, были заняты борьбой, отнимающей все силы, и им было наплевать, существует ли спутник вообще.

Корабль, вырвавшийся из озера пыли, напоминал огромный пончик, в середину которого всунули пивную кружку и закрепили тоненькими соломинками. Высокая лопасть, похожая на акулий плавник, поднималась от тора и шла в сторону от цилиндра. Она заканчивалась шаром.

Весь корабль был абсолютно черным. Даже номер корпуса не нарушал этого бесцветья.

Это был очень маленький корабль. Высота кружки не превышала шестидесяти, а внешний диаметр пончика — шестидесяти пяти метров. Округлые обводы судна нарушались только антеннами, двумя пусковыми ракетными установками и короткими выступами лазерных и газерных батарей. Это была смертоносная оса, созданная с единственной целью — убивать.

Корабль был музейным экспонатом. Буквально. И самой страшной акулой из кораблей, которую когда-либо создавал человеческий разум.

Это был клаймер, сохранившийся со времен Улантской войны. Его извлекли из музея Луны-Командной и для этого полета специально отремонтировали.

Это был первый клаймер, вырвавшийся на просторы космоса после самых отчаянных дней войны, — потому что клаймеры почти так же смертоносны для своей команды, как и для врага. Лишь абсолютный императив выживания расы мог заставить людей снова послать их в бой.

На Луне-Командной это понимали. Клаймеры уродовали тела и души своей команды.

Эти маленькие подстерегающие убийцы изменили ход Улантской войны. И наполнили санатории Конфедерации

ходячими трупами — немногими уцелевшими на службе в тайных полях, где сходят с ума.

В своем торе клаймер генерировал поле, переносившее его в измерение вне гиперпространства, называемое нуль-состояние или клайм, где его было практически невозможно обнаружить, пока он не выскакивал оттуда в гипер или нормальное пространство для атаки.

Отряды клаймеров уничтожили целые эскадры улантидов.

На этом клаймере была самая замечательная команда, которую когда-либо посылал в космос любой флот.

Командиром корабля был адмирал флота граф Манфред фон Штауфенберг, первый заместитель начальника штаба флота Конфедерации. Он видел работу клаймеров до самого конца войны. Старшим помощником была Мелена Тель-ейч Кат, Прима Защиты Уланта, проще говоря — министр обороны. Вторым помощником был Главный Миротворец Уланта, или начальник Генерального Штаба, Турон Волчист Форс. Начальником артиллерии и его первыми помощниками были Звездные Лорды Токе. Одним из них был Звездный Лорд, командовавший легионом космических пехотинцев Токе в составе флота Конфедерации. Остальные были равны ему по рангу в Касте Воинов.

На борту не было никого в ранге ниже генерала или адмирала и не было тех, кто не умел или не имел права принимать решения.

Одна хорошо нацеленная ракета могла бы нанести значительный урон обороне человечества и его союзников.

Адмирал Вайдблад, дама, управляющая Разведывательным бюро флота, и адмирал Бэкхарт, возглавлявший у нее отдел тайных операций, занимали самые незначительные посты в боевой части. Одной была поручена система гиперслежения, другому — пассивные радары.

Но Звездные Лорды или кто там еще, а спали все в гамаках, прицепленных к центральному элементу конструкции клаймера — «килю». Уборная была одна на всех, а душа не было вообще. В клайме использовались ночные горшки, и все дышали вонью друг друга — совсем как клаймерщики прошлого века.

Все они как один пришли своими глазами взглянуть на угрозу, о которой уже несколько лет подряд вопили экспедиции улантидов.

Они смотрели фильмы, они опрашивали свидетелей. В некоторых случаях они уже что-то предпринимали. Но им нужно было увидеть своими глазами, чтобы окончательно поверить.

Им нужно было увидеть войну, идущую под ними. На планете этой луны.

Раса, явившаяся из глубин центра галактики, систематически истребляла любую встреченную ею разумную жизнь. Последними ее жертвами стали жители этого мира.

Люди на борту клаймера принадлежали к расам, которые в прошлом жестоко между собой воевали. Отношения между некоторыми из них и сейчас были далеки от братской любви. Но никогда, даже в самые жаркие, самые отчаянные дни противостояния ни одна раса не стремилась к полному уничтожению другой. Их войны были испытанием воли рас — в борьбе за территорию.

Мир под ними был четвертой планетой, на которую нападала «раса центра» с тех пор, как ее обнаружили разведчики улантидов. Первые три мира были теперь безжизненны. Агрессоры даже не стали использовать их под базы.

Даже воины-токе не могли понять стремления уничтожить разумную жизнь только за то, что она разумна.

Воины верили, что сражение есть очищение души, путь к чести и славе, суровый и достойный богов. Битва была для них почти самоцелью. Когда под рукой не было чужаков, они сражались друг с другом.

Однако они отлично знали, чем отличается победа от уничтожения, и эксцессы пришельцев из центра тревожили их не меньше, чем их товарищей по экипажу.

Они явились сюда, чтобы увидеть своими глазами. Теперь грозная правда пылала перед ними в аквариуме дисплея.

Атмосфера планеты кишела паутиной лазерных лучей. Потоки лучей и частиц рубили воздух и пространство, как разящие мечи несметных воинств древности.

Обитатели планеты обладали достаточно развитой техникой.

Агрессоры брали числом и напором. Их корабли закрывали звезды.

Они подавили орбитальную оборону планеты многие месяцы назад. Теперь они выковыривали наземные укрепления и кое-где уже захватили плацдармы.

Поверхность планеты мерцала короткими вспышками огней, затмевающих звезды.

— Это же ядерные взрывы! — вскрикнула Защитница Уланта.

В самые безнадежные минуты войны ни улантиды, ни люди не использовали ядерное оружие против вражеских планет. По молчаливому согласию его оставляли только для сражений в космической пустоте.

— Они нас заметили, — сообщил Бэкхарт. — Сюда направляются семь истребителей.

— Отлично, — отозвался граф фон Штауфенберг. — Мелена, кажется, все это происходит в тропосфере. Вряд ли одной из тысячи боеголовок удается пробиться к поверхности планеты.

Звездный Лорд, командовавший всеми Звездными Лордами, бухнул, как в бочку:

— Каждая прошедшая сметает защиту. Сеть обороны редеет. Скоро будут прорываться две на тысячу. Потом четыре.

— Не говоря уже об отдаленных последствиях радиоактивности. Интересно, почему они форсируют высадку? Вот здесь. На архипелаге у южного тропика. Они пробили к нему коридор.

— Адская защита, — пробормотал кто-то. — Черт возьми, почти как у Звездного Рубежа. Не хотел бы я через такую прорываться.

— Когда истребители доберутся до нас? — спросил фон Штауфенберг.

— Они движутся в норме. Ближайший будет здесь через четыре-пять минут. Кажется, там еще что-то зашевелилось.

— Мы можем что-нибудь сделать? — спросила шеф Разведывательного бюро флота.

— Можем расквасить парочку носов, — отозвался фон Штауфенберг. — Но это ничего не изменит. Здесь не поможет и сотня клаймеров. Ладно, пусть посмотрят люди в других отсеках. Я хочу, чтобы это видел каждый. Нам будет что обсудить на пути домой.

— Воины уже приняли решение, — провозгласил Звездный Лорд Космического Легиона Токе.

— Он говорит за весь Токе, — добавил старший Лорд, не бывший его начальником. — Для Токе здесь может быть толь-

ко одно решение. Мы выступим против них. Если придется, в одиночку.

— Для нас это не так просто, Манфред, — ответила Мелена. — Мы раса искателей приключений, но я связана демократическими традициями и верой в мир. Мы не можем организоваться быстро и притом эффективно.

— Раньше вам это удавалось, — усмехнулся фон Штауфенберг.

Защитница была старше, чем он. Она прошла всю Улантскую войну.

— Надеюсь, что и снова удастся. Мы многое можем сделать, когда решаемся действовать вместе. Но сам процесс принятия решения омерзительно долог.

— Ваше решение было принято много лет назад, Мелена, — буркнул от своих радаров Бэкхарт. — И не пытайся пускать нам пыль в глаза. Я могу назвать имена и номера сотни военных кораблей, которые вы потихоньку спрятали в укромных местах, куда, вы думали, мы и не заглянем.

— Адмирал Бэкхарт? — В голосе фон Штауфенберга слышался суровый вопрос.

— У меня свои источники, сэр. Они вооружаются со всей скоростью, на которую способна их космическая промышленность. С конвейера сходят торговые корабли, вот только двигатели на них стоят как на линкорах, и на торговых линиях они не появляются. Они просто исчезают, а потом появляются в другом месте, вооруженные до зубов.

— Почему об этом не было доложено Верховному Командованию, Бэкхарт?

— Потому что мои источники находятся в штабе Защитницы. И я знал, зачем они вооружаются, а вы бы в это не поверили. Половина их Верховного Командования до сих пор стремится переиграть исход Улантской войны. Я решил, что игра может спокойно продолжаться и дальше. Наши люди видели достаточно улантских кораблей, чтобы начать строить свои собственные, так что теперь мы стоим на том же пути.

— Бэкхарт... Ваша логика меня настораживает. Очень настораживает. У меня есть сильное предчувствие, что вам придется объяснить ее Следственной Комиссии. Что еще вы от нас скрыли?

— Вы хотите честного ответа или такого, который вам будет приятно услышать?

У Бэкхарта не было умения завоевывать людей. На своей должности он держался только потому, что не было человека, способного сделать ту же работу не хуже.

— Бэкхарт!

— Еще кое-что скрыл, сэр. Операции в стадии осуществления. Если они пройдут успешно, то у нас будет чем встретить этих чудовищ.

— Чудовищ? — переспросила Мелена. — У нас нет доказательств...

— Мелена, адмирал у нас ксенофоб. По сути дела, он не питает особой любви и к человечеству. Расскажите нам, чем вы занимаетесь, Бэкхарт.

— Есть шанс, что я на пороге решения сангарийской проблемы. Перед самым нашим отлетом должны были поступить новые данные. Возможно, мне снова потребуется фон Драхов.

— Что еще?

— Это еще рано обсуждать. Слишком неопределенно. Возможный прорыв в военных технологиях и средствах связи. Пока я не стану об этом говорить. Не здесь.

— Бэкхарт...

— Соображения безопасности... сэр. Можете занести мои слова в протокол, если вам угодно.

Фон Штауфенберг повернулся к шефу разведки флота. Та пожала плечами:

— От меня вы тоже ничего не узнаете, Манфред.

— Черт побери! Ладно, давайте двигаться. Время на исходе, а на это взглянуть должны все.

Клаймеры были самыми тесными кораблями со времен «Джемини»*. Пропустить через рубку сорок разных существ, собранных на борту корабля, было делом долгим и неудобным.

— Он собирается стрелять, — сказал Бэкхарт, рассматривая ближайший истребитель. — Выстрелил. Пучком ракет. У нас четыре минуты на то, чтобы спрятаться.

— Как вам это понравится? Даже не попытались выяснить, кто мы и чего хотим.

— Говорит командир корабля, — проговорил фон Штауфенберг по общей системе связи. — Мы под огнем. Инже-

* Один из первых космических кораблей США.

нерный отсек, подготовиться к переходу в нуль. — За тридцать секунд до подлета пучка ракет он приказал: — Подняться на десять гэв. Старший помощник, приготовиться к атаке. Программируйте подлет к стрелявшему кораблю.

Перистые антенны улантида мелко задрожали. По человеческим меркам это означало довольное хихиканье.

Звездные Лорды были уже в оружейном отсеке, надеясь, что им разрешат поиграть в эти смертельные игрушки.

— Одну ракету, — приказал фон Штауфенберг. — Прямо в кильватер.

Это была классическая стратегия клаймерной атаки. Двигатели были слабым местом всех военных кораблей. Выходные апертуры двигателей экранировать невозможно.

Пыль кратера вдруг схлопнулась и обрушилась на дно, как воды Красного моря на колесницы фараона. Корабль-пончик исчез.

— Поднимитесь-ка на сорок гэв и так держите, — скомандовал фон Штауфенберг. — Сомневаюсь, чтобы у них хватило знаний искать нашу точку Хоукинга, но на всякий случай уменьшим ее сечение.

Одной из странностей клаймеров было то, что ни одной известной человечеству расе не удалось создать что-либо подобное. Даже для самих людей это был случайный побочный продукт совершенно других исследований.

Прошло двадцать три минуты, и старший помощник доложил:

— Вышли на позицию атаки, сэр.

— Оружейный отсек, говорит командир. Одна ракета. Готовность! Отсек слежения, когда спустимся, будьте готовы взять пеленг и дистанцию на все, что видите. Сделаем все, что сможем. И все записывать. Техслужба, когда выберемся в норм, сразу сброс тепла, поняли? Все готовы? Инженерный отсек, давайте вниз.

Самой большой слабостью клаймера было накопление тепла. В нуль-состоянии его некуда было сбрасывать, а клаймерам зачастую приходилось прятаться там по многу дней, спасаясь от охотников противника.

Клаймер не был военным кораблем в полном смысле этого слова. Он годился только для ударов из засады, и их эффект полностью зависел от внезапности нападения.

Прима Защиты вывела корабль из нуля всего лишь в четырех километрах позади вражеского истребителя. Клаймер тряхнуло. Пущенная ракета пошла с ускорением 100 g. Она попала в цель прежде, чем на истребителе успели заметить ее приближение.

— Подарок хорошим деткам, — проворчал Бэкхарт, когда клаймер снова ушел вверх.

— О чем это вы? — спросил фон Штауфенберг.

— Адмирал, вы дали им ценную информацию, разнеся их на куски. Вы им сообщили, что нам это под силу. Заставили их заинтересоваться. Давайте побережем остальные сюрпризы до того момента, когда они смогут принести пользу.

Фон Штауфенберг покраснел. Но его отношения с Бэкхартом трудно было ухудшить.

— Он прав, Манфред, — вмешалась Прима Защиты. — В ту войну вы практически свели на нет преимущество владения клаймерами, используя их понемногу. Куда более эффективно было бы внезапное появление целых клаймерных флотов. У нас бы тогда не было времени приспособиться.

— Конечно, конечно. Это было эмоциональное решение. Запрограммируйте курс к кораблю-носителю, Мелена.

Клаймеры не могли покрывать большие расстояния. Корабль-носитель ждал в сотне световых лет в сторону дома. Его прикрывала небольшая армада.

Команда клаймера высоко ценила собственные жизни.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ:

3049 н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Бен-Раби протиснулся вместе со своим скутером в сектор управления. Секундой позже массивные бронированные двери с рокотом стали на место. Теперь сектор был полностью изолирован. Никто не мог войти или выйти, пока эти двери вновь не откроются.

Мойше остановился на длинном покатом уклоне. Он соскочил со скутера, воткнул вилку зарядного устройства в пер-

вую попавшуюся розетку и бросился в люк, ведущий в пункт контакта.

— Успел все-таки, — сказала Клара. — Мы уж и не надеялись. Ты очень далеко живешь. Давай отдышись.

— Мой скутер дымился. Может, сходишь взглянешь на него, Ганс.

Мойше устроился в специально пригнанном для него кресле.

— Готов? — спросила Клара.

— Нет.

Она улыбнулась ему. Ганс начал втирать ему в кожу головы лишенную запаха пасту. Клара запустила пальцы в приспособление, похожее на сетку для волос.

— Никогда ты не готов, а мне казалось, тебе нравится Головастик.

Бен-Раби рассмеялся:

— Головастик-то мне нравится, да и весь его народ тоже. Только он нравился бы мне еще больше, если б мог войти в дверь, протянуть руку и сказать: «Привет, Мойше, давай-ка по паре пива».

Головастик был звездной рыбой, с которой обычно связывался Мойше.

— Ксенофоб!

— Чепуха. Не в этом дело. Просто неприятно болтаться где-то вне своего тела...

— Неправда, Мойше. Старую Клару тебе не обдурить. Я нянчилась с телетехами, когда тебя еще на свете не было. Все вы похожи. Вам не хочется выходить, потому что очень больно возвращаться.

— Да?

— Готово, — вмешался Ганс.

Клара надела сетку на голову Мойше. Пальцы у нее были мягкие и теплые. Они скользнули по его щеке. И сразу ее лицо затуманилось тревогой.

— Не слишком усердствуй, Мойше. Возвращайся, если станет туго. Ты не успел как следует отдохнуть.

— После Звездного Рубежа отдыха нет. Ни для кого.

— Но мы же победили, — напомнил Ганс.

— Нам слишком дорого обошлась эта победа.

— Дешевле поражения.

— Думаю, мы по-разному смотрим на вещи, — пожал плечами бен-Раби. — Начать с того, что я никогда бы в это не ввязался.

— Вы там, в Конфедерации, получаете по морде и утираетесь? — спросил Ганс. — Впервые слышу.

— Нет. Мы взвешиваем шансы. Выбираем подходящий момент. И потом бьем сразу. Мы не рвемся напролом, как взбесившийся слон, терпя такие потери, как сейчас.

— Орифламма, — заметил Ганс.

— Что?

— Так иногда называют Пейна. Это что-то из древности, что-то насчет «пленных не брать».

— Ах, орифламма. Это был особый вымпел, который принадлежал королю Франции. Если тот поднимал его, это означало «пленных не брать». Однажды это дорого обошлось самому королю.

— Ганс, — вмешалась Клара, — Мойше из Академии. Он тебе может рассказать, сколько спиц было в колесе римской колесницы.

— Возьмем, к примеру, Пуатье...

— Кого?

— Это место такое. Во Франции, которая на Старой Земле...

— Я знаю, где Франция, Мойше.

— Отлично. Там разыгралось одно из важнейших сражений Столетней войны. И можно сказать, что французы проиграли именно из-за орифламмы. Они загнали англичан в ловушку. Их было десять на одного. Черный Принц решил сдаться. Но французы подняли орифламму. Англичане озверели и стали отбиваться. Когда пыль улеглась, французы оказались разбиты, а Людовик — в кандалах. Здесь есть мораль, если хочешь. А именно: не загоняй противника в угол, из которого ему не выбраться.

— Ганс, ты понимаешь, чем он сейчас занимается? — спросила Клара.

— Хочешь сказать, что он читает нам лекции и ждет сигнала отбоя? Не вышло, Мойше. Подними-ка голову. Я надену шлем.

Бен-Раби поднял голову.

По волосам под сеткой пробежали мурашки. Его голова скрылась в шлеме, и наступила темнота. Усилием воли Мой-

ше поборол панику, которая всегда охватывала его перед погружением.

Ганс застегнул шлем и подогнал датчики биомониторов.

— Слышишь меня, Мойше? — раздался в наушниках голос Клары.

Мойше поднял руку и сказал:

— Слышу нормально.

— Я тоже тебя слышу. Показания нормальные. Кровяное давление немного повышено, но для тебя это норма. Задержись на минутку в зоне перехода. Расслабься. Отправляйся, когда захочешь.

Свое «никогда не захочу» он не произнес.

И хлопнул правой ладонью по выключателю.

Теперь ему оставались только внутренние ощущения. Строгая сенсорная депривация оставляла его наедине с болью и усталостью, со странным привкусом во рту и со стуком крови в висках. Когда включится поле, исчезнет и это.

В малых дозах это действительно успокаивало. Но в больших могло просто свести с ума.

Он снова щелкнул правым выключателем.

Вселенная вокруг него обрела форму. Он был ее центром, ее повелителем, ее творцом... В этой вселенной не было боли, не было несчастья. Слишком много чудес сверкало вокруг, в его вырвавшемся на свободу сознании.

Это была вселенная переливов цвета, ярких и нежных одновременно. Каждая звезда была сверкающей драгоценностью, каждая сияла своим собственным светом. Надвигающийся шторм, солнечный ветер сверхновой был бушующим психоделическим облаком, в котором вещества казалось не меньше, чем в грозовых тучах Старой Земли. С другой стороны вдаль, к центру галактики, уходило бледно-розовое мерцание извивов водородного потока. Окружающие траулеры были искрами радужного золота.

Стая золотых китайских драконов плыла вслед за флотом, стремясь к нему, но их удерживало на расстоянии световое давление умирающей звезды.

Звездная рыба!

Горечь бен-Раби уступила место упоению. На этот раз контакт будет.

Он потянулся мыслью к драконам.

— Головастик! Ты здесь, друг мой?

Какое-то время не происходило ничего. Потом его окружило теплое сияние, как бурное радостное приветствие.

— Здравствуй, человек-друг Мойше. Вижу тебя. Выходишь из потока. Один корабль погиб.

— «Джариэл». Они все еще стараются кого-нибудь спасти.

— Печально.

Головастик не казался опечаленным. Эта рыба, подумалось бен-Раби, по природе своей не способна ни на что, кроме радости.

— Ты ошибаешься, человек-друг Мойше. Я вместе со стадом оплакиваю скорбь Звездного Рубежа. И все же я должен смеяться, разделяя со своими друзьями-людьми радость победы.

— Корабли-которые-убивают не все уничтожены, Головастик. Сангарийцы помнят обиды вечно.

— Ха! Они — слезинка на ресницах вечности. Они умрут. Их солнце умрет. А звездные рыбы все так же будут бороздить реки ночи.

— Головастик, ты снова рылся в темных чуланах моего сознания. Ты крадешь мои образы и высыпаешь их на меня же.

— У тебя очень занимательное сознание, человек-друг Мойше. Туманное, разорванное сознание, запутанное, как паутина, полное дверей-ловушек...

— Что ты можешь знать о дверях-ловушках?

— Только то, что я нашел у тебя в сознании, человек-друг Мойше.

Головастик смеялся и подтрунивал над ним, как влюбленный подросток.

По меркам звездной рыбы он и был ребенком. Он еще не миновал своего первого миллионолетия.

Бен-Раби старался просто не думать о масштабах времени, по которым жили звездные стада. Ему было не под силу вообразить жизнь, которая тянулась многие миллионы лет. Оставалось только сожалеть о том, что существа, в чьем распоряжении были эти невероятные сроки, никогда не соприкасались с мирами, населенными жизнью с биохимической природой. Какие повести они могли бы поведать! Какие тайны истории раскрыть!

Но звездные стада не решались приближаться к крупным источникам гравитации или магнитного поля. Даже гравитация больших траулеров отзывалась в теле рыб чем-то похожим на ревматические боли людей.

Это были ужасно хрупкие создания.

Пока Головастик шутил и подтрунивал, Мойше обратился частью сознания к своей личной вселенной.

Где-то вдалеке снова рыскали красные торпеды, пересекая просторы розовой реки на фоне галактики.

— Да, — отозвался Головастик, — акулы. Те, что уцелели в битве у Звездного Рубежа, созвали их сюда. Они нападут. Они голодны. Еще одно пиршество для пожирателей падали.

Маленькие тени всех цветов и оттенков следовали и за звездными стадами, и за торпедами. Это и были падальщики, о которых говорил Головастик.

Огромная неспешная экология водородных потоков создала ниши для существ с различными жизненными функциями, хотя их определение в человеческих терминах редко бывало больше, чем приближением. Просто удобные ярлыки.

Мойше почувствовал нервную дрожь. Головастик коснулся его сознания, успокаивая...

— Я учусь, Головастик. Теперь я уже вижу реку. Я вижу бурю частиц, идущую от больного солнца.

— Замечательно, человек-друг Мойше. А теперь расслабься. Скоро появятся акулы. Следи за падальщиками. По ним можно судить, когда акулы не могут больше ждать. Они начинают пританцовывать.

В своей тайной вселенной Мойше рассмеялся. Звездные рыбы верили только в обдуманные действия. Этого, собственно, и следовало ожидать от существ, чьи жизни измерялись миллионами лет, однако молодые рыбы бывали беспокойными и восторженными. Их частенько ругали за беспокойные вибрации в присутствии взрослых. Старейшины называли это «пританцовывать».

Головастик пританцовывал почти все время.

Старейшины считали его местным дурачком. По словам Головастика, они жалели о том, что позволили ему в таком нежном возрасте соприкоснуться с грубыми сознаниями людей.

— Это шутка, человек-друг Мойше. Хорошая шутка? Смешно?

— Да. Очень смешно.

Для звездной рыбы. Должно быть, старейшины — самые флегматичные, прагматичные и лишенные понятия о юморе существа во всем творении. Они даже не могли постичь само понятие шутки. Бен-Раби находил, что это очень удручающее сообщество. Если не считать Головастика.

— Мне очень повезло стать твоим теледругом, Головастик. Очень повезло.

Бен-Раби говорил искренне. Ему доводилось вступать в контакт со Старейшинами. По его сравнению, это было как заниматься любовью с собственной бабкой, сидя голой задницей на айсберге под взглядами внимательной толпы. Встреча с Головастиком была для него самым приятным событием за последние годы.

— Да. Тронутым лучше держаться вместе. Венсеремос, товарищ Мойше.

Вселенная бен-Раби наполнилась смехом.

— Где ты это откопал?

— Твое сознание полно отрывочных воспоминаний, человек-друг Мойше. Когда-то ты играл революционера на куске твердой материи, который назывался Пыльный Шарик.

— Точно, играл. Недели две. А потом увертывался от пуль всю дорогу до посольства.

— Ты многое пережил за последние несколько лет, человек-друг Мойше. В десятки раз больше, чем другие, кто вступал в контакт с Головастиком, звездной рыбой. Много приключений. Как ты думаешь, вышел бы из Головастика шпион?

— А за кем бы ты стал шпионить?

— Да. Это проблема. Очень трудно прикинуться акулой.

— Это тоже шутка, да?

— Да. А ты все еще шпионишь, человек-друг Мойше?

— Нет, завязал. Я больше не Томас Мак-Кленнон. Теперь я Мойше бен-Раби. Я нашел свой дом, Головастик. Теперь это мой народ. Нельзя шпионить за своим народом.

— Ого, у тебя в сознании какие-то тени. Может, там прячется секретный агент? Похоже на то. Хей! А может быть, однажды ты отправишься шпионить за людьми на кусок твердой материи? Будешь двойным шпионом.

— Двойным агентом?

— Да. Это правильное слово.

— Со шпионажем покончено, Головастик. Я буду телетехом.

— Опасно.

— Шпионаж тоже. Тому больше причин, чем ты можешь понять.

— Ты имеешь в виду опасность вреда для сердца?

— Не понимаю, почему говорят, что ты глупый. Ты гораздо догадливее, чем большинство известных мне людей. Ты понимаешь суть вещей без объяснений.

— Потому что я — звездная рыба. Люди не могут заглянуть внутрь, человек-друг Мойше. Вам надо объяснять. Вам надо показывать. Ты не такой человек, чтобы этим заниматься.

— Да. Давай поговорим о чем-нибудь другом, а?

— Время разговоров подходит к концу, человек-друг Мойше. Падальщики начинают пританцовывать. Ты не обратил внимание?

— Я еще не могу видеть все сразу.

Это было одним из достоинств вселенной, которая рождалась, когда телетех вступал в контакт. Человек больше не был ограничен бинокулярным зрением, но ему приходилось отвыкать от своих прежних привычек.

Слепые становились телетехами быстрее и работали лучше. Им не надо было отвыкать от привычек, не надо было преодолевать предубеждений. Но слепцы, страдающие классической мигренью, попадались очень редко.

К флоту стали приближаться алые торпеды. Они не бросились опрометью. Голод еще не вытеснил здравый смысл.

Акулы соображали туго, но знали: чтобы добраться до добычи, надо обойти траулеры.

В этом и был весь смысл союза звездной рыбы со звездоловами.

— Надо кончать визит, Головастик. Я должен помочь в битве.

— Да, конечно, человек-друг Мойше. Стреляйте метко. Я буду помогать, посылая в твой мозг верные направления.

— Отлично. — Вслух, в свой шлем, бен-Раби проговорил: — Наведение!

— Наведение на связи, — щелкнуло в наушниках.

— Говорит телетех. Я в контакте и готов принять контроль над батареей сектора. Акулы готовятся к атаке. Повторяю, готовятся к атаке.

— Ч-черт! Ладно, приятель. Забудь о батарее сектора. Начальник артиллерии хочет, чтобы ты давал данные в аквариум главного дисплея. Как думаешь, ты и твой контактер сможете давать нам информацию в реальном времени?

— Да, — глубоко в сознании бен-Раби пробормотал Головастик.

— Да, — повторил Мойше и сам удивился. Он еще никогда не пытался этого делать.

— Монитор?

— Готов, наведение, — вмешался голос Клары. — На всех датчиках зеленый свет. Я только что запустила транслятор. Можете подключать компьютер, как только будете готовы.

— Готовьтесь к передаче, контактер.

— Мойше, — проговорила Клара. — Не надо рисковать. Как только станет туго — отключайся.

— Передача, контактер!

На мгновение бен-Раби показалось, что какой-то неосязаемый вакуум высасывает его сознание. Однако Головастик мягко коснулся его мыслей, и волна паники улеглась.

Мойше расслабился и стал проводником, стал сторонним наблюдателем.

Падальщики вдруг начали кровожадно пританцовывать.

— Начинается атака, — пробормотал бен-Раби.

Рыбы-лоцманы радовались — их ждал пир независимо от исхода битвы. Они будут одинаково довольны и мертвой акулой, и мертвой звездной рыбой.

Около десятка алых торпед вдруг затуманились, вытянулись в длинные перистые линии и снова обрели форму в опасной близости от звездного стада.

Сотня световых мечей начала кромсать их на поживу падальщикам. Для пучков частиц акулы были легкой добычей.

— Узнают, как нападать через гипер, — прошептал Головастик.

Стадо звездных рыб даже не подумало уклоняться. Они не станут маневрировать, пока не начнет поддаваться защита человеческих кораблей.

А защита может и не выдержать, пронеслось в мозгу бен-Раби. Пять кораблей не могут дать нужную плотность огня. Будут мертвые зоны. Большие дыры. Если попытаться их закрыть, можно расстрелять своих.

Стая акул пришла в замешательство. Они еще не нашли удачную тактику нападения на траулеры.

Тугодумие хищников было единственной надеждой и звездных рыб, и звездоловов. Потому что с акулами что-то случилось. Их число возрастало почти экспоненциально. Они все отчаяннее пытались раздобыть себе пищу.

Раньше их добычей были отбившиеся от стада звездные рыбы. Слабые, больные, неосторожные. Однако теперь акулы нападали на здоровых и сильных и даже набрасывались на своих собственных раненых. Даже огневая мощь траулера не всегда могла сдержать большую стаю, когда голод переходил в смертоносную ярость берсеркера.

— Все не так хорошо, как ты думал, человек-друг Мойше. Они все рвутся в бой одновременно, отовсюду. Убивать и умирать.

В мыслях Головастика проскальзывал ужас. Мойше пришел в отчаяние. Даже в адской битве у Звездного Рубежа Головастик не терял оптимизма.

Предсказание звездной рыбы сбылось. Красные торпеды внезапно полетели во все стороны. Мойше доводилось встречать ту же реакцию у людей. Один раз — когда шайка революционеров-дилетантов заслышала приближение полиции. В другой раз — когда террорист бросил ручную гранату в переполненный театр.

Но акулы не разбегались. Их охватило мгновенное безумие. Они растягивались для атаки.

Хищники бросились к траулерам. Их встретил кинжальный огонь лазерных лучей и пучков частиц.

Огонь «Даниона» был смертельным. Мониторинг в режиме реального времени, который обеспечивали телетехи и связанные с ними звездные рыбы, давал стрелкам ту бесценную долю секунды, которой не было у их товарищей на кораблях, использующих стандартные системы наведения.

Волна акул обрушилась на «Данион», как ледоход на гранитный утес.

Они могли бы взять вверх, будь у них в распоряжении терпение моря и его нескончаемая сила, которая позволяет тысячелетие за тысячелетием посылать волну за волной на гранитную скалу. Они уже сильно потрепали «Данион» у Звездного Рубежа. Чтобы разметать целую секцию корабля, достаточно было прорваться одной акуле с многомерной системой огня. Но в этой стае акул было меньше, и вел их не разум, а голод.

— О черт! — выругался бен-Раби, когда взрыв оторвал огромный кусок соседнего корабля. Одной из акул все же удалось туда прорваться. Корабли сопровождения, которые все еще суетились вокруг обломков «Джариэла» или пытались залатать дыры в огневом щите, ринулись к вырванному осколку. Вокруг него клубились тучи замерзшего ледяного пара — корабль терял воздух.

Одна акула прорвалась к стаду звездных рыб.

Огромные создания, порождения ночи, вовсе не были беззащитны. Один извергнул шар ядерного огня, горевшего у него в «кишках», и послал его в цель с точностью, достойной Робин Гуда. Акула исчезла в тающей вспышке водородной бомбы.

Один хищник сгинул. Одна звездная рыба обезоружена на много часов. На воскрешение внутреннего огня у этих созданий уходило приличное время.

Бен-Раби видел, как у Звездного Рубежа миролюбивые звездные рыбы использовали то же оружие против сангарийских рейдеров.

— Вот и клочья полетели, человек-друг Мойше. — Головастик попытался пошутить. — Да, мы с тобой неплохо справляемся. Может быть, твои Старейшины в конце концов решат, что ты не так глуп.

Невысказанной вслух осталась надежда Головастика на такую же реакцию его Старейшин.

— Идет новая эра, Головастик, — подхватил бен-Раби. — Время торопливых и пританцовывающих.

— Акулы возвращаются!

Оружие «Даниона» вновь прорезало долгую ночь. Интересно, мелькнула мысль у Мойше, что подумает наблюдатель, окажись он через тысячу лет в тысяче световых лет от места схватки.

В Улантской войне обе стороны использовали технику ретроспективного наблюдения. Нельзя было изменить исход сражения, но можно было снова и снова изучать сам бой под любым углом зрения.

Второе нападение было еще яростнее первого. Бен-Раби прекратил всякие попытки думать. Отслеживание ситуации требовало всего его внимания.

Все больше акул появлялось из гипера, движимые тягой неизвестной природы. Их тоже охватило бешенство. Они нападали на все вокруг, включая и своих раненых товарищей, оставшихся в районе битвы.

Этого-то и боялся Головастик. К месту сражения будут притягиваться все новые и новые акулы, пока не подавят защиту просто своей численностью.

Это предвидели и звездные рыбы, и звездоловы. Страх гибели стада за стадом и траулера за траулером под ударами хищников и заставил независимых командиров этого флота объединиться в атаке у Звездного Рубежа.

Поток новых акул замедлился до капель.

«Мы снова побеждаем, человек-друг Мойше, — подумал Головастик. — Видишь этот ритм? Этот сияющий ритм? Они теряют силы, пожирая собственных раненых».

Бен-Раби оглядел свою внутреннюю вселенную, которая менялась, будто в калейдоскопе. Он не видел ничего, кроме хаоса. Это, подумалось ему, то самое, о чем грезил Чижевский, когда писал «Древнего Бога». Казалось, что в последних событиях отразилась поэма Чижевского. Неужели этот человек был провидцем?

Нет. Когда он писал тот цикл, куда вошел и «Древний Бог», то держался только на звездной пыли. И месяца не прошло после написания поэмы, как наркотик его прикончил. Его образы были рождены языками огненного безумия, пожиравшего его сознание.

— А ты не устаешь от того, что вечно прав? — спросил Мойше Головастика, когда акулы обратились в бегство.

— Никогда, человек-друг Мойше. Но я давным-давно научился ждать, пока истина станет очевидной, непреложной, и только тогда провозглашать ее вслух. От ошибки больно. Презрение Старейшин жжет, как огонь тысячи солнц.

— Я знаю это чувство.

Почему-то по вселенной Мойше вдруг пронеслось лицо адмирала Бэкхарта, его прежнего командира. Здесь, на окраине галактики, в битве не на жизнь, а на смерть с созданиями, о существовании которых всего лишь пару лет назад он и не подозревал, его прошлая карьера казалась ему далекой, как чужая жизнь. Жизнь другого воплощения или литературного персонажа.

Атака провалилась, как только бежали первые, насытившиеся акулы.

Звездные рыбы пострадали куда меньше, чем их несъедобные защитники. Ни один дракон не исчез из золотого стада, оберегаемого траулерами, но еще один корабль получил серьезные повреждения.

Через сознание Мойше мышиной пробежкой юркнули предательские мысли.

Головастик возмутился меньше, чем можно было ожидать.

На чисто прагматическом уровне звездный товарищ Мойше был согласен, что лучший способ сохранить жизни и корабли звездных рыбаков — уйти из межзвездных рек.

— Они никогда не уйдут, Головастик. Траулеры — это их отечество. Их родина. Это гордые и упрямые люди. Они будут бороться и надеяться.

— Знаю, человек-друг Мойше. И это печалит стадо. А Старейшин заставляет гордиться тем, что выковали такой прочный союз. Но почему ты сказал «они»?

— Ну, мы. Знаешь, иногда... почти всегда я здесь чужой. Они поступают не так, как привык поступать я...

— Иногда ты тоскуешь по своей прошлой жизни, человек-друг Мойше.

— Иногда. Но нечасто и не о многом. Вернемся к делу. — Ему пришлось сосредоточиться на своем физическом голосе, чтобы прохрипеть: — Наведение? Телетех. Акулы уходят. Они бросили попытки. Можете давать отбой, как только последняя покинет пределы прицельного огня.

— Вы уверены, контактер? В аквариуме дисплея картина другая.

— Уверен. Дайте мне знать, когда можно прекратить передачу. Это мой второй контакт за последние восемь часов.

— Ясно. Будет сделано.

Казалось, парень на том конце проникся к нему должным уважением.

— Ты в порядке, Мойше? — вмешался голос Клары. — Напряжение не слишком велико? Мы можем тебя вернуть.

— Я в порядке. Пока. Я помню, кто я такой. Только держи свой шприц наготове.

У Звездного Рубежа «Данион» потерял половину своих профессиональных, обученных телетехов. Одних — из-за слишком долгого контакта, у других сознание сожгли акулы, прорвавшиеся через огневой заслон корабля. О первых предполагалось, что они заблудились в личной вселенной контактера. Десятки пострадавших телетехов занимали специально отведенную палату, где докторам и сестрам приходилось ходить за ними, как за новорожденными.

Их тела продолжали жить, а сознание... оставалась надежда, что его удастся найти.

За всю историю небесных сейнеров еще не удалось вернуть назад ни одного контактера.

В эти дни звездоловы жили надеждами. Одной из них был Звездный Рубеж — надежда на оружие, способное рассеять стаи акул.

Бен-Раби не понимал, как сейнеры собираются добиться того, что не удалось многим поколениям безумцев, дураков и гениев. Звездный Рубеж был крепостью неприступной.

Это был целый мир размером примерно с Землю, и этот мир был крепостью. Или планетой-линкором. Или черт знает чем. К Звездному Рубежу невозможно было подступиться. Технология его оборонительных сооружений превосходила воображение всех рас, знавших о его существовании. Его создатели давным-давно сгинули в пропасти времен.

Поколения людей мечтали об оружии Звездного Рубежа. Тысячи гибли в попытках до него добраться. А крепость оставалась неприступной.

Почему сейнеры так уверены, что им повезет больше?

— Вы были правы, контактер. Компьютер говорит, что они отходят. Теперь можете прекратить передачу. Мы обойдемся и обычными сканерами.

— Спасибо, наведение.

Ощущение высасываемого из сознания потока исчезло сразу. Вселенная бен-Раби пошатнулась. Головастик коснулся и поддержал его.

— Пора прощаться, человек-друг Мойше. Ты теряешь чувство реальности и ориентацию в пространстве-времени.

— Я еще не совсем пропал, Головастик.

— Все вы так говорите. Здесь ты больше ничем не можешь помочь, человек-друг.

В подсознании Мойше раздался грохот распадающейся на куски реальности. Он породил волну ужаса. Головастик не пытался ему помочь.

— Клара, укол! Я возвращаюсь.

Он ударил левой рукой по выключателю.

Они ждали его. Смертная мука длилась всего лишь несколько мгновений.

Но этого хватило. Он зашелся в крике.

С каждым разом возвращение становилось страшнее.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ:

3049 н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

На этот раз Мойше поместили в Госпитальном отсеке. Три дня его держали на транквилизаторах.

Когда женщина-врач вошла, чтобы вывести его из этого состояния, возле него сидели два человека. Тонкая бледная голубоглазая женщина с нервными руками. Эми. И маленький азиат со спокойствием айсберга — его друг Маус.

Эми не могла и минуту посидеть спокойно. Она теребила костюм, застегивала и расстегивала его, закидывала ногу за ногу, вскакивала с места и начинала расхаживать по комнате, чтобы через минуту снова сесть. Она не разговаривала с Маусом. Обычно она намеренно старалась отдалить Мауса от себя и Мойше. Будто считала Мауса своим конкурентом за внимание бен-Раби.

Эти двое, Мойше и Маус, вместе прошли огонь и воду. Иногда они друг друга недолюбливали. Происхождением и воспитанием они отличались как день и ночь. Столетия предубеждений разделили их стенами, но общие лишения и опасности выковали между ними нерушимую связь. Слишком часто они стояли в бою спиной к спине и спасали друг другу жизнь, чтобы это забыть.

Маус ждал не шевелясь, с терпением самурая.

Он был заядлый архаист. Недавно он познакомился со своим древним наследием и теперь в воображении примерял на себя роль самурая. Их кодекс и обычаи нравились заключенному в нем воину.

А к распутнику отношения не имели. Маус же был классиком этого жанра — по крайней мере с противоположным полом.

Масато Игараши Шторм ничего не делал наполовину.

Докторша тихо кашлянула.

— Он поправится? — спросила Эми. — Выберется? Я помню, что вы мне говорили, но...

Лицевые мускулы Мауса слегка дрогнули. Эта гримаса заменяла тысячетомный трактат об отвращении при виде подобной несдержанности.

Женщина-врач оказалась более терпеливой.

— Просто вынужденный отдых, мисс. Вот и все. С ним ничего такого, чего отдых не мог бы излечить. Я слышала, он адову работу выполнил, давая наводчикам контакт реального времени. Он просто себя загнал.

На лице Мауса мелькнуло странное выражение.

— А ты-то что думаешь? — спросила Эми в упор.

— Обычно он себя не перегружает.

Эми была готова броситься в драку.

Женщина-врач прервала эту сцену, сделав бен-Раби укол. Мойше начал приходить в себя.

Маус остался безразличен к реакции Эми. Но заметил ее. Он был очень наблюдателен. Просто ему было все равно, что она думает.

— Док, — сказал он, — есть ли какие-то особые причины, чтобы колоть его этим медицинским раритетом?

Женщина держала запястье бен-Раби, считая пульс.

— Что вы имеете в виду?

— Что это примитив. Времена архаики. Звуковые седативные системы были созданы еще до моего рождения. Это гораздо удобнее и для врача, и для пациента.

Женщина покраснела. Маус сам всего несколько недель назад вышел из госпиталя. Он провел там месяц, оправляясь от раны, полученной в схватке с сангарийским агентом, пытавшимся захватить управление «Данионом». Маус был не в

восторге от качества медицинского обслуживания и не делал из этого секрета. Но он вообще ненавидел врачей и госпитали. Он мог найти недостатки и в самом безупречном.

Сангарийку тогда выследил бен-Раби. И стрелял в нее...

У Мауса хватило бы наглости стоять лицом к лицу с дьяволом и предложить ему заткнуться.

— Нам приходится обходиться тем, что мы можем себе позволить, мистер Шторм.

— Так мне и сказали.

Маус не стал развивать тему, хотя и считал, что сейнерам говорить о бедности — это все равно что царю Мидасу клянчить на углу медяки.

Бен-Раби открыл глаза.

— Как дела, Мойше? — спросил Шторм, помешав Эми начать разговор с более драматической реплики. Его присутствие, выдававшее его тревогу, смущало его.

Работа столетий кладет на детей неизгладимый отпечаток. Ее следы остаются невидимыми и неизменными, как секретный код ДНК. Маус с младых ногтей знал, что жители Старой Земли — парии.

Семья Мауса была на службе уже три поколения. Его предки принадлежали к военной аристократии Конфедерации. Предки бен-Раби многие столетия были безработными на содержании государства.

Ни один из них не считал себя предубежденным. Но ложные истины, впитавшиеся с молоком матери, глубоко пускают корни и постоянно дают побеги нереалистичных реакций на реальный мир.

Бен-Раби рано пришлось обуздывать предрассудки. Чтобы выжить. В его батальоне в Академии было только двое со Старой Земли.

Сейчас он минуту собирался с мыслями.

— Что я здесь делаю? — спросил он.

— Тебе нужен был отдых, — отозвалась Эми, — долгий отдых. На этот раз ты перестарался.

— Да брось ты, я сам могу о себе позаботиться. Я знаю, когда...

— Чепуха! — отрезала докторша. — Каждый телетех так думает. И всех их приносят сюда выжженными дотла. Мне приходится менять им пеленки и кормить с ложечки. Что с

вами, ребята? Ваше эго на пару размеров великовато даже для бога средней величины.

У Мойше шумело в ушах. Он хотел ответить, но во рту было такое чувство, будто язык завернут в старый задубевший носок.

В глазах женщины-врача стояли слезы.

— У вас кто-то погиб у Звездного Рубежа?

— Сестра. Она вышла из контакта, как раз когда ваши сухопутные поднимались на борт. Ей было только семнадцать, бен-Раби.

— Сожалею.

— Врете. Вы — телетех. И сожаление мне не поможет. Не поможет кормить ее каждый день. Она была вроде вас, бен-Раби. Была уверена, что справится, не хотела меня слушать. Ни один из них не хотел слушать. Даже контролеры, которым надо бы понимать. Они отправили ее назад в контакт после четырех часов отдыха.

Бен-Раби закрыл рот. Что он мог сказать? Его самого ввели в контакт во время битвы у Звездного Рубежа. Главная рубка контакта походила на палату тяжелораненых. Десятки телетехов отдали все, чтобы спасти «Данион».

Мойше никогда бы не оказался в рубке контакта, даже не знал бы о ее существовании, если бы во время боя контактеры не понесли таких жестоких потерь. В те дни он был всего лишь наземником, которому не следовало доверять, разоблаченным шпионом, от которого скрывали тайны сейнеров. Его допустили к контакту лишь потому, что он мог на миллиметр увеличить шансы «Даниона» на выживание.

Решение перейти к звездоловам Мойше принял сразу после битвы у Звездного Рубежа, почти в люке корабля, который должен был отвезти наземных контрактников назад на одну из планет Конфедерации.

Он медлил слишком долго. Половина его пожитков отправилась вместе с тем кораблем. Он так и не получил их назад. Команда корабля сильно поцапалась с таможней. Эти бюрократы озверели и хватали все, что не было привинчено к палубе.

Бен-Раби взял худую холодную руку Эми.

— Как себя чувствуешь, дорогая? У тебя усталый вид. Сколько прошло времени?

Рука была так холодна... как у привидения. Как он влюбился в Эми?

Всегда он влюблялся в странных, невротичных и просто испорченных женщин. Элис в Академии... Что она устроила ему при расставании! Сангарийка Мария, как вампир высосавшая его между двумя последними заданиями...

— Теперь, когда я знаю, что ты в порядке, со мной тоже все будет хорошо. Мойше, пожалуйста, будь осторожнее.

Эми казалась необычно отстраненной. Бен-Раби взглянул на нее, на Мауса и снова на нее. Новые проблемы с Маусом? Ее неприязнь к его другу недавно весьма усилилась.

Маус почти все время молчал. С ним была его неизменная шахматная доска, но он не стал предлагать партию. Его останавливало присутствие Эми. Шахматы были его великой страстью, соперничающей даже со страстью соблазнять подряд всех красивых женщин.

— Эй, Маус! Как ты думаешь, чем сейчас занимается Макс?

Единственный способ втянуть друга в разговор, который пришел в голову Мойше, — это вспомнить кого-нибудь из общих знакомых, кого они знали до прихода к сейнерам.

— Наверное, богатеет и гадает, почему мы больше не заглядываем в ее лавочку. Не думаю, что Бэкхарт дал себе труд сообщить ей наш новый адрес.

— Ага, — рассмеялся бен-Раби. — До него уже дошли новости, как ты думаешь? Ну, или дойдут со дня на день. У него пена изо рта повалит! Макс была нашей приятельницей на Луне-Командной, — объяснил он Эми. — Она держала магазинчик марок.

— Лучший магазинчик для коллекционеров на всей Луне, — добавил Маус.

Эми не ответила. Она просто не могла понять, зачем эти двое собирали маленькие кусочки бумаги столетней давности, к которым следовало относиться как к драгоценностям.

И не только марки. Кажется, эти двое собирали все подряд. Монеты. Марки. Прочее старое барахло. У Мауса вся каюта была завалена коваными треножниками ручной работы и прочими ископаемыми железками. Единственной коллекцией, которая нравилась Эми, была коллекция бабочек. У Мауса на стене висела большая рама экзотических экземпляров. Они были невероятно прекрасны.

Корабли сейнеров были экологически стерильны. Только в зоопарках содержалась негуманоидная жизнь, и это были большие, широко известные млекопитающие.

У Эми не было хобби. Для отдыха она читала. Эту привычку она переняла от матери.

А Маус даже прилично играл на кларнете — старинном деревянном духовом инструменте, который редко где можно было видеть. Он говорил, что играть научился у отца.

— А как будет с Гретой? — спросил Маус. — Ты думаешь, департамент о ней позаботится?

От этого имени Эми подпрыгнула на месте.

— Ты никогда не рассказывал мне ни о какой Грете, Мойше.

— Это было в другой жизни.

Они были любовниками, но знали друг друга очень мало. Бен-Раби не любил ворошить чужое прошлое — ему оно всегда представлялось мешком со змеями, из которого еще неизвестно, что выползет. Всегда можно было наткнуться на гадюку. У каждого человека свои темные тайны.

Но на вопрос Эми он все же ответил:

— Я уже говорил тебе. Это девочка, которую я встретил, когда последний раз был на Старой Земле. Последний раз, когда навещал мать. Она хотела выбраться с планеты. Друзья не отпускали ее. Я ей помог. А кончил тем, что стал ее спонсором.

— Он был ей вроде приемного отца, — пояснил Маус.

— Наверное, теперь ей уже восемнадцать. Я не думал о ее возрасте. Зря ты ее вспомнил, Маус. Я теперь расстроился.

— Ну, брось ты. Макс за ней присмотрит.

— Наверное. Но это неправильно. Нельзя сваливать это на кого-то другого. Как ты думаешь, Эми, я смогу время от времени посылать ей весточку? Просто сказать, что я жив-здоров и все еще помню о ней. Я согласен, чтобы письма писали ты или Ярл. Можете даже пропустить их через компьютер-дешифратор и убедиться, что там нет ничего предосудительного.

— Это просто ребенок? — спросила Эми.

— Ага. Она здорово напоминала мне меня самого в юности, когда я только что выбрался со Старой Земли. Совершенно потерянный. Я думал, что, если я ей буду помогать,

будет лучше. А потом я вроде сбежал, когда Бюро послало нас сюда. Я сказал ей, что вернусь через пару месяцев. А уже прошло почти четырнадцать.

— Я попрошу Ярла. Иногда он разрешает отправлять письма. У некоторых из нас есть родственники в Конфедерации. Но письма идут медленно.

— Это не важно. Эми, ты золото. Я тебя люблю.

— Ну, если вы начинаете нежничать, — сказал Маус, поднимаясь со стула, — то я лучше пойду. Начинаются гражданские занятия. Ну и чепуха. Представь: я, Эмили Хопкинс и этот фашиствующий болван-преподаватель... Может, меня снова ранят в руку. Тогда я смогу вернуться сюда и пропущу парочку уроков. Веди себя хорошо. Слушайся милую даму доктора, или я сверну тебе шею.

И он исчез, пока Мойше не начал свое занудное «Спасибо, что навестил».

— Ты на удивление неразговорчива сегодня, дорогая, — проговорил бен-Раби спустя какое-то время. Возможно, если бы здесь не было врача...

— Я просто устала. Мы все еще стоим двойные вахты, и нам едва удается прикрыть все посты. На Верфях придется застрять надолго — если «Данион» не развалится на части по дороге. Если акулы не разнесут нас к чертовой матери.

— Ты уже в сотый раз упоминаешь эти Верфи и не хочешь мне о них ничего рассказать. Ты мне все еще недостаточно доверяешь?

— Это именно верфи. Ни больше и ни меньше. Там мы строим и ремонтируем корабли. Мойше, раз тебе пока некуда спешить, расскажи мне лучше о себе.

— Что?

— Я встретила тебя в самый первый день, еще на Карсоне, когда ты только что подписал контракт. Мы прожили вместе несколько месяцев, и вдруг я узнаю, что у тебя есть дочь. Я о тебе почти ничего не знаю.

— Грета мне не дочь, дорогая. Я просто помог девочке, которая нуждалась в ком-то...

— А разве это не одно и то же?

— Юридически — да. На бумаге. Иначе у нас были бы проблемы на суде.

— Расскажи мне. Все.

Делать было нечего. Можно было только рассказывать, и он начал рассказ.

Женщина-врач, которая мелькала на заднем плане, подозрительно глянула на него и всем своим видом показала, что ему придется еще на какое-то время задержаться.

— Хорошо. Скажешь, когда станет скучно.

Мойше родился в Северной Америке на Старой Земле, от Кларенса Хардвея и Майры Мак-Кленнон. Отца он почти не знал. Его мать по причинам, которые до сих пор оставались для него загадкой, предпочла воспитать его дома, а не сдать на попечение в государственные ясли. Из живущих на пособие немногие сами воспитывали своих детей.

Его детские годы ничем не отличались от младенческих лет детей других безработных на домашнем воспитании. Мало надзора, мало любви, мало учебы. Он начал гонять с дворовой ватагой, когда ему еще восьми не было.

Ему было девять, когда он впервые увидел инопланетников. Выскочек — так их называли на Земле. Это были космонавты флота в отглаженной черной форме, пришедшие в город по каким-то своим странным внеземным делам.

Эта форма захватила его воображение. Она стала навязчивой идеей. Мальчик начал вытягивать разнообразные сведения о флотских из домашнего информационного терминала своей матери. Большую часть их он не мог понять из-за недостатка знаний. Он стал учиться самостоятельно, начав с нуля и постепенно добираясь до того, что ему так отчаянно хотелось знать.

В десять лет он забросил свою ватагу, чтобы оставалось больше времени на учебу. На одиннадцатом году его озарило: он должен отправиться в космос. Ему удалось тайком добраться до вербовщика флота. Тот помог ему проскользнуть через вступительные экзамены в Академию.

Ему никогда бы их не сдать, если бы для жителей Старой Земли не существовало особых стандартов и квот. В прямом соревновании с тщательно подготовленными инопланетниками, многие из которых выросли в военной среде, он бы провалился с треском. Половина офицеров Службы были детьми офицеров. Служба стала замкнутой субкультурой, с каждым годом все менее связанной с общечеловеческой и все менее ею контролируемой.

Но у Томми была цель.

В двенадцать он убежал из дома и отправился на Луну-Командную, в Академию. За шесть лет он из намертво отстающих пробился в пять процентов лучших. По окончании он воспользовался правом выбора и оказался во флоте. Он служил на истребителях «Аквитания» и «Гесс», а потом на крейсере «Тамерлан», после чего попросил направление в разведшколу.

После года обучения в Бюро его назначили флотским атташе при посольстве на Фелдспаре. После этого последовало еще с полдюжины подобных назначений в разных мирах, и тогда его работа привлекла внимание адмирала Бэкхарта, чей отдел занимался опасными операциями и деятельностью на грани и чуть за гранью закона.

Он принял участие в нескольких нелегких операциях и встретился со своим бывшим одноклассником Маусом. У них было несколько совместных заданий, последним из которых было присоединиться к звездоловам и добыть информацию, которая помогла бы принудить сейнеров присоединиться к Конфедерации.

Кое-что из этого Эми уже слышала. Что-то было новым. Однако этот рассказ ее не удовлетворил. Ее первым замечанием было:

— Ты ничего не сказал о женщинах.

— Что ты имеешь в виду? Какое это имеет значение?

— Для меня — первостепенное. Я хочу знать, кем были твои любовницы и каким образом вы расстались. Как они выглядели...

— Сначала поцелуй в задницу пьяного носорога, леди.

Он еще не совсем пришел в себя. И не сообразил, что произнес это вслух, пока не задумался, отчего она так сразу заткнулась.

Судорожно вздохнув, Эми вихрем вылетела из комнаты, как смерч, ищущий город, который можно было бы превратить в руины.

Откуда-то с заднего плана выступила женщина-врач и пощупала его пульс.

— Она очень настойчива, правда?

— Не знаю, что на нее нашло. Раньше она такой не была.

— У вас была интересная жизнь.

— Да нет, не совсем. Не думаю, что я поступил бы точно так же, если бы мне приходилось начинать все заново.

— Ну, вы могли бы начать заново, правда?

— Не понимаю.

— Омоложение. Я думала, это доступно каждому конфедерату.

— Ах да. Более или менее. Кое-кто из генералов живет на свете еще с тех пор, как Ной причалил свой ковчег. Но у судьбы есть способы добраться до того, кто пытается от нее ускользнуть.

— Жаль, что у нас здесь такого нет.

— Вы не кажетесь настолько старой.

— Я думаю о своем отце. Он дряхлеет.

— Да, понимаю. Когда я смогу уйти?

— По сути дела, в любое время, но мне хотелось бы, чтобы вы задержались еще на пару часов. Сейчас вы будете чувствовать слабость и головокружение.

— Маус был прав насчет звуковых успокоительных.

— Знаю, но не я составляю сметы госпиталя. Всего хорошего, мистер бен-Раби. Постарайтесь, чтобы нам не пришлось снова встретиться.

— Я ненавижу госпитали, доктор.

Это было правдой. Те госпитали, в которых ему доводилось лежать, принадлежали Бюро, и попадал он туда для того, чтобы измениться физически или психически.

Для разминки он проделал несколько упражнений, а потом вскочил на трамвай, который шел к его дому.

Эми ждала его.

— Ох, Мойше. Это было глупо с моей стороны. Ты был прав. Это не мое дело.

Перед его приходом она плакала. У нее были красные глаза.

— Все в порядке. Я понимаю.

На самом деле он не понимал. Там, где он вырос, никто не интересовался чужой личной жизнью. В Конфедерации люди жили сегодняшним днем. И не задумывались о прошлом.

— Просто понимаешь... мне кажется, что все, что происходит между нами, так неустойчиво.

«Ну вот, — подумал он, — опять намеки на брак».

Для сейнеров брак был делом важным. В Конфедерации это было милым пережитком старины, забавой или мечтой молоденьких девушек и отчаянных романтиков. Он не мог понять серьезность, с которой сейнеры смотрели на брак. Еще не мог.

Звездоловы завоевали его преданность, но они не могли сделать из него другого человека. Они не могли превратить его в свое подобие, просто приняв в свою среду.

Интересно, подумалось ему, у Мауса те же проблемы? Наверное, нет. Маус — хамелеон. Он может адаптироваться к любой среде, раствориться в любой толпе.

— Мне надо на работу, — сказала Эми. Казалось, ее шатает от усталости.

— Тебе тоже надо бы отдохнуть, любимая.

Когда она ушла, бен-Раби достал свою коллекцию марок и развернул потрепанный альбом. Упомянув Макс и Грету, Маус открыл ящик Пандоры. Через некоторое время он оттолкнул от себя альбом и попытался набросать письмо девочке.

Но не придумал, что сказать.

ГЛАВА ПЯТАЯ:
3049 н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

К адмиралам и генералам обычное ожидание и дезинфекционные процедуры по прилете на Луну-Командную не относились. Проверяли их тоже по сокращенной программе. С тех пор, как после Улантской войны адмирал Мак-Гроу подался в пираты, случаев нелояльности старших офицеров больше не наблюдалось. Всего через три часа после посадки личного шаттла адмирала южнее моря Спокойствия Бэкхарт вошел в свой офис.

Говоря языком другого века, он не жалел лошадей. Корабль-носитель вынырнул из гипера посередине между Луной-Командной и Л-5. И тут же адмирал получил шифровку: «Немедленно требуется личное присутствие. Критично».

Либо у вселенной отвалилось дно, либо Мак-Кленнон и Шторм вернулись с охоты с ягдташами, из которых капают маленькие вкусненькие секреты.

В его кабинете уже собрался экипаж. Так он называл своих лично отобранных и доверенных людей.

— Отлично, как и вы. — Он поднял руку, обрывая дальнейшие приветствия. — Что стряслось?

— Не хотите ли сперва принять душ и переодеться? — спросил Джонс.

Бэкхарт выглядел измотанным, почти жалким. Как бродяга, нарядившийся в костюм адмирала.

— Это вы, шуты гороховые, отстукали мне «Личное присутствие. Критично». Если у меня есть время срать, мыться и бриться, надо было писать «Срочно».

— Возможно, мы поторопились, — признал Намагуши. — Но мы нашли подземный ход в этот склеп. Естественно, несколько возбудились.

— Подземный ход? Черт возьми, что здесь происходит? — Бэкхарт рухнул в огромное кресло за бескрайним столом из полированного дерева. — Ближе к делу, Акидо.

Намагуши вскочил с кресла и толкнул по сверкающей поверхности стола картонный квадратик.

— Цифры. Твой почерк ничуть не улучшился.

— Секретариат готовит распечатку, сэр. Это, сэр, то, что прислал нам Шторм.

— Ну и что?

— Стандартная система координат Моргана, сэр. Местоположение звезды. У нас ушло два дня на перевод из сангарийской системы координат.

— Сангарийской?.. Господи Иисусе! Это?..

— То, чего мы дожидались всю свою жизнь. Координаты их звезды.

— О Господи! Не может быть. Две сотни лет мы их искали. Резали глотки и теряли собственные головы — как банда фашиствующих молодчиков. И это окупилось. Я сделал ставку с дальним прицелом, и она выиграла. Коммуникатор мне! Черт возьми, дайте мне кто-нибудь этот чертов коммуникатор!

Джонс передал коммуникатор через стол. Бэкхарт яростно застучал по клавишам.

— Бэкхарт. Приоритетно. Эй ты! Да хоть бы он сейчас царицу Савскую трахал! Личное, важное, и я твои яйца зажарю на завтрак, молокосос, если ты сейчас же не... Прошу прощения, сэр. — Его манеры вдруг претерпели чудесное превращение. — Да, сэр. Именно так, сэр. Я хочу получить подтверждение нашей позиции по Меморандуму о Долгосрочной Политике и Процедуре номер четыре. Конкретнее — параграфа шестого.

Воцарилось долгое молчание. Соратники Бэкхарта все ближе и ближе пододвигались к своему шефу. Наконец человек на другом конце провода что-то ответил.

— Да, сэр. Абсолютно. У меня в руках данные, сэр. Только что расшифрованы. Дайте мне фон Драхова и Первый флот... Да, сэр. Я прошу на это время карт-бланш. Начать могу прямо завтра.

Снова молчание.

Наконец:

— Да, сэр. Именно об этом я и подумал, сэр. Понимаю, сэр. Благодарю вас, сэр. — Бэкхарт отключил связь. — Он хочет обсудить это с начальниками штабов.

— Они хотят дать задний ход? Сейчас? Когда мы на это положили столько жизней, которые?..

— Капитан Джонс! Вы *представляете*, насколько дико прозвучало мое к нему обращение? Позвольте, я нарисую вам картину. Я прервал его, когда фон Штауфенберг докладывал, что мы видели у центра. Это было именно то, что мы ожидали обнаружить, и выглядело это не лучше, чем баржа, нагруженная мертвыми младенцами. Какая-то раса психопатов добросовестно уничтожает любую разумную жизнь, которая попадается ей на пути. Тут я вламываюсь и прошу подтвердить Меморандум четыре дробь шесть. Который является обетом истребить сангарийцев, как только мы обнаружим, где их Метрополия. Считается, что хорошие в этой игре — мы, Джонс. То, что ему приходится сейчас выслушивать, способно погасить пламя нашей старой благородной ненависти к сангарийцам.

— Но я не вижу проблемы, сэр.

— Практически ее и нет. Взглянув на то, что творится ближе к центру, я бы счел четыре дробь шесть стратегическим

императивом. Нам надо стряхнуть со своей шеи этих кровопийц. Они жрали нас живьем во время войны с Улантом и Токе. Как только намечается заварушка между нами и мирами вне Конфедерации, они появляются, как шакалы. Армады пиратских кораблей... Не говоря уже о той цене, которой нам приходится расплачиваться за пристрастие к звездной пыли. Черт побери, половина флота связана защитой торговых путей. Выполнение четыре дробь шесть освободило бы эти корабли. А если мы покончим с сангарийцами, Мак-Гроу тоже придется прикрыть лавочку. Это аргументы «за». Акидо! Возьмите на себя роль адвоката дьявола.

Это была старая игра. Намагуши хорошо знал своего командира.

— Сэр! С какими глазами сможем мы заявить народам Конфедерации — не говоря уже о наших союзниках, — что мы уничтожили целую расу? И это именно в тот момент, когда мы собираемся распалить их и оправдать наш превентивный удар, направленный против вида, который мы обвиняем в том же грехе? Боюсь, сэр, что эти позиции, мягко говоря, несовместимы. Я бы осмелился заметить, сэр, что этот путь ведет нас в моральную пропасть. Проще говоря, мы будем величайшими лицемерами, которых доводилось видеть вселенной.

— Фигня! — отчетливо отозвался Джонс. — Да среди нашего населения найдется только один на тысячу, кому придет в голову задуматься о противоречиях! Сначала они будут махать чепчиками в честь уничтожения сангарийцев, а потом подписываться за начало войны с извергами центральной расы. Акидо, мне кажется, ты переоцениваешь мистера Среднего Человека. Он не может даже уследить за своим кредитным балансом, не то что оценить моральный.

— Чарли, такое отношение может загубить Луну-Командную. А погибнем мы — погибнет и Конфедерация. Погибнет Конфедерация — придут варвары. Говоря словами римского центуриона Публия Минутия, «мы и есть империя».

— Минуточку, — вмешался Бэкхарт. — Акидо, подойдика сюда. — Он толкнул по столу коммуникатор. — Вызови мне библиотеку и найди информацию по этому Минутию.

— Хм-м...

— Так я и думал. Еще один твой авторитет из минувших веков.

Намагуши рассмеялся. Это его любимый трюк, и шеф был единственным человеком, которому каждый раз удавалось его поймать.

— На самом деле старик Публий, наверное, изрек что-то вроде: «Эй, приятель, где здесь ближайший бордель?», но я готов поставить на карту мою репутацию и биться об заклад, что какой-нибудь римский солдат все же изрек нечто подобное. Это правда. Армия действительно была Империей.

— У тебя нет репутации, которую можно поставить, Акидо, — подколол Джонс.

— Армии очень помогало, что все жители римских провинций придерживались многих неписаных правил, Акидо, — заметил Бэкхарт. — Но мы отклонились от темы. Что там с отчетом Мак-Кленнона?

— Над ним все еще работают. Первые тезисы должны поступить с минуту на минуту. Главное, что нам удалось узнать, — это что звездоловы попытались взять Звездный Рубеж. Так что вы и здесь угадали.

— Это не догадка. Это внутренняя информация.

— Что бы это ни было. И именно там Шторм обнаружил данные о планете сангарийцев. Пиратские корабли напали там на флот траулеров, пройдя по короткому пути. Дело в том, что сейнеры вполне могли добиться цели. Они не стали пытаться, потому что сангарийцы их потрепали.

— Когда этих ребят депрограммируют? Я хочу их видеть.

Тишина охватила комнату, как кошка хватает мышь. Молчание тянулось, пока не перешло в неловкость.

— Итак?

— Хм-м...

— Хватит ходить вокруг да около, Акидо. Говори прямо. Кто пострадал? Насколько сильно?

— Дело не в этом, сэр. Они не вернулись.

— Погибли? Тогда как?..

— Они живы. Но они перешли к ним.

— Они — что?

— Если вы помните, Мак-Кленнон был на это запрограммирован.

— Знаю. Это была моя идея. Но мы вовсе не предполагали, что он попытается сделать на этом карьеру. Он не был депрограммирован? А что, черт возьми, приключилось со Штормом? Как он там увяз? Почему он не вытащил оттуда Томаса?

— Мы работаем над этим, сэр. Опрашиваем вернувшихся. Если нам удается до них добраться. Они вернулись на Карсон и успели разбежаться в разные стороны раньше, чем мы узнали о случившемся. Насколько можно сейчас судить, Шторм остался потому, что не хотел бросать Мак-Кленнона в одиночестве. Должно быть, в программировании была ошибка. Мак-Кленнон попросил разрешения остаться. Шторму не дали его оттуда вытащить.

— Ясно. Это похоже на Мауса. Не бросай своих раненых. Совсем как его отец. Я знал Гнея Шторма. Его, по сути дела, погубило именно чувство чести. Что ж, у меня тоже есть честь, даже если за долгие годы в этом кресле она несколько полиняла. Я тоже не бросаю своих раненых. Акидо, я хочу, чтобы мальчиков оттуда вытащили.

Джонс фыркнул:

— Чарльз? У тебя что, гвоздь в стуле?

— Я просто подумал, что тот, кто так заботится о своих людях, как вы утверждаете, не стал бы кидать их обратно в печку, пока они не остыли после заварушки на Сломанных Крыльях. А вы их выпихнули прежде, чем они остыли от...

— Эй, Чарли! Моя совесть — она моя. И мне с этим жить, не тебе.

— Шторм мог с этим сладить. Он не проходил глубокого психопрограммирования. А вот Мак-Кленнон... Пожалуй, вы его перегрузили. Даже в лучшие свои времена он был слегка слюнтяем.

— Хватит. Я хочу, чтобы мы здесь и сейчас прекратили оплакивать Шторма и Мак-Кленнона. Это ясно? И давайте начнем думать, как их оттуда вытащить. А в свободное время побеспокоимся и о четыре дробь шесть. А перед сном, если у вас вдруг появится соблазн терять на него драгоценное время, помучайтесь над тем, как нам прижать сейнеров раньше, чем они приберут к рукам Звездный Рубеж.

— Сэр? — не понял Намагуши.

— Кто-то из вас, обезьяны, только что говорил, что сейнеры уверены в победе. Вы знаете, что будет, если им удастся?

— Сэр?

— Нам останется только поцеловать себя в задницу на прощание. Потому что мы тогда покойники. Можем надеяться, но уже в очереди в морг.

— На этот раз мне не удается следить за вашей мыслью, сэр.

— Потому что ты не видишь картину в целом. Гештальт, как говорят немцы. Если они доберутся до этого оружия раньше нас, то мы можем тогда месить песок и ждать, пока он застынет. Контроль над производством амбры нам захватить не удастся, следовательно, флоту придется обходиться без адекватной инстелной связи, следовательно, наши шансы против этих тварей из центра становятся пшиком. Это тебе не трусоватые улантиды, которые собирались нас слегка выпороть, а потом честно пожать руку.

— И обратно, — сказал Намагуши, — если нам удастся вовремя взять звездоловов на мушку, то мы не только сможем оснастить флот, но и получим оборонный потенциал Звездного Рубежа. Если его удастся использовать.

— Вот! — Бэкхарт повернулся к остальным. — Теперь понимаете, почему Акидо у нас кронпринц? Берешь палку и долго по нему колотишь, тогда он начинает думать. Устроим мозговой штурм, джентльмены. На тему превращения пассивов в активы.

— Касательно парадокса четыре дробь шесть, — начал Джонс. — Должным образом организованная утечка должной информации в должное время и в должном месте могла бы обеспечить Луне-Командной такой поворот общественного мнения, что истребление сангарийцев станет требованием народа. В Бюро Общественных Связей есть несколько настоящих профессионалов. Они проделали чертовскую работу, создавая атмосферу напряжения просто намеками на мартовские беспорядки. Что, если они сейчас дадут чуть-чуть пробиться истине? Ровно настолько, чтобы возникли вопросы: какой же на самом деле ужас мы скрываем, создавая плохую прессу нашим друзьям с Уланта? Нет ничего, что публика заглотает охотнее, чем историю о заговоре. Особенно о заговоре молчания.

— Что я вижу! — воскликнул Бэкхарт. — У двоих моих сотрудников работают мозги? И одновременно? Джентльмены, начало положено. Итак, у нас есть пара направлений работы. Как вы думаете, дадут нам сыграть музыку к этому спектаклю?

— А почему бы нам просто ее не сыграть? Не в первый раз.

— Однако этот раз может стать последним. Мы на перепутье. Мы — я имею в виду каждого на Луне-Командной — собираемся дать тонкую настройку механизму всей Луны-Командной. И эта работа не потерпит наших игр друг с другом. Времени до стычки с центральной расой так мало... В общем, план простой. Мы должны ударить первыми, ударить сильно и продолжать бить всем, что у нас есть.

— Так же, как бил нас Уланд?

— Именно так. Генеральный штаб Примы Защиты тоже строит планы — по данным своей разведки. Она будут вносить в них изменения ежедневно, чтобы как можно точнее отражать реальную ситуацию. Если у нас появятся какие-то предложения, то их тоже включат в программу. Если орда из центра сделает что-то неожиданное, они и это учтут. Они выслали вперед целый флот кораблей-смертников. И разведывательных кораблей с инстелом для передачи информации в реальном времени.

— Сэр, прежде эта стратегия не принесла Уланту успеха.

— И может не принести и на сей раз, но это лучшее, что у нас есть. Аналитики Уланта рисуют очень мрачную картину. Численность... Вы увидите видеозаписи. Пока будете смотреть, помните, что видите лишь один из флотов. Улантиды обнаружили еще четыре. Впечатление такое, что они просто перелетают вслед за роем разведчиков, идя вдоль нашего Рукава и уничтожая любой обитаемый мир с любой разумной жизнью.

Загудел сигнал связи. Бэкхарт щелкнул переключателем.

— Бэкхарт слушает. Да, сэр.

Звук был однонаправленным, а изображение — плоским. Собравшиеся в кабинете не могли ни слышать разговора, ни узнать вызывающего. Наконец после долгого молчания Бэкхарт произнес: «Так точно, сэр» довольно тусклым голосом и дал отбой.

— Это был начальник Генштаба флота. Они решили выполнить четыре дробь шесть, но не собираются дать нам провести операцию. Он сказал, что они используют фон Драхова, но контроль над операцией будет за научно-исследовательским управлением.

— Научно-исследовательским? Что за черт?

— Им-то какое дело? Значит, мы чего-то не знаем.

Снова раздался сигнал связи. Ответил Бэкхарт, но тут же повернулся к Джонсу:

— Это тебя, Чарли.

Джонс примостился на краешке безбрежного стола и развернул аппарат к себе.

— Докладывайте. — Через несколько секунд его высокая, тощая и черная фигура задрожала от возбуждения. — Хорошо. Понял. Благодарю вас.

— Ну? — прорычал Бэкхарт.

— Один из моих сотрудников по электронному перехвату. Они только что зафиксировали обращение Совета звездоловов к Сенату Конфедерации. Обычный запрос на таможенные льготы для проведения аукциона амбры. Просят провести его на Сломанных Крыльях. Правила и взаимные обязательства обычные. Такой запрос посылается каждый раз, когда они проводят аукцион на одном из миров Конфедерации.

— Сломанные Крылья недалеко от Звездного Рубежа. Есть какие-нибудь еще причины для волнения?

— Спонсором аукциона будет флот Пейна.

Бэкхарт смотрел на свои руки дольше минуты. И поднял голову с блаженным лицом.

— Джентльмены, в конце концов боги нас любят. Отменить все увольнительные. Все сданные в аренду вычислительные мощности вернуть в наше распоряжение. Объявить о сверхурочных работах. Для всех, включая уборщиков и операторов машин уничтожения документов. У меня такое чувство, что нам все же удастся выкарабкаться из этой навозной кучи. — Он разразился демоническим смехом. — Смотреть в оба и ушки на макушке, джентльмены. Вся входящая информация — буквально вся — должна прогоняться через главную программу для поиска любых корреляций. Группы программистов пусть начнут обрабатывать имеющуюся информацию. Я хочу иметь самую большую и самую лучшую, черт побери, модель

ситуации, какая возможна вне Управления Стратегического Анализа Генштаба. Посмотрим, не удастся ли нам спрессовать это все в большой и красивый пакет.

Бэкхарт поднялся из-за стола и отпер свой личный бар. Он достал бокалы и полгаллона подлинного скотча со Старой Земли, который он приберегал для случаев, бывающих раз в тысячелетие.

— За успехи и победы, джентльмены! Надеюсь, что наши, — провозгласил он и налил всем двойную порцию.

ГЛАВА ШЕСТАЯ:
3049 н.э.
ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Пять огромных траулеров еле двигались. Их скорость по отношению к осколкам едва доходила до трех километров в час. Похожие на москитов корабли сопровождения кружили впереди и по бокам этой процессии, отпихивая любую летающую гору, грозившую столкновением.

Обидно было смотреть, как приходилось ползти этим быстроходным чудищам глубокого космоса. Где-нибудь в другом месте они могли бы рвануть вперед и оставить свет ковылять за собой, как инвалида за олимпийским бегуном. А здесь они не могли выдержать темп ленивой стариковской прогулки.

Уже неделю эти помятые остатки флота Пейна были в пути.

Плотный каменный пояс сменился не столь захламленным регионом, где в основном попадались обломки астероидов размером с небольшую луну. Траулеры стали набирать скорость. Караван растянулся.

— Мойше, ты все спрашивал о Верфях. Так вот они, — сказала Эми и указала на смотровой экран, перед которым они стояли.

— Да, но... — Мойше не видел ничего, кроме большого астероида, освещенного мощными огнями «Даниона». Вокруг него вращалось несколько булыжников поменьше. Фон был черен, без единой звезды. Все внешние источники света были скрыты пылью туманности.

«Данион» медленно подходил к большому астероиду.

— Что «но»?

— Здесь же ничего нет. Задний двор вселенной. Я ожидал тайной планеты. Может, даже Осириса. Чего-то из эпохи Первой Экспансии. Небывалых городов, сухих доков...

— Планетарных доков? А как ввести «Данион» в атмосферу? Или вытащить его потом из гравитационного колодца? Из кораблей вашего флота немногие могли бы попытаться.

— Но для ремонта корабля такого размера нужны тысячи людей. Десятки тысяч. Не говоря о черт знает как развитой промышленной базе и каком-нибудь хоть самом допотопном доке.

— Док прямо перед тобой.

— Что? Где?

— Смотри и увидишь.

Он стал смотреть. И увидел.

От астероида начал отделяться кусок скалы гаргантюанских размеров. Постепенно открылась ярко освещенная пещера, достаточно большая, чтобы вместить в себя траулер. Оттуда выпорхнули буксирные суда. Часть их стала толкать крышку, другие устремились к «Даниону», как прилежные пчелы к клеверной лужайке.

Бен-Раби разглядел вдалеке смутное сияние. Еще один астероид открывал свою каменную пасть.

— Мы заберемся внутрь?

— Точно. Ты на удивление быстро соображаешь.

— Хорошенькая пасть.

— Они запрут за ними дверь и заполнят пещеру воздухом. Так работа пойдет быстрее, а док укроет нас от любопытных.

— Какой дурак полезет в эту каменную кашу? Эти летающие жернова превратят его в муку.

Бен-Раби был удивлен стремлением сейнеров нырнуть в туманность даже больше, чем самим существованием туманности. Подобные астероидные мели встречались и в других пылевых туманностях.

— Нет, любопытных тут хватает. Мойше, это же туманность Трех Небес.

— Нет? Правда? Да, кажется, ты не шутишь.

Одна из самых жестоких битв Улантской войны развернулась на окраинных мелях туманности Трех Небес. После вой-

ны уцелевшие, вернувшиеся из плена, рассказывали о дрейфующих в туманности брошенных кораблях. Были среди них разбитые вдребезги, были и практически невредимые.

Туманность Трех Небес сразу обрела славу Саргассов космоса. Бросившиеся сюда на охоту за кораблями чужаков искатели сокровищ, ксеноархеологи и официальные исследователи редко возвращались назад.

— Экспедиции... в этом районе пропало пятнадцать или двадцать кораблей. Что с ними сталось?

— Мы интернировали их прежде, чем им удалось что-нибудь найти и броситься домой докладывать. Теперь они занимаются тем, для чего сюда и прибыли. Они только не могут вернуться домой.

— А зачем рисковать и устраивать базу здесь, где такое оживленное движение?

— Риск не так уж велик. Посетители заглядывают нечасто — мало кто суется в район, откуда никто не возвращается. К тому же это последнее место, в котором нас станут искать.

— И все же... Время от времени на Луне-Командной начинают поговаривать о том, чтобы послать сюда эскадрон истребителей для поддержки исследовательских кораблей. На случай, если корабли захватывают сангарийцы или Мак-Гроу.

— Если это произойдет, мы будем сражаться. И победим. Только дурак решится атаковать крепость, в которую мы превратили туманность Трех Небес. Мы обосновались здесь еще до Улантской войны. И времени на подготовку нам хватило. Это будет похоже на партизанскую войну. Мы считаем, что можем противостоять Конфедерации — если придется.

— Думаю, ваш оптимизм несколько преувеличен. Особенно для людей, которые не в состоянии справиться даже с акулами. Скажу наверное, когда увижу подробнее.

— Зачем ты это говоришь?

— Потому что я еще не встречал ни одного сейнера, который имел бы хоть малейшее представление о том, как велика и сильна Конфедерация. Или на что способна Луна-Командная, когда поставит себе цель. Или что ваше оружие — музейные экспонаты. На «Данионе» установлены тонны оружия, но один боевой корабль класса «Империя» мог бы изрубить в котлеты весь траулерный флот и даже не вспотеть.

— Думаю, ты сильно переоцениваешь свой флот. Наши недостатки были учтены при составлении планов обороны.

Бен-Раби решил, что лучше не спорить. Каждый из них говорил правду, и другой это знал.

— А детские сады у вас тоже здесь?

— Несколько. Со временем они все здесь будут. Колонизировать туманность — большая работа.

— Думаю, главным образом это техническая проблема.

— Да, но это требует времени и денег. Особенно денег. Нам приходится покупать все, что мы не можем производить самостоятельно, а это значит, что нам каждый раз приходится ждать аукциона, так как кредит наш очень ограничен.

— Ага, теперь я начинаю понимать, почему хорошим врачам приходится работать с примитивным оборудованием.

— Мы уже колонизировали более семи тысяч астероидов, Мойше, — гордо заявила Эми. — Но это только начало. Траулеры пострадали. Наши тайные убежища переполнены. Две сотни лет мы принимали к себе изгнанников Конфедерации — тех, кто не пошел за Мак-Гроу и не бежал во Внешние Миры.

Выражение «Внешние Миры» было столь же относительно, сколь и выражение «за пределами». Для бен-Раби, уроженца Старой Земли, это означало все, кроме самой Земли. На Луне-Командной под Внешними Мирами понимались планеты, не принадлежавшие к одной из семи планет—основательниц Конфедерации. Эти семь планет обычно называли себя Внутренними Мирами. Но на нечетко определенных границах Конфедерации Внешними Мирами называли населенные людьми планеты, не подписавшие федеральный пакт. Бен-Раби не знал, что именно имела в виду Эми.

— Ты не ответила на мой вопрос, — сказал он. — Почему именно здесь?

— Из-за промышленных преимуществ. Истории, которые рассказывали эти интернированные, оказались правдой. Здесь вокруг полно всякого лома. Нам удалось отыскать более тридцати тысяч обломков и покинутых кораблей. Построенных семью различными расами.

— Правда? — Мойше забарабанил пальцами. Он мог назвать пять, не считая человечества. Шесть, если считать доисторическую расу, которая построила Звездный Рубеж.

— Ну, улантские и людские, это понятно. Остались от войны. А что за остальные пять?

— Я думала, ты спросишь, зачем им было сюда прилетать.

Бен-Раби нахмурился. Хотела она поддеть его, показав, что знает больше, чем он? Подчеркнуть минимальное преимущество? Практически о любом предмете он знал больше, чем она, и она, кажется, воспринимала это как личное оскорбление.

— Думаю, потому что это подходящее место для засады. Вот зачем во время войны сюда пришел «Каролинец».

Ее улыбка сузилась.

— Да, и еще потому, что туманность лежит недалеко от космических магистралей. Мойше, здесь бои шли столетиями. Если не миллионами лет. За исключением обломков от Улантской войны, которых я даже не считаю, ни один из кораблей не был построен расой, с которой вы встречались. Еще до того, как человек покинул Старую Землю, они успели вымереть. Или ушли из этой части галактики. Все они были раньше тех рас, с которыми нам доводилось сталкиваться.

— Спросите о них звездных рыб.

— Спрашивали, не такие уж мы дураки. Но им нечего особенно рассказывать. Расам, состоящим из твердой материи, они уделяют не больше внимания, чем мы бактериям. Даже меньше, потому что мы любопытны, а они — нет. Однако мы почти уверены, что одна группа кораблей принадлежала расе, которая переселила предков сангарийцев с Земли на их Метрополию, где бы она ни была.

— Да? Не рассказывайте об этом Маусу. Он из вас всю душу вытрясет, чтобы добраться до них.

Только в этом столетии генетики наконец признали издавна бытовавшее мнение о том, что сангарийцы и люди происходят от одного корня. Человек с улицы не поверил бы в параллельную эволюцию, настолько близкую, что ее результат неотличим от человечества. Ученые колебались, ссылаясь на то, что на Старой Земле не обнаружено никаких следов внеземного вторжения.

И вдруг на темной стороне Луны была обнаружена заброшенная подземная база чужаков. Это потребовало серьезного пересмотра некоторых устоявшихся принципов. А тут подо-

спели подтверждения сообщений о том, что человеческая женщина может забеременеть от мужчины-сангарийца.

Самый прославленный — или бесславный — из сангарийских агентов, Майкл Ди, был наполовину человеком.

— Мы защитим Мауса от него самого.

Бен-Раби пристально вгляделся в лицо Эми. У нее было какое-то до странности свирепое выражение.

— Эми, я пробыл здесь уже почти четырнадцать месяцев, а ты все продолжаешь меня удивлять. Когда же кончатся твои сюрпризы?

В ожидании ответа он продолжал рассматривать пустотелый астероид.

— Мойше, что сталось с людьми, которые построили Звездный Рубеж?

— Возможно, мы так никогда и не узнаем. Если только кому-нибудь не удастся взломать оборону планеты.

— Это сделаем мы. Мы отправляемся назад. Вопрос был риторический.

— Одну секунду! Назад? К Звездному Рубежу? После всего, что произошло? Да вы спятили. Вы все тут просто психи.

Эми рассмеялась:

— Мойше, когда они исчезли, они оставили свои корабли. Оставили их здесь. Только одному Богу известно, сколько здесь их. Три Неба занимают около одного кубического светового года. Мы не исследовали и десятой части. У той расы здесь тоже были верфи и тайные убежища. Большинство кораблей, которые мы находим, принадлежали им. Мы думаем, что это была та самая раса, которая переселила сангарийцев. У нас есть исследователи, которые занимаются только одним — ищут их тайные убежища. Чем больше убежищ нам удастся отыскать, тем меньше придется строить самим.

— Она это серьезно, — проговорил он, обращаясь к черной пасти смотрового экрана.

— Абсолютно серьезно, дорогой. Абсолютно. Ну, на самом деле у нас нет полной уверенности в том, что все это — дело рук одной и той же расы, но компьютеры дают высокую вероятность. Видишь ли, Мойше, это в основном целые корабли, а не обломки. На некоторых даже до сих пор работают источники аварийного питания. Они пытаются отпугнуть нас мысленными шумами, как это делает Звездный Рубеж. К тому

же на всех на них не хватает одного. Кто-то снял с них все вооружение. Жаль, что у нас нет в распоряжении целой армии ксеноархеологов и антропологов. Это по-настоящему интересно. Каждый раз, когда мы оказываемся здесь, я отправляюсь взглянуть, над чем они сейчас работают. Ученые не торопятся. В основном это те, кого мы захватили, так что помогают они нам без особого энтузиазма. Иногда, правда, они готовят кое-кого из наших себе в помощники. Стариков или людей с врожденными дефектами, которые не способны ни на что другое.

— Это же бессмысленно, Эми. Люди не бросают хорошие корабли. И куда они отправились? Как? Почему? И если это именно они построили Звездный Рубеж, то зачем?

Она пожала плечами:

— Это же не люди, Мойше. Или люди не нашей породы. Не пытайся мерить их нашими мерками.

— Я этого и не делаю... хотя некоторые понятия, казалось бы, универсальны. Я просто обдумывал вопросы вслух.

— Вот из-за этих вопросов я и хотела бы, чтобы у нас было больше ученых. — Она переключила экран на носовую камеру. «Данион» уже глубоко вошел внутрь астероида. — Это могли быть те же самые существа, которые прорыли туннели на Луне-Командной. Но так ли это? Есть ли связь между Луной, Тремя Небесами и Звездным Рубежом? Ждали они, что мы найдем Три Неба и Звездный Рубеж? Дали ли они нам головоломку, которую мы должны решить? Не испытывают ли нас?

— Ты думаешь, они планировали вернуться?

— Кто знает? Этим вопросам уже не меньше сотни лет, а ответы еще не родились. И если нам когда-нибудь удастся на них ответить, на место каждого решенного придут три новых. Как бы там ни было, эти древние корабли — главная причина того, что мы здесь. Некоторые мы восстанавливаем и используем. Из них получаются отличные корабли сопровождения — если их удается приспособить. Некоторые мы пускаем на слом, строим из них траулеры. Закупки на стороне мы делаем лишь в случае крайней необходимости. Обычно мы действуем через свободных торговцев, которые за комиссию делают для нас закупки на планетах и доставляют сюда, на один из астероидов на границе туманности. Они понимают, что это толь-

ко перевалочный пункт, но не задают лишних вопросов. Лишние вопросы вредят бизнесу. И выследить нас они не особенно стараются. Хорошие ребята.

— Это камешек в наш огород?

— Если хочешь.

— Я подозревал свободных торговцев. Знал, что мы с Маусом попались не без их помощи. Слушай, есть у меня шансы взглянуть на один из этих кораблей? Я немного знаком с ксеноархеологией.

Перед его мысленным взором мелькнуло девичье лицо. Элис. Она была его возлюбленной, когда он учился в Академии. И работала тогда помощником на раскопках базы чужаков на Луне. Кое-чему научила его она, а остальному — Бюро.

Рано или поздно Бюро учило всему.

— Тебе придется спросить Ярла. Но не думаю, что он это позволит. Мы будем чертовски заняты восстановлением «Даниона». А кроме того, у тебя еще твои гражданские занятия и пивные вечера у Мауса.

— Только не начинай все сначала. Он мой друг, и я не собираюсь отказываться от нашей дружбы. Пара партий в шахматы время от времени никому не повредит. Если вы считаете, что мы готовим заговор против Великой Империи Сейнеров, лейтенант, можете организовать за нами надзор.

Она пропустила его сарказм мимо ушей.

— Мне не кажется, что это нужно. Я всегда... — Она остановилась, удержавшись от размахивания красным флагом. Их точки зрения давно определились, и спорить было бессмысленно. — Мойше, нам надо побыстрее привести в чувство «Данион». Флоты идут сюда. Как только они прибудут, мы отправимся на аукцион и на новую атаку на Звездный Рубеж.

— Звездный Рубеж, Звездный Рубеж! Я только о нем и слышу. Что за безумная идея. Эми, зачем нам второй раз совать шею в одну и ту же петлю? Посмотри, как дорого это обошлось в прошлый раз. Вспомни, я ведь тоже там был, был снаружи, со звездными рыбами. Я знаю, на что способна эта планета.

— Нам просто необходимо это оружие, Мойше. Ты видел доклад о потерях. Ты видел прогнозы. То, что творят акулы сейчас, через десять лет будет верхом миролюбия. Речь идет о

выживании, любимый мой. А ты все еще мыслишь категориями политики.

— Вы просто готовите себе гибель.

— В противном случае — тоже верная гибель. Но мы справимся со Звездным Рубежом. Честно. Рыбы действительно знают, как открыть туда дорогу. Они отыскали ключ, когда мы были там в последний раз.

— Да? — Головастик ничем на это не намекнул. — А сангарийцы или Конфедерация...

— Пусть хорошо рассчитают силы, Мойше, если собираются украсть у нас Звездный Рубеж. Потому что драка будет адская. Нас много, милый. И мы хотим драки. Времени такого не помню, когда бы нас не провоцировали. И нам надоело. Как только это оружие станет нашим...

— И еще акулы, милая. Не забудь об акулах. Да, веселенькая будет вечеринка. Как бы мне умудриться перевестись на наземную работу?

— А не надо умудряться. — Она рассмеялась. — Я только два часа как узнала. Вас переводят в Службу безопасности для работы на аукционе.

Она не сказала ему, что аукцион будет только подготовкой к более серьезной программе. Если они со Штормом покажут себя хорошими и верными работниками, то им поручат организовать собственную службу разведки. Эми не была уверена, что даже ее собственный шеф, Ярл Киндервоорт, уже поставлен в известность. Кажется, командир корабля не горел особым желанием обсуждать с ним свои планы.

— Аукцион? Об этом Маус всю жизнь мечтал. Как он в это влип?

— Ну, во-первых, не он один. Ты тоже. Через пару дней на борт начнут прибывать наши новые телетехи, а ты перейдешь в новый проект.

— Почему?

— Потому что бывал на Сломанных Крыльях.

— Да. И хотел бы об этом забыть.

Предыдущее задание Бюро привело его на Сломанные Крылья. Гнусное было дело.

— Именно там будет проводиться аукцион. Мы уже послали запрос на разрешение. Теперь остаются только чистые формальности.

— Формальности? Хочешь пари, что там будет шпион на шпионе — и от Конфедерации, и от сангарийцев? Ваш народ мало в ком вызывает добрые чувства...

— Она тебя здорово зацепила, да?

— Кто она?

— Та женщина, сангарийка. Эта... Мария Штрехльшвайтер.

— Что? Откуда ты знаешь?.. Маус. Язык бы ему оттяпать!

— Он это сообщил не слишком добровольно. И не мне, а Ярлу. Я обнаружила это, когда полезла в твое дело за чем-то другим.

— Ладно. — Его сердце бешено колотилось, а почему — он не мог бы объяснить даже себе. Да, влюбился он в ту женщину. Тогда он не знал, что она сангарийка. — Это уже в прошлом.

— Знаю. И давно знаю. Маус написал этот рапорт после того, как ты в нее стрелял. Мне кажется, он считал важным, чтобы Ярл понял, через что ты прошел.

Это было не похоже на Мауса.

— Она бы убила всех нас. Рано или поздно. Мне пришлось это сделать. Раньше я никого не убивал.

— В особенности тех, кого ты еще наполовину любил.

— Да. Можно сменить тему?

— А Маус на самом деле это сделал? Вколол ее детям звездную пыль?

— Да. Маус играет не на жизнь, а на смерть. И с совестью при этом в ладу. У меня не так.

— Ты и правда думаешь, что сангарийцы будут на аукционе?

— Будут. Они жаждут мести не меньше, чем Маус. Эми, я не хочу в это ввязываться. Я доволен своим положением. Мне нравится контактировать. Головастик — отличный друг. Просто сначала я был немного испуган. Я ведь начал со знакомства с другими членами стада... Черт побери, иногда я вхожу в контакт, чтобы просто посвистеть с Головастиком.

Бен-Раби говорил со звездной рыбой так свободно, как не мог бы ни с одним человеком. Позволяя звездной рыбе заглянуть в свои мысли, он не чувствовал себя обнаженным. Головастик не делал моральных оценок, к тому же его мораль не была человеческой. По сути дела, именно он помог Мойше обрести хоть какой-то мир с самим собой.

Некоторые уголки его сознания так и остались недоступны для звездной рыбы. За прочными стенами скрывались целые годы его прошлого. Мойше даже представить себе не мог, что там таится. У него не было ощущения, будто в его прошлом чего-то недостает.

Жизнь у сейнеров изменила не только его, но и Мауса тоже, подумал он. Шторм стал еще более уверенным в себе, надулся, как воздушный шар. И бен-Раби не удавалось выпустить из него воздух. Пару вечеров в неделю играть в шахматы — не то же самое, что каждую минуту стоять спина к спине под огнем.

Маус родился оперативником. Он поменял хозяина, но не профессию. Теперь он работал в команде Ярла Киндервоорта.

Полная свобода. Именно ее узнал бен-Раби после выхода из госпиталя. Да, именно так. Единственное, что слегка давило, так это настойчивые намеки Эми на брак. Неврозы его под влиянием Головастика ослабели, хотя, когда он попал к сейнерам, их бы хватило на двоих.

— Тут уже ничего особенного не увидишь, — заметила Эми.

Кормовые камеры тоже уже оказались внутри астероида. Буксиры тянули пробку на место.

— Что? Ах да. Надо бы попрощаться с Головастиком.

Он добрался до рубки контакта быстро, почти как в день битвы.

— Клара, где Ганс?

— Ушел. Нам пока нечего делать.

— Мне надо войти в контакт. А то говорят, что меня переводят.

— Не получится. Мы уже закрылись, Мойше. Через пару минут отключат питание. Да и стадо уже должно было выйти за дистанцию контакта.

— Клара, мне вряд ли представится другой шанс.

— Эх, Мойше, глупо это... Ладно. Ложись в кресло.

За пару секунд она обработала ему голову и надела сетку. Он еще не успел отдышаться, а шлем уже был у него на голове.

Мойше перешел в зону перехода и сразу дальше.

Туманность горела невероятными цветами. Жутковатое было место для глаз, совершенно темное, за исключением тех мест, которые освещались искусственно. В своей внутренней

вселенной Мойше мог потянуться и прикоснуться к каждой отдельной искорке. Вот облака люминесцентной пыли. Вот сияющие астероиды, величественно вращающиеся вокруг центра туманности по орбитам с периодами в миллионы лет. Мойше даже почувствовал зарождающуюся звезду, дремавшую в сердце туманности. Она спокойно спала в утробе времени, собирая силы, чтобы сиять миллиарды лет.

— Головастик, — позвал он, пробиваясь сквозь бурю цветов. — Ты здесь? Ты меня слышишь?

Сначала он думал, что ответа не дождется. Стадо расположилось далеко от границ туманности, за болевым порогом ее гравитации. Вдруг послышалось:

— Мойше, человек-друг? Что случилось?

Наконец-то!

Контакт был исчезающе слаб. Мойше едва различал мысли звездной рыбы. Ему никак не удавалось нащупать друга своим внутренним зрением.

— Я пришел попрощаться, Головастик. Мне сказали, что я больше не буду телетехом. Ты был прав. Они хотят, чтобы я снова стал тем, чем был.

— О, я опечален, человек-друг Мойше. Я опечален, потому что печален ты. Мы были хорошими друзьями. И мне приятно, что ты счел важным мне сказать. Другие контактеры просто исчезали. Может быть, в этот последний раз мы снимем с тобой эти барьеры, человек-друг Мойше.

Но и на этот раз перегородки в сознании Мойше не поддались.

— Мойше, — за многие километры долетел голос Клары. — Сейчас отключат питание. Тебе пора возвращаться.

— Прощай, человек-друг Мойше.

Бен-Раби ощутил грусть звездной рыбы.

— Счастливого плавания, золотой дракон, — прошептал он. — Мое сердце будет вместе с тобой в твоем долгом темном путешествии.

Печаль Головастика взмыла волной и охватила Мойше. Этого нельзя было вынести, и Мойше щелкнул левым выключателем.

Боли почти не было. Он очень недолго был во внутренней вселенной.

— Не надо, Клара.

Он оттолкнул шприц.

— Мойше, ты плачешь.

— Нет.

— Но...

— Не надо. Оставь меня в покое.

— Хорошо.

Судя по голосу, она обиделась. Он привстал в кресле и притянул ее к себе.

— Прости, Клара. Мы знакомы с тобой недавно, но ты была мне хорошим другом. Мне будет недоставать тебя, и Ганса тоже. Передай ему, чтобы вел себя как следует.

— Я прослежу. Он мой внук.

— Ого, я и не знал.

А что там было с сестрой Ганса? Или с матерью? Ах да. Погибла на «Джариэле». Клара ничем не выдала горя.

— Клара... Клара, приходи нас навестить. Придешь?

— Приду.

— Обещаешь? Эми будет счастлива с тобой познакомиться.

— Обещаю. А теперь убирайся отсюда, пока никто не позвонил шефу и не спросил, что за чертовщина тут творится.

— Спасибо, Клара. За все спасибо.

Назад Мойше возвращался не так поспешно. Он не рвался домой. Там ждет Эми с очередным лишенным изобретательности заходом насчет законного брака.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ:
3049 н.э.
ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

— Что случилось? — спросил бен-Раби. Он явился домой и застал Эми в неглиже. Всю неделю она играла в эти телесные игры. Играла в надежде, что плотское желание толкнет его на предложение. Ее ждало разочарование. Ему не семнадцать лет.

Эта тактика не очень удачно вписывалась в их отношения. Да и какое может быть будущее у отношений, в которых одна сторона вымогает чего-то у другой. Долго такого никто не вынесет. Бен-Раби считал, что свою долю таких отношений он выхлебал еще с Элис.

Не поэтому ли он так уперся? Потому что Эми вела себя, как избалованный ребенок?

Так почему бы и нет? Если он хочет жить в этом обществе, то должен подчиниться его культуре. А в ней не очень жаловали застарелых холостяков.

Старых холостяков, как правило, выталкивали за пределы общества. Там он теперь и оказался. Да и Маус, несмотря на источаемое им обаяние, тоже начинал скользить вниз. Роящихся вокруг него дам стало поменьше. Он слишком ясно показал, что годится только для развлечений, а не для долгой старомодной верности.

Эми — лучшее, что есть. Так в чем же дело?

Отчасти — в привычке. Он слишком долго был одиночкой, связанным профессией, где привязанность к человеку слишком легко становилась кандалами смерти. Вот почему задание за заданием он боролся с дружбой, крепнувшей между ним и Маусом.

Это ему не удалось, и Маусу тоже. Сейчас, правда, редко им удается увидеться... Жаль. Когда они наконец с этим смирились, жизнь вновь вывернулась и пустила их по расходящимся дорогам.

Но это кончится, когда он перейдет в Службу безопасности. Или нет?

— Во всем есть своя светлая сторона, — сказал вполголоса Мойше.

Думая о Маусе, он вспомнил о последнем совместном вечере. Он мог бы поклясться, что Маус намекал, будто с Эми надо что-то решать. Да это у них заговор!

За каким чертом Маусу его женить? Маус в институт брака не верит.

Следовало решиться. Но не слишком скоро. Нельзя, чтобы Эми думала, будто может им манипулировать.

Мойше обхватил голову руками, пытаясь уследить за мыслями, виляющими по причудливым путям. Путям, уводящим иногда далеко от здравого рассудка. Были моменты, когда он не знал, кто он и где он. Иногда он не понимал, что происходит вокруг и почему. Иногда он просыпался, думая, что вернулся на Сломанные Крылья или на Луну-Командную. Однажды ночью в постели он назвал Эми Макс... А как-то раз ему показалось, что она —

Грета... Однако, как бы тревожно эти случаи ни выглядели, это были отдельные случаи. До сих пор.

Они с Эми неистово, отчаянно предались любви.

Сразу после этого она немедленно начала одеваться.

— Что случилось? — спросил он.

— Ты забыл? Сегодня мы ужинаем с шейхом и его гаремом.

— Одну вещь я тебе сейчас скажу, женщина. И постарайся раз и навсегда понять. Этот человек — мой друг. Смирись с этим.

Мойше забыл об ужине. Совершенно забыл. И тени воспоминаний не было, что договаривались.

Часом позже они встретились с Маусом и редеющей компанией его куколок. У бен-Раби помимо воли забегали глаза. С Маусом было несколько милашек, с которыми сам Мойше тоже не возражал бы полежать. И он старался, чтобы Эми не заметила его взгляды. Уж если женщина так ревнует к другу...

«Это дело кончится неприятностями», — подумал он.

Вдруг появился Киндервоорт.

Ярл Киндервоорт был высоким худым человеком, напоминавшим Дон-Кихота или Бледного Императора из «Ярких золотых знамен» Чижевского. Как Эми и большинство сейнеров «Даниона», он был светлокожим, светловолосым и голубоглазым. Бен-Раби восхищался им как личностью и питал физическое отвращение к его внешности. Этого смешанного чувства он сам не мог понять.

Положение Киндервоорта в иерархии «Даниона» Мойше представлял себе не до конца. Очевидно, что Киндервоорт — непосредственный начальник Эми. Эми была всего лишь лейтенантом, младшим офицером, но при этом ее начальник отвечал за всю Службу безопасности «Даниона». Людей на корабле было не меньше, чем в приличном городе. Возможно ли, чтобы полиция была так малочисленна?

Высокие скулы и квадратный подбородок Киндервоорта придавали ему сходство с черепом. Его прозрачные глаза редко светились улыбкой. Холодному взгляду у него мог бы поучиться и сам Маус. При этом он был истинно добрым и отзывчивым человеком.

— Можно к вам присоединиться? — спросил он.

— Конечно, Ярл, — отозвался Маус. — Всегда тебе рады.

Эми и бен-Раби кивнули. Киндервоорт уселся за стол и уткнулся в свой поднос с ужином. Он не участвовал в веселой

перепалке. Не участвовал в ней и бен-Раби, а вот Эми как-то приободрилась и даже затеяла с Маусом пикировку рискованными шуточками.

— Ты уже сказала ему? — спросил Киндервоорт во время десерта.

— Что? Ох, я забыла, — отозвалась Эми.

— Сказала что? — спросил бен-Раби.

— Тебя переводят в Службу безопасности. С завтрашнего дня. Будешь работать по аукциону.

— Ах это. Я знаю.

— Кто тебе сказал?

— Я же не дурак, Ярл. Я могу играть дурака, но я подготовленный профессионал. Умею смотреть по сторонам и складывать два и два.

— Вот именно. Поэтому мы и хотим, чтобы ты работал по аукциону. Ты профессионал. И знаешь Сломанные Крылья. На этот раз флот Пейна получил неплохой пинок под зад. Пейн думает, что «Данион» должен обеспечить необходимую защиту нашей команды, которая будет участвовать в аукционе. Между нами, я думаю, что нам поручили аукцион потому, что Граберу не нужны на Звездном Рубеже люди Пейна.

— Что? Звездный Рубеж? Боже милостивый! Мне только остается надеяться, что явится черная дыра и заглотит эту ружейную пирамиду, как вишню в шоколаде.

— Мойше! Какого черта...

— Ярл, вы просто спятили, парни. Все до единого. Я не стану стоять на ступенях сената и вопить «Ид марта берегись!», но только потому, что ни у одного болвана ума не хватит послушать. Вы там угробитесь. Неужели никому не удастся вбить это в ваши дубовые головы? Впрочем, мне-то какое дело? Я всего лишь угроблюсь с вами. Ладно. Но зачем я вам на Сломанных Крыльях?

— Ты будешь начальником смены безопасности в Городе Ангелов. Ночной смены. Людей тебе я уже подобрал. И хочу, чтобы ты завтра начал их обучать. По нашим данным, дело может быть серьезным.

— Что я тебе говорил? — обратился бен-Раби к Эми, а потом снова повернулся к Киндервоорту: — Я рискую показаться нескромным, но почему именно я?

— Ты и Маус, вместе. Потому что вы знаете город.

— Ага. А Маусу, значит, поручается другая смена? Двенадцать часов кряду. Подожди-ка. На Сломанных Крыльях будет только девять, но и это достаточно хреново. Глядеть и глядеть, а за каждым углом прячутся ребята, готовые превратить тебя в пару головешек. Ты знаешь, во что ты нас просишь влезть?

— Во что?

Киндервоорт не смотрел ему в глаза. Он знал.

— Маус убил ее детей. Я стрелял в нее на корабле. Ты ее отпустил. Она будет там, даже если ей придется полгалактики проползти на брюхе. Как только она узнает, что наш флот готовится к аукциону... Она не станет заботиться о том, чтобы получить одобрение своего народа. Она явится туда, Киндервоорт. Вооруженная всем, что только найдет. Подумай об этом. Возможно, Главы поддержат ее, даже если им это будет не по вкусу. Им будет чертовски интересно узнать, что случилось с пиратским флотом у Звездного Рубежа.

— Еще что-нибудь, Мойше?

— А что?

— Мне хотелось бы выслушать все твои возражения прямо сейчас. Чтобы избавиться от них одним махом и заранее.

— Хорошо. Почему вы мне доверяете? Мне, которого вы застукали в тот самый момент, когда я наводил на ваше стадо флот Конфедерации?

— По трем причинам. Во-первых, ты перешел на нашу сторону. Я видел результаты твоих тестов. Во-вторых, тебя порекомендовал командир корабля. А третью причину я лучше оставлю при себе.

Бен-Раби пытался припомнить те тесты, которые он проходил до и после того, как решил остаться со Звездными Рыбаками. Все они казались довольно рутинными, но он мог что-то и не понять.

— Обычная работа охранника? Три часа сна и десять минут на личные нужды каждый день, да?

— Возможно, — улыбнулся Киндервоорт.

Его улыбка не произвела на бен-Раби желаемого эффекта. Она показалась Мойше скорее мрачной, чем дружелюбной.

— Тогда мне лучше поскорее уладить свои дела. Потому что я не надеюсь выбраться из этого дела живым. Мне хотелось отложить это на несколько дней, но теперь... Маус, хо-

чешь быть шафером? Ярл, тебя мы берем в свидетели. Приглашаются все. После церемонии вечеринка у меня. Если удастся раздобыть выпивку.

Несколько секунд все молчали. Маус тупо смотрел. Киндервоорту удалось принять удивленный и обрадованный вид. Девушки Мауса просто потерялись.

Эми продемонстрировала с полдюжины сменяющихся чувств. Непонимание. Растерянность. Недоверие. Шок. Разочарование, которое грозило обратиться в ярость.

— Так нечестно! — воскликнула она. Ей хотелось роскошного, пышного архаического праздника со всем блеском былых королевских венчаний. — Ты надо мной смеешься?

Друзья знали, как она ждала его предложения.

Ему пришлось быстро ее разуверить.

— Ярл, мы можем сделать это прямо сейчас?

— Можем начать через десять минут, если ты серьезно.

— Давай.

— Мойше, это нечестно! — крикнула Эми. — Ты даже не спросил моего согласия! Я не одета, мне даже нечего надеть, и потом...

У нее в запасе оказался целый список «но». Бен-Раби и Киндервоорт спокойно ждали, когда она выскажет их все вслух.

— Эми, так мне звонить или нет? — спросил Киндервоорт.

— Черт! — Она стукнула по столу своими кулачками. — Да! Да, гром тебя разрази! Звони! Мойше бен-Раби, ты самый вредный, самый невыносимый тип, которого я в жизни встречала! Как ты мог со мной так поступить?

— Эй! Да ведь ты сама только об этом и говорила...

— Разве не чудесна любовь? — произнес Маус в пространство. Эми прекратила злиться. Взгляд Мауса предупредил ее, что не надо испытывать судьбу слишком сильно.

Церемония была совсем не та, что ей хотелось бы. Мойше поцеловал ее и прошептал:

— Если я выберусь оттуда живым, то мы устроим настоящую свадьбу. По всем правилам, как ты захочешь. Обещаю.

Когда начался прием, Киндервоорт отвел в сторону Мауса и бен-Раби.

— Наконец нам удалось кое-что узнать о подстраховщике.

Когда контрактники с планет поднимались на борт корабля, который должен был доставить их в Конфедерацию,

какой-то человек попытался убить Мауса и бен-Раби, как только стало ясно, что они остаются. Потерпев неудачу, он совершил самоубийство. Тогда они решили, что это был подстраховщик, агент Бюро, которому поручили убрать их в случае провала.

— Наконец мы получили результаты вскрытия, — сказал Киндервоорт. — Это сангариец.

— Сангариец! — произнес Маус, как ругательство.

— Да. И он действительно совершил самоубийство. У него было кольцо с ядом.

— Никто его не убивал? Второго подстраховщика не было? — Бен-Раби покачал головой. — В этом нет смысла.

— В этом не было смысла и тогда, когда мы думали, что их было двое и один скрылся, — проговорил Маус. — Мне кажется, это был человек Штрехльшвайтер, а не адмирала. В этом контексте смысл появляется. Ей чертовски хотелось добраться до нас.

— Именно так я и подумал, — вмешался Киндервоорт. — До сих пор у меня оставались подозрения, что все это могло быть подстроено. Чтобы ваш случай был правдоподобнее. Теперь это уже не кажется таким очевидным, и все же я в растерянности. Она все время была под наблюдением. В полной изоляции. Как ей удалось с кем-то связаться? Как она передала приказ, если даже предположить, что подстраховщик был запрограммирован? Если у вас появятся какие-нибудь предположения на этот счет, дайте мне знать. Не хотелось бы думать, что ей помогал кто-нибудь из наших.

— Ну... — Бен-Раби бросил взгляд на Мауса.

Маус пожал плечами:

— Я был уверен, что подстраховщик — человек Бэкхарта.

— Вам доводилось слышать, чтобы сангариец кончал жизнь самоубийством?

— Это случалось. Вспомни Борровей.

— Это были дети. У них не было другого выхода, и они слишком много знали.

— Должно быть, его запрограммировали.

— Что здесь происходит? — спросила Эми. — Оплакиваешь жертву, Маус? Ты ведешь себя так, будто твой лучший друг только что умер.

— Поговорим потом, Маус. Нет, просто нам Ярл кое-что рассказал. Что-то вроде головоломки. Давай лучше потанцуем, милая.

Вечеринка выдалась невеселой. Длилась она недолго, как, впрочем, и медовый месяц. Рано утром Маус вытащил бен-Раби прямо из постели.

— Слушай, я ведь молодожен, чего ты пристал?

— Да брось ты. Ты уже восемь месяцев туда лазаешь, и от свадьбы ничего нового не появилось. Нас зовет Ярл. Пора приступать к подготовке.

Следующие четырнадцать часов бен-Раби провел, рассказывая о Городе Ангелов, изучая карты и уча новобранцев пользоваться личным оружием в специально отведенном для этой цели спортивном зале.

В его группе было двадцать пять человек. У Мауса столько же. Маус заставлял своих ребят снова и снова повторять приемы рукопашной схватки. Ему было легче — его ученики по крайней мере представляли себе, о чем идет речь.

Бен-Раби тоже добросовестно работал, но ему казалось, что сейнеры воспринимают все слишком серьезно, хотя и сам предчувствовал, что каша может завариться крутая.

Он колебался между уверенностью в том, что на Сломанных Крыльях сангарийцев будет плюнуть некуда, и противоположным мнением, что Служба безопасности флота так туго забьет щели, что ни один неприятель не пробьется.

На четвертое утро занятия вдруг прервало появление Киндервоорта.

— Извини, Мойше, сегодня придется снять тебя с занятий. У тебя экскурсия для кандидатов в граждане.

— А это не может подождать? Аукцион ждать не будет, а эти клоуны настолько плохи, что даже себя застрелить не смогут.

— Я спорил. И на меня цыкнули. По-моему, они считают важным, чтобы ты знал, за что сражаешься.

— Да? Прежде я этого не знал, а с работой справлялся...

— Что-то ты сегодня едкий.

— Достали. Чем больше я вижу, тем хуже это выглядит. Нам придется плохо, если эта штука вспыхнет римской свечой. Мы будем не готовы.

— Сделай все, что можешь, Мойше. Все равно большего никогда не сделать.

— Иногда этого недостаточно, Ярл. Я хочу сделать достаточно.

— Устрой себе сегодня выходной. Отдохни. Не думаю, чтобы это было так уж важно. Вам должны показать, как выглядит жизнь звездоловов, живущих не на траулерах. Может быть, хорошо будет тебе и от Эми отдохнуть. Не знаю, что с ней творится. Стервозна, как никогда. Житья в конторе не стало.

— Ты знаешь ее дольше, чем я. Сообразишь, что с ней такое, — расскажешь мне.

Появился Маус.

— Готов, Мойше? Я заарканил скутер. Вперед, пока кто-нибудь не выпустил его на свободу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ:
3049 н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Хел был ниоткуда. Бродячая планета-булыжник размером с Плутон, которая, как брошенный щенок, прибилась к первому встречному теплому телу. После этого Хел занялся делом и побежал вокруг неустойчивой Цефеиды, которая его усыновила. Даже в перигелии своей ленивой яйцеобразной орбиты Хел не получал достаточно тепла, чтобы на нем растаяла углекислота.

Хел был черным миром-неудачником, покрытым серебристыми морщинками льда, затаившимися в каньонах его сморщенной поверхности. Его солнце было всего лишь самой яркой звездой на небосводе. Никто не заподозрил бы о существовании подобной планеты, а если бы и заподозрил, то не стал бы тратить время на ее посещение.

Именно по этой причине Научно-исследовательское бюро флота Конфедерации сочло Хел превосходной базой для странного, опасного и сверхсекретного исследовательского проекта.

Станция Хел была спрятана в толще горы, как устрица в песке. Только в двух местах ее щупальца выходили на поверхность.

Эту станцию не должны были найти.

* * *

— Ион?

На Мареску стоило посмотреть. Камзол был потрепан, испачкан и измят. Чулки спадают складками. Парик набекрень. Косметика на лице расплылась и потрескалась.

— Ион? — во второй раз повторил Нейдермейер, поймав друга за локоть. — Слышал новости? Сюда прибывает фон Драхов.

Мареску резко отдернул руку.

— Кто?

Сейчас ему было безразлично абсолютно все, включая и новости Пола. Боль была слишком ужасной для смертного. Он выдернул из кармана грязный шелковый платок и вытер глаза. Пол не должен видеть его слез.

— Фон Драхов. Юпп фон Драхов. Парень, который командовал тем рейдом к Адским Звездам пару лет назад. Да ты помнишь. Репортеры прозвали его белокурым любимчиком Верховного Командования. Тогда поговаривали, что когда-нибудь он станет начальником Штаба флота.

— А-а, еще один из твоих милитаристских героев. — Чтобы лишний раз как следует поругаться по поводу служб, Мареску был даже готов на время выйти из самой сильной хандры. — Фашиствующий лакей.

Пол улыбнулся, но на удочку не попался.

— Только не я, Ион. Я слишком хорошо тебя знаю.

Ругани не будет? Мареску снова погрузился в свою внутреннюю реальность. Чертова кукла! Как она могла? Да еще с этим... с этим арапом!

— Эй, Ион, что с тобой?

Даже хуже, чем обычно? Ион Мареску слыл на станции местным чудаком и брюзгой, его даже звали мистер Хандра или мистер Уксус. Большинство людей старались вступать с ним в контакт ровно настолько, насколько этого требовала работа. У него был только один настоящий друг, астрофизик Пол Нейдермейер, была возлюбленная по имени Мелани Баундс, был шеф — женщина, с которой ему каким-то чудом удавалось поддерживать довольно приличные отношения, — Орлица Катте. Все остальные были всего лишь жертвой его злобных нападок.

— Фон Драхов? Да он же строевой, так? С чего бы это они стали раскрывать это место строевому офицеру? Они хотят его здесь запереть?

— Ион, приятель, что с тобой? На тебе лица нет. Почему бы тебе не спуститься вниз, не принять душ и не надеть наконец чистый джемпер?

Одной из самых интересных особенностей Иона Мареску было то, что он, казалось, вместе с одеждой менял и свою личность. В стандартной рабочей одежде флота его почти можно было терпеть. Когда он облачался в свой костюм архаиста, он превращался в упрямого, задиристого, злоязычного и неимоверно мрачного типа, будто половину времени он действительно жил мире Англии восемнадцатого столетия.

Мареску остановился перед настенным зеркалом в коридоре, игнорируя людей, которым он загораживал проход.

— Кажется, у меня слегка помятый вид? — сказал он себе под нос, потом поправил парик, расправил под подбородком брыжи и подумал: «Эх, была бы тут Англия времен короля Георга! Вызвал бы я мерзавца на дуэль и убрал это дерьмо сталью!»

Но ведь негров на дуэль не вызывали? Просто собрались бы несколько друзей и вздернули черномазого на сук. Если бы можно было сознаться друзьям в таком позоре.

Мареску не относился к числу самых изысканных архаистов станции. Многие из них приехали с маскарадными костюмами и результатами исторических исследований. Он увлекся архаизмом, только когда стал сходить с ума от изоляции. И с помощью Мелани сшил свой собственный костюм.

Он был предан своему хобби гораздо сильнее, чем остальные архаисты на станции, и гордился этим, как гордился своей хандрой, своими причудами и безупречностью работы над программами испытаний. Он любил думать, что он лучший во всем, за что берется, — даже в умении вызывать отвращение. И редко замечал неряшливость, проникавшую в его увлечение и привычки.

Мареску не стал тщательно изучать свою эпоху. Большую ее часть он просто выдумал. Верования и ценности эпохи своего хобби он создавал по когда-то и где-то слышанному.

Некоторые полагали, что слишком далеко зашедшее раздвоение между перфекционизмом на работе и халтурой в

исполнении роли является признаком глубокой внутренней тревоги, однако адмирал Адлер* была с этим не согласна. Она считала, что Ион работает на зрителя.

Мареску зашагал прочь. Он уже успел забыть о Поле. Нейдермейер снова ухватил его за руку.

— Ион, если я не могу помочь, кто же сможет? Мы долгие годы были друзьями...

— Здесь мне никто не поможет, Пол. Дело в Мелани. Я рано закончил смену. Кварковая трубка забарахлила. Частицы отклонялись от траектории чуть ли не на миллиградус. На орбитали их направить не удалось... короче, стенд отключили. А она была с Митчеллом.

— Понимаю, — пробормотал Нейдермейер, а про себя подумал: «Ну и что?»

Наверное, Мареску слишком заигрался. Может быть, об этом должен узнать психолог.

Человека, который начал путать нравы сегодняшнего дня с нравами эпохи своего хобби, они считают очень неуравновешенным.

Ион всегда был невротиком. Теперь он, кажется, на грани психоза.

— Как она могла пойти на такое, Пол?

— Успокойся, ты весь дрожишь. Пойдем со мной, дружище. Что тебе на самом деле надо — это огненная вода для успокоения нервов. Стоп! Пока что не будем об этом, слушайся своего доктора. Сначала выпьем, потом расскажешь, и мы что-нибудь придумаем.

— Да. Выпьем. Ладно. — Мареску вдруг решил проявить вежливость. — Расскажи мне об этом фон Даго.

— Фон Драхов. Рифмуется с Краковом, который в Польше.

— В Польше? А где эта Польша?

— Там, где выращивают китайских свиней, — усмехнулся Нейдермейер.

Мареску остановился. Его физиономия приняла озадаченное выражение. Потребовались секунды, чтобы сработала интуиция, которая делала его одним из лучших в Конфедерации создателем программ тестирования.

— Игра в ассоциации. Да мы же в нее уже сто лет не играли, правда? Польша. Китайские свиньи. Польско-китай-

* Орел (*нем.* Adler).

ские кабанчики. Не об этой ли породе говорили на днях в какой-то сельскохозяйственной передаче? Они хотят снова вывести вымершие породы?

— Мне не нравится, как они пахнут.

— Ладно, Пол, я пришел в себя. Успокойся. Лучше поведай мне повесть о твоем герое-кондотьере.

Нейдермейер не принял вызов.

— Я знаю очень немного. Просто подслушал какой-то разговор ребят из безопасности. Они с ног сбились, готовясь к его прибытию. Кажется, оно застало их врасплох. Ну, вот мы и пришли. Что будешь пить?

Они сошли с эскалатора в мягко освещенную комнату. Света здесь было ровно столько, чтобы посетители не натыкались на мебель.

Бар был оформлен так, будто он выходит на открытую поверхность Хела. Защитный купол был незаметен. Рассеянный свет не давал на стеклостали бликов. Сам купол высился на вершине горы, откуда открывалась странная панорама темных утесов и пугающих провалов, а над головой горел Млечный Путь, сияя мириадами самоцветов.

— Ты никогда не замечал, что здесь кажется прохладнее? — спросил Мареску по крайней мере в сотый раз со времени их знакомства. Он смотрел на слабо освещенную поверхность мертвого мира. Нестабильное солнце из созвездия Цефеид висело над пиком, высвечивая золотую дорожку. Когда планета была в афелии, оно казалось не больше ярких соседних звезд. — Выбирай ты, Пол. На сегодня у меня нет особых пожеланий, только наливай побольше.

Нейдермейер принес из бара стаканы и бренди.

— Фрэнсис, должно быть, ушел на этот шабаш в безопасности, — предположил он.

Обычно бар держал космический пехотинец с непроизносимым староземным именем, которое исследовательский персонал станции сократил до Фрэнсиса Бекона. У Службы безопасности дел было очень мало, и они часто тратили время на то, что могло сделать жизнь на станции более терпимой.

На Хел приезжали без обратного билета. Только руководитель исследований и начальник Службы безопасности иногда выбирались за пределы системы. По соображениям безопас-

ности на станции не было ни одной инстелной системы связи. Изоляция была абсолютной.

— Бренди? — удивленно спросил Мареску. Пол был убежденным приверженцем виски.

— Самое лучшее со Старой Земли. Делает жизнь почти сносной.

Мареску одним глотком осушил полстакана.

— Теперь они должны нас отпустить, Пол. Мы сделали им эти проклятые бомбы. Теперь мы просто суетимся и занимаемся косметикой.

— Должны, но не отпустят. Соображения безопасности. Пока нас держат здесь, никаких утечек не будет.

— Пол, как она могла?

— Ты же знал, что она...

— Когда связался с ней? Знал. Я все время это себе повторяю, но от этого не легче, Пол.

— Что мне тебе сказать?

Мареску уставился в свой пустой стакан.

— Ион... может, тебе не стоит налегать так на эту архаику. Постарайся вернуться в современный мир.

— Современный мир — мерзость, Пол. Разве ты не знаешь? В нем нет человечности. Ты, возможно, смеешься надо мной из-за этого костюма. Это символ, Пол. Это символ той эпохи, когда у людей были настоящие чувства. Когда было не наплевать.

— У меня есть чувства, Ион. Ты мне дорог. Ты мой друг.

— Нет, неправда. Ты здесь просто потому, что настоящие чувства тебе мешают.

Нейдермейер бросил на него недовольный взгляд. Бывали моменты, когда дружба с Ионом становилась тяжелой работой. Мареску не стал извиняться. Пол взял свой бренди, подошел к стене купола и стал смотреть на однообразную шкуру Хела. В змеиных глазах своего собственного бледного отражения он прочел тот же критический вопрос.

Надо ли доложить о состоянии Мареску? Неужели он уже так далеко зашел?

Стучать на друга никому не хочется. Эти ребята могли навечно запереть Иона в психушке. Их зоопарк психических отклонений, рожденных на Хеле, был самым процветающим предприятием планеты.

Слишком тонким был проект, чтобы доверять его психически неуравновешенным.

Но Ион был нужен команде. Ни у кого не было его уверенного и тонкого понимания систем тестирования. Пусть пока все идет как идет, и будем надеяться на лучшее. Встряска с Мелани может даже пойти на пользу, если вернет его к реальности.

Пол повернулся. Он посмотрел на тощего, низенького и усталого человечка, на лице которого отпечатались тысячи прожитых лет, а в маленьких черных глазах горели миллионы пережитых агоний. Верно ли он решил? В этих черных глазах горела мука — отсвет зарождающегося безумия.

Грохот потряс основы вселенной.

Снежный пейзаж полыхнул темным, кровавым багрянцем и почти сразу вернулся во мрак.

Лицо Мареску стало пепельным. Он подошел к стене купола и коснулся ее трясущимися пальцами.

— Пол... еще бы немножко, и... Если бы они случайно дестабилизировали испытательное ядро, нас бы выбросило в соседнюю вселенную.

Лицо Нейдермейера тоже побледнело от страха.

— Но ведь ничего не случилось, — выдавил он из себя.

— Все равно это безобразие. Надо же соображать!

Жалость к себе, которую испытывал Мареску, сдуло дыханием ангела смерти.

Он вглядывался в темноту снаружи. Бледный свет ярче подчеркнул глубокие тени. На фоне неподвижных звезд двигалась сияющая точка, разгораясь все ярче.

— Быстро опускаются.

Поверхность Хела полыхнула под фиолетово-белой бурей, поляризованной стеклом купола. Стекло держало световой напор, по внутренней поверхности купола пошли разводы, как от нефти на воде.

— Доктор Нейдермейер? Мистер Мареску? Не могли бы вы уделить мне минуту?

Они повернулись. На сходе с эскалатора стоял майор космической пехоты Готфрид Фейхтмайер. Он был заместителем начальника Службы безопасности и напоминал бравого вояку, сошедшего с плаката и призывающего вступать в армию. Квинтэссенция космического пехотинца.

— Спорить могу, он уже просыпается в таком виде, — буркнул Мареску себе под нос.

— В чем дело, майор? — спросил Нейдермейер.

— Нам нужна ваша помощь в арсенале. Два устройства для установки на борту.

Мареску стало нехорошо. Бабочки в его желудке надели подкованные ботинки и пустились вприсядку.

— Майор...

— Инструктаж в главной лаборатории через пятнадцать минут, джентльмены. Благодарю вас.

Нейдермейер кивнул. Майор начал спускаться по эскалатору.

— Ну? Они никогда им не воспользуются? — взорвался Мареску. — Ты болван, Пол.

— Может быть, и не воспользуются. Откуда нам знать... Может быть, какие-то полевые испытания.

— Не ври себе. Хватит. Эта проклятая бомба не нуждается ни в каких испытаниях. Я ее уже испытал. Они собираются взорвать чье-то солнце, Пол! — Губы Мареску двигались все быстрее и быстрее, голос поднялся до визга. — Не какую-нибудь звезду, Пол. Солнце, чье-то солнце. Эти проклятые мясники-фашисты собираются взорвать целую солнечную систему.

— Успокойся, Ион.

— Успокойся? Не могу! Не буду! Сколько жизней, Пол? Сколько жизней оборвется из-за хлопушек, которые мы сами дали им в руки? Они обдурили нас! Обвели нас вокруг пальца. Мы, слепые самодовольные идиоты, обманывали сами себя, заставляли себя верить, что до этого никогда не дойдет. Но мы лгали себе. Мы знали. Они всегда используют оружие, каким бы ужасным оно ни было.

Пол не отвечал. Мареску реагировал, не зная всех фактов. И говорил то, о чем думали и о чем молчали все остальные.

Для исследовательского персонала служба на Хеле была сделкой с дьяволом. Ученые продали свою свободу и талант в обмен на неограниченное финансирование любых исследований. Станция была сверхсекретной, но знания, которые на ней создавались, кардинально меняли современную науку. Здесь фонтанировали новые открытия.

Все, чего требовал флот в обмен на вложенные деньги, — это оружие, способное превратить солнце в сверхновую.

Теперь флот это оружие получил. Ученые огляделись по сторонам, обнаружили поблизости несколько дыр Хоукинга, оставшихся от Большего Взрыва, извлекли несколько мегатриллионов кварков из линейного ускорителя, опоясывающего Хел, рассортировали их, запустили на орбиты-оболочки вокруг этих мини-сингулярностей и установили эти ядра на системы доставки. Сама ракета-носитель сгорит еще в короне, но ядро проникнет в сердце звезды, кварковые оболочки схлопнутся, смешивая положительные и отрицательные частицы с освобождением невообразимой энергии, которая зажжет пожар синтеза гелия.

Флот получил оружие. Теперь, судя по всему, и цель для него.

— Что мы сделали, Пол?

— Не знаю, Ион. Помоги нам Бог, если ты прав.

Коридоры были запружены космическими пехотинцами. Мареску выругался:

— Я и не думал, что на станции столько этих мерзавцев. Они что, размножаются здесь? Где все остальные?

Не было обычной беготни научного и технического персонала. Гражданские вообще попадались редко.

В главной лаборатории им велели явиться в арсенал.

Перед красной дверью уже собрались трое гражданских. Директор, однако, была адмиралом Научно-исследовательского управления и только маскировалась под штатскую.

— Что за фарс! — рявкнул ей Мареску. — Две сотни опереточных солдат...

— Придержи язык, Ион, — шепнул Пол.

Директор и глазом не моргнула,

— Ты под наблюдением, Ион. Твой язык наживает тебе врагов.

Мареску растерялся. Обычно даже Орлица не огрызалась в ответ на его замечания.

— Что здесь происходит, Катте? — спросил Нейдермейер.

Мареску усмехнулся. Катте Адлер. Орлица Катте. Это было одно из тех метких прозвищ, которые вечно висят за спиной у нелюбимого начальника. У адмирала Адлер были резкие черты лица и нос, здорово смахивавший на клюв, к тому же во-

лосы она всегда зачесывала назад. Никогда еще фамилия так не подходила владельцу.

— Они решили забрать готовую продукцию, Пол. Ты будешь работать с их офицерами по науке. Ион, ты подготовишь программу тестирования для их бортовых компьютеров.

— Они собираются его использовать, да? — спросил Мареску.

— Надеюсь, что нет. Мы все на это надеемся, Ион.

— А в Санта Клауса вы тоже верите? — мрачно съязвил Мареску и взглянул на Пола. Нейдермейер хотел верить. Как и весь научный персонал, он был рад проглотить утешительную ложь.

— Корабль приземлился, майор, — доложил лейтенант-пехотинец.

— Понял, спасибо, — ответил Фейхтмайер.

— Пора за дело, — сказала Адлер. — Пол, возьми всех, кто тебе нужен. Ион, ты пойдешь на корабль и посмотришь, с чем будешь иметь дело. Как только напишешь предварительный отчет — сразу ко мне. Йозеф, свяжись с их орудийной командой и выбери из них людей для монтажа систем запуска. Остальное пусть делают ребята из мастерских.

— Нам придется делать все здесь? — спросил Йозеф.

— С нуля. Таков приказ.

— Но...

— Джентльмены, они спешат. Предлагаю вам начать.

— Они спустили с орбиты целый корабль? — спросил Пол. Корабли редко садились на поверхность планет.

— Спустили. Они не хотели терять время, работая на орбите. На это ушел бы лишний месяц.

— Но...

Это было опасно. Команда корабля будет с ног сбиваться, поддерживая равновесие гравитационного поля корабля с полем планеты. Одна ошибка — и корабль разорвет на части.

— В таком режиме работа не должна занять больше двенадцати дней, — подвела итог Адлер. — Если, конечно, ни на что не напоремся. Идем. — Она толкнула красную дверь.

Готовое оружие напоминало грозных смертоносных акул и ничем не походило на бомбы. На полу арсенала стояли четыре устройства. Каждое из них представляло собой черную иглу: сто метров в длину и десять в диаметре. Они были длин-

нее, чем шаттл, предназначенный для доставки их на орбиту. Антенны и хоботы зловещего оборонительного оружия выступали на темных шкурах, как редкие кустики на обгоревших склонах.

Это были полностью автоматизированные миниатюрные военные корабли. Место, которое на пилотируемых кораблях должна была занимать команда, было отведено для смертоносной начинки. Это были быстрые и хорошо защищенные снаряды, способные прорваться через мощную оборону.

До сих пор действие оружия исследовалось только в теории, но его создатели были уверены, что оно сработает.

Натягивая на себя рабочий костюм, Нейдермейер шепотом обращался к Мареску, пытаясь убедить его — и себя, — что они готовят устройства всего лишь для полевых испытаний.

— Я уверен, — настаивал он, — что наши доблестные финансисты просто захотели выяснить, что же они получили за свои денежки. Нельзя упрекать их за то, что им хочется попробовать их новую игрушку.

— Ага. Наш герой фон Драхов хочет пострелять навскидку по паре отдаленных звездочек. Так ты считаешь?

— Так.

— Ты дурак, Пол.

В арсенал вошла группа незнакомых людей. Они уставились на четыре черные иглы с явным благоговением и некоторой опаской.

— Который справа — фон Драхов, — шепнул Пол. — Я его помню по головидению. Только он выглядит гораздо старше.

— Немного седины вокруг жабр ему даже к лицу.

Фон Драхов, сохраняя безразличный вид, заговорил с майором и Катте Адлер. Катте повела всю группу вокруг одной из ракет. Унылое выражение лица фон Драхова сменилось некоторым интересом.

В этих больших и страшных устройствах было что-то, вызывающее в душе странный резонанс. Как пение сирен. Мареску сам его слышал каждый раз, когда прикасался к черным акулам, и почти стыдился себя за это.

— Маленькие мальчики играют с хлопушками, а большие — с бомбами, — пробормотал он.

— Остынь. Катте не зря сказала, что за тобой наблюдают. Ты же знаешь, что Фейхтмайер не относится к числу твоих поклонников, Ион.

— Я постараюсь держаться от него подальше.

Шли дни. Техники копошились у пары ракет, которые выбрал фон Драхов. Мареску тестировал их системы и руководил установкой оборудования для транспортировки. Йозеф подключал компьютеры ракет к системам управления огнем корабля фон Драхова. Техники разрабатывали и устанавливали адаптеры и переходники под стопорные кольца и пусковые направляющие на брюхе корабля.

Нейдермейер подготовил руководство для офицеров-ученых, ответственных за вооружение солнцеубийц и мониторинг их глюонного пульса во время полета. Требовалось отслеживать малейшие отклонения, которые могли бы предвещать взрыв кварковых оболочек.

Мареску не мог поверить, что им предстоит столько работы. Смены были долгими и напряженными. Он сочувствовал Полу, у которого личный исследовательский проект оказался под угрозой.

Нейдермейер следил за своим другом гораздо пристальнее, чем за пульсом глюонов, выискивая признаки психических аномалий. Казалось, Мареску даже слишком владеет собой. Сосредоточенность, почти фанатизм, с которыми он погрузился в работу, говорили об очень хрупком равновесии, за которым затаилось безумие. Но были и позитивные признаки. Ион сбросил с себя отрепья архаиста. Он начал уделять больше времени своей внешности...

Потом все закончилось.

В шлюзе к ним присоединилась Катте Адлер.

— Да польется рекой огненная вода! — провозгласила она. — Пора послать все к чертям и сорваться с цепи — на время.

Мареску как-то странно посмотрел на нее.

Праздник развернулся, как подгулявший Новый год.

Напряжение кончилось. Все споры были отложены в сторону. Чувство вины запихали в чулан. Ученые и техники прилюдно братались с военными. К компании присоединилась кучка офицеров фон Драхова. Они мало пили, много слушали и редко смеялись.

— Для них это только начинается, — пробормотал Ион. Он огляделся по сторонам. Его никто не слышал.

Фон Драхов был воплощением мрачности. Казалось, он на две трети погрузился в какую-то другую вселенную. Ион заметил, что, когда Пол попытался завести с генералом разговор об операции на Адских Звездах, тот глянул на Нейдермейера, как на маленькое ядовитое насекомое. Через десять минут фон Драхов вообще исчез.

— Кажется, друг мой, ты не произвел на него хорошего впечатления, — заметил Ион.

— Он очень щепетилен в этом плане, Пол, — подтвердила Катте. — Что для генерала странно. Жаль, ты не слышал, какая у них была стычка с Ионом.

Мареску встретил вопросительный взгляд Пола.

— Ничего особенного, я просто зашел немного дальше, чем следовало, вот и все.

— А в чем было дело? — спросил Нейдермейер.

— Речь шла о моральной стороне применения этого оружия, — объяснила Катте. — Фон Драхов оказался чуть ли не пацифистом. Ион был потрясен, когда узнал, что человек с такими убеждениями мог согласиться на использование такого оружия.

— Проблема Иона в том, что он абсолюционист. Он видит только черное и белое. С каждым днем с ним все труднее и труднее. Как ты думаешь, можно уговорить его пройти терапию не принудительно?

— Ты думаешь, у нас есть основания беспокоиться? Да, за ним водятся кое-какие странности, но я не вижу никаких признаков опасности.

— Иногда. В последнее время... он кажется мне очень странным. Если не считать его спора с фон Драховом, то в последние дни он крайне сдержан. А так не может продолжаться долго. Такое чувство, будто в нем таймер тикает. И возврат в прежнее состояние может быть взрывным.

Они говорили о Мареску так, будто тот отсутствовал, по той простой причине, что его действительно уже не было рядом, хотя ни один не отметил в своем сознании его уход.

Катте Адлер назвала фон Драхова тайным пацифистом, и Мареску захлестнула багровая ярость. Буквально багровая. Купол и люди стали расплывчатыми, нечеткими и красными.

Потом все прояснилось. Все стало предельно ясным. Он должен пойти к Мелани и объясниться.

Он брел по коридору. Казалось, время кончилось. У него было отчетливое чувство, что мысли звучат рядом с ним. Этот кондотьер фон Драхов... Проклятый служака просто выбил почву у него из-под ног. Гибкая мораль? Как такое может существовать? Поступок либо морален, либо нет. Звездная бомба была самым величайшим злом, придуманным военной мыслью. И он помог этому злу проникнуть в их вселенную. Он поддался соблазну... Он продался, как последняя шлюха...

Но должен же быть какой-то способ открыть им глаза на то, что они делают.

Мареску отчаянно затряс головой. Все вокруг было как в тумане. Виски стягивал стальной трос. Что-то не так. Мысли расплывались, уходили в сторону.

На мгновение он подумал, не найти ли психолога.

Фон Драхов снова засмеялся. Над ним.

— Ах ты гад фашистский!

Боже! Какой-то Торквемада затянул трос еще на один оборот. Череп раскалывался.

— Где я? — пролепетал он.

Ноги несли Мареску без его воли, но в определенном направлении. Он попытался сосредоточиться на окружавших его предметах.

— Что я здесь делаю?

Он хотел развернуться и пойти назад, но ноги продолжали двигаться в том же направлении. Куда он идет? Рука сама толкнула дверь Мелани.

Он был пассажиром в своем теле, а правил кто-то другой. И за действиями этого другого он мог только со страхом наблюдать.

Тихие вздохи и стоны хлестнули этого дьявола, как плети, обожгли, как заклятие колдуна. Ион смотрел на восьминогое двадцатипалое чудовище. Оно распухало и опадало. Дергались четыре слепых глаза. Три чавкающих рта испускали хлюпающие голодные звуки.

Ион, сидевший внутри, беззвучно вскрикнул и отвернулся внутрь себя, отказываясь видеть. Вокруг него сомкнулась темнота.

Неуклюжий кукольник дернул за веревочки, вытащил его из комнаты и повел по коридору неуверенными, виляющими,

пьяными шагами. Когда Ион-пассажир решил высунуть голову на поверхность, оказалось, что он стоит в арсенале, одетый в костюм времен короля Георга, склонившись над компьютером в бронированной кабине управления испытаниями. Панель таймера утверждала, что из его жизни исчезли бесследно целые часы. Руки и пальцы летали по клавиатуре парой танцующих бледных пауков.

Они делали что-то ужасное. Он не знал что, и они не остановились, когда он приказал. Он наблюдал за ними, как испуганный ребенок наблюдает за приближением смерти.

То тут, тот там в его мозгу вспыхивали какие-то картины — фрагменты пропавших часов. Ион Мареску ползет под длинной черной иглой. Ион Мареску протискивается по узким коридорчикам черного корабля, отключая устройства безопасности...

— Ион?

Голос Пола едва пробивался сквозь толстые пуленепробиваемые стекла кабины. Он кричал. Ион понял, что он кричит уже давно. Он недоуменно глянул на Пола, едва его узнавая. Но работу не прекратил. Это самое важное испытание из всех, что ему доводилось проводить. Впервые в жизни он занимался чем-то действительно стоящим. Он нашел свою святую миссию.

Какую? Он потряс головой, пытаясь рассеять туман. Тщетно.

Руки его порхали по клавишам.

Рядом с Полом появилась Катте. Они изо всех сил колотили кулаками в непроницаемое стекло. Женщина вдруг исчезла. Пол схватил с пожарного стенда топор и замахнулся.

Когда Ион поднял голову в следующий раз, весь ангар был забит военными. Прямо перед ним к стеклу прижалось побледневшее лицо майора Фейхтмайера. Его губы беззвучно шевелились. Он что-то кричал, но у Иона не было времени прислушиваться. Надо было спешить.

«Что там, черт побери, происходит?» — это выступила вперед та его часть, которая следила за происходящим со стороны.

Он кончил программировать последовательность испытания.

Каждая ракета должна была пройти имитацию запуска к солнцу Хела. Обычно Ион проводил испытания каждой системы поочередно, двигатели всегда были отключены, а устройства безопасности исключали запуск ракеты.

— Откуда нам знать, что двигатель сработает? — бормотал Мареску. — Мы что, будем верить на слово?

Пол и военные больше не пытались разбить стекло подручными средствами. Ион видел, как майор прокладывает вокруг двери серую липкую веревку.

— Пластиковая взрывчатка? Боже мой, что взбрело в голову этим психам?

Его правая рука метнулась к кнопке, которая запирала огромные двери арсенала. Именно через эти двери наемный убийца фон Драхов уже вытащил из арсенала две ракеты.

Люди разлетелись во все стороны, когда воздух арсенала вырвался в вечную ночь Хела. Мареску с удивлением смотрел, как разрываются и лопаются пузырями сломанные куклы их тел.

Левая рука плясала, инициируя начало испытания.

Арсенал заполнился ослепительным светом. Стекло кабины поляризовало его поток, но полностью блокировать не могло. Отключенные стопоры ракеты номер четыре поддались. Ракета рванулась вперед, слетая с направляющих. Она вырвалась на свободу, оставляя за собой сноп огня. На каменном полу арсенала осталась черная яма.

— Минутку, — проговорил Ион. — Минутку. Что-то не так. Так не должно быть. Пол? Где ты, Пол?

Пол не ответил.

Черная игла с раскаленным добела жалом хвоста замерцала в ночи. Очень быстро она превратилась в маленькую звездочку, эта звездочка отклонилась в сторону и направилась параллельно горизонту. Ракета устремилась к цели.

— Что происходит? — жалобно спросил Мареску. — Пол? Что стряслось?

Ушко черной иглы застыло на солнце Хела. Двигатели давали ускорение 100 g.

В кабине, где уже начало падать атмосферное давление, Ион Мареску понял чудовищные масштабы сделанного. Трясущимися руками он достал из ящика бланк предложения и начал писать рекомендации, согласно которым в будущем все

испытания должны программироваться так, чтобы запуск испытания одной системы автоматически блокировал выполнение всех остальных.

— Есть поле влияния, командир, — доложила лейтенант Калавей.

— Выходите в гипер, — отозвался фон Драхов. — И как только рассчитаете дугу, уничтожьте астронавигационную кассету с записью пути к Хелу. Джентльмены, напоминаю вам, что официально мы никогда не слышали об этом месте. Мы ничего о нем не знаем и никогда тут не были.

Он уставился на смотровой экран, потом со всей силы хлопнул по столу кулаком и в очередной раз задумался над тем, кто он такой, что делает и рассказали ли ему всю правду. На какое-то мгновение экран превратился в калейдоскоп — это корабль входил в гипер, — а потом почернел.

Семнадцать минут двадцать одну секунду спустя солнце мира, из которого он только что бежал, почувствовало первый укол черной иглы. Маленькая гамета — творение человеческих рук — оплодотворила гигантское водородное яйцо. Через несколько часов начнется цепная реакция вспышки сверхновой.

Уцелевших не будет. Служба безопасности не допускала присутствия на Хеле ни одного корабля. Персоналу станции оставалось только смириться и ждать своей судьбы.

Нигде во вселенной не существовало ни клочка информации о величественном и смертоносном оружии, созданном на станции Хела. Это тоже было одной из предосторожностей Службы безопасности.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ:
3049 н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Маус направлялся к той же стыковочной станции, где произошло самоубийство сангарийского агента-подстраховщика. Там уже набралось с полдюжины совершенно растерявшихся бывших наземников. Маус и бен-Раби были последними. Все остальные, кроме одного, были женщинами.

— Они еще не появлялись, Элен? — спросил Маус.

— Нет. Ты что-нибудь слышал? Не знаешь, зачем это?

— По правде сказать, нет.

Бен-Раби перестал прислушиваться к разговору. Он снова вернулся к тем минутам, когда люди Киндервоорта явились обезоружить Мауса и он оказался на линии огня подстраховщика. Мойше подошел к тому месту, где стоял тогда, и медленно повернулся.

— Ярл был здесь. Маус — там. Еще кучка людей — вот тут. Прежде чем показался Ярл, они увезли реанимационную каталку с Марией сюда, потом ее доставили на корабль сопровождения.

Он раза три мысленно проиграл эту сцену и не смог вспомнить ничего нового. Тогда мысли его были заняты другим. Он поверил, что Маус хочет увезти его хитростью, и не хотел улетать, потом его отвлек Ярл...

— Эй, Маус! Давай повторим это вместе. Может быть, ты что-нибудь придумаешь.

В отсек въехал скутер. С него сошла пара незнакомых звездоловов.

— Вы класс по гражданству? — спросила женщина.

— О, привет! — воскликнул Маус тоном человека, увидевшего посреди пустыни цветущий оазис.

Женщина отступила, ее глаза расширились.

— Должно быть, Шторм, — сказал мужчина. — Моя жена, мистер Шторм.

— Н-да... Иногда получается, иногда нет. Не попробуешь — не узнаешь.

— Надеюсь, вы не будете пробовать. Ладно. Давайте проверим список и начнем. Кажется, все в порядке. Голов столько, сколько и должно быть. Хорошо. Сейчас мы покинем корабль через люк для персонала и направимся в рабочий док одного из причалов. В рабочей зоне гравитация нулевая, так что упасть не бойтесь. Следуйте за мной.

Он подошел к люку, открыл его и вылез наружу. За ним последовали будущие граждане сейнеров.

Маус постарался задержаться, чтобы оказаться поближе к женщине.

Бен-Раби пнул его локтем под ребро.

— Брось, не лезь к ней.

— Мойше, она сводит меня с ума.

— Да уж, первый сорт. Но она замужем, а новые враги нам не нужны.

— Ты не понял. Это не секс. Да, она хороша. Первый сорт, как ты говоришь. Но я о другом. Это первый человек из Внешнего Мира.

— О чем ты говоришь?

— Она не с «Даниона».

— Черт возьми, откуда ты знаешь? — сказал бен-Раби, пролезая через уже третий люк шлюза. — Может, ты здесь хорошо поработал, но вряд ли добрался до всех. На данном этапе. Мы не встречались и с сотой долей команды «Даниона».

— Но все, кого мы встречали, — одного замеса. О Боже!

Бен-Раби выбрался наконец из корабля. Он стоял на его обшивке и протягивал руку Маусу. В обе стороны простирались трубы, кубы, рельсы, шипы... Многие гектары искореженного металла. Над головой еле заметно изгибалась зеркально отполированная каменная поверхность астероида. Нос «Даниона» не доставал до нее какой-нибудь сотни метров.

Именно эти сто метров и внушали Маусу ужас.

Маус до смерти боялся падения. Эта фобия вылезала наружу во время взлета и приземления, когда верх и низ приобретали определенное значение.

— С тобой все в порядке?

Шторма трясло. Лицо покрылось каплями пота. Он два раза взмахнул руками над люком, будто утопающий, пытающийся за что-нибудь ухватиться.

Остальные уже шли, перехватывая руками по канату, который тянулся от корабля до самой поверхности астероида.

— Давай, Маус, это не так уж страшно.

Черт возьми, как с такой фобией ему удалось пройти упражнения по внешним работам и тренировочные полеты на посадочных модулях, которыми их заставляли заниматься в Академии?

Эта слабость Мауса не переставала изумлять бен-Раби. Ничего другого этот парень не боялся. Свист пуль и шипение лазеров были для него лишь неизбежными шумовыми эффектами его работы.

Его работы!

— Мозг убийцы, Маус. Переключайся на мозг убийцы. — Так называлось особое состояние медитации, только вот в этом состоянии Маус становился самым опасным человеком на свете.

Или он уже потерял практику?

Дрожь Мауса постепенно улеглась. Глаза стали стеклянными.

— Хорошо, — проговорил бен-Раби. — Идем. Медленно. Берись руками за канат и двигайся к поверхности. Хорошо. Хорошо. Теперь к этому выступу.

Мойше говорил мягко, без всякой интонации. В этом состоянии с Маусом нужно было обращаться очень мягко. Любое происшествие могло спустить его с цепи. Любой, незапрограммированный как союзник, мог сильно пострадать.

Женщина-инструктор нагнала бен-Раби.

— Что с вашим другом?

— Он боится высоты.

— Офицер флота?

— Знаю. Но постарайтесь эти несколько минут быть поосторожнее. Держите группу подальше. Он сейчас нестабилен.

Бен-Раби дотащил Мауса до балкона, повернул спиной к кораблю и начал тихим голосом успокаивать. Через пять минут Шторм спросил:

— Ты встречал на «Данионе» хоть одного человека, который не был бы блондином с голубыми глазами?

— Встречал, но мало.

— А кого-нибудь с черной кровью?

— Никого.

— Значит, я прав. — Маус бросил взгляд на траулер. — Проклятие, он прекрасен!

— Да?

— Новая перспектива, Мойше. Здесь нет верха и низа.

Бен-Раби оглядел помятый корабль.

— Маус, думаю, нас просто надули.

— Что?

— Мне показалось несколько странным, что нам пришлось проделать такой путь, я даже собирался спросить нашего гида, неужели они не придумали ничего лучшего. Посмотри. — Он кивнул в сторону корабля.

В каком-нибудь полукилометре от них скалистую поверхность астероида связывала с кораблем телескопическая труба. Вдалеке бен-Раби заметил еще десяток таких же труб. Каждая из них была достаточно велика, чтобы беспрепятственно доставлять на траулер громоздкое оборудование.

— Как ты думаешь, это сделано специально для нас или для всей группы?

— Спокойнее, — предложил бен-Раби.

— Это я облажался, Мойше. А ты на моем фоне — просто образец декорума.

— А эти двое — часть плана?

— Это уж наверняка. Вопрос только в том, специально ли нам хотели это продемонстрировать, или они просто неумело действуют?

— Если цитировать некоего адмирала, который в былые времена отдавал нам приказы: «Сиди в камышах и дай им показать свои карты». Он умел объединять пословицы.

— Как твои рассказы, Мойше?

Они повернули вслед за парой своих гидов, которые загоняли остальных в туннель.

— За целый месяц не написал ни одной страницы. Сам не знаю почему.

— Время?

— И это тоже. Но прежде я всегда находил время.

Помимо всех прочих увлечений, бен-Раби пописывал короткие фантастические рассказы. Тысячи лет назад, на пути с Луны-Командной на Карсон, он мечтал о миссии к звездоловам, как о каникулах, за время которых можно будет много написать. Он рассчитывал пробыть там не более шести недель. Адмирал обещал... Прошел год, а он закончил всего один несчастный рассказ, да и тот куда-то запропастился. Он не видел рукописи уже несколько месяцев.

Покинув центральную полость астероида, они оказались в поле действия искусственной гравитации. Между берегом и кораблем не было особой разницы.

— О Господи! — вздохнул Маус. — Новые метки на старых штанах. Через несколько лет, Мойше, нам все это порядком поднадоест.

— Жалеешь, что решил остаться?

Маус бросил на него быстрый взгляд.

— Нет.

Его лицо приняло несколько странное выражение, но бен-Раби не обратил внимания.

— Смотри-ка, Маус, дети. Я не видел детей с тех самых пор, как мы покинули Луну-Командную.

— Ура.

— Да брось ты. Взгляни-ка лучше, это, должно быть, школьная экскурсия.

Дюжина малышек лет восьми хихикали, окружив какого-то старика, который каркающим голосом что-то рассказывал. Несколько девочек передразнивали своего учителя, стоя у него за спиной. Остальные строили рожи насмешницам.

— Перезвони мне через десять лет, — отозвался Маус. — Пока они не созреют, мне от них никакой пользы.

— Ну почему тебе всегда надо...

— Это что, преступление, не любить детей? Кстати сказать, что-то я не замечал, чтобы ты с ними ладил. Я, конечно, не говорю о сынишке Юппа и этой твоей Грете. Ей было шестнадцать, но можно было дать все двадцать шесть.

Юпп фон Драхов был их товарищем по Академии. Теперь он служил мальчиком на побегушках при Высшем Командовании. Он помогал им в операции на Сломанных Крыльях. Позднее именно его назначили командовать подразделением, которому поручили перехватить флот Пейна. Так они предполагали. Он приблизился слишком поспешно, и его обнаружили. Именно поэтому Мойше и Маус застряли у сейнеров, и им пришлось отработать год, положенный по контракту.

— Хорст-Иоганн. Когда мы в последний раз были на Луне-Командной, мне так и не удалось с ним повидаться. С тех пор прошло уже два года. Проклятие, как летит время! Бьюсь об заклад, что он уже вырос на полметра.

— Господа, мы пообедаем в одной из рабочих столовых, — сказал гид-мужчина, — а потом вам покажут наши обычные ясли. Не стесняйтесь. Общайтесь с людьми. Им не менее интересно познакомиться с вами, чем вам с ними. Мы только просили бы вас держаться вместе. Если кто-нибудь из вас потеряется, всех нас ждут неприятные объяснения.

— Замечательно, — сказал Маус. — Еще одна новая метка на старых штанах. Неужели люди питаются только в этих черто-

вых забегаловках? Я бы продал душу, чтобы иметь собственную нормальную кухню.

— Ты умеешь готовить?

— Я человек неисчерпаемых талантов, Мойше. Думаю, именно это я и буду делать на Сломанных Крыльях. Придумаю, как готовить себе домашнюю еду. И жрать ее в укромном месте, а не посреди футбольного поля на глазах у пяти тысяч зрителей.

— Маус, у тебя сегодня колеса в разные стороны вертятся.

— А я вчера колес не глотал. И кроме того, я не люблю макаронных изделий, а вся эта экскурсия — сплошная лапша на уши и притом даже без кетчупа.

Столовые на астероиде были точно такими, как опасался Маус. Еда тоже. И разговор шел вяло, пока Маус не пошел на обострение:

— Грейс, зачем вообще нужна эта экскурсия?

— Я не понимаю вашего вопроса, мистер Шторм.

Мойше тихонько усмехнулся. Женщина почувствовала неотразимое обаяние Мауса. Поймав себя на этом, она стала держаться чопорно, как школьная учительница.

— Это упражнение по запудриванию мозгов. Вы оторвали нас от работы, на которую у нас и так не хватает времени. Вы заставили нас тащиться по этой чертовой проволоке, до умопомрачения водили по коридорам, хотя все то же самое мы могли увидеть, спокойно сидя в автобусе. Вы обещали, что мы увидим, как живут сейнеры, когда сходят с кораблей, но мы видим все то же самое. А раз вы похитили нас только на один день, значит, вы вообще ничего не собираетесь нам показывать. Дураку ясно, что даже поверхностное представление о такой цивилизации, как ваша, не составишь меньше чем за пару месяцев.

И без того смуглое лицо женщины потемнело от смущения.

— Вот смотрите: сидим мы здесь, восемь бывших наемников, стараемся хорошо себя вести и думаем, то ли это какая-то проверка, то ли нас надо было на время убрать с «Даниона»... В любом случае это глупо. Вы зря тратите свое и наше время.

— Мистер Шторм...

— Не обращайте на него внимания, — перебил Мойше. — Просто он стареет. В былые времена он был терпимее к подобным играм.

Маус улыбнулся и подмигнул. Бен-Раби улыбнулся в ответ.

Гиды окинули взглядом остальных экскурсантов. Те ничего не говорили, но на их лицах отчетливо читалось согласие.

— Тогда нет смысла продолжать, — проговорил мужчина. — Ваша реакция сама за себя говорит. Заканчивайте обед, я сейчас вернусь.

Он исчез.

— А в чем же был смысл? — спросил бен-Раби.

— Я всего лишь исполнитель, — пожала плечами Грейс.

— Психолог?

— Как вы догадались? — изумилась она.

— Нюхом их чую. Вы действительно его жена?

— Нет. — Она слабо улыбнулась. — Это мой брат.

— О-о-о, — шепнул Маус. Его услышал только бен-Раби.

— Маус, ты что, проглотил что-нибудь радиоактивное?

— С чего ты взял?

— А ты засиял.

Дама-психолог не обладала достаточным иммунитетом против шарма Мауса, и тот успел назначить свидание прежде, чем вернулся ее брат. Бен-Раби не сомневался, что Маус сделает это свидание весьма интересным.

Мойше не мог постичь, в чем заключается метод Мауса. Даже понимая, что ими манипулируют, даже зная репутацию Мауса, женщины падали в его объятия. Кажется, именно репутация Мауса подстегивала их интерес.

Их гид вернулся. Он поставил свой неоконченный обед на конвейер с грязной посудой и нетерпеливо дожидался, когда остальные последуют его примеру. Он хмурился в сторону Мауса, который пустил в ход тяжелую артиллерию, и теперь Грейс, как школьница, хохотала над анекдотами бородатыми, как мамонты, которые появились позже.

— Стиль, — сказал про себя бен-Раби. — Вот что у него есть.

— Простите? — обратилась к нему одна из экскурсанток.

— Беседую сам с собой, Элен. Это единственный способ поддерживать интеллектуальную беседу.

— Ты думаешь, они на нас за это обозлятся?

— Может быть. Вероятнее, друг на друга. Как сказал Маус, глупая была идея, в чем бы ни был ее смысл.

— Если только это не прикрытие.

— Это тоже возможно.

У дверей кафе их поджидал автобус. Через десять минут они уже были в шлюзовом отсеке, который недавно покинули с таким трудом. К этому времени Маус уже держал Грейс за руку. Она уже мурлыкала и с трудом могла дождаться вечера.

— Шторм! — рявкнул ее брат. — Вернитесь в свой отдел. Все остальные, тоже на рабочие места. Грейс, ради Бога...

— Ради Бога заткнись, Берт.

— Да у него и имя есть, — тихонько заметила одна женщина. Мятежные настроения Мауса оказались заразительны. Сейнеры попытались навязать что-то наземникам, и теперь те отвечали колкими насмешками.

— Хватит, Маус, — проворчал Мойше. — Давай больше не влезать ни в какие дрязги.

— Ладно. Так, значит, в восемь, Грейс? Пока, лапонька.

Шторм прыгнул в скутер, который доставил их в этот отсек. Мойше устроился сзади.

— Новые миры, которые надо завоевать?

— Это только с одной стороны, Мойше. И эта сторона уже начинает мне надоедать. Должно быть, они вступили в соревнование. С премией для девчонки, которая набросит на меня аркан. Они просто не поймут, если я скажу «нет» и предложу братскую дружбу. Странный народ.

— Какого черта вы здесь делаете? — спросил Киндервоорт, когда они вошли в спортзал, где он занимался с особо отстающими стрелками.

— Сюрприз! — огрызнулся Маус. — Игра остановлена из-за дождя.

— О чем он говорит, Мойше?

— Это было какое-то упражнение в идиотизме. Уверен, что ты в курсе дела.

— Я говорил ему, что это глупо.

— Говорил кому?

— Командиру корабля. Он имеет на вас двоих какие-то виды. Точнее не знаю.

— Напомни ему, что я перешел на вашу сторону, в частности, потому, что здесь со мной не будут играть в игры. Я

хотел иметь работу с понятным для меня смыслом. Передай ему: если эта чертовщина будет продолжаться, я спрячусь в рубке контакта и прикую себя к креслу. А свой аукцион пусть засунет, куда солнце не светило. Тоже, кстати, идиотская операция.

— Успокойся, Мойше. Принимайся-ка лучше за работу.

— Приятно видеть, что ты еще умеешь становиться на дыбы, — заметил Маус, когда Киндервоорт отошел.

— Только мне нужно время, чтобы распалиться.

— Ладно, давай-ка приниматься за работу, как говорит наш начальник. Нам этих клоунов еще муштровать и муштровать.

На следующее утро, идя по людному коридору, Маус, не шевеля губами, чуть слышно шепнул бен-Раби:

— Мойше, они использовали это время для того, чтобы установить новые жучки. Профессиональная работа. Лучше, чем все, что сажает Киндервоорт. Такие, которые подключаются к анализатору стрессов. За нами следят во все глаза, Мойше. Отныне играй только наверняка, где бы и с кем бы ты ни был.

— Что они ищут? Нам же нечего скрывать.

— Кто знает? Но не забывай, что они ищут.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ:
3049 н.э.
ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Бен-Раби пытался выдернуть из правого уха два упрямо торчащих волоска.

— Готов, дорогой? — окликнула Эми.

— Еще полминуты. — Ему было не по себе и не хотелось идти, однако отговорки и отсрочки кончились. Он должен познакомиться с семьей Эми. С такой, какая она есть.

Он должен быть продемонстрирован матери. Первоклассный трофей, подумалось ему. Бывший наземник, ставший сейнером, на взлете карьеры. Славная добыча для любой одинокой девушки.

Так он стал воспринимать чувства Эми. Прелесть новизны уходила. Магия исчезала. Он стал объектом оценок, а не чувств.

В нем тут дело или в ней? Правильно ли он ее понимал? Женщин он всегда понимал неправильно.

— Мойше, ты идешь?

— Как я выгляжу? — спросил он, выходя из ванной.

— Превосходно. Идем, мы опоздаем на шаттл.

— Я хочу произвести хорошее впечатление.

— Не беспокойся, мама обрадуется и крокодилу, только бы выдать меня замуж.

— Ну спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Послышалось что-то от прежней Эми.

Они взяли скутер и через одну из труб, связывавших корабль с астероидом, добрались до внутренних помещений. Пролетая мимо дверей, на которых болтались временные таблички, Эми снизила скорость. Для Мойше названия на табличках были китайской азбукой.

— Вот здесь.

На табличке было написано «СТАФИНГЛАС». Эми приткнула скутер в табунок таких же, присосавшихся к зарядным розеткам.

— Стафинглас, что это значит? — спросил Мойше.

— Не знаю. Наверное, какое-то сокращение.

— Это место, где живет твоя мать?

Эми кивнула:

— Идем, нам надо спешить. Через пару минут из шлюза начнут откачивать воздух. После этого нас уже не пустят на борт.

Сможет ли он задержать их на две минуты? Мойше решил, что это было бы неплохим трюком. Интуиция подсказывала ему, что путешествие будет только потерей времени, но для Эми это важно. Значит, надо сжать зубы и вытерпеть.

Шаттл оказался маленьким тесным суденышком, годным только для перевозки пассажиров. Когда Мойше и Эми поднялись на борт, все места уже были заняты. Человек десять стояли в проходах. Бен-Раби узнал кое-кого из команды «Даниона».

— У команды «Даниона» много родственников на этом Стафингласе, да?

— Ага. Старые траулеры похожи на семейные предприятия. Три или четыре поколения служили на одном корабле. Это становится традицией. Почти никто не уходит на корабли другого флота. Уже идут разговоры о том, чтобы компьютеры набирали новые команды по жребию.

— Бьюсь об заклад, что идея популярна, — улыбнулся Мойше.

— Как бубонная чума.

Когда шаттл прибыл к месту назначения, у него уже гудели ноги и ломило в спине. Перелет занял шесть часов. И все время стоя.

Стафинглас оказался именно таким, каким его представлял Мойше. Астероид, пронизанный бесконечными километрами широких туннелей, которые заменяли здесь улицы.

— Как дома, — сообщил он Эми. — Это в точности напоминает Луну-Командную.

— Правда? — Она кинула на него удивленный взгляд.

— В меньших масштабах. — Ему хотелось заметить ей, что это не самая естественная и приятная среда обитания. Вместо этого он спросил: — Ты когда-нибудь бывала на настоящей планете?

— Нет. А что?

— Да ничего, просто любопытно.

Он не мог объяснить. Она просто не поняла бы его.

— Что-нибудь еще, что мне следовало бы знать о твоей матери? Мне хотелось бы произвести на нее хорошее впечатление.

— Прекрати это повторять, — огрызнулась Эми. — Говори о вещах очевидных и не ошибешься. Избегай споров. Она упряма, как черт. Она может препираться просто для того, чтобы выяснить, насколько упрям ее оппонент.

Он искоса посмотрел на нее.

— Когда я была помоложе, у нас с ней шли постоянные баталии. Ей не нравились ни мои знакомые, ни мои увлечения. Говори о библиотеках, если тебе о них что-нибудь известно. Она — библиотекарь Стафингласа.

Чем больше Эми рассказывала о своей матери, тем меньше хотелось Мойше с ней встречаться. Ему уже доводилось сталкиваться с драконами. И это ему не нравилось.

— Вот мы и пришли.

Эми остановилась перед дверью, явно заставляя себя сделать последний шаг.

— Ну?

Закусив губу, Эми постучала.

Четыре часа спустя они извинились и отправились обедать. Ни один не произнес ни слова, пока они наконец не поставили свои подносы на столик в кафе.

— Боже, у меня голова раскалывается, — пробормотал Мойше, усаживаясь за стол.

— Голова? Неужели снова?

— От напряжения, не бойся, это не мигрень.

Ему пришлось плохо. Гораздо хуже, чем он ожидал. Эта женщина оказалась классической тещей. Он бросил взгляд на Эми. Хочешь узнать, во что превратится женщина через двадцать пять лет? Приглядись как следует к ее матери.

— Мне очень жаль, Мойше. Я... я не могу придумать для нее никаких оправданий. Такое поведение просто возмутительно.

— Гм. Может, мне лучше постараться к нему привыкнуть. Скорее всего она просто сказала то, что другие думают. Нам с Маусом и всем прочим, вероятно, всю жизнь придется с этим мириться.

— Ты должен был огрызаться.

— Думаешь, это что-нибудь изменило бы? Нет. Только она говорила бы куда дольше.

Мойше все еще чувствовал себя не в своей тарелке. Как уроженец Старой Земли он сталкивался с предрассудками с тех пор, как попал на флот. Он привык считать, что у него толстая шкура. Однако ему никогда не попадался никто, кто был бы так ядовит, как мать Эми.

Обитатели Внешних Миров поддерживали некую форму равенства, свои предрассудки они предпочитали не проявлять. Мать Эми высказывала свои предубеждения открыто, гордо и непоколебимо. Ни убеждение, ни сила не могли бы изменить ее образ мыслей ни на йоту.

За время их беседы она уже успела отречься от Эми.

— Не хочешь попробовать еще раз? — спросила Эми.

— Что? — изумился он.

— Она все же моя мать, Мойше.

Он наклонился над столом и на мгновение коснулся ее руки.

— Знаю. — Он понимал, что она изо всех сил пытается скрыть свою боль. — Знаю. У меня тоже есть мать. И вряд ли они сильно отличаются.

— Они хотят для нас лучшего. И считают, что им решать, что для нас лучше. — Эми несколько раз судорожно глотнула. — Мама никогда не умела выражать положительные эмоции. Может, именно поэтому я немного странная. Пока я росла, я проводила с ней много времени. Она никогда не служила на флоте — не могла пройти комиссию. Это было самое большое разочарование в ее жизни. Пока мы не дали ей другой повод себя жалеть.

Эми почти никогда не говорила о своем отце. Мойше было известно только его имя и то, что он погиб при несчастном случае где-то здесь, в туманности. Судя по всему, несмотря на уверения в обратном, мать Эми считала этот несчастный случай довольно удачным.

— Нам лучше не возвращаться, Мойше, — решила Эми. — Только не сегодня. Давай дадим ей время успокоиться и свыкнуться с этой мыслью.

— Хорошо.

До шаттла надо было убить еще четыре часа. Мойше думал, что Эми захочет повидаться со старыми друзьями, но она не захотела. Она сказала, что все ее настоящие друзья — на борту «Даниона». Наверное, она слишком устала и ей не хотелось снова столкнуться с открытым неодобрением. Судя по всему, сейнеры, живущие в туманности, были менее космополитичны, чем люди траулерного флота.

— Если хочешь, — предложила Эми на обратном пути, — завтра мы можем удрать с «Даниона» и отправиться смотреть на корабли чужаков. Исследовательский центр тут недалеко.

— Ладно, — немного приободрился Мойше. — Отличная идея. Мне давно хотелось на них взглянуть. А как будет с работой?

— Я все сделаю.

Как только они добрались до своей каюты, Эми приняла снотворное. Мойше, несмотря на долгий день, спать не хотелось. Он вышел в коридор и постучал в дверь Мауса.

— Ну, как прошло знакомство? — спросил Маус. — Так плохо? — не дожидаясь ответа предположил он.

— Это совершенно другой мир, Маус. Мне казалось, я знаю, как справляться с предрассудками... Но такого я никогда не видел. Ее мать — самый тяжелый случай, но куда бы мы ни пошли, их и там хватало.

— Знаю. Сегодня утром мы с Грейс совершили небольшую экскурсию.

— Вы так надолго вылезли из постели?

— Черт, надо же чем-то заниматься остальные двадцать три часа в сутки.

— Ну так расскажи мне. А где доска? Я здесь уже три минуты и до сих пор не видел шахматной доски.

— Извини, — усмехнулся Маус. Бен-Раби как-то обвинил его в том, что он не может общаться с мужчинами, если их не разделяет шахматная доска. — Наверное, я был слишком занят своими мыслями.

— Она показала тебе что-нибудь интересное?

— Не уверен. Не так-то легко избавиться от профессиональных привычек. Так что смотришь во все глаза и слушаешь во все уши, но не можешь найти ничего, что давало бы ключ к этим людям.

— Где вы были?

— Сначала где-то вроде комплекса офисов. Нечто среднее между правительством и торговым представительством. Мы бродили там часов пять. И там все открыто... Представляешь себе, никаких папок для служебного пользования, никого не волнует, что ты берешь со стола документ и читаешь. Хоть копии снимай, только там не было ничего интересного. Я хочу сказать, что дома за эти бумажки не дали бы и ломаного гроша. Я не видел ничего, что стоило бы запоминать.

— Что это за дикий ход?

Маус улыбнулся:

— Пару дней назад так сыграл против меня один сейнер.

— И проиграл.

— Да, но я играю лучше. Да, знаешь, чем они заняты? Готовятся к возвращению на Звездный Рубеж.

— Это не секрет.

— Нет, но, черт возьми, они готовятся совершенно серьезно. Знаешь, мы с Грейс были на астероиде, который они

превращают в сухой док. Уже после того, как выбрались из офисов. Мне удалось поговорить с одной дамой-инженером. Ее муж сейчас в команде, которая готовит шаттл для доставки оружия со Звездного Рубежа на орбиту.

Бен-Раби оторвался от доски.

— Любопытно. Куда ни пойди... Неужели они настолько уверены в своих силах?

— Чертовски уверены. Может, это мы чересчур уверены, что у них не выйдет. Может быть, у них есть основания для уверенности.

Маус тоже оторвался от доски. Кажется, у него появился вопрос, который он боялся задать. Мойше почувствовал напряжение, кипевшее в глазах его друга.

— Есть у меня подозрение, что они хотят сделать. Как-нибудь через звездных рыб.

Маус вернулся к игре. Нетрадиционный дебют с самого начала поставил его в трудное положение. Бен-Раби сковал силы Мауса, но слишком агрессивным ходом дал ему вывернуться. Это стоило ему коня.

— Ты всегда чересчур увлекаешься, — констатировал Маус. — Как твоя голова?

— Болела сегодня, но это только от напряжения. А что?

— Просто спрашиваю.— И ходом позже: — Я хотел узнать, что там у тебя с дезориентацией из-за психопрограммы. Случается?

— Не часто. Не так, как раньше. Приступами. Ты знаешь, как это бывает. На секунду полное забытье, а потом возвращаешься и начинаешь гадать, где ты и кто ты. Но это ерунда. Приступы настолько короткие, что никто не успевает заметить.

— Ну и хорошо. Я боялся, когда ты влез в эти... контакты. Мне казалось, что в таком состоянии ты можешь запутаться и вернуться другой личностью — уже насовсем.

— Кстати, а ты, часом, не имеешь какого-нибудь отношения к моему переводу?

— Если бы у меня было влияние, я бы постарался. Ради твоего же блага. Но я здесь ни при чем.

Маус поднялся, показывая, что Мойше должен последовать его примеру. Постукивая себя по уху, он вышел в коридор.

— В чем дело?

— Не хочу, чтобы они знали, что мне это известно. Приказ пришел сверху. С самой макушки. Я знаю женщину, которая работает в отделе связи. Она рассказала мне кое-что, думала, что мне это уже известно. Естественно, я ей подыграл.

— Естественно. Женщинам ты готов подыгрывать во всем.

Маус усмехнулся.

— Как-нибудь я расскажу тебе, как адмирал отправил меня в школу сутенеров. Проституция — не самая древнейшая профессия. Древнейшая — сутенерство. Ты бы так и сел, если бы увидел, чего может добиться от женщины по-настоящему хороший сутенер.

— Адмирал отправил тебя в школу?

— Да. Черт возьми, Мойше, это же старейший прием в шпионском ремесле. Парня учат, как сводить женщин с ума, а потом напускают его на женщин, которые работают в учреждении, куда требуется проникнуть.

— А я-то думал, что все как раз наоборот. Женщины соблазняют мужчин.

— И это тоже, только получается у них хуже. На чувственный шантаж мужчины реагируют по-разному.

— Так что тебе сказала твоя подружка? Мы не можем долго здесь торчать.

— Приятель, нас тащат на самую верхушку. Кто-то наверху решил, что мы — то самое лекарство, в котором нуждается дипломатический корпус сейнеров. Затея с аукционом — только испытание. Если мы выдержим, то нам дадут карт-бланш на создание своей собственной секретной службы.

Бен-Раби уже слышал некоторые намеки. Кое-что подозревал сам. Но к подобному заявлению не был готов.

— Настоящая секретная служба в масштабах всего флота. Внутренняя и внешняя. Разведка и контрразведка. Операции. В интересах всех звездоловов. Выглядит это так, что нам дадут все, что захотим, и предоставят полную свободу. На планетах у них есть друзья, которые их информируют. За последние два года эти люди сообщили достаточно, чтобы звездоловов заинтересовало происходящее на Луне-Командной.

— Ага, вот где собака зарыта. У нас есть связи. Мы могли бы переманить на нашу сторону своих старых друзей.

— Ты все понял.

— И как тебе это?

— Мойше, я собирался спросить у тебя то же самое.

— Ты первый.

— Мне — нормально.

— Нормально! Чертовски трудная работа, требующая всех сил. Держаться голова в голову со Стариком. Адский труд.

Бен-Раби это не понравилось.

— Как я понимаю, ты рад.

— Черт возьми, конечно. Не хочется хвастаться, но если бы мы вернулись назад, я когда-нибудь получил бы пост Бэкхарта. Он сам так сказал. А ты бы стал моим заместителем по операциям. Мойше, Старик думал, что у нас есть то, что нужно для этой работы. Понимаешь, к чему я веду?

— Кажется, понимаю.

На мгновение бен-Раби почувствовал разочарование. В поведении Мауса не было и намека на лояльность. Он смотрел на это дело как типичный наемник... «О чем, черт возьми, я ною? — подумал он про себя. — Я сам первый перебежал».

Бен-Раби бросил на Мауса пронизывающий взгляд. Он все сильнее и сильнее подозревал, что его напарник остался только потому, что остался он, а никак не по убеждению. Тогда откуда этот внезапный энтузиазм при мысли возглавить организацию, предназначенную для борьбы с бывшим работодателем? Что сталось с его навязчивой идеей уничтожить сангарийцев?

— Так над чем, я считаю, ты мог бы подумать, — сказал Маус, — это как нам построить организацию. Кого привлечь, на что обратить особое внимание — в этом роде. И еще — сама структура. Ты же лучший теоретик, чем я.

— Самой большой проблемой будет связь, Маус. — Бен-Раби пытался не воспринимать болтовню Мауса серьезно. Препятствия на пути создания секретной службы сейнеров были просто непреодолимы. — Как нам организовать тайную сеть, не имея связи? Понимаешь, что я имею в виду? Мы-то здесь, а наши объекты черт знает где. Мы с тобой всегда работали в таких местах, где можно было воспользоваться обычным коммуникатором или подключиться к сети флота. Предположим, что мы найдем кого-нибудь с Луны-Командной. Предполо-

жим, у него появится ценная информация. И что же ему делать? Выскочить на улицу и орать во всю глотку?

— Найдем способ, Мойше. Сейчас не время беспокоиться о деталях. Не будь ты всегда таким пессимистом. Не говори: «Это невозможно», спрашивай: «Как нам это сделать?» Придумай способ, потом проводи его в жизнь. Вернемся к партии, пока они чего-нибудь не заподозрили.

Они обменялись парой ходов.

— Сдаюсь, — сказал Мойше. — Если б не тот дурацкий ход, я бы выиграл у тебя на этот раз.

— Дебют был плохой. Меня надо было обыграть. Еще партию?

— Одну. Потом мне стоит вернуться домой. Завтра Эми устраивает мне экскурсию к местным ксеноархеологам.

— Хотел бы я с вами пойти. Но Ярл взбесится даже из-за тебя одного.

Главная исследовательская станция была внушительна.

— Они приспособили астероидный док, — объяснила Эми. — Чтобы изучать корабли изнутри.

Планетоид был меньше того, в котором нашел приют «Данион», и все же его размеры были достаточно впечатляющими. Внутри было не меньше ста кораблей. Некоторые из них выглядели так непривычно, что их обводы резали глаз.

Внутреннюю поверхность астероида покрывали офисы и лаборатории под общей стеклостальной крышей. Сотрудникам лабораторий были видны плавающие над головой корабли. Люди в доке видели, что происходит в офисах и лабораториях. Астероиду сообщили вращение вокруг продольной оси, что с успехом заменяло искусственную гравитацию, которая вызывала бы постоянную нестабильность кораблей.

Мойше с Эми вошли через люк на одном конце астероида и быстро огляделись по сторонам. На Мойше док произвел впечатление. Линия кораблей тянулась бесконечно и исчезала вдали.

— Корабли вводят с этого конца, — сообщила Эми. — Их осматривают, изучают и те, что непригодны, переводят в эту линию. — Она указала на дальнее судно. Его утаскивали буксиры. — В дальнем конце — переработка. Ненужные ученым

корабли идут на слом или переоборудуются. Давай посмотрим, нет ли скутера.

Час спустя Эми представила его женщине по имени Консуэла эль-Санга.

— Консуэла — мой старый друг, Мойше. Консуэла, может быть, у Мойше найдется пара интересных для тебя идей.

Консуэла эль-Санга оказалась маленькой худощавой женщиной лет пятидесяти. Это был тип погруженного в работу исследователя, который всю жизнь посвятил удовлетворению своего любопытства. Мойше она понравилась сразу, и так же сразу он понял сходство между ней и собой. За рамками своей профессии Консуэла была очень застенчивой и неуверенной в себе.

— Вы ксеноархеолог, мистер бен-Раби?

— Нет, Эми преувеличивает. Меня даже не назовешь даровитым любителем. Просто до недавнего времени я довольно пристально следил за раскопками на Луне-Командной. У меня были там знакомые.

На него обрушилась темнота. Ощущение было, как от физического удара. Перед ним стояло женское лицо. Он не видел его уже многие годы. Элис. Его любовь академических времен. Девушка, которая работала на лунных раскопках.

— Мойше! — Голос Эми звучал испуганно. — Что случилось? Что с тобой?

Он поднял руку, помахал.

— Да нет, все в порядке. Просто замедленная реакция на вращение планетоида. — Он резко встряхнул головой. — Никогда не был в центробежной силе тяжести.

А внутри он чувствовал ужас. Что это? Этого не было уже несколько месяцев. Он поймал себя на том, что говорит, говорит, не переставая.

— Я был на раскопках полтора года назад. Там как раз открыли новую камеру в отличном состоянии. Даже думали, что кое-что из оборудования еще может работать.

Эми и Консуэла пристально за ним наблюдали.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — спросила Эми.

— Конечно, конечно. Мисс эль-Санга, чем я могу вам помочь?

— По правде сказать, не знаю. Можем провести вас по кораблю, который, по нашему мнению, имеет отношение к

базе на Луне. Взглянете свежим глазом. Мы уверены, что связь есть, но по политическим соображениям мы не можем связаться с тамошними учеными.

— Очень жаль.

— Идемте. Мы начнем с предметов, снятых с кораблей. Значит, ты теперь замужем, Эми.

Бен-Раби уловил странную нотку в этом то ли вопросе, то ли утверждении. Он пристальнее посмотрел на обеих женщин. Между ними чувствовалась едва заметная напряженность, как будто когда-то за их отношениями стояло нечто большее, чем простая дружба и общие интересы. Он мысленно это отметил.

— Да, не сразу это у меня получилось. — Эми пыталась говорить непринужденно. Это не вышло.

Секундная дезориентация что-то сдвинула в сознании Мойше. Его сознание переключилось в режим секретного агента. Камеры заработали. Защелкали перекрестные ссылки компьютера. Окружающие предметы обрели новую глубину, новое значение. Они стали ярче и интереснее. Движения бен-Раби стали быстрее и увереннее.

— Это место мы в шутку называем музеем, — сказала Консуэла эль-Санга, помедлив перед открытой дверью. — На самом деле это, конечно, не музей. Это просто склад. Кем бы ни были эти существа, они оставили после себя очень мало. Большей частью это обыкновенный мусор. Но именно с мусором всегда работали археологи. Сломанные наконечники, осколки горшков и все вообще, что древние выбрасывали из своих хижин.

Мойше двигался вдоль рядов металлических стеллажей. На них лежали сотни предметов, на каждом был ярлык с датой, номером корабля, инвентарным номером и кратким предположением о том, что это может быть. На некоторых были ссылки на другие инвентарные номера.

Дважды он задержался, тщательно осматривая предмет, и говорил:

— Похожую штуку я видел на раскопках на Луне. Я бы сказал, что здесь есть определенная связь.

— Не обязательно, — отозвалась на второй раз Консуэла эль-Санга. — Просто схожее назначение. Скажем, расческа.

Любое создание, покрытое волосами, изобретает расческу. Согласны? Так что существование расчески не доказывает ничего, кроме схожих физических черт.

Когда Мойше покончил с осмотром полок и стеллажей, она пригласила их вернуться в ее кабинет.

— Там я покажу вам два наших настоящих сокровища.

Мойше и Эми последовали за ней в следующую дверь.

— Ты тоже их еще не видела, Эми. Их нашли, когда ты уже улетела. Это части одной и той же находки.

Консуэла эль-Санга достала из стола два пластиковых пакета. Она обращалась с ними с любовной осторожностью.

Мойше взял один, Эми — второй. Предмет, который держал бен-Раби, был листом бумаги, разорванным на мелкие клочки. На нем было заметно несколько выцветших значков.

— Это фотография? — спросила Эми.

— Отличная догадка, — ответила Консуэла. — Ну и помучились же мы с ними.

Мойше обменялся с Эми. Второй предмет действительно был очень сильно выцветшей двухмерной фотографией. Фотография была разорвана надвое.

— Сначала мы сложили все обрывки вместе, — продолжала Консуэла, — потом просканировали их лазерами слабой интенсивности и провели компьютерную обработку изображения. И вышло вот что.

Сияя от гордости, она протянула им репродукции.

Цветная фотография была портретом существа, очень похожего на реконструированное по результатам раскопок на Луне. Бен-Раби так и сказал. Второй листок казался написанным от руки письмом.

— Удалось его перевести? — спросил Мойше.

— Мы даже не смогли определить, в каком направлении следует его читать.

— Вы не нашли никаких технических руководств или чего-нибудь в этом роде?

— Ничего. Только несколько букв на приборных панелях и дверных табличках. Каждый раз, когда букв больше, чем три, они расположены матрицами. Как здесь.

— Может быть, у них была голографическая система для чтения?

— Нет. Не согласуется с двухмерной фотографией. Вряд ли могла быть такая система.

— Очень интересно, — проговорил Мойше, снова берясь за фотографию. — Письмо типа «Прости, не смогла больше ждать»? Этот парень — или девица — психует и рвет на части письмо и фотографию, но потом не может расстаться с клочками?

— Это одна из наших гипотез.

Мойше еще раз осмотрел письмо.

— Здесь тридцать четыре разные буквы. Есть какая-нибудь пунктуация?

— Не пытайтесь разгадать с налету. Даже компьютерам это не под силу. Подумайте, как трудно было бы расшифровать наш язык, начав с нуля. Заглавные буквы, строчные буквы, пунктуация, разница в написании в зависимости от диалекта, различные шрифты плюс стилизованное письмо и символы научной и технической литературы... Видите? Нам нужен целый корабль старых писем, романов и газет, чтобы расшифровать эту письменность. А не десяток табличек на приборах.

— Не беспокойся, Консуэла, — сказала Эми, — скоро мы будем на Звездном Рубеже. Там ты найдешь все ответы.

— Если мне повезет, чтобы меня взяли. Исследовательскую команду еще не назначили.

— Ты полетишь. Ты — лучшая.

Бен-Раби поглядел на жену и медленно покачал головой. Снова это безумие. Звездный Рубеж.

— Не знаю, что буду делать, если меня не возьмут, Эми. В этом вся моя жизнь. А я не молодею. Они могут сослаться на возраст и оставить меня дома.

— Не беспокойся, ты же знаешь, тебя не оставят в стороне. Ты — лучший специалист. И они знают, как много это для тебя значит.

— А когда, Эми? Ты ничего не слышала?

— Решение еще не принято, но уже скоро. Месяц или два.

Консуэла просияла.

— Ты уверена, что меня пошлют?

— Конечно, не будь глупой.

— А я глупая. Глупая старая женщина.

Эми нежно обняла ее.

— Это неправда. Ладно, идем, покажешь нам один корабль.

Консуэла эль-Санга усадила их в четырехместный воздушный скутер, и они отправились к кораблю. От низкой гравитации Мойше почувствовал легкость в теле и в мыслях.

— Такое чувство, что тут можно спокойно падать до дна, — сказал он, вглядываясь в дальний конец огромной полости.

Корабль, к которому они направлялись, был наименее чужим среди всех вытянутых в линию кораблей.

— Форма следует функции, — пробормотал Мойше, вспомнив реконструкции существ, сделанные археологами Луны-Командной. Они очень напоминали людей, только ростом были поменьше.

Шлюз корабля был открыт. Консуэла уверенно причалила и провела их вовнутрь. Она была невысокой, но даже ей пришлось пригнуться в коридоре.

Мойше провел в корабле около часа. Наконец он сформулировал свои впечатления:

— Выглядит не так уж и странно. Просто напоминает кукольный домик, будто все это выстроили для детей. О назначении половины оборудования можно догадаться. Вот только посадочные места выглядят странно.

— Как вы сами только что сказали, форма следует функции, — отозвалась Консуэла. — Мы провели сравнительный анализ кораблей этих существ, сангарийцев, улантидов и людей. Физические требования двуногих оказались универсальными. Основные различия диктуются размерами.

— А вон тот, третий отсюда корабль, кто его построил? Гигантские улитки?

— Мы не знаем. Забавно. В нем есть нечто почти отталкивающее. Когда приходит твоя очередь обследовать этот корабль, приходится себя заставлять. Как будто металл сочится враждебностью. В нем гораздо больше таинственного, чем в остальных кораблях. Он почти современный, если верить нашей технике определения возраста. К тому же он поврежден в сражении. Это единственный корабль такого типа, который нам удалось обнаружить. Он был так же чист, как и остальные. Один из моих коллег полагает, что команде пришлось

покинуть корабль после случайной стычки во время кризиса, подобного Улантской войне, когда сбивали каждого, кто не успевал вовремя завопить «я — свой». Любопытно, однако, что он был окружен целой эскадрой наших маленьких друзей.

— Вражда?

Консуэла пожала плечами:

— Или случай. Корабли относятся к разным эпохам. Что они делали вместе? Не хватит и сотни книг, чтобы записать все вопросы, мистер бен-Раби. Иногда просто руки опускаются.

— Могу себе представить. А может быть, команда корабля подверглась нападению третьей стороны, когда занималась изучением старых кораблей?

— О такой возможности мы не думали. Я предложу эту идею...

— Консуэла? — окликнул их кто-то снаружи. — Это ты там?

— Да, Роберт. В чем дело?

— Кто-то разыскивает людей, которые приехали к тебе. Некто Киндервоорт, и он очень нервничает.

— Ого, — проговорила Эми. — Кажется, у меня неприятности. Я надеялась, что он не заметит. Консуэла, мне лучше ему позвонить.

Она позвонила из кабинета Консуэлы. Ярл брызгал слюной и приказал им возвращаться на «Данион». Немедленно.

— Мойше, — прорычал он бен-Раби, — мне плевать, если ты задвинешь свои гражданские занятия. Все равно это пустая потеря времени. Но не смей нарушать расписание тренировок! Немедленно возвращайся и принимайся за своих людей. Можешь потом весь остаток жизни смотреть на ржавые корабли, а сейчас займись аукционом.

На обратном пути Эми притихла. Только однажды она шепнула:

— Ну и задаст же он мне... — И крепче сжала руку Мойше. Пальцы у нее дрожали.

— Он жалкий любитель, — утешил ее бен-Раби. — Чтобы знать, что такое разнос, нужно получить его от адмирала Бэкхарта. — С минуту он молчал, потом усмехнулся и добавил: — Но если разговор наедине, он позволяет рявкнуть на него в ответ.

Вскоре после своего возвращения они узнали, что в туманность возвращается еще один большой флот траулеров.

Эта новость вызвала на борту «Даниона» новые радостные волнения.

Друг за другом возвращались армады сейнеров. На «Данионе» замелькали молодые свежие лица. Место погибших на Звездном Рубеже занимали выпускники технических школ сейнеров. Двадцать четыре часа в сутки на корабле раздавался стук и рев инструментов ремонтных бригад. Возбуждение и напряжение продолжали нарастать.

Звездный Рубеж. Они готовятся к возвращению. На этот раз всеми силами и с намерением остаться. Гордость, шовинизм и воинственность овладели всей эскадрой.

Мойше бен-Раби и Масато Шторм продолжали готовить команды, которые им предстояло возглавить на Сломанных Крыльях. Дни были долгими и изнурительными. Зачастую Мойше просто валился в постель, слишком измотанный даже для мирного супружеского поцелуя.

Он начал чувствовать давящую тяжесть. Она стала вторгаться даже в часы сна. Ему виделась девушка, с которой он расстался давным-давно, несколько жизней назад. Наяву участились мгновенные провалы памяти.

И рос его страх перед скрытыми процессами, что шли, быть может, в нижних этажах его подсознания.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ:
3049 н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Стоящие на мостике крейсера «Лепанто» напряглись.

— До выхода одна минута, — объявил офицер-астронавигатор.

Юпп фон Драхов обвел взглядом своих людей. Они застыли, как бегуны на старте в ожидании выстрела. Им предстояло за краткие минуты переработать бездну данных.

«Лепанто» приближался к звезде противника. Не было способа угадать, что его там ждет. Локационное оборудование не может работать из гипера, если не сделать предварительные замеры в норме. Крейсер шел вслепую.

Никто не знал возможностей сангарийских систем обнаружения. Они действовали в норме, так что у них было преимущество. И к месту выхода корабля уже могли стягиваться силы.

— Тридцать секунд.

— Оружейный отсек, готовность! — приказал фон Драхов. — Соберись, ребята!

Он опустил стекло своего шлема.

Быстрый выход для взятия пеленга и крутая дуга к сангарийскому солнцу...

— Пять секунд... Четыре... Три...

Люди на мостике придвинулись на сантиметр к дисплеям.

— Одна... Выход!

— Включить экраны!

— Командир, тяжелые корабли, пеленг...

— Дисплей готов!

— Три корабля, пеленг...

— Расстояние до звезды одна целая тридцать две сотых астрономической единицы...

— Наша относительная скорость...

— Атакующие ракеты, пеленг...

— Внимание на мостике! Оружейный! Два ракетных залпа!

Корабль вздрогнул и затрясся. Фон Драхов уставился в аквариум дисплея. Там ожили шесть красных бликов. Они двигались по подсвеченным кривым, выводящим на расстояние плевка от «Лепанто». Крохотные рубиновые искорки метнулись вперед, наперехват.

— ...время до перехвата сорок семь секунд...

Загудела, предупреждая экипаж, тревога перехода в гипер.

— До перехода в гипер одна минута, — бухнул голос по трансляции.

— Командир, мы обнаружили планету! — доложил кто-то.

— Изображение ко мне на экран!

— Есть, сэр!

Главный экран фон Драхова ожил. На мгновение на нем высветилась компьютерная модель местной солнечной системы, потом схема уступила место картине, передаваемой внешней камерой. На экране появился белый полумесяц. Увеличение быстро росло, и вот уже появился мир, полный океанов и облаков.

— Очень похоже на Старую Землю, — пробормотал фон Драхов.

— Да, сэр.

— Вы записываете?

— Пишем все, что можно, сэр.

— Двадцать секунд до гипера!

Фон Драхов снова взглянул на дисплей. Ракеты придвинулись ближе. Оружейный отсек отвечал только заградительным огнем. Принимая во внимание цель миссии, ввязываться в бой с кучкой рейдеров было бессмысленно.

— Есть что-нибудь возле солнца? — спросил адмирал.

— Нет, сэр. Оживленные действия только возле планеты и ее спутников.

Это имело смысл. Сангарийцы отмобилизуют все, опасаясь, что «Лепанто» — лишь наконечник огромного копья, направленного на их Метрополию. Этой судьбы они страшились несколько столетий.

— До гипера пять секунд... Четыре...

Фон Драхов полагал, что корабли заграждения не прыгнут вслед за ним. Они останутся дожидаться остальных кораблей несуществующего флота.

— Одна... Вход!

Вселенная покачнулась. Экраны погасли. Аквариум дисплея, захвативший цели в норме, продолжал их вести. Фон Драхов уставился на красные точки, молясь, чтобы сангарийские рейдеры оставались там, где были.

— До выхода одна минута.

Астронавигаторы запрограммировали короткую, медленную дугу.

Фон Драхов заглянул себе в душу, ища там хоть каплю неуверенности в правильности приказа, который ему предстояло отдать. Он не хотел его отдавать. Каждая клетка его тела протестовала против этого шага. И все же... И все же ему слишком много было известно. Ему была известна критическая важность результата. И у него был приказ.

— Спецоружие, готовность!

Приказ будет простой формальностью. Программа запуска стартовала уже час назад. Единственной его командой, которая имела бы сейчас значение, могла быть команда отменить пуск.

Он снова взглянул на дисплей.

— Черт!

Сангарийцы приближались. Их средства слежения оказались на высоте. Они убедились, что за кораблем-одиночкой никого нет.

— Кажется, мы разворошили этот улей, — сказал адмирал. К шести рейдерам, встретившим их в зоне выхода, подлетал целый рой, взлетевший с планеты.

— Двадцать секунд до выхода!

Стоит задача: вынырнуть на долю секунды, выпустить ракеты и вовремя смыться. Да еще часть кораблей погонится за ним до самого дома...

— Астронавигатор, программируйте следующий прыжок на Карсон.

Не надо приводить погоню слишком близко к аукциону на Сломанных Крыльях.

— Простите, сэр?

— Вытащите кассету и перепрограммируйте!

Вблизи Карсона должна крутиться эскадра. Можно будет проскользнуть внутрь под прикрытие ее заградительного огня.

— Есть, сэр!

— Выход!

— Спецоружие, пуск по готовности!

Все. Поздно отзывать ракету. Придется жить с этим всю оставшуюся жизнь.

— Спецоружие — запуск через три минуты двенадцать секунд, — доложил командир группы запуска.

— Почему задержка? У нас сангарийцы на хвосте!

— Прошу прощения, сэр. Заело разъем.

— Дальнобойные ракеты преследования, пеленг...

— На дисплей, пожалуйста, — приказал фон Драхов. Экран ожил. — Покажите мне звезду.

Какое-то мгновение он рассматривал бесконечную огненную равнину. На ней лежали широкие багровые континенты. Кажется, светило переживало период активности и солнечных пятен. Ему вспомнилось, что звезда сангарийцев предполагалась высокоактивной, с исключительно сильными солнечными ветрами.

— До спецзапуска две минуты!

Фон Драхов еще раз бросил взгляд на дисплей. Сангарийцы перли толпой. Они были плохо организованны, но их было слишком много. В открытом бою «Лепанто» могла помочь только молитва.

— Астронавигатор, как программа?

— Пять минут, сэр.

— У нас нет этих пяти минут. Составьте приблизительную дугу, чтобы вывела нас в его окрестность. Расчеты уточните в полете.

— Есть, сэр!

— ...до перехвата пятьдесят две секунды!

Фон Драхов глянул на дисплей. К моменту пуска вражеские ракеты будут уже у них под брюхом. На защитное поле «Лепанто» обрушится мощный удар.

— Черт возьми!

Плохо дело.

— До запуска одна минута!

Вахтенные на мостике сгорбились, как человек, ожидающий ожога плетью. Шестьдесят паршивых секунд. Чертовски короткая жизнь. Поденка живет дольше.

— ...до перехвата четырнадцать секунд!

Близко. А следующий залп ляжет еще ближе.

— Астронавигатор! Одна миллисекунда свободного полета в гипере, прямолинейно! — рявкнул фон Драхов.

— Простите, сэр?

— Выполняйте!

Завыла сирена, корабль тряхнуло.

Экран командира корабля вспыхнул снова. Сангарийское солнце слегка сдвинулось. Стала видна линия горизонта. Она была прямой.

Наводчики взвыли. Им приходилось перепрограммировать.

— И тем ребятам тоже придется. Спецоружие, время до пуска?

— Тридцать две секунды, сэр!

— Ракеты пеленг двести девяносто пять, двенадцать градусов надир. Время до перехвата двадцать шесть секунд.

Фон Драхов вздохнул. Неплохо.

— Джентльмены, мы это сделаем!

Команда на мостике не расслаблялась ни на секунду. Они знали, что его замечание было наполовину молитвой. Это со-

вершенно недвусмысленно подтверждал дисплей. На них устремился залп небывалой мощности.

А до дружественного пространства еще много-много световых лет.

— Десять секунд до пуска!

К тому же еще неизвестно, достигнет ли оружие цели. Если сангарийцы его собьют, то «Лепанто» придется пытаться снова. Второй заход мог выйти роковым.

«Лепанто» вздрогнул и затрясся.

— Проклятие, это уж слишком близко! — воскликнул кто-то.

— Два. Один. Пуск! Ракета пошла!

Корабль снова тряхнуло.

— Одна десятая секунды свободного прямолинейного полета в гипере! — приказал фон Драхов. — Слежение! Зафиксировать оружие. Я должен знать, доберется ли оно до цели.

Крейсер нырнул. Фон Драхов глядел то на дисплей, то на экран, следящий за летящей к солнцу ракетой.

Сангарийским ракетам было ее не догнать. К черной игле метнулись лучи лазеров и газеров, лизнув ее своими огненными языками.

— Телеметрия! Как защита ракеты?

— Превосходно, сэр.

«Лепанто» вздрогнул. Время было на исходе.

— Ракета вошла, сэр. Теперь ее уже не остановить. Защитные экраны ракеты стабильны.

— Астронавигатор! Вытаскивайте нас отсюда.

— Вы все еще хотите сделать наблюдательный облет, сэр?

Научники просили полетать вокруг и зафиксировать результаты.

— К черту эту чепуху! Сматываемся, пока из нас шашлык не сделали!

Завыла сирена гипера. Корабль метнулся в параллельное измерение. Фон Драхов вернулся к аквариуму дисплея.

— Да, среди них есть и профессионалы, — прошептал он. — Настоящие профессионалы.

Четыре корабля уже поймали след и догоняли крейсер.

— Двигатели! Довести коэффициент влияния до красной черты!

— Сэр!

— Вы меня слышали. Надо будет — перейдете и за черту. Будьте готовы.

— Есть, сэр!

Фон Драхов бросил еще один взгляд на дисплей. Там шевелились контуры чужого солнца. Сейчас ракета погружается вглубь, в самое его сердце. Через несколько часов начнется необратимый процесс. Он снова заглянул в себя, пытаясь понять, что же сейчас чувствует. И нашел лишь зияющую пустоту, иссушенную пустыню смерти.

В этот момент он был невысокого мнения о Юппе фон Драхове.

Книга вторая
СЛОМАННЫЕ КРЫЛЬЯ

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ:
3050 н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Шагая по улицам Города Ангелов, Лемюэль Бэкхарт чувствовал себя абсолютно незащищенным. Конечно, город находился под колпаком, но стеклостальной купол был слишком высоко. Бэкхарт родился на Луне-Командной и большую часть жизни провел либо там, либо на военных кораблях. Для комфорта ему нужны были палубы, переборки и перекрытия над головой.

Миры под открытым небом были для адмирала сущим адом.

Он засунул руки в карманы гражданских брюк, которые надел на этот раз. Все складывается как нельзя лучше. Время выбрано правильно. Утечка информации привела к тому, что все комментаторы просто взвыли, требуя крови.

Забавно, какими патриотами они сделались, как только узнали, что им тоже может припечь задницу... Эти парни из связи с общественностью знают свое дело. Умеют выдержать равновесие и сеять тревогу, не вызывая паники. Обрывками информации пугали сессии законодательного собрания, направляя народных избранников, как овчарки стадо, и получали все, что требовалось. Сенат Конфедерации шлепал золотую печать на все предлагаемые меры.

Однако настоящей победой был поток заявлений о вступлении в Конфедерацию от Внешних Миров, упрямо цеплявшихся за независимость в течение целых поколений. Хорошо организованный страх — вот настоящий рычаг. Пусть знают, что, когда запахнет жареным, Конфедерация будет защищать только своих, а остальных пошлет ко всем чертям. Ох, политиканы чертовы. Они тоже наварили на этом кризисе.

Каждый разыгрывал эту карту как мог.

Удастся ли вовремя успокоить все эти маневры и интриги? Природа человека такова, что он не может забыть о внутренних раздорах даже когда судьба уже стучится в дверь.

Да, эти ребята из связей с общественностью — просто клад. До сих пор они не сказали ничего конкретного. Машина пропаганды на полных оборотах — достойный восхищения предмет.

Бэкхарту было забавно, что ему доставляет такое удовольствие высокий профессиональный уровень отдела, которым командует не он.

Однако настроение его упало, когда он вспомнил последние новости от коллег из разведки Уланта. Эта центральная раса... Кажется, они получают какое-то особенное, совершенно необъяснимое удовольствие от убийства.

В последнем пакете с Уланта оказалась кассета, записанная на планете с технологией Бронзового века. Маленькие одетые двуногие, похожие на помесь орангутанга и кенгуру, вооруженные в основном ручными автоматами, систематически уничтожали местное население. Кассета была полна разрушенными городами, горящими деревнями, убитыми младенцами. Не говоря уже о грудах тел, в которое превратилось все живое на планете.

Все, что шевелилось, эти твари убивали. Все, что не шевелилось, отыскивали и тоже убивали.

В этом примитивном мире небо не застилали корабли, только шли потоки транспортов, которые доставляли войска, боеприпасы и небольшие флаеры, предназначенные для охоты за дикими существами в лесах и горах. Эксперты уландидов оценивали численность экспедиционного корпуса в десять миллиардов солдат.

Бэкхарт никак не мог представить себе это число. Десять миллиардов. На один доисторический мир. Даже во времена самых напряженных военных действий Конфедерация и Улант вместе взятые не ставили под ружье столько народу.

— Это какое-то безумие, — пробормотал Бэкхарт.

Он остановился перед зданием, где когда-то Томас Мак-Кленнон, теперь Мойше бен-Раби, отвлекал сангарийку, пока Шторм пускал под откос ее операцию в Городе Ангелов. Черт возьми, эти ребята тогда горы свернули! А теперь снова доби-

лись невозможного, дав ему координаты сангарийской Метрополии.

Он должен их вытащить. Любыми средствами. Бэкхарт никогда не списывал людей, пока они живы.

Адмирал был настроен решительно. Должны найтись рычаги, чтобы заставить сейнеров отпустить ребят... Если вопрос будет стоять так, что в будущей стычке он не сможет выиграть больше, адмирал все равно будет удовлетворен.

Но обстановка говорила о возможности еще одного прорыва...

— Спокойно, парень, — буркнул он себе под нос. — Сначала главное. Ты приехал вытаскивать своих ребят. Остальное потом.

И все равно обстоятельства складывались удачно. Ходили слухи, что сангарийцы жаждут реванша. Три против одного, что сейнеры предпримут новую попытку у Звездного Рубежа. Слухи и утечки информации, организованные Луной-Командной, подняли ажиотаж по поводу дефицита амбры. На этом конце Рукава галактики многие станут поглядывать на оружие.

Адмирал был доволен. Он все отлично разыграл. Теперь о фон Драхове помнит только он и Верховное Командование. Если фон Драхов справится, то эта новость грянет как гром среди ясного неба.

Бэкхарт подошел к складу, где когда-то помещалась штаб-квартира сангарийской операции. Теперь он превратился в выжженные развалины. Власти еще не успели расчистить это место.

«Иногда, Лемюэль, ты бываешь не слишком жалостлив», — сказал он про себя.

Ему претило кое-что из того, что приходилось делать, но он искренне верил, что это необходимо.

Центральная раса внушала ему ужас. Голодные кролики, так прозвал он их про себя без особой на то причины.

Десять миллиардов на одну планету. Десятки тысяч кораблей.

Как же их остановить?

Откуда, черт возьми, у них это стремление убивать? В нем никакой логики.

Можно ли сделать что-нибудь еще? Что-нибудь, о чем он не подумал?

Ночами Бэкхарт ворочался с боку на бок, пытаясь что-нибудь придумать. Он подозревал, что этой бессонницей страдает все Верховное Командование, прокручивая все те же мысли в попытках найти выход из этого кошмара.

Пискнул сигнал. Бэкхарт поднес коммуникатор к уху.

— В собственные руки, срочно, для Черного Камня, — произнес далекий голос. Адмирал повесил коммуникатор на пояс и поспешно направился к своему штабу.

Курьер был капитаном первого ранга. На боку у него висел пистолет, а послание было запрятано в невскрываемом кейсе, запрограммированном на взрыв, если его попытается открыть кто-нибудь, кроме Лемюэля Бэкхарта. На кейсе стояла печать Верховного Командования.

— Присаживайтесь, капитан. Какие новости на Луне-Командной?

Капитан оказался очень неразговорчивым.

— Кажется, что-то готовится, сэр.

— Это-то ясно. Сюда вы прибыли на эсминце?

Орбиту Сломанных Крыльев патрулировали три эсминца. Они находились здесь по просьбе адмирала.

— Да, сэр. На «Ассирийце».

— Там по-прежнему командиром Попанокулос? — Бэкхарт вложил большие пальцы в соответствующие гнезда кейса. Что-то загудело. Адмирал ногтем откинул крышку.

— Да, сэр.

— Ну и как он? Когда-то давным-давно он был моим студентом.

Адмиралу не хотелось открывать белый конверт без пометок, лежавший на дне чемодана.

— Он в добром здравии, сэр. Просил передать вам свои наилучшие пожелания.

— Передайте ему мои, капитан.

Адмирал нажал на розовую кнопку внутри чемоданчика, сообщая, что его содержимое доставлено по назначению. Потом ему придется нажать на эту кнопку еще дважды: когда сообщение будет прочитано и когда будет уничтожено.

Капитан слегка пошевелился в своем кресле. Ему явно не терпелось вернуться на «Ассириец». Бэкхарт вскрыл конверт и достал оттуда листок бумаги, который казался совершенно

чистым. Он надавил пальцами на нижние углы листка. Невидимые микросхемы считали его отпечатки. На бумаге медленно проступило написанное от руки послание, буквы появлялись друг за другом в том порядке, в котором они были написаны.

«Л: На научной станции все пошло прахом. Причина неясна. Система уничтожена. Погибло все. ФД с двумя яблоками в пути. Огласка неизбежна. М.».

Бэкхарт положил листок на стол и закрыл лицо ладонями.

Пропала главная надежда. Не сообщая причины, он уже попросил своего партнера-улантида о дополнительной глубокой разведке в направлении центра галактики для обнаружения родных планет противника, которые можно было бы разнести новым оружием. Он надеялся, что мощь и разрушительная сила нового оружия смогут замедлить кровавый крестовый поход центральной расы.

Погибло все. Пропала вся информация — и о самом оружии, и о роковой ошибке. К чертовой матери!

Адмирал щелкнул по розовой кнопке, сжег бумагу и щелкнул еще раз.

— Благодарю вас, капитан. — Он отдал кейс. — Ответа не будет.

— Ясно, сэр. Всего доброго.

Пока офицер закрывал за собой дверь, с лица адмирала не сходила озадаченная улыбка. Всего доброго. Чего уж тут доброго. Он нажал кнопку настольного коммуникатора.

— Мне нужен майор Дамон.

Через несколько дней раздался сигнал связи.

— Да.

— Отдел связи, сэр. — Голос оператора звучал хрипло. — Сообщение с «Ассирийца». Звездоловы уже здесь. Их только что обнаружили.

Бэкхарт оживился.

— А в чем проблема? — спросил он.

— Сэр, я... разрешите мне передать вам данные с «Ассирийца», сэр.

Бэкхарт коснулся кнопки. Экранчик коммуникатора ожил. По нему побежали цифры, потом появилась схема корабля.

Бэкхарт перечитал цифры размеров трижды. И потом тихо сказал:

— Твою мать! — Откинулся в кресле и приказал: — Связь, передавайте, пока я не скажу остановиться.

— Есть, сэр.

Он просмотрел отчет три раза подряд и только потом успокоился.

— Так вот, значит, что такое траулеры...

Это были автономные миры. Если бы флоту удалось заполучить с десяток этих чудовищ и оснастить их вооружением имперского класса...

— Связь, найдите майора Дамона. Попросите его явиться ко мне.

Командир батальона военной полиции морской пехоты явился через несколько минут.

— Майор, в наших планах будет изменение. Взгляните-ка на это.

Бэкхарт прокрутил ему отчет, полученный с «Ассирийца». Дамон был ошарашен.

— Садитесь, майор. Пора устроить мозговой штурм.

Штурм длился день, ночь и утро следующего дня. Его прервало сообщение связистов:

— Адмирал, сигнал с «Ассирийца». Они перехватили обмен между кораблями сейнеров, сэр. По их мнению, вам это должно быть интересно.

— Конечно, интересно. Давайте их сюда.

Трансляция была короткой. И вызвала недоумение пополам с радостным возбуждением. Звездоловы планировали поручить обеспечение безопасности на аукционе его собственным ребятам.

Адмирал дважды перечитал сообщение. Убедившись, что ошибки нет, он сказал:

— Майор, вы свободны на восемь часов. После этого я жду вас здесь, и мы продолжим с того, на чем остановились. Это опять все меняет. Если нам удастся сработать как следует, то на бобах не останемся.

Когда майор ушел, Бэкхарт потребовал у «Ассирийца» инстелной связи с Луной-Командной и потратил более часа на совещание. После этого адмирал дал отбой и слабо улыбнулся. Кажется, аукцион может оказаться более чем неожиданным подарком.

Он направился к дивану, надеясь пару часов вздремнуть, но заснуть не смог.

Его снова грызла совесть. В очередной раз ему придется жестоко использовать своих ребят во имя Служб и Конфедерации.

Как он от этого устал...

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ:
3050 н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Флот Пейна вышел из гипера примерно на расстоянии радиуса солнечной системы от Сломанных Крыльев. Данион находился на острие клина кораблей, направлявшихся к планете. Траулеры сопровождало более сотни вспомогательных кораблей, одолженных у других флотов.

Сейнеры хотели произвести впечатление. Они считали, что подобная демонстрация силы должна приковать все глаза к Сломанным Крыльям.

Прибыль от аукциона значила много, но отвлечь внимание от Звездного Рубежа было еще важнее.

Почти все силы звездоловов вошли в гипер, устремляясь к планете-крепости. Собрались флотилии траулеров. Сотня траулеров, тысяча вспомогательных кораблей и бессчетные миллионы людей были задействованы в попытке овладеть миром оружия. Гигантская армада, несущая с собой надежды всей нации, шла в обход торговых путей, ожидая информации об успехе отвлекающего маневра с аукционом.

Конфронтации с Конфедерацией нельзя было допустить. Руководство сейнеров отлично понимало гибельность войны на два фронта.

Даже война на один фронт была достаточно рискованной.

— У нас неприятности, — сообщил Ярл Киндервоорт своим подчиненным. — Мы только что получили разведданные из района Звездного Рубежа. Туда вошли сангарийцы.

Маус издал звук, подозрительно напоминавший мурлыканье.

— Я переживу, если им снова накидают.

— Кому-то точно накидают. В докладе сообщается, что там несколько сотен рейдеров.

Шторм и бен-Раби насторожились.

— Сотен? — переспросил Маус. — Это значит... Проклятие, это может означать только одно: Семьи собираются действовать совместно. Они так не делают.

— Кажется, они готовы продать душу дьяволу, лишь бы заполучить Звездный Рубеж, — заметил Киндервоорт.

— Не только они, — пробурчал бен-Раби. Он презрительно фыркнул и покачал головой. — А кто в этом виноват, Ярл?

— Что ты имеешь в виду, Мойше?

— Вспомни-ка наше последнее столкновение. Вспомни некую Марию Элану Гонзалес, техника, она же Мария Штрехльшвайтер, сангарийский агент. Припоминаешь? Дама, которая пыталась взорвать «Данион»? Я ее ранил и помешал ей. А вы, добрые души, заботливо ее подлатали и отослали домой с остальными наземниками. Бьюсь об заклад, что она побежала прямиком к своим хозяевам и организовала тебе этот подарочек. Доброта не окупается, Ярл.

Маус сдвинулся вместе со стулом и глянул на бен-Раби в упор. Но ничего не сказал.

Давным-давно, в одном далеком мире, который звался Сломанные Крылья, партнер Мауса, носивший рабочее имя доктора Гундакара Нивена, помешал ему убить сангарийского агента по имени Мария Штрехльшвайтер.

Мойше покраснел.

— Давайте не будем скулить: «Надо было», — сказал Киндервоорт. — Важно, что надо сейчас. Эми, дай мне эти доклады.

Эми передала ему через стол папку с микрофильмами.

— Флот тоже чертовски интересуется этим уголком вселенной. Вокруг Сломанных Крыльев крутятся три тяжелых эсминца: «Габсбург», «Пруссак» и «Ассириец».

— Имперского класса? — спросил Маус. — Все класса «Империя»? Серьезные ребята, ничего не скажешь.

— Возле Карсона и Сьерры тоже эсминцы. Наши друзья свободные торговцы не смогли подобраться настолько близко, чтобы их идентифицировать.

— Не говоря уже о том, что припрятано в кустах, — задумчиво заметил бен-Раби.

— Мойше?

— Они же играют в покер, Ярл. Нам предъявили пару тузов. А нам очень важно, что еще у них в колоде. Что они держат в паре световых лет отсюда и готовы выпустить?

— Думаешь, они будут играть силовую игру?

— Нет, на это не похоже. Но нам придется поломать голову, чтобы вычислить, что же на самом деле они замышляют. Флот никогда не нагоняет столько железа в одно место, если не считает, что ему придется пустить его в ход. Редко когда приходится встречаться с патрулем, в котором больше двух кораблей.

— Ты знаешь образ мыслей Служб лучше меня. Что их так взбудоражило?

— Диспозиция с виду оборонительная, — ответил Мойше, — и это снова ставит вопрос о нашей слабой наземной разведке. Какая готовность планетарных сил объявлена на Трансверсе? Мобилизовали они резервы? Если да, то какие? Будь у нас такая информация, мы могли бы прикинуть, чего они опасаются.

— У нас есть доклад команды связи. — Киндервоорт порылся в папке.

Несколько недель назад Маус и бен-Раби настояли на высылке передовой группы.

— Я его уже видел, — отозвался Мойше. — Сломанным Крыльям дали обычный временный статус свободной планеты. Готовят все к открытому аукциону. Городские власти до того перетрусили, что поставили под ружье всю свою полицию и запросили в помощь военную полицию космической пехоты. Они ждут неприятностей, но никто не знает почему.

Шифровки сообщали, что вокруг Сломанных Крыльев собралось более трехсот частных кораблей. На каждом была торговая команда, которая надеялась увезти с собой бесценный запас амбры. Большинство судов были вооружены.

Все исследованное пространство, казалось, охвачено военной лихорадкой, неизвестно против кого направленной. Абсолютно все вели себя странно. У аукциона был шанс окончиться дикой потасовкой.

— Мойше, Мойше, — проговорил Киндервоорт. — Не боюсь признаться, что все это меня пугает. Заваривается что-то

крупное, и, похоже, крупнее, чем можно предсказать. Будь осторожен, очень осторожен.

— Это может оказаться слишком крупным для всех, — отозвался Маус тихим и задумчивым голосом. — Этот ком может всех нас под себя подмять.

Два дня «Данион» и его собратья медленно дрейфовали по направлению к Сломанным Крыльям, присматриваясь и прислушиваясь. Им удалось сохранить свое приближение в секрете несколько дольше, чем ожидал Мойше. Он и его товарищи получили два дня на размышления.

Эти два дня не принесли успокоения. Город Ангелов был воплощением ада. Там как из-под земли выросли армии преступного мира. Они грызлись между собой с великолепным пренебрежением как к здравому смыслу, так и к спокойствию города.

Страх перед войной вызвал цепную реакцию сумасшествия.

Как руководитель наземной команды бен-Раби теперь обзавелся собственным кабинетом и персональным помощником. Место помощника заняла его жена.

«По крайней мере, пока все это не кончится, я буду важной шишкой», — подумал он. Мойше не очень верил в теорию Мауса о том, что их готовят возглавить всю секретную службу сейнеров. Он не мог найти этой теории независимых подтверждений.

Загудел интерком.

— Бен-Раби слушает.

— Это Ярл. Мойше, ты мне нужен.

— Когда?

— Прямо сейчас. Последнее совещание.

— Иду.

Он собрал бумаги, завернулся, как в плащ, в свой патентованный фатализм и направился в кабинет Киндервоорта. У двери он столкнулся с Маусом.

— Пошла свистопляска, — заметил тот.

— Не говори. Человек с каплей здравого смысла отменил бы аукцион.

— Но только не сейнеры, — усмехнулся Маус. — Не забывай, аукцион — всего лишь деталь на их большой картине.

— Они бы его проводили и без этой картины.

— Давайте сюда, — позвал их Киндервоорт и немедленно представил командирам и начальникам Служб безопасности остальных траулеров флота Пейна.

Эти джентльмены присутствовали на совещании лишь в виде голографических портретов. Киндервоорт, Мойше и бен-Раби таким же образом присутствовали у них на борту. Они, голографическое оборудование и техники превратили и без того не очень просторный кабинет Киндервоорта в спичечный коробок.

— Заключительные доклады принесли? — спросил Киндервоорт.

Бен-Раби кивнул.

— Вот они, — сказал Маус. — Но вам они не понравятся.

— Почему?

— Они основаны на реальной ситуации. То есть содержат рекомендации отменить или отложить.

— С тем, что вы нам дали, мы не можем обеспечить безопасность, — добавил бен-Раби. — В этих условиях — не можем.

— Мы как раз об этом говорили. Сколько еще людей вам потребуется?

— Бригада военной полиции, — буркнул Маус.

— Чему ты удивляешься, Мойше? — спросил Киндервоорт.

— Просто подумал о том, что это не похоже на работу в Бюро. Ты просишь адмирала дать больше, чем он дает, он половину забирает и приказывает обходиться этим. Я бы сказал, что нам потребуется еще сотня людей. И еще два месяца на их подготовку.

— Мистер Шторм, это реальные цифры? — спросил один из командиров.

— Минимум необходимого. Мой партнер — один из самых неисправимых оптимистов. Но выход есть. Отменить увольнительные. Не пускать на планету никого, кроме участников аукциона. Мы могли бы организовать...

— Прошу прощения, мистер Шторм, — вмешался командир «Даниона». — Это невозможно. Мы пообещали своим людям свободу. Мистер бен-Раби, мы дадим вам столько людей, сколько потребуется, но к аукциону необходимо приступить немедленно.

— Вы просто потеряете людей! — Бен-Раби повысил голос и настолько вышел из себя, что даже топнул ногой. — Увольнительные — идиотизм! Чем больше наших людей будет шататься по городу, тем меньше я смогу обеспечить защитой.

Он уже много раз проигрывал этот спор. Начальство обещало предоставить каждому шанс взглянуть, как выглядит жизнь на планете. Они не станут отказываться от своего слова, если не поймут, что ситуация в Городе Ангелов опаснее, чем они думают.

Мойше стал подозревать, что это делалось намеренно и только для того, чтобы запугать сейнеров числом жертв среди мирных туристов. Если его предположения верны, то кто-то там наверху может поспорить в жестокости и хладнокровии с его прежним боссом, адмиралом Бэкхартом.

— Ну что ж, значит, так и будет, — сказал он вслух. — У вас на планете все время будет не менее десяти тысяч человек. Торговцам Города Ангелов счастье, а мне головная боль. У меня будет только пятьдесят человек из тех ста, что вы нам даете. Пятьдесят на десять тысяч нацело не делится, так что туристы окажутся предоставлены самим себе. Если они попадут в беду — не повезло. Я прикрою участников аукциона и руководство, а об остальных пусть печется Всевышний.

Он окинул взглядом аудиторию. Она ему не симпатизировала.

— Вы сами послали меня на эту работу, — прорычал он. — Так почему же вы не даете мне заниматься своим делом?

— Джентльмены, то же самое касается моей смены, — поддержал его Маус. — Там, под нами, — настоящий мир. Мир Конфедерации, шпионов и плохих ребят, должен вам сказать. Эти люди поступают не так, как принято у звездоловов. Мне позволили считать, что Мойше и мне поручили заниматься этой работой, потому что мы знакомы со Сломанными Крыльями и с повадками Конфедерации. И разбираемся в вопросах разведки и контрразведки. Вам бы стоило учесть наше мнение экспертов. А вы вместо этого стараетесь подогнать чуждые реалии под ваше мнение о том, какими им следует быть.

Шторм подмигнул Маусу. Они перешли в наступление. И удачно.

— Спокойно! — сказал Киндервоорт. — Сейчас не время показывать характер. Эту работу надо сделать, нравится нам это или нет.

На столе у Киндервоорта пискнул коммуникатор.

— Безопасность.

— Джеймс, радиорубка, сэр. Командир корабля у вас?

Командир шагнул к столу.

— В чем дело?

— Отмечена возросшая интенсивность шифрованных сообщений, сэр. Это может означать, что нас обнаружили.

В течение следующих нескольких минут еще несколько служб доложили о тех же подозрениях. Эти доклады помешали Маусу и бен-Раби продолжать отстаивать свое мнение. Командир корабля извинился и исчез, старший помощник следом. Голографические участники совещания погасли. Техники начали собирать оборудование.

— Разрази меня гром, — буркнул Мойше.

— Что ты думаешь? — спросил Киндервоорт.

— Ужас! — отрезал Маус.

— Мойше?

Мойше развел руками с видом полного фатализма.

— Какого черта меня спрашивать? Все равно меня никто не слушает.

— Вы думаете, есть риск, что они смогут наложить лапы на кого-нибудь, кто знает что-то стоящее?

— Конечно, есть. Ты же видел отчеты с планеты. Ребята знают свое дело, а я пытаюсь делать свое. Если же мне не дают...

— Мойше, я не командир корабля. Строго между нами говоря, я считаю, что ты прав. Командир корабля полагает, что вся вселенная — один большой корабль сейнеров. Он считает, что Конфедерация вроде нас, только действует против нас. Вроде конкуренции флотов. Он не прав, но он здесь командует. Если он хочет, чтобы увольнения давались свободно, значит, так и будет. Делай что сможешь, а если потеряешь много народа — стисни зубы. Главное — не дать им докопаться до того, что происходит на Звездном Рубеже, пока мы не захватим оружие.

— Это означает новую драку с сангарийцами, Ярл. Это означает, что, если она начнется, подкреплений нам ждать неоткуда.

— Правда. Мы предоставлены самим себе. Так что медленно. Постепенно. Тянем время на этом аукционе. Если повезет, Грабер успеет раньше, чем мы перестанем отвлекать на себя внимание.

— Подставляемся, как бараны, — проворчал Маус.

— Скорее козлы, — возразил бен-Раби. Они невольно заговорили идиомами наземников. — Козлы отпущения.

Заработала система всеобщей связи. Командир корабля вызывал добровольцев, желающих вступить в силы безопасности для обеспечения аукциона.

Добровольцы не замедлили появиться. Первой оказалась Эми.

— Ты останешься здесь, — заявил Мойше. — Это мое последнее слово.

Она стала возражать. И резко.

— Лейтенант! — обратился к ней Мойше. — Вы остаетесь на борту корабля. Это приказ. Ярл, ты меня поддерживаешь?

Киндервоорт кивнул.

— Разрази тебя гром, Мойше бен-Раби...

— Дорогая, я не позволю, чтобы тебя укокошили. Лучше замолчи и возвращайся на работу.

Добровольцев были тысячи. Продлить пребывание на планете хотелось всем. В опасность никто не верил. Прежние аукционы, по словам очевидцев, походили на долгие веселые вечеринки.

— Готов твой список? — спросил Мойше.

Шторм кивнул.

Они беседовали с кандидатами, которые прошли предварительный отсев. Каждый отмечал в своем списке лучших. Они договорились взять первых сто человек, имена которых окажутся в обоих списках.

На орбите у Сломанных Крыльев недавнее прошлое показалось бен-Раби каникулами. Ни он, ни Маус не смогут вдруг превратить добровольцев в солдат. Даже ветераны оказались никуда не годны. Жизнь сейнеров вертелась вокруг космоса, кораблей, сбора амбры. Космолетчики из них вышли бы классные. Наземные солдаты — никогда.

Самым сложным оказалось заставить их понять, не головой, а печенками, что кто-то, кто стоит перед ними, может

оказаться врагом. Данность жизни была такова, каждый, кого ты видишь, — друг. Враги существовали для них только как точки в аквариумах дисплеев.

— Это даже наземникам тяжело понять, — заметил Маус. — Именно поэтому космические пехотинцы так долго сидят на начальной ступени. Наша культура не воспитывает охотника-убийцу. Нам следовало бы построить машину времени и набирать себе людей средневековья.

— Маус, они бы не поняли, из-за чего пошла заварушка, — рассмеялся Мойше. — Они бы животики надорвали от смеха.

«Данион» и его собратья вышли на геостационарную орбиту над Городом Ангелов. Предупреждение было понятно и без перевода. Если внизу начнут дурить, на город обрушится небесный огонь.

Мойше, в космическом скафандре, сгибаясь под грузом оружия, присоединился к Маусу, и друзья направились к станции выхода.

— Жаль, что у нас нет настоящего боевого снаряжения, — заметил Маус. — Эти костюмы много не выдержат.

— А ты сохраняй оптимизм.

— Поспать удалось?

— Не вышло. Смотрел новости из Города Ангелов.

Эти новости его потрясли.

— Я тоже. Затевается что-то крупное. Слишком много подводных течений. Будь осторожен, Мойше. Мы не должны позволить себя запутать.

— Ты когда-нибудь чувствовал себя лишним винтиком?

— С первого дня работы у Бэкхарта. Всегда было что-то, чего я не мог сообразить. Ну, вот мы и на месте. А Ярл что-то взбудораженный.

Киндервоорт следил за погрузкой четырех лихтеров, которые должны были первыми пойти на посадку, парами с пятнадцатиминутным интервалом. Шторм и бен-Раби должны были командовать двумя первыми.

— По-моему, ты хватил через край, Ярл, — заметил бен-Раби, когда они подошли к Киндервоорту.

— Почему? Чем большее впечатление мы произведем сейчас, тем меньше неприятностей у нас будет впоследствии.

— Мы не произведем впечатления. У них же здесь целых три эсминца. Иди и посмотри, что у нас есть по этим кораблям. Три эсминца класса «Империя», Ярл. Их не испугаешь даже вторым пришествием.

— Чую Бэкхарта, — заметил Маус. — Чую по тому, как все поворачивается... Он где-то в кустах, сверлит дырки в нашем плане еще до того, как мы сами сообразим, в чем же наш план заключается.

— Позаботьтесь, чтобы... — начал Киндервоорт.

— Знаю, знаю! — отрезал бен-Раби. — Мы уже сто раз об этом говорили. Предоставь все нам, ладно?

— Остынь, Мойше, — вмешался Маус.

— Сам остынь, Маус, — мягко отозвался бен-Раби. Шторма уже начинало трясти. Он думал о долгом падении на поверхность планеты.

— Когда дойдет до дела, я буду в форме. Если потребуется, я переключусь на мозг убийцы.

— До дела уже дошло, — заметил Киндервоорт. — Шевелитесь! Проверяйте своих людей.

Работа помогла Мойше успокоиться. Он отдавал приказы, проверял снаряжение своих людей, проверял, что оружие у них заряжено и что они четко представляют себе первый этап операции. Потом он еще раз прокрутил его в уме. Лихтер отстыковался от «Даниона». Мойше присоединился к пилоту. Ему хотелось быть поближе к корабельной связи.

— Все в порядке, Мойше? — спросил Киндервоорт.

— Группа высадки готова.

— Пилот?

— Корабль готов.

— Ждите команды.

Пилот щелкнул переключателем. На экране появилось изображение оболочки «Даниона», звезд и Сломанных Крыльев в виде колоссального полумесяца над головой. Планета казалась огромным серебристым ятаганом. Поверхность скрывал постоянный облачный покров.

Сломанные Крылья были одной из самых жарких и влажных планет с жуткой атмосферой. Здешние немногочисленные города скрывались под гигантскими сталегласовыми колпаками.

— Старт! — скомандовал Киндервоорт.

Магнитные крепления выпустили лихтер. Пилот осторожно отвел его подальше от траулера. На радаре показалась посудина Мауса, почти терявшаяся на фоне «Даниона», который был пока всего в сотне метров.

Они дождались эскорта вспомогательных кораблей и начали длинный спуск к космопорту Города Ангелов.

Киндервоорт поведет вторую волну высадки. За ним последуют вооруженные лихтеры с других траулеров, готовые в случае необходимости оказать первой партии поддержку с воздуха.

Планета на экранах росла. В инфракрасных лучах она очень напоминала Старую Землю. Мойше сказал пилоту:

— Первые исследователи думали, что этот мир будет раем.

Пилот бросил взгляд на экран.

— Но это не рай?

— Это сладкая бумага, на которую ловят мух.

Парниковый эффект превратил планету в мир вечной весны. Там пышно цвела жизнь, напоминавшая Пермский период. Но континенты были очень низкими, и большая часть так называемой суши была болотом. Метан делал воздух непригодным для дыхания. Планета находилась на стадии бурного горообразования. В трехстах километрах к северу от Города Ангелов лежала долина, которую местные жители окрестили Землей Миллиона Вулканов. К метановой атмосфере примешивался разъедающий легкие сероводород.

Лихтер качнулся в первом атмосферном вихре. Эскорт притормозил, готовясь повернуть назад. Последние сто тысяч метров группы высадки пройдут самостоятельно.

Лихтер Мауса падал вниз в километре от корабля бен-Раби. Пилоты держали дистанцию немногим хуже рулевых космической пехоты. Они где-то научились иметь дело с атмосферой.

Мойше почувствовал новую волну напряжения в ожидании внезапного и враждебного приветствия с поверхности. Но его не было. Как на пикник полетели, только никто не заботился о комфорте пассажиров. Это был просто скоростной спуск. Мойше пристально следил за переговорами второй волны, уже вылетающей из шлюзов.

Корабль качнулся и затрясся — началось торможение. Бен-Раби пробрался к своим людям.

Едва он успел добраться до своего кресла, как корабль ударился о землю, хрустнув всеми суставами. Мойше вскочил на ноги и повернулся к открывающемуся люку уже с лазерной винтовкой в руках. У него за спиной стояли два гранатометчика, а позади — остальная команда.

Мойше спрыгнул на землю и вильнул в сторону. В двухстах метрах справа одновременно с ним на гудрон спрыгнул Маус. Его следопыты рассыпались во все стороны и принялись устанавливать маяки для наведения остальных кораблей.

Напряжение разрядилось впустую. Хозяев не оказалось дома. Ни людей, ни кораблей на поле не было.

Из будки неподалеку вышел худой старик с военной выправкой. Одет он был в костюм со шлемом — обычная на Сломанных Крыльях одежда болотного жителя.

— Отличная посадка, Томас, — сказал он по радио. — И Маус тоже. Вы неплохо вышколили своих ребят. Но у вас учителя были лучше.

— Бэкхарт! — задохнулся Маус.

— А ты что, святого Николая ожидал здесь увидеть, сынок?

— Ты же говорил, что чуешь его, — отозвался Мойше. — Маус, вызывай «Данион». Пусть готовят главные батареи. Общая тревога. Ярл пусть приходит и ведет с собой прикрытие с воздуха.

— Томас, Томас, что ты делаешь?

— Вопрос в том, что делаете здесь вы.

Пока Маус передавал сообщение, Мойше не спускал глаз с Бэкхарта. Киндервоорт вышел в эфир на волне рации скафандра, извергая потоки слов. Он требовал объяснить причины паники.

— Я просто вышел с вами поздороваться, — объяснил Бэкхарт. — Хотелось взглянуть на своих ребят.

Для Бэкхарта все оперативники были «сынками» или «моими ребятами». Он обращался с ними, как со своей семьей — когда не посылал их на смерть. Бен-Раби любил и ненавидел старика одновременно.

Ему пришлось взять свои чувства под контроль. Сейчас к Бэкхарту следует относиться как к самому опасному врагу. Его присутствие все меняет.

— К чему все это? — спросил адмирал. — Это что, вторжение? Это же свободная планета, Томас.

Бен-Раби предвидел, что адмирал поведет себя как обиженный и огорченный старик. Это всегда ему помогало. Борьбы с этим не было — разве что сильно задеть его за живое. Как же, черт возьми, его зовут? Если назвать его просто по имени, он может выйти из себя.

— До нас дошли слухи, что здесь пыль столбом, — ответил Маус вместо бен-Раби. — Николас! Построй людей наконец, черт тебя дери! Что стоишь? — Сейнеры столпились кучкой и стояли, разинув рты, не в силах пошевелиться, подавленные безбрежными далями планеты. Как можно оставаться вымуштрованным солдатом, если впервые видишь открытое пространство и бесконечное небо? — Мы не хотим рисковать, адмирал.

Бэкхарт испустил смешок.

— Тут было неспокойно. Но я все взял под контроль.

— Мы слышали что-то о военном положении, — заметил бен-Раби. — Как это согласуется с вашим понятием нейтралитета?

— Мы работаем с каждым по отдельности, но одинаково. — Бэкхарт снова хихикнул. Он окинул взглядом приземлившихся сейнеров, потом посмотрел на небо. — Насилие — не наш стиль, Томас. Мне нужно то, что вы продаете. И вы будете продавать мирно, даже если мне придется проломить головы всем жителям планеты. Именно поэтому я и избрал себя в комиссию по встрече. А теперь, полагаю, у меня для вас все готово. Почему бы вам не прокатиться со мной и не рассказать о своих приключениях?

Маус и бен-Раби переглянулись. Это было совсем не то, чего они ждали. Сильно попахивало какой-то бэкхартовской хитростью. Но... если Старик сказал, что положение под контролем, оно под контролем. Лгал он редко, хотя голову поморочить любил.

— Ладно, — отозвался Мойше, внезапно приняв решение. — Николас, Киски, возьмите оружие и идите сюда. Адмирал, каков план транспортировки?

Все планетарные космопорты по соображениям безопасности располагались на порядочном расстоянии от города.

— Отличный. Сейчас прибудет... Ага. Вот уже здесь. — На поле выкатилась колонна десантных бронетранспортеров космической пехоты.

— А «Гиннесса» вы не прихватили? — спросил Маус. — Мы составили бы компанию.

— Полный трюм, — отозвался Бэкхарт. — А если повезет, то фон Драхов появится распить с нами парочку раньше, чем мы закроем лавочку.

— Юпп? — спросил бен-Раби. — Правда?

Он обрадовался. Юпп оставался другом, хотя теперь был на другой стороне.

Мойше и Маус посадили своих людей в первые машины, известили Киндервоорта об изменении ситуации и отправились в Город Ангелов, а в небе уже рокотали корабли второй волны.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ:
3050 н.э.
ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Слова Бэкхарта подтвердились. В Городе Ангелов было тихо. Центральный парк, зона отдыха в самом сердце города, был уставлен палатками, трейлерами и всяким снаряжением, которое адмирал одолжил у местной администрации. Шторм и бен-Раби покончили с размещением своей команды еще до полудня.

— Маус, — спросил бен-Раби, — а у тебя нет ощущения, что нас торопят?

— Это не ощущение, Мойше, это факт.

— И как же нам тянуть время?

Люди с «дипломатами» уже выстроились в очередь, чтобы получить небольшие каталоги, которые привез с собой Мойше.

«Тяните время», — сказал Киндервоорт. Кажется, этого им не позволят. Многочисленные торговые агенты и посредники, напуганные слухами о войне, требовали начать аукцион прямо на месте.

Космические пехотинцы оказались превосходными полисменами. Их помощь была неоценима. Они проявляли снисходи-

тельность только к туристам-сейнерам. Казалось, адмирал был решительно настроен избегать серьезных инцидентов и помочь местным торговцам освободить любознательных сейнеров от всей твердой валюты.

Шторм потерял первого туриста на второй день пребывания на Сломанных Крыльях. Его вернули раньше, чем Маусу успели сообщить о похищении. Овчинка не стоила выделки — это был кок с «Даниона», который не знал ничего, достойного внимания.

— Началось, — сказал Маус, передавая смену Мойше. — Позаботься, чтобы перед выходом в город все у тебя отмечались. Проверяй их пропуска. У тех, за кем мы должны следить, пропуска красные.

— А ты знаешь, кто захватил того парня?

— Нет и даже не пытался выяснять. Просто передал дело Бэкхарту. Пусть его ребята побегают. А у нас останется больше людей для прикрытия критических направлений.

За свою смену Мойше тоже потерял несколько человек, но инцидент с носителем важной информации был только один. Его люди действовали превосходно и передали покушавшегося на похищение космическим пехотинцам Бэкхарта.

Похититель оказался прытким журналистом, которому хотелось обойти цензуру сейнеров и конфедератов. Бэкхарт ограничился тем, что вышиб его с планеты.

Шли дни, не принося неразрешимых проблем. Цены на аукционе росли до небес. Узлы первосортной амбры неизменно шли по рекордным ценам. Появился слух, что Конфедерация хочет прибрать всю торговлю к рукам. И потому не входящие в Конфедерацию миры и частные торговцы старались хапнуть побольше, пока еще можно.

От этих слухов Мойше нервничал. Бэкхарт на его вопросы пожимал плечами, и бен-Раби заподозрил, что Бюро приложило к этому руку.

Признаки надвигающейся войны, хотя и искусственно созданные, были убедительны. Вдоль границ Улантского Марша замечалось движение войск Конфедерации и Уланта. Люди начинали тревожиться.

Собираются они воевать друг с другом? Или объединятся против кого-то третьего? Газетчики тоже терялись в догадках.

утечки информации с Луны-Командной попеременно подтверждали то одну, то другую версию.

Журналисты были для Мойше самой большой проблемой. Каких только трюков они не придумывали, чтобы подобраться ближе к живым сейнерам. Сам Мойше дал три интервью. Кто-то намекнул журналистам, что он бывший агент Бюро.

Когда кто-то раскопал, что Мойше и Маус отвечали за знаменитый рейд фон Драхова к Адским Звездам, Мойше отказался от дальнейших интервью.

Потом интерес к сейнерам спал. Бряцание оружием на границе затихло.

Луна-Командная признала факт гибели секретной научно-исследовательской станции вместе со всей солнечной системой планеты ее расположения. Предсказанная теоретически бомба, обращающая звезду в сверхновую, была создана на практике. К несчастью, ценой огромных жертв.

Наверное, есть Бог, подумалось Мойше. Справедливый Бог, обращающий безумное оружие против его создателей.

Катастрофа оказалась записанной на ленту. Флот заявил, что она была снята транспортным кораблем, оказавшимся вблизи системы в момент взрыва. Эту ленту крутили часами по всем каналам.

Она впечатляла. Но что-то в ней было странное. Мойше не мог избавиться от ощущения, что она поддельная.

Бэкхарта, казалось, все это забавляло. Это было не в его стиле. Перед лицом подлинной катастрофы он так себя не вел.

У Мойше выдалась свободная минута, и он старался проглотить новости за последние шестнадцать месяцев, как вдруг в его кабинет-трейлер вошла Эми.

— Какого черта ты тут оказалась? — спросил он.

— Ничего себе приветствие от родного мужа! — усмехнулась она. — Я думала, ты будешь рад меня видеть. — Она схватилась за спинку кресла на колесиках, вытащила Мойше из-за стола, развернула к себе и шлепнулась к нему на колени.

— А я не рад. Здесь чертовски опасно.

— Ты, наверное, уже обзавелся подружкой. Знаю я вас, флотских.

— Опасно... А, ладно. Сдаюсь. — Он обнял ее. — Давай сюда свою морду, женщина.

Раздался стук в дверь.

— Брысь, девушка! Войдите!

Появился смущенный и извиняющийся юноша.

— Почта и сообщения, — объявил он. — Кажется, начинается всерьез.

— Что начинается?

— Вы прочтите.

Гонец попросил Мойше расписаться в получении и исчез.

Верхний микрофильм оказался копией лаконичного сообщения Грабера. Он выслал на разведку к Звездному Рубежу серьезные силы. Они были отогнаны объединенными силами сангарийцев и пиратов Мак-Гроу.

— Эми! Прочти это!

Она прочла.

— Что?

— Союз между пиратами и сангарийцами? — Он отметил копию и кинул ее в почтовый ящик Мауса.

Следующий документ был совершенно загадочным. Свободные торговцы с Карсона и Сьерры сообщали, что находившиеся там эсминцы флота ушли в гипер. Бен-Раби передал копию Эми.

— Все служащие флота на Сломанных Крыльях отозваны из отпусков. Двум эсминцам на орбите приказано готовиться к старту. Что ты об этом думаешь?

— Начинается война?

Он пожал плечами.

В папке оставался журнал «Литерати», к которому прилагался вручную надписанный конверт, адресованный Томасу Мак-Кленнону, капитану второго ранга.

Это озадачило Мойше.

— Смотри, ты получил повышение, — заметила Эми. В ее голосе звучало подозрение. Он удивленно посмотрел на нее. Ее лицо залилось краской ярости и испуга.

— Какого черта? — Он отложил конверт в сторону и открыл оглавление журнала. Где-то в середине ему попался заголовок: «Все, кто был в Иерусалиме до меня», за которым следовало его имя. — Нет, — пробормотал он, — ничего не понимаю.

— Что это? — Эми заглянула ему через плечо. — Я что, должна тебя поздравить? Не понимаю, что здесь происходит.

— Я тоже не понимаю, любимая. Поверь мне, это правда. — Он обнял ее за талию и открыл рассказ.

Этот рассказ он написал на борту «Даниона» еще до того, как решил стать сейнером. Как он попал в журнал?

Мойше переключил мысль на задний ход.

Он не клал рукопись ни в одну из сумок, утерянных вместе со всем имуществом, которое отправилось в Конфедерацию без него. С тех пор он не видел рукописи, но был уверен, что она у него в каюте. Он ее не трогал. В этом он был уверен.

— Эми, помнишь мой рассказ? Тот, что ты никак не могла понять? Ты не знаешь, что стало с рукописью?

— Нет. Я думала, ты ее выбросил. Я не стала спрашивать, думала, ты рассердишься. Я не оставляла тебе на нее времени, но знала, что тебе очень хочется писать.

Он позвонил в Службу безопасности «Даниона». Пятнадцать минут спустя он знал точно. У него в каюте не было рукописи.

Полагая, что она спокойно лежит на полке, бен-Раби никогда о ней не беспокоился. Он забеспокоился теперь.

В этой рукописи, записанная невидимыми чернилами между строк и на оборотной стороне страниц, содержалась вся информация, собранная им и Маусом о звездоловах. Если это попало в руки Бюро...

— Эми, то дело с сангарийским подстраховщиком... Идем. Мне нужно переговорить с Ярлом. — Он схватил ее за руку и потащил прочь из кабинета, выдернув микрофильмы из ящика Мауса.

— Что ты как с цепи сорвался? — запротестовала она. — Остынь, Мойше. Мне больно.

— Поторопись, это важно.

Они нашли Киндервоорта в ресторане «У Пальяччи». Это было тихое, уютное заведение окнами в парк, куда захаживали и сейнеры, и конфедераты, накачивая друг друга вином и спагетти. Бен-Раби пролетел мимо привратника в форме карабинера, оставил за спиной вылощенного метрдотеля и прошагал через выдержанный в темных тонах обеденный зал, сквозь чесночные ароматы, в небольшой отдельный кабинет. Там последнее время держал свою ставку Бэкхарт.

Они с Киндервоортом играли в слова. Киндервоорт проигрывал. Появление Мойше его выручило.

Мойше шлепнул бумаги на стол перед Киндервоортом.

— Нас поимели.

Киндервоорт просмотрел верхнее сообщение.

— Куда направляются ваши корабли? — спросил он Бэкхарта.

Адмирал издал короткий смешок.

— Друзья мои, я же вам таких вопросов не задаю. Но не тревожьтесь, друзья мои. Вашего народа это не касается. По крайней мере не касается впрямую.

Адмирал снова хихикнул, как старик, вспомнивший проделки молодости.

Киндервоорт прочитал второе сообщение, а потом принялся за журнал.

— Кажется, ты ждешь поздравлений, Мойше. Что ж, поздравляю.

— Ярл, я закончил рассказ только за два дня до того, как наземники отправились домой. В эту кашу я попал капитаном. Кто-то передал рассказ на корабль, уходящий на Карсон.

— И что?

— Это был не я. Я не упаковал его с остальными вещами, потому что там были заметки, которые я вел вот для него.

— Ага. Понимаю. — Киндервоорт окинул взглядом Бэкхарта.

— Эта очаровательная леди — твоя невеста, Томас? — улыбнувшись, спросил адмирал.

Эми подарила ему неуверенную улыбку.

— Поосторожнее с ним, дорогая. Это еще один Маус. Он может охмурить даже гадюку.

Киндервоорт погрузился в размышления. Наконец он спросил:

— Там было что-нибудь важное?

— Не помню. Думаю, большей частью это были социальные наблюдения. Что-то вроде того. Впечатления. Догадки.

— Присядь, Томас, — проговорил Бэкхарт. — Миссис МакКленнон, что будете пить? Или может быть, позавтракаете с нами?

— Бен-Раби меня зовут! Мойше бен-Раби, — рявкнул бен-Раби.

— Ну, ты же знаешь, что я привык к Мак-Кленнону. Не будешь же ты ждать от старой собаки, что она научится новым штукам. — Он позвонил, подзывая официанта. — Миссис Мак-Кленнон, вы заарканили совершенно необыкновенного человека. Я своих людей называю «мои мальчики». Как сыновей, так сказать. Томас и Маус были моими любимчиками.

Бен-Раби нахмурился. К чему это клонит старый лис?

— Итак, хоть он сменил сторону и мне это больно, я пытаюсь его понять. И я счастлив, что он нашел себе пару. Вы нужны ему, женушка, так что не обижайте его.

Эми начала оттаивать. Бэкхарту удалось очаровать ее настолько, что она улыбнулась искренне.

— Вот так, вот так. Я порекомендовал бы взять спагетти, дети мои. Поразительно хороши для этакого захолустья.

Ярл кашлянул, не слишком деликатно напоминая, что пора бы вернуться к делу.

— Ладно, — сказал Бэкхарт, поворачиваясь к Киндервоорту. — Я пользуюсь прерогативой старика и меняю свое намерение. Я изложу все факты, чтобы между нами не было недопонимания.

— Ну-ну, — саркастически вставил бен-Раби.

— Томас, Томас, ну зачем такая постоянная враждебность? — Адмирал сделал глоток вина. — Давайте для начала вернемся назад, к Улантской войне. К причинам, побудившим их напасть на Конфедерацию.

Наши синие друзья пекутся об отдаленном будущем. Мы, обезьяны, способны создать всего лишь десятилетнюю программу модернизации флота или двадцатилетний план развития колоний. Улантиды просчитывают технологические и социальные эффекты на столетия вперед. Мы были бы избавлены от многих неприятностей, если б удосужились заглянуть в их учебники. Томас, цеди свое винцо и наберись терпения. Я постепенно перехожу к сути дела. Вот что я хочу, чтобы вы поняли: они далеко заглядывают, чтобы понять, что их ждет в день после следующего года.

— А какое это имеет отношение к тому, о чем вы собираетесь говорить? — спросил Киндервоорт.

— Терпение, терпение, сейчас объясню. Понимаете, именно это-то и плохо в нашей расе. Мы всегда ужасно спешим.

Мы никогда не заглядываем вперед. К чему я веду? Улантиды вперед смотрят. Когда ненависть, оставшаяся после войны, улеглась и мы снова позволили им строить корабли, они возобновили глубокую разведку.

— И что? — спросил Мойше. Он старался слушать спокойно, но почему-то вдруг почувствовал, как у него по спине пробежали мурашки.

— Дай старику говорить, как он привык, Томас. Не каждый день я делюсь вселенскими тайнами в итальянском ресторанчике. Да, так вот. Около тридцати лет назад улантиды обнаружили новую расу. Это произошло на дальнем участке Рукава. Потом они привлекли к этому событию и наше внимание.

Друзья мои, в сравнении с этой расой даже наши приятели сангарийцы кажутся ангелами. Я сам видел, как действует новая раса. Словами это не опишешь. И, должен вам сказать, я надеюсь, что мне не придется увидеть еще их раз, особенно здесь, в нашем пространстве. Это ужасно, ребята. Просто ужасно. Когда они уходят с какой-нибудь планеты, на ней не остается ничего, крупнее таракана.

Адмирал сделал эффектную паузу. Аудитория ответила молчанием. Он провел взглядами по лицам.

— Это не сразу проглотишь, — произнес Мойше.

— Точно. Нужно было какое-то время, чтобы переварить то, что нам сообщили синие. Нам — это Луне-Командной. Улантиды сообразили, что не надо соваться в навозную кучу, называемую Правительством. И уже много лет мы готовимся вместе с улантидами, и единственный штатский, кто об этом знает, — министр.

Бен-Раби вспомнил свое последнее посещение Луны-Командной перед отправкой на задание к сейнерам. На базе творилось что-то совершенно непонятное. Туннели полнились слухами о войне и кишели военными разных рас и с разных планет, населенных людьми, но не входящих в Конфедерацию. Даже тогда в воздухе витало ощущение надвигающейся грозы.

— Так, значит, конфронтация с улантидами — всего лишь дымовая завеса? Фейерверк, который вы организовали вместе с Примой Защиты, чтобы под шумок выбить из своих пра-

вительств побольше средств? Адмирал, первый урок, который мне вдолбили в голову в Академии, это то, что службы не занимаются политикой.

— Ага, и это первый урок, который приходится забыть кадровому офицеру, Томас. Один из моих помощников недавно процитировал мне слова одного римского солдата. «Мы и есть империя». Томас, службы и есть Конфедерация. Те из нас, кто поседел на службе, понял это сердцем. Мы делаем политику. Я, именно я, формирую внешний облик Конфедерации. Я делаю это прямо сейчас, заявляя вам об этом. И все же здесь нет большого секрета. Информация уже начинает всплывать. Об этом знают столько людей, что правду уже невозможно скрыть. Через три месяца каждый гражданин увидит кассеты с записью уничтожения мира, который я посетил. Могу показать эту кассету вам. Просто зайдите ко мне в штаб. Тогда вы не будете думать, что я напускаю тумана.

— Я не думаю, я знаю. — Но Мойше не был уверен. Он знал Бэкхарта уже лет десять и никогда не видел его более взволнованным, более напряженным. Бен-Раби почувствовал ту же ауру, что возникала вокруг Мауса, когда он упоминал сангарийцев. — Вы говорите как человек, который вдруг обрел религию.

— Ты прав, — кивнул Бэкхарт. — Я слишком увлекся. Но я видел все своими глазами. Это совершенно бессмысленно и потому это так страшно. Они перелетают от мира к миру, как галактические эскадроны смерти... Прости, я опять увлекся.

— Зачем вы нам это рассказываете? — спросил Киндервоорт.

— Пытаюсь пролить свет на то, что мы делаем. Мы хотим нанести первый удар еще в этом году, но прежде нам надо еще кое-что уладить.

Бен-Раби вдруг очень отчетливо почувствовал приближение опасности. Он с изумлением оглянулся через плечо. За ним никого не было.

История Бэкхарта, какой бы дикой она ни казалась, прекрасно объясняла странные действия Служб. Все становилось на свои места.

— А что еще вам надо уладить? — спросил Мойше. Он посмотрел на Бэкхарта, ожидая, что тот начнет говорить о звездоловах.

В свете сказанного Бэкхартом стал ясен смысл его задания у сейнеров. Связь была опорой любого флота. Каждый добытый кусок амбры увеличивал боеспособность флота.

Бэкхарт снова удивил его.

— Сангарийцы, Томас. Это черви, подтачивающие нас изнутри.

У Мойше сработал внутренний сигнал тревоги.

— Вы думаете, что сангарийцы не будут долгосрочной проблемой?

— Нет, благодаря Маусу.

— Что? — одновременно воскликнули Киндервоорт и бен-Раби.

— Томас, зачем вас послали к звездоловам?

— Чтобы обнаружить для вас стадо звездных рыб. Чтобы обеспечить флоту источник амбры, которым ему не придется делиться.

— Именно так ты и думал. И должен был так думать. На самом деле союз с сейнерами был скорее целью политической, а не военной. Луну-Командную это не интересовало. Мы давно знаем, как найти флот Пейна. Да-да, капитан Киндервоорт. И рыбаков можно завербовать. На борту «Даниона» у меня тоже есть агенты. Именно это и заподозрил Томас, когда вломился сюда вместе с этим своим журналом. Но мы не видим необходимости загонять вас в состав Конфедерации. Захват ваших траулеров мог бы вызвать всеобщий бунт. А сейчас... Если б я был звездоловом, который печется о своем будущем, я бы начинал зубрить устав Конфедерации.

Тонкие губы Киндервоорта тронула злобная улыбка.

— Не думаю, что у нас есть повод для беспокойства, адмирал.

Бэкхарт подмигнул Мойше и кивнул в сторону Киндервоорта:

— Плохо он меня знает, правда, Томас? Ваше задание было направлено против сангарийцев. Ты должен был сам догадаться. Все было поручено Маусу. Не перебивай старших, сынок.

Бен-Раби собирался спросить, зачем же его тогда послали.

— Я думал, что звездоловы, имея дело со свободными торговцами и ребятами Мак-Гроу, могут иметь ниточку и к сангарийской Метрополии. Предположение оказалось ошибочным, но интуиция меня не подвела.

«Лжешь, — подумал Мойше. — Ты подтасовываешь прошлое под свои нынешние нужды. Ты знал и контролировал гораздо больше, чем когда-нибудь скажешь».

— Маус нашел то, что мне было нужно, — продолжал Бэкхарт. — Он выудил информацию из навигационного компьютера захваченного на Звездном Рубеже рейдера. Данные он послал мне. Фон Драхов получил приказ к атаке. Судя по тому, какая поднялась заварушка, с заданием он справился. Сейчас скорее всего он на пути домой, и за ним гонится толпа. Так что, Ярл, у Звездного Рубежа вам будет полегче. Возможно, вам не придется с боем прокладывать дорогу к планете. Можно сказать, мы оказали вам услугу.

Бэкхарт откинулся в кресле и с усмешкой наблюдал за опешившим Киндервоортом.

— Тебе не перешутить шутника, мой мальчик. Мы предположили, что вы собираетесь сделать, прежде чем вы явились сюда. Наши агенты подтвердили эти предположения.

— Если вы об этом знали, — проговорил Мойше, — то почему же не помешали нам? Я бы считал, что вы накинетесь на Рубеж как...

Киндервоорт толкнул его под столом.

— По нескольким причинам, Томас. Наши силы и так слишком растянуты необходимостью прикрывать торговые корабли от рейдеров, если те слишком обнаглеют. Вражда с вами нам тоже не нужна. И наконец, все равно вы только зря потеряете корабли и людей. Так чего же нам волноваться?

Бен-Раби изучал старика. Бэкхарт все же волновался. Что еще спрятано у него в рукаве? Похищение оружия после того, как сейнеры откроют планету?

Сообщил ли Маус о том, что у рыбаков есть реальные шансы на успех?

Почему адмирал здесь, а не на Луне-Командной? Звездный Рубеж — единственное объяснение.

Все сводилось к Маусу. Черт возьми! Он что, просто уступил своей старинной ненависти и передал информацию о сангарийцах? Или он по-прежнему докладывает адмиралу?

— Если ваши силы так разбросаны, — спросил Киндервоорт, — то как же вам удалось организовать рейд на Метрополию?

— Это не рейд. Это уничтожение. Предположим, что катастрофа со сверхновой бомбой не была такой полной, как сообщили газетчикам. Предположим, пара бомб была погружена на корабль еще до взрыва базы. Мы можем даже рискнуть и предположить, что некий фон Драхов запустил одну из них в солнце Метрополии.

Бен-Раби вскочил со стула, стряхнув с себя руку Эми, которая вдруг крепко стиснула его запястье. Он глядел поверх Бэкхарта, и перед его мысленным взором вставало такое, что он был готов проклясть сам себя.

Уничтожение целой солнечной системы!

— Вы псих. Вы все психи!

— Знал бы ты, как долго и мучительно рождалось это решение. Томас, у меня тоже есть совесть. И мы бы вопреки меморандуму четыре дробь шесть не приняли такого решения, если бы не центральная раса. Знаешь что, Томас? Идем, прежде чем судить нас, взгляни на эти кассеты. Пойдем, ладно?

Бен-Раби его не слышал. Он снова думал о том дне, когда в него стрелял подстраховщик. Как Маусу удалось переправить рукопись к Бэкхарту? Киндервоорт ни на секунду не спускал с них глаз. Должно быть, это проделали агенты Бэкхарта среди сейнеров, пока все внимание было обращено на Мауса.

Он вспомнил сейнера по кличке Сварливый Джордж. Старик Джордж был нумизматом. Они с Мойше пару раз менялись монетами из коллекций. У Джорджа коллекция была замечательная. Он клялся, что сделал это удивительное приобретение вслепую, много лет назад, во время аукциона на Большой Сахарной Горе.

Любой настоящий коллекционер уязвим. А Джордж был просто одержимым.

Этот самый Джордж прибыл в Город Ангелов с первой же группой туристов. Он заглянул в офис, чтобы спросить о лав-

ках для коллекционеров. Мойше отправил его к Шторму. Маус дал ему список.

— Адмирал, сколько у Бюро лавочек для коллекционеров?

Бэкхарт поднял бровь.

— Черт побери, Томас! Я всегда знал, что у тебя превосходная интуиция. На сегодняшний день только одна. Как это ни странно, она почему-то в Городе Ангелов.

— Другими словами, это место сослужило свою службу.

Бэкхарт наклонился к Киндервоорту:

— Теперь понятно, почему он такой молодой, а уже капитан второго ранга?

Киндервоорт ничего не понимал.

Язва, которая уже год не беспокоила Мойше, вдруг напомнила о себе резкой болью в желудке.

В дверь постучали.

— Вы здесь, мистер бен-Раби?

— Входите. В чем дело?

— Кто-то пытался убить мистера Шторма.

— Что? Как?

— Это была женщина, сэр. Она подошла и открыла стрельбу.

— Он не ранен?

— Нет, сэр. Он бросился за ней. Она бежала в сторону Старого Города.

Старый Город был частью Города Ангелов, которая располагалась под древним куполом, построенном еще первыми поселенцами. Сегодня в этом районе располагались в основном склады.

— Думаешь, эта та сангарийка? — спросил Киндервоорт.

— Мария? Да, это единственное, что могло заставить Мауса бросить все и кинуться за ней, — ответил бен-Раби.

— Как она здесь оказалась? — спросила Эми.

— Мне лучше отправиться за ним, — сказал Мойше. — Не возражаешь, Ярл?

— Это твоя смена. Поступай как считаешь нужным.

— Эми, оставайся с Ярлом. Найдите мне шестерых свободных от дежурства добровольцев, — обратился бен-Раби к курьеру. — Пусть соберутся около моего трейлера. С оружием.

— Есть, сэр!

Мойше наклонился и поцеловал Эми.

— До скорого, милая.

Мойше пожалел, что последнее время был с ней не очень ласков. Но ход событий оставлял им очень мало времени.

Он поймал странный взгляд, брошенный на него Бэкхартом. Недоуменный и вопросительный взгляд.

Что это могло значить? Продолжая гадать, он направился к двери.

У выхода Мойше остановился и оглянулся еще раз. Киндервоорт и Эми, погруженные в свои мысли, молча потягивали свои бокалы. Бедняга Ярл. Слишком много на него свалилось. Он все больше и больше терял инициативу, становясь номинальным руководителем. От культурного шока?

Но он переживет. Вернется в привычную обстановку, и все пройдет. О Ярле Мойше не тревожился.

А интересовало его волшебное исчезновение адмирала в тот момент, когда Мойше повернулся спиной.

Бен-Раби не хотелось в этом признаваться даже себе, но он любил старика, как отца. Их отношения были напряжением любви-ненависти отца и сына. Но доверять старику нельзя. Теперь они в разных племенах.

И если Мойше хочет опередить Бэкхарта, надо поторопиться.

Он прошел уже около квартала, когда увидел первый плакат, криво прилепленный к кузову десантного бронетранспортера. Мойше прошел мимо, потом в голове у него что-то щелкнуло. Он остановился как вкопанный, обернулся — и глаза у него полезли на лоб.

На него смотрело огромное, в метр высотой, лицо женщины.

— Элис... — хрипло шепнул он.

Хлоп! На него снова пала темнота. Он не знал, где он и кто он. Он шагнул, шатаясь, к машине и опустился на одно колено.

В голове прояснилось. Он в Городе Ангелов... Мойше огляделся по сторонам. За ним шел человек... Нет, это было в прошлый раз. Или сейчас?

Одно мгновение он не знал, кто он: Гундакар Нивен или Мойше бен-Раби. Кто-то пытался убить Гундакара Нивена...

Он изо всех сил затряс головой. Туман исчез.

Не важно, какое имя он носит. Нивен. Мак-Кленнон. Перчевский. Бен-Раби. Любое другое. Враг у него один.

Он вернулся к бронетранспортеру. Плаката не было. Он обошел кругом замершую машину и не обнаружил никаких следов его существования.

— Что за чертовщина со мной делается? — пробормотал он и снова направился к своему трейлеру.

Второй плакат попался ему в каких-нибудь пятидесяти метрах от трейлера. Реакция была та же. Он вцепился в борт палатки, где жили его люди, и судорожно, как утопающий, глотал воздух. Плакат исчез.

«А был ли он?» — подумал Мойше.

Хрупкая стабильность, которую помог ему обрести Головастик, рушилась. Неужели он уже на грани срыва?

Бен-Раби взобрался в трейлер с ощущением человека, у которого за плечами лишних пятьдесят килограммов, и рухнул в свое вращающееся кресло. Сердце бешено колотилось. В ушах стучало. Он испугался, закрыл глаза и попытался отыскать ключ к происходящему. Не нашел.

Все дело в этом контакте с прошлым. Личность бен-Раби не была его истинным «я». Она не смогла выдержать столкновения с миром, к которому привык Томас Мак-Кленнон.

Тут он заметил, что у него на столе лежит конверт. Тот самый, что был прикреплен к выпуску «Литерати».

Бен-Раби уставился на конверт, будто тот был ядовитым. Он попытался отодвинуться. Правая рука сама тянулась к письму.

Оно было от Греты Хелсунг, девочки, которой он помогал в Академии. Его псевдодочери. Это было благодарное, заботливое, дружелюбное послание на семи страницах убористым почерком. Грета рассказывала о своих успехах в Академии и о своей постоянной тревоге за него. Ей было известно, что его схватили враги Конфедерации. Его друзья обещали спасти его. Они должны были передать ему ее письмо. И так далее, и так далее. Она его любит, все друзья на Луне-Командной чувствуют себя хорошо и скучают по нему, она надеется его скоро увидеть. К письму прилагалось несколько фотографий хорошенькой блондинки в черной форме флота. Вид у нее был счастливый.

Было еще письмо от старой подружки. Макс выражала те же чувства более сдержанно.

Чего они добиваются? Почему прошлое не хочет оставить его в покое?

У Греты такая очаровательная, победная улыбка...

Мойше зажмурил глаза и постарался подавить конфликтующие эмоции.

Сначала ему стало холодно, потом бросило в дрожь. А потом стало невыносимо страшно.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ:
3050 н.э.

ОТСТУПЛЕНИЕ

Разведывательный флот состоял из пятидесяти кораблей. Люди два года не видели друзей. Галактика велика, они были в десяти тысячах световых лет от дома и двигались к центру галактики по следам древних разрушений.

Сначала кораблей было восемьдесят один. Некоторые погибли. Другие остались позади, расставленные через равные промежутки, чтобы транслировать инстелные сообщения от разведчиков. Большинство кораблей были маленькими и быстроходными, оснащенными для наблюдения и разведки.

Флот уже прошел почти предельное расстояние. Еще три месяца — и кораблям придется повернуть назад, а тревожные вопросы так и останутся без ответа.

Продвижение к центру было медленным и методичным, но космос беспределен, и им удалось собрать о вражеской территории только отрывочную информацию.

Звезды здесь располагались плотно. Ночь вокруг кораблей была усыпана самоцветами куда теснее, чем у внешнего конца Рукава. Небеса были странными и чужими. Планеты — молчаливыми и голыми.

Где же центральная раса строила свои корабли? Откуда выныривали эти полчища убийц?

Детекторы улантидов засекли конвои, идущие от центра. Они видели парад мертвых планет. Но не нашли ничего, напоминающего базу, оккупированную планету или промыш-

ленный центр. Они выяснили только одно: враг расположился где-то еще ближе к сердцу галактики.

Были обнаружены меченые астероиды в мертвых солнечных системах. Огромные металлические корпуса от трех до пяти километров в диаметре, одинаковые по форме и строению. Таких астероидов с передатчиками нашли одиннадцать. Улантские специалисты не смогли установить назначение этих передатчиков.

Исследователи обнаружили пять маршрутов, по которым вражеские корабли двигались вдоль Рукава. Каждый из них был рекой заряженных частиц, ионов и свободных радикалов.

Контакта тщательно избегали. Была поставлена задача только наблюдать.

Дистанционное наблюдение за заряженными потоками обнаружило не только крупные армады, движущиеся в сторону от центра, но и регулярный поток курьерских кораблей в обоих направлениях. Это означало, что у противника не было инстелной связи. Что было важно. Союзники получат тактическое преимущество за счет возможности координировать свои силы на гораздо больших расстояниях, чем противник.

Ядром улантского флота был его единственный настоящий боевой корабль, превосходивший даже корабли Конфедерации класса «Империя». Назывался он «Танец в Рубиновом Рассвете».

Люди называли свои корабли в честь воинов, сражений, городов, древних колоний, павших империй и боевых кораблей прошлого. Улантиды пользовались названиями поэм и романов, симфоний и произведений искусства. Каждая раса находила систему другой по меньшей мере эксцентричной.

На борту «Рубинового Рассвета» находилась команда связи, созданная Бюро разведки флота. Эти люди были куда дальше от дома, чем их улантские спутники.

Задача была непростой. Им приходилось просеивать всю поступающую информацию и отбирать крупицы, достойные передачи на Луну-Командную. Людям приходилось быть очень дипломатичными со своими хозяевами. Двенадцати ученым, отделенным от ближайшего представителя своей расы одиннадцатью тысячами световых лет, приходилось нелегко.

В рабочий отсек людей вошел улантский офицер.

— Капитан Рассел? У нас есть кое-что, что может вас заинтересовать.

Рассел был невысоким крепким негром, похожим на шкаф. Он чуть не брякнул:

— Ну, заберем через пару часов. Куда, к чертовой матери, спешить?

Но сдержался. Синие были настолько предупредительны, что он устыдился даже своего желания сказать резкость.

— Важное? — спросил он. В поведении синих теперь тоже чувствовалось напряжение, хотя они были куда более привычны к долгим полетам.

— «Песнь Мирион» засекла мощный источник нейтрино. На естественный он не похож. С другой стороны, до ближайшей звезды — две трети парсека. Командование направило туда несколько кораблей-зондов с разных направлений. Нам показалось, что вам было бы любопытно взглянуть на результаты.

— Конечно-конечно. Дорис, ты свяжись с ними через Голос Группы Номахрадина. Голос Группы, начинайте.

Рассел не ожидал ничего интересного. Синие приносили что-нибудь каждые три дня. И всегда этому находилось естественное объяснение. Но всегда приходилось кого-то к ним отправлять. Это было частью политики сосуществования. Не делай того, что может оскорбить синих. Ссоры и ворчание ограничены территорией команды людей.

Офицер связи приветствовал их словами:

— На этот раз может быть что-то серьезное, Голос Группы. — Он ткнул рукой в дисплей.

Рассел окинул взглядом сложное, но уже почти привычное оборудование. В огромном дисплее плавали зонды, участвующие в задании. Они заняли дугообразную позицию в одном световом годе от источника нейтрино. Вспыхивали и гасли цветные точки и стрелки.

Рассел был поражен. Источник не был точечным. Линии показывали, что с каждой точки наблюдения он занимал приблизительно половину угловой секунды по вертикали и по горизонтали. Рассел мысленно прикинул размеры.

— Боже мой, — пробормотал он. — Это шар... шесть на десять в двенадцатой километров в диаметре. Это же в пятьсот раз больше, чем диаметр старой Солнечной системы!

Голос Группы был удивлен не меньше.

— Вот это находка, капитан!

Рассел еще раз окинул взглядом дисплеи. В этом районе было столько вещества, что пространство слегка искажалось. Позади источника не было видно звезд.

— А это не может оказаться черной туманностью?

— Слишком плотная.

— Вы подойдете поближе?

— Когда согласуем с начальством.

— Что бы это ни было, оно движется. И с чертовски приличной скоростью.

— Именно поэтому мы так и заинтересовались, капитан.

Рассел огляделся в поисках свободного места. Все кресла были заняты. Новость уже облетела весь корабль. Рубка кишела любопытствующими синими. Торжественно вошла Сердце Щита, или Адмирал флота. Она пожелала переговорить со своими офицерами по науке, причем из любезности пригласила и Рассела. Тот только слушал. Здесь не место высказывать свои мысли.

Потребовалось три дня, чтобы организовать посылку зондов. На пути шара предполагалось разместить многочисленные контейнеры с приборами чисто пассивного наблюдения и скрыть их среди древних космических обломков. За эти три дня было зарегистрировано оживленное движение курьеров в источник и из него. Два огромных конвоя вылетели оттуда к дальней границе.

Тщательное исследование космоса позади шара показало, что именно он был центром кипучей деятельности. Вражеские корабли сновали в кильватере шара. Его сопровождал кометный хвост кораблей, то отставявших, то догонявших вновь.

— Выглядит так, будто военные флоты расчищают путь этой громадине, — заметил Рассел своим соотечественникам.

— А не опережают ли они события? Я хочу сказать, до Конфедерации им добираться еще тридцать или сорок тысяч лет.

— Может, это временной запас на случай, если военные флоты натолкнутся на кого-то упрямого.

— Упрямого? Да они любого как катком раздавят. Их так много, что любые потери не имеют значения.

— И все же между ними и нами — большой разрыв в вооружении и технике связи. Два столетия как минимум. Это означает, что мы сможем убить гораздо больше их, чем они нас. Синие считают, что они застыли в технологическом стасисе. Их единственное оружие — численность. Если они столкнутся с кем-нибудь, кто превосходит нас в технике, то им придется плохо. Они, может, и возьмут верх, но на это уйдут многие поколения. Я бы даже предположил, что такое уже случалось, именно поэтому Сфероид так глубоко в тылу.

Экспедиции к звездным системам, которые лежали позади Сфероида, впервые доказали, что враг может жить и на планетах. На них трудились миллиарды похожих на кенгуру существ, судя по всему, преобразуя планеты согласно определенным спецификациям. Улантские эксперты полагали, что по окончании работы их с планеты снимают.

Еще одна загадка.

Еще больше маленьких завоевателей копались в астероидных и кометных поясах бесчисленных систем. Действуя огромными ордами, они освобождали целые солнечные системы от космического мусора.

Теперь становилось ясным назначение астероидов-маяков. Маленькие строители использовали их как передвижные миры. Огромные астероиды выдалбливали изнутри, прикрепляли к ним двигатели, и они превращались в звездолеты. Благодаря осевому вращению на них появлялась центробежная гравитация. Если внутри настроить этажей, то такой астероид мог обеспечить больше жизненного пространства, чем любая планета. С ростом населения рос и астероид.

— Они должны плодиться как мухи, — предположил кто-то. — Если им приходится превращать в жизненное пространство все, что попадается под руку.

— Вопрос, — вмешался Рассел. — Синие утверждают, что эти существа покидают планеты, окончив их преобразование. Почему?

— С этими тварями ни в чем нет смысла, — отозвалась какая-то женщина. — Думаю, мы теряем время, пытаясь смоделировать их мышление. Давайте сосредоточимся на поисках их слабых мест.

— Зная их цель, мы могли бы поискать способ их остановить, — предположил Рассел. — Думает ли кто-нибудь, что мы способны на это сейчас?

«Рубиновый Рассвет» стал кораблем отчаяния. Надежда исчезла. Космонавты больше не верили, что их народам удастся выжить в грядущей резне.

— Нам нужно прозондировать поглубже, — сказал Рассел. — Мы должны пройти еще столько же назад по следу Сфероида, если хотим знать, что они делают. Отсюда это выглядит как рассчитанный на миллионы лет проект по преобразованию галактики.

— Но мы не можем добраться так далеко.

— Не можем. К сожалению. И потому никогда не узнаем.

Когда заработали первые контейнеры, оставленные на пути Сфероида, весь экипаж приник к экранам, вчитываясь в поступающие данные.

Через несколько часов вид длинных шеренг огромных кораблей-астероидов, выстроенных в бесконечные ряды, убил всякий интерес.

Какой смысл заглядывать в глаза рока? Пусть следят машины, которые нельзя напугать.

Разведывательный флот повернул домой вслед за печальным известием, посланным вперед.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ:
3050 н.э.
ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

У трейлера собрались шесть лучших людей Мойше. Они были чернее тучи, застегивались на ходу и проверяли оружие. Каждый был вооружен пистолетом, ручным коммуникатором, противогазом и чем-нибудь еще, что посчитал нужным захватить. Все до одного не выспались и изо всех сил терли покрасневшие глаза.

Бен-Раби прислонился к косяку входной двери. У него все еще дрожали колени.

— Ребята, вы согласны драться, чтобы спасти моего друга Мауса?

— Мы в игре, шеф, — бросил кто-то.

— Он всего лишь иммигрант, как вы знаете.

— Если б мы были не согласны, нас бы тут не было, Джек.

— Мы готовы, сэр, — проговорил другой. — Теперь он один из нас. Лично мне он никогда не нравился. И мою девушку увел. Но своих надо защищать.

— Клаус, ты просто хочешь подраться, — заметил третий.

— Ну и что ж? Теперь у меня есть предлог.

— Хорошо-хорошо, — вмешался бен-Раби. — Успокойтесь. В этом пироге есть изюминка. Наверняка в деле замешана та сангарийка.

— Да? Может, на этот раз нам удастся довести дело до конца?

— Ну, я как-то уже пытался, только вот поддержки не получил.

— Сейчас плакать о ней никто не будет, капитан.

Мойше вздрогнул и взглянул говорившему в глаза. В них не было желания нанести оскорбление. Они с Маусом были назначены капитанами временных полицейских подразделений, в то время как Киндервоорт был капитаном постоянной Службы безопасности корабля. Сейнеры редко называли друг друга по званию или должности.

Мойше усмехнулся:

— Я думаю, что вы все идиоты. И спасибо вам за это. Я вернусь через минуту.

Он вошел в штаб и просмотрел, сколько на планете сейнеров. Их число уменьшалось. Ночью, когда почти все закрыто, туристу делать нечего. Мойше послал в Службу движения «Даниона» сигнал тревоги, означающий чрезвычайное происшествие и отмену увольнений на планету до специального распоряжения. Значит, часа через четыре на Сломанных Крыльях не останется ни одного сейнера, не принадлежащего к Службе безопасности.

Он вышел из штаба.

— Пошли!

Ребята заулюлюкали, как сбежавшие с урока мальчишки.

Мойше волновался за них. Эти парни думали, что им предстоит развлечение. Пришлось их приструнить, а то с таким настроением они могли влипнуть.

Бен-Раби загрузил их в бронетранспортер космической пехоты и занял место водителя. Двигатель завелся с первого раза. Машина под грохот гусениц рванулась к Старому Городу. Мойше был так встревожен, что не сразу вспомнил о глушителях.

Грохоча по пустым ночным улицам, бен-Раби пытался угадать действия Мауса. Куда мог отправиться Шторм? Это зависит от дичи. Если он ее потерял, то склад, который сыграл такую важную роль в их первом задании, был тем самым местом, где можно было снова взять след. Сангарийцы — от своей заносчивой храбрости или просто глупости — могли снова им воспользоваться.

Лабиринт высоких, прижатых друг к другу старых кирпичных домов давил почти физически. Мойше углублялся все дальше и дальше в чернильную тишину Старого Города. Район складов был неприятным местом. Запах нищеты и застарелого зла сочился из каждого переулка, из каждой двери. Бен-Раби бросило в дрожь. Он прибавил скорость.

— Уже близко, парни.

Он свернул на улицу, которая вела к нужному складу, и резко, с жутким скрежетом, остановил машину.

Вспышка, оставившая под веками сполохи голубого пламени, сообщила, что в полуквартале от цели уже идет схватка. Не на старом месте. Сангарийцы им явно не пользовались.

— Ощетинились, парни! Кажется, мы его нашли.

Еще одна вспышка. Мойше отъехал, чтобы не загораживать улицу.

— Выходите все. Вольно!

Бен-Раби взял карандаш и прямо на тротуаре набросал схему. Он сам удивился, с какой легкостью припомнил расположение Старого Города. Столько лет прошло...

— Ник, ты и Клэр пойдете отсюда. Клаус, возьми Майка и Вилли и заходите с этой стороны. Мы с Крафтом идем прямо по улице. Проверить коммуникаторы! Вперед, парни.

Ослепительные лазеры продолжали свою бессмысленную дуэль. Бен-Раби и Крафт, прячась в тени, двинулись вперед и вскоре обнаружили одного из дуэлянтов.

Мойше присмотрелся к схеме стрельбы.

Осаду склада вели трое. Изнутри отстреливался один. И явно достаточно умелый, чтобы сдерживать этих троих.

— Должно быть, они уже кого-то потеряли, — предположил Мойше. Было очевидно, что осаждающие порядком нервничали.

— Может быть, они его просто там держат для кого-то другого.

— Может быть.

Ситуация выглядела несколько странно. Человек на складе вел себя не так, как Маус. Тот не стал бы терять время и отстреливаться. Он предпочитал атаку.

— Что ты видишь? — спросил Мойше. Его спутник смотрел через инфракрасные очки.

— Их только трое. Забавно. Похожи на пиратов.

— Что? Дай-ка мне.

Мойше надел очки. Крафт прав. На штурмующих были боевые скафандры Мак-Гроу. Что за черт? Для Мак-Гроу это вражеская территория.

Но тогда внутри мог оказаться и Маус — если там и в самом деле были пираты. Теперь они объединились с сангарийцами. Шторма могли ранить... Шепотом отдавая приказы в наручный коммуникатор, Мойше расставил своих людей на позиции за спиной снайперов.

— Готовы? По команде стреляйте. Огонь!

Дело пошло не гладко. У сейнеров не было того, что нужно, чтобы убить человека хладнокровно и неспровоцированно. Завязалась жаркая перестрелка, в конце концов двоих удалось уложить, третий сбежал, получив раны, которые не скроет ни одна пластическая операция.

И все же Мойше тревожился. Слишком просто все выходило.

Бен-Раби менялся. В нем все громче говорил параноидальный охотник, в которого его превратило Бюро. Но сам он этого не осознавал.

— Все чисто, Маус! — крикнул он.

Ему в ноздри била вонь озона и раскаленных кирпичей. Вдруг его окружило облако пара, поднявшееся из лужи, оставленной запрограммированным послеобеденным дождем. Два лазерных разряда взяли его в вилку. Он метнулся к прикрытию.

— Проклятие, что там с этим мерзавцем? Он что, в трансе убийцы, что ли? Дай мне парализатор, — приказал он Краф-

ту, который от страха не мог шевельнуться. — Его, наверное, порядком потрепало. Вот. Возьми это. — Он кинул сейнеру свое оружие. — Давай. Соберись. Тебе придется мне помочь. Открывайте огонь, ребята, но поосторожнее. Я его парализую.

Парализатор, конечно, Мауса не обрадует, но альтернативы, которые приходили в голову бен-Раби, были куда менее приятными.

Лучи поставленных на минимум лазеров чиркали по рыжему кирпичу склада, превращая ночь в жуткий фейерверк. Вся улица внезапно ожила, теперь она трещала и искрилась. В воздухе, подобно призракам, плясали легионы теней. Ответный огонь стал неровным и полностью неэффективным. Мойше обнаружил его источник, тщательно прицелился и спустил курок.

— Иди туда! — прохрипел он Крафту.

Пронзительный визг парализатора не смолкал, пока несколько сейнеров не проскользнули в ворота склада.

Через несколько минут один из них показался из окна.

— Ты накрыл ее, Мойше! — крикнул он.

— Ее? Что ты бормочешь?

— Это женщина. Ты ее вырубил чисто. Кажется, нервная система не повреждена.

Иногда парализатор выкидывал жуткие штуки с нервной системой жертвы. Мог привести к смерти или увечью. Это нечасто, но бывало.

— Это Штрехльшвайтер?

— Нет. Иди сюда, она приходит в себя.

— А что с Маусом?

— Никаких признаков.

Женщина, подумал Мойше, направляясь к складу. Что за черт? В этом деле только две женщины. Эми и Мария. Если это одна из них, есть от чего взвыть.

Но сангарийка здесь, на Сломанных Крыльях. В этом он был уверен.

Когда Мойше вошел в комнату, из которой велась стрельба, женщина лежала, перевесившись через подоконник, и судорожно дышала. Плечи ее согнулись под тяжестью поражения. Мойше смотрел на нее с другого конца комнаты. Со спины она была на кого-то смутно похожа.

— Шеф здесь, леди, — проговорил один из его людей достаточно дружелюбным тоном.

Женщина оперлась на подоконник и повернулась.

— Элис!

Голос его был как у придушенной жабы.

— Томас.

На его сознание обрушились молоты тьмы. Руки, легкие как крылья мотыльков, пытались вытащить его оттуда. Чей-то голос за несколько световых лет спросил:

— Что с тобой, Мойше?

Несмотря на дополнительный эффект от появления этой женщины во плоти, приступ длился считанные секунды. Дрожа и холодея, бен-Раби все же взял себя в руки.

Элис стояла, опираясь на грязный подоконник, дыша прерывисто и неглубоко. Лицо ее было странно неподвижным, несмотря на очевидные попытки изобразить целую гамму чувств.

«Шок?» — спросил себя Мойше.

И попытался заглянуть внутрь себя.

Вот он точно был в шоке. Дрожа, он рухнул в пыльное старое кресло и уставился на невероятный призрак прошедшего романа. Мысли путались и кружились в водовороте хаоса. Душа стонала от муки, как в те давние времена знакомства с сейнерами. Все демоны, которых, как он считал, им с Головастиком удалось сковать, рвались теперь с цепи и вылезали из клеток. Необъяснимый символ, который он звал образом пистолета, то и дело вспыхивал и гас, как чудовищная неоновая реклама душевной болезни.

На этот раз Мойше не потерял сознание. Но и внутреннего равновесия не обрел. Он боролся с тем, что происходило у него в голове, отбиваясь от этого и одновременно пытаясь его анализировать.

В этих древних призраках что-то слегка изменилось. Они чем-то отличались от своих предшественников. Может быть, их исказило время, и они постарели и расплылись. Кто это орет?

— Мойше! Проклятие, что с тобой? — спрашивал Клаус. — Женщина, что ты с ним сделала?

Мойше слышал, но не отвечал. Что он мог сделать? Что мог сказать? Он не находил ответа ни Клаусу, ни Элис. Он не

ожидал встретить ее снова даже на тесной Луне-Командной. И уж конечно, не на окраинах Конфедерации, в тысяче световых лет от сцены их страсти и боли. Слишком невероятное совпадение... И все же вот она, сидит перед ним, неотвратимо реальная, как сама смерть.

Мойше сжал виски запястьями: голова раскалывалась мучительной болью, потом ухватился за живот — почти забытая язва вдруг неожиданно и весьма неприятно напомнила о своем существовании. Мысли кружились и ревели, как вспененный поток. Казалось, мозг сползает с фундамента. Все барьеры рушились. Менялись взгляды. Если ему не удастся ухватиться за спасительную нить и выбраться из половодья воспоминаний, его душа окажется в каменной пустыне, выжженной и голой, как разбомбленный город.

Ему удалось уловить отблеск реального мира. Он дернулся, как собака от удара плетью, рванулся вперед, хватаясь тысячью мысленных рук за топкий берег. Если бы продержаться до тех пор, пока он не найдет Мауса...

— Ты как? — спросила Элис.

Ее голос изменился. Он стал старше. Не таким музыкальным. Огрубевшим от прожитых лет.

Ее вопрос был совершенно бессмысленным. Всего лишь шум, призванный нарушить жуткое молчание. Мойше ответил не сразу. Его люди следили за ним с удивлением и растерянностью, им было не по себе от сознания, что перед ними обнажается душа.

— В порядке, — наконец промямлил Мойше. — А ты как?

— Теперь тоже в порядке.

Но это было не так. Ее отчаянно трясло. Обычная реакция на шок парализатора. Еще ее должен бить озноб.

— Почему эти люди в тебя стреляли? — спросил он, пытаясь обрести стабильность, сосредоточившись на деле. — Что ты здесь делаешь?

— Это была девочка, Томас. У нее были твои волосы и глаза.

— Заткните ей рот!

Все кружилось и горело. Глубоко внутри топкий берег начал сдавать. Демоны выли и хохотали. Безумный символ пистолета целился прямо в лицо Элис.

— Майк, — прохрипел Мойше. — Возьми двоих людей и гляньте на улицу, нет ли там людей Мак-Гроу.

Вторая отчаянная попытка овладеть собой не удалась. Берега размывались под напором безжалостного потока.

— Почему ты здесь? — прохрипел он.

— Я думала, все это умерло, — отозвалась она. — Я думала, я это забыла. Но я не могу, Томас. Уходи. Оставь меня в покое.

Оставить ее в покое? Да. Отлично. Но как же он заставит ее оставить в покое его?

— Леди, шеф задал вам вопрос, — прорычал один из его людей, кажется, Николас. — Отвечайте!

— Полегче, Ник. Давление здесь ни к чему. Это личное, к делу не относится.

Он заговорил слишком поздно.

— Не относится?

Рука сейнера стремительной змеей метнулась к лицу женщины. Удар поверг ее на пол. Сейнер на лету схватил ее за волосы и дернул. Она закричала, но ее крик не долетел до Мойше.

До него дошло только, что ее волосы, лицо и горло остались в руке Николаса. Сейнер поднял свой трофей, похожий на сморщенную, высохшую голову Горгоны. Лишившись маски, женщина смутно кого-то напоминала, но она уже не была старым призраком бен-Раби.

— Мойше, это все подстроено!

Бен-Раби не мог сдержать нервного смешка.

— Я и сам подстроен, Ник.

— Теперь говори, — обрушился Николас на женщину. — Что за игру ты затеяла?

— Не старайся, Ник. Мы ничего не добьемся. У нас нет необходимого оборудования. — Теперь на глазах женщины не было слез. Ее лицо выражало только страх. — Да и ничего нового она не скажет, — добавил Мойше.

Ему не нужно было оборудование. Сквозь хаос в голове забрезжило сильное подозрение. Кто-то обрабатывал его, и он даже догадывался, кто и зачем.

— Эй, Мойше, — окликнул его кто-то. — Майк говорит, что у нас неприятности. Люди Мак-Гроу. Около дюжины. Возле броневика.

Мойше постепенно брал себя в руки.

— Это была ловушка. Но их план пошел наперекосяк. — Он повернулся к женщине. — Пиратов в сценарии не было, ведь так?

К его удивлению, она ответила. Качнула головой.

— Передай Старику, пусть заведет гримеров получше. Ник, нам надо сматываться. Попробуй связаться с Киндервоортом по второму тактическому. Скажи ему, что нужна конвойная команда. Флотские сами позаботятся о своем броневике.

Мойше с трудом обретал обманчивый внутренний мир. И знал, что надолго этого не хватит. Надо поскорее кончать. Скоро он снова сорвется. Последняя соломинка сломала спину верблюда. Отныне каждый период спокойствия будет стоить ему все большего напряжения воли, обреченного в конце концов на провал. И разрушение пойдет быстрее, как только спадет накал борьбы за существование.

Мойше уже доводилось видеть такое у своих товарищей-агентов. Сейчас он находится на начальной стадии спонтанных, бесконтрольных, неуправляемых последствий депрограммирования искусственной личности. И процесс пойдет бурно. В его подсознании уже столько личностей, что он может потерять связь со всеми.

— А как быть с женщиной? — спросил Николас.

— Оставьте ее. Наш противник не она.

— Мойше, — сказал другой. — Ярл говорит, чтобы мы ждали его около Бабника Джонса. Ты знаешь, что он имеет в виду?

— Да. Это статуя в старом парке. Передай Майку. Он знает, где это. Ник, ты впереди. Ребята, держитесь плотнее. — Он повернулся к женщине. — До свидания.

Мойше не знал, что еще ей сказать.

Она с видимым облегчением пожала плечами.

Они выскользнули через заднюю дверь, пробежали квартал, прячась в тени. Бен-Раби начал беспокоиться о времени. Он достаточно долго не был на работе. Сколько еще займут поиски? Но все казалось так просто...

До него донеслись выстрел и крик.

Вторая пуля отскочила от кирпичной стены над головой бен-Раби. Камни мостовой превратились в стрелы, терзавшие его грудь и не дававшие вжаться в спасительную землю.

«Тени моего последнего пребывания на Сломанных Крыльях», — подумалось ему.

Ребята отвечали огнем на огонь. Лучи их лазеров скользили по кирпичным стенам зданий, загородивших аллею, где укрылся стрелок.

— Давайте, ребята! — рычал бен-Раби. — Стреляйте в него, а не в стены, черт вас возьми!

Четвертая пуля ударила в мостовую, и осколки камня угодили ему в лицо. Стирая капли крови, он подумал: почему убийца выбрал именно его? Может быть, это человек Марии?

Где Ярл? Где Маус со своими людьми?

— Проклятие, ребята, вы что, не понимаете, что это вам не компьютерная стрелялка?

Да где же Маус, с исчезновения которого и началась вся эта заварушка? На Мойше снова накатили эмоции, неуправляемые и спутанные. Он попытался взять себя в руки и не смог. Запрограммированная личность начала процесс саморазрушения. Единственным якорем, который удерживал его, была тяжелая, жаркая ярость.

У него за спиной послышался шорох подошвы по мостовой. Мойше перекатился, выстрелил, попал в ногу. Человек закричал и бросился под прикрытие.

Стрелок, вооруженный древним пистолетом, убегал бухающими шагами. Мак-Кленнон... Бен-Раби успел во второй раз выстрелить в свою жертву, прежде чем та скрылась из виду.

Еще одна тень скользнула под прикрытие дверного проема.

Программа Мойше прекратила саморазрушение.

Его чувствительность выросла до таких высот, которые обычно достигаются только лекарственной стимуляцией. Он чувствовал животом каждую неровность, каждую выщербину мостовой. Казалось, он слился в единое целое с грязью, оставленной запрограммированным дождем. Он видел серый и буроватый камень, ослепительные искры и вспышки из очередного дула, слышал удар пули, щелкнувшей по кирпичу над его головой. Он чуял запах сырости и серных испарений болотистой атмосферы, с которыми не могла справиться система кондиционирования. Казалось, он даже чувствовал привкус чего-то соленого.

Стоп! Это в уголок рта течет кровь с разбитого осколками щебенки лица.

Он отполз в сторону. Еще четыре метра — и кандидату в убийцы придется высунуться из-под прикрытия, чтобы продолжать огонь. Прыжок... вышло! Противник выстрелил. Мойше выстрелил в ответ и услышал крик. Люди бен-Раби бросились в аллею вслед за ним.

Ударом ноги Мойше выбил пистолет из руки несостоявшегося убийцы.

— Этот клоун такой же недотепа, как и вы, ребята. Идите сюда! Шевелите ногами, или я сам вам помогу.

Он грозно взмахнул парализатором.

На улице, которую они только что покинули, раздались крики. Он выстрелил навскидку, поворачиваясь, и бросился за своими людьми. Боль от телесных ран гнала его, как зверя, за которым охотятся.

«Кто я? — думал он. — Это на меня не похоже. Я не боевик. Гундакар Нивен? Нивен, кажется, был крутым типом».

Адреналин вызвал у него новый приступ дрожи. На службе Бюро ему уже приходилось испытывать такое, но он никогда не мог сравниться с Маусом в хладнокровии под огнем. Он всегда пугался, трясся, и ему постоянно приходилось бороться с желанием обратиться в бегство.

Может быть, именно поэтому он пережил несколько партнеров, подобных Маусу.

Но их тоже программировали для своих ролей.

На этот раз, кажется, он сработал хорошо. Он показал хладнокровие закаленного бойца и стрельбу, когда была пора стрелять. Даже и не знал, что он на это способен.

После дюжины петель и поворотов он замедлил шаг и, стараясь выглядеть туристом, направился к памятнику Джонсу. Его люди шли за ним.

Памятник не изменился. Это была все та же высокая бронзовая статуя, окруженная тем же маленьким парком, границы которого очерчивали завезенные сосны и кусты. Между деревьями и памятником располагалась дюжина подсвеченных фонтанов, где в непрестанно падающих струях плескались морские нимфы.

Парк был сердцем оазиса в пустыне Старого Города. Окружающие улицы вели к нескольким музеям, к опере, биб-

Луч лазера полоснул по сосне. Мягкий ветерок донес пряный дымок горящей хвои. Дальний дуэлянт ответил одиночным выстрелом. На мгновение стало видно его лицо.

Маус.

На этот раз никаких сомнений.

Шторм схватился за левую руку и метнулся на новую позицию. «Какого черта? — подумал бен-Раби. — Что этот идиот делает здесь с одним парализатором?»

Противник Мауса переменил позицию.

— Ха! — выдохнул бен-Раби. — Это она!

Сангарийка сделала пластическую операцию, но ее кошачьи чувственные движения не изменились. Она не могла скрыть эту смертоносную грацию хищницы.

Мойше попытался взять ее на прицел.

— Добро пожаловать, милая, — пробормотал он, ничуть не удивившись, увидев ее. Это была очередная фигура ее смертельного танца с ним и с Маусом.

Она не знает, что на сцену выходит новый танцор. Мойше усмехнулся. Вернулась часть его прежней личности. Он снова стал Гундакаром Нивеном, крепким орешком.

— Ага!

Сангарийка тоже была ранена. На левый бок была наспех наложена уже промокшая повязка. Маус был близок к цели, но убить ему не удалось. Странно. Это на него не похоже.

Это только значило, что Мария тоже не промах.

Бен-Раби тщательно прицелился и не спеша спустил курок. Женщина закричала, подпрыгнула, как кошка, которой наступили на хвост, и рухнула на цветной тротуар. Мускулы ее судорожно дернулись, потом она медленно замерла. Реакция, типичная для доброго выстрела в голову.

Мойше бросил взгляд на свой пистолет.

— Отличный выстрел, ковбой. Маус! — крикнул он, пытаясь перекрыть шум фонтанов. — Она в отключке.

— Мойше? — отозвался Маус. — Это ты?

— Да. — Голос Мауса показался ему очень слабым. — Ты сильно ранен?

— Выживу.

Шторм, спотыкаясь, вышел из укрытия и направился к статуе. Раненую руку он засунул за вырез джемпера, а пара-

лизатор нес, как револьвер. Проходя мимо Марии, он остановился.

— Мат. Наконец-то.

Взгляд его метнулся к статуе и снова опустился вниз.

— Расскажи мне, черт возьми, что же все-таки произошло, — крикнул бен-Раби. — Я чуть с жизнью не распрощался, пока гонялся за тобой.

— Она меня заманила. Показалась, выстрелила и скрылась. Я потерял голову. И угодил прямиком в ее западню. — Он взглянул наверх, и его лицо приняло странное выражение. — Но она ошиблась сильнее, правда? Позволила ненависти возобладать над рассудком. — Маус злобно усмехнулся. Его губы вытянулись в пугающее подобие вампирской ухмылки их противницы. — Знаешь, что самое смешное, Мойше? Она сотрудничала с Мак-Гроу. Страшновато, если подумать.

Маус замолчал. Он долго смотрел на женщину, будто жалел, что их кровной вражде пришел конец.

Бен-Раби не хотелось этого делать, но жизнь доказала необходимость следующего шага. Дважды ей давали шанс. Дважды она возвращалась для новой попытки. Если Маус ее не прикончит, то эта ведьма снова повиснет у них на хвосте — сплошь когти и клыки.

Она одной породы с Маусом, подумалось Мойше. Их обоих может остановить только смерть.

— Мы должны быть реалистами, Томас... Мойше, — пробормотал про себя бен-Раби. — Чему быть, того не миновать.

Он ждал. Маус оставался неподвижным. Время тянулось.

По прилегающей к парку улице загрохотали бронетранспортеры. Мойше оглянулся, ожидая увидеть Киндервоорта.

Нет. Космическая пехота. Но и это неплохо.

Отвернулся к Маусу. Почему он медлит? Потому, что у него нет смертельного оружия? Мог взять ее лазер. Или просто руками.

И тут Мойше понял. Маус думал о своем Святом Граале, ненависти, которая так долго им руководила. Он еще не знал о гибели Метрополии, но убийство Марии было бы символом того процесса, который он начал. Символом того, что цель всей его жизни достигнута. Юпп должен был стать его оружием... а Мария могла быть последним из его давних врагов.

В конце пути всегда ждет разочарование, мелькнуло в голове у Мойше.

Бедняга Маус. Глубоко внутри своего существа он сознавал, что со смертью Марии ему не останется, кого ненавидеть. Грааль, сверкавший издали, оказался очередной пустой кружкой.

— Куда мы отсюда, Томми? — тихо спросил Маус.

В тени между сапог Бабника бен-Раби/Мак-Кленнон мог только покачать головой. Он не знал.

Сознание Мойше/Томаса обратилось в ад. Внешнее давление спало. Не осталось ничего, что могло бы держать распад под контролем. Он был то одним, то другим, попеременно. Элис ползла по его мозгу, как паук по гниющей плоти. Что-то у него внутри кричало «Хочу» и не давало ему знать, чего хочет. Его охватывали внезапные порывы чувств. Ярость. Ненависть. Любовь. Печаль. Радость. Отчаяние. Секунда на каждое чувство — хлоп! Как удар кулака, и тут же проходит, будто внутри взломали склад эмоций и сбросили с полок в беспорядке.

Он обхватил голову руками и чуть слышно застонал.

— Не знаю, Маус, — прохрипел он.

Казалось, прошли годы с тех пор, как его партнер задал вопрос. Бен-Раби хотел ответить: «На Звездный Рубеж и назад, к небесным рекам», но другие персонажи у него в голове непрестанно твердили, что он никогда больше не увидит траулера, никогда не пойдет в кильватере стада, никогда не войдет в контакт, никогда не возглавит секретную службу сейнеров.

Должно быть, этот двойник Элис был тем самым гипнотическим ключом, подумал он. Она должна была выпустить на свободу все призраки, скрытые за барьерами, которые Головастик был не в силах преодолеть. Но ключ не отпер замок до конца, точно так же, как это не удалось Маусу, когда он пытался сделать это перед их запланированным возвращением в Конфедерацию.

Чего-то не хватало. Что-то пыталось вернуть его назад, не к тому Томасу Мак-Кленнону, каким он был перед операцией, а к самым истокам, к тому времени, когда он еще не подвергался никакому перепрограммированию личности.

Ему не хотелось пускаться в это путешествие. Он стремился к тому, что обрел в небесных реках, струящихся между звезд. Он боролся. Глубоко внутри он выл и метался, как дикий зверь в капкане.

С той стороны, откуда он пришел, раздавались сердитые крики. Космопехи разоружали его людей. Обычная предосторожность, подумал он. Его команда превысила пределы «разумных полномочий».

Маус принял решение. В пользу осторожности. Он наклонился, стал искать оружие Марии.

— Нет! — Голос был довольно тихим, чтобы его не было слышно издалека, но одновременно достаточно повелительным. Бен-Раби/Мак-Кленнон сжался в тени у ног Бабника. Появилась его Эми Многоименная. В руках у нее был маленький злобного вида пистолет. Черты лица были такие же холодные, как у Мауса, когда тот входил в транс убийцы.

Маус посмотрел на нее, заметил отсутствие любых эмоций и медленно выпрямился, но парализатор не выпустил.

— Где Мойше? — рявкнула она. — За ним охотятся, я должна найти его первой. Он вдруг оказался ключом ко всему. Вы двое только прикидывались, что перешли на нашу сторону, так? — Слова срывались у нее с языка так быстро, что губы едва поспевали за ними.

Маус не ответил. Он просто смотрел Эми в глаза, не давая ей отвести взгляд. Он сжимал оружие и ждал, когда ее холод даст трещину.

Или он ждал Мак-Кленнона? Томас не знал. Маус мог обратить угрозу собственной жизни в некое испытание.

Мак-Кленнон был уверен, что Эми не сможет выдержать такого напряжения. Ее к этому не готовили.

— Где Мойше? — снова спросила она. Голос ее вдруг сорвался.

— Здесь, любимая. — Он показался из тени. — Не двигайся, ладно?

Ее глаза метнулись в его сторону. Она заметила парализатор.

Маус поднял оружие.

— Нет, Маус. Только не мою жену.

Маус замер. Его остановил тон Мак-Кленнона. Шторм повернул голову и осторожно взглянул на партнера.

— Зачем, Мойше? — спросила Эми без всякого выражения. Ее оружие ни на миллиметр не отклонилось от невидимой точки на груди Мауса.

— Зачем что, дорогая?

— Предательство. Мы дали тебе все...

— Кого я предал?

Он услышал, как Эми мысленно шепнула «меня». Она открыла ему крепость своих чувств, а теперь оказалось, что он пришел к ней под знаменами любви, ложными знаменами, изнасиловал и растоптал ее душу.

Он чувствовал ее боль, но не понимал, что ее вызвало.

— Какое предательство? — спросил он. — Что стряслось?

— Космическая пехота арестовывает всех подряд. Они называют это «интернировать». Твой Бэкхарт отправил Граберу ультиматум. Или мы открываем Звездный Рубеж для флота, или он превращает Верфи в сверхновую.

Нет, подумал Мак-Кленнон. Что-то здесь не так. Что-то вывернуто наизнанку. Не то чтобы Бэкхарт не пошел на такую угрозу. Пошел бы и даже исполнил бы ее ради оружия Звездного Рубежа. Он был человеком, который верит в свою миссию. Но время, кажется, выбрано неподходящее.

Или подходящее? Сангарийцы и звездоловы крутились вокруг Звездного Рубежа. Бэкхарт мог свободно уничтожить мир любого из противников. Это была замечательная возможность. А раньше он хвастался уничтожением сангарийской Метрополии...

«Черт! Черт! Черт!» — думал Мак-Кленнон.

Агент, сидевший у него внутри — старая интуиция, — сложил все, что было и не было у Бэкхарта, и выдал теперь вполне правдоподобный ответ. Адмирал с самого начала подумывал о Звездном Рубеже. С того самого момента, как вызвал к себе Корнелиуса Перчевского, прервав его свидание с приемной дочерью Гретой.

В роли Мойше бен-Раби он должен был дать Бэкхарту рычаг, которым тот заставил бы сейнеров уступить мир-крепость Луне-Командной.

Он работал на адмирала, даже когда полагал, что действует против него. Черт! Черт! Черт!

И он дал адмиралу нужный рычаг. Бэкхарт выдал это, начав угрожать Граберу.

Адмиралу нужны были координаты Верфей сейнеров. Должно быть, Маус сообщил Старику, что у Мойше есть искомый ключ.

Грабер уступит угрозе. Со скрипом, но уступит. Человек в здравом уме не сможет поступить иначе, когда станет известно о судьбе Метрополии.

Грабер сдастся. Единственное, что было широко известно о Бэкхарте, — это то, что в своих угрозах он человек слова. В случае отказа он бросит бомбу.

Однако Мак-Кленнон был уверен, что сейчас Старик затеял колоссальный блеф. Ему не могут быть известны координаты Верфей. Туманность Трех Небес огромна, даже если он и догадается искать именно там. Насколько знал Томас, только трое могут рассказать Бэкхарту то, что он хочет знать. Эми и Киндервоорт будут молчать.

Проклятие, ну и попал же он в переделку.

Звездоловы никогда не называли между собой свою туманность Тремя Небесами. Мак-Кленнон сомневался, что хотя бы один из тысячи сейнеров знает ее общепринятое название и что хотя бы одному из ста тысяч известны точные координаты Верфей. Маус их не знал. Сам Мак-Кленнон узнал их совершенно случайно в споре с Эми.

— Где Ярл? — спросил он. Он хотел знать, насколько эффективно были исполнены его приказы, когда он предупредил флот. Наверное, хорошо. Эми вела себя так, будто она была единственным оставшимся на планете человеком с красным пропуском.

У нее на глазах блеснули слезы.

— Он мертв, Мойше. Он убил себя. Всего пятнадцать минут назад. Я удрала, когда они отвлеклись.

— Кто отвлекся?

— Военная полиция.

Ясно. Пикет на дороге был подстроен, и Ярл, предвидя удар Бэкхарта, сделал единственный ход, спасающий от мата. А сейчас Эми собиралась устранить последний источник информации. Его.

Где флот траулеров? Успел ли Бэкхарт сблефовать и перед Пейном?

Что Эми сделает с собой? Выпустит себе в голову лазерный заряд? Она на это способна. У нее есть склонность к саморазрушению.

А что, если Бэкхарт не врал о центральной расе? Это означало, что вся человеческая раса, да и несколько соседних находятся под угрозой истребления.

Тогда на карту поставлено гораздо больше, чем независимость сейнеров.

Бремя решения, которое он должен был принять, было не легче ноши Атласа. Тяжелее. Сотни миров могут от него зависеть... Амбра и оружие Звездного Рубежа. Они могли все изменить.

Что же делать?

Он прислонился к ноге Бабника, глядя на символы сторон его конфликта. Кого из них предать? Кого уничтожить?

Теперь все было в его руках, и не было ухода от решения. Он не мог пустить все на самотек в надежде, что все уладится само собой. Не выйдет на сцену бог из машины и не снимет с него эту ношу.

Он всю жизнь тосковал по героизму, хотя культура Конфедерации так мало этому способствовала. И если он подарит людям Звездный Рубеж и его арсенал, он станет единственным из триллионов. Он встанет рядом с Юппом фон Драховом, истребителем сангарийцев... Но для миллионов звездоловов он будет Иудой.

Кончики пальцев чувственно сжали оружие. Здесь все решения. В пистолете. Последний довод. Говоря словами древнего Мао: «Винтовка рождает власть». Война и насилие, подумал он. Некая раса утверждала, что они ничего не решают. Эти люди забыли о том, что мертвец редко возражает.

Он вспомнил маленькую улантскую монахиню, которую они с Маусом видели миллионы лет назад в космопорте Блейк-Сити на Карсоне, когда поджидали звездных рыбаков. Она отпевала мертвеца...

Он колебался. Избегал решения. Старался продлить шаткое равновесие как можно дольше.

Одно нажатие на спусковой крючок решит триллионы судеб. Друг? Или Эми, его любовь?

Эти символы оставались неподвижны, как тот человек, у ног которого стоял Мак-Кленнон. Они тоже ждали, понимая, что в эту минуту его власть богоподобна.

Маус — Мак-Кленнон был в этом уверен — уже давно знал об этой развилке. Может быть, с самого начала задания. Маус смотрел на пистолет в руке Эми, наполовину загипнотизированный притаившейся в нем смертью. Его еще никогда не касалась смерть... У него так долго был к ней иммунитет...

Эми была бледна и бледнела все больше. У нее было время подумать, оценить возможности, и она испугалась. Пистолет у нее в руке задрожал.

Маус пошевелился, едва заметно поднимая парализатор.

— Стой! — рявкнул Мак-Кленнон. — Это глупо. Есть выход.

Они посмотрели на него, лица их были серьезными и растерянными.

Его палец плясал на спусковом крючке. Эми, вскрикнув, упала. Удивление Мауса не знало границ. Мак-Кленнон, дрожа, всматривался в затененную деревьями улицу у него за спиной. Кажется, космопехов парк не интересует. Отлично. Если ребята будут держать рот на замке...

Он слез с пьедестала, подобрал оружие и снова парализовал Марию. Ее дыхание говорило о том, что она уже начала приходить в себя и, возможно, готовилась к новому броску.

Пока он будет выкручивать адмиралу хвост, ему нужны все трое. Может быть, удастся добиться спасения для всех, хотя Бэкхарт будет упираться, как дьявол.

Но, черт возьми, почему обязательно должны быть победители и побежденные? Каждый мог бы чем-то поступиться и что-то приобрести.

Бэкхарту придется сдаться, если он не сможет справиться достаточно быстро. Ему необходимо заполучить координаты, или весь его план рассыплется прямо у него в руках.

Мак-Кленнон рассмеялся. Он собирается переиграть Старика, а это такая же редкость, как птичье молоко. Продолжая посмеиваться, он перебросил Эми через плечо и нырнул в густую темноту Старого Города.

После этого она его возненавидит, но, поступая так, он даст ей больше, чем могла бы дать его любовь.

Он заглянул в свое сознание в поисках признаков нестабильности. Пока все шестеренки были на месте и крутились как надо. Ему удалось достигнуть некоего подобия равновесия. Не естественного, но на время сгодится. Сейчас он был немного каждым из тех, кем бывал раньше, — и кем-то еще.

Он надеялся, что продержится достаточно долго.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ:
3050 н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

— Что у тебя творится, Дамон? — Голос Бэкхарта резал как пила. — Шторм и сангарийка были в парке. Шторм сообщил по радио, что ее преследует. Люди Мак-Кленнона признались, что он туда вошел. Вы шли по пятам за этой его женой, Эми. Четыре человека. Где они, черт их побери?

— Не знаю, сэр, — сознался майор. — Мы отправились туда, как только нам сообщили, где их искать. Там их не было.

— Это точно? Тебе известно, что трое из этих четверых — профессионалы?

— Да, сэр. И двое из них — наши, у них не было причин бежать.

— Один из них. Я не знаю, кем себя считает Мак-Кленнон. Он не виноват, но в голове у него что-то повредилось и теперь все разваливается на части. Скорее всего он половину времени не знает, кто он такой и на кого работает. О нем-то я и беспокоюсь. Ему нужен психиатр, и как можно скорее.

Бэкхарт потер лоб. Голова раскалывается. Именно тогда, когда он, казалось, уже все устроил... Необходимо захватить Томаса или его женщину прежде, чем Грабер раскусит его блеф. Он должен захватить Верфи, пока траулеры еще копаются у Звездного Рубежа. Он должен действовать, пока сангарийские рейдеры еще не знают о судьбе своей планеты.

— Проклятие, какого черта этому идиоту Киндервоорту надо было себя ухлопать?

— Очевидно, он был предан своему народу.

— О народ жестоковыйный! Я никогда не мог их раскусить. Этот проклятый Пейн все еще с нами ругается. Даже с тремя эскадрами у себя на хвосте.

— В нем говорит гордость, сэр.

— Нас поимели, Дамон. Если мы не отыщем этих людей, и живыми, тогда точно. И я говорю — *нас*. Я достаточно понятно выражаюсь?

— Более чем, адмирал. Я бросил на это всех своих людей. У местной полиции нет приличного сыскного оборудования, но все равно это только вопрос времени.

— Чем быстрее, тем лучше, майор. Верховное Командование дышит нам в спину. Начальник Генштаба лично заинтересован в этом деле. Он не слишком меня любит. А ты не забывай, что вагоны покатятся вниз вместе с паровозом.

— Намек понял, адмирал.

— Отлично. Проваливай отсюда и разыщи их. Помни: они профессионалы.

За всю ночь космопехи не нашли ни малейшего следа. Бэкхарт метался на койке, и его не оставлял безжалостный страх.

Он боялся, что сангарийка захватила Шторма и Мак-Кленнона и вывезла их из города. Однажды ей это уже удалось.

Время тянулось, напряжение возрастало. Бэкхарт стал бросаться на всех вокруг.

«Как бешеный пес», — услышал адмирал шепот какого-то оператора.

Это подействовало как ушат ледяной воды. Теперь, прежде чем заговорить, он считал до десяти. Адмирал привык считать себя рассудительным, справедливым и заботливым начальником. Гордость не позволяла ему срываться на подчиненных.

Через тридцать часов он заперся в тесной клетушке своего кабинета, пил кофе, глотал аспирин и гадал, не поздно ли в его возрасте начинать молиться.

— Адмирал! — окликнул его взволнованный голос через закрытую дверь. — Связь. Полевой канал три. Это Мак-Кленнон, сэр.

Бэкхарт защелкал переключателями селектора, дважды попадая мимо нужной кнопки.

— Давай же, черт возьми! — Секундой позже: — Томас? Где ты, сынок, черт тебя побери? Что происходит? Где Маус? Как у вас там?

— У нас все отлично. На данный момент Маус связан. — Мак-Кленнон хихикнул. — Все трое связаны.

Свихнулся, подумал Бэкхарт. Полностью.

— Где ты, Томас?

— Так, то тут, то там. Сейчас — тут.

— Мак-Кленнон! Немедленно прибыть с докладом! Лично!

— Нет, сэр.

— Что? Томас, да ведь все же прахом идет...

Что затеял Мак-Кленнон?

— Дайте мне одну вещь, адмирал. Это все, о чем я прошу. Только одну, и я поднесу вам Звездный Рубеж на блюдечке.

— Проклятие, черт возьми, кем ты себя возомнил? С каких это пор младшие офицеры стали торговаться с адмиралами?

— Старшие.

— Это можно исправить. Мак-Кленнон, я усталый и злой до чертиков. Не заговаривай мне зубы. Скажи, где ты, и я пошлю кого-нибудь тебя забрать.

— Нет, сэр. Не раньше, чем я получу то, чего хочу. У меня есть то, что вам нужно. Вы даете мне кое-что взамен. Поговорим?

— Я выслушаю тебя, Томас. Это все.

Это все. Интересно, хватило у кого-нибудь ума попытаться засечь передатчик Мак-Кленнона? Вряд ли. Не надо ожидать от этих людей слишком многого.

— Все просто, адмирал. Я передаю вам координаты Верфей после того, как вы предоставите мне какие-нибудь гарантии независимости сейнеров. Признайте их независимым субъектом международного права. Предложите обменяться послами. Предложите двусторонний пакт о ненападении. Что-нибудь такое, чтобы Луна-Командная не могла прибрать их к рукам без большого публичного скандала.

— Чертова мать! Томас, ты сошел с ума.

— Я это знаю. — В голосе Мак-Кленнона Бэкхарт услышал боль и страх. Парень был чертовски испуган. Он знал, что стоит на краю. — И чем дальше, тем больше, шеф. Но прежде я должен покончить с этим делом.

— Томас, мой ответ — нет. Ты чертовски хорошо знаешь, что я не мог бы согласиться на подобное предложение даже при желании. Которого у меня, кстати, нет. Это не в моей власти.

— Во власти Верховного Командования. Я буду ждать на этом канале. Когда договоры будут готовы, дадите мне знать.

— Томас, это же самоубийство, ты губишь свою карьеру.

— Правда? Вы хотите сказать, что еще не использовали меня до конца?

— Томас... Ты не сможешь вечно от меня прятаться.

— Но попытаться-то я могу, адмирал. И я попытаюсь, черт возьми.

— Томас, я тебя живьем зажарю... Черт!

Адмирал уже говорил сам с собой. Мак-Кленнона не было.

Бэкхарт изо всех сил швырнул через весь кабинет полупустую чашку кофе. Коричневые капли обрызгали стену и груду сообщений, которые скопились в кабинете, пока он переживал.

В дверь постучали.

— Войдите!

Появился майор Дамон.

— Мы засекли передатчик, сэр. Но без толку. Он подключил стандартную полевую рацию к автоматной будке, а сам звонил из другой.

— Я же тебе говорил, что мы имеем дело с профессионалами. Но у нас есть преимущество. Город небольшой, а ему надо охранять, кормить и поить трех пленников. Он сделает ошибку. Шторм может освободиться. Или мы его засечем. Продолжайте поиски.

Дамон удалился. Бэкхарт стер кофейные пятна и уселся в свое кресло. Он почувствовал себя лучше. Его отпустило — почти. В этот момент шансы неблагоприятного исхода казались ему ничтожными.

Он сделал некоторые элементарные подсчеты. Фора во времени перед сейнерами, если они одновременно пойдут к Верфям. Звездный Рубеж в восьми днях пути от Сломанных Крыльев наружу. Верфи находятся в другой стороне, ближе к Внутренним Мирам. Сколько времени понадобится сангарийскому курьеру, чтобы принести на Звездный Рубеж весть о судьбе Метрополии?

Никто не слыхал, чтобы на сангарийских кораблях была инстелная связь. Все сообщения передавались курьерами. Так докладывали его агенты. Так ему оставалось надеяться. Теперь все зависело только от скорости курьера и от упрямства рыбаков.

Адмирал улыбнулся. Если даже самый быстрый корабль покинул Метрополию сразу после атаки фон Драхова... У него не менее четырнадцати дней.

— Томас, ты не сможешь уходить от меня две недели. Только не в этом городе.

Однако уверенность вскоре уступила место сомнению. Несмотря на протесты адмирала, Верховное Командование отозвало космическую пехоту. Сомнения усиливались. На седьмой день ему позвонил начальник Генштаба лично. Бэкхарт больше не мог скрывать от него правду. Он прикрывал Мак-Кленнона, отказываясь называть имена.

Адмирал берег своих людей. Томас не был предателем. Он был жертвой своей профессии и сбоя в технической подготовке. Рано или поздно каждый агент попадал в такой кризис. Мак-Кленнон имел несчастье попасть в свой в исторически неподходящий момент.

Ох и покатятся головы в команде психотехников!

На одиннадцатый день Бэкхарт пришел к заключению, что первой покатится его голова. В голосе начальника Генштаба слышались интонации палача, который со вкусом оттачивает топор перед казнью.

— Войдите, майор! Вижу, вы собираетесь сообщить мне все то же?

— К сожалению, сэр. Он просто не оставляет следов. Мы нашли подвал, который кто-то использовал, но они исчезли задолго до того, как мы на него напали. На данный момент прочесано шестьдесят процентов города. С разумной степенью уверенности мы можем сказать, что он не проскользнул назад в прочесанные кварталы.

— Разумная степень уверенности? Дамон, мне не нужна разумная степень уверенности. Мне нужна полная, мать вашу, уверенность!

— А мне вместо шестидесяти местных полицейских-резервистов нужен мой батальон военной полиции космопехоты.

— А что я мог сделать? Их отозвали. — Бэкхарт нахмурился. — По моим расчетам, с имеющимися у нас силами прочесывание займет еще дней семь-восемь, майор. Этого времени у нас нет.

— Теперь вероятность обнаружения растет быстрее, сэр. У него остается меньше места для маневра. Компьютеры дают почти стопроцентную гарантию, что мы найдем его в течение пяти дней. Статистика против него. Я запретил своим людям использовать коммуникаторы стандартной сети. Он мог перехватывать наши сообщения.

— Не только мог, но и перехватывал. Он псих, но не дурак. Ладно. Продолжайте.

Бэкхарт откинулся в кресле. «Томас, — подумал он, — надо отдать тебе должное. Когда надо, тебе нет равных. А что, черт возьми, со Штормом? Он должен был бы уже что-нибудь сделать. Он знает Мак-Кленнона, как никто другой. Он лучший из всех, кто у меня есть».

Или этот паразит тоже замешан? Такая возможность не приходила ему в голову. Маус — превосходный агент. В его преданности никто не сомневался.

Но прежде всего Шторм был предан своей цели — истреблению сангарийцев, мести за свою семью. Придерживался в этом вопросе линии Бюро он только по привычке, не по другим мотивам. А с Мак-Кленноном они стали очень близкими друзьями. Они столько заданий выполняли вместе...

Они могли все это подстроить вместе с этой сейнерской сукой.

— Адмирал, начальник Генштаба по инстелу, передача с «Ассирийца».

— О Боже! Опять?

— Он чем-то раздражен.

— Он всегда раздражен. Давайте его сюда.

Секундой спустя:

— Доброе утро, сэр.

— Вы нашли наконец того парня?

— Нет, сэр. Но мы близко. Компьютеры говорят, что мы можем схватить его в любой момент.

— У меня тоже есть компьютеры, Бэкхарт. И куда больше источников информации для них. Мне известно, что на Звезд-

ном Рубеже капитан сангарийских рейдеров узнает новости уже послезавтра. Мы не знаем, что сделают эти люди. Может быть, взбесятся. Я отменил приказ эсминцам перехватить курьера. Но это безнадежно. Они вернутся на Карсон и на Сьерру. «Хитти» идет к Черному Миру. Два резервных эсминца класса «Завоеватель» идут к Двадцать первому пикету, на случай, если они прорвутся через Двадцать третий. Что беспокоит меня больше сангарийцев — это что собирается делать Грабер, когда у него будут развязаны руки. Я бы считал, что он направится на Верфи. По доложенной мне информации, если он доберется туда раньше вас, то мы проиграли. Вряд ли есть способ их оттуда выковырять, и точно нет возможности подобраться на достаточное расстояние и использовать сверхновую бомбу. Для вас это не новость. Повторяю это просто на случай, если вы совсем потеряли связь с действительностью. Ваша преданность своим людям достойна всяческих похвал, но...

— Я осознаю проблему, сэр. Моим намерением было вычислить наиболее вероятный квадрант местонахождения сейнеров и отправить туда фон Драхова, пока сам охочусь за моим парнем. Это даст нам несколько лишних дней в дополнение к той форе, которую нам дает расстояние от Звездного Рубежа до Верфей.

— Вы имеете дело с упрямцем, Бэкхарт. Вам еще не удалось разыскать его, не говоря уже о том, чтобы заставить его говорить. Вы, кажется, его знаете. Сколько еще он продержится после того, как вы его захватите?

— Не знаю, сэр.

Бэкхарту было нелегко это признать. Это был вопрос, о котором он старался не думать. У него не было оборудования для психозондирования. Он даже не подумал о том, что оно может понадобиться.

— Почему он это делает?

— Вы имеете в виду мотивы? Не знаю. Он сорвался после неудачного психопрограммирования. Можно назвать это наведенной шизофренией. Он сам не уверен в том, что делает и почему. Половину времени он даже не знает, кто он.

— Полагаю, вы все еще настаиваете на том, чтобы он не пострадал?

— Да, сэр. Я считаю, что он не несет ответственности за свои поступки. Я не хочу, чтобы он был наказан за техни-

ческую ошибку, которую сделали люди, готовившие его к заданию.

— Хорошо, Бэкхарт. Вот решение Верховного Командования: готовьтесь удовлетворить его требования. Если вы не отыщете этого парня до полудня вторника по времени Луны-Командной, вы дадите ему то, что он хочет.

— Сэр!..

— Таково решение. Мы бы предпочли получить и Звездный Рубеж, и сейнеров, если бы могли, но Звездный Рубеж — наверняка. Мы не хотим рисковать таким прорывом в технологиях.

— Сэр...

— Это не тема для дебатов, Бэкхарт. Мне эта политика тоже кажется бесхребетной, но будет так, как сказано. Если вам удастся схватить его до истечения срока, мы пересмотрим наше решение. Но только если вы его возьмете.

Бэкхарт попробовал привести несколько доводов. Они не произвели впечатления.

Позиция Верховного Командования была понятна. На карту было поставлено само существование человечества. И все же...

— Дайте мне майора Дамона, — приказал он, когда начальник Генштаба дал отбой. — Дамон? Приказ Верховного. Мы найдем его до полудня вторника по их времени. Иначе он получит то, что хочет. Сделай все, что можешь.

Бэкхарт откинулся назад и закрыл глаза. Он чувствовал себя старым и усталым. Адмирал снова и снова продумывал одно и то же. Должен быть какой-то способ выкурить Томаса. Надо только взглянуть на дело под нужным углом.

Но, Боже, как же найти этот чертов угол!

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ:

3050 н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Маус очнулся первым. В метре от себя он увидел Мак-Кленнона. На лице Томаса была печать гробовой серьезности.

Маус застонал:

— Боже! Голова раскалывается. Что за чертовщина случилась?

— Я стрелял в тебя. Парализатором.

— Зачем? — Шторм попытался сесть. И не смог. Руки и ноги были связаны. — А, черт, Томми, какого дьявола? Брось, освободи меня.

— Не могу.

— Да что с тобой, приятель? Я четыре месяца пыхтел, все устраивал, чтобы мы могли выбраться. Я не мог оставить тебя одного... Мы выполнили задание, Мойше. Томми. Выполнили на десять тысяч процентов... Черт! Голова. Дай мне аспирину. — Таблетки уже были у Мак-Кленнона в руках. На грязном полу между ним и Маусом стоял пластиковый стаканчик.

— Открой рот. Я тебя приложил слишком сильно, да и не одного тебя. Надо было стрелять быстро. А твоей точности у меня нет.

Лицо Мак-Кленнона осунулось от усталости. Ему не пришлось спать. Больше воды попало на пол, чем Маусу в рот.

Маус сглотнул, но слишком поздно, во рту все же остался горьковато-кислый вкус аспирина. Он сплюнул.

— Ты бы объяснил мне.

— Меня загнали в угол, Маус. Мне пришлось делать выбор. Ты как раз дежурил, вдруг появился Старик и выложил на стол все карты.

— Бэкхарт? Наш бесстрашный вождь, который так и родился без языка?

— Да. — Мак-Кленнон слово в слово повторил рассказ Бэкхарта об угрозе миру от центральной расы.

— Ты ему поверил?

— Он был убедителен.

— Он всегда убедителен. И не становится от этого меньшим лжецом. Здесь с ним никто не сравнится.

Мак-Кленнон был удивлен. Ему казалось, что Маус разделяет его веру в то, что адмирал, в сущности, правдив.

— И все же эта басня проливает определенный свет на странные события на Луне-Командной за последние четыре-пять лет. Я ведь не купился на сказки о том, что уланти-ды снова готовятся к нападению. Ты уверен, что он говорил правду?

— Ты бы видел его глаза, когда он описывал записи, сделанные улантской разведкой. Но что меня действительно убедило — это когда он сказал, что клаймеры расконсервируют.

— Правда?

— Точно.

— Ого. А что ты об этом знаешь? — Маус задумчиво покачал головой. Это было нелегко, учитывая, что он лежал навзничь на грязном полу. — Ты собирался объяснить мне, почему я валяюсь в этой грязи, связанный так, что не могу даже задницу себе почесать.

— Я встал перед выбором, Маус. — Голос Мак-Кленнона потерял всякое выражение. — Предать либо флот, либо звездоловов. Когда услышал о смерти Ярла.

— Я что-то тебя не понимаю, Томми. Кажется, ты и сам себя не понимаешь. Ты теряешь стабильность. Надо бы доставить тебя в Психоцентр.

— Знаю. Я вполне понимаю, что со мной происходит. И не могу остановить. — Он на мгновение закрыл глаза. — Но я могу затормозить процесс. Я должен. Потому что Ярл покончил самоубийством, значит, остаются только двое, кто может сообщить Бэкхарту координаты Верфей, а он пытается блефовать и заявляет Граберу, что если рыбаки не сдадут ему Звездный Рубеж и траулеры, то он разнесет их сверхновой. Эми, я и, быть может, ты — единственные, кто может сообщить ему координаты.

— Только не я, Томми. Этого мне никто не рассказал. Они не доверяли мне настолько, насколько доверяли тебе. Да и не должны были.

— Я не знал этого наверняка, иначе я мог бы оставить тебя в парке. Нет. Не мог бы. Ты слишком хорошо знаешь Город Ангелов. Ты нашел бы меня.

— Черт возьми, скажи мне, что ты делаешь?

— Я хочу обменять Звездный Рубеж на звездоловов.

— Что?

— Я собираюсь скрываться до тех пор, пока Луна-Командная не согласится оставить сейнеров в покое. Письменно. Публично. Тогда я сообщу адмиралу, где находятся Верфи, и он сможет обменять их на Звездный Рубеж. И проигравших не будет — кроме меня.

— Да ты спятил, Томми. Тебе этого не вытянуть. У него слишком много времени. А когда он тебя поймáет, зажарит живьем.

— Нет, он будет со мной чертовски мил. Ему нужно будет еще заставить меня говорить. Здесь у него нет психозонда, а к физическим методам он, быть может, не сразу приступит...

Мак-Кленнон принял свое решение внезапно. И с тех пор каждую секунду ему приходилось обдумывать бесконечные ходы и способы выиграть. Он рассчитывал, что ему придется скрываться около недели.

Он решил на все это время залечь на дно и выйти только сейчас, чтобы сделать то, без чего никак не обойтись. Нет движения — нет следа, на который может напасть охотник.

— Мне нужно отлить, Томми. Очень нужно. — Маус оглядеался по сторонам. — Боже! Да это та самая дыра, где сангарийцы прятали очищенную звездную пыль!

— И этого не было в наших отчетах. Что ты собираешься делать, Маус? Прыгнуть на меня при первой возможности? Или переждешь?

Маус просто посмотрел на него. Он натянул на себя свою маску игрока в покер. Мак-Кленнон слабо усмехнулся и перерезал веревки, стягивавшие лодыжки Мауса.

— Отлей в углу.

— Без рук?

— Они у тебя связаны спереди. Не заметил?

На губах Мауса мелькнула едва заметная улыбка.

— Ты слишком долго ошивался около меня. Становишься слишком крутым.

— Иди делай свое дело.

— Ну и провоняет же это место.

— Не сомневаюсь.

Они находились в погребе с земляным полом, где и без того было достаточно сыро и порядком повонивало.

Маус, спотыкаясь, побрел в угол.

— Проклятие, ноги как ватные.

Он расстегнулся, прислонился к стенке и, тяжело дыша, помочился.

Действие парализатора могло нарушить работу организма на несколько дней.

Закончив, Маус повернулся.

— Ну, хоть от этого освободился.

Мак-Кленнон позволил Шторму сделать три шага, после чего выстрелил ему в бедро.

— Твою мать, Томми! Зачем ты это делаешь?

— Приходится.

— Да, ты становишься жестким, приятель.

— Компания у меня такая.

Мак-Кленнон бросил взгляд на сангарийку. Она уже пришла в себя и наблюдала за происходящим холодными стальными глазами. Он развязал ей щиколотки.

— Твоя очередь.

Она встала и молча отправилась в угол. Когда Мак-Кленнон парализовал и ее, она не удивилась и не произнесла ни слова жалобы.

— А она какого черта здесь делает? — спросил Маус.

— Ну, скажем, это карта, которую я прячу в рукаве.

Ни она, ни Маус не знали о гибели Метрополии. Ей можно было сказать об этом и отпустить. Ее ответные действия могли отвлечь внимание преследователей.

Эми не приходила в себя целую вечность, и с ней он старался быть как можно мягче.

Как только она очнулась, ему пришлось об этом пожалеть.

Ее он не связал. Не видел необходимости.

Они с Маусом играли в шахматы, фигурами были клочки бумаги, которые передвигались по клеткам, нацарапанным на полу. Томас делал за Мауса его ходы и, как всегда, проигрывал.

— Сзади, — шепнул Маус.

Зашелестела одежда.

Томас метнулся в сторону, перекатился по полу, схватил парализатор и выстрелил. Эми застонала и рухнула, выронив кусок железной трубы, которую уже заносила над его головой. Фигуры рассыпались.

Мак-Кленнон связал ее с огромным трудом: у него отчаянно тряслись руки. Сознания она не потеряла, но говорить отказывалась. Ни Маус, ни сангарийка не произнесли ни слова.

Мария только улыбнулась тонкой жестокой улыбкой.

Казалось, стены давят. На мгновение он забыл, кто он и что делает. Потом ему на секунду вспомнилась их первая операция на Сломанных Крыльях. Его звали Гундакар Нивен, он и Мария снова были любовниками.

— Томми! — позвал Маус. — Томми! Очнись!

На несколько секунд это помогло. Он успел заметить, как все три пленника пытаются вскочить на ноги, и Маус в этой гонке безнадежно отстал.

Его окатило холодное спокойствие. Он парализовал всех троих. В голову. Это было опасно — для них, — но куда менее опасно для него, если снова начнется приступ.

Приступ начался. На время он полностью сошел с ума.

Он был звездоловом по имени бен-Раби... Наводчиком по имени Корнелиус Перчевский... Флотским атташе по имени Уолтер Кларк... Социологом по имени Гундакар Нивен... Хамоном Клауссоном... Креденсом Парди... Томасом Акинасом Мак-Кленноном... Мальчишкой, слоняющимся по залитым светом лабиринтам улиц на Старой Земле, у которого шея заболела задирать голову и смотреть на звезды.

Усталость взяла свое. Он уснул.

Проснулся он прежде своих пленников. Теперь он снова чувствовал свою личность и реальность, но все эти другие попрежнему сидели у него внутри и требовали свободы.

Он гадал, долго ли продержится.

Ему очень нужен психиатр.

В животе ныло и урчало. Мучил голод.

Пища была слабым звеном в его плане. Ему до сих пор не удалось ничего достать. Придется рискнуть и выйти на улицу.

Он взглянул на часы. С тех пор как он утащил из парка этих троих, прошло шестнадцать часов. Адмирал еще не поднял тревогу, подумал он. Еще какое-то время можно рискнуть.

Он достал парализатор и обеспечил своим пленникам еще несколько часов без сознания, потом забрал передатчик Мауса и вышел на улицу.

Первую остановку он сделал в магазине одежды. Довольно рискованная операция всего в нескольких кварталах от убежища. Он купил подержанную бесформенную рабочую одежду и в каком-то тупичке переоделся. Потом проделал то же

самое в более дорогом магазине, а потом кинул свою боевую форму сейнера в ящик для пожертвований какой-то благотворительной организации. Ему приходилось прилагать серьезные усилия, чтобы удержать на переднем плане сознания личину Гундакара Нивена. Когда это ему более или менее удавалось, он слегка горбился, говорил резко и всем своим видом показывал, что связываться с ним опасно.

Он купил небольшой набор инструментов, потом женский парик, который обкорнал так, чтобы походить на местного головореза, перевязал щеку и засунул в башмак камешек.

Теперь он не был похож ни на одного из тех, кого искали космопехи.

Передвижные патрули были повсюду, удивляя горожан своей небывалой активностью, но его ни разу не остановили. Они искали сейнера.

Скоро они придут в себя, он это знал. Тогда будет трудно обвести их вокруг пальца.

Каждый раз, когда вокруг никого не было, он с помощью передатчика Мауса подслушивал переговоры патрулей.

Они были растеряны. Им надо было найти четырех человек, но они не знали, зачем и для кого. На данный момент их главной заботой было помешать кому бы то ни было улизнуть из города. Когда закроют все лазейки, начнется систематическое прочесывание города.

Он подумал, стоит ли связываться с Бэкхартом. Неизвестность могла бы обеспечить ему преимущество над адмиралом. Но нет. Адмиралу потребуется время, чтобы связаться со своими начальниками.

Он стащил с уличного коммуникатора табличку «Не работает» и через несколько кварталов нашел работающую будку. Там он повесил свою табличку и начал изображать из себя ремонтника.

На подключение ушло немного больше времени, чем он ожидал. Передатчик был местного производства. Пришлось долго соображать, что означает цвет проводков, зато все остальное было проще, чем на уроке в Академии. Он подключил передатчик Мауса, запомнил номер аппарата и удалился.

Чтобы найти продукты, потребовалось некоторое воображение. Здесь было не принято готовить дома. Жители Города

Ангелов, богатые и бедные, питались в ресторанах или заказывали готовые блюда домой. Все равно большая часть продуктов была искусственная или переработанная. К атмосфере и климату Сломанных Крыльев удалось приспособить лишь несколько тропических растений со Старой Земли. Ни один из местных видов не был настолько вкусен, чтобы вкладывать деньги в его окультуривание.

Пришлось ограничиться покупкой сухих пайков, которые удалось раздобыть на складе у болотных экскаваторщиков. Продавщица сказала, что он что-то не похож на экскаваторщика, но от дальнейших вопросов воздержалась. Преступный мир использовал болото в своих целях. Любопытство вредило здоровью.

Когда он вернулся в погреб, у него уже не осталось местных денег. В карманах звенели монеты сейнеров и конмарки, их можно было обменять, но ему не хотелось привлекать внимание, расплачиваясь иностранной валютой. Конмарки достаточно распространены, и все же... Он обыскал своих пленников и конфисковал их небогатые ресурсы. По большей части это была межпланетная валюта Конфедерации.

Пленники безмолвно подчинились. Ни один не сказал ни слова, а он и не пытался начать разговор, только еще раз заставил их отведать парализатора и вернулся на улицу.

Он нашел уличный коммуникатор и позвонил в ту будку, к которой подключился. Передатчик в будке должен был связать его с Бэкхартом.

Адмирал был им очень недоволен.

Закончив разговор, он походил по улицам и снял две маленькие квартирки и офис, чтобы было куда бежать, если пехотинцы начнут приближаться к его погребу. Потом наконец он отважился на вылазку в Центральный парк и утащил у зазевавшейся военной полиции мощный передатчик-сканер.

Он уселся на старый ящик, прислонился к стене, закрыл глаза и стал прислушиваться к потрескиванию сканера. Через какое-то время он услышал, как кто-то шевелится, и открыл глаза. Маус пытался сесть.

— Томми, ты не можешь и дальше так продолжать, ты кого-нибудь убьешь.

Мак-Кленнон отключил сканер.

— Прости, Маус, но у меня нет выбора.

Он наклонился к передатчику, тот все еще работал. Его звонок порядком переполошил Бэкхарта.

Сколько ему придется прятаться?

Шли дни. Он потерял им счет. То ему казалось, что прошло совсем немного, то, что это тянется уже многие годы. Каждый час был частицей, вяло улетавшей в вечность.

Он считал, что действует неплохо. Уже несколько дней ему удается прятать и держать под контролем троих враждебных и рассерженных пленников. Бэкхарту так и не удалось напасть на его след. Свои психические проблемы он стянул смирительной рубашкой.

Только рубашка трещала по швам.

Он где-то на Луне-Командной. Хорошенькая блондинка лет семнадцати вцепилась в его левую руку. Она что-то шепчет ему на ухо. Она называла его лейтенант Перчевский. Он должен ее знать, но не знает. Он хочет на нее напасть.

Другая женщина схватила его за правую руку. Она настаивает, что его зовут Уолтер Кларк. Ей хочется увести его от соблазнительной блондинки.

Женщины отпустили его и набросились друг на друга. Они спорили, выкрикивая его имя. Он пытался сказать им, что обе они ошибаются, на самом деле он — Креденс Парди? Или Хамон Клауссон? Кажется, он был Клауссоном на Встряске. Позабыв о женщинах, он попытался отыскать свою карточку с именем, но та слетела у него с рубашки.

Вот она, торчит из-под края ковра. Он наклоняется и вытаскивает ее. С карточки смотрит мрачное лицо мальчишки.

— Гундакар Нивен, — бросает ребенок и злобно усмехается.

Он закричал.

Его со всех сторон окружают люди. Одни выше, другие ниже, одни толще, другие тоньше, но каждый похитил его лицо. Они нещадно колотят друг друга. Как только одному удается освободиться и броситься к нему, остальные набрасываются на него и оттаскивают назад.

Он прыгнул на первого попавшегося и начал душить.

— Я убью их, — хрипел он. — Я всех их убью. Тогда они оставят меня в покое.

Он боролся, пока хватало сил, а потом в бессилии рухнул на пол. На него опустилась темнота.

Он очнулся в вонючем погребе на Сломанных Крыльях. Три человека следили за ним холодными прожорливыми глазами падальщиков, следующих за умирающим зверем.

Он бросил взгляд на ручной хронометр. Прошло десять часов. Что? Они не набросились на него? Они все еще здесь? Он с трудом поднялся на ноги, сделал шаг, упал, потому что закружилась голова.

Он с силой потряс головой. Паутина разорвалась и улетела прочь. Он снова оглянулся по сторонам.

Маус спокойно протягивал ему парализатор.

Их глаза встретились. Мак-Кленнон взял оружие. Маус не сказал ни слова. Он сложил руки и протянул, чтобы их снова связали.

Томас тоже ничего не сказал. Ничего и не нужно было говорить. Он снова связал друга, опустился на пол и стал ждать.

Тянулись часы.

Он не ожидал, что все так затянется. Сколько еще Старик может тянуть время? Почему он так упрямится? Ведь уступка не будет ему ничего стоить. Все равно Конфедерация не контролирует звездные стада.

Он подозревал, что Бэкхарт пытается обеспечить себе политический успех, который заставил бы людей позабыть о сотворенной с Метрополией мерзости. Сканер Мак-Кленнона засек передачу, посвященную этому событию. Он рассчитывал, что теперь новость дойдет и до Звездного Рубежа. Тогда конфронтация спадет сама собой. Грабер кинется на защиту туманности.

Время, старый предатель, снова переметнулось.

Он не удивился, когда передатчик задрожал и раздался голос Бэкхарта:

— Томас, ты меня слышишь? Это адмирал Бэкхарт. Томас, ты меня слышишь?

— Слышу, говорите. — Он ограничился этим, опасаясь, что они могут засечь его местонахождение.

— Томас, ты добился своего. Личная гарантия начальника Генштаба. — Он помедлил, ожидая ответа Мак-Кленнона. Томас молчал. — Томас, ты слышишь?

— Сказал же, слышу.

— Ты добился своего. Что теперь будешь делать?

До сих пор он думал только о том, как заставить их согласиться. Теперь перед ним стоял вопрос, как заставить их признать свои гарантии на бумаге, публично, и одновременно не дать им затащить себя в какой-нибудь подвал под обработку психологов.

— Я перезвоню.

Он взглянул на своих пленников. Теперь он понял, что нельзя служить двум хозяевам и пользоваться любовью их слуг. Ненависть Эми его терзала беспощадно. А ярость Мауса... Но Маус помог, помог хотя бы тем, что не сделал того, что мог бы сделать. Он дал дружбе заслонить долг, позволил себе усомниться в своей правоте.

Иначе у Мак-Кленнона не вышло бы.

Но Эми... Она отказывалась понимать, что он пытается сделать. Она назвала его Иудой.

Глухую неприязнь Марии он переносил легко. В этом у него был достаточный опыт. Ее сладострастное сангарийское лицо стало мягким, пассивным, покорным отражением чувств, которые он видел на лице жены.

О Маусе он не особенно беспокоился. Маус преодолеет свою ярость. Он простит предательство. Они друзья.

«Так, — подумал он. — Пора встретиться со Стариком лицом к лицу. Его борзые будут на пороге, как только я скажу, где...»

— Адмирал? Говорит Мак-Кленнон.

— Томас, у меня мало времени. Ты получишь то, чего хотел. Давай поторопимся, ладно?

— Мне нужен кто-нибудь из адвокатов суда.

— Что? Ты же не под арестом. Тебе даже не предъявлено обвинение. Я тут изо всех сил защищал тебя, сынок. Скажи мне только, где ты, черт возьми?

— Я хочу, чтобы он был свидетелем, а не моим защитником.

— Боже, Томас, я же дал тебе слово. Это все, что я могу тебе дать. Чтобы доставить сюда космического адвоката, потребуется неделя. Умоляю тебя, давай без этих штучек.

Ладно, ладно. Может, Бэкхарт и прав, и он действительно только теряет время. Адмирал ведь дает слово.

Он сообщил Бэкхарту, куда за ним приехать.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ:
3050 н.э.
ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Четыре офицера полиции Города Ангелов появились у двери, чтобы доставить Мак-Кленнона к его непосредственному начальнику. Он удивился, но не стал спрашивать, почему они выполняют работу армейцев. Томас развязал Мауса, Марию и Эми.

— Идемте, джентльмены, — проговорил он.

Перед глазами порхали бабочки размером с сову да еще совокуплялись прямо на лету.

Улицы были пустынны. Город Ангелов превратился в город призраков.

— А где все? — спросил он. Перехватывая передачи, он не слышал ничего, что объясняло бы эту пустоту.

— Призваны, — проворчал один из полицейских.

— Что?

— Почти все население призывного возраста состояло в резерве. Это был верный способ заработать пару лишних марок. Теперь их призвали.

— Эта война выйдет суровая.

— Точно, — согласился полицейский. — Они призвали всех с Трансверса. Флотских, космопехов, планетарную оборону, всех подряд. Мало этого, они забрали всю технику, которая не была гвоздями прибита.

Офицеры вели задержанных прямо в штаб Бэкхарта. Мак-Кленнон увидел, что на улицах почти нет машин.

— А что с той бандой наверху? — спросил он, ткнув пальцем в небо.

— Тяжелые? Еще там. Будем надеяться, им удастся сдержать сангарийцев. Ты, твой приятель да еще адмирал со своей командой — единственные военные, которые остались на планете.

— Кажется, дело серьезное, — проговорил Маус. — Старик любит играть в игры, но не в такие дорогостоящие.

Мак-Кленнон не мог избавиться от чувства тревоги и растерянности. Всеобщая мобилизация была тревожным зна-

ком. Это означало, что Конфедерация решила бросить все силы в первый же бой.

Его мысли остановились на родной планете. Неужели со Старой Земли тоже забрали всех мужчин и технику? В таком случае он рад, что оказался во Внешних Мирах.

Как только исчезнут полицейские патрули, эта безумная планета погрузится в пучину варварства. Конфедерация старалась не вмешиваться в дела землян, но все же держала уровень насилия под контролем.

Беспорядки уже случались во время Улантской войны и, в меньших масштабах, несколько позже — каждый раз, когда присутствие Конфедерации ослабевало. Развязавшись с Улантом, Луна-Командная оказалась в необходимости заново завоевывать Землю.

Едва исчезал бронированный кулак, секты и культы перековывали орала на мечи и начинали сводить старые счеты.

— Маус, — сказал Мак-Кленнон. — Странный мир я называю домом.

Шторм понял его с полуслова.

— На этот раз все будет не так плохо, Томми. Я видел кое-какие планы мобилизации. Призыв будет проводиться выборочно. Нечто вроде древних штрафных рот. Будут забирать бездельников и отправлять их на другой конец Конфедерации. Их разбросают по вселенной, чтобы не причиняли неприятностей.

— Звучит неплохо. Если забрать достаточно, то беспорядков не будет.

— Это обеспечило бы стабильный приток людей. Во время Улантской войны от Старой Земли не было никакого проку.

Эми, Мария и полисмены пристально следили за их разговором.

Даже Маус не понимал Старую Землю.

Земля превратилась в отсталое захолустье. И это тот самый мир, откуда пошли все искатели приключений! Дух древних пионеров давно исчез. Оставшиеся дома были, с точки зрения остального человечества, уродами всех сортов. Даже Мак-Кленнон с готовностью признавал, что его товарищи на Старой Земле как нельзя лучше соответствовали этой нелестной характеристике.

Средний обитатель Старой Земли лишился бы чувств, предложи ему кто-нибудь отправиться в космос. И все же они могли быть на удивление жестокими друг с другом...

Дикий декаданс? Именно так Мак-Кленнону представлялась культура его родины.

Ты царство страха возродил, о Хаос,
И меркнет свет от слова твоего... —

пробормотал он.

— Что? — переспросил Маус.

— Это из поэмы. Поп.

Маус усмехнулся:

— С возвращением, Томми. Ты снова ведешь себя как добрый старый друг.

Мак-Кленнон застонал и схватился за живот.

Язва вцепилась в него драконьими когтями, будто пытаясь проложить себе путь наружу. Боль согнула его пополам.

— Томми?

— Язва.

— Нам необходимо доставить тебя к доктору.

— Еще немного. Совсем немного. Я продержусь.

— В кого ты превратишься, когда все это кончится?

— И все же мне придется через это пройти.

Только тогда, когда кончится миссия, которую он добровольно на себя взвалил, сможет он подумать о себе и заняться болью душевной и физической.

Недели ожидания вернули язву к жизни. Потому что он не ждал ничего хорошего. Ему доводилось одерживать верх над Бэкхартом, но никогда в таком важном деле.

Томас боялся. Что сделает Старик? Адмирал был справедлив, но никогда бы не дал справедливости помешать ему выполнить отданный им самим приказ.

Пытаясь заглушить тревогу, Мак-Кленнон оглядывался по сторонам. Немногочисленные жители города казались подавленными. Оживление аукциона сменилось тревогой.

Мак-Кленнон заметил еще одну странную деталь в поведении людей. Каждый горожанин время от времени бросал взгляд на небо. Он сказал об этом Маусу:

— Наверное, боятся сангарийского флота.

Томас тоже время от времени посматривал на небо, но вовсе не в поисках рокового знака. Он говорил себе, что про-

сто пытается в последний раз насмотреться на солнце. Котен Зевен, тюрьма для военных офицеров, находилась в тысяче километров под поверхностью Луны Старой Земли. Психологически она была так же далека от потока жизни, как и средневековые казематы.

Однако самообман не удался. Он искал то, что потерял, что-то, что было очень далеко, и у него не оставалось надежды увидеть это вновь. На этой неделе флот Пейна вошел в гипер. Его приемное отечество — сейнеры — исчезло навсегда.

— Это здесь, — сказал полицейский офицер. Он указал на вход в дешевый отель.

Бэкхарт уже ждал их в полном обмундировании. Он стоял, как на параде, ожидая, когда они войдут. Лицом адмирал напоминал мертвеца. Только едва различимые морщинки вокруг глаз говорили о гневе, кипевшем у него внутри.

— Заприте женщин, — произнес он без всякой интонации, глядя сквозь Мак-Кленнона.

Эми сломалась. Ее прорвало, она разразилась жалобами, рыданиями и проклятиями. Мария смотрела на нее с нескрываемым презрением. Томасу хотелось обнять, успокоить ее, но он этого не сделал. От этого стало бы только хуже.

Сквозь стальную оболочку на секунду показался подлинный Бэкхарт. Он взял Эми за руку:

— Успокойтесь, миссис Мак-Кленнон. Через несколько дней вас отправят домой, если только вы не решите остаться с Томасом.

— Остаться? — Эми истерически рассмеялась, потом взяла себя в руки. — Я вернусь домой.

Устыдившись своей вспышки, она опустила глаза и уставилась на ковер.

— Я думаю, мы освободим и вас, мадам, — обратился Бэкхарт к Марии и улыбнулся. Это была улыбка убийцы, которую Томас не раз замечал у Мауса. Она появлялась, только когда народу Марии приходилось особенно плохо.

«Как мы можем быть настолько жестоки, — подумал он. — Вечно нам хочется кромсать кого-нибудь своими маленькими тупыми ножами».

Маус тоже заметил эту улыбку. Фон Драхов попал в цель! Шторм чуть не светился. Он стоял, как Торквемада в мантии. И смеялся. Смех казался безумным.

— Он и вправду это сделал? Он прорвался? — Шторм повернулся к Марии. — Пусть живет. Ради Бога, пусть живет.

Он улыбался во весь рот жестокой улыбкой. Жизнь для нее будет хуже смерти. Ее не ждет ничего, кроме бегства и страха и полной безнадежности, пока наконец ее не свалит последний, беспощадный, неотвратимый противник.

— Юпп фон Драхов, старый друг наших здешних былых забав, навестил твою Метрополию, — сообщил ей Маус.

Мария поняла. Все время заключения Маус изводил ее рассказами о своем случайном открытии. О сверхновой бомбе.

Сангарийка не сломалась. Она не доставила своему врагу ни секунды торжества. Она просто улыбнулась своей холодной, стальной улыбкой, и в глазах ее было обещание.

Ничто и никогда не могло сломить ее холодное самообладание. После того, как Маус на ее глазах вколол ее детям смертельный наркотик, который составлял главную статью сангарийских доходов, — ничто и никогда.

Полицейские увели женщин. Наступило долгое молчание. Маус и Мак-Кленнон смотрели на своего шефа. Томас чувствовал, как Маус отстраняется, замыкается, вновь превращается в агента Бюро.

— Присаживайтесь, джентльмены, — проговорил Бэкхарт. — Вам придется меня извинить, я стал немного резок. На Сломанных Крыльях мне пришлось несладко. Маус, ты первый. Мне нужен подробный доклад.

Мак-Кленнон поднял бровь. Бэкхарт не собирается давить? Что он задумал?

Маус заговорил, Мак-Кленнон погрузился в воспоминания. Все сомнения, которые он, приняв решение, отгонял прочь, снова стояли перед ним. Неразрешимое «Хочу» тихо запустило в его душу странные щупальца. Он терялся все больше и больше.

— Томас! — Его имя произносилось уже в третий или в четвертый раз.

— Что?

— Твой доклад о последних двух неделях. Мне надо выработать позицию. Тебе следует подумать, что ты напишешь в

своем письменном докладе. Я пытался тебя прикрыть, но не смог, по крайней мере не до конца. Тебе придется предстать перед трибуналом.

Он начал с «Пальяччи», остановился на столкновениях с лицами Элис. Он пытался заставить Бэкхарта понять, что этот обман только утвердил его решимость разрушить планы флота по захвату сейнеров.

— Это было ошибкой, — признал Бэкхарт. — Да, наломал я дров на этот раз. Однако у меня были добрые намерения, Томас. Я надеялся, что это сработает как гипнотический выключатель. Когда вам пора было возвращаться на Карсон, Маус показал тебе китайскую монету. Это должно было стать ключом, но ты на него не отреагировал.

— А подстраховщик?

— Он был наш. Да. Еще одна моя большая ошибка. — Бэкхарт не стал извиняться за попытку убийства. Они — профессионалы. Им положено понимать. Они — живые фигуры, играющие на гигантской доске. — К счастью, здесь меня переиграл Маус.

Мак-Кленнон продолжил рассказ, пытаясь разъяснить свои мотивы, и не находил слов.

— Умом я понимаю, что ты говоришь, — перебил его Бэкхарт, — но душой не могу это принять, Томас. Я один из тех дураков, которые действительно верят в свою работу. Потому что это единственное, что у меня есть. Или, возможно, я никогда не перерасту свой идеализм насчет Конфедерации. Но это к делу не относится. Ты еще не дал мне координат.

— Я еще не получил гарантий.

— Томас, я пообещаю тебе все что угодно. Верховное Командование согласилось. Они уже объявили об этом. Мы все выполним, даже если это будет нам стоить Сенатского Комитета. Переживем. Но это когда еще будет. А сейчас нам надо выиграть армрестлинг на Звездном Рубеже.

— А потом что?

— Ты меня прослушал, сынок.

— Что будет со мной?

«А это важно? — подумал он. — Кому какое дело?»

— Официально ты находишься под арестом до тех пор, пока трибунал не примет решения. Ты сам себя подставил.

Ты можешь оказаться героем или козлом отпущения. Это скорее всего будет зависеть от того, как обернется первое сражение. Я бы предпочел просто забыть об этом деле, но уже слишком поздно. На Луне-Командной о тебе знают.

— Ну, здесь есть и светлая сторона, Томми, — вмешался Маус. — Официально, пока ты находишься под арестом, тебя не могут заставить работать. Ты получишь отпуск, и Бюро может утереться.

Бэкхарт бросил на Шторма кинжальный взгляд.

— Хватит строить из себя космического адвоката, сынок. Томас, твой арест останется только на бумаге. На самом же деле ты состоишь у меня в штабе до тех пор, пока мы не разберемся с сейнерами и Звездным Рубежом. Маус, ты будешь состоять при мне и Томасе. Насколько я знаю, ты его ангел-хранитель.

Мак-Кленнон снова ощутил вкус той жизни, которую знал, пока не попал к сейнерам. Ему не терпелось заняться делом. Это отвлечет его, и у него не останется времени хныкать о своих потерях.

Бедная Эми...

— Первый приказ — передать координаты. Потом мы отправим Томаса к психогруппе...

Появился полисмен.

— «Марафон» вышел на стабильную орбиту, адмирал. Шаттл спустится с минуты на минуту.

— Благодарю вас.

— «Марафон»? — переспросил Маус. — А я думал, он давно на приколе.

— Был на приколе, когда вы улетали. Теперь нет. Старые корабли укомплектовываются мобилизованными. Заменяют патрули флота. Томас, расколешься ты наконец? — Бэкхарт повернулся к полицейскому, который все еще стоял возле двери. — Офицер, начинайте грузить наше оборудование. Сержант Брил должен был уже пригнать транспорт.

Сейчас Мак-Кленнон мог думать только о ванне. Шестнадцать дней в дерьме, и после этого грузиться на корабль флота?

— Какая программа? — спросил Маус.

— Сначала пугнем рыбаков. Потом бросок на Звездный Рубеж, куда повезем целое стадо ученых, привезенных «Марафоном». Они будут следить за работой сейнеров. Когда я буду доволен ходом дел, отправимся на Луну-Командную. После депрограммирования будете бить баклуши, пока не закончится трибунал над Томасом. Думаю, ему достанется. Возможно, его даже отправят назад в строевые.

— Они сильно на него насядут?

— Трибунал его оправдает. На почве психологии. Есть прецеденты. Но они потребуют, чтобы его отстранили от операций. Что имеет смысл, по-моему. Он мог и выгореть дотла. Ему могут поручить коммерческую или дипломатическую деятельность, тогда его подготовка не пропадет даром. О тебе, Маус, я еще не знаю.

Мак-Кленнон прислушался к своим чувствам и понял, что не станет оплакивать возможную потерю работы. Она никогда ему особенно не нравилась.

— Я мог бы уйти в отставку, — размышлял вслух Маус. — Старший офицер получает неплохую пенсию.

Он улыбался, но в глазах у него горели угольки погибших надежд. Слишком рано сбылась главная мечта его жизни.

— Пока идет война — не уйдешь, — заметил Бэкхарт. — До тех пор никого не отпустят в отставку. Томас? Дашь ты мне наконец то, что я хочу, или нет? Или мне сначала ткнуть тебя носом в данные нашей разведки?

— Хорошо, хорошо. Туманность Трех Небес. Внутри клина, направление к центру галактики, начиная с одной астроединицы. Дайте мне карандаш. — Он набросал на клочке бумаги несколько цифр. — Вот вам координаты для прыжка. Отсюда надо двигаться в нормальном пространстве. Дать вам лоцию по этому мусору я не могу. Людям, которые ее знают, покидать туманность не разрешается.

— Туманность Трех Небес? Правда? Я думал, это вне пределов нашей сферы. — Напряжение Бэкхарта стало исчезать. Он вновь стал прежним адмиралом. Улыбки и дружелюбие. И готовность послать своих людей на смерть. — Ну и хитрецы, черт возьми! Так вот почему там исчезают корабли. — Он помолчал и добавил: — Перед отлетом мне надо еще кое-что сделать. Встретимся через полчаса в холле.

— Готовыми к полету? — спросил Мак-Кленнон.

— Это был скрытый намек, сынок. Иди помойся. Тебе принесут форму. И попробуй помириться с женой.

— Спасибо, сэр.

Он поставил рекорд по мытью, бритью и одеванию. Когда он покончил со всем этим, у него оставалось еще десять минут.

Минутой позже он уже входил в комнату, которую Бэкхарт приспособил под кутузку. Это был обычный гостиничный номер, правда, без окон. У дверей стояли два охранника. Эми и Мария сидели у противоположных стен, не глядя друг на друга.

— Эми?

Она, казалось, не заметила его прихода.

Он схватил ее подбородок и повернул к себе:

— Посмотри же на меня, черт тебя побери! — Две недели он пытался заставить ее понять. Она отказывалась. Ему хотелось вбить это в ее упрямую голову, но он сделал над собой усилие и заговорил спокойно. — Мы улетаем через несколько минут. Если хочешь, можешь лететь с нами.

Она молча смотрела на него.

— Мы отправимся на Звездный Рубеж. Там ты могла бы присоединиться к вашей исследовательской экспедиции. Вместо того, чтобы отправиться прямиком домой.

Она молчала.

— Если ты вернешься назад с интернированными, то окажешься на Верфях. Со своей матерью. Мне казалось, что ты захочешь полететь туда, где у тебя будет по крайней мере один друг.

Она ничего не ответила.

— Хорошо. Продолжай упрямиться. — Он повернулся к двери. — Офицер, я готов.

— Мойше, подожди. Я... Да, я лечу.

Он вздохнул. Наконец-то. Первая удача.

— Я улажу все с адмиралом.

Когда он выходил из комнаты, у него на губах играла слабая улыбка.

Впереди долгое путешествие. Быть может, достаточно долгое, чтобы...

Сначала Бэкхарту не понравилась эта идея.

— Сэр, — объяснил Мак-Кленнон, — Эми лучшая подруга одной из самых лучших ученых сейнеров. Если нам удастся ее приручить, то будет гораздо легче координировать работу наших специалистов. Вы все говорите о кассетах разведки Уланта. Попробуйте показать их ей, может быть, они ее убедят. Нам не требуется переманивать ее на свою сторону, просто заставить ее стать более открытой.

— Томас... я же тебя насквозь вижу. Да плевать тебе на это хотелось... Ладно. Еще одна сделка. Бери ее. Но ты за нее и отвечаешь.

— Прикажите охранникам передать ее мне.

— Так иди за ней, что время теряешь?

Часом позже они уже были на борту шаттла, направляющегося на «Марафон». Мауса била дрожь. Бэкхарт погрузился в сообщения, прибывшие с крейсером. Эми закрыла глаза. Она была бледна и печальна.

Мак-Кленнон смотрел на нее и мысленно перебирал все «могло быть» и «надо было». Ему удалось заставить ее понять необходимость своих действий, но он столкнулся с тем, что она не способна провести черту между личными и общественными обязательствами.

Она не могла рассматривать предательство своего народа не как личное дело. Ей хотелось считать, что его чувства к ней были просто притворством шпиона. Это каким-то образом разрешило бы ее сложности.

Она принадлежала к породе самоистязателей.

Мог ли он осуждать ее? Или кого-нибудь другого? Он сам жил в построенной своими руками Железной Деве.

Они с Эми были обречены с самого начала. Неустойчивость его программы сделала его естественной жертвой ее неадекватности. Они слишком походили друг на друга. И она слишком напоминала двойника Элис, на который был запрограммирован его психопереключатель. Возможно, идеальной женщиной для него была Мария, холодная женщина из оружейной стали, бронированная по болевым точкам. Женщина, с которой не надо было обмениваться заложниками эмоций.

Изменился ли он за время задания? Вообще другие менялись, но слишком медленно, чтобы заметить. В перемены, которые он видел, Томас не верил. Слишком многое могло быть искусственным.

Ребята из психкоманды его починят. На борту «Марафона» есть их группа. Может быть, когда они закончат, он будет знать, кто он на самом деле.

Он не был уверен, что этого хочет.

Книга третья
ЗВЕЗДНЫЙ РУБЕЖ

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ:
3050 н.э.
ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Зажегся свет. Мак-Кленнон, Маус и Эми сидели в молчании. Записи оказались чудовищными.

Наконец хриплый голос Мауса спросил:

— Адмирал... Вот это и есть то, с чем мы схлестнемся?

Мак-Кленнон пристально смотрел на Эми. На мгновение она встретилась с ним взглядом.

— Мойше, — шепнула она, — кажется, меня сейчас стошнит.

— Именно оно, — пообещал Бэкхарт Маусу. — Трудно проглотить. Даже когда сам видишь. От всей этой жестокости, без всякой видимой цели, становится еще страшнее.

Мак-Кленнон взял Эми за руку. Рука была очень холодной и дрожала.

— Тебе что-нибудь нужно?

— Сейчас приду в себя. Еще минуту.

— Адмирал! — повернулся к нему Мак-Кленнон. — Я уже видел такие корабли.

— Что? Где? Как? — Бэкхарт бросился на Мак-Кленнона, как тигр на добычу. Казалось, его вдруг охватила лихорадка. На верхней губе адмирала выступила испарина. — Где? — выдохнул он.

— У сейнеров есть ксеноархеологическая лаборатория. Помнишь, Эми? Я еще спросил, не построили ли этот корабль разумные улитки? На нем никто не хотел работать.

— Да. Ты прав, Мойше. Он был точно такой, как корабли на кассете.

— Расскажите подробнее, — попросил Бэкхарт.

— Да нечего особенно и рассказывать, — ответил Мак-Кленнон. — Сейнеры нашли его в туманности. Они считают его относительно современным. Он был окружен кораблями,

которые, как полагают, принадлежали строителям Звездного Рубежа. Тем же, как я думаю, кто построил базу на темной стороне Луны. Сейнеры решили, что корабль был по ошибке атакован во время Улантской войны. Я предположил, что, возможно, команда изучала корабли, принадлежащие расе Звездного Рубежа. Это все.

Бэкхарт задумался.

— Это не все, Томас. Всегда есть что-то еще. Ты просто не знаешь. Есть ли здесь связь? Подумай об этом. Звездный Рубеж мог быть не только удобным арсеналом.

Бэкхарт говорил для себя, не для слушателей. Мак-Кленнон улыбнулся. Адмирал иногда любил строить произвольные предположения, и когда они оправдывались, то оказывались чертовски эффективными.

— Томас, я хотел бы, чтобы вы с Эми поговорили с людьми Ченселлора. Они прибыли с лунных раскопок. Может, что-нибудь проявится.

— Им надо будет связаться с подругой Эми, Консуэлой эль-Санга. Она знает куда больше нас.

— Отлично, отлично. Мы это устроим. А пока пустите-ка в ход свои мозги, пусть работают, не отвергайте с ходу даже самые невероятные гипотезы... Знаете что, думаю, нам стоит собраться после обеда. Вместе с ними. «Марафон» доставил мне кое-какие новые материалы. Я им все выложу.

В голосе адмирала Мак-Кленнон уловил горечь.

— Плохо дело?

— Хуже, чем когда бы то ни было.

Бэкхарт воспользовался вечерним совещанием, чтобы продемонстрировать отчет глубокой разведки улантидов. Потом спросил:

— Какие-нибудь соображения, люди?

Ученые воздержались. Им нужна была дополнительная информация.

— Луна-Командная пропустила это через большой мозг? — спросил Мак-Кленнон.

— Да. И тот тоже затребовал дополнительную информацию. Думаю, в него встроены человеческие мозги. Он не может воспринять такие цифры. Компьютер предложил заменить капитана Рассела человеком, менее склонным к преувеличениям.

— Мне кажется, информации достаточно для первых приблизительных выводов. Например, что Сфероид и военные армады созданы в рамках программы уничтожения любой разумной и потенциально разумной жизни. Это выглядит как программа элиминирования конкурентов и перестройки галактики для нужд одной расы.

— Нельзя делать таких заключений, — запротестовал кто-то из ученых. — Это антропоцентризм. Это может быть религиозный крестовый поход.

— Что? — огрызнулся Маус. — Не говорите глупостей!

— Легче, Маус, — вмешался Бэкхарт. — Сейчас ни одна идея не будет слишком дикой. Правда скорее всего окажется еще более дикой. Мозговой штурм, люди. Выдвигайте любые идеи, а проверять их будем, когда поступит дополнительная информация. Не надо пытаться построить из фактов что-нибудь приемлемое. Правда может таковой не быть.

Ученые было заупрямились. Но Бэкхарт продолжал:

— Один неудобоваримый факт, который бросается прямо в глаза, — это то, что они попытаются нас уничтожить. Прибавьте к этому их невероятное количество. Прибавьте еще, что Сфероид в сорока тысячах лет пути от нас. Ребята, кажется, мы нашли себе войну, которая будет длиться вечно.

Мак-Кленнон не мог осмыслить такие цифры. Сорок тысяч лет? В восемь раз дольше, чем вся история человечества? Да, долгосрочная операция.

Противник действует уже черт знает сколько времени. Миллионы лет?

В этом свете совпадения между чужой базой на темной стороне Луны, заброшенными кораблями у Трех Небес и самим Звездным Рубежом казались менее невероятными. Если предположить, что таинственные строители враждовали с центральной расой, то им необходимо было создать оборону поистине космических масштабов. Мак-Кленнон попробовал сложить мозаику из уже известных фактов. Не складывалась. Слишком много вопросов. Какова роль сангарийцев? Что сталось с самими строителями?

Маус наклонился в его сторону:

— Для меня это слишком, Томми. Я всего лишь простой солдат.

Мак-Кленнон усмехнулся:

— Ну, с простачками-то я полажу.

Он провел день у психиатров. Они творили чудеса. Настроение было светлым и оптимистичным.

Маус был совсем другим. Со Сломанных Крыльев он вернулся замкнутым и необщительным. Определенным доказательством тому служило то, что в команде исследователей было несколько привлекательных женщин. И ни одна из них еще не удостоилась его орлиного взгляда. Это отметила Эми в один из своих моментов дружелюбного настроения. Сам Мак-Кленнон не заметил.

— Будет у тебя настроение потом сыграть партию? — спросил Мак-Кленнон. В последнее время Маус потерял интерес даже к шахматам.

— Не думаю. О чем это он? — Вошедший сержант что-то шептал адмиралу.

— Сангарийский флот только что ушел от Звездного Рубежа, — объявил Бэкхарт. Он улыбался. — Они бросили Мак-Гроу на растерзание рыбакам. Кажется, вопрос пиратов отпадет сам собой.

— Что они будут делать? — спросил Мак-Кленнон.

— Мы не знаем. Будем надеяться, что прежде они хорошенько подумают. Я оставил Штрехльшвайтер послание ее хозяину. Может быть, судьба Метрополии заставит их прислушаться.

— Какое послание? — спросил Маус.

— Я посоветовал сангарийцам изменить образ жизни. Я сказал, что не заинтересован в их уничтожении, но сделаю это, если они не изменятся. Я передал, что могу повторить урок на Осирисе, если они будут настаивать.

— Повторите? — спросил Томас.

— Нет. Я умею врать.

Всю следующую неделю Мак-Кленнон проводил то у психиатров, то у ученых. Сеансы психотерапии сняли напряжение его запутавшегося мозга. Постепенно на передний план выступала единственная личность — Мак-Кленнон. У него случился только один небольшой приступ.

«Марафон» вышел из гипера у Трех Небес. С «Лепанто» от фон Драхова поступил сигнал, что он вместе со своим эскортом проник на Верфи. Было несколько стычек, но ничего серьезного. Звездоловы спорили, но не сопротивлялись.

— Грабер пытается обвести нас вокруг пальца, — заметил адмирал. — Он крепко вцепился в Звездный Рубеж. Знаете, почему? Он делает ставку на начинку. Рассчитывает, что, если ему удастся достаточно быстро наложить лапы на оружие, он будет сильнее нас.

Тем временем Бэкхарт пустил в ход свои полномочия проконсула. Он связался с флагманом сейнеров и назначил им время. Это было время запуска минус двадцать пять часов. Адмирал приказал держать канал открытым и каждые пять минут передавать ультиматум Конфедерации. Поступающие сигналы должны были регистрироваться и оставаться без ответа. Просьбы об отсрочке и дальнейших переговорах наталкивались на глухую стену.

За два часа двенадцать минут до запуска сейнеры Трех Небес объявили о безоговорочной капитуляции. Космические пехотинцы флота начали немедленную оккупацию ключевых позиций.

Бэкхарт вызвал Мак-Кленнона.

— Томас, мы покончили с выкручиванием рук. Найди свою леди и спроси, летит она или остается. Через час мы стартуем к Звездному Рубежу.

— Да, сэр. Сэр, я только что от связистов. Флот сангарийских рейдеров по-прежнему направляется к Метрополии.

— Отлично. Значит, у нас освободится еще несколько эсминцев. — Его глаза потускнели. — Готовится крупный удар. Синие уже выбрали место. Мы ждем, когда противник до него доберется. Найди свою леди.

Найти Эми было совсем нетрудно. Из каюты ее можно было вытащить только силой. Томас постучал.

— Это Мак-Кленнон. Меня послал адмирал.

Она редко говорила с ним, и только по деловым вопросам.

— Чего он хочет?

— Мы уходим на Звездный Рубеж. Ты останешься здесь или полетишь с нами?

— Они сдались?

— У них не было выбора.

Она вздохнула:

— Мойше, я изо всех сил пытаюсь понять, что происходит, и не могу. Ты думаешь, он сдержит слово?

— Не знаю. Правда не знаю. Узнаем только на собственной шкуре. Он оставит здесь людей, чтобы установить новый порядок. Хотел бы я знать, какие у них инструкции. Но что собираешься делать ты? Решать надо быстрее. Мы готовы к отлету.

— Я лечу на Звездный Рубеж. Консуэла там. Ей поручили руководство всей командой.

— Что ж, это для нее хорошо.

Томас помешкал. Она отказывалась от возможности, которую он ей предложил.

Все еще болит, думал он, бредя по коридору. Она даже не хочет попытаться понять.

Передав решение Эми, Мак-Кленнон отправился на поиски своего партнера.

Он нашел Мауса в кают-компании. Тот сидел, бездумно уставившись в голокуб. Мак-Кленнон сел рядом.

— В чем дело, приятель? Поговорим?

Маус нехотя выключил изображение.

— Не сейчас, Томми. Я еще не готов.

— Хорошо. Ты заметил маленькую светленькую лейтенант-точку из артиллеристок? Танни Как-то-там.

— Ракеты В? Первый сорт. Кажется, мужчины глаз от нее оторвать не могут. В малышках есть что-то такое...

— Говорят, она Скорпион.

Маус рассмеялся:

— Ты же не пытаешься меня сватать?

Маус славился своими утверждениями о том, что женщины-Скорпионы — самые пылкие женщины во вселенной. Мак-Кленнону так и не удалось заставить его объяснить, каким образом геоцентрическая астрология переносилась на небеса Внешних Миров.

— Не совсем. Я задал кое-кому несколько вопросов. Мне казалось, что тебе было бы интересно узнать ответы.

— Мне интересно. Эта бомбочка того и гляди взорвется. Видно по тому, как она двигается. Только шепни ей на ушко — и выпустишь такого демона, что и пяти парням не совладать. Но в то же время мне неинтересно. Если ты понимаешь, что я имею в виду.

— Нет. Не понимаю. Ты уже месяц живешь монахом. Я думал, что уж скорее энтропия даст задний ход.

— Мне надо кое-что обдумать, Томас. Бросим тему?

— Если хочешь. Мы направляемся на Звездный Рубеж.

Словно в подтверждение завыла сирена перехода в гипер.

— Я слышал, они в конце концов сдались.

— Теперь все, что от нас требуется, — это внушить должное уважение Граберу.

— Старик найдет способ.

— Он всегда находит, правда?

— Томми, как ты думаешь, каковы наши шансы?

— Что?

— Наши шансы пережить эту заварушку с тварями из центра.

— Мы этого не узнаем, Маус. Тянуться будет долго. В этой войне будут сражаться правнуки наших правнуков. И это прискорбно.

— Прискорбно? Почему?

— Мы можем погибнуть как раса. Я не хочу сказать, что нас уничтожат, я говорю о том, что мы перестанем быть тем, что мы есть сейчас. Я много об этом думал. Ты знаешь, к чему я пришел.

— Ты слишком много думаешь, — улыбнулся Маус.

— Видишь ли, человечество — раса безумцев. Ни один из нас не похож на другого. А когда мы собираемся в толпы, ни одна толпа не похожа на другую. Мы все время несемся в миллиардах направлений. Каждый живет на свой лад. Каждая культура — тоже. И это наш способ выживания. Культуры почти по Дарвину. Одни вымирают, другие рождаются. Одни расцветают, другие приходят в упадок, но суть в том, что их всегда много разных. Когда погибает одна, ее место занимает другая.

— Что-то я тебя не понимаю, — сказал Маус, в его голосе слышалась заинтересованность. — Какое отношение это имеет к чему бы то ни было?

— Смотри, это центральная раса... Чтобы драться с ней, нам придется собраться вместе. Поколение за поколением. Как в муравейнике. Мы превратимся в расу воинов. Мы будем нацелены только на борьбу. С самого рождения дети будут попадать в систему, делающую из них солдат. Уцелевшие пойдут наверх и состарятся в этой упряжи. У них тоже будут дети, которые пойдут по их стопам. Через несколько поколе-

ний все забудут, что есть какой-то другой способ существования. А потом мы в каком-то смысле превратимся в подобие тех, с кем деремся. Наше разнообразие исчезнет. И мы окажемся в тупике. Потому что любая культура в конце концов — тупик. Понимаешь, что я имею в виду? Что сделает милитаризованное общество после уничтожения последнего врага? Обратит оружие против себя.

Маус бросил на него косой взгляд.

— О странных вещах ты волнуешься, друг мой.

— Я считаю, что это разумная тревога. Я считаю, что мы должны не терять перспективы и попытаться сохранить наше разнообразие.

— Ну так напиши докладную с предложением начать исследования.

— Напишу, наверное.

— Когда они нас уничтожат, то это не будет иметь особенного значения, Томми. А с моей точки зрения, это неизбежно. Мы можем только отсрочить конец. Это все равно что пытаться не дать реке течь в море, вычерпывая ее чайными чашками.

— Может быть. Может быть.

Корабль содрогнулся. Казалось, он вывернулся из-под них. «Марафон» направлялся к Звездному Рубежу, этой легендарной, неприступной, девственной богине, планете-крепости, которая бессчетные века интриговала полдюжины рас.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ:
3050 н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

«Марафон» вышел из гипера через десять дней после отлета с Трех Небес. Тридцать часов он шел в норме, а потом к нему присоединились тяжелые эсминцы со Сломанных Крыльев. Бэкхарт опасался, что Грабера все же придется убеждать.

— Там сто траулеров, — возражала Эми. — Ты же знаешь, Мойше, какие они огромные. Плюс все вспомогательные корабли. Как можно думать, что пара десятков кораблей флота

может их разгромить? С ними не справился даже весь сангарийский флот!

— Надеюсь, вам не придется этого узнать.

— Эми, эти корабли специально для этого построены, — пояснил Маус. — Они способны только истреблять. В особенности класс «Империя». Уничтожать корабли противника, орбитальные крепости, наземные города. Эти штуки созданы для уничтожения. Что есть у вас, рыбаков, — это кучка кораблей, построенных для других целей. Пушки на них нацепили как довесок. Ваши траулеры просто лепились как придется, росли сами по себе, без особой цели.

— Я все равно считаю, что вы чересчур самоуверенны.

Томас с Маусом только пожали плечами.

— Может быть, ты и права, — проговорил Мак-Кленнон. — Мы привыкли верить, что непобедимы. — Он взглянул на Мауса. — Может быть, именно поэтому так гнетет эта история с центральной расой. Она подрывает нашу веру.

Они сидели в кают-компании «Марафона». Здесь же собралась почти вся научная группа. Отсчет времени до выхода из гипера приблизился к десятиминутной отметке. Свободные от вахты собрались, чтобы взглянуть на чудо, которое Мак-Кленнон прозвал богом войны тридцать первого века.

Несокрушимый мир. Мертвый металлический голос, гремящий в ночи и отпугивающий всех, кто осмеливается приблизиться. Звездный Рубеж. Арсенал вчерашнего дня, защищенный лучше, чем добродетель любой средневековой девственницы.

— Волноваться нечего, — сказал Мак-Кленнон. — Если бы была хоть какая-нибудь опасность, мы бы сидели не здесь, а на боевых постах.

— В оружейном тревога не объявлена, — заметил Маус. Он смотрел на маленькую блондинку, у которой над нашивками лейтенанта красовалась эмблема канонира. — Взгляни, как она двигается, Томми.

Мак-Кленнон улыбнулся:

— Кажется, он приходит в себя. Мартовский кот начинает просыпаться.

Маус слегка покраснел.

— Боже? — тихонько заметил Мак-Кленнон. — Ты? Смущен?

— Не знаю, Томми, кажется, я тоже немного изменился. Я сам себя не понимаю.

— До выхода из гипера одна минута, — объявил голос по радио. Шум в кают-компании стих.

Вошел Бэкхарт в сопровождении руководителей научной группы, они уселись в кресла возле голографического шара, установленного в центре зала.

— Отличный у него вид, а? — заметил Мак-Кленнон.

Кают-компания погрузилась в молчание. «Марафон» вышел из гипера. Через несколько секунд голографический шар заполнил совершенно круглый мяч. Окружающие детали появлялись по мере того как их регистрировали корабельные радары. Первыми показались суда, сопровождавшие «Марафон», потом траулеры, а потом безжизненные обломки, оставшиеся от битвы с сангарийцами и Мак-Гроу. Планета, однако, не изменилась.

Мак-Кленнон это уже видел. Он не был удивлен. Раса строителей уничтожила всю топографию Звездного Рубежа. Планета была отшлифована в буквальном смысле.

— Очень похоже на бильярдный шар, — пробормотал Маус.

— Когда она открывается, то уже не кажется такой дружелюбной, — заметил Томас. Воспоминание об этом заставило его содрогнуться. — По ней словно проходит дрожь...

Кто-то опустился в кресло рядом с ним. В тот же момент он заметил, как связист наклонился к Бэкхарту, шепнул ему что-то и вручил папку. «Что там такое?» — подумал Томас.

— Капитан Мак-Кленнон?

Он обернулся на голос и оказался лицом к лицу с маленькой блондиночкой-артиллеристкой.

— Да, — пробормотал он, совершенно опешив.

— Привет! Я Танни Ловенталь. Канонир.

Она пододвинула на сантиметр свой миниатюрный фундамент.

Маус хихикнул. Томми обернулся. Казалось, внимание Шторма полностью сосредоточено на голографическом шаре. Внимание Эми тоже, но она покраснела до ушей.

— Чем могу служить? — спросил Томас.

— Ничем. Мне просто хотелось с вами познакомиться. Кто-то сказал, что вы — это вы, и я подумала, что стоит представиться. Сами знаете, вы теперь знамениты.

Она накрыла его руку ладонью. Ладонь была маленькая и теплая. Он чуть было не отдернул руку.

Маус снова чуть слышно хихикнул.

— Странно, правда? — спросила девушка. — Я имею в виду Звездный Рубеж.

— Очень. Особенно когда он не в настроении.

— Ага. Это точно. Вы же здесь уже были, правда? Когда работали у звездоловов?

Разговор тянулся всего несколько минут. Вдруг девушка сказала:

— Мой выход. Обратно в соляные копи. Пока!

Она сжала его руку и на мгновение заглянула прямо в глаза.

— Пока, — ответил он.

Совершенно растерянный, он огляделся по сторонам, чтобы узнать, что произошло, пока он был занять разговором.

Судя по всему, Бэкхарт что-то объявил. Томас это пропустил.

— В чем дело, Маус?

— Сейнеры его уже вскрыли. Мы можем немедленно послать туда своих людей. — Шторм с трудом сдерживал смех. Он кивнул в сторону удаляющейся фигуры Танни. — Вот что значит задавать вопросы, Томми. Это становится известным.

Эми смотрела на шар, упрямо выставив подбородок. Она покраснела, а из ушей чуть ли не пар валил.

— Как эта пустоголовая секс-машина вообще попала на такой пост? — спросила она.

— Возможно, она в своем деле вполне компетентна, — продолжая улыбаться, ответил Маус

— В этом-то я не сомневаюсь. Ясно с первого взгляда.

Маус едва заметно махнул Мак-Кленнону, чтобы тот испарился. Эми была готова закатить сцену. Сцену, которую она не имела права закатывать, поскольку заявила, что порывает свои отношения с Мак-Кленноном.

Мак-Кленнон поднялся и направился к адмиралу.

— А мне можно будет спуститься? — спросил он, когда Бэкхарт освободился. — Просто взглянуть?

Адмирал задумался.

— Думаю, да. Кажется, опасности нет. Они уже неделю там работают, и пока ничего не случилось. Но подожди, пока

спустятся все ученые. И попроси, пожалуйста, Эми попозже заглянуть ко мне в кабинет. Думаю, у нас найдется для нее работа координатора.

— Да, сэр. — Он побрел назад к Эми и Маусу. Шторму удалось ее успокоить. Он все еще усмехался.

— Томми, думаю, я принимаю твой вызов. Помнишь, ты предлагал партию? Видишь тот стол?

Новостей больше не поступало. Люди начали расходиться.

— Договорились. Эми, шеф просит, чтобы ты, когда будет время, заглянула к нему в кабинет.

Они с Маусом протолкались сквозь толпу и взяли два стула. Маус достал свои карманные шахматы.

— Хотел бы я, чтобы ты стер свою мерзкую улыбочку. У тебя с ней идиотский вид.

— Я и сам бы рад, Томми, да не могу. Забавно, как она на тебя напустилась. Да, она — это нечто.

— Несомненно. Интересно только, что именно.

— Я так и не мог понять, то ли ты бросишься на нее прямо сейчас, то ли тебя хватит удар. А что именно — это ты в любой момент можешь выяснить. Она сказала тебе, как ее зовут и где ее искать. Теперь твой ход.

На следующий день ученые начали спускаться на планету. В тот же день на борт прибыла делегация важных сановников. У сейнеров были каменные лица. Мауса с Мак-Кленноном назначили их встречать. Эми явилась, чтобы помочь.

— Что это на тебе? — спросил Маус.

— Форменное платье.

— Какое форменное платье?

— Полицейская форма. Ваш адмирал велел доставить его этой ночью.

— Не знал, что у тебя есть форма, — заметил Мак-Кленнон. — Мы знакомы уже полтора года, и никогда в ней не видел.

— Вот в чем была наша ошибка, Мойше. Все это время мы прятались друг от друга.

Он предвидел сложный, напряженный день и не стал спорить.

— Возможно, ты права.

Он изучил список делегации.

— Сколько из этих людей ты знаешь?

Она тоже просмотрела список.

— Немногих, да и то понаслышке. Грабер. Пейн. Это все командующие эскадрами или командиры кораблей.

В списке было более ста имен.

— Маус, мы не сможем приветствовать каждого лично.

Тот бросил взгляд на почетный караул, готовый приветствовать прибывших на борт.

— Нет, черт побери! Так мы до завтра не закончим.

Эми уже насмотрелась на офицеров флота и представляла, что они имеют в виду.

— Не беспокойтесь, — вмешалась она. — У нас о таких церемониях и не слыхали. Они и не заметят. Будьте просто вежливы.

Маус отправился переговорить со старшим сержантом, командовавшим почетным караулом. Мак-Кленнон стоял рядом с Эми и, чтобы не встречаться с ней глазами, изучал список.

— Тебе идет форма, — тихо сказала она. — Все эти медали...

— Бэкхарт любит их раздавать.

— За это дело ты получишь еще одну?

— Возможно.

— Мойше... Мне надо тебе кое-что сказать. Когда я говорила, что мы прятались друг от друга... Я тоже пряталась от тебя. И обманывала себя. Я так за тобой гонялась потому...

Он посмотрел на нее. Она покраснела до ушей.

— Да?

— Мне стыдно. Когда я думаю об этом, то начинаю себя презирать.

— Правда? Мне тоже не нравится многое, что я сделал.

— Я была специальным агентом капитана корабля. Я должна была следить за тобой и докладывать ему. Потому что он хотел поставить тебя во главе спецслужбы сейнеров. Это означало, что ты станешь важной персоной. Я ею не была. Я никогда бы ей не стала. У меня появлялся шанс только в том случае, если Ярл умрет или покинет «Данион».

Мак-Кленнон понял, что она пытается сказать.

— Все в порядке. Я понимаю. Теперь ясно, почему иногда твои поступки казались мне такими странными.

— Мойше...

— Забудем об этом, нам и так несладко пришлось. Не надо ворошить прошлое.

Над шлюзом зажегся красный огонек. По корабельной связи объявили о прибытии шаттла с делегацией. В объявлении всему персоналу корабля предлагалось оставаться приветливыми и дружелюбными при любых обстоятельствах. Шлюз повернулся. Появился огромный, похожий на косматого медведя человек. Он оглянулся по сторонам, будто ожидая, что на него набросятся орды погибших душ.

— Грабер, — шепнула Эми.

— Займись им, Маус, — сказал Томас.

— Я?

— У тебя больше решительности и обходительности.

Маус отрекомендовался капитаном Штормом из штаба адмирала Бэкхарта. Он представил Томаса и Эми, а потом пригласил прибывших следовать за собой.

Ребята в карауле держались в превосходной, безупречно выдержанной стойке «смирно».

Космические пехотинцы на посту перед кают-компанией тоже являли собой образец военной выправки. Они вскинули руки и отдали честь.

Внутри уже ждал адмирал Бэкхарт.

Он не стал терять времени на представления или извинения, что собрал здесь всех практически под дулом пистолета, а просто прокрутил кассеты улантидов. Пока они демонстрировались, Маус с Мак-Кленноном передавали копии известных данных об угрозе из центра. Эми раздавала копии кассет.

Зажегся свет.

— Джентльмены, — начал Бэкхарт, — вы только что видели объяснение нашего недружелюбного поведения. Теперь я готов ответить на любые вопросы. Доктор Ченселлор, капитан Мак-Кленнон, капитан Шторм и лейтенант Кольридж поговорят с каждым, кто этого пожелает.

Мак-Кленнона удивила сдержанность сейнеров. Даже самые жуткие картины войны их не тронули. Они остались упрямо необщительными.

Командир «Даниона» подозвал к себе Эми. Между ними завязался оживленный разговор. Пока велся допрос Эми,

остальные задали несколько вопросов, а потом посовещались с Грабером и Пейном.

Шторма и Мак-Кленнона рыбаки не замечали.

— Мы готовы делиться с вами всеми поступающими данными, — заговорил Бэкхарт, отвечая на вопрос Грабера. — Согласно директивам Верховного Командования, вы будете получать почти все копии. Центральная раса угрожает нам всем.

— Ты когда-нибудь замечал, как Старик меняет личину в зависимости от того, с кем говорит? — спросил Мауса Мак-Кленнон. — Их у него три.

— Все мы меняем, — улыбнулся Маус, — и их обычно куда больше, чем три. Просто у него это очень заметно.

— Думаешь, они это воспримут?

— Люди Пейна — да. Большинство остальных — нет. Грабер выглядит так, будто он удостоит нас своим сомнением. — Маус осторожно снял пушинку со своей черной форменной рубашки. — Мы жертвы своей собственной репутации. Они не могут поверить в нашу прямоту.

Грабер доказал свою готовность слушать. Из-за этой его готовности заседание затянулось на несколько часов. Появились стюарды, накрыли столы и подали обед.

Наконец Грабер был более или менее удовлетворен. Его подчиненные постепенно потянулись прочь, Маус повел их к шлюзу.

Эми шла рядом с Мак-Кленноном.

— Я возвращаюсь на «Данион», — проговорила она, глядя в пол.

— Хорошо.

— Мойше... прости.

— И меня прости, Эми. За все. Мне не хотелось причинять тебе боль.

— Счастливо оставаться, Мойше.

— И тебе счастливо.

Она последней из сейнеров вошла в шлюз. Маус повернулся к Мак-Кленнону. Томас кивнул.

Маус включил механизм шлюза.

— Думаешь, все кончено? — спросил Мак-Кленнон.

— Не знаю, Томми, не знаю... Томми? В чем дело? Сержант, сюда! Носилки! Кто-нибудь, дайте носилки!

Этот приступ был самым сильным. Психологам потребовалось три дня, чтобы его вытащить.

Это его удивило.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ:
3050 н.э.

ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

— Не думаю, что тебе следует лететь, Томас, — проговорил адмирал. — Пусть этим занимается Маус. А если с тобой опять случится приступ?

— Все будет в порядке. Послушайте, спросите лейтенанта Корли. Она говорит, что пройдет еще неделя, прежде чем я снова окажусь на грани кризиса.

— Маус?

— Ну, кто-то же должен заглядывать им через плечо, правда? Иначе мы так и не узнаем, до чего они добрались. Так уж эти люди устроены. Если не стоять у них за спиной с пистолетом, они ничего не скажут. Ученые скорее согласятся, чтобы их нагишом протащили по улицам, чем высказать ошибочное суждение. Если полетит Томми, то глаз будет в два раза больше.

— Хорошо. Томас, ты знаешь женщину, которая возглавляет команду сейнеров? Поговори с ней. Возьми магнитофон. Я хочу услышать, что она скажет.

Двенадцатью часами позже Мак-Кленнон и Шторм в сопровождении двух сержантов космической пехоты вступили в стальные залы Звездного Рубежа. Кольцо доков посадочной площадки находилось в добрых двадцати километрах ниже гладкой поверхности планеты. Спуск вниз по узким отвесным шахтам был просто ужасен. Маус потерял весь свой гонор.

Космические пехотинцы погрузились в электромобиль и двинулись прочь от шаттла.

Маус направился к стальному коридору, подальше от кольца доков. Он всматривался в то, что давным-давно должно было быть наземным пунктом управления.

— Томми, иди сюда, взгляни-ка на это.

Мак-Кленнон, все еще стоявший в коридоре, подошел к Шторму.

— Что именно?

Он не видел ничего, кроме пехотинца-часового.

— Около той консоли.

— Ого! Скелет.

В рапортах сообщалось, что скелеты находят по всей крепости. Тысячи скелетов.

— Мы готовы, сэр, — сообщил один из сержантов.

Мак-Кленнон сфотографировал кости.

— Ладно, Маус, давай для начала заглянем в Исследовательский центр.

— Хорошо, может быть, там мы все и узнаем.

— Постарайся быть пообаятельнее. Кажется, Консуэла эль-Санга на это клюнет.

— А когда я не был обаятелен?

Маленький автомобильчик катил по бесконечным залам, туннелям, огибал опасные повороты, спускаясь все глубже и глубже в этот стальной мир. Сержант космической пехоты гнал так, будто его преследовали тени безвестных создателей крепости. Каждый раз, когда им попадался на дороге скелет, он заметно вздрагивал. Они проехали зал, где скелетов было особенно много.

— Эти кости воззвали к нам и изменили нашу жизнь, — сказал Томас. — Издалека, как принцесса-девственница.

— Снова ударился в поэзию?

— Это бывает, когда я в депрессии. — Мак-Кленнон глянул на космических пехотинцев. Те бесстрастно смотрели вперед. — А это место навевает депрессию.

Солдаты как с фабрики роботов вышли. Даже на кассеты адмирала они не отреагировали.

Самоубийственная скорость, с которой водитель гнал машину, была единственным свидетельством, что их хоть что-то волнует.

Машина спикировала на уровень, где сводчатые потолки поднимались на сотню метров. Его наполняли гигантские машины, устремляясь к потолку, как причудливые небоскребы. Здесь были и жизнь, и свет, но все это были машины.

— Интересно, для чего они?

— Аккумуляторы лучевого оружия, — предположил Маус.

— Некоторые. Здесь должны быть и регенераторы воздуха.

— Гляди! — пронзительно крикнул Маус. — Стоп, сержант! Сдайте назад. Еще назад. Еще немного. Гляди, Томми. На четвертом ярусе сверху.

Мак-Кленнон заметил маленькую непонятную машинку. Она деловито копошилась около одной из стальных громадин.

— Робот-ремонтник.

— Да. Ладно, сержант. Поехали.

Они спустились еще на несколько уровней, некоторые были такие же высокие, как и тот, где они заметили робота. Им попалось еще несколько подвижных машин различных конструкций.

Судя по всему, погибли только строители, а цитадель была жива и здорова. Шторм и Мак-Кленнон не заметили никаких признаков упадка.

— Такое чувство, что идешь по кладбищу, — сказал Маус, когда машина миновала огромный пустой зал, где ровными рядами лежали сотни скелетов. — В дрожь бросает.

— Знаешь что, Маус? Это вовсе не цитадель. Это пирамида.

— Ты шутишь.

— А почему бы и нет? Сам подумай. Можешь предложить хоть одну стратегическую причину, по которой здесь следовало бы воздвигнуть мир-крепость?

— Конечно.

— Например?

— Прямо напротив располагаются Магеллановы Облака. Предположим, кто-то, кто готов потратить сотни тысячелетий на завоевание галактики, идет за мной по пятам. Тогда я строю позади вечный и неприступный форт, а потом перепрыгиваю на другую, не такую враждебную звездную кочку.

— Ну и кто из нас больший фантазер?

— Фантазер, черта с два!

— Маус, они могли бы просто ее обойти.

— Этот центральный рой ничего не обходит. Они будут торчать здесь до тех пор, пока не разделаются с Рубежом.

— Может, ты и прав, но я все же держусь своей теории.

Через несколько минут они добрались до центра. Мак-Кленнон почти немедленно отыскал Консуэлу эль-Санга и

не обнаружил в ней никаких следов враждебности. Он был удивлен.

— А что? — спросила она. — Я не сейнер, я пленница, как и другие ученые.

— Я не знал.

Мак-Кленнон представил Мауса и задумался, слышала ли она что-нибудь от Эми.

— Мойше... Это правильно?

— Мак-Кленнон. Томас. Но зови меня, как тебе удобнее.

— Томас, это самое увлекательное время моей жизни. Наконец-то мы можем обменяться наблюдениями с вашими учеными... Как будто открылась совершенно новая вселенная. Идем, я покажу тебе, что мы делаем.

Походка у нее была по-юношески упругой, хотя гравитация здесь была выше, чем у сейнеров.

Маус вопросительно поднял бровь.

— Идем, — пожал плечами Мак-Кленнон. — Пока она не передумала.

В соседней комнате работала целая толпа людей. Ровными длинными рядами стояли сотни складных столов. Большая их часть была завалена всякими предметами, бумагами или приборами ученых и их помощников. Возле стены у коммуникаторов и огромного, по пояс, компьютерного терминала возились техники.

— Люди за столами изучают находки и заносят их в каталоги, — пояснила Консуэла. — Мы привезли с собой несколько тысяч добровольцев. Как только они что-нибудь находят, то сразу извещают центр по радио. Мы высылаем на место эксперта. Консультанты ведут постоянный обмен информацией с лунными археологами. Группа у панели пытается перепрограммировать центральный мозг Звездного Рубежа, чтобы люди могли работать с ним напрямую.

— Вы нашли ключ к языку строителей? — спросил Томас.

— Нет, это будет только после того, как мы сможем общаться с компьютером.

— Не понял. По-моему, все должно быть наоборот.

— Знаете, как мы работаем? Звездная рыба связывается с компьютером и передает все нашим телетехам. Телетехи передают компьютерщикам на кораблях. Те создают параллель-

ные тестовые программы. Связисты их посылают. Техники здесь пытаются передать их назад в главный мозг. Звездная рыба считывает ответ и снова передает ее телетехам. И так по кругу. Идея заключается в том, чтобы помочь компьютерам найти общий язык. Нам кажется, что мы уже на грани прорыва.

— Наверное, ключом ко всему может быть математика, — предположил Маус. — Она должна быть одинаковой по всей вселенной. Но я понимаю, какого труда вам стоит перейти к более абстрактным понятиям.

— К сожалению, нам приходится использовать нематематический интерфейс, — отозвалась Консуэла. — Звездная рыба не может мыслить математически. Их понятие о числах сводится к один-два-три-много.

— Мне казалось, ты считал их умницами, Томми.

— Они и есть умницы, — ответила Консуэла. — Но образ мышления у них скорее интуитивный, чем эмпирический. И все же мы достигли прогресса. Когда наши компьютеры смогут общаться...

— Будьте осторожны, — предупредил Мак-Кленнон. — Очень, очень осторожны.

— Почему?

— Это главная машина, да?

— Так говорят рыбы.

— Хорошо. Значит, она большая и сильная. Возможно, она играет с вами в кошки-мышки. Она же безумна.

— Да брось ты, — запротестовал Маус. — Как машина может спятить?

— Не знаю. Знаю только, что во время первого сражения я был в контакте. И ощутил легкое прямое прикосновение. Это было непосредственно от этого микроэлектронного разума. На вашем месте я бы опасался, что этот мозг может использовать свою мощь для захвата управления вашими командными компьютерами.

— Он прав, капитан. Томас, мы знаем. Это серьезная проблема. Большинство звездных рыб в стаде занимаются только собой. Лишь немногие пытаются помочь общаться. Кажется, у мозга действительно есть определенные психологические проблемы. Одиночество. Комплекс бога. Глубоко заложенная

ксенофобия и агрессивность... Именно он, в конце концов, направляет интеллект боевых систем.

— Оборонительных систем, — поправил Мак-Кленнон. — Маус над этим смеялся, но подумай, а вдруг Звездный Рубеж — пирамида?

— Не понимаю.

— Я тут похожу, — вмешался Маус, — не улетай без меня, Томас.

— Не улечу. Я хочу сказать, что Звездный Рубеж мог быть построен с той же целью, что и египетские пирамиды на Старой Земле.

— Гробница? Не думаю. Мысль не нова, но это как-то не всерьез.

— Предположим, строители знали... Ах да, у вас же нет полной информации. — Он рассказал о центральной расе и своем подозрении, что строители бежали от нее. — Ну вот. Они дошли до конца. Дальше бежать некуда, только выпрыгнуть из Магеллановых Облаков. Думаю, они сдались. Остановились, построили себе пирамиду, поместили сюда все свои сокровища и вымерли.

Мисс эль-Санга улыбнулась:

— Романтическая теория, которая согласуется с известными фактами. И теми, которые ты примыслил. Остроумно. Полагаю, что, когда нам удастся связаться с центральным мозгом, мы найдем ответ.

Ему вспомнился случай из детства. Он обнаружил — сам обнаружил, — что а квадрат плюс бэ квадрат равно цэ квадрат. Как он торжествовал, рассказывая об этом приятелю! Тот посмеялся над ним и заметил, что Пифагор опередил его на три с половиной тысячи лет.

Теперь он чувствовал то же самое.

— Я слышала, вы с Эми расстались.

— Да. Я не думал, что ты знаешь.

— Она звонила вчера. И была очень расстроена.

— Она восприняла как личное то, что таким не было.

— Мне тоже так показалось. Конечно, она много жаловалась, но у меня создалось впечатление, что ты хотел быть честным со всеми.

— Старался. Не знаю, насколько успешно.

— Начнем с того, что тебе вообще не стоило вмешиваться. Наземники и сейнеры говорят на разных языках. Я уже тридцать шесть лет с рыбаками и все же еще не совсем приспособилась.

— Мы оба что-то искали и спешили за это ухватиться.

— Я тоже через это прошла.

— Помоги ей, ладно? Мне не хотелось ее обижать.

— Помогу. И не чувствуй себя виноватым. Эми гораздо крепче, чем кажется, просто она любит внимание.

— Мне казалось, вы подруги.

— Мы долго были больше чем подругами, капитан. Пока она не встретила Хайнриха Кортеса.

— А!

— Эй, Томми! — Маус несся на них, как мини-Джаггернаут. — Иди сюда!

Он резко обогнул их и умчался обратно.

— Прошу прощения, Консуэла. — Он догнал Мауса. — В чем дело?

Маус остановился.

— Я только что говорил с девчонкой, которая делает для рыбаков то же самое, что мы для Бэкхарта. Она вне себя. Эти идиоты торчат здесь уже десять дней, рыбаки нагнали на планету тысяч восемь людей, а они еще и не брались за системы вооружения. Их это, видите ли, не интересует. Они занимаются только тем, что собирают сломанные зубочистки и всякие старые кости.

— Доберутся и до оружия, Маус. Надо дать им привыкнуть, прийти в себя от радости. К тому же им необходимо сначала связаться с главным компьютером. Если это удастся, то мы даже сэкономим время. По-крупному. Машина сможет приспособить вооружение для нас. Тогда можно будет снять готовое оружие, отправить на орбиту и строить на его основе корабли.

Маус попытался успокоиться.

— Хорошо. Может быть, ты и прав. Но мне все равно не нравится, что никто не занимается оружием, хотя мы здесь именно ради него.

— А что, если технология этого оружия требует знания других технологий?

— Что ты имеешь в виду?

— Вернемся лет на сто назад. Построй-ка мне с теми технологиями пульсирующий гразер. Ты не смог бы. Надо было бы создать технологию построения пульсового аккумулятора. Согласен?

— Иногда ты мне совсем не нравишься, Томми, — усмехнулся Маус. — Ладно, скажу этой сейнерской даме, пусть проявит терпение.

— Разрешите обратиться, капитан? — К ним подошел старший из сопровождавших космических пехотинцев.

— Да, сержант? — отозвался Томас.

— Адмирал передает вам привет и говорит, что вы нужны ему немедленно.

— В чем дело?

— Он не сказал, сэр. Он велел передать вам, что это критично.

Маус казался озадаченным. Мак-Кленнон тоже.

Но не успели они пуститься в путь, как новость уже облетела огромный зал. Все стало ясно.

Случилась стычка между звездными рыбами и акулами. Объявились целые орды хищников, и их прибывающий поток не иссякал.

— Мать их так! — воскликнул Томас. — Я совсем о них позабыл.

— Но они о нас не забывают, — проворчал Маус. — Черт бы их побрал!

Люди заметались в разные стороны. Атмосфера была на грани паники. Примчался доктор Ченселлор.

— Мне сказали, что вы отправляетесь наверх. Передайте это адмиралу, просто на всякий случай.

Он сунул в руки Мак-Кленнону какую-то папку, бросил «Спасибо» и устремился к группе, столпившейся у компьютера. Ученые пытались подготовить немедленное отключение опроса внешних устройств на случай атаки акул.

— Лучше бы они велели этой идиотской коробке самой разобраться с их проблемой, — проворчал Маус, когда они уже сели в машину. — Что он тебе дал?

— Свои заметки. Что-то среднее между дневником и регулярными научными записями.

— Дай-ка мне пару страниц.

Водитель гнал еще быстрее, чем в первый раз.

— Вот это интересно, — заметил Маус. — Мебели нет.

— Что?

— Команды исследователей не нашли никакой мебели. Это подтверждает твою теорию пирамиды.

— Это точно. Я не видел ничего, кроме машин. Все тела лежали на полу.

— Может быть, они тоже были здесь чужаками?

Мак-Кленнон пожал плечами.

— А вот еще. Тебе будет интересно. Как ты думаешь, каков размер Рубежа?

— Ну... с Венеру?

— Почти попал. Земля минус два процента. Но сама планета меньше, чем Марс. Остальное — надстройка.

— Что?

— Это он так назвал. Вот тебе и вопрос. Если основная часть структуры — полая, от откуда такая гравитация? На пару десятых больше, чем на Земле.

— Брось, Томми, — фыркнул Маус. — Машинная, наверное.

— Нет. Но ответ тебе понравится. Согласно записке, строители, прежде чем начать строить, взяли нашу планетку, отполировали ее, а потом выстлали слоем нейтрониума. Вся крепость покоится на нейтрониуме, который играет роль подушки, предохраняя сооружение от тектонической активности.

— Тпру! — Водитель резко рванул в сторону, и Маусу пришлось вцепиться в сиденье. — Это как им удалось стабилизировать нейтрониум?

— Узнай это, а главное — как они его заложили в фундамент, и мы богаты.

— А какой источник энергии?

— Здесь нет генератора. Думаю, это подразумевается. Ни на Трех Небесах, ни на лунных раскопках я не встречал ничего, что позволило бы говорить о таком уровне технологии.

— Так, значит, этот маленький народец сюда влез. Как и мы.

— Может быть. — Мак-Кленнон представил себе людей Бронзового века, вставших лагерем на улицах города космического века.

— Ну, давай читай дальше, мне не хочется думать о путешествии наверх.

На «Марафоне», прямо у люка, их уже встречал лейтенант флота.

— Не соблаговолите ли следовать за мной, господа?

Адмирал ждал их на мостике.

— А, Томас! А я уже гадал, куда вы делись.

— Это критично, сэр? Мы не спали уже целую вечность.

— Критично. Но сейнеры говорят, что не похоже, чтобы гроза разразилась немедленно. Отдохните как следует перед отправкой.

— Отправкой?

— Я посылаю вас на «Данион». Томас, ты войдешь в контакт и обеспечишь «Ассирийцу» и «Пруссаку» наведение в реальном времени.

— Вы шутите, сэр!

— Почему? По моим расчетам, они могут расчистить этот хлам. Заодно покажем Граберу, что может случиться, если он вздумает финтить.

— Во-первых, вы настроены слишком оптимистично, сэр. Акулы суперсмертельно опасны. Если их вывести из себя, они выбрасывают антигелий. Во-вторых, почему я? Телетех сейнеров сделает то же и даже лучше. Они лучше подготовлены.

— Я хочу, чтобы это был ты. Мне не нужен сейнер, который будет подтасовывать данные, чтобы мы уронили лицо.

— Я должен идти?

— Это приказ.

— Тогда пусть это будет другой корабль. На «Данионе» меня просто линчуют.

— Грабер выбрал «Данион». Этот корабль мы уже знаем. У него тоже есть свои тайны.

— Благодарю вас. Сэр.

— Если ты захочешь отказаться, корабельный юрист тебя поддержит, — театральным шепотом заметил Маус. — Ты находишься под арестом и не обязан работать.

— У меня и без того забот хватает, не хочу злить Старика. Еще больше злить.

Бэкхарт бросил на Мауса испепеляющий взгляд.

— Отправишься с ним, сынок. Главным телохранителем. Возьмешь двух пехотинцев. Томми, если так тебе будет спокойнее, перед отлетом посиди у психкоманды.

— Ладно.

«Данион» не изменился. Только теперь вокруг не было дружеских улыбок. Эми встретила их у шлюза в сопровождении отряда мрачных сейнеров. Она рассадила всех в небольшие машины, и процессия тронулась.

Завидев их, люди плевались и изрыгали проклятия.

— Скажи мне, пожалуйста, — начал Маус, — откуда всем известно, что мы здесь?

— Тут не флот, — коротко ответила Эми.

— Если будешь так себя вести, я больше с тобой спать не буду.

Маус рассмеялся, когда она гневно обернулась.

— Полегче, приятель, — вмешался Мак-Кленнон. — Нам надо выбраться отсюда живыми.

Что-то пронеслось прямо у них над головой.

— Видел? — проворчал Маус. — Это Кенди... А еще хотела за меня замуж.

— Эми, вы показали своим людям эти кассеты?

— Какие кассеты?

— С центральной...

Маус слегка толкнул его локтем.

— Здесь попахивает маленькой политической хитростью, приятель. Небольшая цензура. Грабер опасается, что не удержит своих людей в узде, когда те узнают, что происходит на самом деле.

— Не вам об этом говорить, — отозвалась Эми.

— О! Боже упаси! Никогда, дорогая. А что ты сделаешь, если я все-таки буду?

— Вчера я виделся с Консуэлой, — заговорил Мак-Кленнон, прерывая их перебранку.

— Как она? — смягчилась Эми.

— Помолодела лет на двадцать. Счастлива, как ребенок, которого пустили к прилавку с конфетами. Она надеется, что ты к ней заглянешь.

— А ты там был?

— Вчера. Это интересно, но не думаю, что мы получим ответы на все вопросы.

Машины въехали в Сектор управления. Огромная дверь захлопнулась за ними, и они оказались отрезанными от ос-

тального корабля. Маус вслух поинтересовался почему. Никто ему не ответил.

Мак-Кленнона ждала его старая бригада поддержки, Ганс и Клара. Особого дружелюбия они не проявили, но враждебности было меньше, чем за пределами сектора. Клара даже улыбнулась:

— Добро пожаловать назад, Мойше. Тебе даже досталось твое старое кресло.

— Клара, прежде чем мы начнем, я хотел бы тебя кое с кем познакомить. Это Эми.

— Эми. — Клара протянула руку. — Пока Мойше с нами работал, я только о вас и слышала.

Мак-Кленнон снял рубашку и передал ее Маусу. Сержанты космической пехоты осмотрели кресло и оборудование и встали по сторонам. Впрочем, они старались не мешать.

Комната контакта погрузилась в тишину. Судя по всему, людей не предупредили, что намечаются посетители.

Томас устроился в кресле.

— Клара, я не уверен, что у меня еще получится.

— Такое нельзя забыть. Ганс!

— Ты отпустил волосы, Мойше, — сказал Ганс. — Придется мне как следует их вымазать.

— С тех пор, как мы сели на Сломанных Крыльях, у меня не было времени на парикмахеров.

Он пару раз вздрогнул, сначала когда Ганс начал втирать ему в кожу жирный гель, а потом — когда надевали устройство-сетку. Через мгновение голову накрыл тяжелый шлем.

— Там тебя ждет рыба, Мойше, — проговорила Клара. — Можешь выходить. Удачи.

Он перешел в переходную зону, а потом оказался во вселенной звездной рыбы.

Звездный Рубеж смотрелся огромным молочным шаром, окруженным бессчетными золотыми мячами и иголками. Три корабля класса «Империя» начали испускать вихри цвета. Они уже задействовали все боевые станции и подняли все экраны. Золотые драконы скользнули в сторону, стараясь держаться подальше от кораблей.

А позади драконов, на фоне галактики...

«Боже мой!» — подумал он.

Он заметил гигантские косяки и тучи красных молний, за которыми терялась усыпанная звездами мантия вселенной. Акул было так много, они были в таком возбуждении, что невозможно было различить каждую в отдельности.

— Да, человек-друг Мойше. Они скоро нападут, — проговорил кто-то прямо у него в голове.

— Головастик!

— Привет! Добро пожаловать домой! В твоем мозгу я вижу новые пережитые приключения, человек-друг Мойше. Вижу распахнутые двери там, где когда-то лежали тени.

— Какого дьявола... Ты изменился, Головастик, ты стал поэтом.

У него в голове зазвенели нежные колокольчики смеха.

— Да, мне повезло, человек-друг Мойше. Сначала контактер-шпион, который научил шутить, а потом контактер-она, полная поэзии.

Мак-Кленнон почувствовал, как звездная рыба устремляется в глубь него, несется через скрытые прежде тайники, изучает все секреты и страхи, до которых не могла дотянуться прежде.

— Ты все вспомнил, человек-друг Мойше.

— Контактер, говорит связь, — раздался голос издалека, откуда-то снаружи. — Нам необходимо организовать канал для наводчиков «Ассирийца» и «Пруссака». Сообщите нам, когда будете готовы.

Мак-Кленнона охватил страх. Звездная рыба сняла его одним мысленным прикосновением.

— Я готов, — ответил Томас.

Он слышал, как связисты «Даниона» замкнули сеть и подключились к дредноутам. До него доносились голоса: флот и сейнеры объявили боевую тревогу. Со своего поста он видел, как вокруг кораблей флота развернулись защитные экраны. Два гигантских корабля начали двигаться навстречу урагану акул.

Хищники учуяли атаку еще до ее начала. Они вдруг устремились вперед, пытаясь добраться до нападающих и до кораблей, скрывающихся за ними.

Мак-Кленнон почувствовал, как Головастик через его мозг связался с «Данионом». Он видел ответ «Ассирийца» и «Прус-

сака». Казалось, их пушки разрывают саму ткань вселенной. Акулы гибли сотнями.

Но в десятки раз больше акул прорывалось сквозь стену огня и бросалось на корабли, сгрудившиеся вокруг Звездного Рубежа.

Через десять минут космос пылал, выброс энергии был просто колоссальным. А еще через десять минут Мак-Кленнон начал чувствовать горечь и отчаяние. Сообразив, откуда идут эти чувства, он спросил:

— В чем дело, Головастик?

— Слишком много акул, человек-друг Мойше. Нападение было ошибкой. Даже огромные корабли-убийцы твоего народа не смогут устоять.

Мак-Кленнон присмотрелся к положению. Космос алел, правда, но неоспоримых признаков поражения заметно не было.

И все же звездная рыба была способна делать прогнозы точнее, чем самый мощный компьютер людей.

Через пятнадцать минут тревожные знаки заметил и Мак-Кленнон. Акулы целыми стаями бросались на экраны кораблей и постепенно одерживали верх. Это происходило с каждым кораблем. Неподалеку от Звездного Рубежа уже пылал десяток истребителей. Огонь мог разгореться где угодно, газовые заряды антиматерии попадали на обшивку и постепенно разрушали железные корпуса кораблей.

Становилось все хуже.

— Мойше? — Казалось, голос Клары доносится с другого конца галактики. — Ты уже давно в контакте, может, вернешься?

— Нет. Я в порядке.

— Ты весь взмок.

— Ничего. Здесь невесело.

Несмотря на усилия Головастика, ему уже не удавалось снимать приступы страха. Он сам был в смятении. Его народ безжалостно уничтожался.

Положение стало еще хуже.

«Пруссаку» пришлось отступить. Акулы усилили атаку на «Ассирийца». «Габсбург» принял контакт реального времени и занял место «Пруссака».

Эсминцы флота оказались гораздо эффективнее рыбачьих траулеров. Их огневой заслон был практически непреодолим.

— Прорыв! Прорыв! — закричали голоса где-то вдали.

Мак-Кленнон только позже понял, что означали эти возгласы. В этот момент он думал, что акулы одержали победу. И только потом, когда возликовал Головастик, до него дошло, что поток обратился вспять.

Акулы начали кидаться друг на друга и сотнями гибли в этой дикой безжалостной грызне. Победители искали новых жертв. То тут, то там хищники уже обращались в бегство.

Через полчаса единственными красными точками, горящими на просторах космоса, были гаснущие и распадающиеся куски акульих тел. Космос кишел пожирателями падали, которые пришли сюда следом за акулами. Головастик гоготал, как подросток над неприличной шуткой.

— Нам удалось, в очередной раз удалось, человек-друг Мойше! Даже когда это было невозможно. Великолепно! Лучше и придумать нельзя. Могу биться об заклад, стадо и траулеры избавлены от акул на всю оставшуюся историю человечества. Здесь погибло так много...

— Мойше? — вмешалась Клара. — Ты в порядке? Нам надо тебя выводить. Ты и так пробыл слишком долго.

Мак-Кленнона охватила печаль. На мгновение он не мог обнаружить ее источник, а потом понял. Головастику жаль его отпускать. Звездная рыба знает, что это уже навсегда.

— Не знаю, что и сказать, Головастик. Мы ведь уже прощались.

Головастик придумал какую-то хилую шутку. Мак-Кленнон с натугой рассмеялся.

— Не очень?

— Не очень. Помни меня, Головастик.

— Всегда. Человек-шпион с твердого шарика останется бессмертен в памяти стада. Будь счастлив, человек-друг Мойше. Помни, существует и надежда взять верх над убийцами миров. Старейшины велели мне это тебе передать. Мы помним их по другим галактикам. Там их удалось остановить.

— В других галактиках?

— Со временем они приходят в каждую галактику, человек-друг Мойше. Они инструмент Первой Расы, народа из твердой материи, который явился прежде остальных. Они не

стареют и не умирают. Они не рождаются, как вы, а появляются из машин-инкубаторов, их собирают по кускам уже взрослыми. Это искусственные твари. Они не думают, как вы. Они знают только свою цель.

Мак-Кленнон почувствовал, как Головастик пытается использовать понятия, чуждые сознанию звездной рыбы. В том, что ему пытались поведать, ощущалась некая древняя, изначальная мудрость. Казалось, Головастик пытается придать старому грозному преданию относительную точность и краткость современной человеческой мысли.

— Они завоевывают миры, которые можно было бы приготовить для Первой Расы. Но Первая Раса исчезла, она не может ни использовать эти миры, ни прекратить работу своих инструментов. Она исчезла еще до рождения вашей родной звезды.

— Кто построил Звездный Рубеж? Ты знаешь?

— Как вы и думали, маленькие люди из твердой материи. Те, чьи кости вы обнаружили. Они враждовали с Первой Расой. Они выиграли сражение, и все же им пришлось бежать от инструментов врага.

— Но...

Головастик отвечал на его вопросы прежде, чем он их задавал.

— Они тоже стары, человек-друг Мойше. Они бегут, а убийцы миров идут по пятам. Это не первый раз они проходят через нашу галактику. Вы ничего не знаете о Звездном Рубеже. Он древний. Древнее, чем камни Земли. Враги губителей миров — всего лишь тени прошлого. Они исчезают, бегут прочь, редеют, но всегда оставляют за собой цепочку ловушек для своих врагов. Стадо издревле их знает, Мойше, человек-друг, мы столкнулись с ними еще в прежнюю эпоху, когда галактики бывали моложе и ближе друг к другу, а наши отцы бороздили соединяющие их потоки.

— Ты становишься поэтом.

— Все мы переплетаемся, человек-друг Мойше. Все переплетаемся.

— Мойше! Нельзя больше медлить!

Еще никогда голос Клары не казался таким отдаленным. Мак-Кленнон почувствовал ее тревогу.

— Контактер? Говорит связь. Мы кончаем передачу.

— Контактер, слышу. Головастик, я...

— Возвращайся к себе, человек-друг Мойше. Ты будешь помнить.

Последняя фраза звездной рыбы озадачила Мак-Кленнона. Что он будет помнить?

Что-то обрушилось на его сознание. Эта волна крушила все на своем пути. Он в ужасе щелкнул аварийным переключателем. «Головастик, друг мой...» — это была последняя отчаянная мысль, потом его накрыла темнота.

Боль!

Всепоглощающая боль, хуже, чем мигрень. Голова просто раскалывается на части.

Он закричал.

— Держите его! — крикнул кто-то.

Он бился, стараясь сбросить удерживающие его руки. Что-то вонзилось в тело. От места укола потекло теплое умиротворение. Боль начала стихать. Вскоре он уже смог открыть глаза. Свет уже не пугал его.

— Вернись! — прикрикнула на кого-то Клара. — Мойше, как ты себя чувствуешь?

— Будто смерть прошла стороной. Стороной.

На ее лице читалось облегчение, но она все же проворчала:

— Говорила же я тебе возвращаться, почему не слушался?

— Головастик рассказывал мне о Звездном Рубеже. Рубеже. О том, кто построил его, и о центральной расе. Расе. Это было важно. Важно.

— Ты слишком перенапрягся.

— Сделай мне еще укол. Укол. Я буду в порядке. Порядке. Как идет сражение? Сражение? Что, черт возьми, случилось? Случилось?

Ганс держал его руку, а Клара сделала второй укол. Боль почти исчезла. Только перед глазами стояла какая-то пелена, как при температуре.

— Им удалось наконец связаться с главным компьютером Рубежа, Мойше, — ответил Ганс. В голосе юноши теперь не слышалось ни малейшей враждебности. — Ты удерживал их достаточно долго. Как только он нащупал ключ, то в считанные секунды расшифровал наш язык. Он понял, в чем дело. И что-то сделал с этими акулами.

— Что он сделал? Сделал?

Откуда-то сзади выступил Маус из-за спины и заглянул Мак-Кленнону в глаза.

— Мы надеемся, что это ты нам расскажешь. Это ты там был.

— Я не знаю, что случилось. Случилось. На мгновение мы потеряли надежду. Надежду. А потом на акул обрушился какой-то ураган. Ураган.

— Это не класс «Империя» так сработал, нет?

— Они действовали превосходно. Превосходно. Лучше, чем весь флот Пейна во время первого сражения. Сражения. Думаю, Грабер проникнется должным уважением. Уважением. Такого никто не ожидал. Ожидал.

Маус нахмурился.

— Почему он так говорит? — спросил он Клару.

— Не знаю, прежде я никогда с этим не сталкивалась.

— Как я говорю? Говорю?

— Сам себя повторяешь.

— Что ты имеешь в виду? В виду?

— Когда мы сможем его забрать? — спросил Маус.

— В любое время, — ответила Клара. — Но ему лучше остаться здесь. Наши медики привыкли иметь дело с телетехами.

— Нет, адмирал хочет, чтобы он вернулся немедленно. Давай, Томас. Ноги на пол. Посмотрим, можешь ли ты стоять.

— Без проблем. Проблем.

Он чувствует слабость, но двигаться может. Почему они так странно на него смотрят?

Он начал припоминать.

— Он сказал мне, что я буду помнить. Помнить.

— Кто тебе сказал? — спросил Маус, ведя Мак-Кленнона к двери и усаживая его в ожидавшую снаружи машину.

— Головастик. Звездная рыба. Я начинаю. Начинаю. Маус, мне надо поговорить с адмиралом. Адмиралом. Я вспоминаю все, что рыбе известно о центральной расе и их врагах. Врагах. — Он повернулся. — Клара. Рад был снова с тобой встретиться. Встретиться. Ганс. Будь умницей. Слушайся бабушку. Бабушку. — Он протянул руку. Удивительно, но Ганс ее принял.

— Конечно, Мойше. Удачи.

Он бросил взгляд на Клару.

— Удачи, Мойше, — сказала Клара. — Может быть, ты удивишь нас еще раз.

Он нетерпеливо рвался вперед. Ему хотелось доложить о том, что он узнал, пока еще помнит.

Перед погрузкой на шаттл Маус остановился, чтобы поговорить с Эми.

— Береги себя, — сказал он. — И будь счастлива. В том, что случилось, не было твоей вины. Можно сказать, это судьба.

— Знаю, Маус. Но ничуть не меньше болит. — Она натянуто улыбнулась. — Великое призвание? Возможно, это и к лучшему. Прости, что была такой стервой.

— Чепуха, — пожал плечами Маус. — Береги себя.

— Береги Мойше.

Маус странно на нее посмотрел.

— Он твой друг, но он мой муж, и я буду его помнить. — Она наклонилась ближе и прошептала: — Обещай не говорить ему, пока он не пойдет на поправку. У нас будет ребенок.

— Обещаю. Сейчас ему не следует беспокоиться еще и об этом.

Шторм отступил в люк, помахал, повернулся и опустился в кресло. Он был так взволнован, что даже на время забыл о предстоящем полете.

Мак-Кленнон сидел напротив него, рядом с одним из космопехов, и отчаянно что-то строчил.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ:
3051 н.э.
ОТСТУПЛЕНИЕ

Прима Защиты Уланта отдала приказ. Клаймеры покинули корабль-носитель. Истребители преследования заняли позиции в арьергарде, готовые перехватывать и уничтожать все вражеские суда, которые попытаются покинуть место битвы. Корабли класса «Империя» и «Завоеватель» вместе с равными им по классу кораблями улантидов, токе, Кхар'мехла и Ашифн-

та начали наступление. Крейсеры, фрегаты и бомбардировщики выстроились в заградительный щит. Рой москитного флота набирал скорость, готовясь на скорости света пролететь сквозь боевые порядки противника, плюясь лучами и торпедами и собирая минутной свежести разведданные для компьютеров Примы Защиты.

Центральная раса ничего не подозревала. Даже народ, который они уничтожали, не имел ни малейшего представления о том, что грядет подмога.

На разработку этой операции у штаба улантидов ушли годы. Это была их игра. Впервые за всю историю офицеры Конфедерации подчинялись приказам другой расы. Даже воины-токе отложили в сторону свою гордость и стали под начало тех, кто знал больше, чем они сами.

Двенадцать суверенных правительств пяти рас объединились в Соединенный флот.

Клаймеры материализовались прямо посреди вражеских истребителей. Они разрядили оружие прежде, чем враг успел отреагировать, и тут же вернулись на корабли-носители за новой порцией боеприпасов.

Секундой спустя из гипера вылетели космоскафы.

Драться на одноместных кораблях-разведчиках могли только люди особой породы. Эгоисты, солипсисты, люди, убежденные в собственной неуязвимости. Люди, не боявшиеся драться без всякой защиты, кроме скорости и бешеной маневренности.

Корабли-одиночки неслись сквозь флот центральной расы, пуская самонаводящиеся ракеты и стреляя направо и налево лучевыми пушками, установленными на носу кораблей. Для некоторых молниеносная скорость оказалась фатальной. Вражеских кораблей было так много, что произошло несколько столкновений.

Компьютеры Соединенного флота получили необходимые данные. Размер, положение, направление вектора скорости вражеских кораблей замелькали в огромных дисплеях командного пункта Защитницы и кораблей поддержки. Корабли и установки, принадлежащие подвергшейся нападению расе, были идентифицированы и отмечены как дружественные. Крупные вражеские корабли тоже были помечены особо,

информация о них была передана клаймерам, которые готовились ко второй атаке.

Генеральный Штаб Уланта все спланировал тщательно. Неприятных сюрпризов удалось избежать.

На позицию вышли тяжелые корабли и начали планомерно уничтожать уступавшего в технике противника.

Все преимущества были на стороне Союзников. Все, кроме одного.

Численное превосходство противника было сто к одному.

Они были целеустремленным народом, эта центральная раса. Когда их корабль терял боеспособность, они грузились на спасательный катер и пытались высадиться на планету. Те немногие, которым это удалось, истребляли все, что попадалось им на пути, пока кто-нибудь не уничтожал их самих. И на земле, и в космосе у них было очень слабое представление о тактике.

В тактике не было необходимости, когда единственной стратегией было использование немыслимого численного превосходства.

Казалось, они не знают, что такое страх, и по природе своей не способны отступать. Они просто сражались и умирали, уступая свое место следующим.

Единственными кораблями, которые пытались покинуть поле битвы, были курьеры, стартовавшие через десятичасовые интервалы.

Ими, как и курьерами, спешившими к месту сражения, занимались истребители преследования.

Один за одним корабли Союзников гибли или теряли боеспособность.

На сороковом часу операции, которая первоначально планировалась на сто часов, Прима Защиты связалась с Улантом. Она выразила опасение, что вверенные ей силы не смогут выполнить возложенную на них миссию. Боевые потери — двадцать пять процентов состава. Приблизительное соотношение сил — семьдесят к одному в пользу противника.

Эти цифры не учитывали расстановку сил. Корабли союзников сосредоточились на самых важных и опасных вражеских судах. Значительный процент остальных кораблей составляли легковооруженные транспортные суда.

Люди центральной расы упрямо направляли свой главный удар на обитателей планеты.

Однако пессимизм Защитницы был небезосновательным. Через сто часов после начала операции в ее рапорте сообщалось, что флот Союзников на пятьдесят процентов выведен из строя. Запас ракет полностью исчерпан. Потенциал лучевого оружия на исходе. От уцелевших клаймеров больше нет никакого проку. Люди падают с ног от усталости.

Прима Защиты вышла из боя.

Противник не обратил внимание на ее отход. Он сомкнул ряды и продолжил свою прерванную атаку на планету.

Защитница получила приказ отойти и наблюдать. Конфедерация посылала подкрепление. На подходе были транспорты с боеприпасами и запчастями.

В конце концов после месяца кровопролитных сражений были уничтожены последние вражеские корабли. Союзный флот возвращался домой зализывать раны и обдумывать ход сражения. Защитница удалилась, не вступая в контакт с планетой, которую спасла. Она не хотела, чтобы вражеский флот, который придет на смену погибшему, обнаружил какую-нибудь информацию о таинственных спасителях планеты.

Великая битва, если судить по числам. Страшная резня. Но это была пиррова победа. От бережно подготовленной и собранной мощи Союзников осталась одна десятая.

Вдоль этого Рукава галактики двигалось еще по меньшей мере четыре подобных флота. По сути дела, Союзникам удалось добиться только одного: теперь они знали, что чудовищную силу можно разгромить. Победа не радовала ни один генштаб.

Она лишь вселяла еще более мрачное предчувствие грядущих битв.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ:
3050—3052 н.э.
ОСНОВНОЕ ДЕЙСТВИЕ

Мак-Кленнон около месяца передавал свои воспоминания.

— Боже, Маус, меня уже тошнит от всего этого. Почему бы им не ограничиться кассетами моих показаний?

Маус выдвинул вперед пешку, надеясь спровоцировать обмен фигур.

— Потому что это дьявольски интересно. Все равно что познакомиться с человеком, который умеет двигать ушами. Непременно хочется увидеть, как он это делает. Я тоже не могу с собой справиться. Жаль, что нельзя влезть тебе в голову. Боже, знать, как выглядела галактика еще до того, как родилось Старое Солнце!

Мак-Кленнон отказался от размена. Он двинул коня на защиту пешки и взглянул на часы:

— Четыре часа. Я начинаю бояться. Полная процедура депрограммирования. За все два года операции. Они не отстанут, пока я не выложу им эту историю со звездной рыбой плюс всю историю вселенной со дня Большого Взрыва.

Маус тоже посмотрел на часы. Скоро «Марафон» выйдет из гипера и начнет готовиться к посадке на Луну-Командную.

— Меня тоже не радует депрограммирование, зато мы увидимся с теми, кого не видели уже давно. Они, должно быть, сильно изменились.

— Может быть, слишком сильно. Может, мы вообще с ними больше не увидимся. — Мак-Кленнон пытался вспомнить своих друзей с Луны-Командной. Макс станет старше. Грета будет совершенно другим существом. Теперь он ее может и не узнать.

Мысли Томаса вновь скользнули в воспоминания. Каждый раз, когда он к ним обращался, то наталкивался на что-нибудь новенькое. Они казались довольно занимательными, но он не мог избавиться от какой-то тяжести на сердце.

И армад, двигавшихся вдоль Рукава, было не пять. Их было восемнадцать, а галактика была инфицирована не одним, а четырьмя Сфероидами. Он не мог согласиться со звездной рыбой, не мог принять ее убеждение в том, что, по сути дела, врагу никогда не удавалось одержать полную победу. Ему все равно, что это их третье вторжение в Млечный Путь, что жизнь всегда выживала и что между этими мрачными походами, в промежутках, длившихся миллиарды лет, вопреки всем усилиям истребителей миров на них поднимались новые расы. Не приносило успокоения и знание, что на его веку враг не успеет добраться до Конфедерации.

Если Бог есть, то Он жесток. Допустить существование такой чудовищной силы, сметающей все на своем пути...

— Головастик думал, что делает мне подарок, — сказал Мак-Кленнон. — Он знал, что меня интересует прошлое. Он знал, что у его народа есть сведения, которых мы так жаждем. Это был дар отчаяния. Теперь мы знаем, насколько все безнадежно.

— Я бы этого не говорил. Ты, по-моему, излишне мрачен.

— С чего ты взял?

— Ты сам сказал, что звездная рыба считает, что их можно остановить. Что такое уже бывало. Что создатели Звездного Рубежа как раз над этим работали, когда на них обрушилась чума.

— Они работали над этим, стараясь на основе своей собственной расы создать расу убийц.

Маус пожал плечами.

— Привет, Танни!

Мак-Кленнон поднял голову и встретился со взглядом смеющихся зеленых глаз.

— Не пригласить ли тебе моего друга на прогулку? — предложил Маус. — Он снова в унынии.

Женщина рассмеялась:

— Именно это я и собиралась сделать. Или ты предпочитаешь шахматы, Том?

— Давай бросим монетку, — ухмыльнулся Мак-Кленнон. — Ой! Щипаться нечестно!

— Да идем же. Через час мне надо возвращаться на пост. — И она плавно выплыла из кают-компании.

— Ну берегись, стоит только Макс ее увидеть... — пригрозил Маус.

— Эй! Лучше не надо. Ни в коем случае. Слышишь? Будет такой фейерверк, что сверхновой бомбе стыдно станет.

— Жду не дождусь, приятель, — рассмеялся Маус. — Или ты думаешь, я забуду, что ты перехватил мою добычу?

— Ну, ты не можешь заграбастать всех сразу, Маус, — отозвался Томас и поспешил за Танни Ловенталь, мгновенно позабыв о Звездном Рубеже, операции, звездной рыбе и судьбах вселенной.

Месяц он проторчал в чреве Старой Луны. Мясники из психа разобрали его душу по камешкам и перестроили ее на

более здоровой основе. Первые три недели были настоящим адом. Психиатры постоянно заставляли его бороться с самим собой, проявляя при этом не больше сострадания, чем водитель броневика к своей заупрямившейся колымаге.

Они не принимали никаких отговорок. Они не терпели никаких задержек. Они продолжали снимать показания даже пока он спал, безостановочно записывая невероятные запасы воспоминаний, которыми его наградил Головастик. Они были безжалостны.

И эффективны.

Пребывание у сейнеров заставило его забыть о холодной целеустремленности своих соотечественников из флота. Он не был к этому готов. Он не был готов сопротивляться восстановлению.

И оно продвигалось быстрее, чем ожидали доктора.

Когда кризис миновал, они вскрыли его брюхо и запломбировали язву.

На двадцать девятый день к нему пустили посетителей.

— Только по двое за раз, — протестовала медсестра. — Войти могут только двое.

— Исчезните! — приказал ей Маус.

— Есть, сэр! Есть, капитан! Слушаюсь, сэр.

Две женщины едва не сбили Мауса с ног. Он выронил свои карманные шахматы. Фигурки раскатились по полу.

— Черт побери!

Грета плюхнулась на край кровати, наклонилась и обняла Мак-Кленнона.

— Как здорово, что ты вернулся! Я звонила каждый день с тех пор, как об этом услышала. Мне разрешили прийти только сегодня.

— Боже, Уолтер, — вмешалась Макс, старая подруга. — Что с тобой сделали? Ты выглядишь, как смерть на палочке.

— Вот за что я тебя и люблю, Макс. У тебя всегда найдется доброе слово. — Он сжал руку Греты. — Как ты, деточка? Как Академия?

Девушка начала болтать. Вмешалась Макс и затрещала о новых марках, появившихся в ее лавочке. Она приберегает их специально для него.

Маус собрал свои шахматы, положил коробку на тумбочку и уселся на стул. Он закинул ногу за ногу, подпер рукой под-

бородок и, едва заметно улыбаясь, принялся рассматривать Мак-Кленнона.

Томас отвернулся, пытаясь спрятать глаза.

— Уолтер, ты плачешь, — тихонько заметила Макс.

Мак-Кленнон закрылся рукой.

— Макс... Задание было тяжелым. Долгим и тяжелым. Я надолго заблудился. Я забыл... я забыл, что у меня есть друзья. Там я был так одинок.

— Но ведь там был Маус.

— Он был там. Без него бы... Он вытащил меня. Маус! Иди сюда. — Он взял Шторма за руку. — Спасибо, Маус. От всей души спасибо. И пусть это никогда не повторится.

На мгновение Маус сбросил все свои маски и позы. Он кивнул.

Грета снова защебетала. Мак-Кленнон обнял ее еще раз.

— Никак не могу в это поверить. Я думал, ты меня уже забыла.

— Как я могла?

— Кто я такой? Сентиментальный болван, который помог хорошенькой девушке, попавшей в беду. Мы никогда друг друга по-настоящему не знали.

Она обняла его в третий раз.

— Я тебя знала, — шепнула она. — Ты обо мне заботился. Это самое главное. Когда ты исчез, твои друзья всегда мне помогали.

Она уткнулась ему в плечо и всхлипнула.

Мак-Кленнон нахмурился и посмотрел на Макс.

— Твое Бюро заботилось о ней, как о родной дочери, — отозвалась та. — Еще ни с одним курсантом в Академии так не носились.

— А ты?

Макс пожала плечами:

— Я делала все, что могла. — Она смутилась. — А как же еще я могла за тобой уследить? У меня же нет связей.

— Я рада, что с тобой все будет в порядке, — промурлыкала Грета. — Папа?

На глазах Мак-Кленнона снова появились слезы.

— Не надо было? Я не хотела...

— Все хорошо, дорогая. Все хорошо. Я просто не был к этому готов.

Он сдавил ее так, что она выдохнула.

— С дороги, женщина! — прогремел кто-то в коридоре. Бэкхарт пинком распахнул дверь. — Иди ставь клизму кратеру Тихо! Исчезни и побледней!

Сестре пришлось во второй раз спешно ретироваться.

Адмирал окинул взглядом комнату.

— Кажется, все под контролем, — заметил Бэкхарт.

— Да, местечко становится людным, — отозвался Мак-Кленнон. — Должно быть, исключительно благодаря моему природному магнетизму.

Бэкхарт улыбнулся одной стороной рта.

— Н-да, в этом-то преступлении тебя никто обвинять не станет, сынок. Расставляй фигуры, Маус. Сыграем партию, уступим нашего пациента женщинам.

Едва началась игра и едва Мак-Кленнону удалось осушить слезы Греты, как дверь снова распахнулась. Сестра наблюдала за происходящим скорбно, но молча.

Лицо Танни Ловенталь отразило целую гамму эмоций. Наконец она остановилась на задиристой улыбке.

— Том, я-то думала, я буду первой. Никогда бы не подумала, что можно так быстро бегать на коротких ножках.

Они с Макс обменялись испепеляющими взглядами. Воздух разорвал лязг скрестившихся рапир. Потом Макс улыбнулась и представилась. Они с Танни миновали рифы первого знакомства в считанные секунды.

Бэкхарт взглянул на часы:

— Проклятие, уже поздно. Я сейчас кому-то...

В комнату торопливо вбежала сестра с переносным коммуникатором.

— Вам звонят, капитан Мак-Кленнон.

— Дайте-ка мне, — приказал адмирал и выхватил трубку из рук растерявшейся сестры. — Джонс? Нашел ее? Она на линии? Хорошо. Томас, твоя мать. — Он передал телефон Томасу и вернулся к игре.

Мак-Кленнон не знал, что ему делать и что говорить. Они с матерью стали почти чужими друг другу. Она была до мозга костей обитательницей Старой Земли, и они отчаянно ссорились с тех самых пор, как он вступил во флот. Их последняя встреча, как раз перед операцией у сейнеров, закончилась очень печально.

— Мама?

— Томми? Это действительно ты?

— Да.

— Я думала, ты погиб. Когда они явились ко мне в квартиру... Боже, мне сказали, что ты замешан в эту историю с войной. Из-за нее всю планету поставили с ног на голову. Повсюду патрули. Они хватают людей прямо на улицах!

— Да, я имею к этому кое-какое отношение...

Мама ничуть не изменилась. Ему не удавалось вставить ни слова.

— Мне сказали, ты женился. Она хорошая?

— У нас ничего не получилось, но она была очень хорошая. Она бы тебе понравилась.

Он оглядел присутствующих. Казалось, только адмирал догадывался, о чем его спрашивает мать.

Они говорили недолго. С тех пор, как они пошли разными путями, у них осталось мало тем для разговора. Достаточно было того, что, несмотря на все свои различия, они не были безразличны друг другу.

Закончив разговор, Мак-Кленнон передал телефон адмиралу.

— Благодарю вас, сэр.

— Я твой должник, Томас, одно задание за другим. Я отправил вас в ад на целых четыре года. Извиняться не буду. Вы — лучшие. Там и требовались лучшие. Но теперь я могу попытаться загладить свою вину. Я могу попытаться доказать тебе, что не все у тебя отнял... — Казалось, адмирал не может подобрать нужные слова.

— Благодарю вас, сэр.

На этот раз растерянная и смирившаяся сестра сама распахнула дверь. На пороге стоял юноша в черной форме гардемарина.

— Дядя Том?

— Хорст-Иоганн! Боже, приятель, тебя не узнать. Ты вырос на полметра!

К собравшимся присоединился сын Юппа фон Драхова. С тех пор, как его родители расстались, мальчик был ближе к Мак-Кленнону, чем к собственному отцу. Хорст остался на попечении отца и никак не мог простить тому его постоянное отсутствие. Томас никак не мог объяснить себе привязаннос-

ти парнишки. Мальчик видел отца гораздо чаще, чем его... Он вспомнил о своей матери и подумал, что дети по особой логике судят тот вид взрослых, который называется родителями.

Мак-Кленнон откинулся на подушках и окинул взглядом собравшихся. Кружок небольшой, подумалось ему, зато собрались настоящие друзья. На удивление хорошие друзья, если вспомнить о том, что ему пришлось пережить за последние годы... Друзья, которых, как ему часто казалось, он потерял.

Неужели он действительно так долго отсутствовал, заблудившись где-то в дебрях своего сознания?

Теперь вселенная казалась юной и свежей, созданной специально для него. Даже воспоминания, оставленные звездной рыбой, и надвигающийся из центра рок не могли ее омрачить.

Хорст-Иоганн простился первым, пообещав заглянуть в ближайшие выходные. За ним последовал Маус, которому пора было возвращаться к своим затянувшимся отчетам и рапортам, потом Танни, которая должна была заступить на свой пост на «Марафоне». Она исчезла, шепнув ему на ухо обещание, не оставившее у него сомнений, что его мужское достоинство не атрофировалось за недели в больнице.

Бэкхарт молча сидел на стуле и ждал с терпеливостью каменного изваяния Рамзеса.

— Пора уходить и нам, — объявила Макс через полчаса после ухода Танни. — Грете надо возвращаться к утренним занятиям. Будь умницей. И постарайся не подцепить еще одной блондиночки.

Мак-Кленнон самодовольно ухмыльнулся.

— Ты еще придешь?

— Конечно. Я глаз с тебя не спущу. Больше ты от меня не улизнешь... Да, много воды утекло, Уолтер.

Грета залилась румянцем.

— Спасибо, что пришла. И тебе, Грета. Спасибо. Иди сюда. — Он обнял ее и шепнул: — Если понадоблюсь, ты знаешь, где меня искать.

— Знаю.

— Очень важно знать, что ты кому-то нужен.

— Знаю. Я приду в субботу.

Когда женщины ушли, Бэкхарт еще несколько минут сидел молча.

— А вас не хватятся в конторе? — спросил наконец Мак-Кленнон.

— Я не такой незаменимый, как мне казалось, Томас. Я возвращаюсь после шестимесячной операции и обнаруживаю, что у них все схвачено и никаких проблем на горизонте.

— Что у вас на уме?

— На самом деле, я уже сказал это, лучше, наверное, не получится. Мне жаль, что пришлось так с тобой поступить.

— Вы сожалеете, но во второй раз сделали бы то же самое.

— Если придется. Но не думаю, что надо будет. Теперь, черт возьми, у нас затишье. Все внимание приковано к войне.

— А мы сможем извлечь какой-нибудь прок из Звездного Рубежа? Или из той информации, которую мне дали рыбы?

— Ну, насчет рыбы я не знаю. Она только доказывает, что у нас есть надежда. А Звездный Рубеж... Наши друзья-сейнеры занялись им вплотную. Планетка — настоящий заповедник военных технологий будущего. Некоторые самые простые системы можно будет использовать уже в следующей стычке.

— Боги мертвы. Да здравствуют боги, — сказал Мак-Кленнон про себя.

— Что?

— Да так, чепуха.

— Давным-давно, в другой жизни, я обещал тебе отпуск. А вместо этого послал на флот Пейна. На этот раз я посылаю тебя домой. Я уже передал в Приют, чтобы подготовили для вас дом. Бери с собой Мауса.

— Мауса?

— Маус вытаскивал тебя, когда становилось жарко. Теперь твоя очередь. Он на грани срыва. Сангарийцев нет, а его с детства питала именно ненависть к ним.

— Да. Понимаю.

Оказалось, чтобы покончить с операцией и передать дело в трибунал, потребовались целые горы писанины. С трибуналом удалось покончить, просто выступив с показаниями. Томас дал необходимые объяснения, все прошло гладко, без всяких проблем. Казалось, психотехи починили его так, что он стал лучше своего исходного варианта. Работал он как вол, и

у него еще оставались силы носиться с одной дружеской вечеринки на другую. Он вспоминал о Маусе, о тех днях, когда казалось, что Шторм бывает одновременно в десятке мест, занимается сотней дел и проектов одновременно.

Теперь Маус превратился в свою противоположность. Он ничего не мог довести до конца.

В конце концов все закончилось. «Марафон» принял их на борт и доставил на тихий мир Циньяна, названный Приютом за то, что стал домом для миллионов ушедших в отставку гражданских служащих и командного состава служб.

Но Танни Ловенталь это путешествие могло показаться унылым.

Возвращение домой. Последняя операция дала ему немного денег, немного марок и монет для коллекции, несколько старых и новых воспоминаний и перемирие с самим собой. Почему-то этого было недостаточно.

Но он обрел своих друзей, людей, которых ему так долго недоставало. Откуда же это разочарование?

На душе оставался один рубец, который психиатрам так и не удалось до конца залечить.

Он не мог забыть Эми.

Они ведь так и не порвали по-настоящему. Они так и не сказали «конец». Они просто пошли разными путями.

Он любил, чтобы все было расставлено по полочкам.

Шло время. Лето Циньяна превратилось в осень. Осень постепенно перешла в зиму. Маус с Мак-Кленноном играли в шахматы и ждали, становились все ближе, и наконец Маус рассказал всю историю своего прошлого, поведал о причинах своей ненависти к сангарийцам. Мак-Кленнон старался мягко поддержать друга, не дать ему окончательно скатиться в пропасть, потом все так же мягко начал помогать ему подняться на ноги.

Решение трибунала, постоянно откладываемое, не становилось ближе.

На Циньяне совсем не чувствовалось, что идет война. Луна-Командная в шесть раз увеличила свой флот и начала строить новые корабли, но во всем остальном жизнь в Конфедерации текла как прежде.

Время от времени наведывалась Танни. Макс и Грета тоже о нем не забывали.

И все же...

Иногда по ночам, когда темное зимнее небо было пугающе прозрачным, Мак-Кленнон откладывал в сторону коллекцию марок, коробку с монетами или роман, который начал писать, и выходил на веранду. Вздрагивая от холода, он смотрел на звезды, бледно светившиеся неземными созвездиями, и воображал огромные корабли, похожие на стальные летающие джунгли. Он думал о стадах золотых драконов и о прожившем миллионы лет звере, которого он научил шутить.

Он никогда не любил ее больше, чем теперь, когда она потеряна для него навсегда. Маус сказал ему... Возможно, она станет пугать его именем его собственного ребенка. Теперь она не стала бы его ненавидеть. Она бы поняла. Но есть еще условности, которые нужно соблюдать, и ветер общественного мнения, против которого не поплыть...

Жизнь никогда не идет так, как тебе хочется. Каждый подвержен действию социальных эквивалентов теорий этого мерзкого старикашки Гейзенберга.

Затрещал коммуникатор. Мак-Кленнон поднял трубку.

— Маус, — крикнул он через минуту, — на несколько дней заглянет Юпп.

Томас вернулся на террасу. Корабль прожег небо, спускаясь по направлению к сияющим башням города, чьи сказочные золотистые шпили поднимались над дальним лесом. Мак-Кленнон притворился, что это падающая звезда, и загадал желание.

— Сыграем партию, пока ждем?

— Давай, — усмехнулся Маус.

— Подожди лыбиться. На этот раз я тебя обыграю, приятель.

И он обыграл. В конце концов обыграл.

Содержание

Теневая Линия 5
Ловцы звезд 321
Звездный Рубеж 559

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших **фирменных магазинах:**

Москва

- Зеленоград, кор. 360, 3-й мкрн, тел. 536-16-46
- «Крокус-Сити», 65—66 км МКАД, тел. 754-94-25
- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр.1, тел. 232-19-05
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 110-89-55
- м. «Выхино», Самаркандский б-р, д. 17, тел. 372-40-01
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», м. «Маяковская», ул. Каретный ряд, 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», м. «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп.1, тел. 322-28-22

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. 8-8182-65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Вологда, ул. Зосимовская, д. 38, тел. (8172) 75-88-80
- г. Воронеж, ул. Лизюкова, 38а, тел. (0732) 13-07-91, 13-02-44
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. 8-0112-441095, 566095
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29
- г. Н. Новгород, ул. Б. Покровская, д. 1/61, тел. (8312) 33-79-80
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. 8-3532-41-18-05
- г. Череповец, Советский пр., д. 88А
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1, Волжская наб., д. 107

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru http://www.ast.ru

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Кук Глен

Теневая Линия
Ловцы звезд
Звездный Рубеж

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

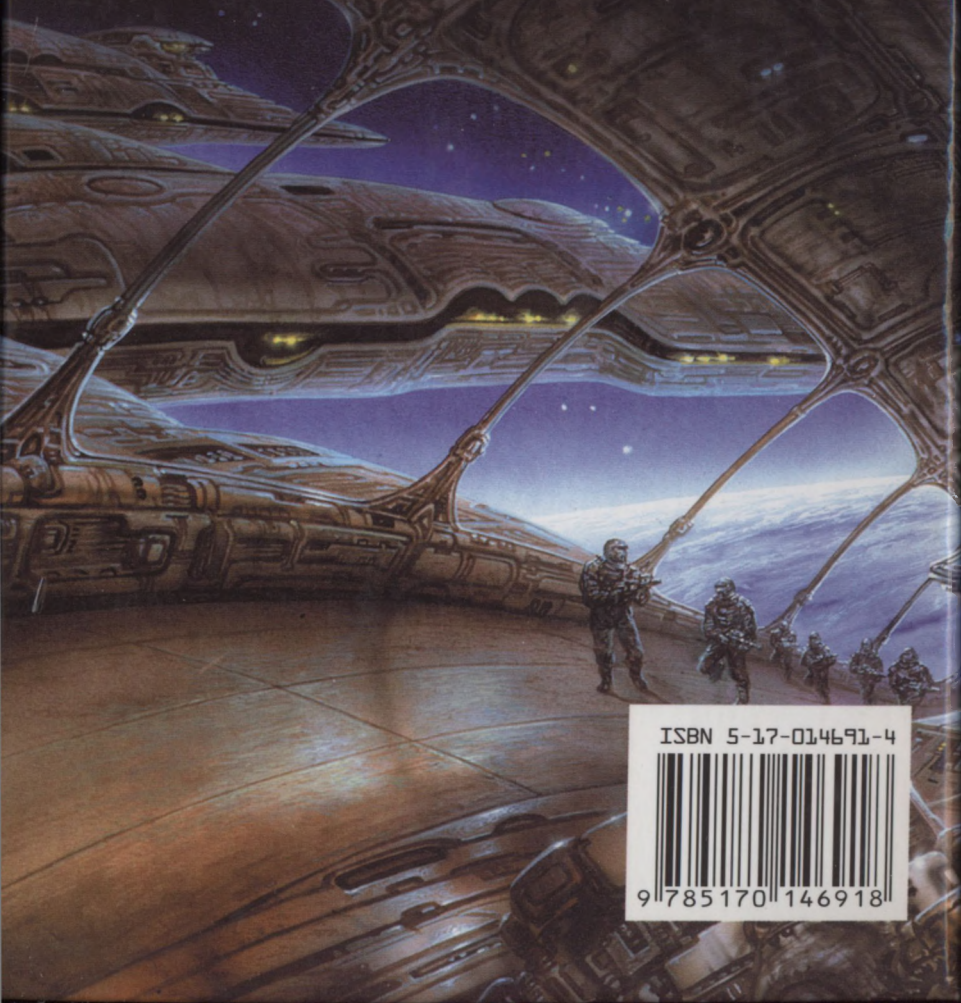
ООО «Издательство АСТ»
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии издательства
"Самарский Дом печати"
443086, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.
Качество печати соответствует предоставленным диапозитивам

Глен Кук — не только один из тех редкостных писателей, таланту которых в равной степени подвластны и научная фантастика, и фэнтези, но и писатель, обладающий оригинальнейшей особенностью — вышедшие из-под его пера научно-фантастические романы — это, по его же собственным словам, частенько «фэнтези, только переодетые в камуфляж».

Перед вами — история о кровной мести, в огне которой сгорают планеты, о вечном противостоянии армий величайших кондотьеров космоса — Гнея Юлия Шторма и Ричарда Хоксблада, — и о войне за баснословные сокровища недр Черного Мира. История о Ловцах Звезд, пасущих в дальних закоулках Вселенной стада разумных Звездных рыб, и о страшном отмщении страшного преступления. История о Планете Смерти, превращенной в самую неприступную твердыню Галактики, — и безжалостные битвы на Звездном Рубеже.

Перед вами — захватывающая трилогия Глена Кука «Теневая Линия», космическая сага, от которой невозможно оторваться.

ISBN 5-17-014691-4